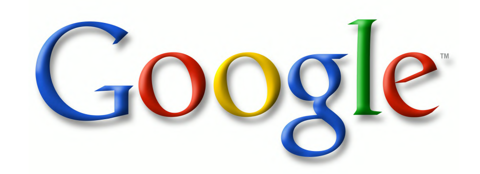
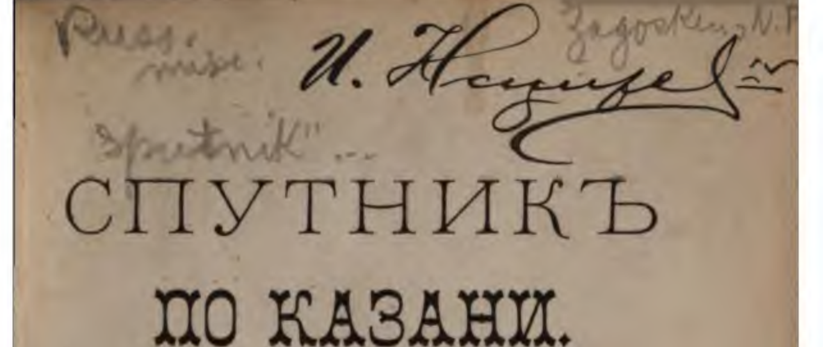


в
л
в
ко
въ
.,
ки,

оста



СПУТНИКЪ

ПО КАЗАНИ.

ллюстрированный указатель достопримѣчательностей

И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ГОРОДА.

Подъ редакціею профессора

Н. П. Загоскина.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1895.

[illegible] [illegible]. Казань, 15 сентября 1[illegible]

Нельзя не сознаться въ томъ, что русскіе города, не выключая и столицъ, еще весьма бѣдны какъ литературою по части своей исторіи, вообще, такъ и указателями ихъ историческихъ достопримѣчательностей и памятныхъ событій, въ связи съ необходимѣйшими статистическими, справочными и другими свѣдѣніями о современномъ состояніи этихъ городовъ. Въ силу этого, не только лица вновь прибывающія въ городъ или случайно посѣщающія его часто лишены бываютъ возможности болѣе или менѣе скоро оріентироваться въ немъ, но нерѣдко случается, что и коренные жители его оказываются весьма мало знакомыми съ прошлымъ и настоящимъ своего города. Въ Западной Европѣ почти каждый сколько нибудь значительный городъ имѣетъ нѣсколько „гидовъ“ съ важнѣйшими историческими и практическими указаніями и свѣдѣніями, облегчающими ознакомленіе съ нимъ въ прошломъ и настоящемъ. У насъ въ Россіи дѣло это еще вновѣ и относящаяся сюда литература не вышла пока изъ рамокъ опыта и болѣе или менѣе удачныхъ начинаній.

Если мы упомянемъ весьма сжатый и для настоящаго времени значительно устарѣвшій „**Указатель историческихъ достопримѣчательностей города Казани**“ проф. С. М. Шпилевскаго

Цензурою дозволено. Казань, 15 сентября 1895 года.

Нельзя не сознаться въ томъ, что русскіе города, е выключая и столицъ, еще весьма бѣдны какъ литера- урою по части своей исторіи, вообще, такъ и указате- ями ихъ историческихъ достопримѣчательностей и па- ятныхъ событій, въ связи съ необходимѣйшими статис- ическими, справочными и другими свѣдѣніями о совре- енномъ состояніи этихъ городовъ. Въ силу этого, не олько лица вновь прибывающія въ городъ или слу- айно посѣщающія его часто лишены бываютъ возмож- ости болѣе или менѣе скоро оріентироваться въ немъ, о нерѣдко случается, что и коренные жители его ока- ываются весьма мало знакомыми съ прошлымъ и настоя- щимъ своего города. Въ Западной Европѣ почти каждый сколько нибудь значительный городъ имѣетъ нѣсколько „гидовъ“ съ важнѣйшими историческими и практиче- скими указаніями и свѣдѣніями, облегчающими ознаком- леніе съ нимъ въ прошломъ и настоящемъ. У насъ въ Россіи дѣло это еще вновѣ и относящаяся сюда литера- тура не вышла пока изъ рамокъ опыта и болѣе или менѣе удачныхъ начинаній.

Если мы упомянемъ весьма сжатый и для настоя- щаго времени значительно устарѣвшій „Указатель историческихъ достопримѣчательностей города Казани“ проф. С. М. Шпилевскаго

(Каз. 1873 г.) и, опустивъ рядъ компилятивныхъ и, въ большинствѣ, небрежно составленныхъ разнаго рода „указателей“, „справочныхъ книжекъ“, „адресъ-календарей“ и т. п. стряпни, каждое лѣто выходящей со станковъ мѣстныхъ типографій, укажемъ объемистый и капитальный трудъ М. Н. Пинегина: „Казань въ ея прошломъ и настоящемъ“ (Спб. 1890 г., изданіе книгопр. А. А. Дубровина)—то будемъ имѣть передъ собою всю текущую литературу, которую можно рекомендовать для ознакомленія съ историческимъ прошлымъ, достопримѣчательностями и съ современнымъ состояніемъ города Казани.

Только что высказаннымъ соображеніемъ оправдывается появленіе въ свѣтъ настоящей книжки, въ которой составитель задался цѣлью представить историческое описаніе казанскихъ достопримѣчательностей, въ связи съ исторіею города Казани и съ его современнымъ состояніемъ, присовокупивъ и важнѣйшія справочныя свѣдѣнія [1]), которыя, при послѣдующихъ изданіяхъ книги, будутъ соотвѣтствующимъ условіямъ времени образомъ измѣняться и пополняться. Въ виду того, что общедоступность состав-

---

[1]) Лицамъ, нуждающимся въ хорошей и полной адресной книжкѣ г. Казани, мы рекомендуемъ изданіе К. Г. Козьмина: «Адресная книжка г. Казани» (цѣна безъ перес. 40 коп.). Здѣсь, въ алфавитномъ порядкѣ, указаны адреса лицъ служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, различныя учрежденія г. Казани, конторы и агентуры, торговыя фирмы и т. п. Это единственное удачное казанское изданіе подобнаго характера.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕННЫХЪ КЪ КНИГѢ ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Стран

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕННЫХЪ КЪ КНИГѢ ИЛЛЮСТРАЦІИ.

[redacted]

Стр.

[redacted]

Стр.

Б. XVII-ый—XIX-ый вѣка.

I. Устройство и управленіе города и края.

II. Почетные гости города Казани.

а) Пребываніе въ Казани Высочайшихъ Особъ.

б) Пребываніе въ Казани другихъ почетныхъ посѣтителей.

[redacted]

III. Духовно-просвѣтительная дѣятельность въ Казанскомъ краѣ XVII—XIX вѣковъ.

а) *Монастырская колонизація въ Казанскомъ краѣ.*

б) *Миссіонерская дѣятельность въ Казанскомъ краѣ.*

Стр.

[redacted]

Стр. Стр.

СОВРЕМЕННАЯ КАЗАНЬ.

Нѣкоторыя общія свѣдѣнія о городѣ и его описаніе.

I.

Нѣкоторыя общія свѣдѣ… дѣ Казани.

II.

Краткое описаніе города Казани.

I. Топографія города и общее его описаніе. Сообщенія города.

Стр.

Улицы, площади, сады, памятники и внѣшнее, вообще, благоустройство города.

III. Монастыри, церкви и другія мѣста моленій.

IV. Театръ и другія мѣста увеселеній. Гулянья.

V. Правительственныя, общественныя и коммерческія установленія и учрежденія.

VI. Гостинницы и рестораны. Мѣста торговли. Бани и купальни.

III.

Окрестности и дачныя мѣста города Казани.

а) *По рѣкѣ Волгѣ.*

[redacted]

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ,

(Съ отдѣльною нумераціею страницъ).

Пути с[illegible]ь Казани.

II.

Сообщенія городскія и пригородныя.

III.

Почта, телеграфъ, телефонъ.

[redacted]

Стр.

IV.

Врачебная помощь.

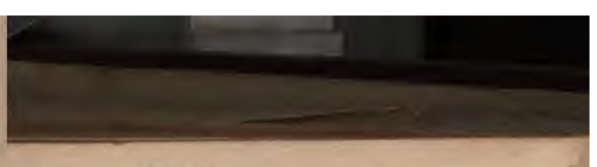
[redacted]

КРАТКІЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ КНИГ

(*Кромѣ справочнаго отдѣла*).

[redacted]



КАЗАНЬ

И

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО

ДО ПОКОРЕНІЯ ИХЪ

РУССКОЙ ДЕРЖАВѢ.

[redacted]

I.

Древнѣйшая исторія края и возникновеніе Старой Казани.

Немного данныхъ сохранила намъ исторія о далекомъ прошломъ обширнаго Волжско-Камскаго края, въ предѣлахъ котораго зародилось въ концѣ XIV вѣка мусульманское Казанское царство, въ теченіи полутора вѣка выдерживавшее упорную борьбу съ нимъ Московскаго государства, борьбу, окончившуюся лишь въ 1552 году взятіемъ столицы этого царства, города Казани, и послѣдовавшимъ за тѣмъ подчиненіемъ русской державѣ бывшихъ владѣній царей Казанскихъ.

Богатое приволье края, ограниченнаго частью средняго теченія р. Волги, съ запада, и нижняго теченія рѣкъ Камы и Вятки, съ юга и востока, образующаго въ наши дни сѣверо-восточную часть Казанской губерніи и быв-

Доисторическая археологія, обнаруживъ въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи вполнѣ явственные слѣды каменнаго вѣка, то въ видѣ отдѣльныхъ находокъ каменныхъ орудій, то въ видѣ остатковъ стоянокъ человѣка этой отдаленной эпохи, приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что край этотъ былъ обитаемъ еще въ незапамятныя времена.

Отецъ исторіи, Геродотъ, населяетъ невѣдомыя его современникамъ страны, соотвѣтствующія нынѣшнему Камско-Волжскому краю, баснословными народами «вудиновъ» и «меланхленовъ». Преданія древнѣйшей русской лѣтописи говорятъ вполнѣ опредѣленно о великомъ водномъ пути — рѣкѣ Волгѣ, которою можно идти въ Болгары, къ Каспійскому (Хвалынскому) морю и, далѣе, «въ жребій Симовъ», т. е. на азіатскій востокъ; Чудь, Черемиса, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Пермь—указываются нашею начальною лѣтописью въ качествѣ древнихъ насельниковъ края.

Достовѣрная исторія застаетъ территорію, бывшую колыбелью будущаго царства Казанскаго, заселенною черемисами и вотяками—народностями финскаго корня, время разселенія которыхъ здѣсь остается до сихъ поръ не выясненнымъ нашими историками и этнологами; сохранились лишь извѣстія, что народности эти не знали еще осѣдлаго образа жизни, отличались воинственностью, соединенною съ хищничествомъ и коварствомъ, и были чрезвычайно преданы колдовству, что обусловливалось самымъ складомъ ихъ религіозныхъ вѣрованій.

Финскія племена, населявшія сѣверо-восточную часть нынѣшней Казанской губерніи, должны были уже очень рано прійти въ соприкосновеніе съ Волжскими Булгарами. Такъ называлась тюркская народность, принявшая въ себя значительную примѣсь финскаго и славянскаго элементовъ и уже въ X вѣкѣ отъ Р. Хр. являющіяся сплоченною въ государственность, широко рас-

[redacted]

кинувшую свои владѣнія по среднему Поволжью и по Прикамью. Находясь издавна въ торговыхъ, а подъ-часъ и въ враждебныхъ, отношеніяхъ къ древней Руси, булгары поддерживали оживленныя сношенія и съ востокомъ, до предѣловъ отдаленнаго мусульманскаго халифата включительно: эти послѣднія сношенія должны были сдѣлаться еще болѣе тѣсными послѣ того, какъ булгары, бывшіе до того язычниками, приняли въ первой половинѣ X в. исламъ.

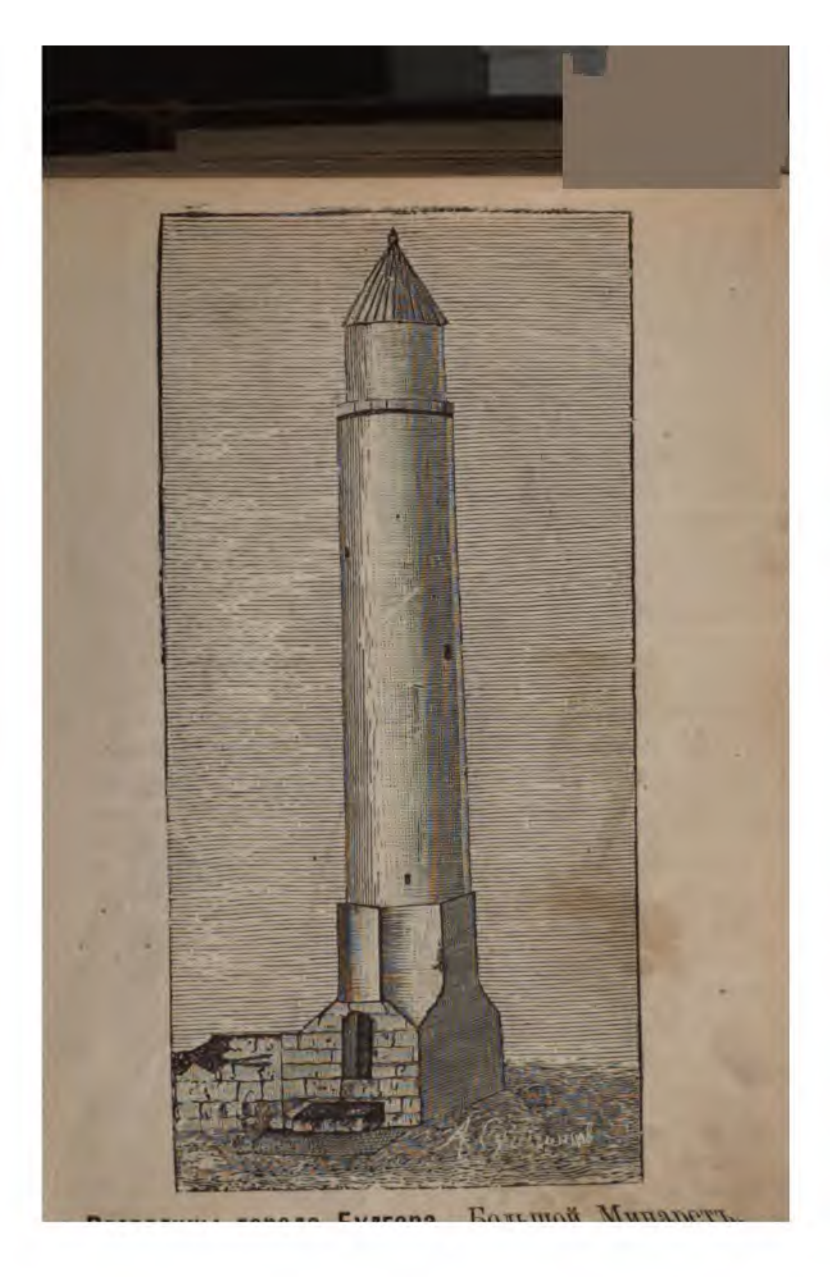
Памятникомъ владычества булгаръ въ Среднемъ Поволжьи и въ нижнемъ Прикамьи осталось множество городищъ, т. е. остатковъ мѣстъ древнихъ городскихъ поселеній, сохранившихся въ видѣ обнесенныхъ валами и рвами площадей, большею частью укрѣпленныхъ не только рукою человѣка, но и самою природою, благодаря расположенію этихъ городищъ на береговыхъ кручахъ и мысахъ, между оврагами и т. п. Находки древностей, обнаруживаемыя въ предѣлахъ этихъ городищъ или въ окрестностяхъ ихъ,—какъ то: разнаго рода украшенія изъ золота, серебра, мѣди, камня и стекла, золотоордынскихъ и другихъ восточныхъ монетъ, оружія, предметовъ быта, —даютъ археологу возможность возстановить до извѣстной степени условія и обстановку жизни древнихъ булгаръ; богатѣйшія собранія булгарскихъ древностей сосредоточены въ настоящее время въ коллекціяхъ Казанскаго Городскаго Музея и въ музеѣ мѣстнаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Нѣкоторыя изъ булгарскихъ городищъ пріурочиваются къ исторически извѣстнымъ древнимъ булгарскимъ городамъ. Таковы: Булгарское городище, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и въ девяти верстахъ отъ волжской пристани «Спасскій Затонъ (Березовая Гривка)», верстахъ въ 85-ти ниже Казани, представляющее собою остатокъ славнаго города Булгара, бывшей столицы царства волжскихъ булгаръ; Билярское городище, у пригорода Билярска, Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи, находящееся на мѣстѣ древняго города Бюляра; Жукотинское и Ка-

[redacted]

шанское городища, на р. Камѣ, первое—близъ г. Чистополя, второе—близъ села Шурана, сохранившія наименованія древнихъ городовъ Жукотина (вѣрнѣе—Джукетау) и Кашана и др.

Булгарское городище, находящееся при селѣ, а отчасти и въ самой чертѣ села Успенское-Болгары, представляетъ собою, безспорно, одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ русскихъ древностей, заслуживающій полнаго вниманія туриста. Здѣсь, до нашихъ дней, сохранились еще остатки древнихъ зданій города Булгара, изъ которыхъ три зданія, — двѣ палаты и одинъ минаретъ,—сохранились въ первоначальномъ видѣ своемъ. Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія количество развалинъ было здѣсь гораздо значительнѣе, но время, а отчасти варварство и хищническая рука человѣка, все болѣе и болѣе содѣйствовали ихъ уничтоженію. Развалины г. Булгара обратили на себя вниманіе Императора Петра Великаго и Императрицы Екатерины II, лично посѣтившихъ ихъ и издавшихъ указы объ охраненіи этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Особенно много посодѣйствовалъ разрушенію булгарскихъ развалинъ казанскій епископъ и фанатичный миссіонеръ половины прошлаго вѣка, Лука Конашевичъ, приказавшій истреблять ихъ въ виду почитанія, оказываемаго окрестными мусульманами этимъ памятникамъ ихъ старины; часть строительнаго матеріала, добытаго при разрушеніи булгарскихъ развалинъ, пошла на сооруженіе церкви бывшаго здѣсь прежде монастыря, а двѣ сохранившіяся въ цѣломъ видѣ своемъ палаты, были обращены, одна—въ небольшую церковь, другая—въ монастырскій погребъ.

Лучшая пора настала для развалинъ города Булгара съ 1881 г, когда, по воспослѣдовавшему Высочайшему повелѣнію, онѣ переданы были попеченію Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, съ выдачею послѣднему, на охраненіе и поддержку этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, ежегодной субсидіи въ 300 рублей. За послѣдніе годы Общество это произвело реставрацію двухъ любопытнѣйшихъ и сохранившихся еще въ первоначальномъ видѣ своемъ зданій древняго Булгара,—такъ называемой «Черной Палаты» и Ми-



Развалины города Булгара. Большой Минаретъ.

парета, произвело раскопку и расчистку развалинъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ Большаго Четырехугольника (предполагаемый ханскій дворецъ) и Бѣлой Палаты (бани), и организовало охрану всѣхъ булгарскихъ памятниковъ *).

Вотско-черемисское населеніе сѣвернаго побережья р. Камы, издавна находившееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Булгаромъ, должно было уже весьма рано подчиниться культурному вліянію его въ отношеніи не только бытовомъ и религіозномъ, но и въ отношеніи политическомъ, все болѣе и болѣе сливаясь съ кореннымъ булгарскимъ населеніемъ. Это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе относительно возможности уже весьма ранняго возникновенія здѣсь булгарскаго укрѣпленнаго поселка, какъ средоточія булгарскаго политическаго и торговаго вліянія въ этомъ районѣ, и возникновенія его именно на мѣстѣ будущей Старой Казани; мы увидимъ ниже, что, возникнувъ первоначально на правомъ берегу средняго теченія рѣки Казанки, Казань лишь въ исходѣ XIV вѣка была перенесена отсюда къ устью той-же рѣки, на мѣсто нынѣшняго расположенія этого города, чѣмъ и обусловливается историческое различіе Казани „Старой“ и Казани „Новой“. Такое предположеніе устраняетъ недоразумѣніе, которое можетъ быть вызвано внезапнымъ появленіемъ Казани на пустомъ мѣстѣ, внѣ всякой связи ея съ предшествовавшею исторіею сѣвернаго низоваго Прикамья. При этомъ предположеніи придется допустить,

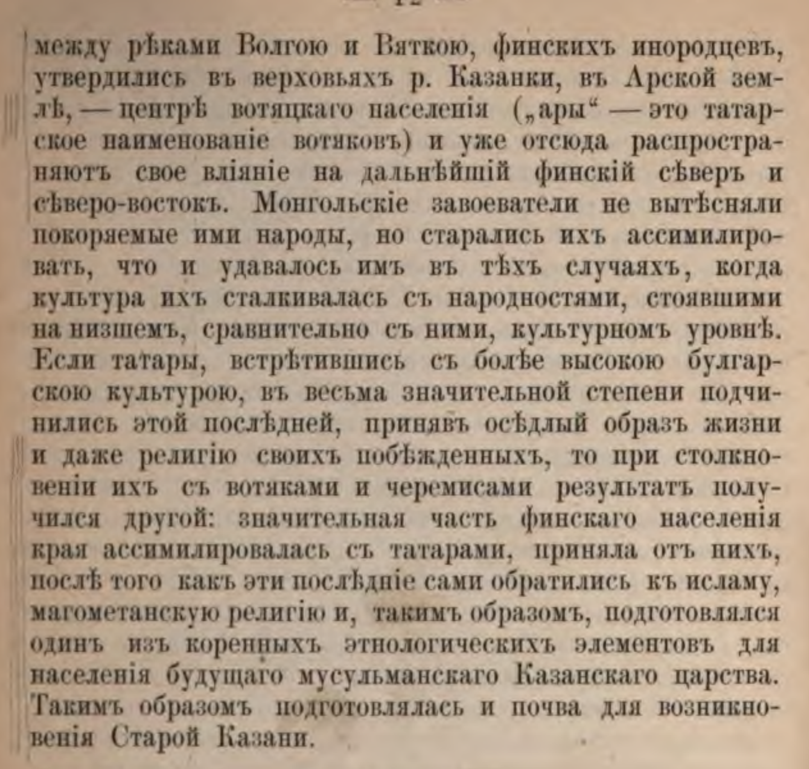
*) Желающіе предпринять экскурсію въ Болгары должны брать пароходный билетъ отъ Казани до пристани Спасскій Затонъ (Березовая Гривка), находящейся въ 85-ти верстахъ ниже Казани; на этой пристани всегда имѣются лошади для поѣздки въ с. Успенское-Болгары, отстоящее отъ Волги всего въ 9-ти верстахъ.

[redacted]

что возникновеніе въ долинѣ средняго теченія р. Казанки Старой Казани было уже въ значительной степени подготовлено проникновеніемъ въ этотъ, первобытный еще въ ту пору, край булгарской колонизаціи и культуры. Какъ бы то ни было, но эта Старая булгаро-татарская Казань не могла играть никакой сколько нибудь замѣтной политической роли въ ту пору, когда крѣпко держалось еще Булгарское царство.

Возникновеніе Старой Казани должно быть поставлено въ тѣсную связь съ покореніемъ татарами восточной Европы. Первое нашествіе татаръ на страны, лежащія къ сѣверо-западу отъ Каспійскаго моря, относится, какъ извѣстно, къ 1223 г. Существуютъ вполнѣ вѣскія основанія утверждать, что, уже во время этого перваго вторженія въ восточную Европу, татарскіе вожди повоевали Булгарское царство. Но окончательный разгромъ и покореніе ими этого царства относится къ 1236 году, къ эпохѣ приснопамятнаго похода Батыя на Русь. Булгарамъ первымъ довелось испытать на себѣ силу татарскаго натиска. Осенью названнаго года Булгарія была подвергнута полнѣйшему разгрому. „Великій Городъ",— онъ же г. Булгаръ, столица царства, — былъ преданъ огню; большая часть населенія его истреблена или уведена въ плѣнъ; богатая добыча досталась на долю побѣдителей. Разгромомъ булгарской столицы дѣло не ограничилось: по свидѣтельству русскихъ лѣтописей— „татарове всю землю булгарскую поплѣниша".

Всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что, покоривъ прикамскіе булгарскіе города, побѣдители



между рѣками Волгою и Вяткою, финскихъ инородцевъ, утвердились въ верховьяхъ р. Казанки, въ Арской землѣ, — центрѣ вотяцкаго населенія („ары“ — это татарское наименованіе вотяковъ) и уже отсюда распространяютъ свое вліяніе на дальнѣйшій финскій сѣверъ и сѣверо-востокъ. Монгольскіе завоеватели не вытѣсняли покоряемые ими народы, но старались ихъ ассимилировать, что и удавалось имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда культура ихъ сталкивалась съ народностями, стоявшими на низшемъ, сравнительно съ ними, культурномъ уровнѣ. Если татары, встрѣтившись съ болѣе высокою булгарскою культурою, въ весьма значительной степени подчинились этой послѣдней, принявъ осѣдлый образъ жизни и даже религію своихъ побѣжденныхъ, то при столкновеніи ихъ съ вотяками и черемисами результатъ получился другой: значительная часть финскаго населенія края ассимилировалась съ татарами, приняла отъ нихъ, послѣ того какъ эти послѣдніе сами обратились къ исламу, магометанскую религію и, такимъ образомъ, подготовлялся одинъ изъ коренныхъ этнологическихъ элементовъ для населенія будущаго мусульманскаго Казанскаго царства. Такимъ образомъ подготовлялась и почва для возникновенія Старой Казани.

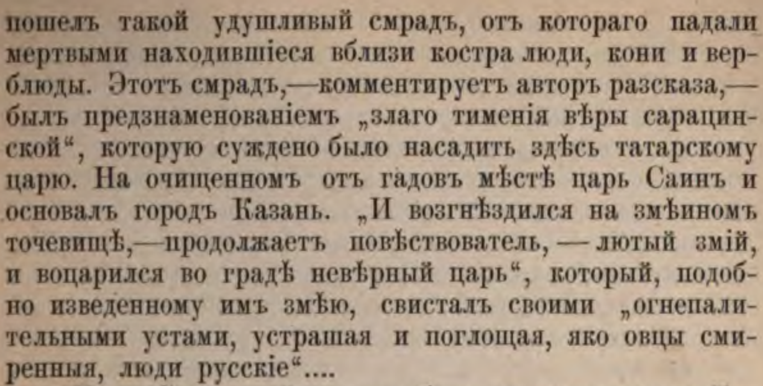
Начальная исторія Казани, какъ и начальная исторія большей части древнихъ городовъ, окутана цѣлою пеленою миѳовъ, легендъ и преданій.

Древнѣйшая легенда объ основаніи Старой Казани ставитъ это событіе въ непосредственную связь съ покореніемъ татарами Булгарскаго царства и съ личностью

[redacted]

перваго преемника Батыя. Относящаяся сюда легенда занесена на страницы русскаго хронографа второй половины XVI-го вѣка, извѣстнаго подъ названіемъ „Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя“.

По смерти царя Батыя, — повѣствуется здѣсь,— преемникомъ ему сдѣлался царь Саинъ. Разгнѣвавшись на русскихъ князей, не явившихся къ нему въ Орду на поклонъ, Саинъ предпринялъ походъ на Русь. Умилостивленный дарами выѣхавшихъ къ нему на встрѣчу русскихъ князей, царь оставилъ намѣреніе воевать землю ихъ, рѣшивъ основать на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтили его князья, городъ „на славу имени своему“ и для остановки татарскихъ пословъ, ходящихъ въ Русь за данью. Мѣсто для будущаго города, обильное всѣми благами земными, найдено было на правомъ берегу р. Казанки. Царю Саину мѣсто это полюбилось, но оно представляло серьезное препятствіе для построенія города: эта мѣстность пользовалась репутаціею „гнѣзда зміева“; здѣсь гнѣздился страшный двуглавый змѣй, имѣвшій одну главу—змѣиную, другую—воловью. Первою главою пожиралъ онъ людей и животныхъ, второю—питался травой. Кругомъ логовища этого чудовища гнѣздилось множество и другихъ змѣй. Всѣ избѣгали это „змѣиное точевище“ и далеко обходили его „свистанія ради змѣинаго“. Жалко стало царю Саину отказаться отъ мысли поставить на облюбованномъ имъ мѣстѣ городъ. На выручку ему явился какой то деревенскій колдунъ, который и взялся очистить мѣсто это отъ гадовъ. Силою чаръ своихъ онъ собралъ всѣхъ змѣй въ одну кучу, обложилъ ее сѣномъ и хворостомъ, полилъ сѣрою и смолою и — поджогъ. Всѣ змѣи погибли въ огнѣ, причемъ по всей окрестности



пошелъ такой удушливый смрадъ, отъ котораго падали мертвыми находившіеся вблизи костра люди, кони и верблюды. Этотъ смрадъ,—комментируетъ авторъ разсказа,—былъ предзнаменованіемъ „злаго тименія вѣры сарацинской“, которую суждено было насадить здѣсь татарскому царю. На очищенномъ отъ гадовъ мѣстѣ царь Саинъ и основалъ городъ Казань. „И возгнѣздился на змѣиномъ точевищѣ,—продолжаетъ повѣствователь, — лютый змій, и воцарился во градѣ невѣрный царь“, который, подобно изведенному имъ змѣю, свисталъ своими „огнепалительными устами, устрашая и поглощая, яко овцы смиренныя, люди русскіе“....

Царь Саинъ крѣпко полюбилъ основанную имъ Казань,—продолжаетъ тоже сказаніе, — и часто приходилъ сюда на временное жительство изъ стольнаго города своего Сарая, почему вновь основанный городъ и сталъ носить названіе „Саинова Юрта“.

Таково древнѣйшее преданіе объ основаніи Старой Казани. Здѣсь, прежде всего, вызываетъ недоумѣніе имя Батыева преемника и основателя города—Саина. Ни въ числѣ ближайшихъ преемниковъ Батыя, ни въ спискахъ хановъ золотой Орды, вообще—не встрѣчается ни одного властителя, который носилъ бы это имя. Недоумѣніе это весьма просто разъясняется оріенталистикою: слово „саинъ“ — не есть имя собственное, но только предикатъ, почетное наименованіе, означающее собою: „превосходный“, „славный“,—предикатъ, который очень часто прилагался къ именамъ восточныхъ властителей. Съ этой точки зрѣнія личность „царя Саина“—должна быть признана безусловно фантастическою. Не большаго вниманія заслуживаетъ и разсказъ хронографа о походѣ мнимаго

[redacted]

царя Саина на Русь черезъ дебри и лѣса нынѣшней долины рѣки Казанки: этимъ окольнымъ и труднымъ путемъ никто и никогда не ходилъ ни изъ Орды въ Русь, ни изъ Руси въ Орду.

Интереснѣе легендарное сказаніе о змѣяхъ, связываемое съ основаніемъ Казани. Миѳъ о змѣяхъ—это мотивъ весьма распространенный во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Если въ исторіи человѣческой культуры мы имѣемъ примѣры почитанія змѣй, какъ существъ благопріятствующихъ судьбѣ человѣка, на почвѣ каковаго почитанія создался даже цѣлый культъ змѣепоклонства (офіолатрія), то, съ другой стороны, издревле же существовало и воззрѣніе на змѣю, какъ на олицетвореніе зла, какъ на олицетвореніе губительнаго, по отношенію къ человѣку, начала. Миѳическій, живущій въ горахъ, крылатый змѣй или драконъ (змѣй - Горынычъ нашихъ былинъ, Bergewa.t германскихъ сказаній) представляетъ собою один изъ излюбленныхъ мотивовъ народнаго эпоса. Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства сдѣлалъ змѣя—дракона символомъ діавола, ада и всего враждебнаго добру и благочестію, въ частности же — олицетвореніемъ язычества. Теперь не трудно будетъ намъ добраться до смысла легенды о змѣяхъ и „змѣиномъ точевищѣ“, фигурирующей въ преданіи объ основаніи Казани. Побѣда надъ змѣями и уничтоженіе „гнѣзда зміева“— олицетворяютъ собою торжество надъ нечистымъ началомъ, побѣду свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ, въ болѣе же общихъ чертахъ — торжество магометанства надъ язычествомъ аборигеновъ края. Мы имѣемъ основанія утверждать, что финскіе насельники Камско - Волжскаго края были въ старину не чужды змѣиному культу.

Арабъ Ибнъ-Фадланъ, лично бывшій въ X-мъ вѣкѣ въ Булгаріи, свидѣтельствуетъ, что въ этой странѣ водится множество змѣй, которыхъ никто не убиваетъ. „Казанская исторія неизвѣстнаго сочинителя“ разсказываетъ, что въ эпоху казанской самобытности на высокомъ берегу р. Камы стоялъ небольшой городокъ, носившій названіе „Бѣсовскаго городища“ *); здѣсь обиталъ какой-то „бѣсъ“, къ которому со всей земли стекались „варвары и черемисы, мужи и жены“, приносившіе ему жертвы и получавшіе отъ бѣса прорицанія. За три года до паденія Казани, царица казанская Сююнбека посылала вопросить этого оракула — устоитъ ли городъ ея противъ русскихъ? „Что вы докучаете мнѣ?—отвѣтилъ оракулъ.— Не ждите отъ меня помощи: я ухожу отсюда, изгоняемый силою христіанскою“... Вслѣдъ затѣмъ, въ густыхъ клубахъ чернаго дыма, вылетѣлъ изъ городища большой огненный змѣй. Интересное сопоставленіе: миѳомъ о крылатомъ змѣѣ и начинается и заканчивается кругъ легендъ объ эпохѣ самостоятельнаго существованія Казани.

Разбираясь въ приведенной выше легендѣ объ основаніи Казани, мы приходимъ къ двумъ выводамъ: а) основаніе Старой Казани послѣдовало послѣ покоренія татарами Булгарскаго царства и б) основателемъ этого города явился одинъ изъ ордынскихъ хановъ-саиновъ, преемниковъ Батыя. Основателемъ Казани не могъ быть ни одинъ изъ двухъ царствовавшихъ сыновей Батыя,— ни Сартакъ, ни Улагджи: ихъ царствованія были слишкомъ кратковременными и не удѣляютъ мѣста для политики на дальнемъ сѣверѣ. Къ какому же времени можетъ

*) Нынѣшнее «Чертово Городище» близъ Елабуги?

[redacted]

быть пріурочено начало Старой Казани, основанной кѣмъ то изъ преемниковъ Батыя на среднемъ теченіи р. Казанки и уже впослѣдствіе перенесенной къ берегамъ Волги? Не утруждая вниманіе читателя довольно сложными хронологическими вычисленіями, укажемъ лишь, что хронологическія даты, почерпаемыя изъ татарскихъ рукописей и устныхъ преданій, указываютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ на десятилѣтіе 1288-го—1298-го годовъ, какъ на эпоху основанія Старой Казани.

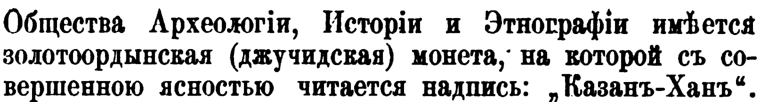
Но кто же изъ ордынскихъ хановъ могъ явиться основателемъ этого города? Для того, что бы подойти къ рѣшенію этого вопроса, мы должны остановиться на самомъ происхожденіи названія „Казань“. Всѣмъ извѣстно ходячее объясненіе названія Казани — словомъ „котелъ“ („казанъ“ — значитъ по-татарски „котелъ“). Разсказываютъ при этомъ, что ханскій служитель уронилъ въ рѣку котелъ, вслѣдствіе чего ханъ и назвалъ словомъ „Казанъ“ какъ рѣку, такъ и городъ, стоявшій на этой рѣкѣ. Другое, не менѣе наивное, толкованіе гласитъ, что рѣка Казанка получила свое названіе отъ множество имѣющихся въ ней омутовъ—котловинъ. Пытались даже объяснять названіе Казани топографическими ея условіями, указывая, что низменныя части этого города лежатъ какъ-бы въ „котловинѣ“. Но еще въ 1817-го году профессоръ Фуксъ заявилъ въ своей „Краткой исторіи Казани“, что городъ Казань, по всей вѣроятности, получилъ названіе это отъ имени своего основателя. Въ 1877-го году, на происходившемъ въ Казани IV-мъ Археологическомъ съѣздѣ, мѣстный оріенталистъ, нынѣ академикъ, В. В. Радловъ, реферировалъ русскій переводъ сочиненія казанскаго мусульманскаго ахуна, муллы

Шихабъ-уд-дина Багауддинова, подъ заглавіемъ: „Исторія Казанскаго и Булгарскаго царствъ“, впослѣдствіе напечатанный въ „Трудахъ“ названнаго съѣзда. Объявивъ въ этомъ трудѣ своемъ вымысломъ всѣ розсказни о происхожденіи названія „Казань“, авторъ высказываетъ мысль, что Казань ведетъ это названіе отъ имени своего основателя, которымъ онъ и считаетъ сарайскаго хана Казанъ-Хана, одного изъ потомковъ Батыя, царствовавшаго въ Ордѣ „послѣ Токтагу-Хана и прежде Узбекъ-Хана“. Между тѣмъ, въ имѣющихся спискахъ сарайскихъ хановъ, не встрѣчается ни одного хана съ такимъ именемъ. Что же это за таинственный Казанъ-Ханъ, котораго вовсе не знаетъ исторія Золотой Орды? Намъ удалось найти разрѣшеніе этого недоумѣнія въ сочиненіи Гаммера: „Исторія Золотой Орды“ (пештское изданіе 1840 года на нѣмецкомъ языкѣ), гдѣ читаемъ буквально слѣдующее:

„Туда-Менгу носилъ также придаточное имя Казгана, подобно тому, какъ братъ и предшественникъ его Менгу Тимуръ носилъ такое же придаточное имя Килка. Казганъ означаетъ собою тоже, что Казанъ, именно — котелъ, а названіе Килкъ—означаетъ родъ разукрашеннаго покрывала. Такимъ образомъ, придаточныя имена этихъ братьевъ были заимствованы отъ принадлежностей домашняго обихода“.

Гаммеръ добавляетъ, что эти придаточныя имена братьевъ — хановъ были чисто народными прозвищами, не употреблявшимися, напримѣръ, на монетахъ ихъ. По этому поводу можемъ только привести выдающійся нумизматическій фактъ: въ минцъ-кабинетѣ Казанскаго

[redacted]



Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи имѣется золотоордынская (джучидская) монета, на которой съ совершенною ясностью читается надпись: „Казанъ-Ханъ“.

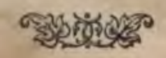
И такъ, мы приходимъ къ тому положенію, что Казанъ-Ханъ муллы Багауддинова и извѣстный золотоордынскій ханъ Туда-Менгу — одна и таже личность. Время царствованія Туда-Менгу вполнѣ извѣстно намъ изъ исторіи хановъ Золотой Орды: вступивъ на сарайскій престолъ по смерти брата своего Менгу-Тимура, онъ занималъ этотъ престолъ въ теченіи шести лѣтъ, съ 1282 по 1288 годъ. Выше сказали мы, что время основанія Старой Казани опредѣляется промежуткомъ десятилѣтія 1288—1298 годовъ. Совпаденіе годовъ—поразительное. Если мы примемъ въ соображеніе, что всѣ дошедшія до насъ монеты Туда-Менгу чеканены въ Булгарѣ, къ которому ханъ этотъ имѣлъ, повидимому, какое то особенно близкое соотношеніе, и что какъ разъ въ 1288 году властитель этотъ безслѣдно изчезаетъ со страницъ исторіи Золотой Орды, то мы будемъ, кажется, имѣть право считать вопросъ о началѣ Старой Казани рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что городъ этотъ основанъ около 1288 года ордынскимъ ханомъ Туда-Менгу,—онъ же и Казанъ-Ханъ.

Городище этой первоначальной, такъ называемой «Старой», Казани, сохранилось до нашихъ дней въ 45-ти верстахъ отъ современной Казани, въ двухъ верстахъ въ сторону отъ большаго Сибирскаго тракта, на высокомъ и обрывистомъ правомъ берегу рѣки Казанки, противъ деревни Князь-Камаевой, извѣстной среди татаръ подъ названіемъ «Иски-Казань», что въ русскомъ переводѣ и значитъ: «Ста-

женія древняго города. Огражденное рѣкою Казанкою и прилегающими къ ней двумя оврагами, городище, сверхъ того, искусственно укрѣплено двойнымъ валомъ и рвомъ, простирающимися, полукружіемъ, на протяженіи около тысячи шаговъ. Тщетно стали бы мы искать на этомъ городищѣ, въ настоящее время уже распаханномъ, остатковъ древняго города; нѣсколько чтимыхъ мусульманами могилъ съ надгробными камнями, плохо сохранившіеся уже валы со рвомъ, да татарское названіе урочища «Иски-Казань»,—вотъ все, что осталось отъ мѣста расположенія Старой татарской Казани.

Въ теченіи конца XIII-го и всего XIV-го вѣка Казани не удавалось выступить сколько нибудь опредѣленнымъ образомъ на арену исторіи; затерянный въ глуши арскихъ лѣсовъ, незначительный „Саиновъ Юртъ“ все еще затирался цвѣтущимъ могуществомъ Булгара и богатыхъ прикамскихъ булгарскихъ городовъ. Правда, позднѣйшія русскія лѣтописи, повѣствуя о событіяхъ послѣднихъ десятилѣтій XIV-го вѣка, нѣсколько разъ упоминаютъ городъ „Казань“ наряду съ крупными булгарскими городами Булгаромъ, Жукотинымъ и Кирменчукомъ; но въ настоящее время можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ, что лѣтописи допускали въ данномъ случаѣ неологизмъ, замѣняя мало извѣстное названіе булгарскаго города К а ш а н ъ—весьма популярнымъ на Руси именемъ города К а з а н ь.

Только Новой Казани, возникшей въ исходѣ XIV-го вѣка на холмистомъ лѣвомъ берегу рѣки Казанки, верстахъ въ семи отъ впаденія этой послѣдней въ Волгу, суждено было самостоятельно выступить на арену исторіи и стать въ ближайшее соприкосновеніе съ исторіею русскаго народа.



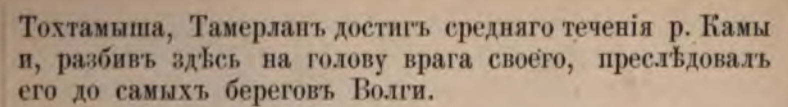
[redacted]

II.

Основаніе Новой Казани и легенды, связанныя съ этимъ историческимъ событіемъ.

Возникновеніе Новой Казани связано съ цѣлымъ кругомъ легендъ, въ которыхъ память народная передаетъ намъ повѣствованія объ этомъ историческомъ событіи. Разукрашенныя домыслами богатой восточной фантазіи, эти легенды дошли до насъ какъ въ различнаго рода татарскихъ рукописяхъ, такъ и въ видѣ устныхъ эпическихъ сказаній.

Всѣ относящіяся сюда преданія связываютъ начало Новой Казани съ фактомъ разгрома Булгарскаго царства Тамерланомъ (Тимуръ-Аксакъ мусульманскихъ источниковъ) и взятія имъ г. Булгара. Наши историки умалчиваютъ о походѣ Тамерлана на Булгаръ, но историки Золотой Орды убѣждаютъ насъ въ томъ, что разгромъ Булгара полчищами грознаго завоевателя имѣлъ мѣсто въ 1391 году когда, двинувшись на своего противника

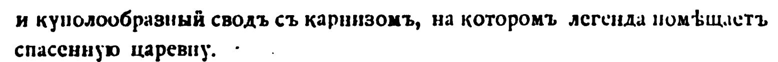


Тохтамыша, Тамерланъ достигъ средняго теченія р. Камы и, разбивъ здѣсь на голову врага своего, преслѣдовалъ его до самыхъ береговъ Волги.

Славный городъ Булгаръ былъ въ ту пору преданъ Тамерланомъ огню и мечу. Побѣдители не щадили ни званія, ни возраста, ни пола; вся булгарская знать была почти поголовно истреблена, а жены и дочери уведены въ плѣнъ. Царствовавшій въ то время въ Булгарѣ царь Абдуллахъ, убѣдившись въ невозможности отстоять городъ, заперся съ своею семьею и нѣкоторыми приближенными въ Судейскую Палату—одно изъ крѣпчайшихъ каменныхъ зданій города. Ворвавшись въ городъ, побѣдители обложили зданіе это бревнами и горючими веществами, а затѣмъ подожгли. Царь Абдуллахъ и всѣ укрывавшіеся съ нимъ погибли въ огнѣ, за исключеніемъ дочери его, легенду о чудесномъ спасеніи которой разсказываетъ намъ татарская рукопись, извѣстная подъ названіемъ „Повѣсти о несгораемой царевнѣ“.

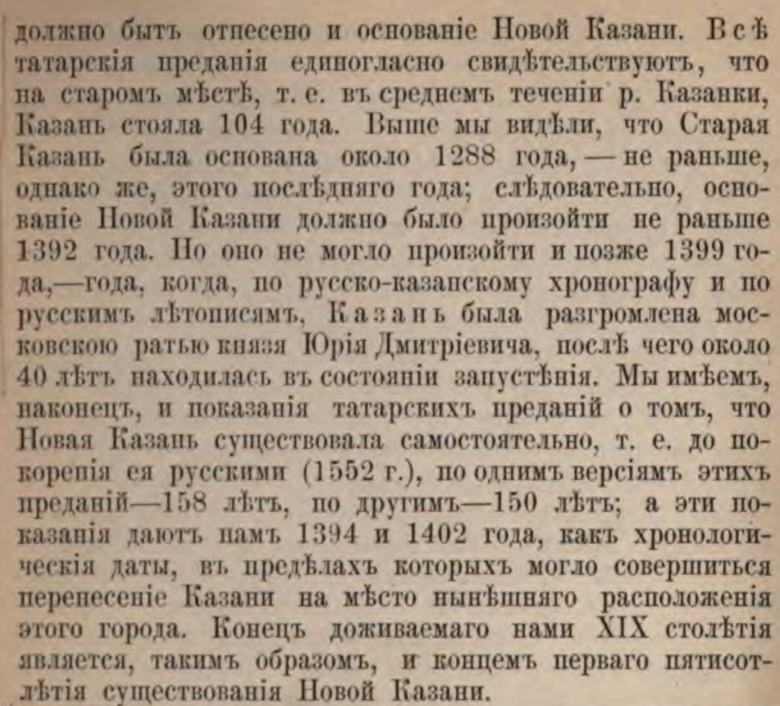
Царевна эта,—разсказываетъ намъ повѣсть,—почиталась у булгаръ, за свой разумъ и добродѣтель, святою, а за необыкновенную красоту свою заслужила себѣ названіе «райской гуріи». Аллахъ не допустилъ праведницу до мучительной смерти. Когда побѣдители, по сожженіи Судейской Палаты, вошли въ ея внутренность, то увидѣли булгарскую царевну невредимо сидящею на карнизѣ свода, въ бѣлыхъ одеждахъ муллы Хисамуддина, почитавшагося у булгаръ святымъ. Плѣненный красотою и умомъ дочери погибшаго хана, Тамерланъ взялъ ее съ собою, вмѣстѣ съ спасшимся младшимъ братомъ ея, въ свою столицу Самаркандъ. Среди уцѣлѣвшихъ развалинъ древняго Булгара, туристъ до сихъ поръ можетъ увидѣть, сохранившуюся въ первоначальномъ видѣ своемъ, такъ называемую «Черную Палату», къ которой преданіе приурочиваетъ чудо булгарской царевны; сохранился

[redacted]


и куполообразный сводъ съ карнизомъ, на которомъ легенда помѣщаетъ спасенную царевну.

Но не одной дочери царя Абдуллаха суждено было пережить кровавую катастрофу. Спаслись и двое другихъ братьевъ ея—Али-Бей и Алтунъ-Бекъ. Татарскія преданія утверждаютъ, что царевичи были скрыты приближенными царя Абдуллаха и увезены за рѣку Каму,—край сравнительно безопасный, гдѣ братья могли укрываться до той поры, пока стихнетъ военная непогода. Но возвратиться въ родной городъ царевичамъ суждено уже не было. Династія отца ихъ пала здѣсь, въ Булгарѣ настали неурядицы; съ запада грозила расшатанному булгарскому царству Русь, съ сѣвера—новгородскіе ушкуйники, съ юго-востока тотъ же Тамерланъ, все еще не покончившій своихъ счетовъ съ Золотою Ордою..... Привольнѣе и безопаснѣе было царственнымъ изгнанникамъ оставаться въ укромномъ Закамьи, въ сторонѣ отъ водяныхъ торныхъ путей, среди уединенія арскихъ лѣсовъ, гдѣ еще лѣтъ за сто съ небольшимъ до того, на обрывистой излучинѣ средняго теченія небольшой рѣчки, возникъ какой то „Саиновъ Юртъ“, носившій также названіе—Казань. Здѣсь то спасенные царевичи первоначально обосновались, а вслѣдъ за тѣмъ, съ помощью тѣхъ же спасшихъ ихъ вельможъ и воцарились, вызвавъ тѣмъ самымъ обильную эмиграцію сюда народа изъ разгромленнаго Булгара.

Такимъ то путемъ, по свидѣтельству татарскихъ рукописныхъ и устныхъ преданій, и произошло начальное зарожденіе Казанскаго царства, возникшаго,—на первыхъ порахъ въ зачаточномъ видѣ еще, конечно,—на потрясенныхъ основахъ царства Великой Булгаріи. Къ той же порѣ, т. е. къ послѣднему десятилѣтію XIV вѣка,



должно быть отнесено и основаніе Новой Казани. Всѣ татарскія преданія единогласно свидѣтельствуютъ, что на старомъ мѣстѣ, т. е. въ среднемъ теченіи р. Казанки, Казань стояла 104 года. Выше мы видѣли, что Старая Казань была основана около 1288 года, — не раньше, однако же, этого послѣдняго года; слѣдовательно, основаніе Новой Казани должно было произойти не раньше 1392 года. Но оно не могло произойти и позже 1399 года,—года, когда, по русско-казанскому хронографу и по русскимъ лѣтописямъ, Казань была разгромлена московскою ратью князя Юрія Дмитріевича, послѣ чего около 40 лѣтъ находилась въ состояніи запустѣнія. Мы имѣемъ, наконецъ, и показанія татарскихъ преданій о томъ, что Новая Казань существовала самостоятельно, т. е. до покоренія ея русскими (1552 г.), по однимъ версіямъ этихъ преданій—158 лѣтъ, по другимъ—150 лѣтъ; а эти показанія даютъ намъ 1394 и 1402 года, какъ хронологическія даты, въ предѣлахъ которыхъ могло совершиться перенесеніе Казани на мѣсто нынѣшняго расположенія этого города. Конецъ доживаемаго нами XIX столѣтія является, такимъ образомъ, и концемъ перваго пятисотлѣтія существованія Новой Казани.

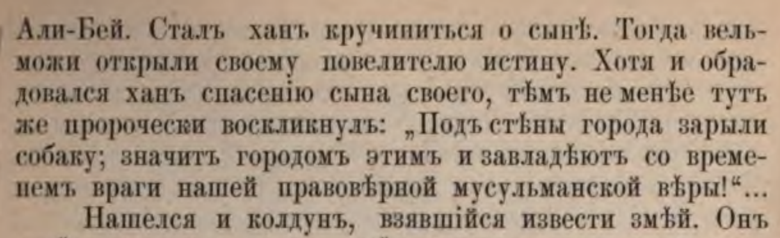
Перейдемъ теперь къ легендамъ, группирующимся вокругъ народныхъ воспоминаній о началѣ Новой Казани, изъ которыхъ первая была записана и напечатана въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія нѣмецкимъ путешественникомъ Георги.

Жилъ въ Старой Казани,—повѣствуетъ эта легенда,—одинъ зажиточный человѣкъ, владѣвшій пчельниками, которые были расположены въ лѣсистой мѣстности, близь устья р. Казанки. У него была дочь—дѣвица, которую

[redacted]

онъ почасту бралъ съ собою, отправляясь къ свимъ пчеламъ. Однажды, выйдя уже замужъ и будучи беременною, она несла воду по крутой горѣ, которою городъ спускался къ рѣкѣ. Трудно было ей подниматься въ гору, и стала утомившаяся женщина бранить основателя города. Узналъ объ этомъ властвовавшій въ то время въ Казани ханъ Али-Бей (имя одного изъ сыновей царя Абдуллаха) и потребовалъ ее передъ себя.—„Основатель города,—сказала та,—для котораго воду таскали рабы его, не могъ предвидѣть, какъ трудно будетъ носить ее въ гору намъ, бѣднымъ беременнымъ женщинамъ". При этомъ она стала расхваливать хану мѣстность на Джиланъ-Тау (Зилантова, т. е. змѣиная, гора), гдѣ находились пчельники ея отца. — „Хорошая мѣстность, — возразилъ ханъ,— только строиться тамъ нельзя: на Джиланъ-Тау гнѣздятся страшные змѣи, а въ углу, образуемомъ сліяніемъ Казанки и Булака, водится много дикихъ кабановъ". Женщина сдѣлала замѣчаніе, что колдуны съумѣли бы очистить мѣстность эту и отъ змѣй, и отъ кабановъ.

Хану Али-Бею и самому неправилось мѣстоположеніе Старой Казани. Онъ послалъ сына своего и двухъ вельможъ осмотрѣть окрестности Джиланъ-Тау и, избравъ мѣсто будущаго города, распечатать приказъ, врученный имъ при отправленіи въ путь. Остановившись на мѣстѣ нынѣшней Казани, послы вскрыли приказъ: здѣсь заключалось повелѣніе бросить между собою жребій съ тѣмъ, чтобы тотъ изъ троихъ, на котораго выпадетъ онъ, былъ бы заживо зарытъ въ землю на мѣстѣ закладки города. Жребій палъ на ханскаго сына. Жалко стало его вельможамъ; они его спрятали, а вмѣсто него зарыли въ землю собаку. Вскорѣ пріѣхалъ на мѣсто стройки и самъ



Али-Бей. Сталъ ханъ кручиниться о сынѣ. Тогда вельможи открыли своему повелителю истину. Хотя и обрадовался ханъ спасенію сына своего, тѣмъ не менѣе тутъ же пророчески воскликнулъ: „Подъ стѣны города зарыли собаку; значитъ городомъ этимъ и завладѣютъ со временемъ враги нашей правовѣрной мусульманской вѣры!“...

Нашелся и колдунъ, взявшійся извести змѣй. Онъ велѣлъ съ осени, когда змѣи впали въ зимнюю спячку, навезти на то мѣсто, гдѣ гнѣздились гады, множество горючихъ матеріаловъ и съ наступленіемъ весенняго тепла зажегъ этотъ громадный костеръ. Всѣ змѣи погибли, кромѣ одного крылатаго двуглаваго чудовища, которое спаслось изъ огня и улетѣло на Джилантау (Зилантову гору), откуда долго наводило страхъ на населеніе города, пока не было уничтожено чарами колдуновъ. Кабаны были изгнаны изъ окрестностей города сожженіемъ лѣсовъ, окружавшихъ Кабанье Озеро (нынѣшнее озеро Кабанъ).

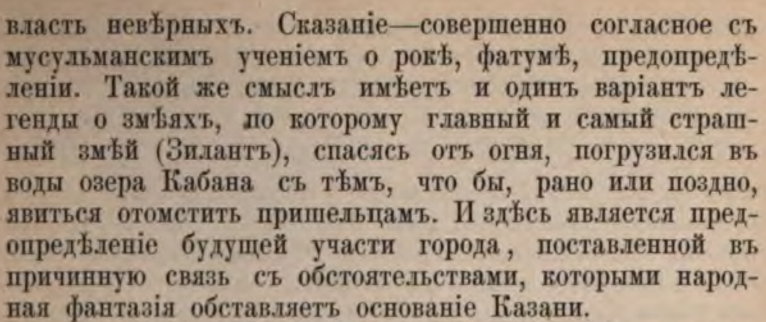
По другой версіи той же легенды, протестанткою противъ мѣстности Старой Казани является какая то дѣвица, также корившая основателя города во время подъема въ гору съ водою, причемъ укоры ея слышитъ самъ ханъ, инкогнито ходившій по городу въ одеждѣ простолюдина. Дѣвица эта обладала даромъ колдовства и, собравъ всѣхъ змѣй, силою чаръ своихъ, въ одно мѣсто, сама сжигаетъ ихъ; только одинъ крылатый двѣнадцатиголовый драконъ вылетѣлъ изъ пламени, но и тотъ, смертельно опаленный, палъ мертвымъ въ 12-ти верстахъ отъ города.

По третьей версіи, протестанткою является сноха самого хана, ушибившаяся при подъемѣ съ водою въ гору. На вопросъ свекра о лучшемъ для города мѣстѣ, она посовѣтовала хану послать внизъ по Казанкѣ, по обоимъ берегамъ рѣки, рыболововъ съ удочками: про-

[redacted]

тивъ того мѣста, гдѣ заклюетъ золотая рыбка, и слѣдуетъ ставить городъ. Золотая рыбка попалась противъ холма, на которомъ поставлена была впослѣдствіе Сумбекина башня. Но это мѣсто оказалось неудобнымъ: оно было, съ одной стороны—гористо, съ другой—болотисто. Ханская сноха и тутъ нашлась: городъ слѣдуетъ заложить на томъ мѣстѣ, гдѣ безъ огня закипитъ врытый въ землю котелъ (по татарски котелъ—«казанъ»); котелъ закипѣлъ на горѣ. Но опять встрѣтилось препятствіе: въ этомъ мѣстѣ водилось множество змѣй. Ханская сноха сожигаетъ всѣхъ гадовъ, за исключеніемъ опять таки главнаго крылатаго змѣя, который гнался за какимъ то богатыремъ изъ Старой Казани вплоть до нынѣшняго села Чурилина, гдѣ и растерзалъ его на шесть частей, вслѣдствіе чего оврагъ, въ которомъ произошла эта катастрофа, до сихъ поръ называется татарами «Алты-Кутаръ», т. е. «шесть частей», а русскими—Кутаркою.

Въ приведенныхъ легендахъ повторяется, такимъ образомъ, сказаніе о змѣяхъ, которое фигурируетъ и въ легендѣ объ основаніи Старой Казани. Мы уже указали смыслъ этого миѳа и возвращаться къ вопросу о немъ болѣе не станемъ. Что касается втораго мотива этихъ легендъ—сказанія о закладкѣ подъ строющійся городъ живаго существа, то этотъ миѳъ представляетъ собою сказаніе, весьма распространенное въ преданіяхъ о построеніи новыхъ городовъ, стѣнъ, башень, домовъ и т. п., являясь въ исторіи культуры съ характеромъ общечеловѣчности. Идея такой закладки—желаніе принести умилостивительную жертву враждебнымъ человѣку силамъ, или силамъ, охраняющимъ данную мѣстность, съ цѣлью придать сооруженію особую крѣпость, нерушимость, долговѣчность. При закладкѣ Новой Казани эти таинственныя силы были обмануты принесеніемъ въ жертву, вмѣсто



власть невѣрныхъ. Сказаніе—совершенно согласное съ мусульманскимъ ученіемъ о рокѣ, фатумѣ, предопредѣленіи. Такой же смыслъ имѣетъ и одинъ варіантъ легенды о змѣяхъ, по которому главный и самый страшный змѣй (Зилантъ), спасясь отъ огня, погрузился въ воды озера Кабана съ тѣмъ, что бы, рано или поздно, явиться отомстить пришельцамъ. И здѣсь является предопредѣленіе будущей участи города, поставленной въ причинную связь съ обстоятельствами, которыми народная фантазія обставляетъ основаніе Казани.

Основаніе Новой Казани стоитъ въ ближайшемъ соотношеніи къ воцаренію въ краѣ сыновей Абдуллаха, изъ которыхъ Алтунъ-Беку здѣсь не полюбилось, почему онъ и ушелъ вскорѣ на рѣку Тоболъ, а Али-Бей сталъ властвовать въ Казани нераздѣльно; послѣ смерти Тамерлана, пришла къ нему сюда, съ младшимъ, также спасшимся во время нашествія монголовъ братомъ, Шеунъ-Бекомъ, и возвращенная изъ плѣна сестра его, вышедшая здѣсь замужъ за Мулла-Хозея, одного изъ вельможъ и сподвижниковъ брата своего.

Перенесеніемъ города на новое мѣсто, къ устью р. Казанки, и въ ближайшее сосѣдство съ Волгою,—этимъ великимъ и торнымъ путемъ къ югу и востоку,—основатели новаго царства хотѣли, очевидно, сразу поднять значеніе этого послѣдняго и нѣсколько преждевременно выдвинуть Казань на смѣну заканчивавшейся исторической роли Булгара. Но эта смѣлая попытка успѣхомъ не увѣнчалась. Неосторожно впутавшись въ борьбу московскаго великаго князя Василія Дмитріевича съ Суздальскими князьями (1396—1399 гг.), Казань была подвергнута въ 1399 году полному разгрому во время похода

[redacted]

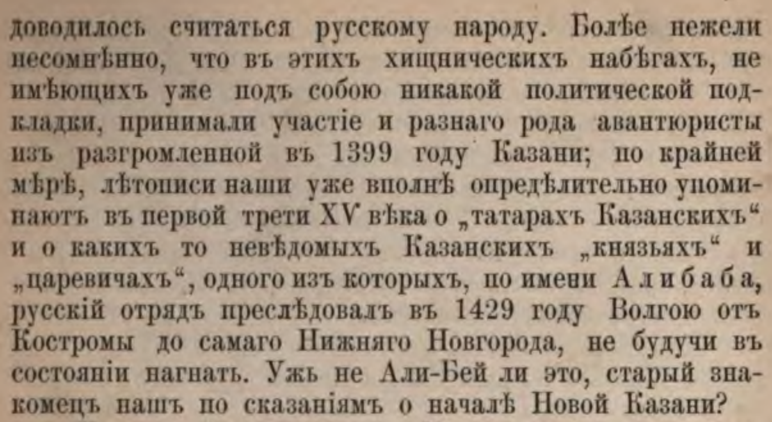
на булгарскую землю московской рати подъ предводительствомъ великокняжескаго брата, князя Юрія Дмитріевича.

Сто четыре года мирно и тихо, хотя и незамѣтно для глазъ исторіи, стояла булгаро-татарская Казань или „Саиновъ Юртъ“ въ глуши арскихъ дебрей и лѣсовъ, въ сторонѣ отъ безпрестанной борьбы и ратнаго шума, оглашавшихъ берега Волги и Камы. Стоило ей только перебраться ближе къ берегамъ будущей „артеріи“ русской земли, что бы разомъ втянуться въ бурный водоворотъ историческихъ событій......

Преданіе говоритъ, что около сорока лѣтъ стояла Новая Казань въ запустѣніи послѣ русскаго погрома 1399 года.

Разгромленный Тамерланомъ, Булгаръ уже не могъ оправиться также быстро, какъ быстро оправился онъ послѣ нашествія Батыя. Русскій походъ 1399 г., во время котораго, по русскимъ лѣтописямъ, наша рать такъ далеко воевала булгарскіе предѣлы, какъ никогда еще этого не было, нанесъ Булгарскому царству рѣшительный ударъ. Теперь прежде могущественное царство стало уже быстро катиться по наклонной плоскости своего паденія.

Правда, что въ теченіи всей первой трети XV столѣтія не перестаютъ тревожить русскія восточныя и сѣверовосточныя украины разныя булгаро-татарскія шайки съ какими то таинственными „царевичами“ и „князьями“ во главѣ, которые такъ же внезапно исчезаютъ со страницъ русскихъ лѣтописей, какъ неожиданно и появляются на



доводилось считаться русскому пароду. Болѣе пежели несомнѣнно, что въ этихъ хищническихъ набѣгахъ, не имѣющихъ уже подъ собою никакой политической подкладки, принимали участіе и разнаго рода авантюристы изъ разгромленной въ 1399 году Казани; по крайней мѣрѣ, лѣтописи наши уже вполнѣ опредѣлительно упоминаютъ въ первой трети XV вѣка о „татарахъ Казанскихъ“ и о какихъ то невѣдомыхъ Казанскихъ „князьяхъ“ и „царевичахъ“, одного изъ которыхъ, по имени А л и б а б а, русскій отрядъ преслѣдовалъ въ 1429 году Волгою отъ Костромы до самаго Нижняго Новгорода, не будучи въ состояніи нагнать. Ужь не Али-Бей ли это, старый знакомецъ нашъ по сказаніямъ о началѣ Новой Казани?

Булгаръ быстро падалъ. Весьма естественно, что, съ приниженіемъ этой, когда то, звѣзды поволжскаго востока, взоры всякаго рода претендентовъ и авантюристовъ стали все чаще и чаще обращаться къ сѣверу отъ устья Камы, гдѣ, всего въ какихъ нибудь 60 верстахъ отъ этой исконной булгарской рѣки, близь устья Казанки, на образуемомъ здѣсь крутымъ поворотомъ Волги съ восточнаго направленія къ южному торномъ перепутьи изъ Руси въ Поволжье и Прикамье—въ крайне выгодныхъ условіяхъ своего мѣстоположенія еле влачила существованіе быстро возвысившаяся, но также быстро и смиренная русскими, Новая Казань.

Но будущая историческая роль Казани была уже намѣчена. Ея служебная, ея подчиненная по отношенію къ Булгару роль—окончилась. Казани предстояло самостоятельно выступить на арену исторіи. Нуженъ былъ только энергичный и смѣлый претендентъ—авантюристъ, который сумѣлъ бы вызвать къ жизни запустѣвшій „Саи-

зъ Юртъ“, сдѣлавъ его новымъ, сильнымъ и вліятель-
мъ центромъ восточно-европейскаго мусульманскаго
ра.

Такой претендентъ нашелся въ лицѣ золотоордын-
іго изгнанника, сарайскаго эксъ-царя Улу-Махмета,
(воривщаго свою власть на старомъ казанскомъ „змѣ-
эмъ точевищѣ“.

Змѣй Зилантъ,

съ рисунка начала текущаго столѣтія.

III.

Начало самостоятельнаго Казанскаго царства и краткая исторія его до покоренія русской державѣ.

Улу-Махметъ, ханъ Золотой Орды, въ 1437 г. изгнанъ былъ изъ своихъ улусовъ братомъ Кичимомъ,—явленіе весьма заурядное въ лѣтописяхъ бурной жизни Кипчакскаго царства.

Понадѣявшись на благодарность московскаго великаго князя Василія Васильевича, которому онъ за пять лѣтъ до того доставилъ великое княженіе, Улу-Махметъ, сопровождаемый трехтысячною дружиною, направился въ Русь и довольно безцеремонно засѣлъ здѣсь въ городѣ Бѣлевѣ. Но московскій великій князь не пожелалъ терпѣть его на своей территоріи и выслалъ противъ него рать. Хотя татары, не смотря на свою малочисленность, и обратили русскихъ въ бѣгство, тѣмъ не менѣе Улу-Махметъ хорошо понималъ, что ему на Руси съ горстью своихъ дружинниковъ противъ воли московскаго великаго

[redacted]

князя не удержаться. Очистивъ Бѣлевъ, онъ направился сквозь мордовскія земли, переправился черезъ Волгу и занялъ находившуюся съ 1399 года въ запустѣніи Казань.

Нѣкоторые историки не допускаютъ возможности царствованія въ Казани самаго Улу-Махмета, считая первымъ царемъ казанскимъ сына его Махмутека, хотя мусульманскіе источники помѣщаютъ Улу-Махмета во главѣ своихъ списковъ казанскихъ царей. Вельяминовъ-Зерновъ, напримѣръ, не находитъ въ похожденіяхъ этого хана такого момента, когда онъ могъ бы обосноваться въ Казани. Но такой взглядъ на вещи есть лишь плодъ недоразумѣнія. Времени для утвержденія въ Казани Улу-Махмета было вполнѣ достаточно: послѣ оставленія имъ, въ самомъ концѣ 1437 года, Бѣлева, сарайскій эксъ-царь исчезаетъ на цѣлыхъ полтора года, пока, лѣтомъ 1439 года, не появляется совершенно неожиданно подъ стѣнами Москвы, вынудивъ великаго князя Василія бѣжать за Волгу. Это было первое открытое столкновеніе Москвы съ Казанью, явившееся лишь преддверіемъ ряда дальнѣйшихъ столкновеній между обѣими соперницами на европейскомъ востокѣ. Послѣ этого набѣга Улу-Махмедъ снова на пять лѣтъ изчезаетъ съ глазъ исторіи.

Что же дѣлалъ въ продолженіи этихъ двухъ историческихъ перерывовъ новый казанскій ханъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ „Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка“ и цитированный уже нами „Очеркъ исторіи Булгарскаго и Казанскаго царствъ“ муллы Багауддинова. По свидѣтельству „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, Улу-Махметъ ставитъ

въ Казани „градъ крѣпкій", на новомъ мѣстѣ,—„крѣпчайшій стараго", неподалеку отъ стараго города, разореннаго московскою ратью 1399 года. По свидѣтельству муллы Багауддинова, основанному, конечно, на татарскихъ источникахъ, Улу-Махметъ только „возобновилъ Казань, сдѣлавъ ее своею столицею". Эти свидѣтельства требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Дѣло въ томъ, что, по перенесеніи Казани на новое мѣсто, къ устью р. Казанки, казанская цитадель (кремль, городъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, — какъ употребляютъ русскіе источники эти слова, въ противоположность слову „посадъ") была поставлена не на мѣстѣ современнаго казанскаго кремля, но версты на полторы выше по теченію р. Казанки, на бугрѣ нынѣшняго заштатнаго Ѳеодоровскаго монастыря. Эта послѣдняя мѣстность долго слыла подъ наименованіемъ „стараго казанскаго городища"; такъ называетъ ее князь Курбскій въ своемъ описаніи казанской осады 1552 г.; такъ называетъ ее писцовая книга г. Казани, составленная во второй половинѣ XVI-го вѣка; такъ называетъ ее и оффиціальное описаніе г. Казани, произведенное въ 1739 году геодезистомъ Пестриковымъ. И такъ, улучшеніе стратегическихъ условій города—таковою явилась первая забота Улу-Махмета по занятіи имъ Казани.

Одновременно съ этою заботою возникли и попеченія объ устройствѣ населенія города. Несомнѣнно, что занятіе Казани когда то могущественнымъ и популярнымъ на востокѣ царственнымъ изгнанникомъ Золотой Орды, должно было привлечь въ бывшій скромный „Саиновъ Юртъ" значительную мусульманскую эмиграцію, долженствовавшую укрѣпить силы новаго царства. И, дѣйстви-

„**Старое Городище**“—нынѣшній бугоръ заштатнаго Өеодоровскаго монастыря, на крутомъ обрывѣ берега р. Казанки.

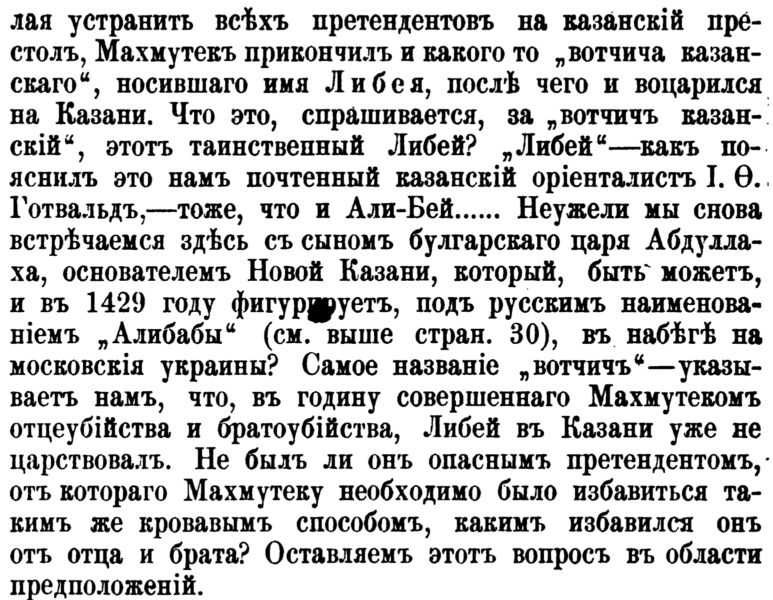
тельно, авторъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ свидѣтельствуетъ, что въ Казань стали собираться къ Улу-Махмету „мнози варвары отъ различныхъ странъ и мѣстъ, —отъ Златыя Орды, и отъ Астрахани, и отъ Агова, и отъ Крыма“. Такъ зарождалось новое Казанское царство и смѣшанное населеніе его: „И тако нача уселятися и укрѣплятися Казань—новая Орда“,—замѣчаетъ тотъ же казанскій хронографъ.

Послѣ пятилѣтняго отсутствія со страницъ русскихъ лѣтописей, въ теченіи котораго новый казанскій ханъ поглощенъ былъ, конечно, заботами объ устройствѣ царства своего, Улу-Махметъ въ 1444 году снова даетъ знать о себѣ русскому великому князю. Быстрымъ налетомъ беретъ онъ Нижній Новгородъ, а въ слѣдующемъ 1445 году, во время несчастной для русскихъ битвы подъ Суздалемъ, захватываетъ въ плѣнъ самого московскаго великаго князя Василія Васильевича.

Улу-Махметъ находился, повидимому, на вершинѣ счастья и удачи; въ рукахъ его былъ великій князь быстро возвышавшагося Московскаго великаго княженія,—торжество, какого никогда не достигалъ ни одинъ изъ царей падающаго царства Булгарскаго. Но не долго пришлось торжествовать гордому побѣдителю. Недобрыя вѣсти стали приходить къ нему изъ отдаленной Казани: тамъ что то затѣвалъ противъ отца царевичъ Махмутекъ.... Отпустивъ на волю своего державнаго московскаго плѣнника, Улу-Махметъ осенью того же 1445 года поспѣшилъ въ Казань.

Но въ Казани казанскаго царя ожидала весьма печальная участь: онъ былъ зарѣзанъ здѣсь сыномъ своимъ Махмутекомъ, вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Якубомъ. Же-

[redacted]



лая устранить всѣхъ претендентовъ на казанскій престолъ, Махмутекъ прикончилъ и какого то „вотчича казанскаго“, носившаго имя Либея, послѣ чего и воцарился на Казани. Что это, спрашивается, за „вотчичъ казанскій“, этотъ таинственный Либей? „Либей“—какъ пояснилъ это намъ почтенный казанскій оріенталистъ I. Ѳ. Готвальдъ,—тоже, что и Али-Бей...... Неужели мы снова встрѣчаемся здѣсь съ сыномъ булгарскаго царя Абдуллаха, основателемъ Новой Казани, который, быть можетъ, и въ 1429 году фигурируетъ, подъ русскимъ наименованіемъ „Алибабы“ (см. выше стран. 30), въ набѣгѣ на московскія украины? Самое названіе „вотчичъ“—указываетъ намъ, что, въ годину совершеннаго Махмутекомъ отцеубійства и братоубійства, Либей въ Казани уже не царствовалъ. Не былъ ли онъ опаснымъ претендентомъ, отъ котораго Махмутеку необходимо было избавиться такимъ же кровавымъ способомъ, какимъ избавился онъ отъ отца и брата? Оставляемъ этотъ вопросъ въ области предположеній.

Воцареніе въ 1445 году на Казани Махмутека—первый вполнѣ достовѣрный фактъ, которымъ открывается живая лѣтопись самостоятельнаго Казанскаго царства, смѣняющая собою легендарный періодъ исторіи города Казани и его края. Съ 1445 года исторія раскрываетъ передъ нами длинный рядъ царей вновь возникшаго мусульманскаго царства, съ которымъ, въ теченіи 107 лѣтъ, доводилось считаться Московскому государству. Враждебныя отношенія Москвы къ Казани вполнѣ опредѣлились уже при Махмутекѣ, намѣтивъ собою и харак-

[redacted]

графа,—отъ онаго змія (т. е. Улу-Махмета) лютая скорпія произыде, и отъ льва лютѣйшій скименъ изскочи, зане сей нечестивый многія бѣды и плѣненія творяше россійскому царствію“......

Не имѣя возможности сколько нибудь подробнымъ образомъ прослѣдить исторію Казанскаго царства со второй четверти XV вѣка и до покоренія его русской державѣ, остановимся лишь на важнѣйшихъ фактахъ этой исторіи, расположивъ ихъ въ порядкѣ царствованія хановъ, начиная съ Улу-Махмета, какъ перваго представителя династіи.

I.

Улу-Махметъ Ханъ.

(1437—1445 гг).

Обстоятельства этого царствованія намъ уже извѣстны.

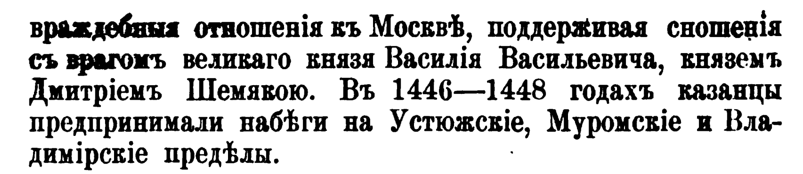
II.

Махмутекъ-Ханъ (*Мемутякъ, Мамтякъ нашихъ лѣтописей*).

(1445—?).

Воцарился въ Казани осенью 1445 г., зарѣзавъ отца своего Улу-Махмета, брата Якуба и казанскаго „вотчича“ Али-Бея (Либея). Этотъ ханъ сразу сталъ въ

[redacted]


враждебныя отношенія къ Москвѣ, поддерживая сношенія съ врагомъ великаго князя Василія Васильевича, княземъ Дмитріемъ Шемякою. Въ 1446—1448 годахъ казанцы предпринимали набѣги на Устюжскіе, Муромскіе и Владимірскіе предѣлы.

При Махмутекѣ Казань стала возвышаться и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніяхъ. Быть можетъ, къ этому царствованію относится начало славной, когда то, казанской ярмарки, предшественницы будущей макарьевской. По крайней мѣрѣ, въ 1455 г. московскій митрополитъ Іона посылаетъ въ Казань двухъ слугъ съ «рухлядью» (пушнымъ товаромъ) и въ письмѣ къ казанскому вельможѣ Шаптякѣ, именуемому имъ «пріятелемъ», въ униженномъ тонѣ проситъ его предстательства передъ царемъ Махмутекомъ. Ясно, что престижъ Казани высоко стоялъ уже къ началу второй половины XV вѣка, если русскому іерарху представлялось цѣлесообразнымъ искать покровительства казанскаго сановника.

Время окончанія этого царствованія неизвѣстно, но въ 1461 г. Махмутекъ еще находился на престолѣ.

III.

Халилъ-Ханъ.

(?—1467 г.).

Старшій сынъ Махмутека. Былъ женатъ на княжнѣ Нурсалтанъ, дочери ногайскаго властителя Темира. Обстоятельства этого непродолжительнаго царствованія не-

IV.

Ибрагимъ Ханъ.

(1467—1479 г.г).

Второй сынъ Махмутека, принявшій престолъ послѣ брата Халила, вмѣстѣ съ рукою вдовы его, Нурсалтанъ. Казанцы были недовольны этимъ царемъ и тайно сносились съ его дядею Касимомъ, царевичемъ Касимовскимъ, о сверженіи его съ престола, въ силу чего Касимъ выпросилъ у московскаго вел. князя Іоанна III войско для похода на Казань. Осенью 1467 года московская рать двинулась на Казань, но, встрѣченная у Звенигскаго бора казанскими полками, вынуждена была возвратиться, перенеся въ походѣ страшныя лишенія и невзгоды. Въ отмѣстку за этотъ походъ казанцы повоевали Галичскую область. Въ концѣ того же года вел. князь Іоаннъ III послалъ на Казань новую рать, которая, повоевавъ черемисскія земли, перенеся всѣ тягости зимняго похода и дойдя уже почти до самой Казани, вернулась безъ результата. Въ слѣдующемъ году происходили стычки между русскими и казанцами въ Костромской, Муромской и Нижегородской областяхъ. Въ 1468 году снаряжается противъ Казани третій походъ, который опять таки не достигъ цѣли, хотя русскимъ и удалось одержать нѣсколько побѣдъ надъ казанскими отрядами.

Между тѣмъ, захватъ казанцами господства надъ Вятскою землею снова ополчилъ в. к. Іоанна III противъ Ибрагима. Въ 1469 г. огромная рать двинулась Волгою на Казань, подъ предводительствомъ князя Беззубцева. Главная рать остановилась въ Нижнемъ Новгородѣ, въ

[redacted]

виду начавшихся мирныхъ переговоровъ, но партія русскихъ добровольцевъ самовольно пошла къ Казани и, достигнувъ этого города, 24 мая, на утренней зарѣ, когда въ городѣ всѣ спали, ударила на казанскій посадъ, ворвалась въ улицы города и, ознаменовавъ свой набѣгъ грабежемъ, убійствами и богатою добычею, благополучно вернулась въ русскіе предѣлы. Весьма удачнымъ былъ пятый походъ 1469 г., во время котораго русскія войска, обложивъ Казань и разбивъ казанцевъ на вылазкѣ, отняли у города воду, чѣмъ и вынудили Ибрагима запросить мира, согласившись на всѣ русскія требованія. Враждебныя отношенія Казани къ Москвѣ не прекращались, впрочемъ, до самой смерти хана Ибрагима.

V.

Али-Ханъ (*Алегамъ русскихъ лѣтописей*).

(1479—1487 гг.).

Али-Ханъ былъ старшій сынъ предыдущаго хана.

По смерти Ибрагима, въ Казани начались несогласія и распри татарской знати: одни хотѣли имѣть царемъ старшаго сына его, Али, другіе младшаго, Махметъ-Амина. Благодаря поддержкѣ ногайской партіи, на престолъ, къ неудовольствію вел. князя Московскаго Іоанна III, державшаго сторону Махметъ-Амина, возведенъ былъ Али, а Махметъ-Аминъ вызванъ въ Москву, гдѣ и получилъ отъ Іоанна III въ помѣстье городъ Каширу. Со

Али-Ханъ лукавствовалъ, обманывая великаго князя и злодѣйствуя въ Казани, гдѣ былъ крайне нелюбимъ. Война вспыхнула лишь въ 1487 г., когда великій князь Іоаннъ послалъ на Казань рать подъ предводительствомъ князя Даніила Холмскаго и царевича Махмета-Амина. 18 мая Казань была обложена, а 9 іюля взята приступомъ, причемъ взятъ въ плѣнъ самъ Али-Ханъ. Въ Москвѣ радостно торжествовали эту крупную удачу. Царственный плѣнникъ сосланъ былъ въ Вологду, а на казанскій престолъ возведенъ русскими Махметъ-Аминъ, причемъ совершены были казни надъ поддерживавшими смѣщеннаго царя казанскими вельможами,—уланами и князьями.

VI.

Махметъ-Аминъ-Ханъ.

(1487—1496 гг).

Этотъ царь, третій сынъ Ибрагима и младшій братъ предшествовавшаго хана, оставался во все продолженіе властительства своего подъ тѣснымъ вліяніемъ Москвы, царствуя въ качествѣ московскаго данника и присяжника. Въ это царствованіе великій князь Іоаннъ III прибавилъ къ своему титулу наименованіе „государя Булгаріи“ и окончательно утвердилъ власть свою надъ Вятскою землею.

Ревностно выполняя долгъ московскаго данника, Махметъ-Аминъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно тѣснилъ подданныхъ своихъ. Все это вызвало ненависть къ нему со стороны свободолюбивой казанской аристократіи, которая и предложила тайно владѣтелю шибанскому Мамуку

[redacted]

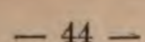
избавить Казань отъ тирана. Мамукъ уже шелъ на Казань, но вернулся обратно, узнавъ, что для поддержки Махметъ-Амина двинута московская рать (1496 г.); возратилась домой и эта послѣдняя. Всего мѣсяцъ прошелъ послѣ этого событія, какъ внезапно явился въ Москву самъ Махметъ-Аминъ съ извѣстіемъ, что его соперникъ Мамукъ неожиданно явился въ Казань и, прогнавъ его съ престола, воцарился здѣсь.

VII.

Мамукъ-Ханъ.

(1496—1497 гг.).

Этотъ царь не долго съумѣлъ продержаться на престолѣ, возстановивъ противъ себя казанцевъ деспотизмомъ и корыстолюбіемъ. Жадный къ богатству, онъ отбиралъ товары у купцовъ, конфисковалъ имѣнія вельможъ казанскихъ и оказался неблагодарнымъ даже по отношенію къ представителямъ партіи, доставившей ему престолъ. Однажды, возвращаясь съ хищническаго набѣга на Арскую землю, онъ встрѣтилъ на стѣнахъ Казани толпы народа съ оружіемъ въ рукахъ. Въ городъ безвременнаго царька не пустили, объявивъ ему, что „казанцамъ не нуженъ ханъ-разбойникъ“. Мамукъ пошелъ въ Ногайскую землю, но по дорогѣ умеръ. Между тѣмъ казанцы отправили въ Москву посольство принести в. к. Іоанну III повинную и изъявить желаніе Казани имѣть „царя отъ руки его“, прося у него на царство Абдулъ-Летифа, третьяго сына царя Ибрагима.



VIII.

Абдулъ-Летифъ-Ханъ.

(1497—1502 гг.).

Исполняя желаніе казанцевъ, в. к. Іоаннъ III отпустилъ въ Казань Абдулъ-Летифа, брата низложеннаго хана Махметъ-Амина, получившаго, въ возмѣщеніе утраченнаго имъ престола, богатыя помѣстья въ Московскомъ государствѣ. Любопытно, что московскіе воеводы, князья Холмскій и Палецкій, посадивъ новаго хана на престолѣ, заставили казанцевъ присягать не только Абдулъ-Летифу, но и вел. князю Іоанну III. Но и этотъ ханъ не долго удержался на престолѣ. Поддерживаемый Москвою противъ притязаній ногайскихъ властителей, желавшихъ отомстить за сверженіе Мамука, Абдулъ-Летифъ скоро сталъ обнаруживать двоедушіе въ отношеніяхъ къ московскому великому князю, да и землѣ казанской „учалъ лихъ быти", не чиня „ни въ какихъ дѣлахъ управы".

Расправа в. к. Іоанна III съ казанскимъ ханомъ была коротка: посланный въ Казань князь Ноздреватый свелъ Абдулъ-Летифа съ престола и привезъ въ Москву, а въ Казань посланъ на царство прежній ханъ Махметъ-Аминъ, съ отдачею ему въ жены вдовы старшаго брата его, Али-Хана.

IX.

Махметъ-Аминъ-Ханъ (вторично).

(1502—1518 гг.).

Возведенный на престолъ вел. княземъ Іоанномъ

[redacted]

III, новый ханъ не умѣлъ быть ему благодарнымъ и уже сразу сталъ выказывать по отношенію къ Москвѣ оппозиціонное направленіе. Несомнѣнно, что этому должны были не мало содѣйствовать казанскіе вельможи, для которыхъ не могло не быть тягостнымъ то почти вассальное отношеніе, въ какомъ стояла Казань къ Москвѣ въ первое царствованіе этого хана.

Существуютъ свидѣтельства, что много старалась въ дѣлѣ возстановленія Махметъ-Амина противъ Москвы и жена его, вдова низложеннаго хана Али, съ которымъ долго прожила она въ вологодскомъ изгнаніи и которая, конечно, не могла питать добрыхъ чувствъ къ московскому великому князю. Махметъ-Аминъ страстно любилъ жену и всецѣло поддавался ея вліянію. По разсказамъ лѣтописей, коварная жена ласкалась къ мужу и «день и ночь висѣла на шеѣ» хана, убѣждая его свергнуть московскую зависимость; интриговала, вела тайные переговоры съ казанскими вельможами, и то и дѣло твердила мужу: «Ты рабъ московскаго тирана..... Сегодня ты на престолѣ, а завтра — въ тюрьмѣ и, подобно Али, умрешь въ неволѣ. Цари и народы презираютъ тебя. Воспрянь отъ униженія къ величію, сверги иго московское или—погибни со славою!». Къ чему не въ состояніи было побудить хана казанскаго чувство собственнаго достоинства, къ тому побудила его льстивая женская ласка.

Махметъ-Аминъ рѣшилъ разомъ раскрыть московскому великому князю карты свои. Скоро найденъ былъ и случай къ тому.

Насталъ день христіанскаго праздника Рождества Св. Іоанна Предтечи (24 іюня),—день открытія славной казанской ярмарки, на которую съѣзжалось много русскихъ торговцевъ. Это происходило въ 1505 году. Жес-

съ находившимся въ Казани великокняжескимъ посломъ, они были ограблены и перебиты, а избѣжавшіе смерти— уведены плѣнниками въ ногайскіе улусы. Совершивъ кровавую расправу съ ярмарочными гостями, Махметъ-Аминъ вступилъ въ московскіе предѣлы съ 80-ти тысячнымъ войскомъ изъ казанцевъ и ногаевъ. Ознаменовавъ шествіе свое грабежами и убійствами, Махметъ-Аминъ осадилъ Нижній Новгородъ, но смерть ногайскаго князя, ханскаго шурина, распоряжавшагося военными дѣйствіями и убитаго во время вылазки изъ города, произвела въ татарскихъ рядахъ такое смятеніе, что Махметъ-Аминъ поспѣшилъ снять осаду и бѣжать во-свояси. Осенью того же года умеръ московскій великій князь Іоаннъ III и на престолъ вступилъ сынъ его Василій.

Новый великій князь не хотѣлъ оставить дерзости казанскаго царя безъ возмездія и велѣлъ изготовляться къ походу на Казань. Обширная рать, судовая и конная, подъ предводительствомъ брата великаго князя, Дмитрія, и лучшихъ воеводъ московскихъ, весною 1506 г. выступили въ походъ и уже 22 мая русская флотилія высадилась подъ Казанью. День былъ необычайно жаркій. Утомленные походомъ русскіе полки сразились съ непріятелемъ и стали было уже тѣснить его въ городъ, но сильный ударъ заѣхавшей въ пылъ русскимъ лихой казанской конницы смѣшалъ ихъ ряды, отрѣзавъ отъ Волги. Множество русскихъ пало отъ руки непріятеля, другіе утонули въ „Поганомъ озерѣ“ или сдались въ плѣнъ; только немногимъ удалось пробиться къ судамъ своимъ, гдѣ они и стали поджидать прибытія запоздавшей конной рати. По прибытіи этой послѣдней, князь Дмитрій рѣшилъ предпринять немедленный приступъ на

Казань.

[redacted]

Наступилъ снова день 24 іюня,—роковая годовщина кровавой бани, въ предшествовавшемъ году устроенной казанцами съѣхавшимся на ярмарку русскимъ. Полагая, что разстроенные русскіе полки уже далеки отъ Казани и кичась недавнею побѣдою, Махметъ-Аминъ веселился съ князьями своими на Арскомъ Полѣ, гдѣ происходила казанская ярмарка. Здѣсь было раскинуто болѣе тысячи шатровъ, бойко шла торговля и обширный лугъ пестрѣлъ толпами беззаботно веселившагося народа. Внезапно появились русскіе полки,—„упавшіе, какъ съ неба“, говоритъ лѣтописецъ. Началось безпощадное возмездіе за прошлогоднія убійства: русская конница топтала и рубила смятенныхъ казанцевъ, загоняя ихъ въ городъ, гдѣ обезумѣвшіе отъ паническаго страха бѣглецы давили другъ друга, стѣснившись въ узкихъ улицахъ города. Но русскіе не съумѣли воспользоваться плодами своего успѣха: оставивъ въ покоѣ укрывшагося за стѣнами Казани непріятеля, они бросились грабить ярмарку, предаваясь мародерству и пьянству, а воеводы расположились отдыхать подъ сѣнью царскихъ шатровъ. Между тѣмъ Махметъ - Аминъ зорко слѣдилъ съ высокой городской башни за происходившимъ на Арскомъ Полѣ и наутро ударилъ на полусонныхъ и утомленныхъ грабежемъ и пьянствомъ русскихъ. „Какъ стадо овецъ“, пишетъ лѣтописецъ, въ безпорядкѣ бѣжали русскіе полки къ судамъ своимъ, преслѣдуемые сѣкущими ихъ казанцами; все Арское Поле было напитано кровью русскихъ и покрыто трупами ихъ...

Великій князь Василій Ивановичъ готовилъ Казани месть за эту неудачу воеводъ своихъ, но Махметъ-Аминъ вскорѣ изъявилъ въ письмѣ къ вел. князю глубокое ра

каяніе свое въ вѣроломствѣ, давъ новую клятву дружить Москвѣ и признавать себя зависимымъ отъ московскаго государя. Цѣлый рядъ лѣтъ прошелъ послѣ этого въ мирѣ и тишинѣ. Между тѣмъ Махметъ-Аминъ занемогъ ужасною болѣзнью: все тѣло его покрылось язвами, кишѣвшими червями. Въ виду болѣзни царя своего, казанцы просили великаго князя назначить ему преемникомъ, на случай смерти, бывшаго царя Абдулъ-Летифа, обязуясь вѣчно зависѣть отъ Москвы и не брать себѣ хановъ иначе, какъ „изъ руки“ великаго князя московскаго; но Абдулъ-Летифъ, нарѣченный преемникомъ казанскаго престола, умеръ въ Москвѣ въ 1518 году. Не долго пережилъ его и Махметъ-Аминъ: онъ въ страшныхъ мукахъ окончилъ, позднею осенью того же года, бурную жизнь свою, вѣсть о чемъ 26 декабря доставлена была московскому великому князю.

Со смертью Махметъ-Амина пресѣклась сарайская династія Улу-Махмета.

X.

Шейхъ-Али-Ханъ (Шигалей русскихъ лѣтописей).

(1519—1521 гг.).

По смерти Махметъ-Амина, казанскіе вельможи и уланы, выполняя принятое ими на себя обязательство, потребовали себѣ царя „отъ руки“ великаго князя московскаго. Василій Ивановичъ объявилъ казанцамъ, что даетъ имъ въ цари Шейхъ-Али,—внука ордынскаго хана Ахмата; этимъ выборомъ великій князь имѣлъ въ виду дать отпоръ притязаніямъ крымскаго хана Махметъ-Ги-

[redacted]

рея, прочившаго казанскій престолъ для брата своего Сахибъ-Гирея. Въ глазахъ Москвы, Шейхъ-Али являлся претендентомъ весьма удобнымъ: воспитанный въ Россіи, онъ былъ искренне преданъ ей и обѣщалъ быть вѣрнымъ присяжникомъ московскаго великаго князя.

Въ Казани новый царь популяренъ, однако, не былъ. Вельможи не любили его за преданность Москвѣ и индифферентизмъ къ подданнымъ своимъ. Тщетно пытались они убѣдить Шейхъ-Али порвать связи съ Москвою,— ханъ только каралъ совѣтчиковъ, склонявшихъ его къ этому. Между тѣмъ, Махметъ-Гирей вступилъ въ тайныя сношенія съ казанскою аристократіею, обѣщая ей обезпеченіе полной политической независимости въ томъ случаѣ, если она посадитъ на престолъ брата его. Въ Казани образовалась, благодаря этому, сильная крымская партія, взявшая подавляющій перевѣсъ надъ ничтожною партіею ордынскою. Весною 1521 года Сахибъ - Гирей явился съ крымскою дружиною подъ стѣнами Казани, вступилъ въ городъ безъ всякаго сопротивленія и, свергнувъ Шейхъ - Али, объявленъ былъ казанскимъ царемъ. Низложенный царь былъ, безъ всякого вреда, отпущенъ обратно въ Москву, хотя находившіеся въ Казани русскіе купцы и были при этомъ переворотѣ пограблены.

XI.

Сахибъ-Гирей-Ханъ, иначе Саипъ-Гирей.

(1521—1524 гг.).

Уже съ самаго начала царствованія своего, этотъ

ченнымъ врагомъ Москвы, въ первый же годъ предпринявъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Махметъ-Гиреемъ, опустошительный походъ въ московскіе предѣлы, ознаменовавшійся неистовствами, напомнившими русскимъ людямъ злыя времена татарщины. Весною 1523 года новый ханъ ознаменовалъ себя новымъ злодѣяніемъ: по его повелѣнію умерщвлены были всѣ находившіеся въ Казани русскіе купцы и великокняжескій посолъ Поджогинъ. Тщетно пытался примирить московскаго великаго князя съ царемъ казанскимъ новый владѣтель Крыма, Сайдетъ-Гирей: „Властители между собою воюютъ, ноословъ и купцовъ не убиваютъ; нѣтъ и не будетъ у меня мира съ злодѣемъ!"—отвѣтили ему изъ Москвы.

Между тѣмъ русская рать, въ числѣ воеводъ которой находился и низложенный казанскій царь Шейхъ-Али, уже была на пути къ Казани. Если до Казани рать эта и не доходила, ограничившись военными дѣйствіями въ районѣ приволжскихъ казанскихъ владѣній, то за то походъ этотъ ознаменовался дѣломъ весьма важнымъ: съ цѣлью создать операціонный базисъ въ войнахъ съ Казанью, на устьи р. Суры основанъ былъ городъ, названный, въ честь велик. князя—Васильсурскомъ. Сознавая въ московскомъ государѣ серьезнаго и опаснаго себѣ противника, Сахибъ-Гирей сталъ сноситься съ турецкимъ султаномъ Солиманомъ Великимъ, предлагая ему свое подручничество цѣною поддержки Казани противъ Москвы. Предложеніе показалось соблазнительнымъ и Казань, именемъ султана, объявлена была турецкою областью. На дипломатическое представленіе о томъ Турціи, изъ Москвы дали гордый отвѣтъ, что „Казань была, есть и всегда будетъ подвластною московскому

[redacted]

государю, а Сахибъ-Гирей—мятежникъ, и дарить Казань султану никакого права не имѣлъ".

Весною 1524 года великій князь Василій двинулъ на Казань полуторастотысячную рать, съ цѣлью окончательнаго покоренія этого города, причемъ въ числѣ воеводъ опять находился эксъ-царь Шейхъ - Али. Извѣстіе объ этомъ грандіозномъ походѣ подѣйствовало на разочаровавшагося въ надеждахъ на Турцію Сахибъ-Гирея настолько удручающимъ образомъ, что онъ бѣжалъ изъ Казани въ Крымъ, оставивъ въ бывшей столицѣ своей тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея (внука крымскаго царя Менгли-Гирея и сына Фети-Гирея), обманувъ казанцевъ заявленіемъ, что ѣдетъ къ султану просить помощи противъ русскихъ.

Но обмануть казанцевъ малодушному бѣглецу не удалось: провозгласивъ царемъ казанскимъ оставленнаго имъ племянника Сафа-Гирея, они, получивъ подкрѣпленіе отъ чувашей и черемисъ, стали дѣятельно готовиться къ сопротивленію наступающимъ на Казань московскимъ воеводамъ.

XII.

Сафа-Гирей-Ханъ.

(1524—1531 гг.).

Сафа-Гирей взошелъ на казанскій престолъ въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій. 7 іюля 1524 года русская судовая рать стала въ виду Казани, у Гостинаго остро-

зоваться вспыхнувшимъ въ эти дни пожарэмъ деревянной казанской крѣпости, давъ казанцамъ спокойно тушить огонь и исправлять поврежденія. Только къ 15 августа обложили русскіе Казань, но, не смотря на трэбованія находившихся при войскахъ иноземныхъ наемниковъ, не рѣшились на штурмъ города и, принявъ отъ осажденныхъ просьбу о мирѣ, сопровождавшуюся богатыми дарами, сняли осаду и очистили землю казанскую. Крѣпко разгнѣвался вел. князь Василій на такое позорное малодушіе главнаго воеводы, князя Ивана Бѣльскаго, и только заступничество митрополита спасло его отъ заслуженной кары.

Если походъ 1524 г. и остался безрезультатнымъ, то за то въ томъ же году вел. князь Василій предпринимаетъ мѣру, явившуюся жестокимъ ударомъ для торговыхъ интересовъ Казани, іюньская ярмарка которой дѣлала этотъ городъ посредникомъ между Европою и Азіею: великій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань на ярмарку, а для торга ихъ съ Азіею указалъ мѣсто на лѣвомъ берегу нижегородскаго Поволжья, гдѣ впослѣдствіе возникъ городъ Макарьевъ; это событіе и положило начало знаменитой Макарьевской ярмарки, явившейся, такимъ образомъ, преемницей Казанской и предшественницей нынѣшней (съ 1817 г.) Нижегородской.

Послѣ 1524 г., въ теченіи пяти лѣтъ, длились мирныя отношенія между Москвою и Казанью, сопровождавшіяся переговорами о московскомъ признаніи Сафа-Гирея легальнымъ царемъ казанскимъ. Враждебныя отношенія улеглись до такой степени, что въ 1529 году московскій посолъ Пильемовъ взялъ съ казанскихъ царя, вельможъ и народа клятвенную запись въ вѣрности великому князю Василію. Но обстоятельства снова быстро перемѣнились. Въ Русь пришло извѣстія, что Сафа-Ги-

рей внезапно измѣнилъ дружескія по отношенію къ Москвѣ намѣренія свои, возбудилъ казанцевъ противъ московскаго великаго князя и даже нанесъ оскорбленіе чести русскому послу. Снова неизбѣжнымъ сдѣлалось открытіе военныхъ дѣйствій.

Въ 1530 году опять выступила на Казань, изъ Нижняго Новгорода, многочисленная русская судовая и береговая рать, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго, уже извѣстнаго намъ злосчастнаго героя казанскаго похода 1524 года. Сафа-Гирей принялъ энергичныя мѣры къ оборонѣ своей столицы: призвалъ полчища свирѣпыхъ черемисъ, ногаевъ, астраханцевъ; укрѣпилъ казанскій посадъ острогомъ и глубокимъ рвомъ, проведеннымъ отъ Булака, Арскимъ полемъ, до рѣки Казанки; примкнулъ къ городу, съ двухъ сторонъ, новую деревянную стѣну и сталъ ожидать нападенія русскихъ. Въ ожиданіи генеральной битвы, между русскими и казанцами происходили лишь частныя, хотя и кровопролитныя, стычки. Однажды (16 іюля) молодые охотники изъ отряда воеводы князя Оболенскаго, замѣтивъ издали, благодаря лунному свѣту, спящую въ казанскомъ острогѣ татарскую стражу, тихо подползли къ деревянной стѣнѣ укрѣпленія, намазали ее смолою — и зажгли, извѣстивъ о подвигѣ своемъ московскихъ воеводъ. Острогъ запылалъ. Въ тоже время русскіе воины, съ угрожающими кликами и при звукѣ трубъ, бросились на приступъ,—кто какъ былъ: конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе...... Ворвавшись въ казанскій посадъ, русскіе рѣзали и давили татаръ, все уничтожая мечемъ и огнемъ. Лѣтописцы

видомъ и силою, казанскій богатырь Аталыкъ. Во время этого побоища царь Сафа-Гирей укрывался въ Арскомъ городкѣ.

Но и на этотъ разъ русскіе воеводы не съумѣли воспользоваться плодами своей побѣды. Они не укрѣпили, какъ слѣдуетъ, своего обоза („Гуляй—города“), который и былъ взятъ подоспѣвшею черемисою, причемъ русскіе потеряли 70 пищалей и многихъ начальныхъ людей. Малодушный воевода Бѣльскій снова, съ легкимъ сердцемъ принявъ предложенныя ему казанцами мирныя условія и дары, отступилъ отъ почти уже готовой пасть Казани. Существуютъ свидѣтельства, что великій князь Василій, возмущенный поступкомъ своего воеводы князя Бѣльскаго (приходившагося ему племянникомъ по матери), уже объявилъ было ему смерть, но тотъ былъ вторично спасенъ предстательствомъ митрополита.

Выполняя условія мирнаго договора, вскорѣ пріѣхали въ Москву казанскіе послы, моля великаго князя Василія простить ихъ царя и народъ: „Завѣса спала съ глазъ нашихъ,—говорили они,—и мы поняли необходимость повиноваться Москвѣ“. Но Сафа-Гирей все еще старался увернуться отъ московскихъ требованій. „Слышимъ и знаемъ, — отвѣчалъ казанскій посолъ князь Тагай, въ отвѣтъ на укоризны по этому поводу бояръ московскихъ,—но мы не клятвопреступники и хотимъ быть вѣрными великому князю. Земля наша запустѣла и въ ужасѣ. Сафа-Гирей, съ своими крымцами и ногаями, дѣлаетъ, что хочетъ: мутитъ умы казанцевъ, не держитъ слова и вводитъ насъ въ стыдъ.... Изгонимъ Сафа-Гирея и пусть государь выберетъ намъ царя!“...

Видя гибельное упорство Сафа-Гирея, князь Тагай

сталъ сноситься съ казанскими вельможами, убѣждая ихъ свергнуть съ престола царя своего. Узнавъ о замыслѣ казанцевъ, приведенный въ бѣшенство Сафа-Гирей намѣревался было умертвить всѣхъ находившихся въ Казани русскихъ, но не былъ допущенъ до этого своими вельможами, которые, въ отвѣтъ на этотъ замыселъ, предложили ему немедленно оставить Казань. Крымскіе и ногайскіе клевреты низложеннаго царя были перебиты, а жена его, дочь ногайскаго хана Мамая, отправлена въ улусы своего отца. Дѣятельное участіе въ этомъ переворотѣ принимала, въ интересахъ Москвы, царевна Горшадна (или Ковгоршадъ), сестра умершаго казанскаго царя Махметъ-Амина, славившаяся своею ученостью и искусствомъ волхвованія. Переворотъ этотъ совершился лѣтомъ 1531 года. Казанскій „сеитъ" (глава духовенства), уланы, князья и мурзы, увѣдомивъ великаго князя Василія Ивановича о низложеніи Сафа-Гирея и подтверждая свое обѣщаніе покорности Москвѣ, просили его дать имъ въ цари не бывшаго уже царемъ у нихъ Шейхъ-Али, мести котораго опасались они, но 15-ти лѣтняго брата его Джанали, владѣвшаго на Руси городомъ Мещерскомъ. Желаніе казанцевъ было удовлетворено. Джанали былъ отпущенъ великимъ княземъ въ Казань, гдѣ и возведенъ на престолъ посломъ, окольничимъ Морозовымъ, причемъ всѣ казанцы дали клятву вѣрности какъ новому царю своему, такъ и московскому государю.

XIII.

Джанали-Ханъ,—онъ же Еналей русскихъ лѣтописей.

(1531—1535 гг).

Джанали вступилъ на престолъ 29 іюня 1531 г., въ пору наилучшихъ отношеній между Казанью и Москвою. Вліяніе Руси на татарскую столицу было подавляющимъ: въ Москвѣ вершались не только политическія, но и чисто внутреннія дѣла Казани. Въ 1533 году московскій великій князь разрѣшилъ царю Джанали жениться на Сююмбекѣ, дочери знатнаго ногайскаго мурзы Юсуфа, въ расчетѣ, что этотъ бракъ умиротворитъ враждебную Москвѣ Ногайскую орду. Въ этомъ же году заточенъ былъ на Бѣлоозерѣ эксъ-царь казанскій Шейхъ-Али, который, завидуя брату своему Джанали, началъ тайно сноситься противъ него съ казанцами и ногаями. Въ продолженіе всего царствованія Джанали продолжались мирныя отношенія между Москвою и Казанью; но за то далеко не мирными были отношенія къ Крыму, гдѣ бывшій царь казанскій Сафа-Гирей, жаждуя мести къ Россіи, не переставалъ возстановлять противъ Москвы своего дядю, крымскаго хана Сахибъ-Гирея,—также низложеннаго (въ 1524 г.) царя казанскаго.

Въ началѣ декабря 1533 года умеръ великій князь московскій Василій III и на престолъ вступилъ малолѣтній сынъ его Іоаннъ IV-й,—будущій Грозный царь и покоритель Казанскаго царства. Хотя казанцы и подтвердили клятвенными грамотами вѣрность свою новому великому князю, тѣмъ не менѣе новая измѣна казанцевъ были уже близка. Въ Казани снова взяла перевѣсъ крым-

ская партія, мечтавшая о возстановленіи на престолѣ Сафа-Гирея, и во главѣ движенія стала таже царевна Горшадна, которая всего за четыре года до того такъ усердно содѣйствовала Москвѣ въ дѣлѣ низложенія этого же самаго Сафа-Гирея. 25 сентября 1535 года Джанали-Ханъ былъ предательски умерщвленъ казанцами за-городомъ, на берегу р. Казанки. На казанскій престолъ рѣшено было позвать уже раньше царствовавшаго въ Казани Сафа-Гирея, который и не замедлилъ явиться въ татарскую столицу.

XIV.

Сафа-Гирей-Ханъ (*вторично*).

(1535—1546 гг.).

Вторично посадивъ на престолѣ своемъ Сафа-Гирея, казанская крымская партія имѣла въ виду обезпечить независимость Казани и порвать узы подручничества, которыя все сильнѣе и сильнѣе налагались на царство ихъ московскими великими князьями. Вмѣстѣ съ престоломъ, казанскіе вельможи передали Сафа-Гирею и руку вдовы умерщвленнаго хана, царицы Сююмбеки. Существуютъ свидѣтельства, что въ Казани была также партія приверженцевъ Москвы, желавшая сохранить вѣрность московскому великому князю подъ условіемъ возведенія на престолъ Шейхъ-Али, который, въ видахъ этого, и былъ уже вызванъ изъ своего заточенія въ Москву, но эта партія была подавлена гнетущею силою враждебной

занцами. Боярское правленіе, которымъ ознаменовалось малолѣтство вел. князя Іоанна IV, выказывало большую слабость въ казанскихъ дѣлахъ. Крымскій ханъ открыто предъявлялъ права свои на Казань, а казанцы почти безнаказанно тревожили, жгли и грабили русскіе предѣлы.

Между тѣмъ, враждебная Крыму казанская партія въ началѣ 1541 года снова подняла голову, благодаря неудачному походу Сафа-Гирея на Россію, предпринятому въ концѣ предшествовавшаго года. Казанскіе вельможи, съ княземъ Булатомъ во главѣ, тайно списывались съ Москвою, прося дать имъ войско для низложенія Сафа-Гирея, который, по ихъ словамъ, обираетъ народъ, отсылая въ Крымъ собираемую имъ въ Казани, всѣми правдами и неправдами, казну. Но не долго продержалось блгопріятное Москвѣ настроеніе умовъ казанцевъ. Крымская партія дѣлала здѣсь свое дѣло и уже въ 1542 году царевна Горшадна пишетъ московскому великому князю, что казанцы снова склоняются на сторону Сафа-Гирея. Тревожное время переживала Казань. Казанцы какъ бы потеряли головы, не зная, какой стороны держаться, что бы спасти свою независимость, годы которой уже были судьбою сочтены. Стали совершаться разныя знаменія, предвѣщавшія близкое паденія Казани, а царевна Горшадна, обладавшая даромъ прорицанія, будто бы открыто предсказала паденіе черезъ десять лѣтъ казанской вольности....

Вѣроломство казанцевъ и шатаніе ихъ умовъ вынудили московское правительство къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ апрѣлѣ 1545 г. двѣ русскія рати сошлись подъ Казанью, выжгли и опустошили окрестности города но, не сдѣлавъ нападенія на самую Казань, возврати-

[redacted]

лись обратно. Неожиданность русскаго нашествія внушила казанскому царю подозрѣніе, что этотъ походъ былъ послѣдствіемъ интриги враждебныхъ ему вельможъ. Сафа-Гирей не преминулъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ: нѣкоторые, казавшіеся ему подозрительными, вельможи казанскіе были умерщвлены имъ, другіе — изгнаны. Такой образъ дѣйствій крымскаго выходца вызвалъ въ Казани озлобленіе и окончательно взорвалъ терпѣніе казанцевъ; 29 іюля прибыло въ Москву посольство, съ князьями Кадышемъ и Чурою во главѣ, съ просьбою прислать на Сафа-Гирея рать и съ обѣщаніемъ выдать царя и крымскихъ приспѣшниковъ его. Въ Казани вспыхнуло возстаніе. Сафа-Гирей бѣжалъ отсюда, а многіе изъ крымцевъ были растерзаны озлобленнымъ народомъ. Анархія ознаменовала собою въ Казани весь конецъ 1545 года, пока, уже въ январѣ слѣдующаго 1546 года, не прибыло въ Москву новое казанское посольство, просившее опять отпустить въ Казань на царство хана Шейхъ-Али. Великій князь послалъ въ Казань довѣренное лице привести къ присягѣ, въ вѣрности Москвѣ, Казанскаго сеита (главу духовенства), улановъ, князей и весь народъ; присяга эта была безпрекословно принесена ими, послѣ чего, 7 апрѣля 1546 года, Шейхъ-Али былъ отправленъ съ Москвы въ Казань, гдѣ 13 іюня и посаженъ на царство послами великаго князя.

XV.

Шейхъ-Али-Ханъ (вторично).

(1546 г.)

казанскихъ политическихъ агитаторовъ снова просить себѣ въ цари разъ уже низложеннаго ими хана, которому, на этотъ разъ, довелось занимать казанскій престолъ въ теченіи всего только одного мѣсяца. Не успѣли еще окончиться празднества по поводу воцаренія Шейхъ-Али, какъ противъ новаго хана обнаружилась уже измѣна. Умерщвлены или заточены были вѣрные слуги новаго хана; самого его вельможи держали, какъ плѣнника, не дозволяя ему не только выѣзжать за городъ, но даже показываться народу. Хану не оказывали никакого уваженія: придворные и вельможи шумно пировали во дворцѣ своего царя, являлись туда въ оружіи и беззастѣнчиво распоряжались его жильемъ и его имуществомъ. Только одинъ изъ вельможъ, нѣкій Чура, бывшій приверженцемъ Москвы, былъ лицемъ преданнымъ царю, но вліяніе его было безсильно поддержать престижъ Шейхъ-Али. Между тѣмъ, казанцы вновь звали къ себѣ на царство Сафа-Гирея, который, во главѣ крымской и ногайской дружины, шелъ къ Казани и уже находился на берегахъ Камы. Шейхъ-Али не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ, воспользовавшись пиршествами по поводу какого то праздника, тайно, при помощи Чуры, скрыться изъ дворца, оставить Казань и бѣжать въ Россію.

XVI.

Сафа-Гирей-Ханъ (въ третій разъ).

(1546—1549 гг.).

Въ третій разъ воцарился, такимъ образомъ, Сафа-Гирей къ Казани,

Новое царствованіе открылось терроромъ: князь Чура, державшій сторону Шейхъ-Али, и цѣлый рядъ другихъ вельможъ, казавшихся Сафа-Гирею подозрительными, были казнены; свыше 70-ти князей и мурзъ, равно какъ и братья Чуры, вынуждены были бѣжать изъ Казани въ Москву. Пренебрегая казанцами, ханъ окружилъ себя исключительно крымцами и ногаями, при посредствѣ которыхъ старался держать народъ свой въ страхѣ. Въ это царствованіе Сафа-Гирея не происходило серьезныхъ столкновеній между Москвою и Казанью, если не считать русско-черемискаго похода, зимы 1546—1547 гг., къ устью р. Свіяги; внутреннія дѣла московскаго государства за эти два года—вполнѣ объясняютъ причину кажущагося индифферентизма Москвы къ дѣламъ казанскимъ.

Царствованіе Сафа-Гирея окончилось весьма печально: въ мартѣ 1549 года, умываясь въ пьяномъ видѣ, онъ разбилъ себѣ голову и умеръ. По смерти этого хана, царемъ казанскимъ провозглашенъ былъ двухлѣтній сынъ его, Утамышъ-Гирей.

XVII.

Утамышъ-Гирей-Ханъ.

(1549—1551 гг).

Утамышъ былъ сыномъ Сафа-Гирея отъ одной изъ женъ его, Сююнбеки. Въ лицѣ умершаго мужа, царица Сююнбека, дочь ногайскаго князя Юсуфа и правнука Эдигея, теряла уже втораго супруга изъ царей казанскихъ: первымъ мужемъ ея былъ, какъ мы это уже ви-

дѣли, Джанали-Ханъ. Не взирая на то, что Сююнбека была младшею изъ женъ покойнаго Сафа-Гирея, она, по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, была его любимою супругою, что объяснялось, вѣроятно, ея выдающеюся красотою; по словамъ казанскаго хронографа, Сафа-Гирей самъ назначилъ ее правительницею при малолѣтнемъ сынѣ своемъ. Существуетъ преданіе, что нынѣшняя Сумбекина или, правильнѣе, Сююнбекина башня, высящаяся среди казанскаго кремля, есть ничто иное, какъ колоссальный мавзолей, воздвигнутый этою царицею надъ могилою хана Сафа-Гирея.

Малолѣтство казанскаго хана и сопряженное съ нимъ неопредѣленное положеніе вещей въ Казани, побудили царя Іоанна IV предпринять большой походъ на этотъ городъ. Снаряженнымъ осенью 1549 года полкамъ велѣно было стягиватъся къ Нижнему Новгороду, гдѣ всѣ воеводы и соединились въ январѣ 1550 года. Въ этомъ походѣ лично участвовалъ самъ молодой царь московскій, во главѣ лучшихъ воеводъ, въ числѣ которыхъ снова находился и бывшій царь казанскій Шейхъ-Али; въ рядахъ рати московской шли и казанскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ Казани въ Москву въ царствованіе Сафа-Гирея.

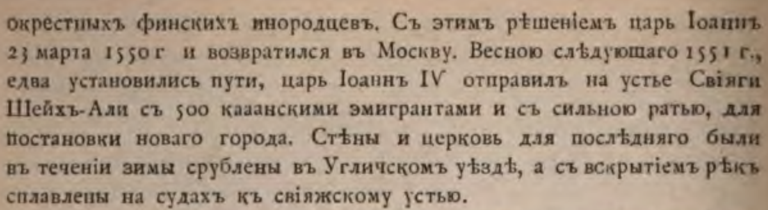
Выступивъ изъ Нижняго 23 января, московскія войска, перенеся всѣ трудности и лишенія зимняго похода, 14 февраля были уже подъ Казанью и начали обложеніе города. Царь Іоаннъ Васильевичъ съ царскимъ полкомъ своимъ расположился на берегу озера Кабана; главныя силы, съ княземъ Дмитріемъ Бѣльскимъ и царемъ Шейхъ-Али во главѣ, заняли позицію на Арскомъ

Полѣ; особый отрядъ поставленъ былъ въ лугахъ, за рѣкою Казанкою; артиллерія была расположена на устьи Булака и у Поганаго Озера (близъ выхода къ кремлевскому холму нынѣшней Засыпкиной улицы), откуда она, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, должна была громить казанскую крѣпость. Во время этого похода, стѣны татарской Казани впервые еще увидѣли передъ собою личное присутствіе въ полкахъ московскаго государя.

Штурмъ былъ отчаянный и продолжался цѣлый день, но послѣдній часъ Казани еще не пробилъ: внезапно началась ростопель съ дождями, дороги испортились, снаряды отсырѣли и не стрѣляли, стало даже взламывать ледъ. Являлось серьезное опасеніе голода и возможности быть отрѣзанными отъ путей въ Россію—и царь далъ повелѣніе отступить отъ Казани; казанскій хронографъ говоритъ, что это измѣненіе, ко вреду русскихъ, погоды было послѣдствіемъ чаръ казанскихъ волховъ.

Если походъ 1550 года и не увѣнчался успѣхомъ, то за то онъ ознаменовался дѣломъ, весьма важнымъ съ точки зрѣнія успѣха дальнѣйшей борьбы съ Казанью, именно—основаніемъ города Свіяжска.

На обратномъ пути отъ Казани, русская рать имѣла стоянку на устьи рѣки Свіяги, верстахъ въ 30 отъ татарской столицы. Здѣсь вниманіе царя Іоанна обратила на себя своеобразной формы гора, возвышавшаяся, въ видѣ опрокинутой чашки, среди заливной долины р. Свіяги и носившая наименованіе «Круглой». Взъѣхавъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ воеводъ, на вершину этой горы, царь, по совѣщаніи съ послѣдними, порѣшилъ поставить здѣсь городъ, который служилъ бы въ будущемъ опорнымъ базисомъ для казанскихъ похо-

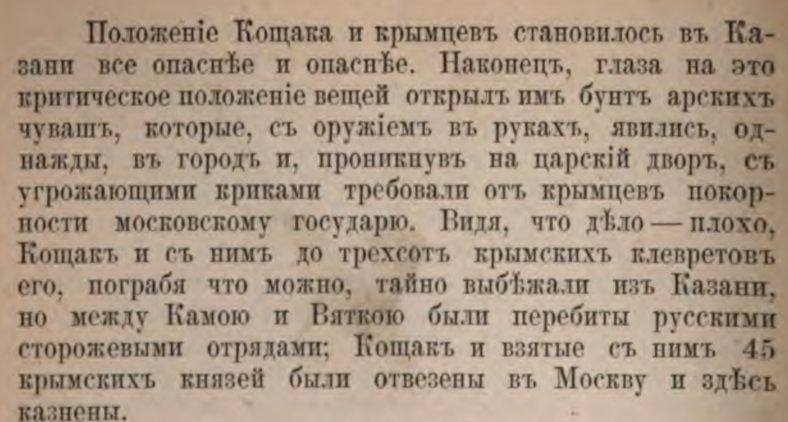


окрестныхъ финскихъ инородцевъ. Съ этимъ рѣшеніемъ царь Іоаннъ 23 марта 1550 г. и возвратился въ Москву. Весною слѣдующаго 1551 г., едва установились пути, царь Іоаннъ IV отправилъ на устье Свіяги Шейхъ-Али съ 500 казанскими эмигрантами и съ сильною ратью, для постановки новаго города. Стѣны и церковь для послѣдняго были въ теченіи зимы срублены въ Угличскомъ уѣздѣ, а съ вскрытіемъ рѣкъ сплавлены на судахъ къ свіяжскому устью.

Экспедицію открыли тѣмъ, что переняли у непріятеля всѣ переправы черезъ Волгу, а 16 мая 1551 г., при солнечномъ закатѣ, воевода князь Серебряный первый распустилъ на вершинѣ Круглой горы русское знамя и отпѣлъ здѣсь вечернюю молитву. 18 мая, рано утромъ, переправившись въ ночь через р. Волгу, князь Серебряный ударилъ на казанскій посадъ, истребилъ здѣсь болѣе тысячи спавшихъ еще казанцевъ и, въ числѣ ихъ, до сотни князей и мурзъ, освободилъ множенство русскихъ плѣнныхъ и, ограничившись этою удачею, снова переправился на устье Свіяги, гдѣ долженъ былъ дожидаться прибытія главныхъ русскихъ силъ, которыя и пришли 24 мая, вмѣстѣ съ срубленными и привезенными въ разобранномъ видѣ церковью и городскими стѣнами. Вырубили дремучій лѣсъ, осѣнявшій Круглую гору, расчистили и вымѣрили мѣсто будущаго города, обойдя его крестнымъ ходомъ, и начали собирать здѣсь привезенную изъ Россіи церковь, во имя Рождества Пресв. Богородицы и Св. Сергія, и городскія стѣны. Оказалось, что стѣнъ, срубленныхъ въ Угличскомъ уѣздѣ, хватило только на половину города; недостающую половину срубили здѣсь, на мѣстѣ. Въ теченіи четырехъ недѣль поставленъ былъ новый городъ, первоначально, по преданію, названный, въ честь царя, «Ивангородомъ», но вслѣдъ затѣмъ названный Свіяжскомъ,— по рѣкѣ, близь устья которой былъ онъ сооруженъ.

Основаніе Свіяжска имѣло огромное моральное вліяніе на окрестное инородческое населеніе; горная черемиса и чуваши цѣлый годъ послѣ этого событія не переставали посылать въ Москву посольства съ челобитьями о принятіи ихъ подъ русскую державу.

Въ Казани основаніе, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, русскаго города—вызвало всеобщее смущеніе и уныніе и не только не сплотило сильныхъ города къ дѣлу предупрежденія уже висѣвшей надъ нимъ гибели, но, напротивъ, породило разномысліе и вражду партій. Четырехлѣтній царь на престолѣ—являлся плохимъ залогомъ ближайшаго будущаго Казани, которую такъ сильно стала уже тѣснить Москва; въ 30 верстахъ отъ столицы, на разстояніи всего одного марша отъ нея, стоялъ во вновь устроенномъ Свіяжскѣ бывшій казанскій царь Шейхъ-Али, во главѣ сильной русской рати, а другіе русскіе отряды желѣзнымъ полукольцомъ протянулись отъ Суры до Камы, никого не пропуская къ Казани изъ Крыма и ногайскихъ ордъ. А что же царица Сююнбека? Вдова царя Сафа-Гирея, кончивъ оплакивать своего супруга, уже наслаждалась новымъ увлеченіемъ, забывая и Казань, и Москву, и сына, въ объятіяхъ своего любовника, ненавистнаго народу временщика, крымскаго улана Кощака, имя котораго до нашихъ дней напоминаетъ еще названіе деревни Кощаково, расположенной въ 17 верстахъ къ востоку отъ Казани; существуютъ свидѣтельства, будто бы этотъ Кощакъ лелѣялъ помыселъ извести Утамыша и, вмѣстѣ съ рукою Сююнбеки, получить казанское царство. Утомленные постоянными войнами, смутами и раздорами партій, многіе казанцы явно стремились поддаться Москвѣ; но крымская партія, съ временщикомъ Кощакомъ во главѣ, все еще обнадеживала и царицу, и народъ, поддержкою Крыма, Астрахани и Ногайскихъ ордъ. Многіе изъ казанцевъ, даже мурзы и князья, тайно уходили изъ Казани и отправлялись въ Свіяжскъ къ бывшему царю своему Шейхъ-Али



Положеніе Кощака и крымцевъ становилось въ Казани все опаснѣе и опаснѣе. Наконецъ, глаза на это критическое положеніе вещей открылъ имъ бунтъ арскихъ чувашъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, явились, однажды, въ городъ и, проникнувъ на царскій дворъ, съ угрожающими криками требовали отъ крымцевъ покорности московскому государю. Видя, что дѣло — плохо, Кощакъ и съ нимъ до трехсотъ крымскихъ клевретовъ его, пограбя что можно, тайно выбѣжали изъ Казани, но между Камою и Вяткою были перебиты русскими сторожевыми отрядами; Кощакъ и взятые съ нимъ 45 крымскихъ князей были отвезены въ Москву и здѣсь казнены.

Паденіе Кощака и крымской партіи открыло возможность мирныхъ переговоровъ между Москвою и Казанью, которые къ августу 1551 г. и привели къ мирнымъ условіямъ на слѣдующихъ двухъ главныхъ основаніяхъ: 1) казанцы обязывались снова признать царемъ своимъ Шейхъ-Али и 2) должны были выдать, для препровожденія ихъ въ Россію, царя Утамыша-Гирея и мать его Сююнбеку. 6 августа прибылъ въ Свіяжскъ, отъ Іоанна IV, Адашевъ, для провозглашенія Шейхъ-Али царемъ казанскимъ, а для принятія царицы Сююнбеки съ сыномъ въ Казань пріѣхалъ воевода князь Серебряный.

Казанскій лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующія подробности относительно плѣненія царицы казанской. Войдя въ палату царицы, — говоритъ онъ, — князь Серебряный, снявъ шапку, объявилъ ей, что она отнынѣ плѣнница московскаго государя. «Да будетъ воля Аллаха и царя Московскаго!» — вымолвила Сююнбека, вставъ съ своего мѣста, поддерживаемая двумя невольницами и, вслѣдъ за тѣмъ, безъ чувствъ упала на полъ. Лѣтописецъ предполагаетъ, что гордая царица сама бы

на себя наложила руки, если бы заранѣе знала то, что ее ожидаетъ.... Присутствовавшіе при этомъ казанцы хотѣли было растерзать московскаго воеводу, но были насильственно удержаны отъ этого вельможами своими. Десять дней продержали царицу подъ крѣпкою стражею, забравъ царскую казну и сокровища, которыя наполнили собою 12 лодокъ. Передъ отъѣздомъ Сююнбека ходила на гробницу мужа своего Сафа-Гирея и, павъ передъ могилою его, раводрала одежды свои и съ отчаяніемъ, терзая волосы и лицо свое, причитала: «О царь мой! Видишь ли ты царицу свою, которую такъ любилъ, уводимую въ вражескій плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ твоимъ? Зачѣмъ такъ рано удалился ты подъ темные могильные своды оставивъ насъ сиротами? Мы преданы царю московскому! Не было у меня ни силъ, ни помощниковъ для борьбы съ нимъ... Не такъ еще горевала бы я, если бы плѣнена была царемъ нашего языка и вѣры.... Царь мой! Разверзи для меня темный гробъ свой, и да будетъ этотъ гробъ нашимъ царственнымъ брачнымъ ложемъ! Прими же юную царицу свою, чтобъ не насладились иновѣрные красотою ея. Кому повѣдую печаль свою? Сынъ мой еще младенецъ, отецъ мой—далеко, а казанцы передо мною—клятвопреступники.... Ты не отвѣчаешь мнѣ, о царь мой? Но вотъ стоятъ уже въ дверяхъ жестокіе воины, готовые схватить меня. Давно ли я была царицею, а теперь—горестная невольница и убогая раба...... Не могу уже болѣе и плакать я: глаза мои слѣпнутъ отъ слезъ, голосъ надрывается отъ стенаній!» По словамъ лѣтописца, даже самъ князь Серебряный не могъ удержаться отъ слезъ, видя отчаяніе плѣнницы своей.

Проводы царицы Сююнбеки были очень трогательны. На рѣкѣ Казанкѣ стояло богато убранное судно, на которомъ должна была она пуститься въ далекій путь. Весь городъ провожалъ царицу къ пристани. Изнеможенная горемъ и страданіями Сююнбека съ трудомъ ступила на пристань и низко поклонилась горько плакавшему и павшему передъ нею ницъ народу. Лѣтописецъ передаетъ и слова прощанія, съ которыми царица обратилась къ удалявшимся отъ нея казанскимъ берегамъ: «...Горе тебѣ, городъ унынія и крови!,—между

главы твоей, и сталъ ты подобенъ вдовѣ сиротѣющей, сталъ ты изъ господина — рабомъ.... Прошла слава твоя, и палъ ты изнеможенный, какъ звѣрь, лишившійся главы своей.... Гдѣ твои царскіе пиры и празднества? Гдѣ величіе улановъ и князей твоихъ? Гдѣ ликованіе, пѣсни и пляски женъ и дѣвъ твоихъ? Медовыя рѣки и винные потоки текли въ тебѣ, а теперь проливаются лишь потоки крови и слезъ.... Гдѣ найду я пташку быстролетную, чтобы черезъ нее повѣдать далекому отцу о жестокомъ бѣдствіи моемъ?» и т. п. Выѣхавъ изъ Казани и проведя первую ночь въ Свіяжскѣ, царица Сюнбека уже 5 сентября была въ Москвѣ. Впослѣдствіе (въ 1552 г.) Сюнбека вышла замужъ, третьимъ бракомъ, за бывшаго казанскаго царя Шейхъ-Али.

Съ 13 по 15 августа на обширномъ лугу, простиравшемся отъ казанскаго устья до Бежболды (южная часть нынѣшней Адмиралтейской слободы), происходила присяга казанцевъ новому царю своему, а 16 августа Шейхъ-Али, въ сопровожденіи 300 человѣкъ городецкихъ князей, мурзъ и казаковъ и 200 русскихъ стрѣльцовъ, долженствовавшихъ жить въ царскомъ дворцѣ, въ качествѣ конвоя хана, торжественно въѣхалъ въ Казань, гдѣ и совершенъ боярами Булгаковымъ и Хабаровымъ обрядъ посаженія на царство новаго казанскаго властителя.

XVIII.

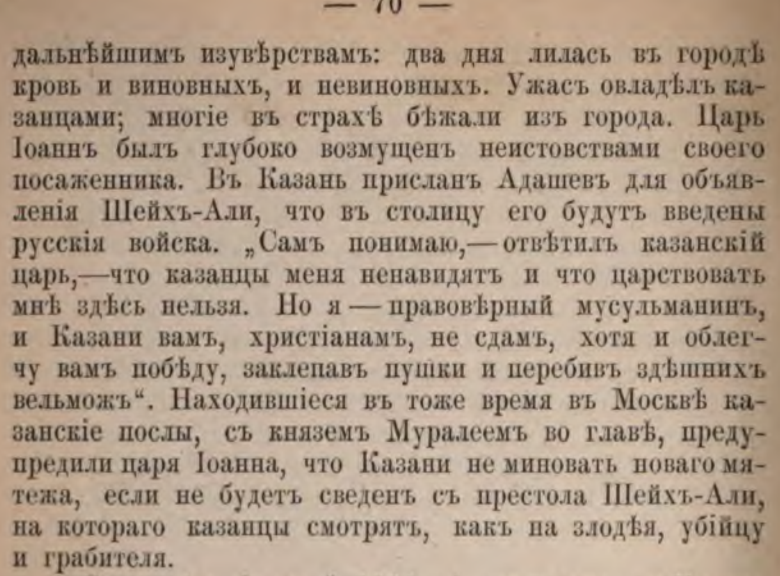
Шейхъ-Али-Ханъ (*въ третій разъ*).

(1551—1552 гг.).

Въ третій разъ возведенный на уже расшатанный престолъ казанскаго царства, Шейхъ-Али началъ свое царствованіе выдачею всѣхъ находившихся въ Казани

русскихъ полонянниковъ, что было однимъ изъ условій московско-казанскаго мирнаго соглашенія. Снабженные на дорогу всѣмъ необходимымъ, русскіе плѣнные громаднымъ кортежомъ оставили Казань; выходъ ихъ отсюда былъ какъ бы „новымъ исходомъ Израиля“,—замѣчаетъ лѣтописецъ.

Воцареніе на Казани уже и раньше ненавидимаго здѣсь Шейхъ-Али не могло дать казанскому царству спокойствія. Поводъ къ серьезнымъ неудовольствіямъ между Москвою и Казанью коренился уже въ одномъ изъ условій, съ которымъ предоставленъ былъ Шейхъ-Али дважды достигавшійся и дважды терявшійся имъ казанскій престолъ. Дѣло въ томъ, что царь Іоаннъ IѴ отдалъ Шейхъ-Али одну только луговую сторону казанскаго царства, горная же сторона его оставлена за московскимъ государствомъ и приписана къ Свіяжску, что крайне огорчало и новаго хана, и казанцевъ. Уже тотчасъ по своемъ воцареніи, Шейхъ-Али началъ докучать московскому царю притязаніями относительно луговой стороны, ссылаясь на опасеніе бунта со стороны подданныхъ своихъ. Эти опасенія были не безпочвенными. До царя стали доходить свѣдѣнія, что казанскіе вельможи опять сносятся съ ногайцами, замысливъ умертвить его, Шейхъ-Али, а съ нимъ и всѣхъ находящихся въ Казани русскихъ. Полетѣли въ Москву гонцы съ этими тревожными вѣстями. Между тѣмъ Шейхъ-Али, не дождавшись отвѣта изъ Москвы, задумалъ разомъ покончить съ крамолою: онъ пригласилъ къ себѣ на пиръ 70 человѣкъ заподозрѣнныхъ имъ знатныхъ казанцевъ и велѣлъ стоявшимъ при немъ московскимъ стрѣльцамъ всѣхъ ихъ перерѣзать. Эта звѣрская расправа была лишь сигналомъ къ



дальнѣйшимъ изувѣрствамъ: два дня лилась въ городѣ кровь и виновныхъ, и невиновныхъ. Ужасъ овладѣлъ казанцами; многіе въ страхѣ бѣжали изъ города. Царь Іоаннъ былъ глубоко возмущенъ неистовствами своего посаженника. Въ Казань присланъ Адашевъ для объявленія Шейхъ-Али, что въ столицу его будутъ введены русскія войска. „Самъ понимаю,—отвѣтилъ казанскій царь,—что казанцы меня ненавидятъ и что царствовать мнѣ здѣсь нельзя. Но я — правовѣрный мусульманинъ, и Казани вамъ, христіанамъ, не сдамъ, хотя и облегчу вамъ побѣду, заклепавъ пушки и перебивъ здѣшнихъ вельможъ". Находившіеся въ тоже время въ Москвѣ казанскіе послы, съ княземъ Муралеемъ во главѣ, предупредили царя Іоанна, что Казани не миновать новаго мятежа, если не будетъ сведенъ съ престола Шейхъ-Али, на котораго казанцы смотрятъ, какъ на злодѣя, убійцу и грабителя.

Снова (въ февралѣ 1552 г.) поскакалъ въ Казань Адашевъ,—на этотъ разъ уже для низложенія Шейхъ-Али и для принятія отъ него города. Царь рѣшительно отказался сдать Казань: „Престола я не жалѣю,—сказалъ онъ Адашеву,—но города христіанамъ не сдамъ изъ рукъ своихъ; придите и возьмите Казань сами— мирнымъ ли путемъ, или силою"....

Шейхъ-Али рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе оставить Казань. Препроводивъ въ Свіяжскъ пищали съ порохомъ и заклепавъ пушки, онъ, сопровождаемый 84 уланами и князьями, выѣхалъ къ подгородному озеру подъ предлогомъ рыбной ловли. Здѣсь спутники его были оцѣплены стрѣльцами. „Вы хотѣли убить меня,—сказалъ онъ казанскимъ вельможамъ,—и поддаться

царю Іоанну... Предстанемъ же всѣ вмѣстѣ на судъ его!“ Вслѣдъ затѣмъ Шейхъ-Али отправился въ Свіяжскъ, захвативъ съ собою и задержанныхъ имъ улановъ и князей. Это происходило 6 марта 1552 года.

XIX.

Едигеръ-Ханъ.

(1552 г.).

Едигеръ, происхожденіемъ астраханскій царевичъ, является послѣднимъ царемъ татарской Казани. Въ его непродолжительное царствованіе пала мятежная Казань, вынужденная, наконецъ, покориться русской державѣ. Происшествія царствованія Едигера-Хана совпадаютъ съ исторіею русскаго похода и казанской осады 1552 года, что составитъ предметъ слѣдующей главы.

Изъ всего изложеннаго выше мы видимъ, что съ 1437 года по 1552 годъ, т. е. въ промежутокъ времени 115 лѣтъ, въ Казани было девятнадцать царствованій, при четырнадцати ханахъ; изъ числа послѣднихъ двое царствовали три раза, одинъ—два раза.

Изъ этихъ четырнадцати хановъ были происхожденія:

Ордынскаго, корня Улу-Махмета—семь хановъ (Улу-Махметъ, Махмутекъ, Халилъ, Ибрагимъ, Али, Махметъ-Аминъ и Абдулъ-Летифъ).

Ордынскаго, корня Салтанъ-Бахтеяра—двое (Шейхъ-Али и Джанали).

Крымскаго, корня Менгли-Гирея—трое (Саипъ-Гирей, Сафа-Гирей и Утамышъ-Гирей).

Ногайскаго, изъ шибанскихъ и астраханскихъ властителей—двое (Мамукъ и Едигеръ).

IV.

Послѣдніе дни Казанской самостоятельности. Осада 1552 года и покореніе Казани русской державѣ.

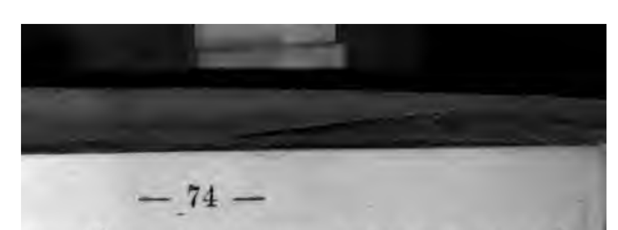
Желая и сохранить миръ съ московскимъ царемъ, и не идти наперекоръ своему долгу по отношенію къ мусульманству, Шейхъ-Али, какъ мы это видѣли, отказался изъ своихъ рукъ передать русскимъ воеводамъ власть надъ Казанью. Воеводамъ пришлось скоро убѣдиться, что занятіе этого города безъ кровопролитія все еще дѣло вовсе не легкое.

По выѣздѣ Шейхъ-Али изъ Казани, для управленія городомъ назначенъ былъ свіяжскій воевода князь Семенъ Микулинскій. На требованіе имъ присяги отъ казанцевъ въ вѣрности московскому царю, тѣ согласились на это при томъ условіи,

если къ нимъ будутъ отпущены изъ Свіяжска, „для успокоенія народа“, двое князей—Чапкунъ и Бурнашъ. Желаніе это удовлетворили и присяга была принесена. Въ городѣ приготовили уже помѣщенія для царскаго намѣстника и для московскаго гарнизона и князь Микулинскій, готовясь торжественно въѣхать въ такъ легко пріобрѣтенную Казань, остановился на Бежболдѣ. Но тутъ ожидало его горькое разочарованіе. Изъ подъ Казани дали знать, что въ городѣ вспыхнулъ мятежъ; возбужденные отпущенными къ нимъ передъ тѣмъ „для успокоенія народа“ княземъ Чапкуномъ и тремя другими вельможами, пустившими по городу толки о томъ, что русскіе идутъ истребить всѣхъ жителей, казанцы вооружились и заперли городскія ворота. Оставивъ войско на Булакѣ, воевода поскакалъ къ городу: ворота городскія оказались запертыми, а на стѣнахъ стояли въ боевомъ порядкѣ вооружившіеся жители, не впускавшіе русскихъ въ городъ. 12 марта воеводы возвратились въ Свіяжскъ, пославъ въ Москву гонцовъ съ вѣстью о новой измѣнѣ Казани.

24 марта донесеніе свіяжскихъ воеводъ пришло въ Москву. Собрано было чрезвычайное засѣданіе государевой думы, на которомъ царь Іоаннъ Васильевичъ выразилъ свое непреклонное намѣреніе окончательно „сразить главу Казани“, объявивъ и свое рѣшеніе лично участвовать въ предстоящемъ походѣ. Начались усиленныя приготовленія къ рѣшительному походу на Казань,—походу, которому было суждено положить конецъ политической независимости казанскаго царства.

Между тѣмъ и въ Казани, гдѣ перестали помышлять о добровольной покорности Москвѣ, событія шли своимъ



чередомъ. Казанцы были одушевлены надеждою на вмѣшательство турецкаго султана Солимана, который уже призывалъ европейскій мусульманскій востокъ поднять священное знамя Магомета для защиты Казани противъ Москвы. За поддержку Казани горячо взялся и новый крымскій ханъ Девлетъ-Гирей. Оставаться безъ царя, въ виду неизбѣжнаго нашествія русскихъ, казанцамъ было неудобно. Послали они искать себѣ царя въ ногайскихъ улусахъ и остановились на астраханскомъ царевичѣ Едигерѣ, который, въ сопровожденіи ногайской дружины, и пошелъ къ Казани. Тщетно старались перехватить его на пути русскіе воеводы,—новый царь благополучно прибылъ, въ серединѣ лѣта, въ новую столицу свою.

Были и другія причины, способствовавшія подъему духа казанскихъ патріотовъ. Казанскимъ эмиссарамъ удалось возстановить противъ Москвы инородческое населеніе всей горной стороны, которое такъ еще недавно, послѣ поставленія Свіяжска, било челомъ царю Іоанну о подданствѣ, и враждебное отношеніе этого населенія къ русскимъ, лишавшее московскую рать обезпеченнаго тыла и свободныхъ путей въ Россію, было для казанцевъ крупнымъ шансомъ въ борьбѣ ихъ съ царемъ Іоанномъ. Да и въ самомъ Свіяжскѣ не все обстояло благополучно: отдаленность отъ Россіи, условія жизни въ инородческомъ краѣ, вдали отъ родины и домашняго очага, развили въ войскахъ деморализацію и развратъ, потребовавшіе вмѣшательства московскихъ духовныхъ властей; къ этому присоединилась и повальная цынга, валившая съ ногъ массы ратныхъ людей......

3 іюля 1552 г. московская рать тронулась въ походъ изъ подъ Коломны, а 13 августа царь Іоаннъ Василье-

вичъ былъ уже въ Свіяжскѣ, откуда 15 августа отправлены были въ Казань грамоты, требовавшія отъ казанцевъ покорности и выдачи мятежниковъ. Не выжидая отвѣта на эти грамоты, русскія войска 16 числа начали переправляться черезъ Волгу, близь самаго свіяжскаго устья, и черезъ три дня царь, съ главными силами, находился уже на луговой сторонѣ рѣки.

Въ Казани господствовало необычайное воодушевленіе, явившееся какъ бы выраженіемъ послѣдней агоніи умирающей казанской независимости; казанцы, жаждуя крови и мести, дѣятельно изготовлялись къ защитѣ города. 20 августа, когда царь Іоаннъ находился уже въ виду Казани, къ которой онъ подходилъ со стороны нынѣшняго стараго московскаго тракта, полученъ былъ отвѣтъ на посланныя изъ Свіяжска грамоты: „Все готово у насъ,— ждемъ васъ на кровавый пиръ!"—надменно писали царю Едигеръ и казанскіе вельможи.

Князь А. М. Курбскій, одинъ изъ главныхъ героевъ казанскаго похода 1552 года, описываетъ намъ общій характеръ города Казани и его окрестностей: „И вышли мы на четвертый день (послѣ переправы, т. е. 20 августа),—пишетъ Курбскій,—на пространные, ровные и веселые луга, гдѣ войско и расположилось возлѣ рѣки Волги; а луга тѣ простираются до Казани съ милю (около семи верстъ), такъ какъ городъ этотъ стоитъ не на самой р. Волгѣ, но на протекающей подъ нимъ рѣкѣ Казанкѣ. Городъ расположенъ на высокой горѣ, что особенно замѣтно со стороны Волги; со стороны же Арскаго Поля мѣстность кажется до города ровною...... Казань — городъ очень крѣпкій. Съ одной стороны

проходимая рѣка Булакъ, которая течетъ вдоль самаго посада („мѣсто“) *) и впадаетъ въ р. Казанку близь угольной башни; а вытекаетъ рѣчка эта изъ немалаго озера, называемаго Кабаномъ и начинающагося въ разстояніи съ полверсты отъ посада. Если переправиться черезъ Булакъ, тогда между озеромъ Кабаномъ и посадомъ представится, со стороны Арскаго Поля, крутая и весьма трудная для преодоленія ея гора; а отъ Булака до Поганаго озера, расположеннаго у самой р. Казанки, вдоль всего посада идетъ глубокій копанный ровъ. Со стороны р. Казанки городская гора представляется настолько высокою, что трудно на нее взирать; а на горѣ той поставлена крѣпость, а въ ней царскія палаты и высокія каменныя мечети,—числомъ, помнится, пять,—въ которыхъ погребены умершіе цари казанскіе“.....

Отдохнувъ съ день на берегу Волги, въ виду города, войска, отслушавъ обѣдню и распустивъ знамена, двинулись къ Казани, съ цѣлью ея обложенія. Городъ казался пустымъ,—такъ было въ немъ тихо и на видъ безлюдно. Передъ этимъ пришелъ въ русскій станъ казанскій перебѣжчикъ, Мурза Камай, давшій русскимъ воеводамъ важныя показанія. По его словамъ, царь Едигеръ, глава духовенства (Кульшерифъ-Молна) и казанскіе вельможи такъ воодушевили казанцевъ, что никто въ городѣ и не помышляетъ о мирѣ; что гарнизонъ города составляютъ 30 тысячъ воиновъ и 2700 ногаевъ, не считая князя

---

*) Князь Курбскій, слѣдуя древне-русской терминологіи, послѣдовательно отграничиваетъ понятіе «города», т. е. крѣпости, кремля, отъ понятія «посада», т. е. части города, окружающей кремль (польское — *«място»).*

Япанчи, съ летучимъ коннымъ отрядомъ, который засѣлъ въ Арской лѣсной засѣкѣ, гдѣ поставленъ казанцами укрѣпленный острогъ.

Дислокація войскъ при обложеніи Казани была слѣдующая: полки большой и передовой заняли Арское Поле, перейдя рѣчку Булакъ и поднявшись на свою позицію со стороны озера Кабана; правое крыло („рука") заняло берегъ р. Казанки, лѣвое—мѣстность выше устья Булака; сторожевой полкъ расположился на самомъ устьи Булака; царь Шейхъ-Али сталъ за Булакомъ, близь кладбища; царь Іоаннъ Васильевичъ съ полкомъ своимъ расположился со стороны Волги, на „царевомъ лугу", (районъ нынѣшняго Тихвинскаго прихода, за Сѣнною площадью).

26 августа произошло первое серьезное дѣло между противниками. Казанцы предприняли сильную вылазку изъ города, но, послѣ продолжительной и кровопролитной сѣчи, были отбиты съ огромнымъ урономъ. На слѣдующій день, 27 августа, русскіе открыли по городу пушечную и пищальную пальбу. Началъ свои удалыя нападенія на осаждающихъ, безпрестанно тревожа ихъ съ тыла, и лихой татарскій наѣздникъ Япанча; по словамъ Курбскаго, ему давали изъ города, съ высокой башни, сигналъ флагомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по соображеніямъ осажденныхъ, слѣдовало ему дѣлать нападеніе на русскіе отряды; сдѣлавъ свое дѣло, Япанча снова укрывался въ арскіе лѣса. Отрядъ Япанчи былъ, впрочемъ, вскорѣ уничтоженъ и расположенные со стороны Арскаго Поля и р. Казанки русскіе отряды могли вздохнуть свободнѣе, не имѣя уже въ тылу своемъ дерзкаго и храбраго партизана.

Вскорѣ послѣдовало обстоятельство, въ значительной степени ухудшившее положеніе осажденныхъ. Извѣстный уже намъ казанскій перебѣжчикъ князь Камай сообщилъ русскимъ военачальникамъ, что казанцы, не имѣя хорошихъ источниковъ въ самомъ городѣ и не имѣя возможности выходить за водою на открытый берегъ р. Казанки, берутъ воду изъ родника, вытекающаго съ сѣверозападной стороны горы, на которой расположена крѣпость (родникъ этотъ существуетъ, за Тайницкою башнею, и до нашихъ дней, служа однимъ изъ предметовъ почитанія мѣстныхъ татаръ); къ роднику же этому они ходятъ подземнымъ ходомъ, проведеннымъ отъ Муралеевыхъ воротъ (нынѣшнія Тайницкія). Съ цѣлью уничтоженія этого тайника, стали вести подъ него подкопъ отъ занятой нашими казаками Тапровой Бани, заложили въ него 11 бочекъ пороху и, 5-го сентября, подкопъ этотъ взорвали. Страшный взрывъ произвелъ большую брешь въ городской стѣнѣ, обдавъ ближайшую часть города тучею обломковъ, земли и камней; русскіе успѣли было проникнуть черезъ эту брешь въ самый городъ, но были снова вытѣснены оттуда казанцами. Лишенные воды, казанцы стали приходить въ уныніе; пришлось пользоваться для питья злокачественными городскими источниками и водоемами, отъ потребленія воды которыхъ люди, по словамъ лѣтописца, пухли и болѣли.

Мы уже знаемъ, что къ востоку отъ города, по Арской дорогѣ, казанцами устроенъ былъ укрѣпленный острогъ, служившій Япанчѣ базисомъ въ его набѣгахъ на осаждавшіе Казань русскіе отряды. Русскимъ невыгодно было имѣть у себя въ тылу эту крѣпостцу, тѣмъ болѣе, что теперь, послѣ уничтоженія отряда казанскаго

наѣздника, взять этотъ острогъ было уже дѣломъ немудренымъ. Острогъ былъ поставленъ въ 15 верстахъ отъ города, по Арской дорогѣ, въ естественно укрѣпленной горами, оврагами и лѣсами мѣстности, близь нынѣшняго села Высокая Гора. Взятіе острога возложено было на князя Горбатаго-Шуйскаго, который 6 сентября вполнѣ удачно и выполнилъ это порученіе: острогъ былъ взятъ, причемъ захвачена богатая добыча и двѣсти русскихъ плѣнныхъ. Не удовольствовавшись взятіемъ острога, князь Горбатый-Шуйскій, слѣдомъ за тѣмъ, предпринялъ экспедицію въ глубь арской страны, по направленію къ Арскому городу. Описывая этотъ походъ, кн. Курбскій не нахвалится красотою мѣстоположенія, привольемъ и естественными богатствами этого края, лежащаго вдоль долины р. Казанки. Здѣсь находилось много селеній съ загородными усадьбами казанскихъ князей и вельможъ— „зѣло прекрасными и воистину удивленія достойными“; край изобиловалъ хлѣбами, медомъ, скотомъ, пушнымъ звѣрьемъ и Курбскій сомнѣвается, что бы можно было найти гдѣ либо другую, столь же богато одаренную природою мѣстность. Пробывъ десять дней въ этой экспедиціи во внутрь страны, русскій отрядъ возвратился подъ Казань, обремененный богатою добычею, провіантомъ, скотомъ и всякаго рода запасами.

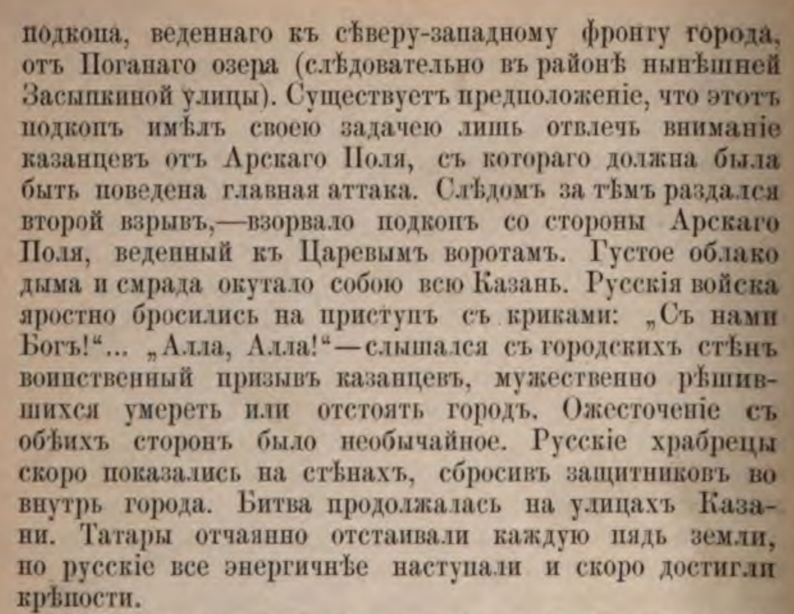
Вскорѣ кореннымъ образомъ испортилась казанская погода, причиняя осаждающимъ большія затрудненія; начались вѣтры, пошли безпрерывные ливни, заливавшіе русскіе станы и осадныя сооруженія. Князь Курбскій утверждаетъ, что эта непогода была навѣяна на русскую

разрушила волхвованія чародѣевъ и возстановила благопріятную для русскихъ погоду. Стали съ прежнимъ успѣхомъ продолжать начатыя осадныя работы: вели заложенные подъ городскія стѣны подкопы, все ближе и ближе подвигали къ городу туры, а для болѣе удобнаго прицѣльнаго обстрѣливанія города, русскіе соорудили и подкатили къ стѣнамъ казанскаго посада, со стороны Арскаго Поля, высокую шестисаженную деревянную башню, вооруженную пушками и пищалями и снабженную лучшими стрѣлками. Башня эта была поставлена между Царевыми и Арскими воротами (Царевы ворота стояли на нынѣшней клинической горѣ, Арскіе—на нынѣшней Покровской улицѣ, въ томъ, приблизительно, мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ г.г. Пермяковыхъ), слѣдовательно въ мѣстности нынѣшней Николаевской площади. Спасаясь отъ дѣйствія огня русскихъ пушкарей и стрѣлковъ, поражавшихъ осажденныхъ съ этой башни прицѣльно, черезъ верхъ городскихъ стѣнъ, казанцы понадѣлали за внутреннею стороною этихъ послѣднихъ землянки и блиндажи („тарасы"), въ которыхъ и укрывались отъ русскаго огня. Съ цѣлью ускорить осаду, которой грозила приближавшаяся осенняя непогода, рѣшено было взорвать эти землянки и блиндажи, для чего подъ нихъ и повели подкопъ со стороны Арскаго Поля (оно начиналось въ ту пору съ нынѣшнихъ Николаевской и Театральной площадей и еще въ прошедшемъ столѣтіи начиналось отъ линіи нынѣшней Поперечной Мало-Красной улицы). 30 сентября подкопъ этотъ былъ взорванъ. Пользуясь переполохомъ казанцевъ, воеводы поспѣшили подкатить къ городскимъ воротамъ заранѣе заготовленные туры. Вообразивъ, что русскіе пошли на рѣшительный штурмъ

города, казанцы густыми массами высыпали изъ за стѣнъ и Арское Поле сдѣлалось ареною ужаснаго побоища. Русскія войска, въ концѣ концовъ, отступили, такъ какъ другіе отряды не могли вскорѣ подать имъ необходимую помощь, тѣмъ не менѣе жаркое дѣло это дало одинъ, весьма крупный, результатъ: князю Воротынскому удалось занять и удержать за собою Арскую башню и, тѣмъ самымъ, овладѣть восточнымъ ключемъ казанской твердыни. Взятіе этой позиціи въ весьма значительной степени обезпечивало успѣхъ окончательнаго приступа къ городу, медлить которымъ было уже нечего, тѣмъ болѣе, что приведены были къ концу и подкопы. Общій штурмъ Казани былъ объявленъ на 2 октября. Наканунѣ этого дня, дѣлались на спѣхъ всѣ необходимыя приготовленія и люди исповѣдывались и пріобщались св. тайнъ. Послали еще разъ къ городскимъ стѣнамъ парламентеровъ съ предложеніемъ осажденнымъ сдаться: „Вы уже на башнѣ и на стѣнѣ,—было имъ отвѣтомъ,—но мы не страшимся: или всѣ умремъ, или отстоимъ городъ нашъ!“......

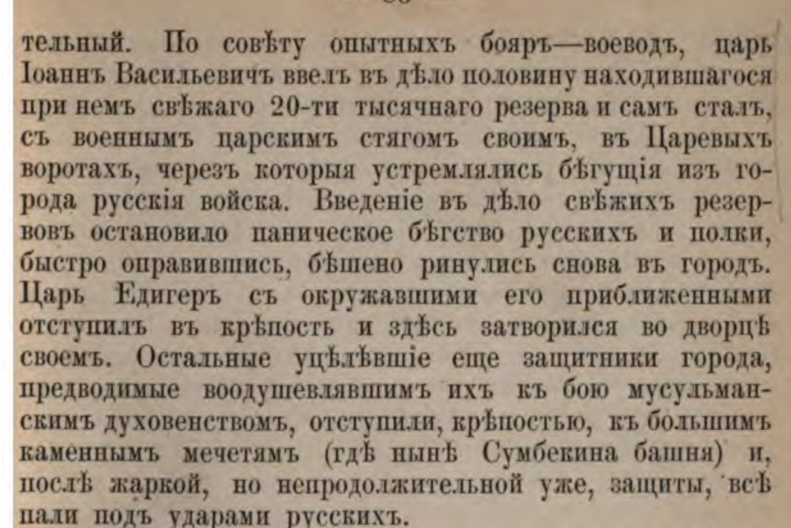
Настало историческое утро 2 октября 1552 года. Еще до свѣта стали русскіе отряды занимать позиціи, назначенныя дислокаціею штурма. Изъ города замѣтили общее движеніе въ русскихъ станахъ и стали усиленно готовиться къ отчаянной защитѣ. Готовилась рѣшиться многовѣковая борьба, завѣщанная XVI вѣку еще порою могущества Булгарскаго царства и кровавою славою царства Кипчакскаго.....

Царь Іоаннъ слушалъ въ это утро литургію въ своей походной церкви. Читали евангеліе. Едва произнесъ діаконъ слова: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ раздался оглушительный громъ взорваннаго перваг



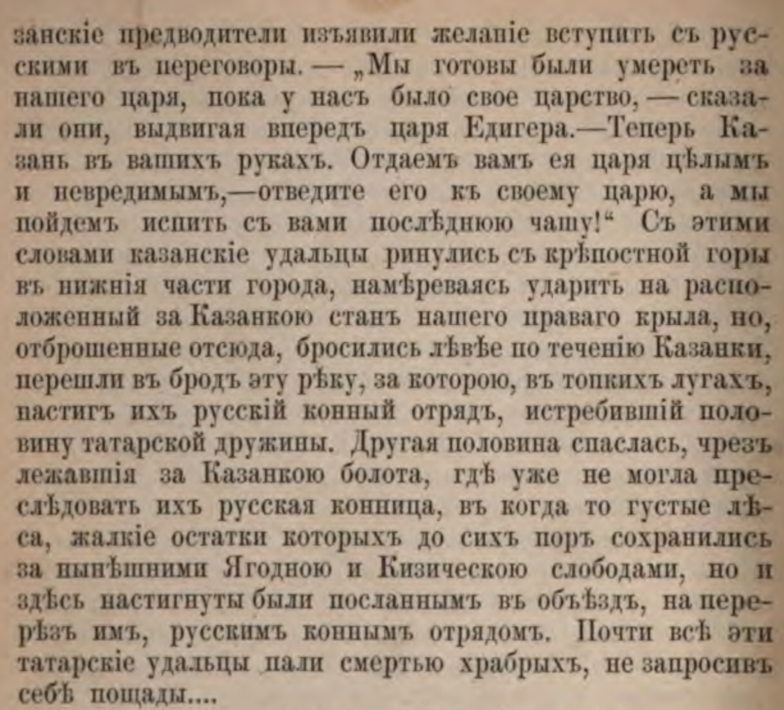
подкопа, веденнаго къ сѣверу-западному фронту города, отъ Поганаго озера (слѣдовательно въ районѣ нынѣшней Засыпкиной улицы). Существуетъ предположеніе, что этотъ подкопъ имѣлъ своею задачею лишь отвлечь вниманіе казанцевъ отъ Арскаго Поля, съ котораго должна была быть поведена главная аттака. Слѣдомъ за тѣмъ раздался второй взрывъ,—взорвало подкопъ со стороны Арскаго Поля, веденный къ Царевымъ воротамъ. Густое облако дыма и смрада окутало собою всю Казань. Русскія войска яростно бросились на приступъ съ криками: „Съ нами Богъ!"... „Алла, Алла!"—слышался съ городскихъ стѣнъ воинственный призывъ казанцевъ, мужественно рѣшившихся умереть или отстоять городъ. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было необычайное. Русскіе храбрецы скоро показались на стѣнахъ, сбросивъ защитниковъ во внутрь города. Битва продолжалась на улицахъ Казани. Татары отчаянно отстаивали каждую пядь земли, но русскіе все энергичнѣе наступали и скоро достигли крѣпости.

Но тутъ произошелъ эпизодъ, едва не вырвавшій изъ рукъ московскихъ воеводъ плоды тяжелой пятинедѣльной осады. Очутившись въ городѣ и окруженные богатою добычею, русскіе воины не выдержали соблазна и, руководствуясь военными обычаями того времени, бросились мародерствовать; оставивъ битву, они проникали въ дома, лавки, склады и спѣшили поживиться на счетъ полупобѣжденныхъ казанцевъ. Воспользовавшись этимъ благопріятнымъ моментомъ, казанцы пріободрились и съ удвоенною силою ударили на разстроившіеся русскіе полки. Тѣ не выдержали натиска и съ воплями: „Сѣкутъ! сѣкутъ!"—обратились въ бѣгство. Моментъ былъ рѣши-



тельный. По совѣту опытныхъ бояръ—воеводъ, царь Іоаннъ Васильевичъ ввелъ въ дѣло половину находившагося при немъ свѣжаго 20-ти тысячнаго резерва и самъ сталъ, съ военнымъ царскимъ стягомъ своимъ, въ Царевыхъ воротахъ, черезъ которыя устремлялись бѣгущія изъ города русскія войска. Введеніе въ дѣло свѣжихъ резервовъ остановило паническое бѣгство русскихъ и полки, быстро оправившись, бѣшено ринулись снова въ городъ. Царь Едигеръ съ окружавшими его приближенными отступилъ въ крѣпость и здѣсь затворился во дворцѣ своемъ. Остальные уцѣлѣвшіе еще защитники города, предводимые воодушевлявшимъ ихъ къ бою мусульманскимъ духовенствомъ, отступили, крѣпостью, къ большимъ каменнымъ мечетямъ (гдѣ нынѣ Сумбекина башня) и, послѣ жаркой, но непродолжительной уже, защиты, всѣ пали подъ ударами русскихъ.

Ханскій дворецъ находился въ то время въ сѣверной части крѣпости, за мечетями,—гдѣ въ наши дни расположенъ кремлевскій дворецъ. Царь Едигей, окруженный десятитысячною дружиною и собравъ женъ и дѣтей своихъ, цѣлый часъ мужественно отбивался еще отсюда противъ окружившихъ его русскихъ. Но вотъ загремѣли разбиваемыя ударами русскихъ воиновъ массивныя дворцовыя ворота. Убѣдившись, что надежды на спасеніе уже нѣтъ, Едигеръ, во главѣ дружины своей, вышелъ изъ заднихъ воротъ дворца и бросился отсюда подъ гору, въ нижнюю часть города, но здѣсь встрѣтилъ его и преградилъ ему дорогу воевода князь А. Курбскій. Царь съ дружиною былъ снова оттиснутъ на крѣпостную гору, къ Збойловымъ воротамъ (противъ нынѣшней Пятницкой церкви). Взойдя на ближайшую башню, ка-



занскіе предводители изъявили желаніе вступить съ русскими въ переговоры. — „Мы готовы были умереть за нашего царя, пока у насъ было свое царство, — сказали они, выдвигая впередъ царя Едигера.—Теперь Казань въ вашихъ рукахъ. Отдаемъ вамъ ея царя цѣлымъ и невредимымъ,—отведите его къ своему царю, а мы пойдемъ испить съ вами послѣднюю чашу!“ Съ этими словами казанскіе удальцы ринулись съ крѣпостной горы въ нижнія части города, намѣреваясь ударить на расположенный за Казанкою станъ нашего праваго крыла, но, отброшенные отсюда, бросились лѣвѣе по теченію Казанки, перешли въ бродъ эту рѣку, за которою, въ топкихъ лугахъ, настигъ ихъ русскій конный отрядъ, истребившій половину татарской дружины. Другая половина спаслась, чрезъ лежавшія за Казанкою болота, гдѣ уже не могла преслѣдовать ихъ русская конница, въ когда то густые лѣса, жалкіе остатки которыхъ до сихъ поръ сохранились за нынѣшними Ягодною и Кизическою слободами, но и здѣсь настигнуты были посланнымъ въ объѣздъ, на перерѣзъ имъ, русскимъ коннымъ отрядомъ. Почти всѣ эти татарскіе удальцы пали смертью храбрыхъ, не запросивъ себѣ пощады....

Послѣдняя „кровавая чаша“ была испита до дна. Казань была въ русскихъ рукахъ. Окончился послѣдній актъ, свыше нежели вѣковой, борьбы, оставившей по себѣ кровавый слѣдъ отъ береговъ Москвы-рѣки и Оки— до древнихъ стѣнъ казанскаго кремля.

— Что прикажешь теперь, великій Государь?—вопросилъ царя Іоанна главный воевода князь Михайло Воротынскій, доложивъ о взятіи Казани.

— Славить Всевышняго! — было отвѣтомъ царя.

Печальный видъ представляла собою Казань послѣ того, какъ окончилась сѣча, не прекращавшаяся по улицамъ города до поздняго вечера дня штурма.

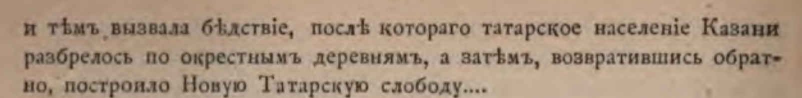
Повсюду виднѣлись слѣды огня и разрушенія, а мѣстами городъ продолжалъ еще пылать пожарами. Крѣпость и всѣ ведущія къ ней ворота были завалены грудами мертвыхъ тѣлъ. Трупы разбросаны были и по посаду, и по берегамъ Казанки; трупы плыли даже по самой рѣкѣ, уносясь на ширь Волги-рѣки.

О полной очисткѣ города нечего было еще и думать. Для назначеннаго на 4 октября торжественнаго въѣзда царя Іоанна Васильевича въ покоренную державѣ его Казань, приказано было очистить отъ труповъ лишь часть крѣпости и ведущую въ нее отъ Муралеевыхъ (нынѣ Тайницкихъ, при спускѣ отъ Сумбекиной башни къ р. Казанкѣ) воротъ, дорогу. Въ назначенный день, предшествуемый духовникомъ съ крестомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи блестящей свиты бояръ и воеводъ, царь вступилъ въ полуразрушенныя стѣны казанской крѣпости. Здѣсь Іоаннъ Васильевичъ избралъ мѣсто для сооруженія будущаго собора во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, лично водрузивъ крестъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ намѣчено было быть престолу. Въ этотъ же день сооружена была тутъ же, въ крѣпости, „обыденная“, т. е. въ теченіи одного дня построенная и освященная, небольшая деревянная церковь во имя св. Кипріана и Устиніи, на память которыхъ взята была Казань.

Пробывъ подъ вновь покореннымъ городомъ всего десять дней, въ теченіи которыхъ намѣчены были мѣры по возобновленію Казани и по устройству города и края, царь Іоаннъ 11 октября [illegible] Казани на

правляясь обратно въ Москву, съ блестящимъ ореоломъ покорителя безпокойнаго мусульманскаго царства,—ореоломъ, котораго такъ тщетно добивался рядъ его державныхъ предшественниковъ.

2 октября 1552 г. завершаетъ собою періодъ самостоятельнаго существованія Казани. Съ этого дня ведетъ свое начало русскій періодъ существованія ея, исторію котораго мы, въ настоящее время, въ послѣдовательномъ изложеніи касаться не будемъ.



и тѣмъ вызвала бѣдствіе, послѣ котораго татарское населеніе Казани разбрелось по окрестнымъ деревнямъ, а затѣмъ, возвратившись обратно, построило Новую Татарскую слободу....

Къ татарскимъ преданіямъ, съ которыми наши историки и этнологи еще весьма мало знакомы, такъ какъ они очень неохотно передаются мѣстными мусульманами, примыкаютъ инородческія преданія (черемисскія, чувашскія и вотскія), главнымъ предметомъ имѣющія отношенія инородцевъ къ булгаро-казанцамъ и къ ихъ покорителю, царю Іоанну Васильевичу, а также и начальную исторію Казани, и эпическія преданія русскихъ, вращающіяся около взятія Казани.

Изъ сохранившихся памятниковъ булгаро-татарскаго періода Казани древнѣйшимъ, по времени, слѣдуетъ признать—

Городище Иски—Казань (т. е. Старая Казань), находящееся влѣво отъ Казани по большому сибирскому тракту, на обрывистомъ правомъ берегу р. Казанки, противъ русскаго селенія Князь-Камаево (въ 45 в. отъ Казани). Здѣсь въ теченіи 104 лѣтъ стояла Казань до конца XIV вѣка, когда городъ этотъ былъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто свое. Двойной валъ со рвомъ по серединѣ, три старинныхъ кладбища вблизи городища, нѣсколько разсѣянныхъ здѣсь древнихъ надгробныхъ камней, да случайныя находки золотоордынскихъ монетъ— вотъ все, что сохранилось въ наши дни отъ Старой Казани.

Названія населенныхъ мѣстъ. Въ своемъ описаніи казанской осады 1552 года, князь Курбскій, разсказывая объ экспедиціи отряда осаждающихъ на востокъ отъ Казани, въ долину р. Казанки, и превознося этотъ край за его красоту и естественныя богатства, говоритъ о немъ, какъ о самомъ сердце татарскаго населенія Казан-

скаго царства; здѣсь, говоритъ Курбскій, разбросано множество селъ, съ усадьбами казанскихъ вельможъ. Тутъ то и было, очевидно, самое средоточіе поселенія землевладѣльческой аристократіи бывшаго царства Казанскаго. На это ясно указываютъ до сихъ поръ сохранившіяся древнія названія многихъ населенныхъ мѣстъ этого района, въ которыхъ звучатъ имена собственныя лицъ, фигурирующихъ въ исторіи Казанскаго царства. Таковы названія селъ и деревень: Янчурино (Собакино), Чурилино, Кодряково, Кульсеитово, Тагашево, Князь-Камаево, Кощаково, Уланово, Шигалѣево, Кулаево, Гильдѣево, Дивликѣево, Чулпаново, Токтамышево, Ядыгеръ, Чекурча, Епанчино и др. Многія изъ этихъ селъ и деревень имѣютъ уже русское населеніе и теперешнія названія ихъ являются лишь съ характеромъ историческаго воспоминанія о минувшихъ судьбахъ края.

Древніе надгробные камни и могилы. Вещественные памятники этого рода сохранились въ различныхъ мѣстностяхъ казанскаго и мамадышскаго уѣздовъ. Нѣсколько такихъ камней имѣются на одномъ изъ древнихъ кладбищъ, находящихся близь городища Иски-Казань, именно на расположенномъ на земляхъ дер. Аяши; одинъ изъ этихъ надгробныхъ камней означаетъ могилу князя Бакшинды, другой—князя Смелина. Въ окрестностяхъ же Иски-Казани указываютъ могилу зятя и сподвижника хана Али-Бека по первоначальному устройству царства казанскаго, Мулла-Хозея (см. выше стран. 28), изъ черепа котораго бьетъ священный ключь, и могилу

нія ихъ,—повѣрье, очевидно, татарскаго происхожденія.

Три древнихъ мусульманскихъ надгробныхъ камня указываютъ въ самой Казани. Первый изъ нихъ находится въ одной изъ казанскихъ мечетей (такъ называемой „первой каменной“), а первоначально найденъ былъ въ 1798 г. при постройкѣ обращеннаго къ Черному Озеру угла гостиннаго двора. Сохранившаяся на этомъ интересномъ камнѣ эпитафія гласитъ, что подъ нимъ погребенъ нѣкто Мухаммедъ-Али-Бекъ, павшій въ іюлѣ 936 года (гиджры, т. е. въ 1530 г. нашей эры) „мученикомъ отъ руки невѣрныхъ“. Любопытное историческое сопоставленіе: именно въ іюлѣ 1530 года (16 числа), совершено русскими кровопролитное нападеніе на казанскій посадъ, ознаменовавшееся страшною рѣзнею и истребленіемъ массы казанцевъ (см. выше стран. 53). Два другихъ надгробныхъ камня лежатъ у загороднаго архіерейскаго дома; одинъ изъ нихъ преданіе пріурочиваетъ къ могилѣ нѣкоего мусульманскаго праведника. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ упомянутые выше надгробные камни и могилы служатъ среди мѣстныхъ мусульманъ предметомъ почитанія.

Извѣстно далѣе нѣсколько десятковъ могилъ у деревни Собакиной (Янчурино), также почитаемыхъ татарами священными, и надгробный памятникъ близъ дер. Тямти, въ мамадышскомъ у., на р. Мешѣ, эпитафія котораго называетъ абыза Рикима Язнаша, умершаго въ 954 (1547) году.

Въ городѣ Казани памятникомъ татарской эпохи могъ бы быть признанъ—

Кремль, расположенный на мѣстѣ старой казанской татарской крѣпости, но, какъ мы увидимъ это ниже, нынѣшнія каменныя башни и стѣны казанскаго кремля являются уже русской постройки, хотя и несомнѣнно, что общія очертанія бывшей татарской крѣпости и современнаго намъ кремля—должны болѣе или менѣе совпадать между собою, что обусловливается самою формою холма, послужившаго имъ основою. Стѣны казанской крѣпости отстояли отъ края нынѣшняго косогора этого холма нѣсколько болѣе во внутрь современнаго кремля (по крайней мѣрѣ съ западной стороны), такъ что гласисъ древней крѣпости долженъ былъ быть шире современнаго, т. е. кремлевскаго, бульвара. Лѣтъ 12—14 тому назадъ, когда начиналась постройка новаго надворнаго корпуса росположеннаго въ западной части кремля юнкерскаго училища, пишущій эти строки, совмѣстно съ мѣстнымъ археологомъ П. А. Пономаревымъ, былъ командированъ Казанскимъ Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи для наблюденія надъ траншеями, которыя прокладывались подъ фундаментъ будущаго зданія. Одна траншея, продолженная нами къ западу, перпендикулярно къ нынѣшней кремлевской стѣнѣ, прорѣзавъ культурный слой съ остатками пожарища и кусками окалины и обломковъ штукатурки, пересѣкла несомнѣнные слѣды основанія обгорѣвшей деревянной (дубовой) крѣпостной стѣны, пролегавшей саженяхъ въ 15 (внутрь) отъ нынѣшней западной кремлевской стѣны.

Болѣе или менѣе соотвѣтствующими нынѣшнимъ кремлевскимъ воротамъ должны были быть и ворота старой татарской крѣпости, изъ которыхъ тожественность

нѣшнія Тайницкія ворота кремля (при спускѣ отъ Сумбекиной башни къ мосту на р. Казанкѣ) соотвѣтствуютъ „Муралеевымъ“ воротамъ казанской крѣпости, получившими это названіе отъ стоявшей по близости Муралеевой мечети; ворота выходившія къ нынѣшней городской мельницѣ на р. Казанкѣ носили названіе „Элбугиныхъ“ воротъ; выходящія нынѣ къ Пятницкой церкви —въ татарской крѣпости именовались „Збойловыми“ воротами; закладенныя въ наши дни ворота, находившіяся въ западной сторонѣ кремлевской стѣны (первыя отъ Ивановской площади) носили въ старой крѣпости названіе „Тюменскихъ“ воротъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что казанская крѣпость или „городъ“ отграничивалась отъ „посада“ глубокимъ рвомъ, пересѣкавшимъ нынѣшнюю Ивановскую площадь и прилегающую къ ней часть Воскресенской улицы и носившимъ названіе „Тезицкаго рва“, — нѣкоторое время сохранявшимся еще и въ русской Казани; воспоминаніемъ объ этомъ рвѣ остается нынѣ лишь мостъ, въ настоящее время совершенно уже лишній, находящійся при въѣздѣ въ кремль со стороны Воскресенской улицы.

Изъ памятниковъ татарской Казани пережилъ паденіе казанской самостоятельности—

Ханскій Дворецъ, бывшій свидѣтелемъ геройской обороны казанскаго царя Едигера, отстаивавшаго здѣсь послѣдніе часы своего властительства. Въ настоящее время можно указать лишь мѣсто этого дворца — оно совпадаетъ съ мѣстомъ нынѣшняго кремлевскаго дворца. Казанская писцовая книга, составленная въ третьей четверти XVI вѣка, упоминаетъ этотъ дворецъ подъ на-

званіемъ „стараго царева двора“; въ эпоху составленія этой книги, отдѣльныя палаты, образовывавшія „старый царевъ дворъ“, были обращены въ военные склады и пороховые погреба,—здѣсь хранились порохъ („зелье“), селитра и свинецъ. Въ началѣ XVIII вѣка отдѣльныя части стараго „царева двора“ вошли въ составъ находившагося здѣсь комендантскаго дома, про который въ 1815 г. въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ пишется, что мѣстные коменданты жили здѣсь „нѣкогда“, значитъ—очень давно, причемъ, въ связи съ этимъ, упоминается о древнемъ „Сумбекиномъ дворцѣ, разломанномъ лѣтъ 15 назадъ“. Профессоръ Фуксъ въ 1817 году свидѣтельствуетъ, что „въ 1807 году разломанъ въ здѣшней крѣпости ханскій дворецъ,— послѣдній остатокъ татарской архитектуры“; въ 1807 г. профессоръ Фуксъ находился уже въ Казани и мы не имѣемъ никакого права не вѣрить показанію этого почтеннаго очевидца, горячо интерессовавшагося мѣстною стариною. Впослѣдствіе обветшалыя стѣны стараго комендантскаго дома были снесены при построеніи нынѣшняго кремлевскаго дворца (заложенъ весною 1845 г.),—слѣдовательно, мы получаемъ основаніе утверждать, что послѣдніе остатки находившагося здѣсь когда то дворца казанскихъ хановъ были уничтожены лишь въ концѣ 30-хъ или въ на- 40-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Въ связи съ зданіями ханскаго дворца находилась расположенная рядомъ съ ними—

Мечеть, изъ числа тѣхъ, несомнѣнно, пяти „муро-

рыхъ казанскіе „умершіе цари клались". Цитированная уже нами казанская писцовая книга третьей четверти XVI вѣка говоритъ о **мечети** противъ церкви Св. Благовѣщенія (нынѣшній каѳедральный соборъ), обращенной въ ея время въ артиллерійскій и матеріальный военный цейхгаузъ. На храня[illegible]ѣстномъ университетѣ старинномъ казанском[illegible]68 года, на мѣстѣ нынѣшней дворцовой церк[illegible] „церковь, обращенная изъ **мечети**, находя[illegible]ѣ въ ветхости". Сопоставленіе всѣхъ приведен[illegible]ше свидѣтельствъ приводитъ насъ къ несомнѣ[illegible]жденію, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о зданіи нынѣшней дворцовой церкви, бывшемъ когда то мусульманскою мечетью; затѣмъ, по взятіи русскими Казани—артиллерійскимъ складомъ; потомъ, успѣвшею ко второй половинѣ XVIII вѣка обветшать, христіанскою церковью и, наконецъ, въ концѣ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія, реставрированномъ въ настоящемъ видѣ и назначеніи своемъ. Итакъ, современное намъ зданіе церкви кремлевскаго дворца мы имѣемъ полное основаніе отнести къ архитектурнымъ памятникамъ татарской Казани, и существуютъ весьма вѣскія доказательства въ пользу того, что это именно та „Муралеева мизгить", т. е. мечеть, которая упоминается въ источникахъ покоренія Казани и по имени которой названы были рядомъ съ нею находящіяся крѣпостныя ворота.

Сумбекина или, правильнѣе, Сююнбекина башня также считается монументальнымъ памятникомъ мусульманской Казани. Возвышающееся въ сѣверной части казанс кремля, это грандіозное сооруженіе, имѣющее 1512 [illegible] площади основанія и 34 саж. 6 фут. высоты, состои семи ярусовъ; первые три яруса—четырехугольн

канчивающіеся каждый идущими вокругъ всей башни уступами-террасами, остальные четыре—осьмиугольные, сверхъ которыхъ поднимается шпицъ, увѣнчанный двуглавымъ орломъ съ золоченымъ яблокомъ; нижній этажъ башни прорѣзанъ сквозными воротами въ видѣ арки. Изъ небольшой осьмиоконной свѣтлички-фонарика, находящейся въ седьмомъ ярусѣ башни, открывается роскошный видъ на Казань, съ ея окрестностями, и на Волгу. Сюонбекина башня издали видна при подъѣздѣ къ Казани, стройною, краснаго цвѣта, иглою возвышаясь надъ окружающими ее зданіями казанскаго кремля.

Господствующее мнѣніе и, что представляется особенно важнымъ, мусульманскія преданія признаютъ за Сюонбекиной башней татарское происхожденіе. Но не всѣ историки Казани соглашаются съ этимъ. Высказывались предположенія, что башня эта сооружена при царяхъ Іоаннѣ IV или Алексѣѣ Михаиловичѣ, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Рыбушкинъ (во второмъ изданіи своей «Исторіи Казани») находитъ возможнымъ отнести постройку ея даже къ эпохѣ императрицы Анны Іоанновны. «По стилю,—пишетъ Рыбушкинъ,—хотя и можно бы было отнести построеніе этой башни къ татарскому господству; но могла ли уцѣлѣть она, когда грозный покоритель Казани приказалъ истребить здѣсь не только домы, но даже разметать молитвенные храмы и гробницы царей?» Уцѣлѣла же, однако, Муралеева мечеть, обращенная въ арсеналъ, а затѣмъ въ православную церковь; весьма возможно, что и сооруженіе, извѣстное нынѣ подъ названіемъ Сумбекиной башни, было пощажено побѣдителемъ для той или другой цѣли утилитарнаго характера. Предположеніе о принадлежности Сюонбекиной башни эпохѣ царя Алексѣя Михаиловича основывается единственно на томъ, что, при возобновленіи стоящей рядомъ съ нею нынѣшней дворцовой церкви, въ землѣ найдены были монеты царей Михаила Ѳеодоровича

церкви этой представляется вполнѣ выясненнымъ, что зданіе ея — татарскаго происхожденія. Предположеніе о принадлежности этой башни эпохѣ Анны Іоанновны основывается только на томъ, что въ это царствованіе проѣздъ Сююнбекиной башни служилъ воротами двора комендантскаго дома, да что при этой императрицѣ водруженъ былъ на шпицѣ башни государственный гербъ; будь Сююнбекина башня построена при Аннѣ Іоанновнѣ — воспоминаніе объ этомъ навѣрное сохранилось бы еще въ началѣ текущаго столѣтія, но источники этой эпохи ни единымъ словомъ не намекаютъ на что либо подобное.

Мы имѣемъ татарскія преданія, которыя вполнѣ послѣдовательно пріурочиваютъ Сююнбекину башню къ эпохѣ самостоятельнаго Казанскаго царства и считаютъ ее грандіознымъ мавзолеемъ, сооруженнымъ царицею Сююнбекою надъ могилою своего мужа. Къ этому добавляютъ, что подъ башнею, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, погребенъ благочестивый мусульманинъ, изъ черепа котораго и истекаетъ ключъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ „Тайницкаго". Башня эта пользуется среди казанскихъ мусульманъ большимъ почитаніемъ и нерѣдко можно видѣть здѣсь татаръ, колѣнопреклоненныхъ у подножія ея для молитвы. Мыслимо ли было бы такое отношеніе къ сооруженію русскаго происхожденія? Ясно, что преданіе мѣстныхъ мусульманъ о татарскомъ происхожденіи башни—должно имѣть древнее и весьма серьезное основаніе. Преданіе это коснулось и вызолоченнаго шара надъ двуглавымъ орломъ, вѣнчающимъ шпицъ Сююнбекиной башни. Долго существовало среди казанскихъ татаръ убѣжденіе, что шаръ этотъ—золотой, и что въ немъ сохраняются какіе то весьма важныя для мѣстнаго мусульманства документы. Въ 1830 г., по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, шаръ этотъ былъ

снятъ и вскрытъ въ присутствіи представителей татарскаго общества: пробитый въ нѣсколькихъ мѣстахъ молніею, онъ оказался латуннымъ и въ серединѣ—пустымъ.

Все это заставляетъ насъ признать за Сююнбекиною башнею несомнѣнно татарское происхожденіе. Иного рода вопросъ—можетъ ли быть признано за этимъ колоссальнымъ сооруженіемъ татарское происхожденіе во всемъ объемѣ его. Первые три (четырехугольные) яруса башни носятъ всѣ признаки до-русскаго происхожденія ихъ; верхніе, восьмигранные, ярусы башни, равно и шпицъ ея, могли быть происхожденія и позднѣйшаго. Вопросъ о старинномъ назначеніи этой башни—долженъ считаться вопросомъ открытымъ. Трудно допустить, что бы въ татарскую пору существованія Казани она могла служить минаретомъ къ Муралеевой мечети; минареты подобнаго типа неизвѣстны мусульманской архитектурѣ. Слѣдуетъ признать это сооруженіе зданіемъ какого либо иного назначенія,—быть можетъ оно служило главнымъ въѣздомъ на ханскій дворъ, какъ впослѣдствіе служило такимъ же въѣздомъ на русскій комендантскій дворъ. Древнѣйшее изъ существующихъ гравированныхъ изображеній нынѣшней дворцовой церкви (въ ея видѣ до реставраціи), въ связи съ Сююнбекиною башнею, съ которою она соединена открытымъ каменнымъ переходомъ, имѣется въ „Краткой исторіи города Казани“ профессора К. Ѳ. Фукса (Каз., 1817 г.) *). Здѣсь Сююнбекина башня совершенно

*) Буквально единственный извѣстный экземпляръ этой, стоящей внѣ всякихъ относительныхъ понятій о библіографической рѣд-

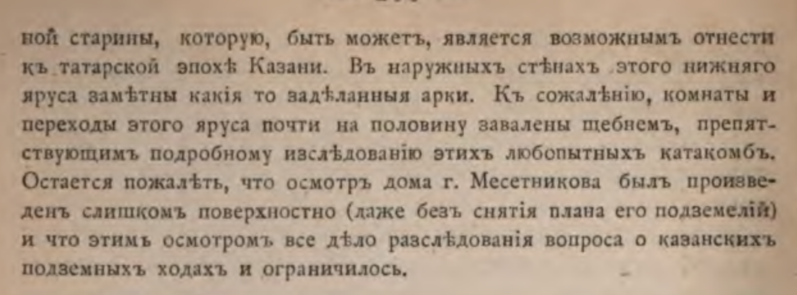
не гармонируетъ, какъ и въ наши дни, стоящей рядомъ съ нею бывшей мечети; но, если мы закроемъ на этой гравюрѣ верхніе четыре яруса башни—получается впечатлѣніе полной гармоніи обоихъ зданій, несомнѣнно находившихся когда то въ тѣсной связи между собою. Въ начальную русскую пору существованія Казани сооруженіе это, надстроенное четырьмя верхними ярусами, съ окончатою свѣтелкою и шпицемъ—могло служить прекраснымъ обсерваціоннымъ пунктомъ по отношенію къ Волгѣ и окрестностямъ Казани.

Тайницкій ключъ. Если мы выйдемъ изъ казанскаго кремля Тайницкими (древніе Муралеевы) воротами, ведущими отъ Сююнбекиной башни къ р. Казанкѣ и, спустившись къ берегу ея, повернемъ вправо, вверхъ по теченію рѣки, то, пройдя нѣсколько десятковъ саженъ, достигнемъ родника, извѣстнаго подъ названіемъ „Тайницкаго ключа". Это тотъ самый ключъ, къ которому, во время осады 1552 года, осажденные казанцы ходили потайнымъ подземнымъ ходомъ („тайникомъ") за водою и который былъ взорванъ русскими, съ цѣлью лишенія осажденныхъ единственной доброкачественной воды. Еще въ концѣ первой половины текущаго столѣтія ключъ былъ обложенъ каменнымъ бассейномъ, но въ настоящее время этотъ историческій ключъ совершенно, къ сожалѣнію, запущенъ и изъ года въ годъ все болѣе и болѣе истощается; у современныхъ казанскихъ обывателей вода этого ключа считается, почему то, особенно доброкачественною для соленія огурцовъ, на каковой предметъ она въ концѣ каждаго лѣта и берется отсюда въ весьма изрядномъ количествѣ. Этотъ ключъ пользуется среди мѣстныхъ мусульманъ большимъ почитаніемъ, а вода его считается

ими даже цѣлительною; татары нерѣдко приходятъ сюда для совершенія своихъ моленій. Существуетъ свидѣтельство, что еще въ 1829 г. извѣстно было мѣсто „пустоты“, т. е. тайнаго хода, который велъ изъ кремля къ этому ключу, но отверстіе его было уже тогда засыпано.

Казанскіе подземные ходы. Среди мѣстныхъ обывателей твердо держится преданіе, что гора, на которой расположенъ казанскій кремль и прилегающая къ нему часть города—прорѣзаны подземными ходами, относящимися еще къ татарской эпохѣ Казани. Утверждаютъ, что на такой подземный ходъ напали при реставраціи Гостинодворской церкви. Въ районѣ Воскресенской улицы и прилегающихъ къ ней, послѣднихъ къ кремлю, переулковъ—указываютъ на дома (гг. Месетникова, Кремлева, Баратынскаго), изъ старинныхъ подвальныхъ помѣщеній которыхъ, представляющихся несравненно болѣе старыми, сравнительно съ самими домами, идутъ подземныя галлереи по направленію къ кремлю.

Въ 1894 году упорство такихъ толковъ побудило мѣстное общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи произвести осмотръ подвальныхъ помѣщеній одного изъ этихъ домовъ, именно дома Месетникова. Хотя подземныхъ холовъ обнаружено и не было, но результаты получились весьма любопытные. Оказалось, что этотъ домъ, построенный на фундаментѣ несравненно болѣе старинной, нежели самъ домъ, кладки, имѣетъ три яруса подвальныхъ помѣщеній, представляющихъ собою цѣлый, такъ сказать, подземный сводчатый домъ,—со множествомъ комнатъ, переходовъ, спусковъ, подъемовъ. Нижній ярусъ



ной старины, которую, быть можетъ, является возможнымъ отнести къ татарской эпохѣ Казани. Въ наружныхъ стѣнахъ этого нижняго яруса замѣтны какія то задѣланныя арки. Къ сожалѣнію, комнаты и переходы этого яруса почти на половину завалены щебнемъ, препятствующимъ подробному изслѣдованію этихъ любопытныхъ катакомбъ. Остается пожалѣть, что осмотръ дома г. Месетникова былъ произведенъ слишкомъ поверхностно (даже безъ снятія плана его подземелій) и что этимъ осмотромъ все дѣло разслѣдованія вопроса о казанскихъ подземныхъ ходахъ и ограничилось.

Какъ бы то ни было, но подземный ходъ („тайникъ"), которымъ осажденные казанцы выходили изъ города за водою—представляетъ собою историческій фактъ, а слѣдовательно и мѣстное преданіе о казанскихъ подземныхъ ходахъ и тайникахъ должно имѣть реальную подкладку.

Историческія урочища города Казани. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить Старое городище,—такъ назывался встарину тотъ обширный бугоръ лѣваго берега р. Казанки, версты $1^1/_2$ восточнѣе кремлевскаго холма, на которомъ стоитъ нынѣ заштатный Өеодоровскій монастырь. Еще на памяти казанскихъ старожиловъ этотъ бугоръ, каждую весну все болѣе и болѣе размываемый измѣнившимъ свое направленіе теченіемъ р. Казанки, былъ несравненно обширнѣе и рѣзче вдавался въ долину этой рѣки, представляя собою (даже и въ настоящее время) сильно укрѣпленное природою городище. Подъ наименованіемъ „Стараго городища" упоминаютъ это урочище повѣствователи осады 1552 г.; такъ называетъ его казанская писцовая книга второй половины XVI в.; подъ этимъ названіемъ слыло оно даже въ XVIII столѣтіи. Сюда то была первоначально перенесена казанская

крѣпость изъ Иски-Казани и отсюда уже перенесена она ханомъ Улу-Махметомъ, во второй четверти XIV вѣка, на нынѣшнее мѣсто свое (см. выше стран. 34).

Видную роль играетъ, затѣмъ, въ исторіи Казани такъ называемое Арское Поле,—обширный лугъ за восточною стѣною казанскаго посада, съ сѣвера крутыми обрывами спускавшійся къ р. Казанкѣ, а съ южной стороны огражденный глубокими и, въ старину, лѣсистыми оврагами, представлявшими собою (нынѣшнія улицы 1, 2 и 3 Горы, нижняя часть Новогоршечной и Старогоршечной, Собачій переулокъ и др.) естественные спуски къ обширной котловинѣ озера Кабана. Арское Поле представляло собою излюбленное мѣсто для русскихъ нападеній на Казань; отсюда велась главная аттака и во время штурма 1552 года. На Арскомъ Полѣ происходила знаменитая лѣтняя казанская ярмарка, открывавшаяся 24 іюня, въ день Рождества св. Іоанна Предтечи; эта ярмарка была посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ Азіи съ восточною Европою и явилась предшественницею будущей Макарьевской ярмарки (см. выше стран. 52). Арское Поле, къ которому выходило двое воротъ древняго Казанскаго посада—Арскіе (въ концѣ нынѣшней Покровской улицы) и Царевы (на мѣстѣ нынѣшней клинической часовни), съ восточной стороны своей обрамлялось густыми лѣсами, черезъ которые шла Арская дорога,—нынѣшній большой сибирскій трактъ. Еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія Арское Поле начиналось отъ линіи нынѣшней Малой Красной улицы и современ-

Въ описаніяхъ казанской осады 1552 года упоминается подъ Казанью Царевъ Лугъ. На этомъ лугу, находившемся со стороны Волги—„на Кураишевѣ, у Отучевой мечети“, стоялъ лагеремъ, съ своимъ царскимъ полкомъ, самъ Іоаннъ Васильевичъ. Эта мѣстность соотвѣтствуетъ нынѣшней [illegible] щади,—нѣсколько вправо отъ нея; между эт[illegible] тью и бывшимъ Стекольнымъ заводомъ д[illegible] ъ, по словамъ П. Е. Заринскаго, есть озеро [illegible] е „царевымъ“. Весьма возможно, что назван[illegible] а „царевымъ“ произошло отъ того, что ка[illegible] я выѣзжали сюда для участія въ празднествахъ [illegible] на“ (происходящаго и теперь неподалеку отсюда), [illegible] ля воинскихъ упражненій и для другихъ цѣлей, требов[illegible] ихъ просторнаго и ровнаго мѣста.

Въ исторіи нашихъ походовъ на Казань, въ описаніяхъ осады 1552 г. и въ казанской писцовой книгѣ XV в. упоминаются Поганыя озера, въ числѣ которыхъ различаются нижнее и верхнія; на одномъ изъ верхнихъ Поганыхъ озеръ писцовая книга указываетъ бани, находившіяся близь Воздвиженской улицы,—ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о засыпанномъ нынѣ Банномъ озерѣ, на мѣстѣ котораго находится въ наши дни сѣверное продолженіе Черноозерскаго сада (съ зданіемъ цирка). Мѣстоположеніе нижняго Поганаго озера возстановляется вполнѣ опредѣленно: оно до сихъ поръ сохранилось въ видѣ низменнаго мочажинника, находящагося за односторонкою сѣверной оконечности Засыпкиной улицы, по направленію къ городской мельницѣ на р. Казанкѣ. Верхнихъ Поганыхъ озеръ въ старинной Каза[illegible] имѣлся цѣлый рядъ; сюда, кромѣ Баннаго озера, отно[illegible]

лись засыпанныя нынѣ озерки: Черное, на Николаевской площади, Театральное и др., которыми, вообще, изобиловала старая Казань. Отъ употребленія воды этихъ то Поганыхъ озеръ, вѣроятно, пухли и болѣли осажденные казанцы послѣ того, какъ русскіе взорвали ихъ потайной ходъ къ Тайницкому ключу.

Въ источникахъ казанской исторіи упоминается, наконецъ, урочище Бежболда; на лугу, между Волгою и Бежболдою, въ 1551 г. присягали казанцы царю Шейхъ-Али. Это урочище,—первоначально, вѣроятно, казанскій выселокъ, а впослѣдствіе населенное угодье казанскаго Зилантова монастыря,—соотвѣтствуетъ юго-западной части нынѣшней Адмиралтейской слободы, обращенная къ Волгѣ односторонка которой и до сихъ поръ носитъ это историческое названіе.

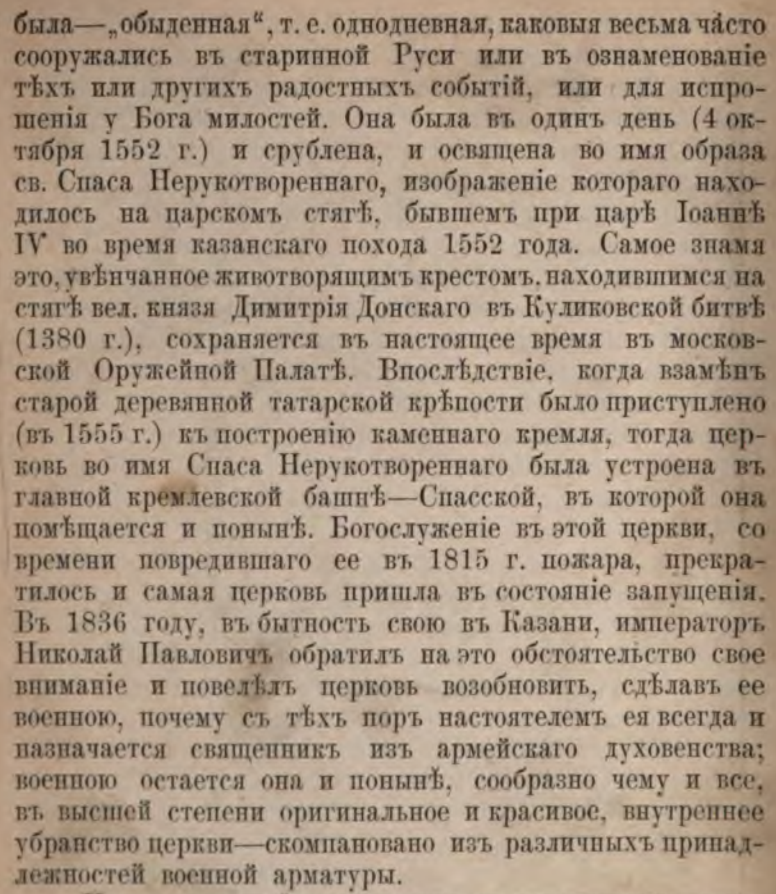
II.

ПАМЯТНИКИ ПОКОРЕНІЯ КАЗАНИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ГОРОДА И КРАЯ.

а) Памятники покоренія Казани.

Непосредственными памятниками покоренія Казани являются слѣдующіе пять: Спасская церковь, церковь во имя св. мучен. Кипріана и Устинія, Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, Зилантовъ монастырь и Памятникъ надъ прахомъ убитыхъ при взятіи Казани воиновъ.

Спасская церковь, находящаяся въ настоящее время въ одноименной ей кремлевской башнѣ, возвышающейся



была—„обыденная“, т. е. однодневная, каковыя весьма часто сооружались въ старинной Руси или въ ознаменованіе тѣхъ или другихъ радостныхъ событій, или для испрошенія у Бога милостей. Она была въ одинъ день (4 октября 1552 г.) и срублена, и освящена во имя образа св. Спаса Нерукотвореннаго, изображеніе котораго находилось на царскомъ стягѣ, бывшемъ при царѣ Іоаннѣ IV во время казанскаго похода 1552 года. Самое знамя это, увѣнчанное животворящимъ крестомъ, находившимся на стягѣ вел. князя Димитрія Донскаго въ Куликовской битвѣ (1380 г.), сохраняется въ настоящее время въ московской Оружейной Палатѣ. Впослѣдствіе, когда взамѣнъ старой деревянной татарской крѣпости было приступлено (въ 1555 г.) къ построенію каменнаго кремля, тогда церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго была устроена въ главной кремлевской башнѣ—Спасской, въ которой она помѣщается и понынѣ. Богослуженіе въ этой церкви, со времени повредившаго ее въ 1815 г. пожара, прекратилось и самая церковь пришла въ состояніе запущенія. Въ 1836 году, въ бытность свою въ Казани, императоръ Николай Павловичъ обратилъ на это обстоятельство свое вниманіе и повелѣлъ церковь возобновить, сдѣлавъ ее военною, почему съ тѣхъ поръ настоятелемъ ея всегда и назначается священникъ изъ армейскаго духовенства; военною остается она и понынѣ, сообразно чему и все, въ высшей степени оригинальное и красивое, внутреннее убранство церкви—скомпановано изъ различныхъ принадлежностей военной арматуры.

При церкви имѣется часовня, съ сквозными по сторонамъ арками, пристроенная къ Спасской башнѣ со стороны Ивановской площади и въ которую съ кремлевскаго буль-

Спасская башня и Спасскія ворота Казанскаго кремля.
(Отъ Воскресенской улицы).

вара ведутъ двѣ боковыя каменныя лѣстницы. Въ этой часовнѣ хранится писанный на деревянной доскѣ старинный образъ Спаса Нерукотвореннаго, представляющій собою, и по письму, и по размѣрамъ, точную копію съ такого же св. изображенія, находящагося на казанскомъ знамени царя Іоанна IV. Образъ этотъ, передъ которымъ теплится неугасимая лампада, пользуется среди казанцевъ большимъ почитаніемъ въ качествѣ святыни, современной Грозному покорителю Казани. До перенесенія его въ означенную часовню, образъ этотъ былъ водруженъ надъ воротами Спасской башни. Въ этой же часовнѣ хранится каменное ядро временъ казанской осады. Такія ядра попадаются при земляныхъ работахъ въ казанскомъ кремлѣ; другое такое ядро хранится въ притворѣ Спасо-Преображенскаго собора, третье—въ университетскомъ музеѣ отечествовѣдѣнія. Въ сквозной свѣтлицѣ, находящейся подъ каменнымъ, увѣнчаннымъ двуглавымъ орломъ, шатромъ Спасской башни, помѣщается церковная колокольня, а по серединѣ виситъ древній набатный колоколъ, при которомъ постоянно дежуритъ караульщикъ и въ который, по изстаринному обычаю, до сихъ бьютъ сполохъ при пожарахъ. Изъ этой свѣтлицы, доступъ въ которую совершенно свободенъ и въ которой къ услугамъ посѣтителей имѣется даже бинокль, открывается обширная и чрезвычайно красивая понорама Казани, Волги, Казанки, озера Кабана и другихъ окрестностей города.

Церковь во имя св. мучениковъ Кипріана и Устиніи, весьма небольшая, находящаяся по лѣвой отъ Спасской башни сторонѣ Большой улицы кремля, между оградою Спасо-Преображенскаго монастыря и зданіями юнкерскаго училища, церковь также „обыденная“, поставленная и

освященная 4 октября 1552 года, въ ознаменованіе взятія Казани и памяти святыхъ, чествуемыхъ въ знаменательный для русскаго оружія день 2 октября. Первоначально деревянная, эта церковь сгорѣла во время большаго пожара 1595 года и на мѣстѣ ея, въ слѣдующемъ же году, выстроена каменная, съ точнымъ, однако, сохраненіемъ и внѣшняго вида, и самыхъ размѣровъ прежней деревянной. Къ концу прошедшаго столѣтія эта церковь, долгое время не поддерживавшаяся, пришла въ состояніе, грозившее ея разрушеніемъ; она была реставрирована на сумму въ 500 р., пожертвованную на этотъ предметъ въ 1801 г. казанскимъ дворянствомъ, по приглашенію архимандрита Спасо-Преображенскаго монастыря Антонія. 2-го октября, въ память взятія Казани, въ эту церковь бываетъ крестный ходъ изъ Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора. Никакихъ предметовъ древности въ ней не сохранилось.

Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, подобно двумъ предыдущимъ храмамъ, получилъ свое основаніе также 4 октября 1552 г., въ день торжественнаго въѣзда царя Іоанна IV въ покоренную имъ Казань. Грозный царь лично избралъ мѣсто для будущаго храма въ сѣверной части крѣпости, какъ разъ напротивъ дворца татарскихъ хановъ и уже намѣченныхъ имъ къ снесенію или упраздненію мусульманскихъ мечетей. Іоаннъ собственными руками водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предназначено было быть алтарю церкви. Работа быстро закипѣла и уже на третій день, 6 октября, вновь воздвигнутый деревянный храмъ во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы былъ, въ присутствіи царя и синклита его, освященъ протопопомъ Андреемъ и прибывшими изъ Свіяжска

ніе. Въ склепахъ собора покоятся останки скончавшихся въ Казани митрополитовъ и архіепископовъ казанскихъ, имена которыхъ значатся на металлическихъ дощечкахъ, поставленныхъ въ соборѣ надъ мѣстами вѣчнаго упокоенія ихъ.

Изъ иконъ Благовѣщенскаго собора слѣдуетъ отмѣтить три сохранившихся древнихъ образа—Господа Вседержителя, Тихвинской Божіей Матери и св. Николая Чудотворца, большихъ размѣровъ и хорошаго стариннаго письма, присланныхъ въ Казань, по преданію, самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1555 г., съ первымъ архіепископомъ Гуріемъ; въ житіи св. Гурія, составленномъ митропол. Гермогеномъ, говорится, что «провожали изъ Москвы царь и митрополитъ архіепископа Гурія и честныя и чудотворныя иконы мѣстныя, коимъ въ Казани быти».

Въ богатой ризницѣ собора обращаютъ на себя вниманіе: 1) Девять митрополичьихъ клобуковъ, въ томъ числѣ два, связанные вторымъ казанскимъ свят. Варсонофіемъ; 2) Панагія съ частицею мощей св. Гурія, съ прядью его волосъ и частицею его одежды и съ отрывкомъ хлопчатой бумаги, которою митроп. Гермогенъ, впослѣдствіе извѣстный патріархъ всероссійскій, собиралъ благовонное миро изъ гроба святителя, при открытіи его мощей; 3) Плащаница XVI вѣка, вышитая княгинею Темкиною—Ростовскою; 4) Рукописное Евангеліе XV вѣка; 5) Богато вышитый саккосъ, подаренный братьями Строгановыми казанскому митрополиту Лаврентію (1657—1673); 6) Ковшъ патріарха Филарета Никитича Романова; 7) Панагія съ крестомъ изъ брилліантовъ, пожалованнымъ Императрицею Екатериною II казанскому митрополиту Веніамину, послѣ оправданія по извѣту о прикосновенности его къ дѣлу Пугачева; 8) Холщевый антиминсъ временъ царя Іоанна Грознаго; 9) Каменный аспидный образокъ XIV вѣка, откры-

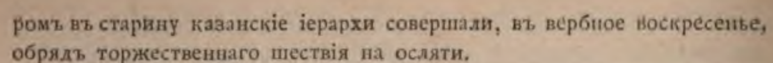
1561 г.) приступлено было къ сооруженію, на мѣстѣ прежняго деревяннаго храма, нынѣ существующаго каменнаго собора, для чего выписано было въ Казань 80 человѣкъ псковскихъ каменьщиковъ, славившихся своимъ искусствомъ въ работахъ этого рода (псковскіе каменьщики, какъ увидимъ ниже, строили и казанскія кремлевскія стѣны и башни). Новый каменный соборъ, строившійся, повидимому, по образцу московскаго Успенскаго, былъ уже 15 августа 1562 года торжественно освященъ первымъ казанскимъ архіепископомъ Св. Гуріемъ, мощи котораго и почиваютъ въ немъ. Прежній внѣшній видъ Благовѣщенскаго собора является въ наши дни измѣненнымъ, благодаря позднѣйшимъ пристройкамъ и передѣлкамъ храма, въ особенности же послѣ постигавшихъ его пожаровъ: соборъ горѣлъ въ 1596, 1672, 1694 и 1742 годахъ. Первоначальные размѣры храма были слѣдующіе: въ длину—18 саженъ, въ ширину—7 саж. 2 арш., но въ настоящее время эти размѣры въ значительной степени увеличились.

Главная святыня Благовѣщенскаго собора—это мощи св. Гурія, перваго архіепископа и просвѣтителя Казанскаго края, открытыя 4 октября 1595 года и перенесенныя сюда, въ 1650 году, изъ Спасо-Преображенскаго монастыря, гдѣ онѣ были обрѣтены и гдѣ до этого времени почивали. Нынѣшняя рака мощей св. Гурія устроена казанскимъ купцомъ Петромъ Свѣшниковымъ, вложившимъ на ея сооруженіе свыше пяти тысячъ рублей. Около раки святителя хранится фелонь изъ камки, въ которой св. Гурій обрѣтенъ въ гробу, и его жезлъ, приспособленный для опиранія на него грудью: въ послѣдніе годы жизни своей святитель страдалъ слабостью въ ногахъ и, безъ опоры, не могъ стоя слушать богослуже-

ніе. Въ склепахъ собора покоятся останки скончавшихся въ Казани митрополитовъ и архіепископовъ казанскихъ, имена которыхъ значатся на металлическихъ дощечкахъ, поставленныхъ въ соборѣ надъ мѣстами вѣчнаго упокоенія ихъ.

Изъ иконъ Благовѣщенскаго собора слѣдуетъ отмѣтить три сохранившихся древнихъ образа—Господа Вседержителя, Тихвинской Божіей Матери и св. Николая Чудотворца, большихъ размѣровъ и хорошаго стариннаго письма, присланныхъ въ Казань, по преданію, самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1555 г., съ первымъ архіепископомъ Гуріемъ; въ житіи св. Гурія, составленномъ митропол. Гермогеномъ, говорится, что «провожали изъ Москвы царь и митрополитъ архіепископа Гурія и честныя и чудотворныя иконы мѣстныя, коимъ въ Казани быти».

Въ богатой ризницѣ собора обращаютъ на себя вниманіе: 1) Девять митрополичьихъ клобуковъ, въ томъ числѣ два, связанные вторымъ казанскимъ свят. Варсонофіемъ; 2) Панагія съ частицею мощей св. Гурія, съ прядью его волосъ и частицею его одежды и съ отрывкомъ хлопчатой бумаги, которою митроп. Гермогенъ, впослѣдствіе извѣстный патріархъ всероссійскій, собиралъ благовонное миро изъ гроба святителя, при открытіи его мощей; 3) Плащаница XVI вѣка, вышитая княгинею Темкиною—Ростовскою; 4) Рукописное Евангеліе XV вѣка; 5) Богато вышитый саккосъ, подаренный братьями Строгановыми казанскому митрополиту Лаврентію (1657—1673); 6) Ковшъ патріарха Филарета Никитича Романова; 7) Панагія съ крестомъ изъ бриллiантовъ, пожалованнымъ Императрицею Екатериною II казанскому митрополиту Веніамину, послѣ оправданія по извѣту о прикосновенности его къ дѣлу Пугачева; 8) Холщевый антиминсъ временъ царя Іоанна Грознаго; 9) Каменный аспидный образокъ XIV вѣка, откры-


ромъ въ старину казанскіе іерархи совершали, въ вербное воскресенье, обрядъ торжественнаго шествія на осляти.

Въ каѳедральномъ соборѣ имѣются, кромѣ главнаго престола во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы (25 марта), еще слѣдующіе придѣлы: а) Рождества Христова (25 декабря), б) св. Бориса и Глѣба (24 іюля) и в) св. Германа (6 ноября). Въ настоящемъ видѣ своемъ Благовѣщенскій соборъ обновленъ въ 1869—1870 гг.; ресторація его была закончена въ началѣ августа 1870 года.

Зилантовъ Успенскій монастырь, живописно расположенный верстахъ въ $2^1/_2$ къ западу отъ казанскаго кремля, на сѣверной оконечности подгородной Адмиралтейской слободы, на высокомъ и пространномъ горномъ выступѣ, образуемымъ здѣсь широкою излучиною р. Казанки, представляетъ собою историческій памятникъ, также современный покоренію Казани царемъ Іоанномъ Грознымъ. Первоначально монастырь этотъ былъ въ 1552 году заложенъ на нижней, восточной, террасѣ возвышенности, на которой расположена нынѣ Адмиралтейская слобода, невдалекѣ отъ братской могилы русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Казани, вслѣдствіе чего и носилъ наименованіе „русскаго кладбища", но высокій весенній разливъ 1559 года сильно повредилъ зданія новой обители. Вслѣдствіе этого и по ходатайству перваго настоятеля монастыря, игумена Іоакима, монастырь былъ перенесенъ на версту ниже по теченію р. Казанки, на верхнее плоскогорье Зилантовой горы, т. е. на настоящее мѣсто своего расположенія, что не помѣшало ему продолжать носить названіе „русскаго кладбища", какъ довольно долго именовался онъ даже въ оффиціальныхъ актахъ. Отъ названія горы, на которой поставленъ былъ Успенскій монастырь, онъ и получилъ свое наименованіе

„Зилантова“, — наименованіе, стоящее въ тѣсной связи съ извѣстными уже намъ легендами объ основаніи Казани *).

Московская царственная чета приняла близкое участіе въ дѣлѣ возобновленія монастыря на его новомъ мѣстѣ. Царь Іоаннъ Васильевичъ и царица Анастасія пожертвовали 400 р. (сумма по денежной системѣ того времени весьма значительная) на монастырское строеніе, а царица Анастасія, сверхъ того, принесла для монастырской церкви въ даръ цѣлый иконостасъ. Не прошло и четверти вѣка отъ возобновленія Зилантова монастыря, какъ обитель эту постигло новое бѣдствіе: она была опустошена во время инородческаго движенія 1574 г., — одного изъ тѣхъ движеній, которыми такъ богата исторія казанскаго края второй половины XIV столѣтія.

Царь Іоаннъ Васильевичъ придавалъ весьма важное значеніе просвѣтительнымъ задачамъ, которыя долженъ былъ преслѣдовать этотъ старѣйшій монастырь вновь присоединеннаго Казанскаго края. Это видно изъ собственноручнаго письма царя къ святителю Гурію, въ которомъ Іоаннъ, одобривъ предначертанія казанскаго іерарха относительно устройства Зилантова монастыря, добавляетъ: „... А чтобы старцы не имѣли нужды работать, сѣять сѣмена снѣдаемыя и собирать ихъ въ тлѣнныя житницы — пусть воздѣлываютъ они сердца, сѣя въ нихъ слово Божіе, слово чистое, и ученіемъ своимъ собираютъ души въ вѣчное жилище, гдѣ да наслѣдуютъ небесное царствіе и блага вѣчныя“. Въ томъ же письмѣ царь рекомендуниже

етъ старцамъ монастырскимъ обучать дѣтей и обращать иновѣрцевъ въ вѣру христіанскую; дѣти—пишетъ Іоаннъ, —должны быть обучены такъ, что бы не только сами научились, но впослѣдствіе могли обучать и другихъ. Зилантовъ монастырь, и въ дѣйствительности, преслѣдовалъ такія просвѣтительн[illegible] въ 1732 году, при архіепископѣ Иларіонѣ, [illegible]ыла учреждена первая казанская семинарія, [illegible]оду школа для обученія русскому языку и хр[illegible]у вѣроученію татарскихъ, чувашскихъ и мор[illegible]ѣтей.

Въ настоящее время въ [illegible] монастырѣ, съ 1836 г., причисленномъ ко второму классу, кромѣ главнаго соборнаго храма во имя Успенія Пресв. Богородицы, имѣются еще храмы: а) во имя Всѣхъ Святыхъ (теплый), съ придѣломъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, соединенный съ главнымъ храмомъ галлереею — папертью, б) во имя св. Алексѣя митрополита, въ нижнемъ этажѣ восточныхъ Святыхъ воротъ, и в) во имя св. Герасима, въ верхнемъ этажѣ тѣхъ же воротъ.

Изъ историческихъ достопримѣчательностей, монастыря можно указать: а) Три мѣстныя иконы древняго письма (Св. Троицы, Смоленской Божіей Матери и Успенія Пресв. Богородицы), находящіяся въ нижнемъ ярусѣ иконостаса Успенской церкви, — пожертвованныя, по преданію, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ при освященіи этой церкви въ 1625 году *); б) Хранящіеся въ церкви Всѣхъ Святыхъ древніе сосуды и дарохранительница царя Іоанна IV; в) Три старинныхъ креста XVII—XVIII вѣковъ и г) Серебряный позолоченный ковшъ XVI или начала XVII вѣка, съ изображеніемъ человѣка, пьющаго вино изъ рога, съ надписью по краю: «Пивше возвеселимся и любовію услади-

---

*) Существуетъ даже преданіе, что одна изъ этихъ иконъ, Смоленской Божіей Матери,—находилась, во время осады 1552 г., і походной церкви царя Іоанна IV.

ся и во вѣки тоя не лишимся»,—ковшъ, который Баженевъ называетъ, почему то, ковшемъ царя Іоанна Грознаго.

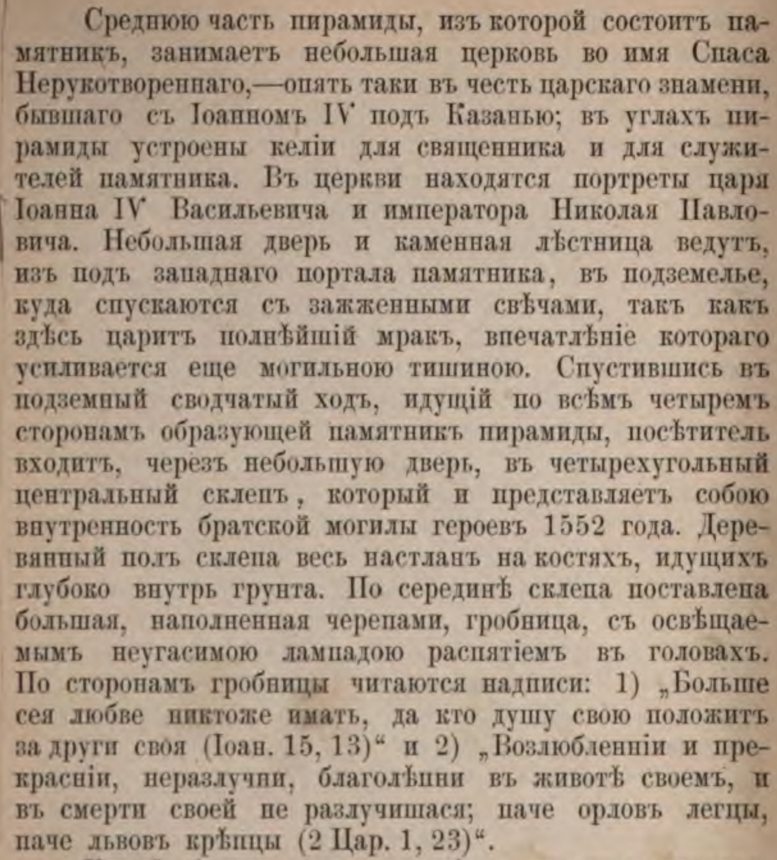
Въ храмѣ Успенія Пресв. Богородицы погребенъ суздальскій архіепископъ Іосифъ, постриженникъ Зилантова монастыря, скончавшійся здѣсь на покоѣ въ 1642 году.

Сѣверо-восточная, прилегающая къ монастырю, часть Зилантовой горы занята кладбищемъ. По сѣверной, обращенной къ р. Казанкѣ, части горы живописными группами ростутъ вѣковые вязы, дубы и др. древесныя породы; изъ этихъ ветерановъ растительнаго царства многіе должны были быть свидѣтелями историческихъ событій 1552 года. Съ западной стороны монастырскую гору огибаетъ полотно московско-казанской желѣзной дороги, съ желѣзнымъ мостомъ чрезъ р. Казанку.

Памятникъ покоренія Казани, сооруженный надъ братскою могилою русскихъ воиновъ, павшихъ въ 1552 году подъ стѣнами этого города, находится на заливномъ лѣвомъ берегу р. Казанки, саженяхъ въ 200 отъ Адмиралтейской слободы. Въѣжающимъ въ Казань по дамбѣ, соединяющей городъ съ его Адмиралтейскою слободою, невольно бросается въ глаза массивная, десяти саженъ вышины, темно-сѣрая усѣченная пирамида съ золотымъ крестомъ на вершинѣ и съ четырьмя бѣлыми колонадными порталами по четыремъ сторонамъ, къ которымъ ведутъ широкія каменныя лѣстницы. Это и есть памятникъ 1552 года, а холмъ, на которомъ стоитъ это сооруженіе — могильный курганъ надъ прахомъ воиновъ, павшихъ при осадѣ и штурмѣ Казани.

Памятникъ покоренія Казани 1552 года,
надъ прахомъ убитыхъ русскихъ воиновъ.

подъ Казанью воиновъ стояла лишь простая часовенка, въ которой священники Зилантова монастыря отъ времени до времени совершали панихиды. Починъ въ дѣлѣ сооруженія нынѣшняго грандіознаго памятника принадлежитъ настоятелю Зилантова монастыря, архимандриту Амвросію, который въ 1812 году обратился къ жителямъ Казани съ предложеніемъ подписки на сооруженіе памятника надъ прахомъ павшихъ въ 1552 года подъ Казанью воиновъ. Подписка дала весьма немного, всего 1500 р., почему и памятникъ намѣченъ былъ скромный—простой столбъ съ соотвѣтствующей надписью. По докладѣ проэкта памятника Императору Александру Павловичу, послѣдовало Высочайшее повелѣніе совершенно передѣлать его, что и было поручено архитектору Алферову. Выработанный Алферовымъ проэктъ удостоился утвержденія и былъ препровожденъ въ Казань для его выполненія. Но для осуществленія этого проекта, намѣтившаго памятникъ въ настоящемъ видѣ его, требовалась сумма уже весьма значительная. Государь Императоръ и члены августѣйшей фамиліи его первые положили начало подпискѣ на этотъ предметъ, пожертвовавъ для сооруженія памятника 10 тыс. рублей; сверхъ того, Высочайше повелѣно, впредь до окончанія сооруженія его, ежегодно отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства по 5 тыс. рублей. Вслѣдъ за тѣмъ по всей Имперіи объявлена была подписка на памятникъ, которая и дала сумму свыше 100 т. рублей. Работы по сооруженію памятника пошли на столько успѣшно, что уже 30 августа 1823 года послѣдовало первое его освященіе. Вслѣдъ затѣмъ потребовались, однако, нѣкоторыя дополнительныя работы по памятнику, вслѣдствіе чего 2 октября 1832 года, въ годовщину взятія Казани, онъ былъ вторично освященъ архіепископомъ Филаретомъ; къ этому дню были доставлены въ Казань серебряные вызолоченные сосуды, всемилостивѣйше пожалованные Императоромъ Николаемъ I для церкви памятника. Все сооруженіе памятника обошлось въ 100,315 рублей. Первоначально памятникъ состоялъ въ вѣданіи Зилантова монастыря, но въ 1830 году содержаніе его приняло на себя казанское купеческое общество; въ настоящее время памятникъ находится въ вѣдѣніи городскаго общественнаго



Среднюю часть пирамиды, изъ которой состоитъ памятникъ, занимаетъ небольшая церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго,—опять таки въ честь царскаго знамени, бывшаго съ Іоанномъ IV подъ Казанью; въ углахъ пирамиды устроены келіи для священника и для служителей памятника. Въ церкви находятся портреты царя Іоанна IV Васильевича и императора Николая Павловича. Небольшая дверь и каменная лѣстница ведутъ, изъ подъ западнаго портала памятника, въ подземелье, куда спускаются съ зажженными свѣчами, такъ какъ здѣсь царитъ полнѣйшій мракъ, впечатлѣніе котораго усиливается еще могильною тишиною. Спустившись въ подземный сводчатый ходъ, идущій по всѣмъ четыремъ сторонамъ образующей памятникъ пирамиды, посѣтитель входитъ, черезъ небольшую дверь, въ четырехугольный центральный склепъ, который и представляетъ собою внутренность братской могилы героевъ 1552 года. Деревянный полъ склепа весь настланъ на костяхъ, идущихъ глубоко внутрь грунта. По серединѣ склепа поставлена большая, наполненная черепами, гробница, съ освѣщаемымъ неугасимою лампадою распятіемъ въ головахъ. По сторонамъ гробницы читаются надписи: 1) „Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя (Іоан. 15, 13)“ и 2) „Возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучишася; паче орловъ легцы, паче львовъ крѣпцы (2 Цар. 1, 23)“.

Кромѣ обыкновенныхъ службъ въ церкви памятника, сюда 2 октября, въ день взятія Казани, бываетъ крестный ходъ изъ Зилантова монастыря, соединяемый съ военнымъ парадомъ. При церкви имѣется синодикъ (пе-

однократно печатавшійся) воиновъ, павшихъ при взятіи Казани, имена которыхъ и поминаются здѣсь при панихидахъ. Своды могильнаго склепа героевъ 1552 года неоднократно удостоивались Высочайшихъ посѣщеній, начиная съ Императора Николая I, бывшаго здѣсь 19 августа 1836 года.

Во время весенняго разлива, памятникъ 1552 года бываетъ весь окруженъ слившимися водами рѣкъ Волги и Казанки и представляется тогда какъ бы плавающимъ среди широкой водной равнины, простирающейся до Зилантова монастыря — съ одной стороны, до подножія кремлевской горы—съ другой стороны. Но эти разливы представляютъ для памятника и опасную сторону. Они изъ года въ годъ все болѣе и болѣе размываютъ прилегающій къ памятнику лѣвый берегъ Казанки, почти уже подошедшій къ памятнику, и представляется серьезное опасеніе, что въ одну изъ недалекихъ весенъ мутныя воды р. Казанки начнутъ кощунственно вымывать изъ грунта кости героевъ славнаго казанскаго взятья..... На городѣ и земствѣ лежитъ нравственная обязанность своевременно предотвратить эту печальную, но неминуемую, перспективу.

б) Памятники и факты первоначальнаго устройства города и края.

Покореніе Казани неминуемо должно было повлечь за собою рядъ заботъ и мѣропріятій московскаго правительства, направленныхъ на устройство какъ вновь присоединеннаго города, такъ и его края. Взятіемъ самаго города власть московскаго государя надъ бывшимъ казанскимъ царствомъ еще не была въ достаточной степени упрочена:

къ потерѣ своей политической независимости, что и выразилось въ рядѣ инородческихъ движеній, которыми такъ чревата исторія казанскаго края второй половины XVI вѣка. Слѣдовательно, необходимо было прежде всего организовать власть надъ городомъ и краемъ, дать этой власти достаточную силу и опору, привести городъ и край въ удовлетворительное оборон[illegible]женіе и создать укрѣпленные центры, которые могли [illegible]опорными базисами въ дѣлѣ упроченія русскаго вліяні[illegible]исходными точками русской колонизаціи его.

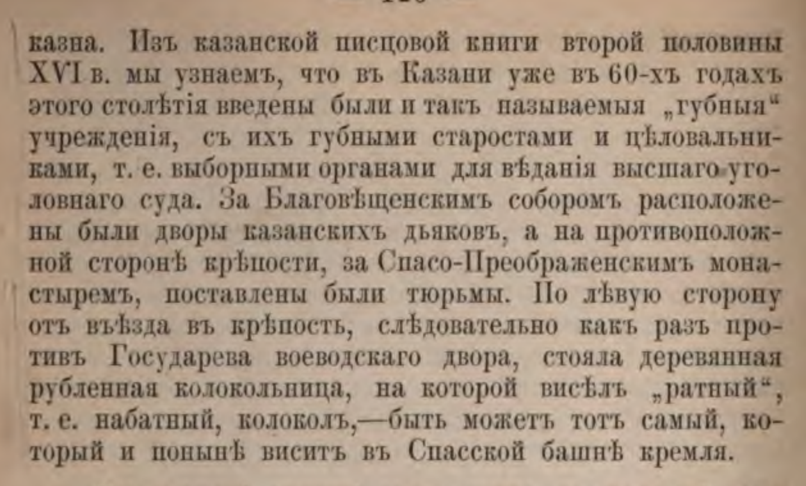
Не слѣдуетъ упускат[illegible] характера вновь присоединеннаго Казанскаго края. [illegible]й иновѣрческій, съ мусульманскимъ правящимъ класс[illegible]ъ же населеніемъ города и прилегающихъ къ нему земе[illegible] цѣлыми племенами, не познавшими еще Бога истиннаго и остававшимися во тьмѣ язычества и идолопоклонства. Отсюда другая сторона московской политики по отношенію къ вновь присоединенному Казанскому царству: устройство его въ духовно-религіозномъ направленіи, организація здѣсь церкви и церковной іерархіи, насажденіе въ краѣ христіанства и начатковъ просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности.

Изъ совокупности двухъ только что указанныхъ исходныхъ точекъ русской политики по отношенію къ бывшему царству Казанскому, раскрываются слѣдующія отдѣльныя стороны дѣятельности его въ этомъ направленіи: устройство управленія городомъ и краемъ, приведеніе г. Казани въ оборонительное положеніе (устройство кремля), умиротвореніе края и строеніе городовъ, учрежденіе епархіи и начало просвѣтительно-миссіонерской дѣятельности, строеніе церквей и монастырей.

Устройство управленія городомъ и краемъ. Прика[illegible] Казанскаго дворца. Царь Іоаннъ Васильевичъ оставал[illegible] полторы недѣли подъ стѣнами покоренной имъ Казан[illegible] посвятивъ эти немногіе дни первоначальнымъ мѣропр[illegible]

тіямъ по устройству управленія вновь присоединеннаго къ русской державѣ города и края. Тщетно уговаривали его ближніе бояре и воеводы перезимовать въ Казани, для большаго укрѣпленія за собою края; царь Іоаннъ 11 октября выѣхалъ изъ подъ Казани, оставивъ здѣсь намѣстникомъ князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, съ придачею ему въ товарищи князя Василія Серебрянаго. При этихъ правителяхъ оставленъ штатъ низшихъ должностныхъ лицъ, 1500 дѣтей боярскихъ, шесть приказовъ стрѣльцовъ (3000 чел.) и отрядъ казаковъ. Только первый личный составъ правителей Казани носилъ наименованіе „намѣстника" и его „товарища"; впослѣдствіе стали назначаться въ Казань „воеводы" съ „воеводскими товарищами". Такъ, въ 1555 г. видимъ здѣсь воеводою боярина князя Петра Шуйскаго, въ 1565 г.—боярина князя Ивана Куракина, съ тремя при немъ воеводскими товарищами (князьями Троекуровымъ, Засѣкинымъ и окольн. Лыковымъ) и т. п.

Тотчасъ по покореніи Казани приняты были и мѣры для учрежденія здѣсь необходимыхъ правительственныхъ установленій. Справа отъ главнаго входа въ крѣпость, у самой городовой стѣны, слѣдовательно на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ военно тюремный замокъ, поставленъ былъ Государевъ Дворъ, въ которомъ жилъ большой, т. е. старшій, воевода. Гдѣ нибудь тутъ же поставлена была, конечно, и „приказная палата или изба",—это средоточіе всякаго воеводскаго управленія въ Московскомъ государствѣ, гдѣ воеводы, сообща съ това-

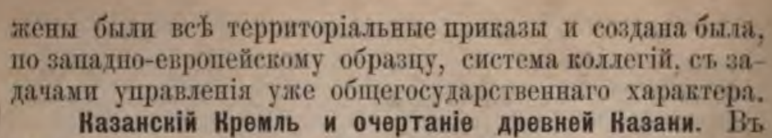


казна. Изъ казанской писцовой книги второй половины XVI в. мы узнаемъ, что въ Казани уже въ 60-хъ годахъ этого столѣтія введены были и такъ называемыя „губныя“ учрежденія, съ ихъ губными старостами и цѣловальниками, т. е. выборными органами для вѣданія высшаго уголовнаго суда. За Благовѣщенскимъ соборомъ расположены были дворы казанскихъ дьяковъ, а на противоположной сторонѣ крѣпости, за Спасо-Преображенскимъ монастыремъ, поставлены были тюрьмы. По лѣвую сторону отъ въѣзда въ крѣпость, слѣдовательно какъ разъ противъ Государева воеводскаго двора, стояла деревянная рубленная колокольница, на которой висѣлъ „ратный“, т. е. набатный, колоколъ,—быть можетъ тотъ самый, который и понынѣ виситъ въ Спасской башнѣ кремля.

Изъ казанской писцовой книги узнаемъ, что во второй половинѣ XVI вѣка въ Казани установленъ былъ вполнѣ военный режимъ, что Казань носила въ то время характеръ города на строгомъ военномъ положеніи. Тотчасъ по взятіи города, палаты бывшаго ханскаго дворца и часть мечетей были обращены въ пороховые, артиллерійскіе и матеріальные склады; башни города и посада снабжены пушками и пищалями, съ полнымъ нарядомъ при нихъ пушкарей и стрѣльцовъ. Воеводамъ вмѣнялось въ обязанность организовывать постоянные дневные и ночные объѣзды и обходы города и посада, причемъ ночной объѣздъ города производилъ лично самъ большой воевода, провѣряя посты и сторожи. Особыя должностныя лица, называвшіяся «городничими», имѣли наблюденіе за городскими воротами, которыя на ночь замыкались ими, а ключи передавались большому воеводѣ. По посаду денно и нощно разъѣзжали особые объѣзды изъ дѣтей боярскихъ, наблюдая не только за безопасностью города въ оборонительномъ отношеніи, но и за полицейскимъ порядкомъ въ немъ—«чтобъ корчемнаго и никотораго лиха не было, и огневъ бы не во время на дворахъ не держали» и п. т. Съ такимъ то великимъ «береженіемъ» жили въ

Казани въ первое время по покореніи этого города. Бывшимъ властителямъ города, татарамъ, жить въ казанскомъ посадѣ было запрещено, а въ крѣпость возбраненъ былъ имъ даже самый входъ; они были выселены за предѣлы городской черты, гдѣ впослѣдствіе, въ Забулачьи, и образовали особыя слободы—Старую и Новую.

Однихъ мѣстныхъ органовъ управленія было, само собою разумѣется, недостаточно для вѣданія обширнаго, разноплеменнаго и довольно таки безпокойнаго вновь присоединеннаго края. И вотъ, въ системѣ московскихъ приказовъ, т. е. высшихъ центральныхъ установленій, существовавшихъ въ Москвѣ для вѣданія отдѣльныхъ отраслей управленія и бывшихъ ранними предшественниками будущихъ коллегій и министерствъ, уже въ царствованіе Іоанна Грознаго возникаетъ особый Приказъ Казанскаго Дворца, въ которомъ и сосредоточивается центральное управленіе всѣми дѣлами бывшаго царства казанскаго и вѣданіе понизовыхъ городовъ, а одно время, до образованія самостоятельнаго Сибирскаго приказа, и вѣданіе дѣлъ бывшаго Сибирскаго царства. Приказъ Казанскаго Дворца назначалъ воеводъ въ Казань и другіе подвѣдомственные ему города, давалъ имъ инструкціи и порученія, смѣнялъ ихъ, провѣрялъ ихъ управленіе и отчетность, вѣдалъ всѣхъ инородцевъ, словомъ—являлся высшимъ государственнымъ органомъ для управленія дѣлами бывшихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и, одно время, Сибирскаго. Приказомъ этимъ всегда управлялъ кто либо изъ выдающихся, родовитыхъ и чиновныхъ сановниковъ московскаго государства, съ придачею ему нѣсколькихъ товарищей и цѣлаго штата дьяковъ и подьячихъ. Приказъ Казанскаго Дворца просущество-



жены были всѣ территоріальные приказы и создана была, по западно-европейскому образцу, система коллегій, съ задачами управленія уже общегосударственнаго характера.

Казанскій Кремль и очертаніе древней Казани. Въ устройствѣ городовъ, съ стратегическою, прежде всего, задачею его, наши предки издревле выработали различіе города въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (кремля, крѣпости, дѣтинца) и посада, въ смыслѣ городскаго поселенія, разбросаннаго уже за предѣлами кремля, причемъ нерѣдко укрѣплялся, хотя конечно не такъ уже сильно, и посадъ, будучи обносимъ стѣнами съ башнями и воротами. Кремль служилъ опорою власти надъ городомъ. Снабженый болѣе или менѣе могучими средствами обороны, онъ служилъ и административнымъ центромъ города; здѣсь жили государевы воеводы и начальные люди, здѣсь сосредоточивались присутственныя мѣста; здѣсь же находились соборы, мѣстныя святыни и жилъ старшій представитель церковной іерархіи.

Побѣдители нашли въ покоренной ими Казани тотъ же самый, столь привычный имъ, типъ города. И въ татарской Казани имѣлась сильно укрѣпленная крѣпость, съ простирающимся отъ нея на востокъ, по направленію къ Арскому Полю, посадомъ, обнесеннымъ стѣною съ башнями и воротами.

Положеніе татарской крѣпости г. Казани возстановляется безъ всякихъ затрудненій: оно, съ ничтожными, безъ сомнѣнія, уклоненіями, совпадаетъ съ топографіею современнаго казанскаго кремля. Иначе стоитъ вопросъ о протяженіи татарскаго посада г. Казани. Всѣ изслѣдователи согласны съ тѣмъ, что сѣверная стѣна его, пролегая по кряжу лѣваго берега р. Казанки, въ районѣ нынѣшнихъ улицъ Нагорной и Поповой Горы, пересѣкали нынѣшнюю Покровскую улицу нев-

Видъ Казанскаго кремля съ сѣверо-западной стороны.

(Тайницкая башня, часть дворца, дворцовая церковь, Сююнбекина башня, часть Благовѣщенскаго собора и зданіе юнкерскаго училища.

жены были всѣ терри
по западно-европейско
дачами управленія у

Казанскій Кремль
устройствѣ городовъ,
задачею его, наши
чіе города въ тѣсно
крѣпости, дѣтинца)
поселенія, разбросанно
чемъ нерѣдко укрѣп
сильно, и посадъ, бу
и воротами. Кремль
домъ. Снабженый бо
обороны, онъ служи
города; здѣсь жили
люди, здѣсь сосредо
здѣсь же находились
старшій представите

Побѣдители наш
же самый, столь пр
татарской Казани имѣ
съ простирающимся
къ Арскому Полю,
башнями и воротами.

Положеніе татарско
всякихъ затрудненій: оно,
ми, совпадаетъ съ топогр
че стоитъ вопросъ о прот
изслѣдователи согласны съ
кряжу лѣваго берега р. Ка
цой и Поповой Горы, вер

кое повелѣніе о построеніи въ Казани каменнаго кр
я, существующаго, хотя и въ весьма обветшаломъ у
идѣ, и понынѣ. Для сооруженія новыхъ кремлевски
тѣнъ и башень выписаны были изъ Пскова искусстні
ь этомъ дѣлѣ мѣстные мастера, въ числѣ 200 человѣк
каменьщиковъ, стѣнщиковъ и ломцовъ", которые съ весні
556 года и приступили къ работамъ, подъ руководствомъ
главнымъ смотрѣніемъ городоваго мастера Посника Яков-
ева, да мастера каменнаго дѣла Ивашки Ширяя. Пер-
оначально не вся окружность стѣнъ кремля была, впро-
емъ, перестроена на каменную; Иванъ Ширяй съ товари-
цами выложили лишь 300 сажень сплошной каменной
тѣны въ юго-восточной части крѣпости, съ Спасскими
ашнею и воротами, да 15 сажень въ сѣверной части ея,—
о остальной окружности кремля возведены были въ 1565
—1566 гг. новыя дубовыя стѣны, взамѣнъ изветшавшихъ
атарскихъ, всего мѣрою 578 сажень. Эти цыфры даютъ
амъ 893 сажени для окружности кремля русской Ка-
ани второй половины XVI вѣка. Только впослѣдствіе
статки деревянной стѣны замѣнялись постепенно стѣнами
аменными; слѣдовательно, стѣны нынѣшняго Казанскаго
емля—разнообразной кладки, и древнѣйшей кладки,
. Ширяя съ товарищами, представляется восточный,
илегающій къ Воскресенской улицѣ и Ивановскому
ску, фасъ кремля, съ Спасскою башнею въ его центрѣ.

Если очертанія русскаго казанскаго кремля опредѣ-
ись, тѣсно связанными съ топографическими условіями
очертаніями древней татарской крѣпости, то за то
анія посада русской Казани быстро стали измѣ-
я съ увеличеніемъ населенія города и с...
еніемъ черты его. Казанскій по...

далекѣ отъ зданія почтамта, перерѣзывала мѣстность нынѣшняго Николаевскаго сквера, шла черезъ Клиническую гору и спускалась, далѣе, по обрывистому восточному кряжу современнаго университетскаго квартала. Не всѣ согласны только въ томъ, захватывала ли стѣна посада часть Забулачья, или же знаменитый «тинный» Булакъ, къ благополучію обывателей древней Казани, оставался внѣ черты городскаго поселенія. Послѣднее представляется почти несомнѣнно болѣе справедливымъ; описанія казанской осады вездѣ говорятъ о Булакѣ, какъ о протокѣ, пролегающемъ внѣ казанскихъ укрѣпленій, хотя отдѣльные выселки и пригородные поселки уже и въ то время могли появиться здѣсь, — напримѣръ въ мѣстности Царева Луга (см. выше стран. 108), гдѣ находилась во время осады Казани какая то «Отучева» мечеть и урочище «Кураишево». Покойный прот. П. Е. Заринскій, весьма почтенный и добросовѣстный изслѣдователь топографіи древней Казани («Очерки др. Казани и пр.», Каз. 1877) держится именно такого мнѣнія. Спустивъ на составленномъ имъ планѣ древней Казани стѣну казанскаго татарскаго посада до пересѣченія ею нынѣшней Большой Проломной улицы близь дома бывш. Апакова, онъ ведетъ ее прямою линіею до прилегающаго къ Булаку угла Гостинодворской улицы (къ дому Павловскаго), а отсюда, прямою же линіею, поднимаетъ ее къ Тюменскимъ воротамъ крѣпости.

Взявъ Казань, русскимъ нечего было перекраивать на свой образецъ внѣшее устройство города. Они воспользовались уже готовыми казанскими крѣпостью и посадомъ.

Стѣны и башни казанской крѣпости и посада сильно пострадали отъ подкоповъ и отъ штурма 2 октября; по свидѣтельству источниковъ, по взятіи города, царь Іоаннъ велѣлъ немедлено приступить къ возобновленію и исправленію его укрѣпленій. Крѣпость татарской Казани была, какъ мы это уже знаемъ—деревянною; такою оставалась она и въ первые три года русскаго владычества надъ городомъ, но уже въ 1555 году воспослѣдовало цар-

ское повелѣніе о построеніи въ Казани каменнаго кремля, существующаго, хотя и въ весьма обветшаломъ уже видѣ, и понынѣ. Для сооруженія новыхъ кремлевскихъ стѣнъ и башень выписаны были изъ Пскова искусстные въ этомъ дѣлѣ мѣстные мастера, въ числѣ 200 человѣкъ „каменьщиковъ, стѣнщиковъ и ломцовъ", которые съ весны 1556 года и приступили къ работамъ, подъ руководствомъ и главнымъ смотрѣніемъ городоваго мастера Посника Яковлева, да мастера каменнаго дѣла Ивашки Ширяя. Первоначально не вся окружность стѣнъ кремля была, впрочемъ, перестроена на каменную; Иванъ Ширяй съ товарищами выложили лишь 300 сажень сплошной каменной стѣны въ юго-восточной части крѣпости, съ Спасскими башнею и воротами, да 15 сажень въ сѣверной части ея,— по остальной окружности кремля возведены были въ 1565 —1566 гг. новыя дубовыя стѣны, взамѣнъ изветшавшихъ татарскихъ, всего мѣрою 578 сажень. Эти цыфры даютъ намъ 893 сажени для окружности кремля русской Казани второй половины XVI вѣка. Только впослѣдствіе остатки деревянной стѣны замѣнялись постепенно стѣнами каменными; слѣдовательно, стѣны нынѣшняго Казанскаго кремля—разнообразной кладки, и древнѣйшей кладки, Ив. Ширяя съ товарищами, представляется восточный, прилегающій къ Воскресенской улицѣ и Ивановскому спуску, фасъ кремля, съ Спасскою башнею въ его центрѣ.

Если очертанія русскаго казанскаго кремля опредѣлились, тѣсно связанными съ топографическими условіями его, очертаніями древней татарской крѣпости, то за то очертанія посада русской Казани быстро стали измѣняться съ увеличеніемъ населенія города и съ распространеніемъ черты его. Казанскій посадъ уже скоро пере-

шелъ за Булакъ, очутившись, такимъ образомъ, въ чертѣ городскаго населенія.

Очертанія казанскаго посада половины XVII вѣка возстановляются крестными ходами, ежегодно совершаемыми 2 и 20 іюля въ воспоминаніе избавленія Казани въ 1654 г. отъ моровой язвы, когда чудотворная икона Смоленской Божіей Матери была обнесена вокругъ всего города и, вслѣдъ затѣмъ, моръ прекратился. Съ тѣмъ поръ, въ воспоминаніе этого событія, св. икона ежегодно, въ іюлѣ мѣсяцѣ, обносится по издревле установившемуся и не измѣняемому направленію, которое и должно служить къ возстановленію очертанія древней Казани. 2 іюля крестный ходъ, выходя изъ каѳедральнаго собора, направляется къ Ивановскому монастырю, спускается отъ него за Булакъ и, обойдя Успенскую и Владимірскую церкви, выходитъ на Варлаамовскую улицу, откуда, мимо Варлаамовской церкви, сворачиваетъ на Сѣнную площадь, проходитъ ею къ Татарскому мосту протока Булака, а оттуда идетъ на Большую Проломную, къ церкви Богоявленія. Это — первая половина крестнаго хода, котораго ходъ 20 іюля составляетъ лишь продолженіе. Выйдя изъ крѣпости, этотъ второй крестный ходъ направляется Больш. Проломною улицею къ Богоявленской церкви, гдѣ остановился первый крестный ходъ. Отсюда онъ идетъ Больш. Проломною до Рыбной площади, поднимается отсюда Рыбнорядскою улицею къ Николаевской площади, пересѣкаетъ эту послѣднюю и площадь Театральную и направляется къ Верхне-Ѳеодоровскому монастырю, откуда возвращается въ кремль по Нижне-Ѳеодоровской и Засыпкиной улицамъ.

Таково весьма вѣроятное очертаніе Казани половины XVII вѣка, счастливо сохраненное намъ направленіями только что описанныхъ историческихъ крестныхъ ходовъ. Интересный фактъ: остатки деревянныхъ стѣнъ стариннаго казанскаго посада существовали еще въ первой четверти прошедшаго столѣтія; они были сломаны въ 1729, по распоряженію извѣстнаго А. П. Волынскаго, бывшаго въ то время казанскимъ губернаторомъ.

Казанскій кремль является, такимъ образомъ, памятникомъ второй половины XVI вѣка. Во внутренность кремля ведутъ съ Воскресенской улицы ворота-арка, съ поставленною надъ ними иконою мѣстной святыни, Божіей Матери Казанской, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ смѣнившею собою щитъ съ изображеніемъ казанскаго герба—Зилантова дракона; ворота эти устроены лишь въ концѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, раньше же въ кремль вели тѣсныя колѣнчатыя ворота Спасской башни, въ настоящее время съ внутренней стороны кремля заложенныя и обращенныя въ какой то складъ. Отъ Спасской башни и до находящейся на противоположной оконечности кремля Тайницкой башни, съ ведущими къ спуску на р. Казанку одноименными воротами, зданія кремля образуютъ широкую улицу въ 250 сажень длины.

Входя въ эту улицу ведущими въ нее отъ Воскресенской улицы и зданія городской думы воротами и оставивъ съ лѣвой руки Спасскую башню, съ военною въ ней церковью и часовнею съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, мы будемъ имѣть первымъ зданіемъ съ правой стороны военную тюрьму, стоящую на мѣстѣ Государева двора XVI—XVII вв., въ которомъ жили когда то казанскіе воеводы. За этою тюрьмою длиннымъ двухэтажнымъ фасадомъ простирается вдоль улицы зданіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ помѣщаются нынѣ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, слѣдующія учрежденія: губернское правленіе съ губернскою типографіею, казенная палата съ губернскимъ казначействомъ и управленіе государственныхъ имуществъ и контрольная палата; въ этомъ корпусѣ, въ нынѣшнемъ помѣщеніи губернскаго правленія, имѣлся во второй половинѣ прошедшаго сто-

кремля, которыми можно спуститься къ Пятницкой церкви и улицамъ Казанской, Воздвиженской (Покровской) и Засыпкиной, начинается старинная ограда двора архіерейскаго дома, съ самымъ домомъ въ глубинѣ его. Пройдя архіерейскій дворъ, мы достигаемъ колокольни и паперти каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, за которымъ открывается, вправо, проѣздъ къ Дворцовой площади, на которой возвышается небольшой, но весьма красивой архитектуры, Императорскій дворецъ.

Постройка въ Казани дворца стоитъ въ тѣсной связи съ посѣщеніемъ Императоромъ Николаемъ I въ 1836 г. Казани. Соизволивъ на сооруженіе военно-губернаторскаго дома, съ помѣщеніемъ въ немъ Императорской квартиры, Государь лично выбралъ мѣсто для будущаго зданія, которое 9 мая 1845 г. и было торжественно заложено, а къ концу 1848 г. уже совершенно закончено. Съ тѣхъ поръ дворецъ служитъ помѣщеніемъ для казанскихъ губернаторовъ и ихъ канцелярій. Онъ построенъ на мѣстѣ бывшаго стараго комендантскаго дома, который, въ свою очередь, былъ сооруженъ на мѣстѣ бывшаго дворца хановъ казанскихъ. Съ западной стороны примыкаетъ къ дворцу, соединенная съ нимъ внутреннимъ ходомъ, дворцовая церковь,— зданіе еще татарской постройки, служившее когда то мечетью, а впереди ея величественно возвышается Сююнбекина или Сумбекина башня, одна изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Казани (см. выше стран. 100). Отъ подножія Сумбекиной башни крутой спускъ ведетъ къ Тайницкой башнѣ и къ р. Казанкѣ.

По лѣвой сторонѣ большой кремлевской улицы мы, начиная отъ Спасской башни, прежде всего встрѣтимъ старинную (XVII вѣка) ограду Спасо-Преображенскаго монастыря, съ монастырскими церквами и зданіями внутри ея; затѣмъ, пройдя выступающую въ улицу небольшую историческую церковь во имя св. Кипріана и Іустиніи (см. выше стран. 112) и передній фасадъ военнаго манежа, мы будемъ имѣть слѣва обширный главный корпусъ пѣхотнаго юнкерскаго училища, отдѣльныя зданія котораго тянутся вплоть до спуска къ Тайницкимъ воротамъ.

Въ 1846 г. по западному внѣшнему гласису кремля разведенъ бульваръ, еще на такъ давно бывшій излюбленнымъ весеннимъ гуляньемъ казанцевъ, любовавшихся отсюда дѣйствительно величественною панорамою широкаго разлива рѣкъ Волги и Казанки, но за послѣднее двадцатилѣтіе бульваръ этотъ былъ совершенно запущенъ, а въ прошедшемъ году входъ въ него совсѣмъ закрытъ для публики, вслѣдствіе опасности, представляющейся для гуляющихъ здѣсь отъ обвала камней съ обветшавшихъ и вывѣтрившихся стѣнъ кремля. Уже много лѣтъ стѣны казанскаго кремля терпѣливо и безмолвно ждутъ своего капитальнаго ремонта, который спасъ бы отъ гибели этотъ любопытный памятникъ казанской старины.

Въ числѣ историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ казанскимъ кремлемъ, можно отмѣтить и разгромъ въ 1774 г. Казани полчищами Пугачева. Почти цѣлые сутки отсиживались въ стѣнахъ его обезумѣвшіе отъ смертельнаго ужаса казанцы и только внезапное появленіе подъ Казанью Михельсона заставило Пугачева оставить обстрѣливаніе кремля и на-спѣхъ очистить городъ. Въ то время стѣны, башни и зданія кремля сильно пострадали отъ дѣйствія артиллеріи самозванца.

Инородческія движенія и мѣры къ умиротворенію края. Оказалось уже очень скоро послѣ казанскаго взятья, что покореніе города Казани—далеко еще не было покореніемъ царства Казанскаго, и что совѣтъ бояръ царю Іоанну не спѣшить оставленіемъ, съ главными ратными силами, Казани и перезимовать здѣсь—имѣлъ глубокое основаніе. Вслѣдъ за выходомъ изъ подъ Казани главной московской рати, въ Казанской землѣ вспыхнулъ

царства казанскаго съ надвинувшеюся на него московскою силою. Этотъ мятежъ продолжался цѣлыхъ шесть лѣтъ (1552—1558 гг.) и окончился лишь искорененіемъ всей оставшейся аристократіи бывшаго царства Казанскаго и почти поголовнымъ истребленіемъ возставшаго населенія. Инородческое (финское) населеніе бывшаго Казанскаго царства, руководимое казанскою татарскою и инородческою аристократіею, дало могучую стихійную силу для этого продолжительнаго и упорнаго мятежа; князь Курбскій прямо говоритъ, что во время мятежа противъ русскаго владычества ополчились „оставшіе князи казанскіе", соединившіеся „съ прочими языками поганскими (т. е. языческими)". По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, пламя мятежа стало утихать лишь съ 1555 г., когда были перебиты до 1560 казанскихъ именитыхъ людей—князей, мурзъ и инородческихъ князьковъ. Былъ и одинъ въ высшей степени важный стимулъ для казанскихъ мятежей, послѣдовавшихъ за паденіемъ Казани; это—надежда на поддержку движенія со стороны Турціи, Крыма, Астрахани и Ногайской орды.

11 октября 1552 г. отбылъ царь Іоаннъ Васильевичъ изъ подъ стѣнъ Казани, и уже въ половинѣ декабря того же года прибыло изъ Васильсурска тревожное донесеніе о возстаніи луговой черемисы, избившей на Волгѣ русскихъ гонцовъ, гостей и дѣтей боярскихъ, а вслѣдъ за тѣмъ стали «лихо чинить» и арскіе люди — уже совсѣмъ близкіе сосѣди новопокореннаго города. Эти первыя вспышки мятежа, затушенныя довольно скоро съ помощью строгихъ мѣръ, были только сигналомъ къ дальнѣйшему движенію инородцевъ казанскаго края. Въ концѣ зимы 1552—1553 г. почти поголовно возстала вся луговая черемиса, однявъ и Арскую землю, и мятежъ, охвативъ къ лѣту 1553 г. все остранство между рѣками Волгою, Камою и Вяткою, съ трехъ сто-

ронъ сталъ угрожать Казани; появился даже какой-то черемисскій князь Мамичъ-Бердей, замыслившій создать самостоятельное царство луговыхъ черемисъ. Дѣло принимало настолько серьезный оборотъ, что въ концѣ 1553 г. выслана была къ Казани сильная рать, подъ предводительствомъ знакомыхъ съ краемъ воеводъ, уже участвовавшихъ въ походѣ 1552 года. Это былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, новый грандіозный походъ, снаряженный для покоренія Казанскаго царства. Вытѣснивъ мятежниковъ изъ крѣпкой позиціи, занятой ими въ засѣкѣ у Высокой Горы (въ 15 верст. отъ Казани), московскіе воеводы къ веснѣ 1554 г. привели въ покорность Арскую и Побережную земли Но луговая черемиса еще не была усмирена и въ началѣ осени 1555 г. мятежъ вспыхнулъ здѣсь съ новою силою, почему снова снаряжена была изъ Москвы для усмиренія его большая рать, не проявившая, повидимому, особенныхъ успѣховъ. Только въ 1558 году умиротворена была казанская земля и закончился этотъ кровавый шестилѣтній мятежъ, про которой кн. Курбскій говоритъ, что почти невозможно вѣрить громадному количеству жертвъ, которое повлекъ онъ за собою.

Мятежныя движенія отъ времени до времени вспыхивали въ Казанской землѣ и въ остальные годы второй половины XVI вѣка. Особенно сильное движеніе, напомнившее и отчасти даже превзошедшее только что описанные мятежи, вспыхнуло здѣсь въ 1583—1584 гг., когда, по словамъ лѣтописца, „басурмане не похотѣша видѣти христіанскія вѣры и подъ государевою рукою жить", когда мятежники успѣли даже овладѣть нѣсколькими городами казанскаго края и, „аки звѣри суровые" и „змѣи жалющіе", противились высланнымъ противъ нихъ московскимъ воеводамъ. Движенія инородцевъ Казанскаго края неодно-

ный отголосокъ среди финскаго населенія горной стороны бывшаго царства Казанскаго; волненій инородцевъ не былъ чуждъ и XVIII вѣкъ.

Съ цѣлью удержанія въ покорности инородцевъ и утвержденія русскаго владычества въ краѣ, московское правительство въ теченіи второй половины XVI вѣка было озабочено строеніемъ въ различныхъ пунктахъ новой территоріи своей и, преимущественно, въ центрахъ инородческаго разселенія, городовъ-остроговъ, въ которыхъ содержало гарнизоны и сажало воеводъ, находившихся въ зависимости отъ воеводъ казанскихъ. Такимъ путемъ возникли «казанскіе пригороды», какъ назывались эти городки: Чебоксары въ 1556 г., Лаишевъ въ 1557 г., Новый Кокшайскъ въ 1573 г., Тетюши около 1578 г., Козмодемьянскъ въ 1583 г., Цивильскъ и Царевококшайскъ въ 1584 г., Санчурскъ въ 1585 г. и др. Въ XVII вѣкѣ Казанскому краю стали почасту угрожать волненія башкировъ, не прекращавшіяся и въ теченіи XVIII вѣка; это повело къ основанію въ первой половинѣ XVII в. южныхъ Закамскихъ городовъ, возникшихъ по укрѣпленной валами и засѣками чертѣ, имѣвшей своею цѣлью оградить Казанскій край отъ набѣговъ юго-восточныхъ тюркскихъ кочевниковъ.

Это основаніе въ предѣлахъ бывшаго царства Казанскаго русскихъ укрѣпленныхъ городовъ—остроговъ послужило исходною точкою отправленія для русской колонизаціи края, которая утвердила здѣсь русское владычество и русское вліяніе, совершивъ мирнымъ путемъ то, чего не могли сдѣлать ни сила оружія, ни суровая рѣшимость и отвага воеводъ московскихъ.

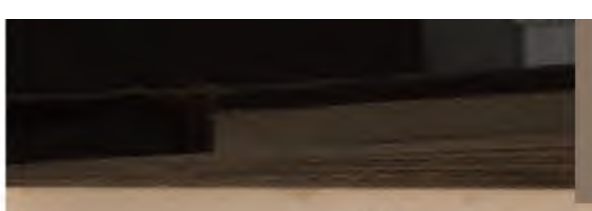
Учрежденіе епархіи и первые святители казанскіе. Державный покоритель царства Казанскаго и ближайшіе совѣтники его должны были сознать, что присоединеніе къ русской державѣ новаго края не могло оставаться чисто внѣшнимъ, механическимъ; что необходима и духовно-просвѣтительная дѣятельность, которая могла бы

обратить къ познанію Бога истиннаго массы язычниковъ, населявшихъ обширную территорію этого края. Они прекрасно поняли, что край, пріобрѣтенный силою оружія вещественнаго, еще важнѣе было покорить силою оружія духовнаго. Не даромъ царь Іоаннъ высказалъ встрѣтившему его въ Москвѣ, по возвращеніи изъ казанскаго похода, духовенству пожеланіе—„да познаютъ новые подданные наши Бога истиннаго“. Тотчасъ по возвращеніи царя въ Москву, отсюда отправленъ былъ въ Казань, для церковнаго устроенія, протопопъ архангельскаго собора отецъ Тимоѳей, о дѣятельности котораго во вновь присоединенномъ городѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, кромѣ преданія объ обращеніи имъ въ православіе какого то арскаго старика-татарина.

Болѣе серьезныя мѣры къ устройству церкви во вновь покоренномъ краѣ воспослѣдовали въ 1555 году, когда освященнымъ соборомъ постановлено было учредить въ Казани самостоятельную епархію, въ составъ которой было включено все царство Казанское, горная сторона и земля Вятская (съ присоединеніемъ Астраханскаго царства—и это послѣднее), причемъ новая епархія, на содержаніе которой повелѣно отчислить десятую часть всѣхъ казанскихъ таможенныхъ доходовъ, была въ порядкѣ іерархическаго старшинства поставлена между епархіями новгородской и ростовской.

Тогда же избранъ былъ и первый архіепископъ Казанскій, въ лицѣ игумена Селижаровскаго монастыря Гурія (въ мірѣ Григорій Руготинъ, род. ок. 1500, † 4 дек. 1563 г.). Хиротонисованный 7 февраля 1555 г. въ

царемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, получивъ отъ царя особый наказъ, опредѣлявшій направленіе и характеръ его будущей дѣятельности (объ этомъ наказѣ скажемъ ниже). Вмѣстѣ съ архіеп. Гуріемъ, въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ, поѣхали въ Казань два архимандрита—Варсонофій, игуменъ Пѣсношскій, и Германъ, игуменъ Старицкій, которымъ, какъ мы это увидимъ ниже, было суждено занять видное и почетное мѣсто въ начальной исторіи казанской епархіи. Преосв. Гурій и спутники его прибыли въ Казань 28 іюля 1555 г. Отправляя сюда перваго архіепископа, царь Іоаннъ облекъ его весьма широкими полномочіями; ему порученъ надзоръ за дѣйствіями казанскихъ воеводъ, которые должны были совѣтоваться съ святителемъ по всѣмъ дѣламъ своего управленія; архіепископъ обязанъ былъ ставить воеводамъ на видъ всякаго рода нестроенія и неправды, пользуясь правомъ непосредственныхъ письменныхъ докладовъ самому царю, если тѣ голоса его не слушались; казанскій владыка получилъ и право помилованія по отношенію къ приговорамъ воеводъ и другихъ свѣтскихъ судей надъ иновѣрцами. Оставаясь 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ на чредѣ архипастырскаго служенія своего, преосв. Гурій положилъ твердое начало духовно-нравственному просвѣщенію иновѣрцевъ, насадивъ въ Казанскомъ краѣ первыя сѣмена будущей миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности, и усиленно заботился объ учрежденіи здѣсь церквей и монастырей; преосв. Гурій непосредственно руководилъ сооруженіемъ новаго каменнаго Благовѣщенскаго собора, устроеніемъ Зилантова монастыря; въ его же святительство получили свое начало казанскій Спасо-Преображенскій монастырь, Свіяжскій Успенскій и многія казанскія церкви.



Преосвящ. Гурій, чувствовавшій въ послѣдніе годы жизни своей большую слабость отъ овладѣвшаго имъ недуга, скончался 4 декабря 1563 года, принявъ за два дня до этого великую схиму. Останки усопшаго были погребены за алтаремъ Спасо - Преображенскаго монастыря, гдѣ и почивали въ теченіи 32 лѣтъ. Въ 1595 г., когда рыли здѣсь канаву подъ фундаментъ новаго храма, рабочіе 4 октября обнаружили гробъ преосв. Гурія и, впослѣдствіе похороненнаго здѣсь же, архимандрита Варсонофія. Когда вскрыли гробъ преосв. Гурія, то оказалось, что не только ризы, въ которыхъ погребенъ былъ святитель, но и тѣло его остались нетлѣнными, самый же гробъ, по сказанію житія преподобнаго, былъ наполненъ благовоннаго мvра. По распоряженію митрополита казанскаго Гермогена, впослѣдствіе знаменитаго патріарха всероссійскаго, мощи св. Гурія были поставлены въ церкви Спасо-Преображенскаго монастыря, гдѣ обрѣтались до 20 іюня 1630 г., когда были перенесены въ Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, въ которомъ почиваютъ и по настоящее время.

Вторымъ казанскимъ архіепископомъ былъ святитель Германъ (въ мірѣ Григорій Садыревъ-Полевъ, род. ок. 1505, † 1567 г.), прибывшій въ Казань по приглашенію св. Гурія, дружественныя отношенія съ которымъ завязались у него еще въ бытность обоихъ будущихъ іерарховъ иноками Волоколамскаго монастыря. По прибытіи въ Казань, Германъ принялъ на себя порученіе устроить въ г. Свіяжскѣ мужской монастырь, который и былъ сооруженъ подъ его личнымъ наблюденіемъ и котораго онъ былъ первымъ архимандритомъ. По преставленіи святителя Гурія, Германъ

былъ назначенъ ему преемникомъ и 12 марта 1564 г. рукоположенъ въ Москвѣ во архіепископа казанскаго. Только два года оставался свят. Германъ въ этомъ санѣ, будучи въ 1566 г. перемѣщенъ на московскую митрополію. Преосв. Германъ скончался въ 1567 г. (6 ноября), въ царской опалѣ, и чуть ли не былъ жертвою своего протеста противъ учрежденной Грознымъ Царемъ опричнины. 25 сентября 1591 г. нетлѣнныя мощи Св. Германа, тѣло котораго было погребено въ московской приходской церкви св. Николая Мокраго, были, съ соизволенія царя и патріарха, перенесены въ созданный имъ Свіяжскій монастырь, гдѣ онѣ и понынѣ почиваютъ.

Къ именамъ св. св. Гурія и Германа примыкаетъ имя и третьяго казанскаго преподобнаго—св. Варсонофія, архимандрита Спасо-Преображенскаго монастыря, но о немъ скажемъ мы ниже, при описаніи этой обители.

Архіепископская каѳедра существовала въ Казани до 1589 года. Въ этомъ году она была переименована въ митрополію и 13 мая 1589 г. былъ рукоположенъ въ первые митрополиты казанскіе и свіяжскіе архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря,—сперва простой клирикъ этого монастыря, а затѣмъ священникъ церкви св. Николы Гостинаго, — Гермогенъ, будущій всероссійскій патріархъ и духовный борецъ эпохи смутнаго времени. Послѣднимъ митрополитомъ казанскимъ былъ преосв. Сильвестръ (отрѣшенъ отъ сана 30 дек. 1731 г.), послѣ котораго, съ 1732 г., казанская епархія снова переименована въ архіепископію, каковою остается и до нашихъ дней.

Начало миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности въ Казанскомъ краѣ. Мы уже знаемъ, что, отпуская въ Казань перваго архіепископа Гурія, царь Іоаннъ Василь-

евичъ снабдилъ его особымъ наказомъ. Изъ этого весьма любопытнаго наказа мы видимъ, что задачи миссіонерскаго просвѣщенія казанскихъ иновѣрцевъ были включены въ начертаніе будущей дѣятельности перваго же казанскаго архипастыря. Преосв. Гурію рекомендуется неустанно заботиться о привлеченіи мусульманъ къ христіанской вѣрѣ и съ этою цѣлью „пріучать ихъ" къ себѣ ласкою и привѣтомъ, угощать приходящихъ къ нему по дѣламъ татаръ квасомъ и медомъ, бесѣдуя съ ними „тихо и съ умиленіемъ, а жестокостію съ ними не говорити". Склонять татаръ къ православію рекомендуется „любовію", крестя только желающихъ, а „страхомъ ихъ къ крещенію никакъ не приводити". Новокрещеновъ предписывается обучать законоученію, „и жаловати, и беречи во всемъ". Съ цѣлью поддержанія во вновь присоединенномъ иновѣрческомъ краѣ христіанско-православныхъ началъ, архіепископу предписывается во всѣ воскресные дни поучать народъ по церквамъ.

На первыхъ порахъ дѣло миссіонерства пошло въ Казанскомъ краѣ довольно успѣшно, и уже въ первые годы по завоеваніи Казани многіе мѣстные мусульмане приняли св. крещеніе, положивъ начало будущимъ поколѣніямъ татарскаго происхожденія, носившимъ наименованіе „новокрещеновъ". Весьма успѣшно шло дѣло и при преемникѣ св. Гурія, св. Германѣ; дѣятельнымъ сподвижникомъ обоихъ святителей являлся въ этомъ направленіи св. Варсонофій, миссіонерское служеніе котораго въ значительной степени облегчалось тѣмъ, что этотъ іерархъ,

кое соотношеніе къ иновѣрческому населенію края. Тѣмъ не менѣе, къ концу того же XVI-го вѣка миссіонерская дѣятельность стала въ Казанскомъ краѣ не только затихать, но стали все чаще и чаще наблюдаться случаи массивнаго отпаденія новокрещеновъ снова въ магометанство. Одинъ изъ историковъ казанской епархіи, священникъ о. Г. Богословскій, объясняетъ это тѣмъ, что во главѣ миссіонерской дѣятельности уже не стояли болѣе такіе убѣжденные, дѣятельные, тактичные и неутомимые іерархи, какими были св. св. Гурій, Германъ и Варсонофій, — приходское же духовенство, стоявшее на весьма невысокомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія, находившееся, къ тому же, въ крайне тяжелыхъ условіяхъ матеріальнаго существованія, не могло явиться успѣшнымъ двигателемъ миссіонерскаго дѣла. Въ 1593 г. казанскій митрополитъ Гермогенъ жалуется царю, что казанскіе и свіяжскіе новокрещены плохо держатся православія,—къ церквамъ Божіимъ не ходятъ, крестовъ не носятъ, иконъ у себя не держатъ, отцовъ духовныхъ не имѣютъ и не призываютъ, отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ; повѣнчавшись, напримѣръ, у православныхъ священниковъ, совершаютъ, сверхъ того еще, свадебный обрядъ у мусульманскихъ муллъ. „Я призывалъ ихъ и поучалъ,— пишетъ митрополитъ,—но они ученія не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ; и видя такое невѣріе, иные татары не только не крестятся въ православную вѣру, но и ругаются ей“. Гермогенъ указываетъ, что даже и коренные русскіе люди, живя среди татаръ и другихъ иновѣрцевъ, отпадаютъ отъ православія.

Принимались для поддержанія въ краѣ православія и мѣры чисто гражданскаго характера, — уничтожались татарскія мечети, татары выселялись въ особыя слободы,

новокрещеннымъ предоставлялись разнаго рода льготы и преимущества, обѣщалось даже сложеніе уголовныхъ каръ, русскимъ запрещалось жить у татаръ,—но эти мѣры къ желательному результату, по словамъ о. Богословскаго, не приводили, и уже въ началѣ XVII в. митрополитъ Тихонъ снова сѣтуетъ о томъ, что новокрещены „непокорливы, и по прежнему въ мерзостяхъ коснѣютъ; въ церкви не ходятъ, священниковъ къ требамъ не призываютъ, не исповѣдываются и умершихъ хоронятъ безъ церковнаго пѣнія“. Въ XVII-мъ столѣтіи, констатируетъ о. Богословскій, просвѣтительно-миссіонерская дѣятельность въ Казанскомъ краѣ почти совершенно замираетъ.

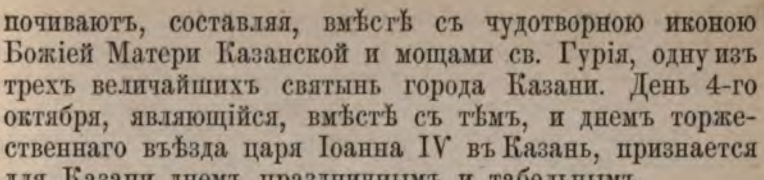
Святитель Гурій прекрасно понималъ, что школа должна служить вѣрнѣйшимъ средствомъ утвержденія новокрещеновъ въ ученіи православія и въ началахъ христіанской жизни, и вотъ при всѣхъ трехъ устроенныхъ при немъ монастыряхъ, — Зилантовомъ, Спасо-Преображенскомъ и Свіяжскомъ,—заводятся школы, въ которыхъ обучались, главнымъ образомъ, дѣти новокрещенныхъ татаръ, черемисы, чувашъ и вотяковъ; для преслѣдованія такихъ же просвѣтительныхъ задачъ возникли монастыри, при св. Германѣ—Іоанно-Предтеченскій, въ г. Казани, при архіеп. Лаврентіи—Троицкій, въ г. Чебоксарахъ.

Строеніе монастырей и церквей, какъ средство къ просвѣщенію края и насажденію въ немъ православія, озабочивало собою какъ московское правительство, такъ и казанскихъ іерарховъ, въ продолженіе

Спасо-Преображенскій монастырь, расположенный въ кремлѣ, тотчасъ же на лѣво отъ входа въ него, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ церковныхъ памятниковъ Казани. Монастырь этотъ основанъ въ 1556-мъ году, слѣдовательно уже черезъ четыре года по покореніи Казани, на мѣстѣ, выбранномъ самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, трудами св. Варсонофія, бывшаго и его первымъ архимандритомъ.

Св. Варсонофій, другъ и ближайшій сподвижникъ св. Гурія, перваго архіепископа казанскаго, вмѣстѣ съ нимъ и св. Германомъ присланный въ Казань для церковнаго устроенія вновь присоединеннаго края, былъ въ 1562 г. перемѣщенъ отсюда на Тверскую епископію. По оставленіи имъ епископской кафедры, преосв. Варсонофій, уже послѣ кончины друга своего св. Гурія, возвратился на покой въ Казань, въ созданный и любимый имъ Спасо-Преображенскій монастырь, гдѣ въ 1576 г. и преставился, будучи погребенъ рядомъ съ почившимъ за двѣнадцать лѣтъ до того преосв. Гуріемъ. Когда въ 1595 году, 4 октября *), при обстоятельствахъ, уже извѣстныхъ намъ (см. выше стран. 141), обрѣтены были мощи св. Гурія, тогда тутъ же открыты были и нетлѣнныя мощи св. Ворсонофія, поставленныя въ монастырскомъ соборѣ Преображенія Господня, въ которомъ онѣ и по настоящее время

*) Слѣдуетъ оговориться относительно точнаго года обрѣтенія мощей св. св. Гурія и Ворсонофія, которое одни относятъ къ 1595, другіе—къ 1596 году. И тѣ и другіе правы: годъ этотъ будетъ 1596-мъ по старому, сентябрьскому лѣтосчисленію, такъ какъ съ 1-го сентября пошелъ уже новый 1596 г.; онъ же будетъ 1595-мъ при переводѣ на современный январьскій годъ.



почиваютъ, составляя, вмѣстѣ съ чудотворною иконою Божіей Матери Казанской и мощами св. Гурія, одну изъ трехъ величайшихъ святынь города Казани. День 4-го октября, являющійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и днемъ торжественнаго въѣзда царя Іоанна IV въ Казань, признается для Казани днемъ праздничнымъ и табельнымъ.

Всѣ монастырскія зданія первоначально поставлены были деревянными и только исподоволь, въ теченіи последующаго XVII вѣка, перестроены въ каменныя. Впрочемъ, уже въ 1566 г., какъ это усматривается изъ старинной писцовой книги г. Казани, одна изъ двухъ монастырскихъ церквей, именно церковь во имя св. Николая Чудотворца (Николы Ратнаго), служившая и монастырскою трапезою, была каменною; соборный же храмъ Преображенія Господня былъ деревяннымъ, но на каменномъ фундаментѣ, съ подвальнымъ этажемъ, и только въ 1595—1601 гг. перестроенъ на каменный и, притомъ, въ болѣе обширномъ видѣ. Такимъ образомъ, церковь св. Николы Ратнаго должна почитаться однимъ изъ древнѣйшихъ каменныхъ храмовъ города. Часть каменныхъ монастырскихъ келій устроена лишь въ 1640 и 1670 гг., а окружающая монастырь съ сѣверной и восточной сторонъ (остальными двумя сторонами монастырское мѣсто примыкаетъ къ кремлевской стѣнѣ) каменная ограда, надъ воротами которой была сдѣлана (нынѣ упраздненная) церковь во имя положенія Честныхъ Ризъ пресв. Богородицы, относится къ третьей четверти XVII вѣка, какъ свидѣтельствуетъ о томъ слѣдующая, высѣченная весьма кудрявою вязью, надпись при главномъ входѣ въ ограду:

«Лѣта 1670 построено сіе оградное строеніе и другія врата мо-

Честныя ризы; да въ придѣлѣ чудотворца Макарія Калязинскаго (эта церковь, нынѣ упраздненная, находилась надъ вторыми монастырскими воротами), и казенныя келіи, палатки келіи, въ царство благочестивыя державы государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и при его державѣ и при его царевичѣхъ дѣтяхъ, благовѣрномъ государѣ нашемъ царевичѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ *), по благословенію великаго господина святѣйшаго Макарія, патріарха Божія града великія Антіохіи и всего востока, и при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іоасафѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, по благословенію великаго господина Лаврентія, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго. А строилъ многогрѣшный чернецъ (имя не розобрано) монастырскою казною».

Кромѣ церкви св. Николы Ратнаго и собора Преображенія Господня, въ монастырѣ сохранились и другія постройки XVI-го вѣка. Къ этому вѣку относится часть примыкающаго къ западной кремлевской стѣнѣ, за Преображенскомъ соборомъ, каменнаго зданія, занимаемаго нынѣ викарнымъ епископомъ и въ которомъ указываютъ келію св. Варсонофія, а быть можетъ и часть украшеннаго весьма древнею орнаментовкою монастырскаго зданія, расположеннаго влѣво отъ входа въ ограду черезъ сѣверныя ея ворота.

У восточной стороны Преображенскаго собора, какъ разъ противъ входа отъ главныхъ (святыхъ) монастырскихъ воротъ, обращаетъ на себя вниманіе часовня-склепъ,

---

*) Крупная хронологическая несообразность: царевичъ Петръ Алексѣевичъ родился въ 1672 г. Годъ 1670-ый—относится, вѣроятно, къ началу постройки.

устроенная на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ обрѣтены были мощи св. св. Гурія и Варсонофія; здѣсь сохраняются и части деревяннаго гроба, въ которомъ св. Варсонофій покоился. По преданію, часовня эта устроена была надъ могилою св. Гурія жившимъ въ Казани опальнымъ бояриномъ Иваномъ Елизаровичемъ Застолбскимъ (въ иночествѣ Іона), который и похороненъ здѣсь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Димитріемъ (въ иночествѣ Нектарій); по свидѣтельству житія св. св. Гурія и Ворсонофія, составленнаго митрополитомъ, впослѣдствіе патріархомъ, Гермогеномъ, тѣла отца и сына найдены были, при вскрытіи могилъ угодниковъ казанскихъ, тоже нетлѣнными и, по совершеніи надъ ними панихиды, снова преданы тутъ же землѣ.

Кромѣ гробницъ отца и сына Застолбскихъ, въ той же часовнѣ заслуживаютъ вниманія и нѣсколько другихъ гробницъ.

Здѣсь покоится прахъ казанскаго митрополита Ефрема, одного изъ видныхъ духовныхъ дѣятелей эпохи смутнаго времени, въ качествѣ старшаго, послѣ кончины въ польскомъ плѣну патріарха Гермогена, іерарха временно управлявшаго дѣлами русской церкви и возложившаго въ 1613 г. царскій вѣнецъ на перваго государя изъ дома Романовыхъ, царя Михаила Θеодоровича, и перваго подписавшагося на соборной грамотѣ объ избраніи его на всероссійскій престолъ *). Надпись на могильной плитѣ святителя гласитъ слѣдующее:

---

*) На этой грамотѣ, кромѣ митроп. Ефрема, подписались слѣдующіе казанскіе представители: Корнилій, архимандритъ свіяжскій;

«Лѣта 7122-го (т. е. 1614-го) мѣсяца декемвріа въ 26 день преставися рабъ Божій Ефремъ преосвященный, по преименованіи вторый митрополитъ казанскій и свіяжскій».

Тутъ же могильныя плиты іерусалимскаго архіепископа Епифанія и андрусскаго епископа Арсенія, жившаго и скончавшагося, подъ церковнымъ запрещеніемъ, въ Макарьевской пустынѣ, что близъ г. Свіяжска, злоключенія котораго изложены въ его эпитафіи.

Надпись надъ могилою архіеп. Епифанія гласитъ:

« . . . апреля въ 19 день, на память преподобнаго отца нашего Іоанна ветхія лавры, преставися преосвященный Епифаній архіепископъ святаго града Іерусалима, монастыря святыя Голгоѳы, иже на краніевѣ мѣстѣ (край камня съ означеніемъ года кончины отбитъ)».

На надгробномъ камнѣ епископа Арсенія читаемъ:

«Во имя Спасителя нашего Христа Бога. Усне и погребенъ на семъ мѣстѣ греческихъ странъ, адрусскія епархіи, пелопонскаго острова епископъ Арсеній, который жилъ прежде въ Москвѣ 7201-го (т. е. 1693 г.), а посемъ жилъ въ Макарьевѣ пустыни, что близъ Свіяжска; тутъ и преставися въ л то отъ Рождества Христова 1706-го апреліа въ 14 день и погребенъ великимъ господиномъ преосвященнымъ Тихономъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ, апреліа въ 16 день. Бяше же онъ за нѣкая приключшаяся обстоянія отлученъ святѣйшимъ Досиѳеемъ патріархомъ іерусалимскимъ. По смерти же его, тогожъ

скій человѣкъ г. Козмодемьянска; Прокопій Вразкій, Зузинъ—Сюдзиновъ, Иванъ Нармацкій и Алексѣй Шушеринъ—«Казанскаго государства выборные дворяне». (Собр. Госуд. Гр. и Дог., I, стр. 636—641).

706 лѣта, яко усердный и ближній по евангельскому словеси другъ, преосвященнѣйшій архіерей кvръ Тихонъ только тщаніе о разрѣшеніи положилъ и по намѣренію своему чрезъ писаніе о разрѣшеніи его получилъ просимое отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго присланное, за подписаніемъ руки его, и при немъ одинадцать архіереевъ, писанное на греческомъ языкѣ, и та грамота положена съ нимъ во гробъ, и ради вѣдѣнія переведенный списокъ во архіерейской ризницѣ положенъ».

Въ лѣвой сторонѣ часовни находится надгробная плита, положенная надъ могилою скончавшагося въ Казани, въ 1740 г., князя Ивана Егоровича Багратіона—Давыдова. На этой плитѣ имѣется слѣдующая надпись:

«Стани здѣ, путниче,
«Надъ гробомъ умилися;
«Помня смерть—о успопшемъ помолися.

«Здѣ положено во гробѣ тѣло кахетскаго царя Темуразы ближняго его сродника, князь Іоаннъ Егоровичъ Багратіонъ Давидовъ, который пожалованъ, указомъ блаженнѣйшей памяти Ея Императорскаго Величества Государыны Императрицы Анны Іоанновны, бысть въ Каз нь, въ Казани жъ и преставися сего 1740 году, ноября 12 дня, и погребенъ на семъ мѣстѣ, а отъ рожденія его было ему лѣтъ 47».

Часовня, въ которой находятся описанныя выше могилы, пользуется среди казанцевъ большимъ почитаніемъ, какъ мѣсто первоначальнаго упокоенія двухъ чудотворцевъ *). Между святыми воротами монастыря и часовнею,

---

*) Интересный фактъ. Песокъ, которымъ усыпаются гробницы

приходѣ церкви Николы Тульскаго, въ домѣ какого то ратнаго человѣка (стрѣльца?) Даніила Онучина *), истребилъ часть города близъ кремля, государевъ дворъ, Спасо-Преображенскій монастырь и всю сѣверо-восточную часть посада. Вскорѣ послѣ пожара,—повѣствуетъ сказаніе объ обрѣтеніи св. иконы Казанской Божіей Матери,—десятилѣтняя дочь Онучина, Матрена, разсказала домашнимъ, что во снѣ явилась ей Богоматерь, возвѣстившая ей, что на мѣстѣ сгорѣвшаго дома ихъ скрывается ея Пречистый Образъ и повелѣвшая ей увѣдомить о томъ начальниковъ города, которыми были въ то время воеводы князь Григорій Булгаковъ и бояринъ Богданъ Сабуровъ. Никто не обратилъ вниманія на разсказъ дѣвочки, принявъ его за игру разстроеннаго воображенія. Тогда Матрена приступила сама къ розыскамъ иконы, которая и была обрѣтена ею въ землѣ на томъ мѣстѣ пожарища, гдѣ была печь дома ихъ, на двухаршинной глубинѣ. Икона, завернутая въ старый рукавъ вишневаго цвѣта, была настолько свѣжею, что казалась только недавно вышедшею изъ подъ кисти иконописца. Находка привлекла къ пепелищу дома Онучиныхъ множество народа, а вслѣдъ за тѣмъ прибылъ сюда и архіепископъ Іеремія, послѣ чего обрѣтенная икона была съ честью внесена въ церковь св. Николы Тульскаго, гдѣ и поставлена. Событіе это произошло 8-го іюля (1579 г.)—день, въ который русская цер-

*) «Въ домѣ мужа, имуща мудрость на войнѣ стрѣльбою»,—какъ говоритъ лѣтописецъ. Писцовая книга г. Казани, второй половины XVI в., указываетъ въ приходахъ Николы Тульскаго и Покрова Пресв. Богородицы дворы четырехъ Онучиныхъ,—Григорія, Булгака, Андрея и Ивана.

Казанскій Богородицкій монастырь.

Общій видъ отъ юго-восточнаго угла Кремля.

ковь и чествуетъ явленіе св. иконы Казанской Божіей Матери.

Скоро святость обрѣтенной св. иконы стала свидѣтельствоваться происходившими отъ нея чудесами,—исцѣленіемъ недужныхъ, прозрѣніемъ слѣпыхъ,—послѣ чего архіепископъ, приказавъ снять съ св. иконы списокъ, отправилъ его, вмѣстѣ съ докладомъ о всемъ совершившемся, къ царю Іоанну IV. Царскимъ отвѣтомъ на донесеніе архіепископа было приказаніе соорудить на мѣстѣ обрѣтенія святыни деревянную церковь во имя Пресв. Богородицы и устроить при ней дѣвичій монастырь на сорокъ инокинь; въ числѣ первыхъ сестеръ новой обители была и Матрена Онучина, принявшая иноческое имя Мавры. Такъ возникъ Казанскій Богородицкій дѣвичій монастырь, въ составъ котораго вошла и церковь св. Николы Тульскаго. Уже вскорѣ по основаніи монастыря выстроена была въ немъ еще одна, деревянная же, церковь, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, съ трапезою при ней, и только въ 1594-мъ г., по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича, приступлено было къ сооруженію, взамѣнъ прежняго деревяннаго, каменнаго храма во имя св. иконы Казанской Божіей Матери, съ придѣлами во имя Успенія Пресв. Богородицы и св. Александра Невскаго. Церковь эта была освящена въ октябрѣ 1595 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ св. икону повелѣно было украсить драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и золотомъ, а штатъ монахинь увеличенъ до 64-хъ.

Не прошло и полувѣка со времени обрѣтенія св. иконы Божіей Матери Казанской, какъ она пріобрѣла значеніе великой общерусской святыни. Этому способствовали обстоятельства такъ называемаго смутнаго времени

на Руси. Когда, въ 1612-мъ г., пошло изъ Казани на выручку Москвы отъ поляковъ земское ополченіе, тогда ратники этого послѣдняго взяли съ собою въ походъ списокъ съ мѣстной святыни—иконы Казанской Божіей Матери. По преданію, архіепископу Арсенію явился въ сновидѣніи преп. Сергій и возвѣстилъ ему, что Москва будетъ освобождена заступничествомъ Божіей Матери Казанской. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по войску, воодушевивъ его на борьбу, и когда, 22 октября 1612 года, Москва была очищена отъ поляковъ, всѣ приписали эту побѣду чуду Казанской святыни. Съ тѣхъ поръ въ русской церкви установленъ и второй день чествованія св. иконы Божіей Матери Казанской—22 октября. Такимъ путемъ установилось двойное въ году празднованіе св. иконы: 8 іюля — день ея обрѣтенія, и 22 октября—день освобожденія Москвы отъ поляковъ. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича Романова, бывшій въ походѣ 1612-го года списокъ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери былъ поставленъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, откуда при Петрѣ Великомъ перенесенъ въ С. Петербургъ, гдѣ понынѣ хранится въ сооруженномъ въ честь его Казанскомъ соборѣ. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что подлинная икона Божіей Матери Казанской съ 1579 г. не покидала Казани, въ С. Петербургѣ же обрѣтается лишь вывезенный изъ Казани списокъ ея.

Сооруженный въ Казани при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ каменный монастырскій соборъ во имя Божіей Матери Казанской простоялъ около двухсотъ лѣтъ и къ

Казани Пугачевымъ и о трагической участи петровскаго ветерана, столѣтняго старца Нефеда Никитича Кудрявцева, бывшаго при Петрѣ Великомъ казанскимъ вице—губернаторомъ.

Когда Пугачевъ ворвался съ своими полчищами въ Казань, власти и часть жителей затворились въ кремлѣ, другіе же укрылись въ соборѣ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, въ надеждѣ обрѣсти спасеніе подъ сѣнью святыни этого храма; въ числѣ скрывшихся здѣсь находился и Н. Н. Кудрявцевъ, принесенный сюда въ креслѣ, такъ какъ отъ старости ноги уже перестали служить ему. Монастырь былъ занятъ отрядомъ пугачевцевъ подъ командою измѣнника поручика Миняева; мятежники поставили на соборной паперти пушки, изъ которыхъ обстрѣливали восточную часть кремля. Кудрявцевъ былъ преданъ смерти вмѣстѣ съ другими казанцами, укрывшимися здѣсь и отказавшимися признать самозванца.

Рѣшеніе разобрать старый соборъ и построить на его мѣстѣ новый было предпринято въ 1791 году, при архіепископѣ Амвросіѣ (Подобѣдовѣ); было получено на то надлежащее разрѣшеніе, утвержденъ былъ и планъ новаго храма, но исполненіе дѣла замедлилось, получивъ толчокъ лишь во время недѣльнаго пребыванія въ Казани въ 1799 году Императора Павла Петровича. Императоръ повелѣлъ отпустить на сооруженіе новаго собора 25 тыс. рублей и 30 мая, въ самый день отъѣзда своего изъ Казани, отслушавъ въ монастырѣ раннюю обѣдню, положилъ первый камень въ основаніе будущаго собора, послѣ чего посѣтилъ въ кельѣ игуменью монастыря, принявъ отъ нея благословленіе богато вышитою жемчугомъ иконою Казанской Богоматери. Къ суммѣ, пожалованной Императоромъ Павломъ I, въ 1802 г. было

отпущено изъ казны еще 20 тыс. рублей; кромѣ того, на строеніе были употреблены монастырскія экономическія суммы и вклады.

Освященный въ 1804 году, Казанскій Богородицкій соборъ представляетъ собою, вмѣстѣ съ высокою колокольнею своею, величественный по размѣрамъ и изящный по архитектурѣ пятиглавый храмъ съ обширнымъ, смѣло и легко выведеннымъ, куполомъ. Длина собора—20 саж. 2 аршина, при такой же вышинѣ отъ поверхности земли до большой главы. Съ трехъ сторонъ храмъ имѣетъ порталы съ поддерживающими фронтонъ коллонадами іоническаго ордена; большой куполъ, украшенный снаружи коллонадою коринѳскаго ордена, внутри собора поддерживается четырьмя массивными столбами. Кромѣ Богородицкаго собора, съ придѣлами во имя св. Александра Невскаго и Нерукотвореннаго Спаса и храма св. Николая Тульскаго, съ придѣлами во имя Нерукотвореннаго Спаса и святителей Гурія, Варсонофія и Германа, въ Казанскомъ монастырѣ имѣется еще нѣсколько церквей и придѣловъ.

Для благоустройства и благолѣпія Казанскаго монастыря особенно много сдѣлано было въ началѣ текущаго столѣтія игуменьею Софіею (въ мірѣ княжна Болховская); при ней сооруженъ новый соборъ, колокольня, каменные корпуса келій, гостинница, больница и др. монастырскія зданія. Состоявшій прежде во второмъ классѣ, Казанскій Богородицкій монастырь въ 1809 г., по Высочайшему повелѣнію, перемѣщенъ въ первый классъ.

Само собою разумѣется, что главную святыню монастыря представляетъ величайшая казанская, вмѣстѣ съ

тѣмъ и общерусская, святыня—чудотворная икона Божіей Матери Казанской. Драгоцѣнная риза этой св. иконы продолжала и продолжаетъ украшаться, начиная съ конца XVI вѣка. Въ бытность свою въ 1767 г. въ Казани, Императрица Екатерина Великая, отслушавъ въ Казанскомъ монастырѣ литургію, возложила на ризу св. иконы небольшую бралліантовую коронку, а другую такую же коронку—на мѣстный образъ Спасителя. Святая икона имѣетъ въ настоящее время двѣ драгоцѣнныя ризы. Одна изъ нихъ (въ нее икона облачается лишь въ великіе праздники) сплошь унизана жемчугомъ и украшена возложенною Императрицею Екатериною II бrилліантовою коронкою; риза эта, сверхъ того, убрана 479 бриллiантами, 100 алмазами и 1120 другими драгоцѣнными камнями. Всѣ пріѣзжающіе въ Казань вѣрующіе, начиная съ Высочайшихъ особъ, считаютъ первымъ религіознымъ долгомъ принести поклоненіе св. иконѣ Казанской Божіей Матери. При монастырѣ имѣется школа, въ которой обучаются дѣвочки, преимущественно изъ сиротъ духовнаго званія; инокини монастыря славятся искусствомъ въ золотошвейномъ ремеслѣ и въ иконописаніи.

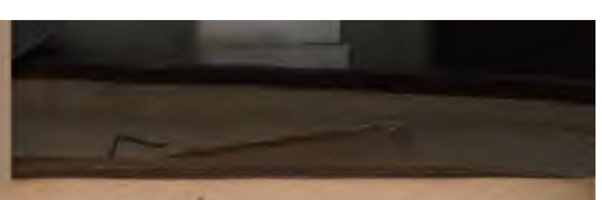
Кромѣ св. чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, въ монастырѣ (въ теплой церкви) замѣчательны двѣ мѣстныя иконы: весьма древняя икона Спаса Вседержителя, въ 1595 г. вложенная въ монастырь царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ подпись подъ иконою, и Смоленской Божіей Матери, присланная монастырю тѣмъ же царемъ.

Въ ризницѣ монастыря, кромѣ другихъ предметовъ, обращаютъ на себя вниманіе: 1) Евангеліе 1677 года; 2) Евангеліе 1689 года, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; 4) серебряный, чеканной работы и украшенный жемчугомъ, крестъ 1649 года; 4) серебря-

ное блюдо 1678 года, съ надписью въ позолоченыхъ клеймахъ: «Блюдо церковное Богородицы Казанской»; 5) два старинныхъ серебряныхъ чеканныхъ стакана, на одномъ изъ которыхъ въ трехъ круглыхъ щиткахъ изображены фигуры человѣка со стрѣлами, льва и козла, и др. предметы.

Ѳеодоровскій (Троицкій) монастырь, въ настоящее время заштатный и приписанный къ монастырю Спасо-Преображенскому, расположенъ въ концѣ Верхне-Ѳеодоровской улицы, на живописномъ крутомъ обрывѣ берега р. Казанки, на урочищѣ, еще въ XVI вѣкѣ носившемъ названіе „стараго городища“. Этотъ обрывъ, представляющій собою сильно укрѣпленное природою городище, въ прежнее время огражденнное еще, нынѣ уже засыпанными, оврагами, проходившими со стороны Казанской и Косаткиной улицъ, былъ мѣстомъ первоначальнаго расположенія Казанской крѣпости до перенесенія ея на нынѣшнее мѣсто при ханѣ Улу-Махметѣ, откуда и древнее наименованіе этого урочища „старымъ городищемъ“. Основаніе этого монастыря предполагаютъ около 1600 года, быть можетъ въ честь царевича Ѳеодора, сына царя Бориса Годунова. Въ настоящее время при этомъ монастырѣ, вмѣщающемъ въ себѣ двѣ церкви,—во имя Живоначальныя Троицы и во имя св. Ѳеодора Стратилата,—находится епархіальный свѣчной заводъ. Рѣка Казанка каждую весну немилосердно подмываетъ обрывъ, на которомъ расположенъ монастырь, серьезно угрожая въ весьма близкомъ будущемъ его незатѣйливымъ сооруженіямъ.

Церкви XVI вѣка. Наряду съ сооруженіемъ монастырей, весьма быстро шло во второй половинѣ XVI вѣка



образомъ, писцовая книга XVI вѣка, даютъ намъ возможность отмѣтить слѣдующія казанскія церкви, несомнѣнно существоавшія уже къ концу XVI столѣтія: Петропавловская (старая), Воскресенская (тоже), Успенская, Воздвиженская, Введенская, Ярославскихъ Чудотворцевъ и четыре Никольскія церкви—Николы Ляпуновскаго, Николы Боровскаго, Николы Вишняковскаго и Николы Гостинодворскаго.

Б.

XVII—XIX ВѢКА.

I.

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ ГОРОДА И КРАЯ.

XVI вѣкъ передалъ въ наслѣдіе XVII вѣку туже организацію управленія городомъ Казанью и Казанскимъ краемъ, которую мы видѣли здѣсь въ первые 50 лѣтъ послѣ казанскаго взятья. Это—центральное управленіе краемъ посредствомъ московскаго Приказа Казанскаго Дворца, и мѣстное управленіе—черезъ посредство воеводъ, съ подчиненными имъ должностными лицами. Можно отмѣтить развѣ только то, что, съ учрежденіемъ особаго Сибирскаго приказа, къ нему отошло вѣданіе сибирскихъ городовъ и что впослѣдствіе дѣла городовъ Астраханскаго царства были переданы приказу Посольскому.

Въ теченіи всего XVII вѣка, Казанскій край не переставалъ именоваться, даже оффиціально, «царствомъ Казанскимъ» и «государствомъ Казанскимъ», которому былъ присвоенъ и собственный (сохранившійся до нынѣ) гербъ, въ видѣ крылатаго дракона,—извѣстнаго уже намъ змѣя «Зиланта» легендъ объ основаніи Казани. Спорнымъ представляется вопросъ о томъ, было ли это изображеніе гер-

сударства Казанскаго» фигурируетъ на печати царя Іоанна IV Васильевича, приложенной къ письму Лжедимитрія къ Юрію Мнишекъ (1605 года). Мы не видимъ ничего невозможнаго въ присвоеніи казанскому гербу татарскаго происхожденія; обычное возраженіе—что мусульмане не могли допустить въ гербѣ своемъ изобраніе животнаго, не выдерживаетъ критики: изображенія животныхъ, и даже птицы съ поднятыми крыльями, близко напоминающей Зилантова дракона, мы встрѣчаемъ на джучидскихъ монетахъ мусульманской эпохи Кипчакскаго царства.

Въ военно-стратегическомъ отношеніи всѣ города, приписанные къ Казани, составляли въ XVI—XVII вѣкахъ понятіе «Казанскаго Разряда».

Казанскій Разрядъ и строеніе Закамской черты. Подъ собирательнымъ наименованіемъ „Казанскаго Разряда" въ до-Петровской Руси разумѣлась совокупность городовъ, съ ихъ правителями, служилыми и ратными людьми, находившимися въ ближайшей связи съ метрополіею края—городомъ Казанью. Это та оборонительная и полевая сила, которую, въ случаѣ надобности, могъ выставить край. Перечни городовъ и пригородовъ Казанскаго Разряда дошли до насъ еще отъ послѣдней четверти XVI вѣка; такъ, въ 1583 году сюда относились слѣдующіе города: Нижній-Новгородъ, Астрахань, Васильсурскъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Свіяжскъ, Тетюши, Лаишевъ, Алатырь, Арзамасъ, Курмышъ, Кокшайскъ, Алатъ и Арскъ (Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 440 и сл.). Если мы добавимъ къ этому, что изъ будущихъ уѣздныхъ городовъ Казанской губерніи г. Цивильскъ основанъ въ 1584 г. и городъ Ядринъ—въ 1609 г., то увидимъ, что восемь современныхъ намъ уѣздныхъ городовъ губерніи существовали, въ ближайшей связи съ Казанью, уже къ

эпохѣ конца смутнаго времени; только три нынѣшнихъ уѣздныхъ города Казанской губерніи — Чистополь, Мамадышъ и Спасскъ, — были искусственно, изъ цѣлей чисто административныхъ, вызваны къ существованію екатерининскимъ Учрежденіемъ о Губерніяхъ 1775 года.

Инородческія волненія, которыми ознаменована была исторія Казанскаго края второй половины XVI вѣка, хотя и продолжались въ послѣдующее время, но были уже въ значительной степени парализованы рядомъ казанскихъ пригородовъ, возникшихъ въ сѣверномъ Закамьи и въ Заволжьи (такъ, кромѣ уже упомянутыхъ нами выше городковъ, въ Вятскомъ краѣ возникаютъ Царевосанчурскъ, Уржумъ, Яранскъ и др.) Въ этихъ городкахъ сидѣли воеводы и содержались гарнизоны, готовые въ самомъ началѣ подавить всякое враждебное движеніе; такъ, въ 1629 г., кромѣ Казани, гдѣ имѣлся гарнизонъ въ 2406 человѣкъ, по казанскимъ пригородамъ содержалось слѣдующее количество ратныхъ людей: въ Свіяжскѣ—914, въ Чебоксарахъ—509, въ Козьмодемьянскѣ — 961, въ Цивильскѣ—373, въ Ядринѣ—217, въ Царевококшайскѣ—250 и т. д. Помимо этихъ чисто стратегическихъ мѣръ, московское правительство прибѣгало и къ другимъ мѣрамъ съ цѣлью обезопасить себя со стороны инородцевъ: въ теченіи XVII в. нѣсколько разъ, напримѣръ, подтверждалось запрещеніе продавать инородцамъ оружіе, а самимъ имъ заниматься кузнечнымъ ремесломъ; даже необходимыя земледѣльческія орудія и металлическіе пред-

губернія Казанская. Губерніи Петра Великаго были очень обширны. Обширною вышла и Казанская губернія: сѣверные предѣлы ея захватывали костромской городъ Юрьевецъ и вятскіе города Яранскъ и Уржумъ, восточные—города Гурьевъ, Уфу, Осу и простирались, далѣе, до р. Яика (Урала); на западѣ предѣлы ея захватывали Нижній-Новгородъ, Муромъ, Вязники, Касимовъ и Елатьму; на югѣ — Темниковъ, Пензу и города саратовскіе и астраханскіе, до рѣки Терека. Города Вятка и Пермь были при этомъ отчислены къ Сибирской губерніи. Всего новая Казанская губернія вмѣстила въ себѣ 71 уѣздъ и до 72-хъ городовъ; въ 1712 г. вѣданіе въ учрежденномъ въ предшествовавшемъ году Сенатѣ всѣхъ дѣлъ этой губерніи было поручено дьяку Позднякову. Впослѣдствіе, въ составѣ Казанской губерніи произведены были нѣкоторыя измѣненія; такъ, въ 1714 г. Нижній - Новгородъ былъ выдѣленъ изъ состава Казанской губерній, но въ 1717 г. снова присоединенъ былъ къ ней, а за то Астраханскій край обособился въ самостоятельную губернію. Вообще, первое дѣленіе на губерніи, какъ дѣленіе чисто искусственное, механическое, было весьма шаткимъ, а потому и недолговѣчнымъ.

29 мая 1719 года послѣдовало вторичное раздѣленіе Россіи на губерніи, но теперь уже съ тою особенностью, что между цѣлою губерніею и отдѣльными ея уѣздами установлены были среднія правительственныя инстанціи—провинціи, изъ которыхъ каждая составлялась изъ большей или меньшей совокупности уѣздовъ и нахо-

раздѣленная на 4 провинціи, — Казанскую, Свіяжскую, Пензенскую и Уфимскую, — значительно сократилась въ объемѣ: сверхъ нынѣшняго состава своего, она включала въ себѣ лишь нынѣшнюю губернію Уфимскую и части Вятской и Пензенской, и только впослѣдствіе къ ней присоединены были еще, отъ Сибирской губерніи, провинціи Вятская и Соликамская (1727 г.), но за то отдѣлилась отъ нея Уфимская провинція (1728 г.) и г. Самара (1733 г.), отчисленный къ губерніи Оренбургской. Въ этомъ послѣднемъ составѣ Казанская губернія оставалась до 1781 года.

7 ноября 1775 года обнародовано было Императрицею Екатериною II новое „Учрежденіе о губерніяхъ", которымъ преобразовывалась вся система губернскаго устройства и управленія, причемъ Россія была раздѣлена уже на сорокъ губерній. Особенностью этой реформы явилось то, что провинціи были уничтожены, но за то введены намѣстничества, въ которыя соединялось по двѣ, рѣже по три, губерніи; во главѣ намѣстничества стоялъ намѣстникъ или генералъ-губернаторъ, губерніи же по прежнему вѣдались губернаторами (воеводы изчезли вмѣстѣ съ провинціями). При этой новой реформѣ образовано особое Казанское намѣстничество, которое, по росписанію, составлялось изъ трехъ губерній — Казанской, Пензенской и Саратовской, причемъ генералъ-губернаторомъ (намѣстникомъ) назначенъ былъ князь Мещерскій, при казанскомъ губернаторѣ ген.-маіорѣ И. Б. Бибиковѣ и вице-губернаторѣ Ѳ. Желтухинѣ; генералъ-губернаторъ именовался сначала „казанскимъ и симбирскимъ", а затѣмъ „казанскимъ и пензенскимъ". Учрежденіе Казанскаго намѣстничества, съ дачею ему

штатовъ, послѣдовало 28 сентября 1781 года, открытіе же въ Казани новыхъ губернскихъ учрежденій состоялось лишь въ 1782 г., въ силу сенатскаго указа отъ 28 января. Казанское намѣстничество просуществовало лишь до 1792 г., когда, съ увольненіемъ князя Мещерскаго, губернаторъ князь С. М. Баратаевъ, состоявшій въ этой должности съ 1789 г., становится самостоятельнымъ начальникомъ Казанской губерніи.

Образованная по учрежденію 1775 года Казанская губернія включила въ себѣ слѣдуюшіе 13 уѣздовъ: казанскій, арскій, козмодемьянскій, лаишевскій, мамадышскій, свіяжскій, спасскій, тетюшскій, царевококшайскій, цивильскій, чебоксарскій, чистопольскій и ядринскій. Всѣ эти уѣзды, кромѣ мамадышскаго, чистопольскаго и спасскаго, образовались, какъ мы это знаемъ, уже къ началу XVII вѣка; три же только что упомянутые уѣзды были образованы въ 1781 г., переименованіемъ въ города казенныхъ селеній Чистое Поле, Спасское и Мамадышъ. Въ 1799 году города Арскъ, Спасскъ и Тетюши были объявлены заштатными и уѣзды ихъ упразднены, но въ 1802 г. послѣдніе два возстановлены. Такимъ образомъ образовался нынѣшній, остававшійся съ тѣхъ поръ безъ существенныхъ измѣненій, составъ Казанской губерніи съ ея 12 уѣздами. Изъ послѣдующихъ фактовъ отмѣтимъ развѣ только учрежденіе двухъ новыхъ посадовъ: въ 1830 г.—Троицкаго, въ Козмодемьянскомъ у., и въ 1856 г.—Маріинскаго (Сундырь), въ Чебоксарскомъ у

Казанскіе губернаторы. Сенаторскія и другія ревизіи. Первымъ казанскимъ губернаторомъ былъ окольничій Петръ Матв. Апраксинъ, назначенный на эту должность при первомъ учрежденіи въ 1708 г. губерній и бывшій на этомъ посту еще въ 1711 году.

прежнихъ представленій о «кормленіяхъ», видно изъ слѣдующаго курьезнаго факта. Отправляясь въ 1711 г. изъ Казани въ закубанскій походъ, Апраксинъ весьма сокрушался о томъ, что ему некому поручить безъ себя ввѣренную ему губернію. Уже въ Царицинѣ вспомнилъ онъ объ оставленномъ въ Казани четырехмѣсячномъ сынѣ и вотъ шлетъ онъ въ Казань, съ дороги, приказъ, которымъ объявляетъ этого младенца «намѣстникомъ» своимъ, а «по малолѣтству» приставляетъ къ нему старыхъ слугъ своихъ, приказавъ имъ именемъ его всякія дѣла справлять; этотъ указъ былъ публично прочитанъ гражданамъ на площади, въ присутствіи самого «намѣстника», котораго мамка держала завернутымъ въ одѣяло. «А какъ онъ въ Казань самъ возвратился,— повѣствуетъ оффиціальный актъ,—такъ того сына своего приказалъ мамѣ вынести подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было, и благодарилъ за мудрые его поступки», въ отвѣтъ на что младенецъ разревѣлся, давъ отцу своему поводъ замѣтить: «Вотъ сами смотрите, какое у меня умное дитя: обрадовался, да и плакать сталъ!».....

Изъ казанскихъ администраторовъ петровской эпохи обращетъ на себя вниманіе вице-губернаторъ Никита Алфер. Кудрявцевъ, бывшій еще въ 1699 г. казанскимъ воеводою. Назначенный въ эту должность въ 1714 г. и оставаясь въ ней до 1726 г., Кудрявцевъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Петра въ его заботахъ объ охраненіи лѣсовъ въ Поволжьи и непосредственнымъ исполнителемъ царскихъ предначертаній по кораблестроеніи въ Казани, а затѣмъ и по устройству здѣсь адмиралтейства для Каспійскаго моря. Преемникомъ его въ должности вице-губернатора и по управленію дѣлами адмиралтейства явился сынъ его Нефедъ Никитичъ,—тотъ самый, который, во время нашествія Пугачева, будучи въ то время почти столѣтнимъ старцемъ, умерщвленъ въ Казанскомъ Богородицкомъ соборѣ (см. выше стран. 158).

Въ 1728 году губернаторомъ въ Казань былъ назначенъ извѣстный Артемій Петровичъ Волынскій, зажившій въ Казани положительно по-царски, къ чему давали ему широкую возможность взяточничество и вымогательства, которыми ознаменовалъ свою административную дѣятельность этотъ, во всякомъ случаѣ замѣчательный, государственный человѣкъ своего времени; взяточничество и всякаго рода лихоимные поборы были введены имъ въ Казани въ систему: такъ, всѣ инородцы были обложены нормальнымъ подушнымъ поборомъ въ пользу губернатора и его клевретовъ. Впрочемъ, Волынскій сдѣлалъ и полезное для Казани; при немъ въ городѣ была организована полиція, сдѣлана попытка ввести освѣщеніе улицъ, сломаны въ противопожарныхъ цѣляхъ многія деревянныя постройки (въ числѣ ихъ остатки древней стѣны казанскаго посада), приняты мѣры къ урегулированію постойной и другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, и т. п. Ссора Волынскаго съ митрополитомъ казанскимъ Сильвестромъ не только лишила его должности казанскаго губернатора, но была даже причиною отдачи его подъ судъ (1730 г.).

Въ 1780—1783 гг. губернаторомъ въ Казани былъ ген.-маіоръ Илья Богд. Бибиковъ, при которомъ вводились здѣсь екатерининскія новыя губернскія учрежденія.

Съ 1789 по 1797 годъ губернаторствовалъ мѣстный дворянинъ и помѣщикъ князь Сем. Мих. Баратаевъ, при которомъ и при ближайшемъ участіи котораго въ Казани получилъ начало свое публичный театръ.

Послѣ увольненія кн. Баратаева въ Казань назна-

де-Ласси (оставался всего семь мѣсяцевъ, уступивъ это мѣсто ген.-маіору Пав. Петр. Пущину), и гражданскій — д. с. с. Дм. Ст. Казинскій. Этотъ губернаторскій дуализмъ, объясняемый господствомъ у насъ въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія милитаризма, продолжался до 1801 года и окончаніе его стоитъ въ связи съ весьма любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи казанской администраціи и казанской общественности.

Уже вскорѣ по вступленіи Императора Александра I на престолъ (12 марта 1801 г.), до свѣдѣнія его достигли изъ Казани вѣсти весьма мрачнаго свойства; доносили, что здѣсь полиція прибѣгаетъ къ истязаніямъ и жестокимъ пыткамъ, съ цѣлью вынужденія признанія отъ заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ лицъ. Гуманная натура юнаго Императора возмутилась этими слухами: въ Казань былъ командированъ, для разслѣдованія дѣла, флигель-адъютантъ бар. Альбедиль, который и удостовѣрился въ справедливости жалобъ на казанскую полицію, находившуюся въ вѣданіи военнаго губернатора Пущина. Оказалось, что въ Казани былъ на-смерть засѣченъ плетьми какой-то мѣщанинъ, у котораго истязаніями вынудили собственное признаніе въ поджогѣ, хотя и послѣ пытки, и передъ наказаніемъ, и даже умирая—онъ отрицалъ всякую вину съ своей стороны. Этотъ казанскій инцидентъ былъ причиною изданія Императоромъ Александромъ извѣстнаго указа сенату, въ которомъ, воспрещая употребленіе при дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, подъ страхомъ кары, какихъ бы то ни было истязаній и допросовъ «съ пристрастіемъ», Императоръ изъявляетъ желаніе, что бы самое наименованіе «пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» (Полн. Собр. Зак., № 20022). Прикосновенные къ этому возмутительному дѣлу военный губернаторъ Пущинъ, гражданскій губернаторъ Мухановъ и частный приставъ Столбовскій были отрѣшены отъ должностей. Вслѣдъ за тѣмъ въ Казань былъ назначенъ одинъ уже только гражданскій губернаторъ, въ лицѣ д. с. с. Алекс. Андр. Аплечеева.

Въ 1804—1814 гг. губернаторомъ въ Казани былъ Бор. Алекс. Мансуровъ, въ первый годъ управленія котораго совершилось великое въ исторіи Казани событіе—основаніе университета, а затѣмъ наступила тревожная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великая эпопея Отечественной войны. Казань не оставалась безпричастною событіямъ этой эпохи. Не говоря уже о казанскомъ ополченіи 1812 г., бывшемъ въ походѣ подъ начальствомъ ген.-маіора Булыгина и полк. Чичагова и отличившемся въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, и о патріотическомъ возбужденіи, охватившемъ въ ту пору всѣ слои казанскаго общества, слѣдуетъ указать, что Казань явилась въ достопамятные 1812—1813 года до извѣстной степени замѣстительницею занятой непріятелемъ, а затѣмъ сожженной и разоренной, Москвы.

Въ виду угрожавшей Москвѣ опасности со стороны приближавшихся къ столицѣ Наполеоновскихъ полчищъ, въ Казань переведены были изъ Москвы департаменты Сената и опекунскій совѣтъ со всѣми его учрежденіями—Сохранною и Ссудною казною, Воспитательнымъ домомъ и институтами Екатерининскимъ и Александровскимъ. Съ 1 декабря 1812 г. въ Казани открыты были присутствія московскихъ департаментовъ сената, причемъ печатались въ мѣстной университетской типографіи издававшіяся ими «Прибавленія»; сенаторы и чины учрежденій Опекунскаго Совѣта присутствовали на торжествѣ закладки (29 іюня 1813 г.) памятника взятія Казани. Съ окончаніемъ тревожнаго времени и съ первоначальнымъ устройствомъ раззоренной столицы, Опекунскій Совѣтъ выѣхалъ изъ Казани въ Москву 4 марта, оба института и воспитательный домъ 13 іюля 1813 г., департаменты же сената оставались здѣсь до 27 января 1814 года. Губернатору Мансурову объявлена была Высочайшая благодарность Императрицы за его содѣйствіе, по устройству въ Казани, учрежденіямъ Опекунскаго совѣта,

крѣпостью, по линіямъ пересѣченія Больш. Проломной ул. и Кузнечнаго переулка) и въ зданіи гимназіи.

Со смертью Мансурова губернаторомъ въ Казань былъ назначенъ прожившійся аристократъ, ст. сов. (переименованный изъ бригадировъ) графъ Илья Андреевичъ Толстой—родной дѣдъ нашего славнаго писателя Льва Николаевича Толстаго. Пятилѣтнее (1815—1820 г.г.) губернаторство гр. Толстаго завершилось весьма плачевно. Человѣкъ ума не обширнаго, а характера слабаго, Толстой совершенно распустилъ казанскую администрацію и ввѣренная ему губернія сдѣлалась очагомъ почти невѣроятныхъ злоупотребленій и упущеній власти. Вслѣдствіе доноса губернскаго предводителя дворянства Киселева, въ Казань назначена была сенаторская ревизія изъ сенаторовъ С. С. Кушникова и П. Л. Санти, которою и были выяснены факты весьма возмутительнаго свойства, вызвавшіе учрежденіе въ 1820 г. въ Казани временной коммиссіи для прекращенія безпорядковъ и для устройства губерніи и отправленіе сюда, въ 1822 году, сенатора т. с. В. Ю. Соймонова, который и оставался здѣсь, на правахъ генералъ-губернатора, до закрытія коммиссіи, т. е. до 1825 года. Графъ Толстой не долго пережилъ послѣдовавшее 25 февраля 1820 года увольненіе свое, послѣ котораго губернаторомъ въ Казань былъ опредѣленъ с. с. П. А. Ниловъ.

Съ увольненіемъ 21 іюля 1831 года отъ должности губернатора барона А. К. Пирха, должность его занялъ 25 іюля генералъ-адъютантъ, генер.-лейт. Ст. Ст. Стрекаловъ, съ званіемъ военнаго губернатора, а 27 марта 1832 г. должность казанскаго гражданскаго губернатора была объявлена вовсе упраздненною. Преемникомъ девя-

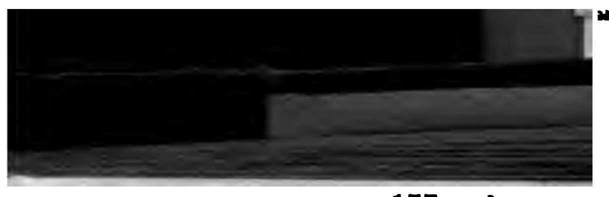
тилѣтняго (1832—1841) управленія Стрекалова явился генералъ-адъютантъ, ген.-лейт. Сергій Павловичъ Шиповъ, назначенный опять таки съ званіемъ казанскаго военнаго губернатора. Восьмилѣтнее губернаторство Шипова, во время котораго произошелъ ужасный пожаръ 24 августа 1842 года, истребившій лучшія части города, отмѣчено цѣлымъ рядомъ послѣдовавшихъ за этою катастрофою мѣръ по улучшенію внѣшняго благоустройства города, давшихъ Казани возможность, выражаясь языкомъ хроникеровъ того времени, „возродиться изъ огня на подобіе феникса“.

Губернаторъ Шиповъ былъ какъ бы строителемъ по призванію; строительство всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ—было его страстью, его маніею, а пожаръ 1842 г. открылъ ему на этомъ поприщѣ широкій путь, на которомъ дѣло доходило нерѣдко даже до предѣловъ, носящихъ наименованіе «самоуправства» и «превышенія власти». Вообще, принципъ: «Казань—это я!»—былъ однимъ изъ излюбленныхъ въ лихорадочной дѣятельности Шипова и послужилъ однимъ изъ поводовъ его увольненія. Какъ бы то ни было, но, благодаря энергіи С. П. Шипова, городъ сталъ принимать послѣ пожара 1842 г., который какъ и Москвѣ, «способствовалъ ему много къ украшенью», несравненно болѣе благообразный видъ. Прежде всего укажемъ на уничтоженіе губернаторомъ величайшаго казанскаго безобразія—грязной, топкой и зловонной Кузнечной площади, превратившейся при немъ въ нивелированную и поднятую торговую Николаевскую площадь, получившую это наименованіе въ честь Императора Николая I; на засыпку тиннаго Баннаго озера; на приведеніе въ порядокъ Черпаго озера и кремлевскаго бульвара; на новую распланировку города, съ выровненіемъ улицъ, засыпкою овраговъ и буераковъ; на замощеніе города, на его освѣщеніе и т. п. При ближайшемъ содѣйствіи Шипова возникло нынѣшнее каменное зданіе театра; не безъ его участія сооружены ... город-

Управленіе позднѣйшихъ казанскихъ губернаторовъ еще не можетъ быть достояніемъ исторіи.

Мы уже познакомились съ сенаторскою ревизіею 1819—1820 гг., назначенною для разслѣдованія дѣла о злоупотребленіяхъ въ Казанской губерніи во время управленія графа Толстаго. Эта ревизія была не единственною. Еще въ 1796 году, во время губернаторства кн. Баратаева, присылался сюда для ревизіи сенаторъ С. И. Мавринъ, имѣвшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порученіе обревизовать Вятскую губернію. Въ 1800 г. ревизовалъ Казанскую губернію сенаторъ д. т. с. М. Г. Спиридоновъ, въ 1804 г.—сенаторъ т. с. И. Б. Пестель, въ 1808 г. —сенаторъ Данауровъ, въ 1809—1810 гг. — сенаторъ Обрѣзковъ, въ 1811 г.—сенаторъ Аршеневскій. Затѣмъ слѣдовала ревизія 1819—20 гг. сенаторовъ Кушникова и Санти; послѣдняя сенаторская ревизія имѣла мѣсто въ 1880 г., въ послѣдній годъ управленія казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина.

Въ заключеніе отмѣтимъ двѣ чрезвычайныя мѣры, которыми ознаменована исторія казанской администраціи текущаго столѣтія. Въ 1825 году, въ виду данныхъ, раскрытыхъ сенаторскою ревизіею 1819—25 гг. и временною коммиссіею 1820—1825 гг., въ среднемъ Поволжьи учреждено было временное генералъ-губернаторство, причемъ генералъ-губернатору, генералу отъ инфант. А. Н. Бахметеву, ввѣрено было вѣданіе губерній Казанской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Пензенской; эта временная мѣра дѣйствовала до конца 1828 года. Вторая мѣра относится къ 1863 году, когда, въ виду нѣкоторыхъ особыхъ условій мѣстнаго характера, въ Казань командированъ былъ генералъ-адъютантъ А. Е.



Тимашевъ, на правахъ временнаго генералъ-губернатора губерній Казанской, Пермской и Вятской.

II.

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ Г. КАЗАНИ.

а) Пребыванія въ Казани Высочайшихъ Особъ.

I. Императоръ Петръ I въ Казани.

Императоръ Петръ Великій былъ первымъ послѣ царя Іоанна IV Васильевича русскимъ вѣнценосцемъ, посѣтившимъ Казань. Это было въ 1722 году, при отправленіи Преобразователя Россіи въ персидскій походъ. Выѣхавъ въ половинѣ мая изъ Москвы въ Астрахань водою, Петръ I прибылъ 27 числа того же мѣсяца въ Казань, встрѣченный здѣсь пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Для помѣщенія высокаго путешественника былъ приготовленъ небольшой каменный домъ купца Ивана Афанасьевича Михляева, до сихъ поръ существующій въ Казани между спускомъ, близъ Толчка, Гостинодворской улицы и оградою Петропавловскаго собора (см. объ этомъ домѣ ниже). По пріѣздѣ въ Казань, Петръ прежде всего побывалъ въ каѳедральномъ соборѣ, по выслушаніи молебствія въ которомъ посѣтилъ митрополита и губернатора.

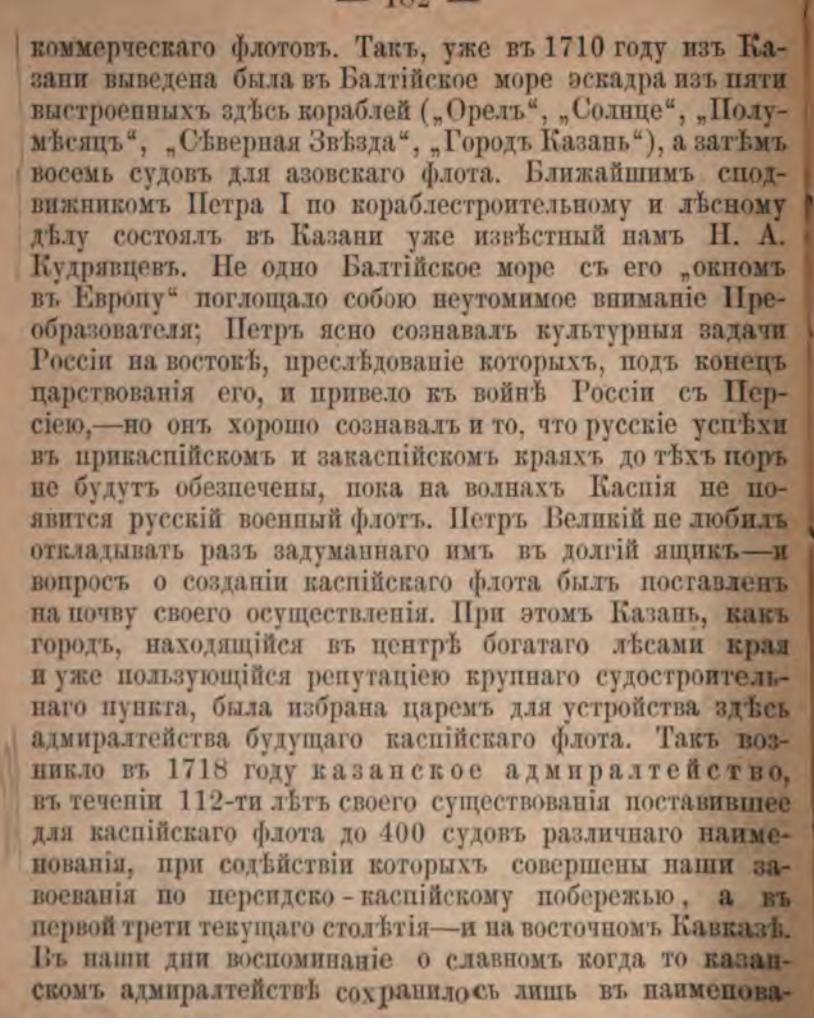
Во время пребыванія своего въ Казани, Императоръ подробно осмотрѣлъ весь городъ и его учрежденія, обре-

ды, погруженный въ думы о предстоящемъ походѣ, Петръ сидѣлъ, запершись, въ свой рабочей комнатѣ. Является къ царской квартирѣ пожилыхъ лѣтъ человѣкъ и, не взирая на отказъ, настоятельно требуетъ свиданія съ Государемъ. Доложили объ этомъ Императору, который велѣлъ впустить дерзкаго и собирался было уже по своему расправиться съ нимъ, когда тотъ вымолвилъ ему:—«Удержись, Государь! Я—здѣшній гражданинъ Михляевъ, имѣющій шерстяной (суконный) заводъ... Я слышалъ, что ты нуждаешься въ деньгахъ и могу оказать тебѣ помощь».—«А гдѣ твой заводъ?»—спросилъ смягчившійся Петръ.—«Неподалеку отсюда», отвѣтилъ Михляевъ. Императоръ удостоилъ заводъ своимъ посѣщеніемъ и, убѣдившись въ томъ, что дѣло здѣсь идетъ лучше, нежели на его казенномъ, рѣшилъ отдать этотъ послѣдній Михляеву. При посѣщеніи имъ завода, Михляевъ преподнесъ Императору цѣлый подносъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, а жена его—миску жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

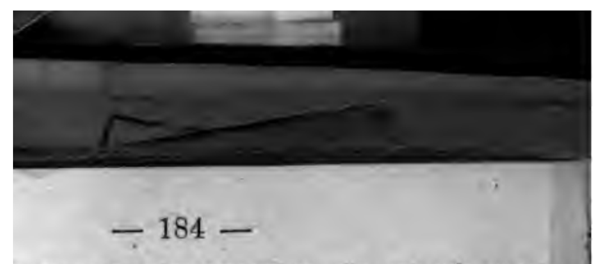
8 іюня, пробывъ въ Казани цѣлыхъ 12 дней, Петръ Великій отплылъ отсюда въ Астрахань, осмотрѣвъ по пути развалины древняго Булгара. Императоръ обратилъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ старины и уже изъ Астрахани (отъ 2 Іюля) прислалъ въ Казань повелѣніе о ремонтѣ и охраненіи сохранившихся здѣсь зданій.

Памятниками для потомства учрежденій Императора Петра I въ Казани и пребыванія его здѣсь остались:

Адмиралтейство. Строеніе въ Казани судовъ не только рѣчныхъ, но и морскихъ, производилось еще въ XVII вѣкѣ, а въ началѣ XVIII столѣтія здѣсь производится уже правильное судостроеніе для Каспійскаго и Балтій-



коммерческаго флотовъ. Такъ, уже въ 1710 году изъ Казани выведена была въ Балтійское море эскадра изъ пяти выстроенныхъ здѣсь кораблей („Орелъ“, „Солнце“, „Полумѣсяцъ“, „Сѣверная Звѣзда“, „Городъ Казань“), а затѣмъ восемь судовъ для азовскаго флота. Ближайшимъ сподвижникомъ Петра I по кораблестроительному и лѣсному дѣлу состоялъ въ Казани уже извѣстный намъ Н. А. Кудрявцевъ. Не одно Балтійское море съ его „окномъ въ Европу“ поглощало собою неутомимое вниманіе Преобразователя; Петръ ясно сознавалъ культурныя задачи Россіи на востокѣ, преслѣдованіе которыхъ, подъ конецъ царствованія его, и привело къ войнѣ Россіи съ Персіею,—но онъ хорошо сознавалъ и то, что русскіе успѣхи въ прикаспійскомъ и закаспійскомъ краяхъ до тѣхъ поръ не будутъ обезпечены, пока на волнахъ Каспія не появится русскій военный флотъ. Петръ Великій не любилъ откладывать разъ задуманнаго имъ въ долгій ящикъ—и вопросъ о созданіи каспійскаго флота былъ поставленъ на почву своего осуществленія. При этомъ Казань, какъ городъ, находящійся въ центрѣ богатаго лѣсами края и уже пользующійся репутаціею крупнаго судостроительнаго пункта, была избрана царемъ для устройства здѣсь адмиралтейства будущаго каспійскаго флота. Такъ возникло въ 1718 году казанское адмиралтейство, въ теченіи 112-ти лѣтъ своего существованія поставившее для каспійскаго флота до 400 судовъ различнаго наименованія, при содѣйствіи которыхъ совершены наши завоеванія по персидско-каспійскому побережью, а въ первой трети текущаго столѣтія—и на восточномъ Кавказѣ. Въ наши дни воспоминаніе о славномъ когда то казанскомъ адмиралтействѣ сохранилось лишь въ наименова-



такъ и для соленія въ немъ приготовленнаго для строенія судовъ лѣса. За предѣлами этого рва не замедлила появиться слободка, которая, слившись съ бывшимъ селеніемъ Бежболдою, мало по малу разрослась въ нынѣшнюю Адмиралтейскую слободу. Управленіе казанскимъ адмиралтействомъ, во главѣ котораго находился его капитанъ-командоръ, уже съ самаго начала было отдѣлено отъ собственно кораблестроительныхъ учрежденій и, подъ наименованіемъ «Адмиралтейской Конторы», во все время существованія адмиралтейства помѣщалось близь Казанскаго монастыря (въ разныхъ зданіяхъ, конечно), на мѣстѣ, принадлежащемъ нынѣ губернской земской больницѣ. Собственно же кораблестроительными работами завѣдывали особые, приглашавшіеся для этого, спеціалисты—техники; такъ, уже въ первый годъ существованія адмиралтейства, вѣдалъ эти работы какой то «венецейскій» мастеръ, строившій здѣсь галеры, галіоты, шмаки и боты.

Спускъ судовъ со стапелей казанскаго адмиралтейства производился одинъ разъ въ году, во время весенняго разлива Волги и Казанки, т. е. въ первой половинѣ мая, причемъ спуски эти всегда обставлялись большою торжественностью. До насъ дошли данныя о наименованіяхъ и количествѣ судовъ, спущенныхъ казанскимъ адмиралтействомъ за все время его жизнедѣятельности (1718—1829 гг.), именно: 7 бомбардирскихъ кораблей, 12 фрегатовъ, 1 корветъ, 5 бриговъ, 12 палубныхъ ботовъ, 2 бригантины, 1 тендеръ, 12 галіотовъ, 4 люгера, 1 большой транспортъ, 11 обыкновенныхъ транспортовъ, 10 гетботовъ, 7 куторовъ, 4 эмбенскихъ бота, 8 военныхъ іоловъ, 2 канонерскія лодки, 46 военн. гардкотовъ и др., болѣе мелкія, суда; всего же до 400 судовъ различныхъ наименованій.

Вопросъ объ упраздненіи казанскаго адмиралтейства возникъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, по инициативѣ ген.-маіора П. Г. Орловскаго, назначеннаго въ 1821 году на должность командира Астраханскаго порта. Орловскій докладывалъ морскому министерству, что упраздненіе казанскаго адмиралтейства, съ перенесеніемъ кас-

стран. 178). Какъ самъ Михляевъ, такъ и преемники его, купецъ Дрябловъ и гг. Осокины, приложили много стараній къ улучшенію фабрики, первоначально деревянныя зданія которой были постепенно замѣнены каменными, со всевозможными усовершенствованіями. Для работъ на фабрикѣ, къ ней приписано было 1369 душъ крестьянъ-суконщиковъ, большею частью изъ лицъ, осужденныхъ за разные проступки, которые и образовали первоначальный контингентъ населенія нынѣшней Суконной слободы г. Казани, всегда отличаясь замѣчательнымъ свободолюбіемъ, на почвѣ котораго неоднократно возникали разнаго рода движенія и столкновенія*).

Царь Петръ, учредивъ въ Казани суконную фабрику, хотѣлъ завести при ней и правильное овцеводство, для чего намѣревался устроить при селѣ Верхнемъ Услонѣ овчарные заводы; были для этой цѣли вызваны изъ Германіи двое овчаровъ-спеціалистовъ, но это начинаніе, кажется, такъ и не осуществилось.

Михляевская, а затѣмъ, послѣдовательно, Дрябловская и Осокинская суконная фабрика — уже давно не дѣйствуетъ, и только обширныя каменныя строенія, находящіяся въ Суконной слободѣ и образующія здѣсь, въ концѣ Георгіевской улицы, цѣлый пустующій городокъ, свидѣтельствуютъ о плачевной судьбѣ этого казанскаго дѣтища великаго Преобразователя Россіи....

Дрябловскій домъ. Подъ такимъ названіемъ извѣстенъ въ настоящее время несомнѣнно старѣйшій въ Ка-

которой останавливается, между прочимъ, какой-то „проѣзжій птичникъ Черновъ“; въ 1840 г. здѣсь помѣщается „трактиръ Курицина“; въ 1852 г.—трактиръ и „свѣчное восковое заведеніе“. Трактирное назначеніе неумолимо преслѣдуетъ этотъ, драгоцѣнный по сопряженному съ нимъ историческому воспоминанію о славномъ „кормчемъ земли русской“, домъ и до настоящаго времени, и не дальше какъ въ 1893 году онъ снова сданъ былъ городомъ въ арендное содержаніе подъ грязный трактиръ..... Когда же наступитъ конецъ этому историческому кощунству?....

Дрябловскій домъ — каменный, двухэтажный. Массивныя двухаршинныя стѣны его, характерные для русской архитектуры XVI—XVII вѣковъ своды и дверныя арки, затѣйливыя украшенія пилястрами и орнаментомъ изъ городковъ и ломаныхъ линій внѣшняго фасада зданія (оконъ и карнизовъ), общій видъ зданія, къ которому лишь съ южной стороны примыкаетъ позднѣйшая пристройка—все говоритъ за археологическій интересъ этого дома. Съ восточной стороны Дрябловскій домъ почти вплотную примыкаетъ къ Петропавловскому собору; съ западной стороны городской корпусъ бакалейныхъ лавокъ отдѣляетъ его отъ спускающейся вдоль толчка Гостиннодворской улицы,— здѣсь, противъ угла зданія гостинаго двора находятся и ворота, ведущія во дворъ Дрябловскаго дома, прежде стоявшаго на площади, а теперь очутившагося по серединѣ грязнаго двора, съ котораго и открывается весь его своеобразный и древній фасадъ. Sic transit gloria mundi!....

Мы положительно рекомендуемъ осмотръ Дрябловскаго дома тѣмъ изъ любителей и знатоковъ старины,

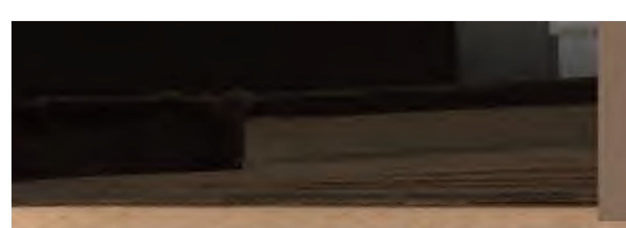
II. Посѣщеніе Казани Императрицею Екатериною II.

Въ 1767 году, желая познакомиться съ восточными областями своего государства, Императрица Екатерина II предприняла путешествіе по р. Волгѣ. Для этой цѣли въ Твери заготовлена была флотилія изъ четырехъ галеръ, одна изъ которыхъ, подъ названіемъ „Тверь", была предназначена для Императрицы и ея ближайшей свиты. 2-го мая 1767 г. флотилія эта, находившаяся подъ командою президента Адмиралтействъ—Коллегіи И. Г. Чернышева, отвалила отъ пристани г. Твери, направившись внизъ по Волгѣ. По всему пути плаванія императорской флотиліи, останавливавшейся во всѣхъ значительныхъ городахъ, сопровождалъ ее рядъ торжествъ и народныхъ ликованій. Во время пути Императрица, вмѣстѣ съ приближенными своими (графами Г. Г. и В. Г. Орловыми, гр. З. Г. Чернышевымъ, И. П. Елагинымъ, С. М. Кузьминымъ, Д. В. Волковымъ, А. В. Нарышкинымъ, А. И. Бибиковымъ, кн. С. Б. Мещерскимъ, гр. В. Козицкимъ и А. П. Шуваловымъ), занималась переводомъ „Велизарія", сочиненія Мармонтеля *).

Къ Казани Императорская флотилія подошла къ вечеру 26 мая и, благодаря тому, что весенній разливъ еще не совсѣмъ спалъ, вошла въ р. Казанку, остановившись почти у самаго кремля, гдѣ августѣйшей гостьѣ была устроена торжественная встрѣча. Сойдя съ галеры, Императрица чрезъ Тайницкія ворота, по пути, устлан-

---

*) Этотъ переводъ, посвященный тверскому епископу Гавріилу, изданъ въ 1768 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Велизеръ, соч. г. Мармонтеля, переведенный на Волгѣ разными знатными особами».



ному краснымъ сукномъ, прежде всего прослѣдовала въ каѳедральный Благовѣщенскій соборъ, изъ котораго, отслушавъ молебенъ, отправилась въ домъ купца Дряблова, приготовленный для ея пребыванія въ Казани.

Благодаря имени владѣльца дома и тому, что домъ этотъ показанъ «близь церкви св. апостоловъ Петра и Павла», его нерѣдко смѣшивали съ «Дрябловскимъ домомъ», о которомъ говорили мы выше и въ которомъ жилъ, во время пребыванія своего въ Казани, Императоръ Петръ Великій. Это мнѣніе, котораго раньше придерживался и пишущій эти строки, оказывается совершенно неосновательнымъ. Дряблову принадлежало по близости Петропавловскаго собора, какъ это усматривается изъ дошедшихъ до насъ актовъ, нѣсколько домовъ —и въ этомъ то лежитъ источникъ недоразумѣнія. «Я живу здѣсь,— писала Императрица Екатерина изъ Казани,—въ купеческомъ каменномъ домѣ, девять покоевъ амфиладою, всѣ шелкомъ обитые, кресла и канапеи вызолоченныя, вездѣ трюмо и мраморные столы подъ ними». Рыбушкинъ, писавшій свою «Краткую исторію г. Казани» въ ту пору, когда свѣжѣе была еще въ Казани память объ екатериненскомъ времени, заявляетъ, что этотъ домъ, принадлежавшій въ ту пору Дряблову, перешелъ впослѣдствіе къ дворянству. Это свидѣтельство вполнѣ опредѣлительно указываетъ намъ на домъ Соболевыхъ, между Малою и Большою Проломными улицами, — тотъ самый домъ, въ которомъ помѣщается нынѣ судебная палата. Въ 1813 или 1814 г. этотъ домъ былъ пріобрѣтенъ казанскимъ дворянствомъ и по поводу дававшагося здѣсь перваго маскарада (въ декабрѣ 1814 г.), хроникеръ выходившихъ тогда въ Казани «Казанскихъ Извѣстій» замѣчаетъ, что этотъ домъ «тотъ самый, въ коемъ великая государыня Императрица Екатерина Алексѣевна во время пріѣзда своего въ Казань имѣла пребываніе» и что «входя въ оный всякій мнитъ бесѣдовать тутъ съ духомъ великой государыни» («Каз. Изв.» 1814 г., № 51). Въ этомъ домѣ дворянское собраніе помѣщалось вплоть до большаго пожара 1842 г., въ который онъ сгорѣлъ, послѣ чего дворянство постановило выстроить нынѣшній

домѣ до пожара находился портретъ Императрицы Екатерины II, съ подписью о томъ, что она останавливалась въ Казани именно въ этомъ домѣ. Такимъ образомъ, споръ относительно двухъ царственныхъ казанскихъ квартиръ разрѣшается безповоротно: Императоръ Петръ I останавливался въ нынѣшнемъ городскомъ Дрябловскомъ домѣ, Императрица Екатерина II — въ нынѣшнемъ домѣ Соболевыхъ (когда то тоже «дрябловскомъ»).

28 мая Императрица слушала въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ обѣдню, по окончаніи которой прикладывалась къ иконѣ Божіей Матери, причемъ возложила по брилліантовой коронкѣ какъ на эту чудотворную икону, такъ и на мѣстный образъ Спасителя.

Въ воротахъ монастыря Государыню встрѣтилъ престарѣлый петровскій ветеранъ Н. Н. Кудрявцевъ, семь лѣтъ спустя умерщвленный пугачевцами въ этой же самой обителѣ. (См выше стран. 158). «Скажите вашему брату,—писала Екатерина Н. И. Панину изъ Казани,—что я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка Кудрявцевъ и такъ мнѣ обрадовался, что почти говорить не могъ; я остановилась и начала съ нимъ говорить; онъ мнѣ сказывалъ, что очень слабъ и почти слѣпъ, и такъ какъ онъ все подвигался головою, что бы меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ; онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ—его водятъ». Н. Н. Кудрявцевъ, тронутый ласкою монархини, принесъ ей въ даръ цугъ вороныхъ лошадей; Императрица отдарила его золотою табакеркою.

Въ основанной за девять лѣтъ до того казанской гимназіи Екатерина, повидимому, не была, но приближенные ея осматривали это учебное заведеніе и результатомъ былъ указъ 3 сентября 1767 г., которымъ увеличены были средства гимназіи. Узнавъ, что при гимназіи прекратились театральныя зрѣлища, которыя прежде

постоянно устраивались, Императрица выразила по этому поводу сожалѣніе и поручила губернатору Квашнину-Самарину „содѣйствовать возобновленію въ гимназіи театральныхъ представленій и сколь возможно склонять къ тому здѣшнее дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости“.

Императрица встрѣтила въ Казани самый восторженный пріемъ: „Мы нашли городъ,—писала Екатерина отсюда,—который всячески можетъ слыть столицею большаго царства. Пріемъ мнѣ—отмѣнный; четвертую недѣлю видимъ вездѣ одинаковую радость, а здѣсь еще отличнѣе; если бъ дозволить, то горожане себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ, по дорогѣ, мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ и прогнали.“ „Сей городъ,—говоритъ Императрица про Казань въ другомъ письмѣ своемъ,—безспорно первый въ Россіи послѣ Москвы, а Тверь—лучшій послѣ Петербурга; во всемъ видно, что Казань столица большаго царства“.

31 мая, наканунѣ выѣзда Государыни изъ Казани, въ честь ея устроенъ былъ въ одной изъ городскихъ рощъ (за нынѣшнимъ зданіемъ вещеваго интендантскаго склада, что у Арскаго Поля) большой народный праздникъ, во время котораго Императрицѣ представлены были, въ ихъ національныхъ костюмахъ, всѣ обитающіе въ Казанской губерніи инородцы. По пути слѣдованія мо-

особыми повѣстками отъ двора, приглашались представители дворянства, купечества и мѣстнаго мусульманства; во время послѣдняго изъ этихъ гуляній Императоръ принималъ отъ городскаго головы и представителей купеческаго общества поднесенныя ими издѣлія мѣстной промышленности,—мыло, кожи и т. п.

Утро 30 мая, послѣдняго дня пребыванія въ Казани Императора Павла, было опредѣлено мирному религіозному торжеству,—закладкѣ обширнаго, нынѣ существующаго, собора въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ; отслушавъ въ монастырѣ раннюю обѣдню, Императоръ собственноручно положилъ первый камень въ основаніе будущаго храма. По окончаніи торжества, посѣтивъ въ ея келіи игуменью монастыря (въ мірѣ княжна Болховская), благословившую его вышитою жемчугомъ иконою Казанской Божьей Матери, Павелъ Петровичъ, сопровождаемый августѣйшими сыновьями и свитою, прямо отсюда отправился къ берегу р. Волги. Здѣсь уже ожидалъ Императора катеръ, на которомъ высокіе гости переправились въ с. Верхній Услонъ съ тѣмъ, что бы сухопутно слѣдовать отсюда обратно въ Петербургъ.

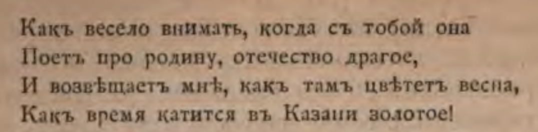
Императоръ Павелъ остался очень доволенъ Казанью и публично высказался, что „ему сказано было о народѣ въ Казани, что — грубый, но онъ, напротивъ, нашелъ много обходительныхъ и просвѣщенныхъ, а паче дамъ: и въ самой Москвѣ таковыхъ мало находилъ“....

Пребываніе Императора Павла I въ Казани ознаменовалось многими милостями, оказанными имъ какъ различнымъ лицамъ города (городской голова Петровъ пожалованъ, напримѣръ, шпагою), такъ и самой Казани. Императоръ повелѣлъ отпустить для постройки новаго

гостинаго двора безпроцентную ссуду въ 200 тыс. рубл. изъ губернскихъ доходовъ, съ разсрочкою ея на десять лѣтъ; пожаловалъ городу мельницу на р. Казанкѣ и баню на устьи Булака; велѣлъ прирѣзать къ городу значительное количество выгона, земли, лѣса и луговъ; пожертвовалъ 10 тыс. рубл. на постройку новыхъ лазаретовъ; отдалъ подъ помѣщеніе гимназіи обширный губернаторскій домъ на Воскресенской улицѣ (восточная часть нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса); отпустилъ 25 тыс. рубл. на постройку новаго собора въ Казанскомъ монастырѣ; по преданію, далъ мѣстному помѣщику Есипову разрѣшеніе на открытіе въ Казани публичнаго театра... Улицу, на которой проживалъ Императоръ въ домѣ генерала Лецкаго, онъ повелѣлъ именовать впредь улицею „Лецкаго",—названіе, искаженное въ наши дни въ улицу „Лядскую". Велики были вниманіе и милости, оказанныя Казани Павломъ Петровичемъ, и современникъ той эпохи правъ, заявляя, что милости эти были таковы, „каковыхъ въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ не было".

По поводу оказанныхъ Казани Императоромъ Павломъ милостей, казанское купечество 10 іюня отслужило въ Петропавловскомъ соборѣ благодарственный молебенъ, послѣ котораго предложило дворянству парадный обѣдъ. Пребываніе въ Казани Павла Петровича вдохновило „пѣвца Фелицы", казанскаго уроженца Г. Р. Державина, выразившаго свои чувства по этому поводу въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Такъ! Ты, подруга музъ, ліешь мнѣ твой восторгъ
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,


Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!

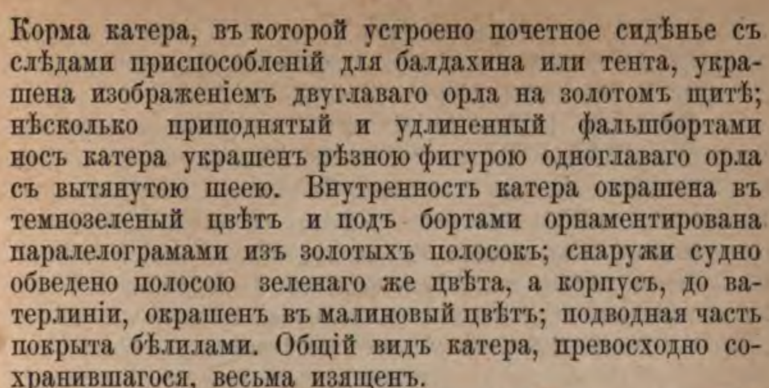
. . . .

*
* *

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ,
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ;
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ....

Кромѣ грандіознаго собора Казанскаго Богородицкаго монастыря, собственноручно заложеннаго Императоромъ Павломъ I и сооруженнаго при денежномъ съ его стороны вспомоществованіи, памятниками пребыванія этого Государя въ Казани служатъ: катеръ его, бывшій домъ генерала Лецкаго и нынѣшнее обширное зданіе гостинаго двора.

Катеръ Императора Павла I, на которомъ, вмѣстѣ съ великими князьями и ближайшими лицами свиты, прибылъ этотъ государь изъ Свіяжска въ Казань, представляетъ собою единственный уцѣлѣвшій памятникъ судостроенія бывшаго казанскаго адмиралтейства. Переданный въ началѣ 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ галерою „Тверь“, въ вѣдапіе казанскаго городскаго управленія, катеръ сохраняется въ настоящее время въ одномъ помѣщеніи съ этою галерою (см. выше стран. 198), будучи поставленъ на свободную отъ рубокъ палубу ея. Катеръ этотъ— двѣнадцативесельный; длина его отъ оконечности носа до задней кормовой стѣнки – $43^1/_2$ фута, ширина по серединѣ—7 фут., осадка (по ватерлинію)—ок. 4 футовъ.



Корма катера, въ которой устроено почетное сидѣнье съ слѣдами приспособленій для балдахина или тента, украшена изображеніемъ двуглаваго орла на золотомъ щитѣ; нѣсколько приподнятый и удлиненный фальшбортами носъ катера украшенъ рѣзною фигурою одноглаваго орла съ вытянутою шеею. Внутренность катера окрашена въ темнозеленый цвѣтъ и подъ бортами орнаментирована паралелограмами изъ золотыхъ полосокъ; снаружи судно обведено полосою зеленаго же цвѣта, а корпусъ, до ватерлиніи, окрашенъ въ малиновый цвѣтъ; подводная часть покрыта бѣлилами. Общій видъ катера, превосходно сохранившагося, весьма изященъ.

Бывшій домъ генерала Лецкаго былъ „на полѣ“ (Арскомъ), какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ; другой современникъ (И. И. Протопоповъ), бывшій въ этомъ домѣ у Государя по дѣлу, говоритъ, что домъ этотъ былъ „деревянный одноэтажный“, съ небольшимъ крылечкомъ и такими же маленькими сѣнцами, выходившими во дворъ, и съ садомъ на задахъ. Домикъ этотъ до сихъ поръ сохранился,—только теперь онъ уже не „на полѣ“ (Арское Поле въ ту пору дѣйствительно начиналось съ этого мѣста города), а на углу Лядской и Поперечно-Лядской улицъ: это угловой одноэтажный (въ пять оконъ) флигель дома г-жи Сергѣевой, скромно стоящій наискосокъ домовъ гг. Костливцевыхъ, Вагнеръ и Матюниныхъ. Одинъ изъ почтенныхъ казанскихъ старожиловъ, бывшій профессоръ І. Ѳ. Готвальдъ, указывалъ намъ на этотъ флигель, именно какъ на „дворецъ“ Императора Павла Петровича;

зани этимъ Государемъ. Отъ фамиліи владѣльца дома получила, по желанію Павла I, свое наименованіе и нынѣшняя Лядская (собственно „Лецкая") улица.

Гостиный дворъ въ Казани упоминается еще въ 60 годахъ XVI вѣка, въ писцовой книгѣ того времени. Онъ уже въ то время занималъ нынѣшнее мѣсто свое и имѣлъ даже нынѣшнее число воротъ; съ лицевой стороны его располагались лавки крупныхъ торговцевъ, а внутри его производилась мелочная торговля (еще на нашей памяти нынѣшній „толчокъ" находился внутри гостинаго двора). Этотъ деревянный гостиный дворъ, конечно, не разъ горѣлъ во время посѣщавшихъ городъ большихъ пожаровъ, но въ 1739 году геодезистъ Пестриковъ, составляя описаніе г. Казани, показываетъ здѣсь уже каменный гостиный дворъ, съ таможнею въ верхнемъ этажѣ и 24 рядами различныхъ наименованій, который несомнѣнно существовалъ еще въ 1695 г., такъ какъ въ этомъ году, по свидѣтельству Пестрикова, освящена была „на воротахъ каменнаго гостинаго двора" церковь во имя Алексѣя Божія Человѣка.

Казанскій гостиный дворъ XVII — XVIII вѣковъ сильно пострадалъ во время нашествія Пугачева, разграбившаго его и устроившаго на углу его батарею, которою обстрѣливалъ крѣпость, получая съ Спасской башни отвѣтные выстрѣлы; этотъ гостиный дворъ, сгорѣвшій во время пожара, сопровождавшаго пугачевскій погромъ, пришелъ къ концу прошедшаго столѣтія въ совершенную негодность, вслѣдствіе чего Императоръ Павелъ I, какъ мы уже видѣли, даровалъ г. Казани безпроцентную ссуду на десять лѣтъ изъ губернскихъ доходовъ, въ размѣрѣ 200 тыс. рубл., на сооруженіе новаго гостинаго двора;

закладка этого, понынѣ существеннаго гостинаго двора, совершена 25 іюня 1800 года. Новый гостиный дворъ горѣлъ въ оба большіе пожара, которыми ознаменовалось текущее столѣтія — 3 сентября 1815 г. съ 24 августа 1842 г. Послѣ обоихъ пожаровъ образовывались особыя коммиссіи для возобновленій этого зданія, измѣнившихъ его первоначальный видъ: такъ, послѣ пожара 1842 г. уничтожена коллонада, украшавшая середину главнаго фасада гостинаго двора и т. п. Возобновленія зданія обошлись, послѣ пожара 1815 г.—въ 16700 р., послѣ пожара 1842 г. — въ 176387 р. Въ послѣдніе годы часть сѣвернаго фасада корпуса гостиннаго двора, выходящая на Ивановскую площадь, приспособлена подъ помѣщеніе городскаго ломбарда, а сѣверо-восточный уголъ его—подъ помѣщеніе городскаго музея.

IV. Посѣщеніе Казани Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ Казань въ концѣ августа 1817 года, заставъ городъ еще не вполнѣ оправившимся послѣ ужаснаго пожара 1815 года. Прибывъ въ Казань 26 августа, въ десятомъ часу вечера, высокій гость прежде всего посѣтилъ каѳедральной соборъ, гдѣ, встрѣченный духовенствомъ и всѣми властями и отслушавъ литію, приложился къ святынямъ, послѣ чего прослѣдовалъ въ квартиру, отведенную ему противъ университета, въ домѣ купца Крупеникова (существуетъ и понынѣ во владѣніи гг. Крупениковыхъ). Здѣсь, на слѣдущее утро, имѣлъ мѣсто пріемъ духовныхъ и свѣткихъ властей и представленіе депутацій, причемъ татарскіе

представители поднесли великому князю, на пяти блюдахъ, различнаго рода азіатскія закуски; окончивъ пріемъ, великій князь поѣхалъ на Арское Поле, гдѣ происходилъ разводъ войскамъ и осмотръ коммиссаріата и военнаго госпиталя. Затѣмъ слѣдовалъ осмотръ университета, гдѣ высокому посѣтителю были представлены служащіе университета, причемъ профессоръ Перевощиковъ поднесъ великому князю сочиненное имъ привѣтствіе отъ лица университета, профессоръ Городчаниновъ и Вердерамо стихи своего сочиненія, проф. Яковкинъ свои труды, а проф. Фуксъ—гравированныя изображенія рѣдкихъ татарскихъ монетъ. Осмотрѣвъ всѣ учрежденія университета и особенно заинтересовавшись его библіотекою, великій князь, заѣхавъ по пути въ военно-сиротское отдѣленіе (нынѣшнее зданіе военно-окружнаго суда), отправился на пороховой заводъ, гдѣ, послѣ подробнаго осмотра его и пробъ пороха, обѣдалъ у начальника завода генерала Реслейна. Вечеромъ высокій гость посѣтилъ балъ, устроенный въ честь его въ домѣ своемъ (нынѣшняя судебная палата) казанскимъ дворянствомъ, открывъ танцы, съ губернаторшею графинею Толстою, польскимъ. Въ залѣ дворянскаго собранія вниманіе великаго князя остановилъ на себѣ портретъ императрицы Екатерины II съ подписью, что августѣйшая бабка его занимала этотъ домъ въ бытность ея въ 1767 г. въ Казани (см. выше стр. 195). Улицы города украшены были, по пути возвращенія великаго князя съ бала, иллюминаціею и транспарантами.

28 числа, послѣ утренняго пріема и развода на Арскомъ Полѣ войскъ, великій князь, отслушавъ въ Казанскомъ монастырѣ напутственное молебствіе, посѣтилъ въ ея кельи игуменью и отсюда поѣхалъ осматривать

адмиралтейство, по пути полюбовавшись съ высоты Спасской башни прекрасною панорамою города, при чемъ подробно распрашивалъ о пожарѣ 1815 года. Окончивъ осмотръ адмиралтейства, великій князь переѣхалъ на катерѣ на другой берегъ р. Казанки, гдѣ уже ждали его экипажи для дальнѣйшаго слѣдованія по симбирскому тракту. Уѣзжая, высокій путешественникъ пожаловалъ золотые часы купцу Крупеникову, въ домѣ котораго онъ останавливался.

V. Императоръ Николай I Павловичъ въ Казани.

Императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Казань 20 августа 1836 года изъ Нижняго Новгорода, на частномъ пароходѣ астраханскаго купца Яралова (пассажирскаго пароходства на Волгѣ въ то время еще не было). Встрѣченный на берегу Волги военнымъ губернаторомъ С. С. Стрекаловымъ и высшими чинами города, Императоръ прямо съ пристани прослѣдовалъ въ каѳедральный соборъ, гдѣ, встрѣченный высшимъ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою, поклонился мѣстнымъ святынямъ. На слѣдующій день Государь, произведя смотръ войскамъ, ѣздилъ осматривать достопримѣчательности города, причемъ лично выбралъ въ кремлѣ мѣсто для построенія проэктированнаго уже въ то время зданія дворца. Особенно долго оставался Императоръ въ памятникѣ въ честь взятія Казани, гдѣ спускался въ склепъ съ костями воиновъ, павшихъ при осадѣ и штурмѣ 1552 года, и любовался видомъ отъ памятника на Казан...

скій театръ, астрономическую обсерваторію, библіотеку, физическій кабинетъ и химическія лабораторіи), оставшись вполнѣ довольнымъ ихъ устройствомъ. Съ террасы астрономической обсерваторіи Государь любовался, дѣйствительно великолѣпнымъ отсюда, видомъ на нижнія части города, Забулачье, Волгу и Услонскія горы. Проходя обширнымъ университетскимъ дворомъ, Императоръ указалъ здѣсь, между главнымъ корпусомъ и анатомическимъ театромъ, мѣсто для постановки памятника Державина (стоялъ здѣсь до 1870 г.). Изъ университета Николай Павловичъ прослѣдовалъ въ университетскую клинику, тѣсно помѣщавшуюся тогда въ старомъ двухэтажномъ домѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ клиническихъ службъ; при этомъ Императоръ соизволилъ дать разрѣшеніе на отпускъ изъ казны 200 тыс. рубл. на сооруженіе новыхъ, нынѣ существующихъ, университетскихъ клиникъ.

Разсказываютъ, что, войдя въ клинику, Николай Павловичъ спросилъ:

— А гдѣ же у васъ больные?

— Ихъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество....

— А отчего такъ?—продолжалъ Государь.

— По случаю каникулярнаго времени,—было отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

— Вотъ какъ!—засмѣялся Императоръ. — Стало быть, у васъ и для больныхъ каникулярное время полагается!

Во время пребыванія своего въ Казани, Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ посѣщеніемъ устроенный въ его честь дворянствомъ балъ, которымъ остался весь-

VI. Посѣщеніе Казани Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Алексанромъ Николаевичемъ.

Не прошло и года послѣ посѣщенія Казани Императоромъ Николаемъ I, какъ городъ этотъ былъ осчастливленъ прибытіемъ въ него девятнадцатилѣтняго Наслѣдника престола, Цесаревича Александра Николаевича, — будущаго Царя-Освободителя. Цесаревичъ прибылъ сюда 20 іюня 1837 г., на возвратномъ пути изъ путешествія по Сибири. Это, кстати замѣтить, было первое посѣщеніе Сибири царственнымъ лицемъ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ смягченіе участи многихъ политическихъ ссыльныхъ. Встрѣченный при въѣздѣ своемъ въ Казань властями и представителями всѣхъ сословій, высокій путешественникъ, прежде всего поклонившись, по обычаю, мѣстнымъ святынямъ, осматривалъ, сопровождаемый славнымъ воспитателемъ своимъ В. А. Жуковскимъ и сопутствовавшими ему Кавелинымъ и флигель-аддютантомъ Юрьевичемъ, достопримѣчательности и разныя учрежденія и заведенія города и, въ числѣ ихъ, университетъ. При посѣщеніи имъ казармы баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ пробовалъ пищу кантонистовъ и въ столовой баталіоновъ, до самаго упраздненія ихъ, хранились въ память этого посѣщенія, на особомъ пьедесталѣ, подъ хрустальнымъ колпакомъ, оловянная ложка, миска, солонка и кружка, съ золотыми надписями о томъ, что предметы эти употреблены были Наслѣдникомъ престола (намъ не извѣстно, какая судьба постигла эту историческую утварь).

Сохранились слѣдующія подробности относительно посѣщенія Цесаревичемъ (21 іюня) казанскаго университета. Встрѣченный у подъ-

ѣзда университета попечителемъ учебнаго округа, Его Императорское Высочество, начавъ осмотръ казанскаго храма наукъ съ его домовой церкви, прослѣдовалъ въ актовый залъ, гдѣ представлены были высокому гостю ректоръ, профессора и студенты. Затѣмъ начался осмотръ университетскихъ кабинетовъ, причемъ въ азіатскомъ музеѣ (нынѣшній музей отечествовѣдѣнія) лама совершилъ предъ буддійскимъ жертвенникомъ обрядъ освященія хлѣба и воды, послѣ чего произнесъ на тибетскомъ языкѣ молитву о здравіи всего Императорскаго Дома, тутъ же вручивъ ее Цесаревичу написанною золотомъ по синей бумагѣ. Въ механическомъ заведеніи высокій посѣтитель принялъ поднесенные ему механикомъ Неемъ инструменты своей работы, удостоивши его за это пожалованіемъ золотой табакерки. Осмотрѣвъ новыя университетскія зданія и клинику, Наслѣдникъ Цесаревичъ оставилъ университетъ, выразивъ попечителю округа и ректору свое высокое удовольствіе; въ тотъ же день пожалованы были студенту Ибрагимову, за поднесенные имъ стихи, золотые часы.

Въ честь августѣйшаго гостя въ загородномъ гуляньи, носящемъ названіе „Швейцаріи", устроено было большое народное празднество, на которомъ фигурировали, въ своихъ національныхъ костюмахъ, инородцы Казанской губерніи.

VII. Двукратное пребываніе въ Казани Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

Прошло почти четверть вѣка съ послѣдняго посѣщенія Казани членами Императорской семьи, когда въ городѣ стало извѣстнымъ, что ожидается прибытіе сюда Наслѣд-

музыка и была масса гуляющихъ, Великій Князь вышелъ изъ коляски и прошелъ по аллеѣ вдоль всего сада. Подробно осмотрѣвъ университетъ, Его Высочество посѣтилъ Родіоновскій институтъ, духовную академію, крещено-татарскую школу, Александровскую больницу, стеариновый заводъ Крестовниковыхъ, пожаловавъ рабочимъ его 250 рублей; затѣмъ, осмотрѣвъ памятникъ 1552 года, Великій Князь посѣтилъ паровой крупчатный заводъ наслѣдниковъ купца Романова, гдѣ одна изъ наслѣдницъ, О. В. Журавлева, поднесла почетному посѣтителю букетъ цвѣтовъ, а рабочіе получили отъ Великаго Князя 100 р. Осмотрѣвъ еще галеру „Тверь“ и катеръ Императора Павла I, Его Высочество отбылъ на пароходъ, который въ исходѣ седьмаго часа вечера и отвалилъ отъ казанской пристани, долго провожаемый привѣтственными кликами толпившагося вдоль берега народа.

IX. Императоръ Александръ II Николаевичъ въ Казани.

Пребываніе въ Казани Императора Александра II, не бывавшаго въ этомъ городѣ со времени посѣщенія его еще въ 1837 г., въ бытность Наслѣдникомъ престола, явилось весьма кратковременнымъ. Императоръ, сопровождаемый августѣйшими сыновьями своими, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, съ которыми онъ совершалъ большое путешествіе по Волгѣ, прибылъ въ Казань утромъ 27 августа 1871 года, изъ Нижняго Новгорода, на меркурьевскомъ пароходѣ „Цесаревна Марія“. Лишнее было бы говорить о томъ восторгѣ, съ какимъ встрѣтили казанцы Царя-Освободителя, прибыв-

ховой заводъ, произвели смотръ расположеннымъ въ Казани войскамъ и затѣмъ, въ первомъ часу дня, отбыли въ Нижній Новгородъ.

Мы не будемъ говорить о пребываніяхъ въ Казани других членовъ Россійскаго Императорскаго Дома, посѣщавшихъ этотъ городъ или съ задачами спеціальнаго характера (таковы пребыванія здѣсь Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго въ 1857 г., 9—11 сентября, въ 1861 г., 20—23 іюня, въ 1862 г., 2—4 іюня), или во время путешествій по Россіи (таково пребываніе въ Казани въ 1845 г., 29—30 августа и 14—16 октября, Его Императорскаго Высочества герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго).

б) Пребыванія въ Казани другихъ почетныхъ посѣтителей.

Посѣщенія Казани и другими, кромѣ Высочайшихъ особъ, почетными лицами, выдававшимися или своимъ государственнымъ положеніемъ, или именемъ въ наукѣ и литературѣ, или, наконецъ, писавшими объ этомъ городѣ —должны быть также причислены къ казанскимъ историческимъ воспоминаніямъ.

Древнѣйшимъ иностранцемъ, имѣвшимъ пребываніе въ Казани и писавшимъ о ней долженъ быть признанъ—

Адамъ Олеарій, секретарь гольштинскаго посольства,

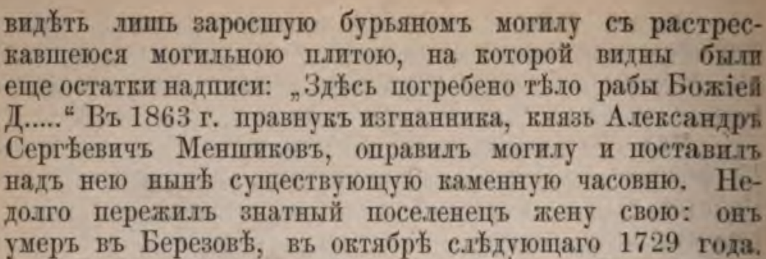
зань по пути въ Персію и обратно. Въ первый разъ Олеарій пробылъ здѣсь, въ августѣ 1636 г., всего 1½ сутокъ, но на обратномъ пути, въ 1638 г., ему привелось выжить въ Казани цѣлыхъ пять недѣль, такъ какъ, прибывъ къ Казани позднею осенью (8 ноября), посольство не могло продолжать путь водою и выжидало здѣсь зимняго пути.

Казань, свѣдѣнія о которой даетъ Олеарій въ составленномъ имъ описаніи путешествія посольства, поразила нашего путешественника грязью своего рынка, на которомъ распространялась такая вонь отъ массы тухлой соленой рыбы, что европейцамъ приходилось, идя мимо рядовъ, зажимать носы свои. Прибывъ въ Казань во второй разъ позднею осенью, истомленные долгимъ путемъ и стужею, путешественники долго не могли попасть въ городъ отъ Зилантовой Горы, подъ которою бросили они якорь, вслѣдствіе вымогательства воеводы боярина Морозова, ожидавшаго отъ нихъ взятки, получивъ которую и позволилъ иностранцамъ въѣхать въ городъ, приказавъ, тѣмъ не менѣе, избить палками стражу, впустившую ихъ въ р. Казанку. Пять недѣль пребыванія Олеарія въ Казани были посвящены изученію города, его жителей и ихъ образа быта. Въ Казани посѣщалъ онъ народныя вечеринки, собиралъ данныя о мѣстныхъ инородцахъ, велъ даже съ русскимъ духовенствомъ религіозные дебаты. Все это весьма обстоятельно описано въ книгѣ Олеарія, къ которой приложенъ и общій видъ города.

Тули-Шень, посолъ китайскаго богдыхана, дважды былъ въ Казани, въ августѣ и октябрѣ 1714 г., по пути къ русскому Двору и обратно. Любопытно, что Тули-Шень, оставившій записки о своемъ путешествіи, въ которыхъ описывается и Казань, называетъ въ нихъ Казань—„Ко-шанъ“, подобно тому, какъ и русскія свидѣтельства конца XIV в. весьма часто словомъ „Казань“ замѣняютъ названіе булгарскаго города Кашана.

Джонъ Бэль, англійскій путешественникъ, также два раза посѣтилъ Казань, въ первый разъ осенью 1715 года, по пути въ Персію, причемъ ему пришлось зазимовать въ этомъ городѣ (съ 6 ноября 1715 г. по 4 іюня 1716 г.); во второй разъ осенью 1718 года, по пути въ Китай, причемъ прожилъ въ Казани около 5 недѣль, ожидая саннаго пути. Бэль оставилъ въ запискахъ своихъ описаніе этого города.

Князь А. Д. Меншиковъ. Знаменитѣйшій изъ „птенцовъ Петровыхъ", князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ,—этотъ „счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ", передъ тѣмъ только что державшій въ всесильныхъ рукахъ своихъ судьбы Россіи—проѣзжалъ черезъ Казань лѣтомъ 1728 года, по пути въ далекій Березовъ, назначенный ему, послѣ паденія, мѣстомъ ссылки. Съ кн. Меншиковымъ слѣдовала въ Сибирь и семья его, не выключая и дочери, княжны Маріи, бывшей нарѣченной невѣсты Императора Петра II. Жена Меншикова, княгиня Дарья Михаиловна (рожден. Арсеньева), въ дорогѣ разболѣлась и скончалась близь селенія Вязовыя Горы, верстахъ въ 50 не доѣзжая Казани. Тѣло умершей было привезено въ село Верхній Услонъ (противъ нынѣшней казанской волжской пристани), гдѣ бывшій вельможа, еще такъ недавно боровшійся съ юнымъ Монархомъ изъ за власти, собственноручно вырылъ для умершей жены могильную яму надъ крутымъ берегомъ услонской воложки, самъ прочелъ надъ нею погребальныя молитвы и схоронилъ здѣсь подругу своихъ, полныхъ превратностей, дней. Надъ могилою княгини была поставлена деревянная церковь, давнымъ давно сгорѣвшая,



видѣть лишь заросшую бурьяномъ могилу съ растрескавшеюся могильною плитою, на которой видны были еще остатки надписи: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д.....“ Въ 1863 г. правнукъ изгнанника, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, оправилъ могилу и поставилъ надъ нею нынѣ существующую каменную часовню. Недолго пережилъ знатный поселенецъ жену свою: онъ умеръ въ Березовѣ, въ октябрѣ слѣдующаго 1729 года.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ и Іоганнъ Георгъ Гмелинъ посѣтили Казань въ 1733 г., совмѣстно съ географомъ де-ла-Кроаеромъ и студентомъ С. Крашенинниковымъ, отправляясь въ большую сибирскую экспедицію, снаряженную академіею наукъ подъ общимъ руководствомъ извѣстнаго Беринга. Свѣдѣнія о Казани даются Гмелиномъ въ первомъ томѣ описанія его путешествія по Сибири. Въ 1743 году, возвращаясь изъ этой экспедиціи, академикъ Миллеръ (первый русскій исторіографъ) довольно продолжительное время прожилъ въ Казани, изучая бытъ мѣстныхъ инородцевъ, результатомъ чего и появился его трудъ: „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ и пр.“ (Спб. 1791).

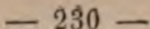
Графъ Никол. Петр. Румянцевъ, государственный канцлеръ и извѣстный покровитель русскаго историческаго знанія, посѣтилъ Казань въ началѣ августа 1816 г., годъ спустя послѣ большаго пожара 1815 г., отъ котораго городъ къ тому времени далеко еще не оправился. Прибывъ въ Казань 3 августа и остановившись на Проломной улицѣ, въ домѣ Моисеева, графъ Румянцевъ посѣтилъ на слѣдующій же день университетъ, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ, подробно осмотрѣвъ его учрежденія, и вечеромъ 6 числа выѣхалъ въ Симбирскъ,

передавъ вице-губернатору Θ. П. Гурьеву тысячу рублей для раздачи пострадавшимъ отъ пожара жителямъ города.

Мих. Мих. Сперанскій останавливался въ Казани 17 февраля 1821 года, по пути въ С.-Петербургъ изъ Сибири, гдѣ онъ передъ тѣмъ состоялъ генералъ-губернаторомъ, получивъ эту должность въ качествѣ почетной ссылки. Осмотрѣвъ на слѣдующій день университетъ, котораго былъ почетнымъ членомъ и гдѣ ему въ актовомъ залѣ представлены были профессора, чиновники университета и студенты, а затѣмъ гимназію, гдѣ былъ встрѣченъ кантомъ „Боже Царя храни", Сперанскій въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Пензу, направляясь въ Петербургъ.

Во время пребыванія въ Казани, Сперанскій сдѣлалъ визитъ профессору К. Θ. Фуксу, свѣтилу казанской университетской науки того времени, который и произвелъ на него крайне выгодное впечатлѣніе: «Профессоръ одинъ, Фуксъ—чудо!,—лаконически заноситъ Сперанскій въ свой дневникъ.—Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ. Большое его вліяніе на татаръ по медицинѣ».

Александръ Гумбольдтъ и спутники его. Знаменитый германскій естествоиспытатель посѣтилъ Казань въ іюнѣ 1829 года, по пути на Уралъ и въ западную Сибирь, для изслѣдованія которыхъ ѣхалъ онъ по приглашенію Императора Николая I—„въ интересахъ науки и страны", въ сопровожденіи Густава Розе и Эренберга и въ сопутствіи русскаго горнаго чиновника Меншенина. Свѣдѣнія о пребываніи въ Казани великаго ученаго почерпа-



Прибывъ въ Казань водою 23 мая (стараго стиля), рано утромъ, и подъѣхавъ въ суднѣ, р. Казанкою, къ самому городу, Гумбольдтъ и спутники его остановились въ домѣ дворянскаго собранія (нынѣшнее помѣщеніе судебной палаты), въ которомъ за 60 лѣтъ до того останавливалась и Екатерина Великая; Розе чрезвычайно хвалитъ видъ на городъ, раскрывавшійся изъ оконъ ихъ квартиры. Въ Казани Гумбольдтъ, само собою разумѣется, подробно осматривалъ университетъ, въ сопровожденіи попечителя округа Мусина-Пушкина и ректора Лобачевскаго, оставшись вполнѣ довольнымъ всѣмъ видѣннымъ имъ; съ профессоромъ астрономіи Симоновымъ, съ которымъ онъ уже раньше познакомился въ Парижѣ, великій ученый встрѣтился, какъ съ старымъ знакомымъ. Отмѣтимъ маленькій курьезъ изъ записокъ Розе: описывая университетъ, онъ особенно хвалитъ университетскую «сенатскую комнату, съ падающимъ сверху освѣщеніемъ»; здѣсь, очевидно, авторъ нашъ принялъ за эту комнату университетскую церковь, имѣющую именно такое освѣщеніе.

Изъ университета, сопровождаемый попечителемъ округа, Гумбольдтъ ѣздилъ осматривать городъ, побывавъ и въ татарскихъ слободахъ, гдѣ заходилъ въ мечеть. Описывая городъ, Розе отмѣчаетъ при этомъ неимовѣрную казанскую пыль, которою Казань въ ту пору славилась, конечно, еще болѣе, нежели теперь, когда сооружены мостовыя и на многихъ площадяхъ разбиты общественные сады.

24 мая ученые путешественники совершили экскурсію въ с. Успенское-Болгары, гдѣ осматривали развалины древняго города Булгара, причемъ Розе даетъ въ своихъ запискахъ краткій очеркъ исторіи булгарскаго царства, описываетъ сохранившіеся здѣсь архитектурные памятники, находки, надгробные камни и т. п.

Возвратившись на слѣдующій день въ Казань, путешественники 26 мая обѣдали у попечителя округа Мусина-Пушкина, причемъ къ обѣду были приглашены и всѣ профессора. 27 числа Гумбольдтъ, въ присутствіи попечителя и профессоровъ, опредѣлилъ наклоненіе для Казани магнитной стрѣлки, взявъ при этомъ съ Мусина-Пушкина обѣщаніе (которое и было выполнено) устроить при университетѣ магнитную обсерваторію. Въ бытность свою въ Казани, ученые путе-

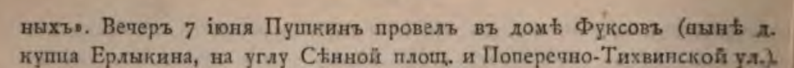
шественники посѣтили казанскія игрища, устраиваемыя, въ совпавшіе съ пребываніемъ ихъ здѣсь, праздничные дни «Сабана» и подробно описанныя Розе. По словамъ казанскаго органа прессы того времени, гости были «пышно» угощены при этомъ татарами.

Гумбольдтъ и спутники его пробыли въ Казани, считая и поѣздку въ Болгары, всего пять дней, выѣхавъ отсюда 28 мая по направленію къ г. Перми.

Алекс. Серг. Пушкинъ. Безсмертный поэтъ посѣтилъ Казань въ началѣ сентября 1833 года, по дорогѣ въ Оренбургъ, куда онъ ѣздилъ для осмотра на мѣстѣ театра военныхъ дѣйствій противъ Пугачева, исторіею бунта котораго онъ усиленно въ то время занимался. Въ Казани Пушкинъ останавливался въ домѣ своего петербургскаго пріятеля и, до извѣстной степени, собрата по перу, Эраста Петр. Перцова (нынѣ домъ Аѳанасьева, на углу Рыбной площ. и Малой Проломной ул.).

Пріѣхавъ въ Казань 5 сентября, Пушкинъ, на слѣдующій же день, ѣздилъ къ подгородной Троицкой мельницѣ (въ 10 в. отъ города), подъ которою былъ въ 1774 г. расположенъ станъ Пугачева, проѣхался по Арскому Полю, со стороны котораго самозванецъ велъ приступъ на городъ, побывалъ въ кремлѣ, въ которомъ жители отсиживались отъ полчищъ Пугачева, и посѣтилъ другія достопримѣчательности, преимущественно связанныя съ исторіею пугачевщины.

Въ собираніи свѣдѣній о нашествіи на Казань Пугачева много помогъ Пушкину проф. К. Ѳ. Фуксъ, съ которымъ онъ наканунѣ познакомился у поэта (казанскаго уроженца) Е. А. Баратынскаго и который возилъ его къ маститому старцу, купцу Л. Ф. Крупенникову, хорошо помнившему еще Пугачева, въ плѣну котораго онъ даже нѣ-



ныхъ». Вечеръ 7 іюня Пушкинъ провелъ въ домѣ Фуксовъ (нынѣ д. купца Ерлыкина, на углу Сѣнной площ. и Поперечно-Тихвинской ул.).

А. С. Пушкинъ выѣхалъ изъ Казани рано утромъ 8 сентября, направившись, черезъ г. Симбискъ, къ Оренбургу—цѣли поѣздки своей.

Мурчинсонъ и спутники его. Въ 1841 году останавливался въ Казани, по пути въ Пермь, извѣстный англійскій геологъ и президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, Мурчинсонъ, съ спутниками своими—графомъ Кейзерлингомъ, вице-президентомъ Парижскаго Геологическаго Общества, и ученымъ де-Вернелемъ. Подробности и точное время пребыванія этихъ лицъ въ Казани намъ неизвѣстны.

Баронъ Августъ Гакстгаузенъ, извѣстный своими изслѣдованіями по исторіи сельскаго устройства и общиннаго быта Россіи, путешествуя по нашему отечеству съ соизволенія Императора Николая I и съ матеріальною отъ русскаго правительства субсидіею, посѣтилъ Казань въ іюнѣ 1843 года, пробывъ здѣсь около десяти дней, въ теченіи которыхъ онъ осмотрѣлъ мѣстныя фабрики и заводы, совершивъ экскурсію и къ развалинамъ древняго Булгара. Баронъ Гакстгаузенъ близко сошелся въ Казани съ проф. Фуксомъ и пишетъ, что остался „безконечно благодарнымъ ему за его наставленія".

Александръ Дюма. Знаменитый французскій романистъ пріѣхалъ въ Казань въ концѣ сентября 1858 года, когда еще свѣжи были воспоминанія о севастопольской компаніи и ближайшемъ участіи французовъ въ европейской коалиціи противъ Россіи. Вотъ причина, почему пребываніе А. Дюма въ Казани, вызвавъ энтузіазмъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ города, въ другихъ кружкахъ

его вызвало чувства далеко не симпатичныя по отношенію къ романисту. Хроникеръ казанской губернской газеты того времени горячо ополчался противъ овацій, которыми встрѣченъ былъ Дюма частью казанскаго общества: его нарасхватъ приглашали на обѣды, вечера, рауты, просили даже сняться въ только что появившейся передъ тѣмъ въ Казани фотографіи; Дюма сдѣлался положительно „модою" казанской общественности.

Держалъ себя французскій романистъ въ Казани, дѣйствительно, довольно странно. Поселившись здѣсь на окраинѣ города, въ Адмиралтейской слободѣ, онъ носилъ, во все время пребыванія своего здѣсь, костюмъ русскаго ополченца, весьма безцеремонно заявляя, что «оставилъ свой европейскій костюмъ въ послѣднемъ европейскомъ городѣ —Петербургѣ». А. Дюма остался очень доволенъ любезностью казанскаго общества. Будучи приглашенъ на охоту и настрѣлявъ порядочное количеетво зайцевъ, онъ съострилъ по этому поводу, что «même les lievres sont aimables â Kasan».

3 октября А. Дюма выѣхалъ изъ Казани въ Астрахань.

На этомъ мы и окончимъ историческій обзоръ посѣщеній Казани почетными гостями, не касаясь ни новыхъ эпохъ жизни города, ни многочисленныхъ посѣщеній его министрами, главноуправляющими и др. особами высшей правительственной іерархіи.

Седміозерскій монастырь или Седміозерская Богородицкая пустынь. Чудотворная икона Божіей Матери Смоленской. Седміозерскій монастырь расположенъ въ 17-ти верстахъ къ сѣверу отъ Казани, въ живописной, покрытой прекрасными лѣсами, гористой мѣстности, на берегу нѣсколькихъ небольшихъ озеръ, отъ которыхъ обитель и получила свое наименованіе.

Основателемъ Седміозерской Богородицкой пустыни былъ инокъ Евѳимій, родомъ изъ г. Устюга, принявшій постриженіе въ одномъ изъ устюжскихъ монастырей, а въ 1615 г. переселившійся въ Казань, вслѣдъ за братомъ своимъ, котораго призвали сюда дѣла его. Имѣя природную наклонность къ пустынножительству, Евѳимій, тяготясь городскою жизнью, сталъ разузнавать отъ мѣстныхъ жителей,—не имѣется ли по близости города уединенныхъ мѣстностей, пригодныхъ для пустынножительства. Ему указали на урочище, носившее названіе „Семи Озеръ", неподалеку отъ Казани, исполненное природныхъ красотъ и удобствъ для жизни. Посѣтивъ эту мѣстность, Евѳимій облюбовалъ ее и рѣшилъ здѣсь поселиться. По преданію, отшельнику, въ первую же ночь пребыванія его здѣсь, представился сонъ, въ которомъ онъ увидѣлъ огненный столпъ, восходившій отъ земли къ небу; усмотрѣвъ въ этомъ видѣніи знаменіе перста Божія, Евѳимій, помолившись на мѣстѣ видѣнія, водрузилъ здѣсь крестъ и поставилъ себѣ келейку.

Мѣстность, избранная Евѳиміемъ для своего спасанія, была въ то время окружена черемисскими поселеніями, а на мѣстѣ будущей обители, по преданію, находилось черемисское жертвенное капище;

ники закалывали коней и воловъ, вѣшая шкуры ихъ на вѣтвяхъ дуба. Евѳимій не противодѣйствовалъ этимъ жертвоприношеніямъ и черемисы такъ полюбили его за это, что приносили ему все необходимое для его скромнаго существованія. Но Богъ, продолжаетъ преданіе, восхотѣлъ прославить мѣсто это чудомъ: однажды, во время обычнаго языческаго жертвоприношенія, ударъ молніи сокрушилъ и до основанія испепелилъ священный черемисскій дубъ, заставивъ язычниковъ въ ужасѣ разбѣжаться по домамъ. Съ той поры языческія требы Семи Озеръ прекратились, о чемъ преподобный усердно возблагодарилъ Бога.

Слухъ о подвижничествѣ Евѳимія сталъ доходить до города и изъ Казани стали приходить къ нему на Семь Озеръ и другія лица, искавшія спасенія отъ міра. Евѳимій всѣхъ любовно принималъ къ себѣ и давалъ селиться въ своей пустынкѣ. Такъ пришли сюда: священноинокъ Порфирій, съ иноками Ѳеодосіемъ, Трифилліемъ и Гуріемъ, священноинокъ Іона и мн. др. Этимъ путемъ стало на Семи Озерахъ образовываться, подъ руководительствомъ Евѳимія, цѣлое отшельническое поселеніе. Двѣнадцать лѣтъ спустя по основаніи Седміозерской пустыни, Евѳимій вызванъ былъ въ Казань къ служенію у Благовѣщенскаго каѳедральнаго собора; созданное имъ иноческое общежитіе, тѣмъ не менѣе, не распалось и братія не переставала совѣтоваться съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ своихъ. Въ скоромъ времени братія, черезъ Евѳимія, испросили у митрополита Матвѣя (1615—1646 гг.) благословеніе поставить въ пустыни деревянную церковь; получивъ благословеніе и собравъ на это дѣло доброхотныя даянія деньгами, иконами, церковною утварью и книгами, иноки соорудили храмъ во имя Вознесенія Христова и св. муч. Іоанна Бѣлградскаго, поставили вблизи *храма келліи* и всѣ постройки обнесли деревянною огра-

дою. Черезъ нѣкоторое время средства позволили братіи замѣнить построенный ею деревянный храмъ—каменнымъ, съ главнымъ престоломъ Вознесенія Господня и двумя придѣлами во имя Богоматери и святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Между тѣмъ митроп. Матвѣй скончался. Преемникъ его, митрополитъ Симонъ, снизойдя къ просьбѣ отшельниковъ, лично прибылъ въ Седміозерскую пустынь для освященія вновь воздвигнутаго храма, одарилъ пустынь милостынею, благословилъ ее и далъ ей устроеніе. Это произошло въ 1646 году,—годъ, который и почитается годомъ основанія Седміозерскаго Богородицкаго монастыря, возникшаго на мѣстѣ прежней неустроенной отшельнической пустыни; еще до этого одинъ богатый казанскій купецъ, именемъ Іоаннъ Черникъ, отдалъ все свое имѣніе на устроеніе обители, въ которой и нашелъ вѣчное успокоеніе. Устроеніе обители продолжалось и при митроп. Корнилiѣ (1650—1656 гг.), въ святительство котораго она значительно расширилась и украсилась вторымъ храмомъ во имя Пресвят. Богородицы Смоленской, съ трапезою и келарскою при немъ. При этомъ же архипастырѣ монастырь возымѣлъ и перваго игумена, въ лицѣ Діонисія, получившаго, въ благословеніе обители, пастырскій жезлъ святителя Гурія. Съ тѣхъ поръ Седміозерскій монастырь сталъ все болѣе и болѣе расширяться и устроиваться, деревянныя сооруженія его стали замѣняться каменными, съ таковою же оградою, и мало по малу обитель принимала нынѣшній благоустроенный видъ свой; не замедлила возникнуть подъ монастыремъ и слободка, называющаяся, по имени самой обители—„Седміозерною“.

ляетъ собою имѣющаяся въ ней **чудотворная икона Смоленской Божіей Матери**. Эта икона была принесена съ собою изъ Устюга преп. Евѳиміемъ, основателемъ пустыни. Отозванный на служеніе въ Казань, Евѳимій испросилъ у митроп. Матвѣя разрѣшеніе отпустить принадлежавшую ему икону въ благословеніе братіи Седміозерской пустыни; послѣ молебствія въ каѳедральномъ соборѣ, св. икона была торжественно перенесена въ пустынь, въ преднесеніи другихъ иконъ и въ сопровожденіи духовенства и народа. Съ тѣхъ поръ въ обитель стало притекать на поклоненіе св. иконѣ множество народа изъ Казани и другихъ мѣстъ; св. икона стала почитаться чудотворною и въ 1658 году, въ честь ея, былъ построенъ здѣсь храмъ во имя Смоленской иконы Божіей Матери, въ которомъ она находится и до нашихъ дней.

Но особенную славу и всеобщее почитаніе получила седміозерская св. икона Смоленской Божіей Матери по слѣдующему случаю. Лѣтомъ 1654 г. посѣтила Россію страшная моровая язва (чума), обошедшая всѣ области и опустошившая цѣлые города и села. Эпидемія не замедлила появиться и въ Казани, истребивъ въ городѣ и въ округѣ его до 48 тыс. народа и свирѣпствуя здѣсь съ особенною силою въ іюнѣ мѣсяцѣ. Тогда граждане и городскія власти рѣшили отправить въ Седміозерскую пустынь игумена Іоанновскаго монастыря Пахомія, чтобы поднять чудотворную икону Божіей Матери Смоленской и крестнымъ ходомъ принести ее въ охваченную бѣдствіемъ Казань. По совершеніи всенощнаго бдѣнія и литургіи, св. икона была 25 іюня поднята. Въ трехъ верстахъ отъ города, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ

Кизическій монастырь, святыня встрѣчена была гра
нами, со слезами отчаянія молившими Владычицу о пре
стательствѣ за городъ ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ св. ико
обнесена была крестнымъ ходомъ вокругъ стѣнъ Казан
Болѣзнь не замедлила утихнуть. Тогда массы народа ста
стекаться въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ св. икона бы
поставлена, для поклоненія ей, а затѣмъ икону носи
по домамъ гражданъ, причемъ появлялись отъ нея чуд
дѣянія, вѣсть о которыхъ еще болѣе укрѣпляла наро
въ вѣрѣ въ славу св. иконы и исходящую отъ нея бл
годать. Въ 1656 году моровая язва снова открылась
Казани и снова утихла послѣ принесенія въ городъ с
иконы. Съ тѣхъ поръ седміозерская св. икона Смоленск
Божіей Матери почитается одною изъ величайшихъ мѣс
ныхъ святынь.

Въ память чудеснаго избавленія Казани отъ смерт
носной язвы, казанскій митроп. Лаврентій II (1657-
1672 гг.) установилъ на вѣчныя времена, на 26 іюн
ежегодное принесеніе св. иконы Смоленской Божіей Мат
ри, изъ Седміозерской пустыни, въ г. Казань, что съ тѣ
поръ неукоснительно и съ особеннымъ торжествомъ сове
шается и по настоящее время; 26 іюня опредѣлено
днемъ празднованія св. иконы.

Ежегодно, начиная уже съ половины іюня, множество богомо
цевъ изъ Казани и другихъ, даже отдаленныхъ, мѣстъ стекаются
Седміозерскую пустынь къ предстоящему церковному торжеству, всл
ствіе чего видъ необыкновеннаго оживленія получаетъ вся семнадцат
верстная дорога отъ города къ пустыни. 24 іюня архіепископъ
занскій совершаетъ въ соборномъ храмѣ Седміозерскаго монасты
всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ Пресв. Богородицѣ, а на слѣду
щій день, 25 числа, послѣ литургіи и молебна, св. икона подн

кромѣ монастырскаго духовенства, и духовенства 12-ти церквей г. Казани, несется въ Казань, въ сопровожденіи несмѣтныхъ массъ народа, причемъ въ попутныхъ селеніяхъ поются молебны. По принесеніи св. иконы къ часовнѣ подгороднаго Кизическаго монастыря, происходитъ встрѣча святыни казанскимъ викарнымъ епископомъ, служащимъ въ монастырѣ всенощную съ акаѳистомъ; монастырь и прилегающая къ нему городская Кизическая слобода бываютъ въ это время переполнены богомольцами и вокругъ монастыря возникаетъ цѣлый подвижной городокъ изъ палатокъ и баракъ съ чайными, продажею съѣстныхъ припасовъ и освѣжающихъ напитковъ.

26 іюня, по отслуженіи литургіи и молебна, св. икона блестящимъ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи безчисленнаго кортежа богомольцевъ, запружающихъ собою въ это утро все трехверстное разстояніе отъ казанскаго кремля до Кизическаго монастыря, несется въ городъ. Между тѣмъ, отслуживъ въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ литургію, архіепископъ, въ сопровожденіи высшаго городскаго духовенства и городскихъ властей, направляется, крестнымъ ходомъ, въ которомъ несется чудотворная икона Казанской Божіей Матери и иконы и хоругви отъ всѣхъ городскихъ церквей, черезъ Тайницкія ворота, къ мѣсту встрѣчи св. иконы Смоленской Божіей Матери, которое находится за мостомъ черезъ р. Казанку; здѣсь устраивается для встрѣчи иконы богато убранная цвѣтами палатка. Къ этому времени весь подъемъ отъ р. Казанки, черезъ Проломную улицу, къ Ивановской площади бываетъ уже переполненъ несмѣтными массами люда, покрывающаго пестрою толпою весь путь шествія крестнаго хода, откосы и стѣны кремлевскаго холма, бульваръ, окна и крыши сосѣднихъ домовъ.... Особенно много бываетъ на встрѣчѣ деревенскаго люда, съѣзжающагося и сходящагося къ этому дню въ городъ за десятки и сотни верстъ.

Оба крестные хода сходятся близь палатки за р. Казанкою. Здѣсь, по осѣненіи ею колѣнопреклоненнаго народа, св. икона принимается двумя архимандритами и соединенный крестный ходъ, подъ перезвонъ всѣхъ городскихъ колоколовъ, церковное пѣніе и звуки

военнаго оркестра, исполняющаго гимнъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», торжественно двигается въ городъ по обставленному шпалерами войскъ и сплошными стѣнами народа пути. Шествіе, перейдя мостъ черезъ р. Казанку, огибаетъ по Проломной улицѣ западную часть кремлевскаго холма, поднимается, Ивановскою площадью, къ Спасскимъ воротамъ кремля; отсюда, по совершеніи литіи и вторичнаго осѣненія ею народа, св. икона вносится въ каѳедральный соборъ, гдѣ ставится вмѣстѣ съ сопровождающею ее отъ Кизическаго монастыря чудотворною иконою св. мучениковъ Кизическихъ.

Обѣ св. иконы пребываютъ въ Казани въ теченіи цѣлаго мѣсяца, причемъ обносятся по всѣмъ церквамъ города, а въ промежутки между службами принимаются жителями въ дома свои. 27 іюля св. иконы, послѣ литургіи и молебна въ каѳедральномъ соборѣ, также торжественно износятся изъ города обратно въ Седміозерную пустынь.

Считаемъ цѣлесообразнымъ привести тотъ порядокъ, въ которомъ пребываетъ св икона Смоленской Божіей Матери, въ сонесеніи иконъ св. мучениковъ Кизическихъ и свв. казанскихъ чудотворцевъ Гурія, Германа и Варсонофія, въ церквахъ г. Казани:

Іюня 26 и 27—въ Каѳедральномъ Соборѣ (во время всенощной и литургіи, совершаемыхъ архіерейскимъ служеніемъ), съ церквами: Дворцовой, при губернаторскомъ домѣ, Спасо-Преображенскаго монастыря, Гостинодворскою (за раннею литургіею), Духовной Семинаріи и Училища.

28—въ Дѣвичьемъ монастырѣ (за литургіею), съ церквами 1-й гимназіи, Казематскою, Городской больницы и Богадѣльни.

29—въ Пятницкой церкви (за всенощной и литургіей).

30—въ Евдокіинской церкви (за всенощной и литургіей).

3 и 4—въ Варваринской церкви, съ домовыми церквами: Институтской, Госпитальной, Академической, Крещено-татарской школы, церкви Дома умалишенныхъ, Кладбищенской и Александровской больницы.

5—въ Грузинской церкви.

6 и 7—въ Воскресенской церкви, съ церквами: Университетскою, Клиническою и Крупениковскою.

8—въ Петропавловскомъ Соборѣ.

9—въ Николо-Низкой церкви, съ Николо-Ляпуновскою, изъ коихъ первая встрѣчаетъ, а вторая провожаетъ св. икону.

10 и 11—въ Богоявленской церкви, съ Единовѣрческою Никольскою.

12 и 13—въ Архангельской церкви, съ загороднымъ Архіерейскимъ домомъ, юнкерскими бараками и земледѣльческимъ училищемъ.

14—въ Кирилло-Меѳодіевской церкви, съ женскими земскимъ и епархіальнымъ училищами.

15 и 16—въ Духосошественской церкви.

17 и 18—въ Георгіевской церкви, съ церковію третьей гимназіи.

19—въ Борисоглѣбской церкви, съ церковію учительской семинаріи.

20—въ Тихвинской (всенощная) и Евангелистовской (ранняя литургія) церквахъ; крестный ходъ въ Ѳеодоровскій монастырь.

21—въ Вознесенской церкви.

22—въ Николо-Вешняковской церкви и въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ.

23—въ Варлаамовской церкви.

24—въ Ильинской и Троицкой церквахъ.

25—въ Владимірскомъ соборѣ.

26—въ Успенскомъ соборѣ.

27—въ Каѳедральномъ соборѣ и въ Спасской военной церкви.

Въ настоящее время Седміозерная пустынь служитъ, не только въ іюнѣ мѣсяцѣ, но и въ другія времена года, мѣстомъ многочисленныхъ паломничествъ богомольцевъ не только изъ Казани, но и изъ несравненно болѣе отдаленныхъ мѣстъ (въ обители имѣется монастырская гостинница для богомольцевъ).

Въ Семіозерной пустыни имѣются слѣдующіе храмы: 1) Соборный храмъ во имя Смоленской Божіей Матери, вмѣщающій въ себѣ св. чудотворную икону; 2) Храмъ Вознесенія Господня, съ гробницею основателя пустыни; 3) Храмъ во имя св. Андрея Первозваннаго; 4) Храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Пустынь управляется игуменомъ.

Раиѳская Богородицкая пустынь. Чудотворная икона Грузинской Божіей Матери. Подобно пустыни Семіозерной, и нынѣшняя Раиѳская Богородицкая пустынь возникла среди языческаго инородческаго края, по почину единичнаго отшельника-подвижника. Раиѳская пустынь расположена въ 28-ми верстахъ на сѣверо-западъ отъ Казани, въ роскошной мѣстности, съ двухъ сторонъ обрамленной вѣковымъ сосновымъ боромъ, а двумя другими сторонами прилегающей къ большому озеру, считающему до 3-хъ верстъ длины, при 50—150 саж. ширины; восемь верстъ хорошей лѣсной дороги, вполнѣ доступной для пѣшехода, отдѣляютъ пустынь отъ полустанціи Васильево, московско-казанской жел. дороги.

Основателемъ Раиѳской пустыни явился инокъ Филаретъ, москвичъ по происхожденію, принявшій монашество въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ, а впослѣдствіе, исходивъ многіе приволжскіе города и монастыри, пришедшій въ первой половинѣ XVII вѣка въ Казань, гдѣ и поступилъ въ братію мѣстнаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Принявъ на себя образъ юродиваго Христа ради, Филаретъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ

Въ городѣ не жилось Филарету. Онъ часто уходилъ и
него бродить по окружавшимъ Казань въ то время пу
тынямъ, дебрямъ и горамъ и въ одно изъ такихъ стра
ствованій забрелъ въ дикую и живописную мѣстнос
нынѣшней Раиѳской пустыни. Мѣстность эта полюбила
Филарету и онъ, соорудивъ себѣ на берегу озера х
жинку, рѣшилъ остаться жить здѣсь, вдали отъ мі
не имѣя никого въ сосѣдствѣ, кромѣ языческихъ че
мисъ. Скоро мѣсто уединенія отшельника сдѣлалось и
вѣстнымъ его казанскимъ почитателямъ, которые и ста
навѣщать его, а нѣкоторые даже селились у него
пустыни; въ числѣ послѣднихъ былъ и другъ Филаре
Сергій, передъ тѣмъ постригшійся въ монашество, ра
давъ имѣніе свое бѣднымъ. Вскорѣ, руководимая потре
ностью имѣть мѣсто для молитвенныхъ собраній своих
вновь образовавшаяся отшельническая община построи
себѣ небольшую часовенку. Между тѣмъ основатель пу
тыни, Филаретъ, почувствовавъ близость смерти, удали
ся въ казанскій Спасо-Преображенскій монастырь, г
и скончался, будучи погребенъ въ монастырской оград
Такъ зачалась будущая Раиѳская пустынь.

Окончательное устройство Раиѳской пустыни тѣс
связано съ именемъ казанскаго митрополита Лаврентія
(1657—1672 гг.). По смерти Филарета, иноки пусты
просили митрополита объ основаніи на мѣстѣ ея мона
тыря, на что и получили отъ владыки благословенн
грамоту, причемъ митрополитъ Лаврентій лично посѣти
пустынь, давъ братіи ея руководителя въ лицѣ iером
наха Савватія, подъ смотрѣніемъ котораго и начало
строеніе обители на средства, пожертвованныя какъ с
мимъ владыкою, такъ и многими жителями Казани. I

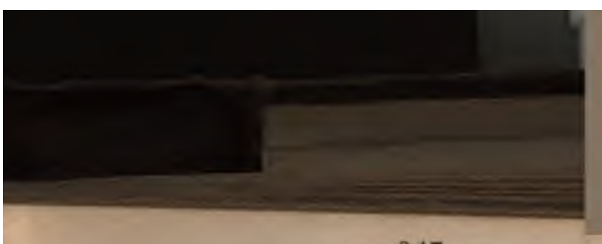
первыхъ же порахъ сооружена была деревянная церковь во имя св. Евѳимія, архіеп. новгородскаго, на средства митр. Лаврентія, новгородца по происхожденію, послѣ чего старецъ Савватій былъ нареченъ игуменомъ новой обители. Это имѣло мѣсто въ 1662 году, въ силу этого и принимаемомъ годомъ основанія Раиѳской пустыни, какъ монастыря. Вскорѣ возникли въ обители и двѣ другія церкви, устроенныя въ воротахъ ограды, которою обносился монастырь—во имя Происхожденія Честныхъ Древъ и преподобн. отецъ въ Синаѣ и Раиѳѣ избіенныхъ (отъ послѣдней церкви получила свое наименованіе и самая обитель), а еще позже построена соборная, деревянная же, церковь во имя Грузинской Божіей Матери, для помѣщенія въ ней иконы того же наименованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ устройству келій и другихъ монастырскихъ зданій. Все это было, первоначально—деревяннымъ, и только впослѣдствіе, мало по малу, замѣнялось каменнымъ строеніемъ, въ особенности же послѣ пожара 1689 г., истребившаго всѣ монастырскія постройки, возобновленныя стараніями и трудами митроп. Адріана (1686—1690 гг.,—впослѣдствіе послѣдній патріархъ всероссійскій).

Высокочтимую въ краѣ святыню Раиѳской Богородицкой пустыни составляетъ имѣющаяся въ ней чудотворная икона Грузинской Божіей Матери, имѣющая слѣдующее происхожденіе. Казанскій митрополитъ Лаврентій, принимавшій горячее участіе въ устройствѣ Раиѳской пустыни, пожелалъ благословить

щейся въ Красногорскомъ монастырѣ, Двинской области. Въ 1661 г. митрополитъ отправилъ въ этотъ дальній монастырь опытнаго живописца для снятія съ иконы точной копіи, которая, по принесеніи ея въ Казань, и была торжественно, въ сопровожденіи крестнаго хода, перенесена отсюда во вновь основанную Раиѳскую обитель. По сказанію монастырскихъ преданій, уже самое шествіе св. иконы изъ Казани въ пустынь было ознаменовано многими чудесами, почему икона эта, съ самого поставленія ея въ Раиѳской пустыни, получила славу чудотворной.

Еще при митрополитѣ Лаврентіи, уже вскорѣ по перенесеніи чудотворной иконы въ Раиѳскую пустынь, жители г. Свіяжска исходатайствовали себѣ разрѣшеніе ежегодно принимать въ городѣ своемъ св. икону Грузинской Божіей Матери. Съ тѣхъ поръ ежегодно, 31 іюля, совершается крестный ходъ съ св. иконою изъ Раиѳской пустыни въ г. Свіяжскъ, черезъ с. Васильево, отъ котораго икона въ лодкѣ перевозится на правый берегъ Волги, въ сопровожденіи множества собирающагося къ этому церковному торжеству народа. Оставаясь въ г. Свіяжскѣ въ теченіи трехъ недѣль, св. икона берется жителями по домамъ, а съ 6 августа обносится по окрестнымъ селеніямъ; 21 августа, наканунѣ храмоваго праздника своего, чудотворная икона возвращается въ Раиѳскую пустынь.

Раиѳская Богородицкая пустынь имѣла въ высшей степени важное историческое значеніе съ точки зрѣнія духовнаго просвѣщенія дикаго въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка черемисскаго края, въ предѣлахъ котораго была она основана. Особенно близкое участіе въ дѣлѣ просвѣщенія черемисъ оказалъ митроп. Тихонъ III (1699—1724 гг.), затѣмъ іеромонахъ пустыни Алексій и архимандриты ея Германъ, Геннадій и, въ позднѣйшее



время, Амвросій. Не обходилось дѣло и безъ враждебныхъ столкновеній съ инородцами; памятниками ихъ служатъ, имѣющія видъ крѣпостныхъ, съ амбразурами и бойницами, каменныя стѣны монастырской ограды и двѣ старинныя чугунныя пушки, до сихъ поръ хранящіяся въ обители.

Въ настоящее время въ Раиѳской пустыни имѣются слѣдующія церкви: 1) Соборная во имя Грузинской Божіей Матери, съ придѣлами во имя святителя Ливерія, папы римскаго, и св. Іоанна Златоуста; 2) Соборная церковь во имя Живоначальной Троицы, съ придѣломъ во имя св. Димитрія Ростовскаго; 3) Церковь во имя препод. отцевъ въ Синаѣ и Раиѳѣ избіенныхъ, съ придѣломъ во имя св. Евѳимія, архіеп. новгородскаго; 4) Церковь (надъ св. вратами) во имя св Николая Чудотворца и 5) Церковь (надъ келліями и оградою) во имя св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любови.

Кизическій монастырь. Икона св. мучениковъ Кизическихъ. Кизическій монастырь, основанный въ память девяти Кизическихъ мучениковъ, расположенъ верстахъ въ трехъ отъ г. Казани, по дорогѣ въ Седміозерную пустынь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, съ 1656 года, ежегодно происходитъ торжественная встрѣча приносимой въ концѣ іюня мѣсяца въ Казань чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери. Начало основанія Кизическаго монастыря относятъ къ 1687 году, а окончаніе къ 1691 году, почему 29 апрѣля 1891 года обитель эта и чествовала двухсотлѣтіе своего существованія.

Основаніе монастыря ставятъ въ связь съ неимовѣрнымъ количествомъ лихорадочныхъ заболѣваній („тря-

Учительская Семинарія.

такъ, изъ этихъ послѣднихъ, до 30 тысячъ татаръ къ началу XVIII в. снова вернулись къ исламу. Благодаря ходатайству преосв. Тихона, для новокрещеновъ, съ цѣлью привлеченія иновѣрцевъ къ христіанству, установлены были разнаго рода льготы; такъ, они освобождались на три года отъ податей и повинностей, получали при крещеніи денежныя и другія пособія и награды, и рядъ указовъ, установляющихъ подобнаго рода поощренія для инородцевъ, пріемлющихъ св. крещеніе, проходитъ черезъ весь XVIII вѣкъ.

Въ 1731 году въ г. Свіяжскѣ, для вѣданія всего миссіонерскаго дѣла въ Казанско-Нижегородскомъ краѣ, учреждена была особая Коммиссія Новокрещенскихъ Дѣлъ или Новокрещенская Контора, которою предоставлялись иновѣрцамъ, желающимъ принять христіанство, не только свобода на три года отъ податей и повинностей, но даже такія льготы, какъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и рекрутчины, сложеніе недоимокъ и амнистія по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ до крещенія; кромѣ того, каждый новокрещенъ получалъ при крещеніи крестъ, рубашку, шапку, обувь и $1^1/_2$ рубля деньгами. Но дѣла Конторы шли весьма плохо. Стали проявляться безпорядки и злоупотребленія, не говоря уже о крайне небрежномъ веденіи дѣлъ; Контора не вела даже списковъ новокрещеновъ и случалось, что нѣкоторые инородцы, корыстясь на сопряженные съ этимъ награды и подарки, приходили креститься по два и по три раза. Злоупотребленія же доходили до того, что, подъ видомъ отдачи новокрещеновъ въ воспріемничество, Контора отдавала ихъ различнымъ лицамъ въ крѣпостную зависимость. Не

ныя религіозной нетерпимости распоряженія, сдѣланныя бывшимъ казанскимъ іерархомъ.

Послѣ оставленія епископомъ Лукою казанской каѳедры, дѣла Новокрещенской Конторы шли все болѣе и болѣе вяло, пока, въ 1764 г., это учрежденіе не было совершенно упразднено. Взамѣнъ Новокрещенской Конторы учреждены были въ казанской епархіи должности трехъ оффиціальныхъ миссіонеровъ - проповѣдниковъ, но въ 1799 году и онѣ были упразднены, вслѣдствіе нераціональной постановки дѣятельности лицъ, замѣщавшихъ эти отвѣтственныя должности.

Въ исходѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія стали проявляться случаи массовыхъ отпаденій отъ христіанства татаръ и другихъ инородцевъ Казанскаго края. Это обстоятельство вызвало учрежденіе въ 1830 году для казанской епархіи особой постоянной миссіи, организованной по плану архіепископа Филарета (Амфитеатрова, 1828—1836 гг., впосл. изв. митрополитъ кіевскій), въ который входилъ и проектъ (въ ту пору неосуществившійся) учрежденія въ Казани миссіонерскаго института. Но результаты дѣятельности и этой оффиціальной миссіи были незначительными. Лучшая пора для казанскаго миссіонерскаго дѣла наступила съ открытіемъ въ Казани Духовной Академіи, задавшейся, между прочими цѣлями, и задачею приготовленія образованныхъ и подготовленныхъ миссіонеровъ, а въ особенности съ учрежденіемъ Братства Святаго Гурія, основаннаго съ цѣлью привлечь къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ частную инициіативу и частныя средства, — „въ виду малоуспѣшности принимавшихся мѣръ, къ подкрѣпленію ихъ тамъ, гдѣ онѣ окажутся недостаточными, и въ смягченіи тамъ, гдѣ рѣзкость ихъ пугаетъ“.

Университетъ.

[redacted]

зіи Левицкій, послѣ чего Румовскій прочиталъ Высочайше дарованную университету утвердительную грамоту.

«Блаженной памяти августѣйшая прабабка наша, Государыня Императрица Елисавета Петровна,—говорилось въ этой грамотѣ,— шествуя по стопамъ Великаго Преобразователя Россіи, между прочими славными подвигами, благоволила основать въ Казани, въ 1758 году, гимназію и даровать ей нѣкоторыя права, незадолго передъ тѣмъ Московскому университету пожалованныя. Предположивъ, сообразно степени просвѣщенія настоящихъ временъ, въ семъ самомъ мѣстѣ учредить университетъ, дабы существованіе сего благотворнаго заведенія сдѣлать навсегда неприкосновеннымъ и даровать ему возможность къ достиженію важнаго назначенія—образованіе полезныхъ гражданъ на службѣ отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній, мы соизволили нашимъ словомъ за насъ и за преемниковъ нашихъ постановить слѣдующее» и т. д.

По окончаніи чтенія грамоты, всѣ служащіе университета были приведены къ присягѣ, причемъ директоръ гимназіи Илья Өеод. Яковкинъ, назначенный профессоромъ (четыре учителя гимназіи были возведены въ званіе адъюнктовъ) и управляющимъ новаго университета, произнесъ отъ лица собранія благодарственную рѣчь и, по предложенію попечителя, прочиталъ изъ устава статьи о должностяхъ профессоровъ и адъюнктовъ. Этимъ и ограничилось скромное торжество открытія Казанскаго университета. Въ теченіи послѣдовавшей за этимъ недѣли происходилъ выборъ изъ числа воспитанниковъ гимназіи достойнѣйшихъ для возведенія ихъ въ студенты новаго университета. Извѣстно, что въ первый составъ ихъ вошелъ и нашъ извѣстный писатель С. Т. Аксаковъ, разсказывающій объ обстоятельствахъ, которыми сопро-

вождалась открытіе Казанскаго университета, въ своей „Семейной хроникѣ и воспоминаніяхъ".

По словамъ С. Т. Аксакова, шумная радость обуяла гимназистовъ, перечисленныхъ въ студенты; всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, что имъ недоставало, что бы съ честью носить званіе студента. «Прекрасное, золотое время!—пишетъ Аксаковъ.—Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ наукамъ было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія; дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнамъ, тушилъ свѣчи и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ мы повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ»...

22 февраля въ большомъ гимназическомъ залѣ, въ присутствіи попечителя, Яковкинъ вызвалъ назначенныхъ въ студенты воспитанниковъ, прочиталъ имъ изъ устава статьи объ обязанностяхъ и преимуществахъ ихъ, поздравилъ ихъ съ вступленіемъ въ университетъ, а попечитель сказалъ юношамъ наставительное слово. Всего выбрано было въ студенты 33 человѣка (въ томъ числѣ 26 казеннокоштными), но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибавилось еще 8 человѣкъ. Для студентовъ были отведены въ помѣщеніи гимназіи отдѣльныя отъ учениковъ этой послѣдней комнаты; имъ дали особую отъ гимназистовъ форму (особенность которой составляли шпаги) и даже отдѣльный столъ. Совершивъ дѣло открытія университета, Румовскій снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ имѣли пребываніе свое всѣ, вообще, начальные попечители Казанскихъ университета и округа. 24 февраля 1805 г. было назначено днемъ начала занятій во вновь основан-

[redacted]

номъ университетѣ, хотя правильное чтеніе лекцій открылось лишь съ наступленіемъ новаго учебнаго 1805—1806 года.

По уставу 5 ноября 1804 г., университетъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ отдѣленій (факультетовъ): нравственныхъ и политическихъ наукъ, физическихъ и математическихъ наукъ, врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и словесныхъ наукъ, съ кафедрою восточныхъ при немъ языковъ; преподавательскій персоналъ сводился къ 28-ми профессурамъ, при 12-ти адъюнктахъ и 6-ти лекторахъ и учителяхъ. Администрацію университета составляли: выборные (на одинъ годъ) ректоръ и деканы, совѣтъ, съ выборнымъ же изъ профессоровъ секретаремъ, и правленіе. Но все это полагалось только по уставу; фактически же Казанскій университетъ открылся въ самомъ примитивномъ видѣ, подъ управленіемъ директора гимназіи, вновь возведеннаго въ профессора, Яковкина, въ одномъ помѣщеніи съ гимназіею, безъ ректора и раздѣленія на фалькультеты и при самомъ ограниченномъ преподавательскомъ персоналѣ.

Не смотря на всѣ старанія Румовскаго о сформированіи для Казанскаго университета преподавательскаго персонала, дѣло шло въ этомъ направленіи очень туго. За неимѣніемъ русскихъ ученыхъ, приходилось приглашать профессоровъ—нѣмцевъ, читавшихъ лекціи свои на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, что не преминуло отозваться на успѣхахъ преподаванія, и положившихъ начало долго господствовавшей въ Казанскомъ университетѣ нѣмецкой профессорской партіи. Уже въ самый годъ открытія Казанскаго университета профессорскія кафедры заняли въ немъ иностранцы Цеплинъ (по кафедрѣ всеобщей исторіи) и Германъ (по кафедрѣ классической древности); остальной преподавательскій персоналъ составили: Яков-

кинъ (кафедра русской исторіи, географіи и статистики) и четыре адъюнкта, возведенные въ это званіе изъ учителей гимназіи: Карташевскій (математика), Запольскій (физика и математика), Левицкій (логика и философія) и Эрихъ (латинскій языкъ). Вотъ весь преподавательскій персоналъ, при наличности котораго открытъ былъ Казанскій университетъ. Продолжая заботиться о пополненіи университетскихъ кафедръ, Румовскій пригласилъ въ Казанскій университетъ еще нѣсколькихъ иностранныхъ ученыхъ: Бюнемана (на кафедру естественнаго, политическаго и народнаго права), Сторля (на кафедру греческаго языка и словесности), извѣстнаго впослѣдствіе казанскаго врача-профессора и представителя казанской умственной жизни Фукса (на кафедру естественной исторіи), Эвеста (на кафедру естествен. исторіи, химіи и началъ медицины)—всѣхъ четырехъ съ осени 1805 года; Брауна (на кафедру анатоміи, физіологіи и судебной медицины) и, впослѣдствіе знаменитаго академика-оріенталиста, Френа (восточные языки) — въ 1807 году; математика Бартельса въ 1808 году. Довольно рано появляются въ Казанскомъ университетѣ и русскіе преподаватели: съ 1806 года — Городчаниновъ, профессоръ краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка, оставившій по себѣ долгую память бездарнаго профессора и плохаго риѳмоплета, не ушедшаго далѣе піитическихъ условій эпохи Ломоносова, и два будущіе свѣтила казанской науки — Лобачевскій (математикъ) и Симоновъ (астрономъ), начавшіе съ 1814 г. университетскія чтенія свои въ званіи адъюнктовъ, и нѣкот. др.

Казанскій университетъ былъ первоначально помѣщенъ, какъ мы это знаемъ, въ одномъ зданіи съ гимназіею. Это—нынѣшняя восточная отъ центральной колоннады половина нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, строившаяся въ 1796 г. подъ губернаторскій домъ, но, по представленію губернатора Казинскаго, отданная затѣмъ подъ помѣщеніе гимназіи, которая въ 1799 г. и переведена въ нее. Не смотря на свои значительные раз-

[redacted]

мѣры (это былъ въ то время самый большой и красивый домъ города), гимназическое зданіе было тѣсно для двухъ вмѣщавшихся въ немъ учебныхъ заведеній и уже вслѣдъ за открытіемъ университета мы видимъ Румовскаго и Яковкина озабоченными пріобрѣтеніемъ для него собственнаго дома. Въ виду того, что гимназическій корпусъ былъ предназначенъ университету же, стали пріискивать и домъ для перемѣщенія въ него гимназіи; тогда же былъ пріобрѣтенъ домъ Молоствова, на Арской (нын. Покровская) улицѣ, который, вмѣстѣ съ пріобрѣтенными сосѣдними домами и мѣстами, образовалъ существующее понынѣ обширное мѣсто Императорской первой гимназіи.

Первоначально торговали подъ университетъ два каменныхъ дома, находившихся наискосокъ зданія гимназіи, по одной съ нею улицѣ, принадлежавщіе Панову (нынѣ домъ г. Соколова) и секундъ-маіору Молоствову (нынѣ домъ гг. Крупениковыхъ), но покупка эта не состоялась. Первымъ домомъ, купленнымъ для университета, былъ такъ называемый «Тенишевскій домъ», принадлежавшій прежде казанскому вице-губернатору кн. Тенишеву, но въ 1804 г. пріобрѣтенный въ казну для устройства въ немъ губернаторской квартиры. Домъ этотъ (нынѣшняя западная половина главнаго университетскаго корпуса) и по размѣрамъ, и по фасаду, былъ очень близокъ къ гимназическому зданію, отъ котораго отдѣлялъ его лишь небольшой переулокъ (нынѣшнія парадныя сѣни главнаго университ. корпуса), и представлялъ еще то достоинство, что при немъ имѣлся обширный садъ, который могъ быть приспособленъ для ботаническаго. Рядомъ съ этимъ домомъ, западнѣе его, слѣдовательно третьимъ, съ лѣвой руки, отъ восточнаго начала Воскресенской улицы, находился каменный домъ принадлежавшій казанскому коменданту того времени генер.-маіору Кастеллію; этотъ домъ былъ также купленъ для университета и до сихъ поръ извѣстенъ подъ наименованіемъ «Кастелліева дома» (это домъ, въ

верхнемъ этажѣ котораго нынѣ расположена квартира ректора, влѣво отъ главныхъ воротъ). Наконецъ пріобрѣтенъ былъ и послѣдній, четвертый, домъ, замыкающій съ Воскресенской улицы нынѣшній университетскій кварталъ—это домъ, принадлежавшій вдовѣ инженеръ-поручика Спижарной. Эти покупки, вмѣстѣ съ домомъ гимназіи, предназначенномъ также для университета, образовали нынѣшній обширный университетскій кварталъ, ограничиваемый улицами Воскресенскою—съ сѣвера, Поперечною Воскресенскою—съ запада, Малою Проломною—съ юга, и Университетскою—съ востока. Университету отошло и довольно обширное мѣсто, находившееся черезъ улицу отъ гимназическаго корпуса (мѣсто нынѣшней клиники и ея сада), рядомъ съ домомъ Молоствова, на которомъ строилось зданіе гимназическаго манежа, впослѣдствіе пріютившее къ себѣ университетскую типографію и квартиры служащихъ, а затѣмъ и клинику.

Наряду съ заботами объ устройствѣ пріобрѣтенныхъ для университета зданій, не прекращались въ руководящихъ жизнью новорожденнаго университета сферахъ и заботы объ открытіи университета въ полномъ составѣ факультетовъ, администраціи и кафедръ. Въ 1810 году послѣдовало предписаніе произвести выборы ректора, декановъ и друг. должностныхъ лицъ по университету. Выборы произведены были въ засѣданіяхъ совѣта 16, 17, 21, 23, 24 и 26 сентября и, послѣ избирательныхъ перепетій, въ подробности которыхъ мы входить не можемъ, выбранными оказались: ректоромъ—проф. анатоміи, физіологіи и судебн. медицины Браунъ; деканами отдѣленій, т. е. факультетовъ: нравственныхъ и политическихъ наукъ—проф. философіи Фойгтъ, физическихъ и математическихъ наукъ — проф. математики Бартельсъ, врачебныхъ наукъ—проф. паталогіи, терапіи и клиники Эрдманъ (Эрдманъ и Браунъ—были въ то время единственными представителями казанской университ. меди-

[redacted]

цинской науки), словесныхъ наукъ—профессоръ русской исторіи, географіи и статистики Яковкинъ. Не смотря на совершившіеся выборы, полнаго открытія университета все еще не послѣдовало, преподаваніе шло въ разбродъ и безъ всякой системы, а внутренняя жизнь юнаго университета ознаменовывалась, главнымъ образомъ, самовластными поползновеніями и интригами Яковкина, безъ разбора средствъ и оружія боровшагося, во главѣ русскихъ профессоровъ, съ нѣмецкою университетскою партіею, про представителей которой онъ писалъ, что „съ нѣмцами ладить чрезвычайно трудно по причинѣ ихъ самомнѣнія"; эта борьба ознаменовалась рядомъ инцидентовъ довольно таки низменнаго и грязненькаго пошиба, подробно переданныхъ профес. Н. Н. Буличемъ въ его трудѣ: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1805—1819" (Каз. I—II, 1887—1891).

Незавидно было положеніе ученыхъ нѣмцевъ-профессоровъ не только въ университетскихъ стѣнахъ, но и въ обществѣ, что и дало профессору Фуксу поводъ высказать, что, пріѣхавъ въ Казань, они нашли здѣсь «почти дикарей». «Вообще наше ученое сословіе,—писалъ Фуксъ про первую пору жизни казанскаго университета,—было тогда въ ужасномъ пренебреженіи: хотя мѣсто ординарнаго профессора считалось въ VII классѣ, но намъ запрещено было писаться въ этомъ чинѣ. Всѣ обращались съ нами крайне грубо; бывшій казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ ты, будучи едва знакомъ со мною. Губернаторъ, принимая меня, никогда не сажалъ, никогда не приглашалъ къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ; въ первый разъ я началъ пользоваться уваженіемъ при губернаторѣ графѣ Толстомъ». Профессоръ Цеплинъ имѣетъ «непріятное» столкновеніе съ вице-губернаторомъ изъ за того, что въ соборѣ, въ высокоторжественный день, протѣснился слишкомъ далеко впередъ; относительно того же Цеплина

усматриваютъ «нѣчто» въ томъ, что онъ однажды опоздалъ на университетскій актъ. Профессоръ Сторль жаловался въ 1806 г. на грубость по отношенію къ нему частнаго пристава Потто, бывшаго въ то время членомъ коммиссіи «по разбору иностранцевъ» (въ виду войнъ съ Напо еономъ), который обходился съ нимъ «какъ съ бродягой, какъ съ послѣднимъ мальчишкой отъ мастероваго». Тотъ же Сторль въ 1807 г. жалуется на какого то казанскаго квартальнаго, который, расквартировывая по городу войска, насильно вторгся, выломавъ дверь, въ домъ Сторля, чуть не раздробилъ повару его палкою голову, а на заявленіе, что квартира эта, будучи профессорскою, свободна отъ постая, закричалъ: «А хоть бы самъ дьяволъ здѣсь квартировалъ, — я тутъ господинъ и хозяинъ, хочу и приказываю!»... Не удивительно, что при такомъ складѣ жизни и при подобномъ отношеніи къ представителямъ мѣстной науки, Казань могла представляться заѣзжимъ нѣмецкимъ профессорамъ «страною дикарей».

Долгое время продолжалась переписка по поводу вопроса объ отдѣленіи гимназіи отъ университета, съ переведеніемъ первой въ отстроивавшійся для нея новый домъ, и только въ августѣ 1811 года получено было министерское о томъ предписаніе. 29 августа 1811 г. совершено торжественное освященіе новаго гимназическаго зданія, въ которое къ 11 сентября гимназія окончательно и перебралась, предоставивъ прежнее помѣщеніе свое уже въ нераздѣльное обладаніе университета. Только теперь сталъ на неотложную очередь вопросъ о полномъ открытіи университета, каковое торжественно и совершилось 5 іюля 1814 года.

Не смотря на отдѣленіе ея въ 1811 году отъ него, гимназіи два раза пришлось пользоваться гостепріимствомъ университета, подобно тому какъ, при открытіи своемъ, самъ онъ воспользовался ея гостепріимствомъ. Первый разъ случилось это уже въ слѣду-

[redacted]

ющемъ 1812 году, когда домъ гимназіи былъ предоставленъ для помѣщенія въ немъ временно (до іюля 1813 г.) переведенныхъ въ Казань, въ виду нашествія французовъ, московскихъ институтовъ; во второй разъ—послѣ большаго пожара 1815 г., уничтожившаго зданія гимназіи, причемъ, на этотъ разъ, гимназія ютилась при университетѣ въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ.

Назначенное на 5 іюля 1814 года „открытіе" Казанскаго университета попечитель его М. А. Салтыковъ (замѣнившій умершаго Румовскаго) и ректоръ Браунъ постарались обставить большою торжественностью, принявъ мѣры къ привлеченію къ этому торжеству и казанскаго общества. За нѣсколько дней до торжества публика была извѣщена о немъ особыми программами на латинскомъ, русскомъ и даже татарскомъ языкахъ, разосланными „къ духовному, военному и гражданскому начальствамъ". Послѣ молебна, отслуженнаго въ университетскомъ залѣ (домовой церкви университетъ тогда еще не имѣлъ), открылось „церемоніальное шествіе" всѣхъ университетскихъ чиновъ въ приходскую Воскресенскую церковь, въ преднесеніи, на бархатныхъ подушкахъ, Высочайшее дарованныхъ университету въ 1804 г. грамоты и устава, которые и были поставлены въ храмѣ по обѣ стороны царскихъ вратъ. По окончаніи обѣдни и молебна, послѣдовалъ осмотръ гостями университета, а затѣмъ обѣдъ на сто кувертовъ. По окончаніи обѣда, въ 4 часа пополудни, начался торжественный актъ открытія университета.

Актъ открылся чтеніемъ утвердительной грамоты университета, за которымъ слѣдовала большая музыкальная симфонія. Затѣмъ прочитанъ былъ указъ объ утвержденіи ректора и декановъ факультетовъ и провозглашены имена избранныхъ къ этому дню почетныхъ членовъ

университета, съ министромъ народн. просвѣщенія, гр. Разумовскимъ, во главѣ. Далѣе исполненъ былъ хоровой, съ аккомпониментомъ музыки, кантъ, сочиненный еще бывшимъ попечителемъ Румовскимъ къ предполагавшемуся за шесть лѣтъ до того открытію университета и положенный на музыку мѣстнымъ музыкантомъ-композиторомъ Новиковымъ. За кантомъ слѣдовала посвященная значенію торжества небольшая рѣчь ректора Брауна, опять смѣнившаяся музыкальною пьэсою, по окончаніи которой профессоръ Городчаниновъ продекламировалъ сочиненную имъ «Оду на всеобщій миръ въ Европѣ», въ которой высказывалась благодарность Монарху за то, что

Среди кровавой лютой брани
О музахъ вспомнилъ ты Казани,—
Се новый блескъ тобой имъ данъ!
. . . .
Гдѣ солнца краснаго восходъ,
Среди безплодныя пустыни
Наукъ благоухаютъ крины...

Исполнены были снова музыкальная пьэса и другой кантъ, послѣ чего проф. В. Перевощиковъ произнесъ рѣчь: «О пользѣ наукъ, вообще, и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета». За рѣчью Перевощикова послѣдовала раздача студентамъ шпагъ и наградъ; торжественный актъ закончился хоровымъ исполненіемъ сочиненнаго проф. Кондыревымъ канта въ честь Императора Александра I, даровавшаго Казани университетъ. Вечеромъ гости долго оставались въ университетѣ, гдѣ ихъ угощали чаемъ, прохладительными напитками и дессертомъ, въ то самое время, какъ массы народа толпились у иллюминованныхъ зданій университета, парадный подъѣздъ котораго былъ украшенъ транспарантомъ съ аллегорическимъ изображеніемъ «торжества музъ».

Открытіемъ университета на основаніи устава 5 ноября 1804 года и торжествомъ 5 іюля 1814 года завершается первый періодъ существованія Казанскаго уни-

верситета—періодъ зарожденія, первоначальнаго устройства и начальной поры жизни вновь созданнаго восточнаго храма наукъ.

Первые годы жизни окончательно открытаго университета. Эпоха Магницкаго. Открытіе университета съ выборными ректоромъ и деканами во главѣ, замѣнившими собою прежнюю единоличную власть интригана Яковкина, раздѣленіе на факультеты и не прекращавшееся пополненіе университета новыми научными силами, среди которыхъ выдаются имена, изъ иностранцевъ—астронома Литтрова, медиковъ Реннера и Эрдмана, физика Броннера, изъ русскихъ—Лобачевскаго, Симонова и Перевощикова, поставили молодой Казанскій университетъ на путь самостоятельнаго и плодотворнаго развитія своего. Въ 1815 г. состоялся въ университетѣ первый публичный диспутъ (Солнцова—по римскому праву) и въ томъ же году достигло цифры 40 число ученыхъ трудовъ и переводовъ, разсмотрѣнныхъ совѣтомъ. Въ 1814 г. оберъ-кригсъ-коммиссаръ Турчаниновъ жертвуетъ на 12 тыс. р. инструментовъ для физическаго кабинета, а въ 1818 г. купецъ Зимняковъ жертвуетъ для университетской библіотеки книгъ на $17^1/_2$ тыс. р. и $2^1/_2$ тыс. р. деньгами. Устраиваются и другія учебно-вспомогательныя учрежденія; стараніями проф. Литтрова возникаетъ небольшая астрономическая обсерваторія, благодаря которой адъюнкту Симонову удается открыть новую комету; проф. Эрдманъ устраиваетъ небольшую, на первый разъ, клинику; проф. Фуксъ разводитъ на университетскомъ дворѣ ботаническій садъ и т. п. Не даромъ заявляетъ проф. Фуксъ, что „съ открытіемъ (въ 1814 г.) университета наступило непродолжительное время его цвѣтущаго состоя-

нія", выражавшееся въ стремленіи новаго разсадника наукъ стать на-ряду съ западно-европейскими учрежденіями того же рода.

Но этотъ начальный расцвѣтъ жизни юнаго и только что приведеннаго въ надлежащее устройство университета былъ, дѣйствительно, непродолжительнымъ: шесть лѣтъ спустя послѣ окончательнаго открытія Казанскаго университета, лѣтопись его раскрывается передъ нами на той печальной страницѣ, на которой начертаны фатальные въ жизни Казанскаго университета два слова: эпоха Магницкаго......

Въ 1819 году, слѣдовательно всего черезъ 5 лѣтъ по приведеніи Казанскаго университета въ его окончательное устройство, до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына дошли слухи о весьма неблагопріятномъ положеніи дѣлъ въ молодомъ Казанскомъ университетѣ. Министръ счелъ нужнымъ произвести строгую ревизію этого послѣдняго и, въ качествѣ ревизора, отправленъ былъ въ Казань, съ полномочіями попечителя учебнаго округа, членъ главнаго правленія училищъ, д. с. с. Мих. Леонт. Магницкій.

Выполнивъ свою миссію всего въ нѣсколько дней, въ высшей степени поверхностно и съ несомнѣнно предвзятою идеею изобразить состояніе юнаго университета въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, Магницкій представилъ министру отчетъ, рисовавшій Казанскій университетъ въ самомъ безнадежномъ положеніи. И учебная часть университета, и его хозяйственная дѣятельность, и бытъ студенчества и, наконецъ, благонамѣренность профессорскаго персонала—все было разнесено, ни въ одной отрасли жизни университета не оставлено было камня на

камнѣ.... Неумолимый „ревизоръ“ дошелъ, въ своемъ усердіи, до признанія необходимости совершеннаго „уничтоженія“ только что начинавшаго становиться на твердыя ноги университета.

«Казанскій университетъ,—писалъ Магницкій въ своемъ донесеніи министру,—нарушившій коренныя обязанности свои и тѣмъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, разодравшій грамоту, ему дарованную.... по непреложной справедливости и по всей строгости правъ—подлежитъ уничтоженію». При этомъ Магницкій высказываетъ слѣдующую альтернативу: «Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: 1) въ видѣ пріостановленія университета и 2) въ видѣ публичнаго его разрушенія».... Магницкій, лично, склонялся къ «публичному разрушенію» Казанскаго университета.

Дѣло до этого, къ счастью, не дошло. Мнѣніе Магницкаго встрѣтило въ главномъ управленіи училищъ отпоръ и Казанскій университетъ былъ спасенъ не только отъ „публичнаго разрушенія“, но даже и отъ „пріостановленія“ его дѣятельности. Злая доля постигла, тѣмъ не менѣе, казанскую alma mater: ея неумолимый гонитель, Магницкій, 8 іюня 1819 года былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Почти одновременно съ утвержденіемъ Магницкаго въ должности и не безъ его, конечно, домогательства, утверждены были (14 іюня), между прочимъ, слѣдующія предположенія по отношенію къ Казанскому университету: 1) совершенно уволить нѣкоторыхъ профессоровъ отъ занимаемыхъ ими кафедръ; 2) для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника, подъ наименованіемъ „директора“. Дѣятельность „директора“ университета была подробно регламентиро-

вана составленною Магницкимъ особою инструкціею, данною этому „чиновнику“ одновременно съ инструкціею ректору университета.

Инструкція ректору касалась, главнымъ образомъ, постановки въ университетѣ учебнаго дѣла. Въ основу всего преподаванія кладутся исключительно начало нравственно-религіознаго воспитанія,— совершенно искаженныя, конечно, въ истинномъ смыслѣ своемъ, обскурантизмомъ новаго попечителя. Съ этой, именно, точки зрѣнія рекомендуется въ инструкціи преподаваніе всѣхъ университетскихъ наукъ. Вотъ, на выдержку, нѣсколько изъ такихъ сентенцій Магницкаго:

Профессоръ философіи обязанъ всѣ философскія системы «привести къ одному началу и показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину христіанскую до пришествія Спасителя міра, нынѣ же въ воспитаніе допускается, какъ полезное токмо упражненіе ума»...

Преподаватель политическаго права «обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Макіавеля и Гобсса»; въ области исторіи философіи права онъ долженъ, «восходя выше Платона и Аристотеля, показать источникъ ихъ началъ въ Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ или, лучше, въ самомъ Верховномъ Законодателѣ нашемъ и сею священною печатію запечатлѣть истину своихъ уроковъ».

Профессоръ физики «обязанъ, во все продолженіе курса своего, указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія окружающихъ насъ чудесъ».

Профессоръ астрономіи «укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности».

Профессора врачебныхъ наукъ обязаны «принимать всевозможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріа-

[redacted]

лизмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Божію открываетъ; студенты должны быть предостережены на счетъ сего ужаснаго заблужденія».

Профессоръ россійской словесности «величайшіе образцы истиннаго краснорѣчія покажетъ въ Библіи и докажетъ, сравненіемъ съ нею лучшихъ авторовъ, ея надъ всѣми ими превосходство»; онъ «разберетъ образцовыя творенія Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера и укажетъ превосходство ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вкусу» и, при этомъ, «предостережетъ своихъ слушателей отъ увлеченія въ новизны моднаго слога и потому все то, что введено въ въ языкъ произволомъ и смѣлостью—отвергнетъ, какъ неклассическое и недостойное подражанія».

Вступивъ въ отправленіе обязанностей попечителя, Магницкій не замедлилъ приступить къ процессу „обновленія“ Казанскаго университета, задавшись цѣлью реорганизовать его на началахъ абсолютнаго, хотя и ложно понятаго имъ, благочестія, граничившаго съ грубымъ и плохо маскированнымъ фарисействомъ. Въ аудиторіяхъ университета, надъ всѣми кафедрами, начертано было изрѣченіе: „Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху“, а надъ кафедрою философіи воздвигнута была доска съ нѣсколькими текстами изъ священнаго писанія, между которыми находился и текстъ изъ апостольскаго посланія къ Колоссеямъ: „Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ *).

Приступивъ къ „обновленію“ Казанскаго универси-

---

*) Эта доска до нашихъ дней хранится въ университетскомъ музеѣ отечествовѣдѣнія.

тета, Магницкій съ перваго же раза уволилъ изъ него одиннадцать профессоровъ, признанныхъ имъ неблагонадежными. Наложены были имъ руки и на университетскую библіотеку. Если по отношенію къ университетской библіотекѣ Магницкій и не пришелъ къ рѣшенію о ея сожженіи,—какъ это было постановлено имъ по отношенію къ библіотекѣ Казанской гимназіи (библіотека эта была спасена непремѣннымъ засѣдателемъ Дунаевымъ, который скрылъ ее, вмѣсто сожженія, въ кладовой),—то за то онъ подвергъ ее строгому разбору и значительную часть книгъ запретилъ выдавать для чтенія даже профессорамъ.

Студенты университета были подчинены почти монашескому режиму. Для провинившихся студентовъ была заведена особая „комната уединенія", съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ и почти лишенная всякой мебели, надъ входомъ въ которую былъ начертанъ подходящій текстъ изъ священнаго писанія, а внутри висѣли, на одной стѣнѣ—распятіе, на другой—картина страшнаго суда. Заключенный въ этой „комнатѣ уединенія" носилъ названіе „грѣшника"; къ нему ходилъ духовный отецъ для назиданія, а на общественныхъ молитвахъ возносили моленія объ отпущеніи его грѣховъ. Особенно сильно провинившихся студентовъ Магницкій собственною властью отдавалъ даже въ солдаты...

Печальная участь постигла и профессорскую корпорацію. Лицемѣріе сдѣлалось здѣсь ходячей добродѣтелью и ханжество было возведено въ принципъ. Профессора не смѣли выпить стакана вина и даже на торжественыхъ обѣдахъ пили тосты не иначе, какъ медомъ. Въ почетные члены университета стали выбирать раз-

было Высочайше повелѣно произвести полную ревизію Казанскаго университета. Ревизія обнаружила цѣлый рядъ аномалій, нестроеній и злоупотребленій въ жизни университета—и хозяйственной, и учебной, и нравственной. Обнаружены даже денежныя хищенія, не чуждымъ которымъ оказался и самъ попечитель, такъ усердно проповѣдывавшій о необходимости нравственной жизни „на христіанскихъ началахъ основанной". 6-го мая 1826 года воспослѣдовалъ Высочайшій приказъ объ увольненіи Магницкаго, безъ прошенія, отъ должности попечителя Казанскаго учебнаго округа и члена главнаго правленія училищъ, а слѣдомъ за тѣмъ, съ цѣлью покрытія оказавшихся начетовъ, было наложено запрещеніе на его имѣніе.

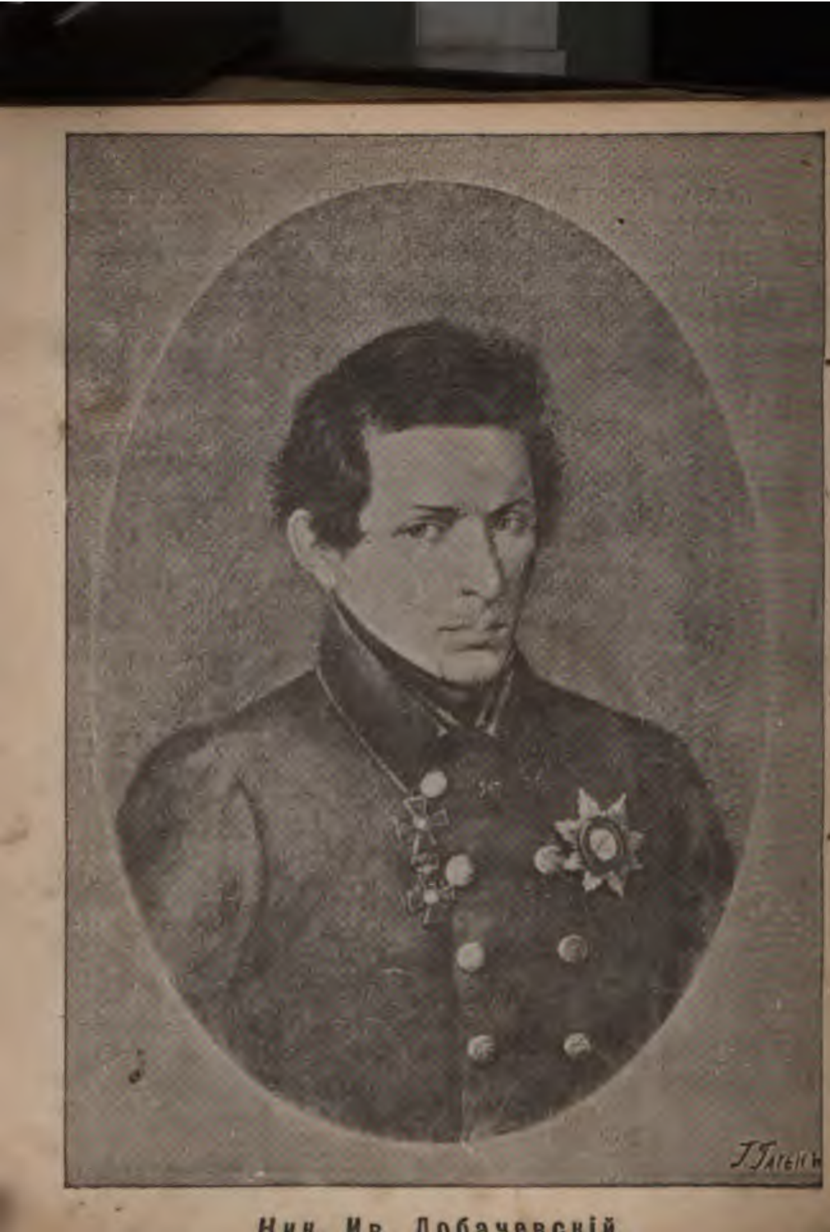
Только теперь, послѣ семи лѣтъ удручающаго гнета, свободною грудью вздохнулъ Казанскій университетъ и получилъ возможность съ новыми силами двинуться по пути своего дальнѣйшаго служенія краю и наукѣ.

Чтобы покончить съ печальной памяти эпохою попечительства Магницкаго, отмѣтимъ еще, что при немъ главный корпусъ университета получилъ теперешній видъ свой. Оба главныя зданія университета (дома бывшій гимназическій и Тенишевскій) были соединены подъ одно пристройкою между ними, сооруженною на мѣстѣ бывшаго здѣсь проѣзда, и образовавшійся этимъ путемъ длинный, существующій въ наши дни, фасадъ главнаго корпуса былъ украшенъ тройною коллонадою. Нижняя часть средней пристройки занята обширными сѣнями университета, а въ верхнемъ этажѣ устроена церковь во имя Св. Животворящаго Креста Господня, съ символическимъ освѣщеніемъ сверху въ видѣ Всевидящаго Ока и съ своеобразнымъ иконостасомъ въ видѣ креста; средній фронтонъ корпуса тогда же украшенъ массивнымъ золоченымъ крестомъ.

[redacted]

Попечительство М. Н. Мусина-Пушкина и окончательное устройство университета. Преемникомъ Магницкаго въ должности попечителя казанскаго учебнаго округа явился Мих. Никол. Мусинъ-Пушкинъ, въ теченіи 19-ти лѣтъ (1826—1845 гг.) державшій въ своихъ твердыхъ, хотя и суровыхъ, рукахъ управленіе округомъ. По отношенію къ казанскому университету, время попечительства Мусина-Пушкина можетъ быть, по всей справедливости, названо эпохою его окончательнаго устройства, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны его внутренней жизни. Въ этомъ отношеніи энергичный и вліятельный попечитель нашелъ себѣ настолько же энергичнаго и дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ ректора университета, красы и гордости академическихъ традицій казанскаго университета, славнаго и всеміpно-извѣстнаго русскаго геометра Ник. Ив. Лобачевскаго *), въ теченіи девятнадцати лѣтъ подъ рядъ (1827—1846 гг.) избиравшагося совѣтомъ университета въ почетное званіе ректора. Ректорство Н. И. Лобачевскаго, портретъ котораго здѣсь прилагается нами, совпало, такимъ образомъ, съ временемъ попечительства М. Н. Мусина-Пушкина и въ настоящемъ благоустройствѣ казанскаго университета почти все напоминаетъ намъ имена этихъ двухъ неутомимыхъ дѣятелей. Н. И. Лобачевскій является

*) 22—24 октября 1893 г. Казанскій университетъ трехдневными празднествами чествовалъ память столѣтія со дня рожденія великаго математика. Домъ на Больш. Проломной улицѣ, въ которомъ жилъ и скончался Н. И. Лобачевскій, украшенъ городскою думою мраморною доскою, съ обозначеніемъ этого историческаго воспоминанія, съ нимъ связаннаго.

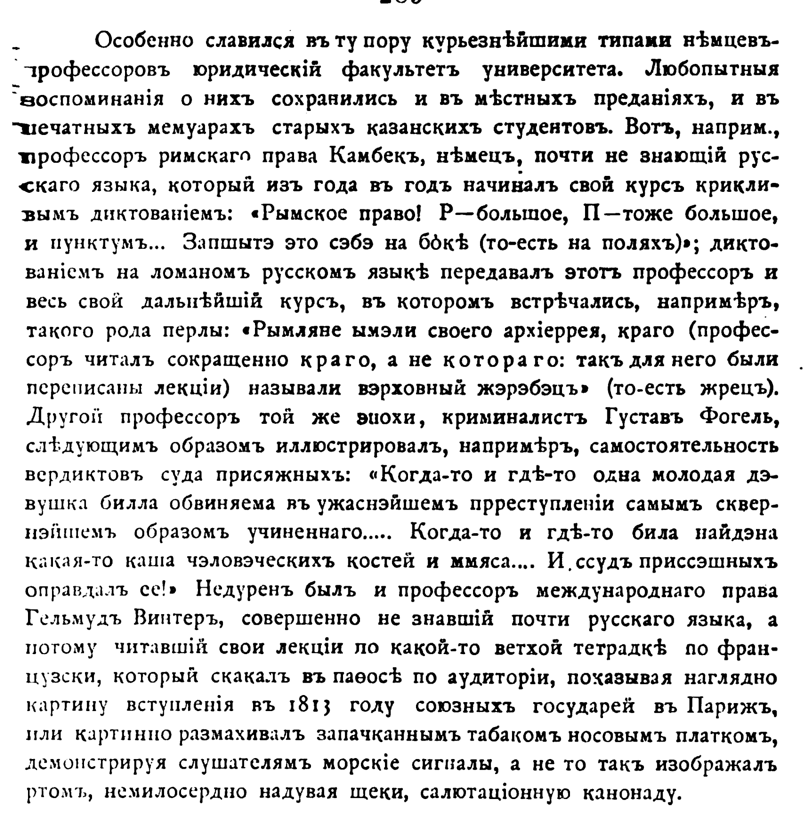


Ник. Ив. Лобачевскій

[redacted] 1

членомъ университетскаго строительнаго комитета уже съ 1822 года, когда, еще въ попечительство Магницкаго, приступлено было къ устройству университетскихъ зданій (главнаго корпуса). Послѣ паденія Магницкаго, строительный комитетъ, теперь уже подъ предсѣдательствомъ избраннаго въ ректоры Лобачевскаго, функціонировалъ въ теченіи почти 20-ти лѣтъ еще энергичнѣе, руководимый неусыпными заботами Мусина-Пушкина о приведеніи университета въ состояніе надлежащаго благоустройства. Въ этомъ отношеніи попечитель не могъ найти себѣ лучшаго сотрудника. Для того, чтобы имѣть возможность лично входить во всѣ техническія подробности построекъ, Лобачевскій изучилъ даже архитектуру и съ утра до вечера можно было видѣть ректора на стройкахъ, неутомимо лазящаго по лѣсамъ, дающаго необходимыя указанія, лично входящаго во всякую мелочь дѣла.... И все это на-ряду съ глубокими научными занятіями, поставившими имя Н. И. Лобачевскаго въ ряду величайшихъ математиковъ настоящаго вѣка! Дѣятельности Лобачевскаго и вліятельной иниціативѣ Мусина-Пушкина обязанъ казанскій университетъ своими прекрасными (по условіямъ того времени, конечно), законченными къ началу 40-хъ годовъ, зданіями астрономической обсерваторіи, клиники, анатомическаго театра, библіотеки (старый корпусъ ея), физическаго кабинета и химическихъ лабораторій, типографіи, своимъ ботаническимъ садомъ (1834 г.). Можно смѣло сказать, что въ стѣнахъ этихъ учрежденій все дышетъ памятью Н. И. Лобачевскаго, все возстановляетъ передъ нами симпатичный обликъ великаго ученаго и неутомимаго труженника-ректора....

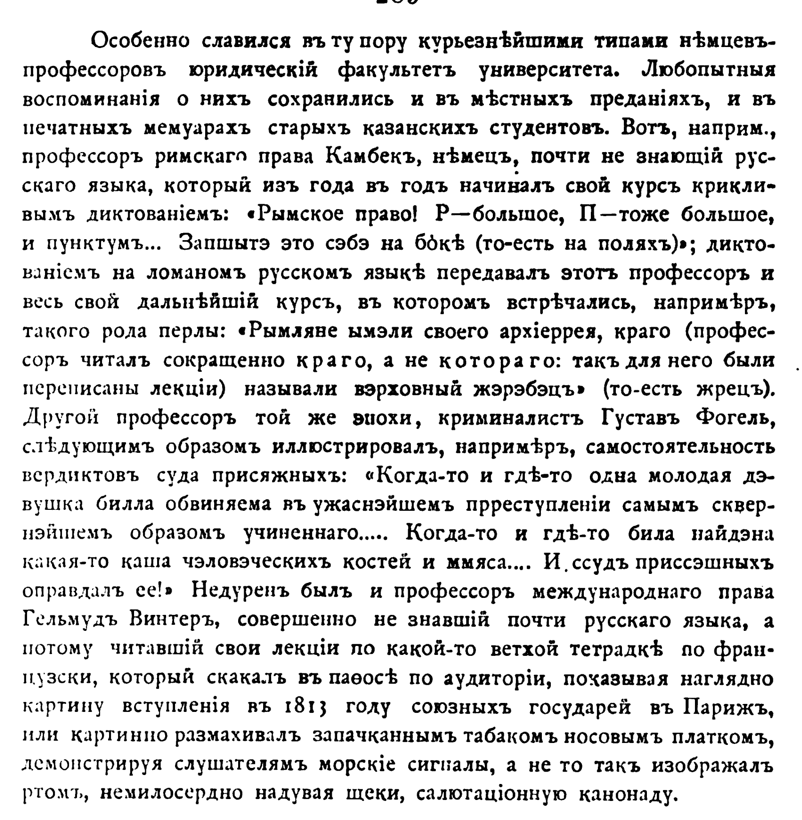
Въ попечительство Мусина-Пушкина обращено было


Особенно славился въ ту пору курьезнѣйшими типами нѣмцевъ-профессоровъ юридическій факультетъ университета. Любопытныя воспоминанія о нихъ сохранились и въ мѣстныхъ преданіяхъ, и въ печатныхъ мемуарахъ старыхъ казанскихъ студентовъ. Вотъ, наприм., профессоръ римскаго права Камбекъ, нѣмецъ, почти не знающій русскаго языка, который изъ года въ годъ начиналъ свой курсъ крикливымъ диктованіемъ: «Рымское право! Р—большое, П—тоже большое, и пунктумъ... Запшытэ это сэбэ на бокѣ (то-есть на поляхъ)»; диктованіемъ на ломаномъ русскомъ языкѣ передавалъ этотъ профессоръ и весь свой дальнѣйшій курсъ, въ которомъ встрѣчались, напримѣръ, такого рода перлы: «Рымляне ымэли своего архіеррея, краго (профессоръ читалъ сокращенно краго, а не котораго: такъ для него были переписаны лекціи) называли вэрховный жэрэбэцъ» (то-есть жрецъ). Другой профессоръ той же эпохи, криминалистъ Густавъ Фогель, слѣдующимъ образомъ иллюстрировалъ, напримѣръ, самостоятельность вердиктовъ суда присяжныхъ: «Когда-то и гдѣ-то одна молодая дэвушка билла обвиняема въ ужаснэйшемъ прреступленіи самымъ скверпэйшемъ образомъ учиненнаго..... Когда-то и гдѣ-то била найдэна какая-то каша чэловэческихъ костей и ммяса.... И ссудъ приссэшныхъ оправдалъ ее!» Недуренъ былъ и профессоръ международнаго права Гельмудъ Винтеръ, совершенно не знавшій почти русскаго языка, а потому читавшій свои лекціи по какой-то ветхой тетрадкѣ по французски, который скакалъ въ паѳосѣ по аудиторіи, показывая наглядно картину вступленія въ 1813 году союзныхъ государей въ Парижъ, или картинно размахивалъ запачканнымъ табакомъ носовымъ платкомъ, демонстрируя слушателямъ морскіе сигналы, а не то такъ изображалъ ртомъ, немилосердно надувая щеки, салютаціонную канонаду.

Впрочемъ, это было уже переходное время во внутренней жизни казанскаго университета; могучій толчекъ, данный уставомъ 1835 г., сдѣлалъ свое дѣло. Въ 40-хъ годахъ университетъ отчасти самъ выработываетъ, а отчасти привлекаетъ и со стороны молодыхъ ученыхъ,

усиленное вниманіе и на обезпеченіе въ университетѣ правильнаго и полнаго преподаванія. Учебно-вспомогательныя учрежденія были приведены въ надлежащій порядокъ и обогащены новыми пріобрѣтеніями. Приложены были и старанія къ пополненію преподавательскаго персонала, тѣмъ болѣе, что уставомъ 1835 г. введено было въ университетахъ много новыхъ кафедръ, а замѣстителей для нихъ—не было. Сначала сдѣлали было попытку подготовить къ занятію свободныхъ кафедръ своихъ кандидатовъ и съ этою цѣлью командированы были заграницу шестеро молодыхъ людей, но половину ихъ нашли въ министерствѣ ненадежными и возвратили обратно въ Казань, взыскавъ съ членовъ совѣта издержки по путешествію ихъ въ Петербургъ. Тогда, какъ и въ первые годы существованія университета, волею-неволею пришлось обратиться къ иностраннымъ ученымъ, которые къ половинѣ 40-хъ годовъ и занимаютъ цѣлый рядъ университетскихъ кафедръ, открывъ свое преподаваніе, съ грѣхомъ пополамъ, на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и, своими выходками, служа неисчерпаемымъ источникомъ юмора для своихъ слушателей; бывали въ ту пору и такіе профессора-иностранцы, слушать лекціи которыхъ, единственно ради курьеза, собирались студенты всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ. Какъ разъ въ половинѣ 40-хъ годовъ въ числѣ слушателей сначала восточнаго, а затѣмъ юридическаго факультетовъ (1844—1846 гг.) казанскаго университета, уволясь со втораго курса послѣдняго факультета, находился и нашъ знаменитый писатель графъ Л. Н. Толстой, которому, вообще, съ его университетскимъ образованіемъ не повезло.

[redacted]



Особенно славился въ ту пору курьезнѣйшими типами нѣмцевъ-профессоровъ юридическій факультетъ университета. Любопытныя воспоминанія о нихъ сохранились и въ мѣстныхъ преданіяхъ, и въ печатныхъ мемуарахъ старыхъ казанскихъ студентовъ. Вотъ, наприм., профессоръ римскаго права Камбекъ, нѣмецъ, почти не знающій русскаго языка, который изъ года въ годъ начиналъ свой курсъ крикливымъ диктованіемъ: «Рымское право! Р—большое, П—тоже большое, и пунктумъ... Запшытэ это сэбэ на бо́кѣ (то-есть на поляхъ)»; диктованіемъ на ломаномъ русскомъ языкѣ передавалъ этотъ профессоръ и весь свой дальнѣйшій курсъ, въ которомъ встрѣчались, напримѣръ, такого рода перлы: «Рымляне ымэли своего архіеррея, краго (профессоръ читалъ сокращенно к р а г о, а не к о т о р а г о: такъ для него были переписаны лекціи) называли вэрховный жэрэбэцъ» (то-есть жрецъ). Другой профессоръ той же эпохи, криминалистъ Густавъ Фогель, слѣдующимъ образомъ иллюстрировалъ, напримѣръ, самостоятельность вердиктовъ суда присяжныхъ: «Когда-то и гдѣ-то одна молодая дэвушка билла обвиняема въ ужаснэйшемъ прреступленіи самымъ скверн эйшемъ образомъ учиненнаго..... Когда-то и гдѣ-то била найдэна какая-то каша чэловэческихъ костей и ммяса.... И ссудъ приссэшныхъ оправдалъ ее!» Недуренъ былъ и профессоръ международнаго права Гельмудъ Винтеръ, совершенно не знавшій почти русскаго языка, а потому читавшій свои лекціи по какой-то ветхой тетрадкѣ по французски, который скакалъ въ паѳосѣ по аудиторіи, показывая наглядно картину вступленія въ 1813 году союзныхъ государей въ Парижъ, или картинно размахивалъ запачканнымъ табакомъ носовымъ платкомъ, демонстрируя слушателямъ морскіе сигналы, а не то такъ изображалъ ртомъ, немилосердно надувая щеки, салютаціонную канонаду.

Впрочемъ, это было уже переходное время во внутренней жизни казанскаго университета; могучій толчекъ, данный уставомъ 1835 г., сдѣлалъ свое дѣло. Въ 40-хъ годахъ университетъ отчасти самъ выработываетъ, а отчасти привлекаетъ и со стороны молодыхъ ученыхъ,

которымъ суждено было впослѣдствіе занять почетныя мѣста въ лѣтописяхъ русской науки и изъ которыхъ многіе уже во второй половинѣ 40-хъ годовъ замѣщаютъ въ Казани университетскія кафедры. Вспомнимъ имена: Васильева, Березина, Ковальскаго, Бутлерова, Мейера, Бабста, Киттары, Григоровича, Благовѣщенскаго, Булича, Станиславскаго, Осокина (финансиста), Протопопова и др. ученыхъ, которымъ суждено было положить начало новой эрѣ академической жизни университета и подготовить его къ воспринятію, широко поставившаго ученую и учебную дѣятельность русскихъ университетовъ, устава 1863 года.

Но лучшимъ украшеніемъ и славою казанскаго университета, которою онъ справедливо гордился передъ цѣлою Европою, служилъ восточный факультетъ его —лучшій памятникъ, воздвигнутый себѣ Мусинымъ-Пушкинымъ и предметъ его неусыпныхъ заботъ и попеченій. Почва для основанія въ Казани этого факультета была подготовлена уже раньше. Еще во второй половинѣ XVIII стол. вводится въ казанской гимназіи преподаваніе татарскаго языка, а съ 1802 г. учреждается при той же гимназіи мусульманская типографія, въ 1827 году соединенная съ университетскою. Преподаваніе восточныхъ языковъ производилось въ казанскомъ университетѣ еще въ 10-хъ и 20-хъ годахъ, имѣя достойныхъ представителей въ лицѣ знаменитаго оріенталиста Френа и профессора Эрдмана. Въ 1837 г. учреждается въ томъ же университетѣ кафедра китайскаго языка, въ 1839 году назначается лекторъ персидскаго языка и открывается кафедра армянскаго языка, въ 1842 г. появляется кафедра санскрита,—и, такимъ постепеннымъ путемъ, фор-

[redacted]

мируется восточный факультетъ, всецѣло обязанный своимъ существованіемъ попечителю Мусину-Пушкину. Не долго процвѣталъ въ казанскомъ университетѣ восточный факультетъ: будучи перемѣщенъ въ 1845 г. на должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ тяготился разлукою съ излюбленнымъ дѣтищемъ своимъ; по его усиленнымъ настояніямъ, восточный факультетъ былъ въ 1854 году переведенъ изъ казанскаго университета въ с.-петербургскій, вмѣстѣ съ восточнымъ отдѣленіемъ библіотеки, собраніемъ восточныхъ рукописей и богатымъ восточнымъ минцъ-кабинетомъ. Потеря восточнаго факультета была для казанскаго университета утратою тяжелою и, по истинѣ, невознаградимою....

Отношеніе университета къ интеллектуальной жизни Казани. Общество любителей отечественной словесности. Начало казанской періодической прессы. Публичныя лекціи. Представляется дѣломъ вполнѣ понятнымъ, что основаніе университета явилось рѣшительнымъ факторомъ въ дѣлѣ развитія интеллектуальной жизни Казани, тѣмъ болѣе, что, уже съ самаго открытія своего, молодой университетъ и самъ сознательно шелъ на встрѣчу обществу, изыскивая средства войти съ нимъ въ единеніе, стремясь занять въ умственной жизни города то руководящее положеніе, которое должно было принадлежать ему не только какъ право, но и какъ обязанность.

Интересно, что, уже во второй годъ существованія университета, при немъ основывается литературный кружокъ, первыми иниціаторами котораго явились пять человѣкъ университетскихъ преподавателей, съ Н. М. Ибрагимовымъ во главѣ. Кружокъ этотъ первоначально

назывался „Бесѣдою любителей отечественнаго слова“ и носилъ чисто частный характеръ, но уже скоро члены его убѣдились въ томъ, что какъ личный составъ, такъ и дѣятельность кружка, могутъ быть значительно расширены. Они стали приглашать сотрудниковъ, вступили въ сношенія съ иногородними литературными силами и скромная въ началѣ „бесѣда“ мало по малу превращалась въ настоящее литературное „общество“, вслѣдствіе чего въ 1813 году стали помышлять объ исходатайствованіи санкціи на его оффиціальное существованіе. Составленъ былъ проектъ устава „Общества любителей отечественной словесности“, который и былъ въ слѣдующемъ же году утвержденъ—и 12 декабря 1814 г. новое общество имѣло уже первое торжественное собраніе.

Публичныя собранія Общества любителей отечественной словесности порождали живую связь между мѣстнымъ обществомъ и университетомъ, тѣмъ болѣе, что оно старалось отзываться на все, что могло въ данное время интересовать собою общественную мысль; такъ, въ 1816 г. оно устраиваетъ торжественное собраніе по поводу кончины казанскаго уроженца, поэта Г. Р. Державина, а въ 1828 г. принимаетъ на себя иниціативу вопроса о сооруженіи ему въ Казани памятника. Тридцатые годы были эпохою, неблагопріятною для жизнедѣятельности общества и оно рѣдко имѣло собранія, да и то нерегулярныя — „по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ“. Со второй половины 40-хъ годовъ снова возобновляются очередныя собранія общества, происходившія въ залѣ зданія университетской астрономической обсерваторіи. Мы имѣемъ отчеты о засѣданіяхъ общества въ 1846—

[redacted]

1853 годахъ, но засѣданіе его отъ 24 сентября 1853 г. было послѣднимъ: съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней казанское „Общество любителей отечественной словесности“ уже не собиралось, хотя оффиціальнаго прекращенія его и не послѣдовало, такъ что, легально, оно можетъ считаться до нынѣ существующимъ и было бы вполнѣ возможнымъ снова воскресить его къ жизни.

Съ основаніемъ казанскаго университета непосредственно связано и **начало періодической прессы** въ Казани. Мысль объ изданіи при университетѣ журнала зародилась уже въ первые годы по его открытіи, не безъ участія въ томъ попечителя Румовскаго; мысль эта осуществилась 19 апрѣля 1811 года, когда вышелъ въ свѣтъ первый номеръ университетскаго „періодическаго сочиненія“, подъ названіемъ „**Казанскихъ Извѣстій**“ и съ эпиграфомъ слѣдующаго рода:

Я дѣло самое въ листахъ сихъ возвѣщаю,
Читателей моихъ не ложью обольщаю.

Принявъ характеръ научно-общественно-политической газеты, „Казанскія Извѣстія“ издавались съ 1811 по 1820 г. (включительно), тетрадями in 4°, спачала по одному, а съ 1815 г. по два раза въ недѣлю.

Уже съ самаго начала своего изданія, «Казанскія Извѣстія» поставили себѣ задачею служеніе мѣстно-областнымъ интересамъ,— задача до сихъ поръ, какъ бы по традиціи, преслѣдуемая казанскою прессою: «Цѣль изданія, — заявляется въ объявленіи о подпискѣ на 1812 годъ,—есть **мѣстная польза** жителей какъ Казанской, такъ и прочихъ смежныхъ и съ нею находящихся въ связи другихъ губерній и странъ». Количество подписчиковъ или «сускрибентовъ», какъ назы-

вали ихъ въ то время, достигло уже ко второй половинѣ перваго года изданія 130-ти человѣкъ,—цифра довольно значительная по условіямъ времени. Газета преслѣдовала двоякую задачу: съ одной стороны—сообщать читателямъ наиболѣе выдающіеся факты изъ области политики, съ другой стороны—давать имъ матеріалъ, касающійся мѣстной жизни, а также статьи по исторіи, статистикѣ и этнографіи мѣстнаго края; въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» появился рядъ статей, которыя и до нашихъ дней еще не утратили значенія. Какъ бы то ни было, казанская университетская газета была явленіемъ выдающимся въ общественности того времени и редакторъ ея, профес. Кондыревъ, былъ правъ въ своемъ объявленіи о подпискѣ на 1815 г., когда, убѣждая жителей Казани и всего восточнаго края «подкрѣпить» это изданіе, заявлялъ, что «послѣ двухъ столицъ, во всей Россіи издаются только въ одной Казани подобныя на россійскомъ языкѣ вѣдомости...»

Съ 1820 г. „Казанскія Извѣстія" покончили свое существованіе,—не безъ воздѣйствія въ этомъ отношеніи, какъ слѣдуетъ полагать, попечителя Магницкаго. Паденіемъ ихъ журнально-издательская дѣятельность университета не прекратилась. Взамѣнъ „Казанскихъ Извѣстій", университетъ сталъ съ 1820 г. издавать журналъ „Казанскій Вѣстникъ", выходившій до 1832 года, съ „Прибавленіями" къ нему (издавались до 1835 г.), въ которыхъ было напечатано не мало цѣннаго историко-археологическаго, медико-топографическаго, статистическаго и этнографическаго матеріала. Съ 1834 года казанскій университетъ началъ выпускать третье періодическое изданіе свое — „Ученыя Записки", которое непрерывно продолжается съ тѣхъ поръ до нашихъ дней и носитъ уже чисто-ученый колоритъ, безъ всякихъ поползновеній на матеріалъ текущаго общественнаго характера.

Важнымъ стимуломъ духовнаго общенія универси-
тета съ казанскимъ обществомъ служили его публичны
акты и торжественныя собранія, диспуты и, наконец
публичныя лекціи. Начало публичныхъ лекцій в
Казани почти современно основанію университета и пуб-
личныя лекціи первоначально учреждены были указом
отъ 6 августа 1809 г. подъ названіемъ „открытыхъ чтені
для чиновниковъ, службою обязанныхъ", которыя и в
лись до 30-хъ годовъ. Эти чтенія, производившіяся п
правовѣдѣнію, словеснымъ наукамъ и математикѣ, обя-
зательными для служащихъ не были, но желающіе поль-
зовались ими безъ особаго разрѣшенія своихъ начальств
заявивъ о своемъ желаніи слушать ихъ „надзирателю
курсовъ; эти чтенія имѣли своею задачею поднять невы-
сокій у насъ въ ту пору уровень образованности слу-
жащаго чиновничества.

Въ 40-хъ годахъ мы уже встрѣчаемся съ универ-
ситетскими публичными лекціями въ истинномъ смысл
этихъ словъ и починъ этого дѣла принадлежитъ профес-
сору русской исторіи Н. А. Иванову, который еще в
1840 г. съ большимъ успѣхомъ читаетъ публичный курс
русской исторіи, въ началѣ 1844 года предпринимает
серію публичныхъ лекцій „О Петрѣ Великомъ", а в
1845 г. о ближайшихъ преемникахъ Петра,—лекцій, ко-
торыя весьма охотно посѣщались представителями всѣх
слоевъ общества.

«Безъ сомнѣнія не изгладилась еще изъ вашей памяти
пора,—говорилъ проф. Ивановъ въ одной изъ этихъ лекцій,—ког
наука таинственно заключалась въ неподвижномъ, заколдованномъ к
гѣ, внѣ предѣловъ гражданскаго общества... Что же происходило
того? Само собою разумѣется, что такое отчужденіе сопровожда

условіями, невыгодными и для жизни, и для науки. Жизнь общества вяло влачилась по колеѣ, пробитой обыденными нуждами; верховныя требованія духа заглушались тревогами мелочныхъ страстей, суетностью, ничтожными матеріальными удовольствіями... Въ свою очередь, и наука тяжко платилась за разрывъ съ жизнью. Ея пріюты уподобились теплицамъ, въ коихъ, по правдѣ, находились рѣдкія растенія, но они глохли въ душномъ затворничествѣ, неосвѣжаемыя окружающимъ воздухомъ. Познанія копились, какъ мертвый капиталъ; наука пренебрегала жизнью, почитала ее ниже себя.... Не то видимъ мы въ нынѣшнее время: наука не отстаетъ отъ жизни, не смотритъ сомнительно на дѣйствительность.... Да,—продолжалъ лекторъ эту замѣчательную для того времени тираду свою,—наука и жизнь теперь идутъ вмѣстѣ къ одной великой цѣли—совершенству! Скромные подвижники науки не отказываются уже вступать въ ряды общественныхъ дѣятелей. Они убѣдились, что человѣка надо изучать не въ мертвой книгѣ, но—въ жизни, и что только такое изученіе приближаетъ къ верховному назначенію науки: просвѣтить, возвысить, украсить жизнь!».....

Въ началѣ 50-хъ годовъ послѣдовало распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи при казанскомъ университетѣ курсовъ публичныхъ лекцій по реальнымъ наукамъ — „съ цѣлью распространенія техническихъ знаній въ производительномъ классѣ“, чтеніе которыхъ и началось съ 1851 г. по механикѣ, химіи и технологіи, примѣнительно къ существующимъ въ краѣ мануфактурно-заводскимъ производствамъ. Чтенія эти посѣщались весьма охотно и нельзя не пожалѣть, что они въ здѣшнемъ университетѣ прекратились еще въ 60-хъ годахъ, хотя попытки организаціи при университетѣ публичныхъ систематическихъ курсовъ по отдѣльнымъ отраслямъ или группамъ отраслей знаній — отъ времени до времени предпринимались и въ послѣдующее время; особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ от-

[redacted]

ношеніи попытки мѣстныхъ обществъ естествоиспытателей, въ 1871—1872 гг., и физико-математическаго, въ великомъ постѣ 1895 г.

Уже съ самаго основанія своего, казанскій университетъ прибѣгаетъ и къ различнаго рода другимъ средствамъ для того, чтобы внушить мѣстному обществу сознаніе тѣсной связи съ собою, съ цѣлью наглядно показать обществу, что университетъ можетъ оказывать ему услуги, долженъ стать органическимъ элементомъ его жизни. Эта идея постоянно популяризируется въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“, въ актовыхъ рѣчахъ, въ собраніяхъ Общества любителей отечественной словесности.

Стремленіе университета уже на первыхъ порахъ быть полезнымъ обществу доходило до мелочей. Завелись при его физическомъ кабинетѣ (въ 1812 г.) «электрическая и гальваническая, замѣчательныя по своимъ дѣйствіямъ, машины»,—и вотъ университетъ, извѣщая въ своей газетѣ о томъ, что «многіе страждущіе параличемъ, пользуясь оными, получали совершенное исцѣленіе», предупредительно приглашаетъ всѣхъ желающихъ пользоваться ими, заявляя, что каждый страждущій, «явясь къ начальству университета, немедленно получитъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ». И впослѣдствіе, уже въ 40-хъ—50-хъ годахъ, представители казанской науки смотрѣли на прессу, какъ на лучшее средство установить общеніе университета съ городомъ и краемъ. Просматривая мѣстныя «Губернскія Вѣдомости» этой эпохи, носившія въ своей неоффиціальной части вполнѣ журнальный характеръ и во главѣ редактированія которыхъ стояли люди университетской науки (А. И. Артемьевъ, И. Н. Березинъ), мы поражаемся массою здѣсь матеріала, такъ сказать, академическаго характера,—извлеченія изъ отчетовъ университета, хроника университетской жизни, отчеты объ актахъ, собраніяхъ и диспутахъ, описанія университетскихъ кабинетовъ, извѣстія о трудахъ и заграничныхъ поѣздкахъ профессоровъ, некрологи ихъ и т. п. Словомъ—жизнь университета живою струею бьетъ съ сѣрыхъ тетрадокъ губернской газеты того времени.

Весьма распространеннымъ являлось и посѣщеніе публикою университетскихъ кабинетовъ и другихъ учрежденій, въ особенности въ продолженіе пасхальной недѣли, когда масса сѣраго люда переполняла собою университетскіе музеи, вынося изъ стѣнъ ихъ болѣе или менѣе интересныя или общеполезныя свѣдѣнія. Здѣсь темный обыватель видѣлъ коллекціи мѣстныхъ и заморскихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, наглядно знакомился съ этнологіею, разсматривая китайскія и монгольскія одѣянія, обстановку буддійскаго религіознаго культа, оружіе и утварь жителей далекой Океаніи; съ изумленіемъ останавливался передъ египетскою муміею или исполинскимъ черепомъ мамонта; видѣлъ препараты, знакомящіе его съ устройствомъ человѣческаго организма, знакомился съ дѣйствіемъ электрической машины, получалъ понятіе о назначеніи диковиннаго каменнаго зданія съ тремя башнями (астрономическая обсерваторія), которыя постояно виднѣются ему изъ за стѣнъ университетской ограды.... и выходилъ изъ подъ сводовъ университета обогащеннымъ хотя нѣсколькими новыми свѣдѣніями, проникнутымъ чувствомъ невольнаго, хотя бы и инстиктивнаго, уваженія къ мѣстному «храму наукъ». Доступъ въ университетскіе музеи и кабинеты былъ въ то время не только терпимъ, какъ въ наши дни, но университетъ самъ шелъ въ этомъ отношеніи на встрѣчу публикѣ, стараясь завлечь ее въ свои стѣны; въ мѣстныхъ Вѣдомостяхъ публикуется, напримѣръ, во всеобщее свѣдѣніе, что «въ праздничные дни, по окончаніи литургіи, открыты для публики слѣдующіе кабинеты и музеи университета (слѣдуетъ ихъ перечисленіе), къ осмотру которыхъ публика будетъ допускаема въ продолженіе всего года».... Что касается университетской библіотеки, то она была доступна не только для обозрѣнія, но и для чтенія и занятій въ ней, и въ этомъ отношеніи носила вполнѣ публичный характеръ: было назначено четыре дня въ недѣлю, въ которые она широко раскрывала гостепріимныя двери свои для всѣхъ желающихъ.

Очень рано среди представителей казанской университетской науки появились уже люди, которые, не ограничиваясь узкими рамками своей спеціальности, при-

[redacted]

нимали живое участіе въ движеніи современной имъ общественной жизни, тѣмъ самымъ устанавливая тѣсную связь между университетомъ и обществомъ; укажемъ въ этомъ отношеніи на имена Кондырева, Солнцева, Рыбушкина, Симонова, Лобачевскаго, Артемьева, Березина и, въ особенности, Фукса. И за послѣднее тридцатилѣтіе казанскій университетъ давалъ и даетъ обществу полезныхъ дѣятелей на поприщѣ служенія городскимъ и земскимъ интересамъ, народному образованію, общественной медицинѣ, технологіи и въ другихъ сферахъ служенія дѣлу общественной пользы.

Особенно высоко должна цѣниться, съ точки зрѣнія поддержанія связи университета съ обществомъ, память покойнаго профессора, практическаго врача, знатока мѣстной старины и этнографіи и филантропа, Карла Θеод. Фукса (прибылъ въ Казань на кафедру въ 1805 года, † 24 апр. 1846 г.). Домъ проф. Фукса, жена котораго (Александра Андреевна, изъ рода мѣстныхъ дворянъ Апехтиныхъ) весьма усердно занималась литературою, пописывая стихотворенія, повѣсти и т. п. произведенія довольно сомнительнаго, впрочемъ, достоинства, служилъ въ 30-хъ—40-хъ гг. центромъ, вокругъ котораго группировались мѣстныя литературныя силы и всѣ, вообще, люди, желавшіе быть причастными казанской интеллектуальной жизни. Въ первой половинѣ 40-хъ гг. въ домѣ Фуксовъ устраивались регулярные литературные вечера, пользовавшіеся въ свое время большою популярностью и весьма охотно посѣщавшіеся мѣстною интеллигенціею. Имя К. Θ. Фукса пользовалось извѣстностью и далеко за предѣлами Казани, какъ выдающагося врача-практика и глубоко образованнаго и уважаемаго человѣка. Домъ его (нынѣ домъ купца Ерлыкина, на углу Сѣнной площади и Тихвинской ул.), вмѣщавшій въ себѣ обширную библіотеку и цѣнныя коллекціи, считали долгомъ посѣтить всѣ наѣзжавшіе въ Казань ученые, литераторы и др. почетные гости; домъ этотъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ графа М. М. Сперанскаго, великаго А. Гумбольдта,

барона Гакстгаузена, извѣстнаго финолога Кастрена, А. С. Пушкина, путешественника по востоку Лабата, министра госуд. имущ. графа Киселева, киргизскаго хана Джангира и мн. др. лицъ.

Вечера въ домѣ Фуксовъ были вечерами не только «литературными» въ смыслѣ такъ называемый «изящной» словесности, но носили также характеръ и научный,—здѣсь читались рефераты и сообщенія по различнымъ спеціальнымъ отраслямъ знанія. Въ этомъ отношеніи вечера эти могутъ быть названы предтечею будущихъ казанскихъ ученыхъ обществъ.

Не трудно вывести изъ всего сказаннаго выше заключеніе, что имѣлось не мало точекъ соприкосновенія, на которыхъ зиждилась живая связь между университетомъ и обществомъ, а слѣдовательно выполнялась и воспитательная роль его въ дѣлѣ интеллектуальнаго развитія общества. При этомъ казанскій университетъ умѣлъ держаться на той мѣстной почвѣ, которая указывалась ему самымъ положеніемъ его почти на рубежѣ Азіи и Европы, чему не мало способствовало и процвѣтаніе преподаванія въ немъ до половины 50-хъ гг. оріенталистики. „Изъ моего обзора я вывелъ заключеніе,—говорилъ въ 1851 г. министръ народн. просвѣщ. князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, посѣтившій въ этомъ году Казань,—что казанскій университетъ, стоящій на рубежѣ Азіи, съумѣлъ выгодно воспользоваться такою мѣстною особенностью и, извлекая все лучшее изъ новой образованности запада, онъ въ то же время усвоивалъ и разрозненныя сокровища древняго просвѣщенія Востока“......

Какъ это ни представляется страннымъ, но съ конца 50-хъ гг. казанское общество стало замѣтно охлаждаться къ интересамъ мѣстной науки. Служила ли причиною тому масса новыхъ вѣяній и глубоко-

3. Астрономическая обсерваторія.

4. Зоологическій кабинетъ.

5. Кабинетъ физической географіи и магнитно-метеорологическая обсерваторія.

6. Физическій кабинетъ.

7. Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею.

8. Геологическій кабинетъ.

9. Зоотомическій кабинетъ.

10. Физіологическій кабинетъ физико-математическаго факультета.

11. Лабораторія органической химіи.

12. Лабораторія неорганической химіи.

13. Техническій кабинетъ съ лабораторіею.

14. Агрономическій кабинетъ.

15. Географическій кабинетъ.

16. Ботаническій кабинетъ.

17. Ботаническій садъ.

18. Лабораторія медико-химическая.

19. Фармакологическій кабинетъ съ лабораторіею.

20. Фармакогностическій кабинетъ съ фармацевтическою лабораторіею.

21. Аналитическая лабораторія.

22. Физіологическій кабинетъ медицинскаго факультета.

23. Музей физіологической анатоміи (анатомическій театръ).

24. Судебно-медицинскій кабинетъ.

25. Кабинетъ общей патологіи.

26. Гигіеническій кабинетъ.

27. Музей патологической анатоміи.

28. Гистологическій кабинетъ.

29. Кабинетъ хирургической патологіи и терапіи.

30. Факультетская клиника, съ отдѣленіями: а) Терапевтическимъ, б) Хирургическимъ, в) Офталмологическимъ, г) Акушерско-гинекологическимъ, д) Дѣтскимъ, е) Кожныхъ и венерическихъ болѣзней,

[redacted]

ж) Нервныхъ болѣзней.

31. **Госпитальная клиника**, съ отдѣленіями: а) Терапевтическимъ и б) Хирургическимъ.

32. **Психіатрическій кабинетъ.**

33. **Кабинетъ и терапевтическая клиника** (въ военномъ госпиталѣ) при кафедрѣ частной патологіи и терапіи внутренн. болѣзней.

34. **Ларингологическій кабинетъ.**

35. **Кабинетъ врачебной діагностики.**

36. **Кабинетъ оперативной хирургіи.**

37. **Типографія**, съ литографіею и словолитнею.

Большая часть исчисленныхъ нами учебно-вспомогательныхъ учрежденій казанскаго университета носятъ чисто спеціально-научный характеръ. Мы, поэтому, остановимся изъ числа ихъ лишь на тѣхъ, которыя представляютъ или интересъ общій, или же интересъ историческій,—это, именно: библіотека, музей отечествовѣдѣнія, астрономическая обсерваторія, зоологическій музей, физическій кабинетъ, минералогическій кабинетъ, геологическій кабинетъ, анатомическій театръ (музей физіологической анатоміи), клиника (факультетская), ботаническій садъ и типографія.

Библіотека университета раздѣляется на два отдѣленія—главную и студенческую.

Главная библіотека имѣетъ довольно интересную начальную исторію свою. Она образовалась изъ книгъ, пріобрѣтенныхъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ для предполагавшагося къ учрежденію въ г. Екатеринославѣ университета; въ это собраніе вошли: библіотека извѣстнаго духовнаго дѣятеля прошлаго вѣка, архіепископа Евгенія Булгариса, личная библіотека Потемкина и другія книги, пріобрѣтенныя отъ разныхъ лицъ. Когда, за смертью «великолѣпнаго князя Тавриды», вопросъ объ основаніи екатеринославскаго университета былъ оставленъ, тогда пріобрѣтенная для него библіотека, вмѣстѣ

съ другими собраніями, была сдана на храненіе екатеринославскому приказу общественнаго призрѣнія, подвергаясь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ самому безпощадному расхищенію, пока, въ 1798 г., по Высочайше утвержденному Императоромъ Павломъ Петровичемъ представленію военнаго губернатора де-Ласси, не была отдана возобновленной въ этомъ году казанской гимназіи. Въ началѣ слѣдующаго года библіотека эта была доставлена въ Казань на 18-ти подводахъ, а съ основаніемъ казанскаго университета передана этому послѣднему. Другую составною частью первоначальной библіотеки казанскаго университета послужила библіотека мѣстнаго массона конца прошедшаго вѣка, Вас. Ипат. Полянскаго, собравшаго ее во время путешествій своихъ заграницею и въ 1798 г. пожертвовавшаго ее казанской гимназіи, отъ которой она и перешла вновь основанному университету *). По открытіи университета, профессору Сторлю поручено было разобрать библіотеку, выдѣливъ изъ нея книги для библіотекъ университетской и гимназической и составивъ имъ каталоги; по каталогу, составленному Сторлемъ къ 1807 году, университетская библіотека заключалась въ то время всего изъ 1737 названій въ 4022 переплетахъ, на сумму 13328 р. 57¼ коп. Продолжая съ тѣхъ поръ ежегодно пополняться, библіотека въ 1894 г. обогатилась весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, въ видѣ библіотеки бывш. проф. казанскаго университета Н. Н. Булича, принесенной покойнымъ маститымъ ученымъ въ даръ родному университету, въ которомъ онъ воспитывался и въ стѣнахъ котораго протекла вся его ученая и преподавательская дѣятельность; превосходно комплектованное (русская словесность, исторія, искусства и др. отдѣлы) и систематизированное собраніе книгъ Н. Н. Булича, заключающее въ себѣ свыше 3 тыс. названій, образовало особое «буличевское» отдѣленіе университетской библіотеки, украшенное портретомъ жертвователя.

Университетская библіотека помѣщается внутри обширнаго двора главнаго университетскаго корпуса, меж-

---

*) Въ университетскомъ музеѣ отечествовѣдѣнія имѣется живописный портретъ Полянскаго.

ду астрономическою обсерваторіею и анатомическимъ театромъ. Только въ 1894 году старое зданіе библіотеки, относящееся своею постройкою къ эпохѣ строительной дѣятельности попечителя Мусина-Пушкина и ректора Лобачевскаго и заключающее въ себѣ обширную двухсвѣтную готическую залу весьма оригинальнаго стиля (предназначена въ настоящее время подъ читальный залъ), расширено законченною въ этомъ году отстройкою новаго библіотечнаго корпуса, примыкающаго къ старому зданію и сооруженнаго съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ техническихъ требованій. Въ настоящее время библіотека университета представляетъ собою слѣдующее количество книгъ: главная библіотека—свыше 61 тыс. названій и ок. 150 тыс. томовъ, на сумму до 440 тыс. рублей; студенческая библіотека—до 7 тыс. названій и ок. 18 тыс. томовъ, на сумму свыше 45 тыс. рублей. Въ 1855 г., съ переводомъ въ С. Петербургскій университетъ восточнаго факультета,—этой, когда то, красы и славы казанскаго университета,—библіотека послѣдняго лишилась богатаго собранія восточныхъ книгъ и рукописей.

Въ числѣ достопримѣчательностей современной библіотеки казанскаго университета можно отмѣтить: собраніе рукописей XVII—XVIII вв. (описаны бывш. библіотекаремъ, извѣстнымъ археологомъ, Артемьевымъ); Апостольскія Дѣянія изданія 1564 г.,—первая напечатанная въ Москвѣ книга; весьма древнее Пятикнижіе Моисея, писанное на еврейскомъ языкѣ, на 50-ти кожахъ, складывающихся въ особый цилиндрическій футляръ; ариѳметику на французскомъ языкѣ, собственноручно списанную знаменитымъ Суворовымъ, различные автографы и

т. п. предметы. Здѣсь же сохраняются столъ, кресло и
письменный приборъ поэта Г. Р. Державина.

Музей отечествовѣдѣнія, называвшійся прежде „му-
зеемъ рѣдкостей“ (помѣщается въ антресоляхъ запад-
ной половины главнаго университетскаго корпуса, над
аудиторіями), образовался первоначально изъ предметовъ
поступавшихъ сюда чисто случайнымъ путемъ, но уже
весьма рано его собранія начали принимать преимуще-
ственно этнографическій характеръ. Важнѣйшее прира-
щеніе,—что бы не сказать основаніе,—получилъ этотъ
музей въ 1823 г., по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго
плаванія профессора казанскаго университета Ив. Мих.
Симонова, совершившаго его въ качествѣ астронома-наб-
людателя на шлюпѣ „Востокъ“, въ экспедиціи адмирала
Беллингаузена. Во время плаванія своего Симоновъ со-
бралъ значительную коллекцію принадлежностей быта
туземцевъ Сѣверной Америки и островов̃ъ Океаніи, по-
ступившую затѣмъ въ университетскій „кабинетъ рѣдко-
стей“, въ которомъ онѣ сохраняются и по настояще
время.

Одинъ изъ предметовъ этой коллекціи,—начальническій зна-
чокъ съ одного изъ новооткрытыхъ островов̃ъ Тихаго океана,—дал
даже попечителю Магницкому оружіе въ руки для обличенія учені
естественнаго права; передъ тѣмъ профессоръ этой науки, Солнцевъ
былъ какъ разъ преданъ суду за яко бы «зловредное» направлені
своихъ чтеній: «Казанскій университетъ,—писалъ Магницкій министру
—воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значок
сей, составляющій родъ знамени, который отличаетъ начальника жи-
телей дикаго острова, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естествен-
наго права о равенствѣ и значеніи человѣка, доказалъ, что даж
открытые передъ глазами нашими дикіе, совсѣмъ иначе мыслятъ

[redacted]

присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному самодержавію».

Кромѣ этого «начальническаго значка», другимъ воспоминаніемъ объ эпохѣ попечительства Магницкаго служитъ хранящаяся въ томъ же музеѣ деревянная доска, висѣвшая въ ту пору надъ каѳедрою философіи и на которой значится слѣдующая надпись: «Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Колосс. II, 8)».

Въ началѣ 30-хъ годовъ кабинетъ обогатился собраніемъ китайско-монгольскихъ этнографическихъ предметовъ (китайскія, манджурскія и монгольскія одѣянія, принадлежности буддійскаго богослуженія, тибетская аптечка, изображенія буддійскихъ божествъ, китайскій дамскій туалетъ и мн. др. вещи), пріобрѣтенныхъ отъ профессора О. М. Ковалевскаго, въ теченіи четырехъ лѣтъ находившагося въ ученой командировкѣ по Китаю и Забайкалью; не мало посодѣйствовалъ пополненію этой коллекціи и нашъ извѣстный синологъ, бывш. профессоръ казанскаго университета (впослѣдствіе петербургскаго и академикъ) В. П. Васильевъ, а также архим. Даніилъ, членъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ.

Третій первоначальный отдѣлъ музея,—собраніе египетскихъ древностей (имѣются, между прочимъ, мумія ребенка и отдѣльныя части мумій),—образовался путемъ покупокъ, сдѣланныхъ у русскаго драгомана въ Египтѣ Мухина и, отчасти, у проф. Вагнера. Въ тоже, приблизительно, время отъ г. Зарембо пріобрѣтено собраніе одѣяній и принадлежностей быта американскихъ племенъ. Съ легкой руки бывш. профессора казанскаго (впосл. московскаго) университета Ешевскаго, при музеѣ поло-

жено начало коллекціи этнографическихъ предметовъ мѣстнаго края, которая не перестаетъ пополняться и по настоящее время. Въ музеѣ обращаетъ на себя вниманіе и замѣчательное собраніе гравюръ, отчасти пожертвованныхъ покойнымъ почетн. членомъ университета Г. И. Мѣшковымъ, а отчасти и пріобрѣтенныхъ отъ него. Любопытны: коллекція снимковъ съ камей (рѣзныхъ камней), принадлежавшая когда то знаменитому Потемкину, минцъ-кабинетъ музея и др. собранія его.

При музеѣ имѣется, соотвѣтствующая его назначенію, прекрасная спеціальная библіотека и такая же читальня для студентовъ историко-филологическаго факультета. Коллекціи музея простираются до 1200 нумеровъ, на сумму свыше 6 тыс. рублей, не считая библіотеки, съ которою цѣнность музея превышаетъ сумму 30 тыс. рублей.

Астрономическая обсерваторія Казанскаго университета началомъ своимъ тѣсно связана съ славнымъ именемъ перваго профессора астрономіи въ этомъ университетѣ, нѣмецкаго ученаго I. I. Литтрова, прибывшаго въ Казань на кафедру въ 1810 г. а впослѣдствіе, по оставленіи имъ (въ 1816 г.) русской службы, составившаго себѣ извѣстность въ качествѣ директора и устроителя вѣнской обсерваторіи; впрочемъ, покидая Казань, Литтровъ оставилъ себѣ здѣсь достойнаго преемника по кафедрѣ въ лицѣ своего ученика И. М. Симонова. Въ 1814 г., путемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ усилій, Литтрову удалось устроить небольшую обсерваторію изъ каменной бесѣдки, находившейся въ университетскомъ ботаническомъ саду (почти на мѣстѣ нынѣшняго зданія обсерваторіи); все нехитрое приспособленіе этой

[redacted]

íесѣдки подъ обсерваторію, съ надстройкою къ ней деревяннаго верха, обошлось всего около 1350 рублей. Не богата была эта первоначальная обсерваторія и инструментами, пріобрѣтавшимися для нея исподоволь и не безъ большихъ въ этомъ отношеніи затрудненій; тѣмъ не менѣе начало астрономическимъ наблюденіямъ было положено и возможнымъ сдѣлалось преподаваніе практической астрономіи.

Преемникъ и ученикъ Литтрова, И. М. Симоновъ, возвратившись въ началѣ 20-хъ годовъ изъ своего кругосвѣтнаго плаванія, сталъ хлопотать о сооруженіи въ Казани уже большой астрономической обсерваторіи, которая была бы снабжена и усовершенствованными инструментами. Долго тянулось дѣло объ ея постройкѣ и только въ 1838 году было закончено сооруженіемъ нынѣшнее обширное зданіе обсерваторіи, для котораго тогда же, въ числѣ другихъ инструментовъ, былъ пріобрѣтенъ и большой 9-ти дюймовый рефракторъ, въ свое время считавшійся однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ, но для нашихъ дней значительно, конечно, уже устарѣвшій и въ техническомъ отношеніи и, въ особенности, въ своихъ оптическихъ достоинствахъ. Этотъ рефракторъ занимаетъ центральную башню обсерваторіи; восточная башня вмѣщаетъ въ себѣ всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленный въ ней геліометръ, западная—занята меридіональнымъ кругомъ.

При астрономической обсерваторіи казанскаго университета производятся регулярныя наблюденія и издаются „Труды“, ставящіе ея въ ряду лучшихъ и дѣятельныхъ учрежденій этого рода. Доступъ въ обсерваторію весьма любезно предоставляется интересующимся ея

директоромъ, профессоромъ Д. И. Дубяго, жительствующимъ въ самомъ зданіи обсерваторіи.

Зоологическій музей университета занимаетъ собою амфиладу залъ бель-этажа восточной половины главнаго университетскаго корпуса (вправо отъ входа въ церковь).

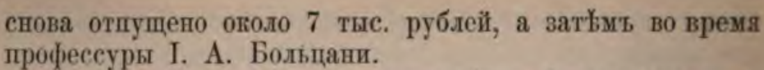
Подобно университетской библіотекѣ, зоологическій музей университета связанъ съ памятью о князѣ Г. А. Потемкинѣ-Таврическомъ и съ его мечтаніями объ основаніи на югѣ Россіи университета. Въ числѣ коллекцій, пріобрѣтенныхъ княземъ для будущаго екатеринославскаго университета, числились и 136 банокъ съ различными спиртовыми зоологическими препаратами; вмѣстѣ съ другими потемкинскими собраніями, эта коллекція передана была въ 1798 г. казанской гимназіи, а затѣмъ — казанскому университету. Первоначально этими препаратами зоологическій музей университета и ограничивался, но затѣмъ онъ сталъ пополняться и другими собраніями. Такъ, въ 1816 г. университетъ купилъ для музея у отъѣзжавшаго заграницу, на родину, профессора Броннера 592 экземпляра раковинъ, а въ 1825 году профессоромъ Эйхвальдомъ доставлены были 97 экземпляровъ земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ и червей, собранныхъ имъ во время путешествія по Каспійскому побережью; затѣмъ болѣе или менѣе обильные вклады дали музею научныя поѣздки профессоровъ Эверсмана (въ Среднюю Азію, Кавказъ и нижнее Поволжье), Бунге, Клауса, Вагнера и др., а съ 30-хъ гг. музей завелъ сношенія съ заграничными коммиссіонерами, черезъ посредство которыхъ сталъ дѣятельно пополнять свои коллекціи, въ особенности во время завѣдыванія музеемъ проф. Эверсмана. За послѣднее двадцатипятилѣтіе собранія зоологическаго музея значительно обогатились, благодаря научнымъ экскурсіямъ профессоровъ университета и др. лицъ, снаряжавшимся университетомъ и мѣстнымъ Обществомъ Естествоиспытателей, а также и путемъ пожертвованій; такъ, въ музей поступили животныя, экспонированныя на казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 года, а въ 1893 г. мѣстнымъ потом. почетн. гражданиномъ П. В. Ще-

тинкинымъ принесены ему въ даръ прекрасныя чучела льва, львицы и бѣлаго медвѣдя, и т. п.

Въ зоологическомъ музеѣ университета особенно выдаются богатыя коллекціи рыбъ и птицъ восточной Россіи, могущія соперничать съ лучшими собраніями этого рода; хороши, равнымъ образомъ, и его собранія насѣкомыхъ и земноводныхъ. Всего въ музеѣ въ настоящее время числится до $4^1/_2$ тыс. нумеровъ набитыхъ, сухихъ и спиртовыхъ препаратовъ.

Приведенный въ послѣдніе годы, благодаря стараніямъ завѣдывающаго имъ професс. Н. М. Мельникова, въ состояніе полнаго благоустройства, зоологическій музей доступенъ для обзора его публикою по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, по окончаніи въ университетской церкви обѣдни.

Физическій кабинетъ университета, помѣщающійся въ бель-этажѣ внутренняго восточнаго корпуса его, между анатомическимъ театромъ и новымъ университетскимъ зданіемъ, начало свое получилъ еще при попечителѣ Румовскомъ, но въ первое время своего существованія былъ очень бѣденъ и только въ 1823 году нѣсколько пополнился, благодаря отпуску на его монтировку 4573 р., на которыя и пріобрѣтены необходимѣйшіе инструменты. Въ 1831 году при университетѣ открыто собственное механическое заведеніе, для завѣдыванія которымъ выписанъ изъ Мюнхена механикъ Пей и которое не мало способствовало расширенію физическаго кабинета; но настоящей полноты сталъ достигать кабинетъ лишь съ 1833 г., въ бытность профессоромъ физики Э. К. Кнорра, когда на пополненіе его было



снова отпущено около 7 тыс. рублей, а затѣмъ во время профессуры I. А. Больцани.

Въ настоящее время физическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ болѣе 1 тыс. нумеровъ инструментовъ и приборовъ, на сумму до 35 тыс. р., не считая имущества механическаго заведенія, оцѣниваемого свыше 6 тыс. рублей.

Минералогическій кабинетъ, помѣщающійся въ восточной половинѣ главнаго университетскаго корпуса, по одному корридору съ зоологическимъ музеемъ, получилъ свое начало уже въ первые годы существованія казанскаго университета, благодаря пожертвованіямъ подвѣдомственныхъ ему сибирскихъ учебныхъ заведеній и различныхъ частныхъ лицъ, а затѣмъ быстро пополнился пріобрѣтеніемъ отъ професс. Броннера 1 тыс. штуфовъ (въ 1816 г.) и покупкою для него въ 1821 г. попечителемъ Магницкимъ въ Петербургѣ, у нѣкой г-жи Свистуновой, 6094 штуфовъ. Особенно обогатился кабинетъ въ бытность завѣдующимъ имъ П. И. Вагнера,—перваго (съ 1839 г.) профессора минералогіи въ Казани.

Въ настоящее время въ университетскомъ минералогическомъ музеѣ числится до 7 тыс. минераловъ, въ штуфахъ и кристаллахъ, до 2300 кристаллографическихъ моделей и ок. 500 экземпляровъ моделей драгоцѣнныхъ камней; стоимость всего имущества кабинета (съ лабораторіею при немъ) достигаетъ суммы $26^{1}/_{2}$ тыс. рублей.

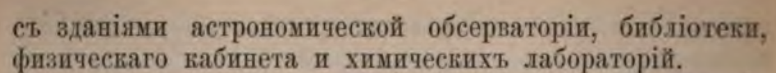
Изъ собраній музея особенно выдѣляются: интересная коллекція уральскихъ минераловъ, съ превосходными экземплярами топазовъ и берилловъ и съ рѣдкимъ по достоинствамъ кристалломъ шпинели; небольшая, но тщательно подобранная, коллекція алтайскихъ минераловъ;

[redacted]

общая минералогическая коллекція и учебное собраніе минераловъ, заключающее въ себѣ важнѣйшіе типы минеральнаго царства. Въ 1844 г. Императоромъ Николаемъ Павловичемъ пожалованы въ даръ кабинету, изъ музея Горнаго института, самородокъ золота, вѣсомъ въ 7 фунт. 44 золотн., и самородокъ платины, вѣсомъ въ 1 ф. 28 зол. Вслѣдствіе цѣнности ихъ, оба слитка сохраняются не въ кабинетѣ, но въ университетскомъ казначействѣ.

Геологическій кабинетъ, съ лабораторіею при немъ, помѣщающійся рядомъ съ актовымъ заломъ, въ западной половинѣ главнаго университетскаго корпуса, выдѣлился, собственно, изъ минералогическаго музея университета, но уже и теперь, по разнообразію и интересу своихъ коллекцій, способенъ удовлетворить научнымъ требованіямъ даже строгаго спеціалиста. Особенно цѣнны въ немъ коллекціи, характеризующія собою геолого-палеонтологическое прошлое восточной Россіи и не перестающія пополняться экскурсіями какъ самого директора кабинета, професс. А. А. Штукенберга, такъ и членовъ состоящаго подъ его президентствомъ казанскаго общества естествоиспытателей. Въ настоящее время геологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ свыше 16 тыс. горныхъ породъ и окаменѣлостей, а общая стоимость его имущества превосходитъ цифру 20 тыс. рублей.

Анатомическій театръ университета, съ музеемъ физіологической анатоміи при немъ, помѣщается въ куполообразномъ зданіи, расположенномъ въ глубинѣ университетскаго двора, противъ главнаго корпуса, и законченномъ постройкою въ 1837 г., одновременно



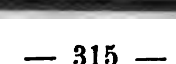
съ зданіями астрономической обсерваторіи, библіотеки, физическаго кабинета и химическихъ лабораторій.

Довольно продолжительное время послѣ основанія университета анатомическій театръ его находился въ самомъ первобытномъ и неудовлетворительномъ состояніи.

«Ничего не можетъ быть постыднѣе для публичнаго ученаго заведенія,—писалъ Магницкій въ своемъ донесеніи о ревизіи 1819 г., —какъ то, что при казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами и небольшой шкафъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ остововъ человѣческихъ тѣлъ, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь —размачиваются, уже три года, въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего за-городомъ».....

Лучшая пора настала для анатомическаго театра съ 1827 года, когда дозволено было препровождать въ него трупы преступниковъ, самоубійцъ и скоропостижно умершихъ. Въ 1847 году сданы были сюда же трупы казненныхъ извѣстныхъ разбойниковъ Быкова и Чайкина, скелеты которыхъ и донынѣ хранятся здѣсь. Въ настоящее время музей физіологической анатоміи заключаетъ въ себѣ 2 тыс. препаратовъ, не считая остальнаго имущества, общая стоимость котораго оцѣнивается ок. 12 тыс. рублей.

Факультетская клиника казанскаго университета, помѣщающаяся противъ главнаго университетскаго корпуса, черезъ Воскресенскую улицу, открыта въ настоящемъ зданіи своемъ лишь въ 1840 году. Нынѣшній обширный



клиническій корпусъ возникъ по волѣ Императора Николая I, который, осматривая, въ бытность свою въ 1836 г. въ Казани, университетъ, обратилъ вниманіе на тѣсноту клиническихъ помѣщеній и повелѣлъ отпустить 200 тыс. рублей на сооруженіе новаго, нынѣ существующаго, зданія клиникъ.

Вопросомъ объ учрежденіи въ Казани клиники, какъ необходимаго учебно-вспомогательнаго пособія для преподаванія медицины, былъ усиленно озабоченъ еще д-ръ I. Ф. Эрдманъ, прибывшій въ Казань въ 1810 г. для занятія кафедры патологіи, терапіи и клиники. Уже въ слѣдующемъ 1811 г. онъ представилъ свой проектъ учрежденія при университетѣ небольшой клиники на 24 кровати и съ раздѣленіемъ ея на 3 отдѣленія, но только въ началѣ 1816 г. устроена была имъ небольшая клиника сначала на 4, а затѣмъ на 8 кроватей, скромно пріютившаяся въ верхнемъ этажѣ университетскаго типографскаго дома (бывш. зданіе гимназическаго манежа), находившагося на нынѣшнемъ же клиническомъ дворѣ. Только въ 1827 г. было приступлено къ построенію новаго клиническаго зданія уже на 60 кроватей, которое въ слѣдующемъ году и достроено, но клиника оставалась здѣсь всего 12 лѣтъ, будучи въ 1840 г. открыта въ нынѣшнемъ зданіи своемъ, сооруженномъ на средства, дарованныя Императоромъ Николаемъ I. Въ сороковыхъ годахъ освящена была при клиникѣ и понынѣ существующая небольшая церковь во имя Скорбящей Божіей Матери.

Въ настоящее время факультетская клиника университета заключаетъ въ себѣ слѣдующія отдѣленія: терапевтическое (на 25 кроватей, сверхъ которыхъ бываетъ въ немъ до 3 тыс. амбулаторныхъ, т. е. приходящихъ, больныхъ), хирургическое (15 кров. и до 2 тыс. амбулат.), офталмологическое, т. е. глазное (до $4^1/_2$ тыс. больныхъ, въ томъ числѣ около 130 стаціонарныхъ), акушерско-гинекологическое (25

Клиника.

кров. и до 1200 амбулат.), дѣтское (3 кров. и до 950 амбулат.), кожныхъ и венерическихъ болѣзней (8 кров. и до $1^1/_2$ тыс. амбулат.), нервныхъ болѣзней (5 кров. и до 1 тыс. амбулат.). Значительный клиническій матеріалъ даютъ также университету его клиники госпитальныя (при земской больницѣ, Александровской больницѣ и военномъ госпиталѣ). При клиникѣ, во дворѣ ея, устроена часовня для патолого-анатомическихъ вскрытій и дезинфекціонная камера.

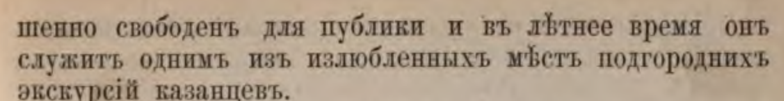
Развивающіяся требованія науки и преподаванія сдѣлали для настоящаго времени громадное четырехэтажное зданіе клиники казанскаго университета не только тѣснымъ, но и во многомъ не отвѣчающимъ современнымъ условіямъ, предъявляемымъ къ благоустроеннымъ учрежденіямъ этого рода. Въ послѣдніе годы возбужденъ вопросъ, рѣшеніе котораго замедляется лишь финансовою стороною дѣла, о построеніи новыхъ университетскихъ клиникъ на мѣстѣ, уже уступленномъ городомъ для этой научной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общеполезной цѣли (на Арскомъ Полѣ, въ концѣ Ново-Горшечной ул.).

Ботаническій садъ университета расположенъ на лѣвомъ (отъ города) берегу пролива, соединяющаго озера Ближній и Дальній Кабаны, въ районѣ пригородной Архангельской слободы, почему и попасть въ садъ можно двоякимъ путемъ: сухопутно—черезъ Суконную слободу, и водою—на одномъ изъ пароходиковъ, рейсирующихъ по Кабанамъ; и тѣмъ и другимъ путемъ переѣздъ займетъ не болѣе получаса времени.

Первоначальнымъ основаніемъ своимъ университетскій ботаническій садъ обязанъ извѣстному мѣстному врачу-натуралисту, професс. К. Ѳ. Фуксу, устроившему его въ университетскомъ саду, остатки ко-

тораго до сихъ поръ сохранились за нынѣшнимъ зданіемъ астраном. обсерваторіи. Три небольшія теплички, да нѣсколько грядъ для грунтовыхъ растеній—вотъ все, чѣмъ располагалъ этотъ примитивный ботаническій садикъ, имѣвшій въ 1831 г. не свыше 429 растеній. Въ видахъ устройства болѣе обширнаго сада, въ 1829 г. куплено было на берегу озера Кабана мѣсто купца Булычева, пространствомъ въ $6^1/_2$ тыс. квадр. саженъ, представлявшее изъ себя поросшій кустарникомъ пустырь. Профессоръ ботаники того времени, А. Бунге, дѣятельно принялся за устройство здѣсь сада: подъ его личнымъ руководствомъ насаждались здѣсь куртины, устраивались гряды, питомники и цвѣтники, копались бассейны, возводились защищающія садъ со стороны озера насыпи, а въ 1834 г. заложена каменная оранжерея на 5 отдѣленій, оконченная въ слѣдующемъ году и стоившая до 12 тыс. рублей. Въ тотъ же 1834 г. садъ получилъ и оффиціальное открытіе. Въ 1839 году садъ былъ расширенъ прикупкою къ нему смежнаго мѣста купца Рыбникова и такимъ путемъ образовался нынѣшній ботаническій садъ университета, уже къ 1841 г. заключавшій въ себѣ до 4 тыс. видовъ живыхъ представителей растительнаго царства, съ коллекціею экзотическихъ растеній, и гербаріи. Послѣ профес. Бунге, особенно много сдѣлано было для начальнаго устройства сада професс. ботаники И. Я. Корнухъ-Троцкимъ.

Въ настоящее время университетскій ботаническій садъ, въ которомъ производятся интересные опыты акклиматизаціи и скрещиванія различныхъ растеній, заключаетъ въ себѣ 5273 нумера оранжерейныхъ растеній, среди которыхъ имѣются хорошіе представители тропической флоры, свыше 300 нумеровъ фруктовыхъ деревьевъ и до 1700 нумеровъ кустарниковъ и травъ. При садѣ допускается продажа растеній, которыхъ ежегодно продается на 600—700 рублей. Любопытна въ саду, выращенная въ немъ же, аллея тѣнистыхъ и плодоносящихъ сибирскихъ кедровъ. Доступъ въ садъ и оранжереи его совер-



шенно свободенъ для публики и въ лѣтнее время онъ служитъ однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ подгородныхъ экскурсій казанцевъ.

Типографія представляетъ собою одно изъ начальныхъ учрежденій казанскаго университета и существованіе ея предусмотрѣно уже однимъ изъ параграфовъ утвердительной грамоты его, гласящимъ, что въ этой типографіи имѣется „печататься все, что, по мнѣнію совѣта, служитъ къ распространенію знаній въ его округѣ“.

Въ 1808 г., слѣдовательно черезъ три года по открытіи университета, получены были изъ Петербурга всѣ необходимыя типографскія принадлежности и типографія начала функціонировать, первое время помѣщаясь въ зданіи, предполагавшемся прежде подъ гимназическій манежъ (на нынѣшнемъ клиническомъ дворѣ), гдѣ она занимала нижній этажъ, а клиника—верхній; въ 1833 г. въ этомъ нижнемъ этажѣ помѣщался, совмѣстно съ типографіею, и университетскій повивальный институтъ. Въ 1827 г. къ университетской типографіи была присоединена и «азіатская типографія», еще въ 1802 г. учрежденная при казанской гимназіи для печатанія, въ интересахъ мусульманъ, корана и другихъ магометанскихъ духовно-религіозныхъ книгъ. Только въ первой половинѣ 40-хъ годовъ университетская типографія пріобрѣла себѣ собственное зданіе, покупкою подъ нее университетомъ въ 1843 году дома на Черноозерской улицѣ, противъ Баннаго Озера, въ томъ же кварталѣ, въ которомъ помѣщается и Императорская первая гимназія; съ тѣхъ поръ университетская типографія помѣщается здѣсь и донынѣ.

Типографія Казанскаго университета, прекрасно поставленная и, несомнѣнно, самая сильная на всемъ русскомъ востокѣ, въ настоящее время содержится на собственныя средства, безъ всякаго пособія со стороны казны. Годовой оборотъ ея достигаетъ цифры 35—40 тыс.

рублей. Мусульманскія изданія типографіи (коранъ и др. книги) находятъ себѣ обширный сбытъ на азіятскомъ востокѣ, достигая даже Остъ-Индіи.

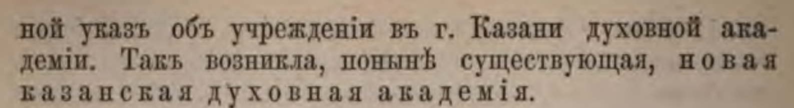
Мы довольно долго остановились на Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, за что читатели на насъ, конечно, не посѣтуютъ въ виду того высокаго значенія, которое представляетъ это учрежденіе не только для города Казани, но и для всего Волжско-Камскаго края. Какія превратности не постигли бы Казань, насколько значительнымъ не явилось бы въ будущемъ ея, уже теперь предсказываемое, экономическое паденіе, городъ этотъ всегда останется, пока будетъ существовать въ немъ университетъ, умственнымъ центромъ всего русскаго европейскаго востока.

б) Казанская Духовная Академія.

Вопросъ о необходимости учрежденія въ г. Казани высшаго духовно-учебнаго заведенія былъ возбужденъ еще въ концѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что Казань уже въ то время получила значеніе центра религіозно-нравственнаго просвѣщенія для всего обширнаго востока Россіи, а основанная въ ней еще въ 1733 г. духовная семинарія получила настолько значительное развитіе, что ее приравнивали къ кіевской и московской академіямъ; къ тому же, на практикѣ сказалось неудобство управленія изъ далекой, по условіямъ сообщеній того времени, Москвы духовно-учебными заведеніями восточной Россіи. Въ видахъ всего этого, казанская духовная семинарія была

въ 1797 году (указомъ отъ 18 декабря) переименована въ академію и этимъ простымъ переименованіемъ дѣло, въ сущности, почти и ограничилось. Таково было происхожденіе такъ называемой старой казанской духовной академіи, просуществовавшей до 1818 года. Совершившееся въ царствованіе Императора Александра I (въ 1808 и 1814 гг.) преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, по плану котораго въ Россіи предполагалось сохранить всѣ существовавшія въ то время четыре духовныя академіи, въ томъ числѣ и казанскую, Казани, однако, не коснулось. Безъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и безъ достаточныхъ силъ преподавательскихъ, эта старая академія проволачила свое болѣе нежели скромное существованіе до 1818 года, когда была снова переименована въ семинарію, съ передачею управленія казанскимъ духовно-учебнымъ округомъ правленію Московской академіи.

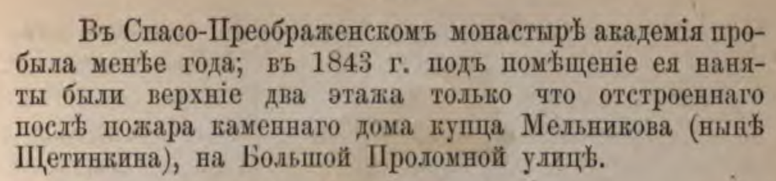
Между тѣмъ, отдаленность Казани отъ другихъ центровъ духовно-религіознаго просвѣщенія, а въ особенности важное значеніе этого города въ миссіонерскомъ отношеніи, къ концу 30-хъ годовъ снова выдвинули вопросъ о необходимости учрежденія здѣсь высшаго духовнаго учебнаго заведенія, которое могло бы сдѣлаться центромъ духовнаго просвѣщенія и приготовленія миссіонеровъ для всего восточнаго края и Сибири. Особенно горячо взялся за осуществленіе этой идеи тогдашній оберъ-прокуроръ Свят. Синода графъ Протасовъ, и 25 мая 1842 г. состоялось синодское предположеніе объ учрежденіи въ Казани духовной академіи на 60 воспитанниковъ, которое и удостоилось Высочайшаго утвержденія, а 30 іюня 1842 г. воспослѣдовалъ и Высочайшій имен-



ной указъ объ учрежденіи въ г. Казани духовной академіи. Такъ возникла, понынѣ существующая, *новая казанская духовная академія*.

По сношенію графа Протасова съ казанскимъ архіепископомъ Владиміромъ и съ военнымъ губернаторомъ Шиповымъ, немедленно же приступлено было къ избранію мѣста для сооруженія зданія академіи, которое и было выбрано на Арскомъ Полѣ, ва военнымъ госпиталемъ и противъ урочища, извѣстнаго подъ названіемъ «Русской Швейцаріи». Составленъ былъ строительный комитетъ, объявлены торги на поставку матеріаловъ и на производство работъ, и 8 мая 1845 года состоялась торжественная закладка нынѣшняго зданія академіи. Первоначальное зданіе строилось въ размѣрахъ, почти вдвое меньшихъ нынѣшнихъ размѣровъ его; зданіе академіи было значительно расширено пристройками уже въ послѣдніе годы.

Казанскую духовную академію, первымъ ректоромъ которой былъ назначенъ бывшій ректоръ харьковской семинаріи, архимандритъ Іоаннъ, рѣшено было открыть, не дожидаясь окончанія постройки проектированнаго для нея собственнаго зданія на Арскомъ Полѣ, и на первое время новое учебное заведеніе пріютилось въ помѣщеніяхъ Спасо-Преображенскаго монастыря, въ стѣнахъ котораго 8 ноября 1842 года и состоялось торжественное открытіе академіи,—день, который и понынѣ является днемъ ежегоднаго торжественнаго академическаго акта. Въ комплектъ студентовъ академіи въ первый годъ существованія ея зачислено было 33 воспитанника, въ числѣ которыхъ находились покойный директоръ мѣстной учительской семинаріи, извѣстный миссіонеръ Н. И. Ильминскій, и протоіерей А. П. Владимірскій (профессоръ богословія въ казанскомъ университетѣ, а затѣмъ ректоръ академіи)—студенты перваго выпуска 1846 года.



Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ академія пробыла менѣе года; въ 1843 г. подъ помѣщеніе ея наняты были верхніе два этажа только что отстроеннаго послѣ пожара каменнаго дома купца Мельникова (нынѣ Щетинкина), на Большой Проломной улицѣ.

Это то самое помѣщеніе, часть котораго послѣдовательно занималась, впослѣдствіе, клубами: военнымъ, соединеннымъ и, наконецъ, купеческимъ. Въ слѣдующемъ же году совершено было въ этомъ временномъ помѣщеніи академіи освященіе церкви во имя св. архистратига Михаила. Признаки бывшей здѣсь когда то церкви до сихъ поръ замѣтны въ большомъ двухсвѣтномъ залѣ этого помѣщенія: большая арка и двѣ меньшихъ, боковыхъ, соединяющія залъ съ первою гостинною—соотвѣтствуютъ царскимъ и двумъ другимъ вратамъ алтаря, который находился именно въ этой гостинной.

Зданіе духовной академіи, заложенное на Арскомъ Полѣ, строилось и отдѣлывалось въ теченіи трехъ лѣтъ и только лѣтомъ 1848 года казанская духовная академія переведена въ новое, собственное, помѣщеніе, въ которомъ 8 ноября этого года уже праздновала обычный годичный актъ свой.

Основаніе казанской духовной академіи дало весьма важный импульсъ дѣлу духовно-религіознаго просвѣщенія края, въ особенности же съ 1854 г., когда, по мысли покойнаго Н. И. Ильминскаго и при содѣйствіи архіеп. Григорія, при академіи были открыты 3 миссіонерскихъ отдѣленія: противомусульманское, противобуддійское и противораскольничье, изъ которыхъ два первые составляютъ ея исключительную, въ сравненіи съ другими академіями, особенность.

Выдающуюся достопримѣчательность казанской духовной академіи представляетъ собою библіотека Со-

ловецкаго монастыря, сданная ей на храненіе во время восточной компаніи 1855 г., когда Соловецкой обители угрожала вошедшая въ Бѣлое море англійская эскадра; съ тѣхъ поръ драгоцѣнная библіотека эта, заключающая въ себѣ множество важныхъ въ научномъ отношеніи рукописей, такъ и осталась при академіи, послуживъ членамъ ея матеріаломъ для цѣлаго ряда цѣнныхъ ученыхъ трудовъ и монографій, не говоря уже о предпринятомъ академіею научномъ описаніи сокровищъ этой библіотеки. Заслуживаетъ вниманія и фундаментальная библіотека академіи, отличающаяся своею полнотою и, въ особенности, образцовымъ устройствомъ и порядкомъ. Съ 1855 г. казанская академія издаетъ и свой собственный ученый журналъ—„Православный Собесѣдникъ", за долголѣтнее существованіе своего давшій не мало матеріаловъ и изслѣдованій по богословскимъ, историческимъ и словеснымъ наукамъ.

Въ 1892 г. академія праздновала 50-тилѣтіе своего существованія; къ этому торжеству профессоромъ ея П. В. Знаменскимъ была изготовлена обширная и обстоятельная исторія этого учебнаго заведенія.

в) Ветеринарный Институтъ.

Основанный въ 1874 году, ветеринарный институтъ является третьимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ г. Казани. Не смотря на кратковременность своего существованія, институтъ уже успѣлъ зарекомендовать себя весьма важными работами, произведенными имъ по части бактеріологіи, успѣху которыхъ въ значительной степени

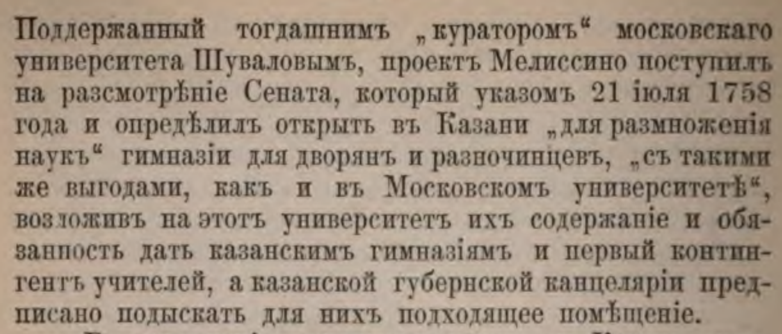
способствуетъ учрежденная при немъ въ послѣдніе годы бактеріологическая станція.

Казанскій ветеринарный институтъ съ самаго основанія своего помѣщался въ частномъ домѣ г. Щербакова на Грузинской улицѣ но въ настоящее время доканчиваются устройствомъ для него собственныя зданія на мѣстѣ, уступленномъ для этой цѣли городомъ на Арскомъ Полѣ, противъ Куртинскаго кладбища; клиники института уже переведены въ приспособленное для нихъ на этомъ новомъ мѣстѣ помѣщеніе.

Ветеринарный институтъ имѣетъ составъ собственныхъ профессоровъ и остальнаго преподавательскаго персонала лишь для предметовъ спеціальныхъ; вспомогательные для ветеринарныхъ наукъ предметы читаютъ въ немъ приглашаемые для этой цѣли профессора и преподаватели университета. Институтъ издаетъ собственный журналъ подъ названіемъ: „Извѣстія Казанскаго ветеринарнаго института".

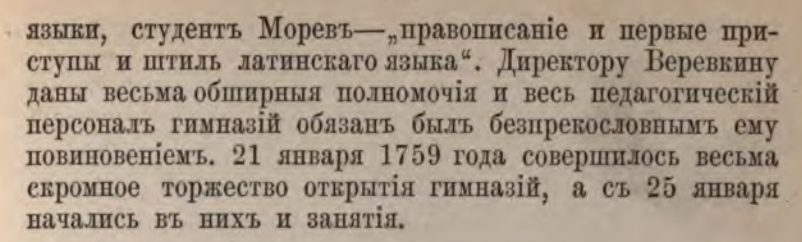
г) Мужскія гимназіи и реальное училище.

Императорская казанская первая гимназія является старѣйшимъ изъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній этого рода. Въ 1755 году основанъ въ Москвѣ первый русскій университетъ и при немъ, какъ извѣстно, двѣ гимназіи, одна для дворянскихъ дѣтей, другая—для дѣтей разночинцевъ. Вслѣдъ за основаніемъ московскаго университета, директоромъ послѣдняго И. И. Мелиссино возбужденъ былъ вопросъ о цѣлесообразности основанія такихъ же двухъ гимназій и въ Казани, какъ центрѣ отдаленнаго отъ Москвы обширнаго восточнаго края.



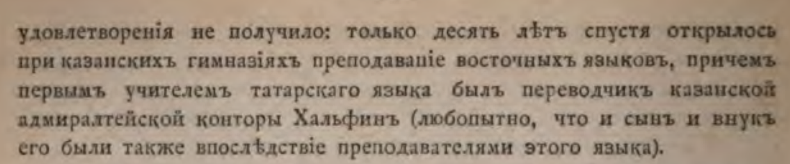
Поддержанный тогдашнимъ „кураторомъ" московскаго университета Шуваловымъ, проектъ Мелиссино поступилъ на разсмотрѣніе Сената, который указомъ 21 іюля 1758 года и опредѣлилъ открыть въ Казани „для размноженія наукъ" гимназіи для дворянъ и разночинцевъ, „съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ", возложивъ на этотъ университетъ ихъ содержаніе и обязанность дать казанскимъ гимназіямъ и первый контингентъ учителей, а казанской губернской канцеляріи предписано подыскать для нихъ подходящее помѣщеніе.

Въ исполненіе сенатскаго указа, въ Казань присланъ былъ бывшій учитель московской университетской гимназіи, капитанъ фонъ-Траубенталь, а въ половинѣ января слѣдующаго 1759 г. прибылъ сюда и бывшій ассесоръ московскаго университета, небезъизвѣстный писатель прошлаго столѣтія, Мих. Ив. Веревкинъ (род. 1732, † 1795 г.), назначенный директоромъ или, какъ называли тогда—„командиромъ" вновь открываемыхъ гимназій. Въ ту же зиму произведенъ и пріемъ въ гимназіи перваго состава учениковъ, причемъ между зачисленными въ гимназисты находился и будущій „пѣвецъ Фелицы", Гавр. Роман. Державинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Романомъ; всего же принято было на первый разъ 14 воспитанниковъ. Для помѣщенія гимназій нанятъ былъ за 15 руб. въ мѣсяцъ запущенный двухъэтажный каменный домъ нѣкоего Кольцова, въ которомъ гимназіи и помѣстились. Составъ преподавателей былъ весьма ограниченъ и довольно таки сомнительныхъ качествъ: фонъ-Траубенталь преподавалъ исторію и географію, поручикъ Морозовъ—геометрію и фортификацію, студентъ Любинскій—ариѳметику, французъ Дефоржъ — французскій и нѣмецкій


языки, студентъ Моревъ—„правописаніе и первые приступы и штиль латинскаго языка“. Директору Веревкину даны весьма обширныя полномочія и весь педагогическій персоналъ гимназій обязанъ былъ безпрекословнымъ ему повиновеніемъ. 21 января 1759 года совершилось весьма скромное торжество открытія гимназій, а съ 25 января начались въ нихъ и занятія.

Неблестяще было положеніе вновь основанныхъ казанскихъ гимназій (гимназія для разночинцевъ открылась лишь съ мая 1760 г.) какъ съ точки зрѣнія преподаванія въ нихъ, такъ и съ точки зрѣнія матеріальнаго обезпеченія учащихъ и учащихся. Многіе воспитанники буквально нищенствовали, вслѣдствіе чего приходилось брать ихъ на казенное содержаніе; крайнюю нужду испытывали и служащіе гимназій; чувствовался также ощутительный недостатокъ въ учебникахъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ,—между тѣмъ московскій университетъ скупился въ средствахъ и, не взирая на всѣ представленія Веревкина, не удовлетворялъ его самыхъ скромныхъ требованій и даже задерживалъ выдачу тѣхъ несчастныхъ 476 руб. 32 коп. въ треть, которыя были ассигнованы на содержаніе гимназій. Первый годъ ученія въ казанскихъ гимназіяхъ былъ заключенъ торжественнымъ публичнымъ актомъ 28 іюня, на который были приглашены представители мѣстнаго общества и на которомъ говорились рѣчи какъ учителями, такъ и воспитанниками.

Къ началу втораго учебнаго года число воспитанниковъ гимназій достигло уже цифры 120-ти человѣкъ. Любопытно, что уже въ 1759 г. Веревкинъ входилъ въ московскій университетъ съ представленіемъ о необходимости ввести въ ввѣренныхъ ему гимназіяхъ преподаваніе татарскаго языка, въ разсужденіе того, что «здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ» и что современемъ «могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты», которые «подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи». Въ то время представленіе Веревкина



удовлетворенія не получило: только десять лѣтъ спустя открылось при казанскихъ гимназіяхъ преподаваніе восточныхъ языковъ, причемъ первымъ учителемъ татарскаго языка былъ переводчикъ казанской адмиралтейской конторы Хальфинъ (любопытно, что и сынъ и внукъ его были также впослѣдствіе преподавателями этого языка).

Директоръ гимназіи Веревкинъ прилагалъ дѣятельныя усилія къ тому, чтобы внушить казанскому обществу сознаніе пользы отъ учрежденія въ городѣ гимназій и популяризировать идею ихъ. Какими путями шелъ къ этой цѣли первый „командиръ" вновь учрежденныхъ гимназій, это прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ описаніемъ празднества, устроеннаго Веревкинымъ 26 апрѣля 1760 г., въ годовщину открытія московскаго университета,—описаніемъ, заимствуемымъ нами изъ письма его къ Шувалову:

«По приказу Вашему,— пишетъ здѣсь Веревкинъ,— можно сказать, весь городъ Казань обильно трактовалъ. Здѣшній епископъ, умножая отъ часу благоволеніе свое къ гимназіямъ, самъ съ великолѣпною ассистенціею началъ торжество служеніемъ молебна.... При восклицаніи многолѣтія, производилась стрѣльба изъ пушекъ. По молебнѣ, духовные и свѣтскіе чиновные люди, пріобщая къ тому магистратскаго президента съ богатѣйшими купцами, вошли въ аудиторію. Рѣчи были латинскія, французскія, нѣмецкія и русскія. Истинно, Милостивый Государь, слезы отъ удовольствія многіе проливали».

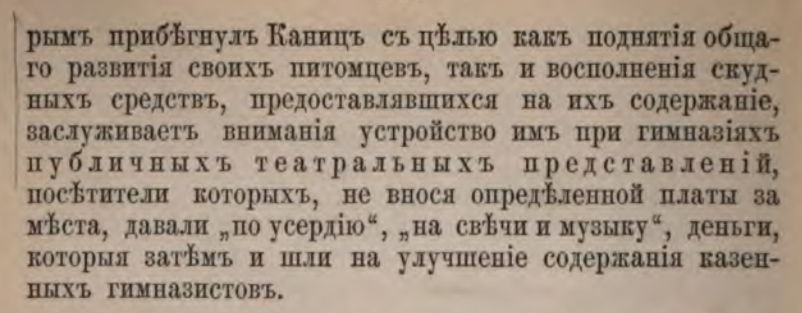
Послѣ акта предложенъ былъ обѣдъ на 117 кувертовъ для приглашенныхъ гостей, причемъ столы были украшены «изображеніями частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей самодержицы—Европы, Азіи и Африки (Америки?), украшенными террасами и деревьями вокругъ»; въ точкѣ соединенія обѣденныхъ столовъ сдѣлана была «круглая, каменистая и ущелистая гора, съ преузкими и претрудными тропинками къ вершинѣ; сто фигуръ человѣческихъ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, по нимъ идутъ; мно-

гіе, какъ, напримѣръ, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, почти при самомъ началѣ пути своего падаютъ, другіе съ четверти и съ половины горы свергаются и премалый счетъ карабкающихся достигаютъ до вершины, которая имѣетъ форму долины, обросшей пальмовымъ лѣсомъ».... Это аллегорическое изображеніе было украшено и фигурами олимпійскихъ боговъ, изъ числа которыхъ, по словамъ Веревкина—«Меркурій летящимъ внизъ такъ искусстно былъ на тонкомъ волоскѣ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть».

По окончаніи обѣда, гости отправились «въ комедію», разыгранную воспитанниками гимназій; представлена была пьэса Мольера «Школа мужей». «Вотъ, Милостивый Государь,—пишетъ по этому поводу Веревкинъ Шувалову. — и въ Татаріи Мольеръ уже иввѣстенъ.... Театръ, ей Богу, такой, что желать лучше не можно: по(а)ртеръ, обитый красною каразсею, въ 12 лавкахъ состоящій, помѣстилъ въ себѣ 400 человѣкъ; въ парадисѣ такая была тѣснота, что смотрители (т. е. зрители) картиною казалися. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу»....

Въ 1761 г. для помѣщенія гимназій пріобрѣтенъ былъ собственный домъ: это былъ обширный деревянный домъ помѣщика Шахова, рядомъ съ Грузинскою церковью и въ то время еще на выѣздѣ изъ города къ Арскому Полю. Въ этомъ домѣ, купленномъ всего за 350 р., гимназіи помѣщались до 1774 г., когда, во время нашествія Пугачева, онъ сдѣлался жертвою огня.

Недолговременными преемниками Веревкина по „командованію“ гимназіями были Свѣчинъ и Кожинъ, но особенно любопытнымъ является семнадцатилѣтній періодъ управленія ими директора фонъ-Каница, назначеннаго на эту должность въ августѣ 1764 г. и прилагавшаго дѣятельныя старанія къ устроенію ввѣреннаго ему учебнаго заведенія. Въ числѣ мѣропріятій, къ кото-



рымъ прибѣгнулъ Каницъ съ цѣлью какъ поднятія общаго развитія своихъ питомцевъ, такъ и восполненія скудныхъ средствъ, предоставлявшихся на ихъ содержаніе, заслуживаетъ вниманія устройство имъ при гимназіяхъ публичныхъ театральныхъ представленій, посѣтители которыхъ, не внося опредѣленной платы за мѣста, давали „по усердію“, „на свѣчи и музыку“, деньги, которыя затѣмъ и шли на улучшеніе содержанія казенныхъ гимназистовъ.

Эти гимназическія театральныя представленія весьма охотно посѣщались казанскою публикою и, положивъ начало публичному театру въ Казани, до извѣстной степени восполняли болѣе нежели скромный бюджетъ гимназій. Кромѣ комедіи Мольера «Школа мужей», трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и др. пьэсъ репертуара того времени, на сценѣ гимназическаго театра ставились прологи и балеты, сочинявшіеся и самимъ директоромъ фонъ-Каницемъ. Въ началѣ второй половины 60-хъ годовъ представленія эти прекратились изъ за неудовольствій между директоромъ и тогдашнимъ губернаторомъ Квашнинымъ-Самаринымъ, на что, въ бытность свою въ 1767 году въ Казани, обратила свое вниманіе Императрица Екатерина II, поручивъ губернатору оказать содѣйствіе возобновленію въ гимназіяхъ представленій и стараться склонять къ нимъ мѣстное дворянство— «которое, посредствомъ сихъ представленій, могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости». Воля Монархини была исполнена и въ послѣдующіе годы публичные спектакли сдѣлались при гимназіяхъ весьма частыми, причемъ участіе въ нихъ стали принимать не только воспитанники гимназій, но и представители высшаго казанскаго общества.

Во время директорства фонъ-Каница, Казань была подвергнута разгрому со стороны Пугачева, взявшаго 12 іюля 1774 г. городъ штурмомъ и предав-

шаго его огню и раззоренію. При организаціи средствъ защиты города, казанская гимназія выставила отъ себя особый отрядъ въ 74 человѣка изъ воспитанниковъ, учителей и служащихъ гимназіи, подъ командою самого директора, въ виду того, что „людямъ, упражняющимся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться на ряду". Вооруженный ружьями, пистолетами и пиками, гимназическій отрядъ занялъ оборонительную позицію на Арской (Грузинской) улицѣ, невдалекѣ отъ зданія гимназіи, и отличился большою храбростью; двое учителей были убиты, нѣсколько воспитанниковъ и самъ Каницъ ранены, тѣмъ не менѣе, когда полчища Пугачева ворвались въ городъ, отрядъ этотъ успѣлъ во время отступить въ крѣпость, за стѣнами которой власти и жители до утра слѣдующаго дня отсиживались отъ самозванца. Зданіе гимназіи было при этомъ разграблено и сожжено; сильно пострадали матеріально всѣ служащіе и учащіеся гимназіи, вслѣдствіе чего, рескриптомъ Императрицы отъ 28 августа 1774 г., всѣмъ имъ оказано денежное вспоможеніе.

После пугачевскаго погрома, лишившись своего дома, гимназія первое время нашла себѣ помѣщеніе въ Старой Татарской слободѣ, но уже осенью того же года для нея купленъ былъ каменный домъ купца Пушникова, въ приходѣ Богоявленія, въ которомъ съ 3 ноября и возобновились классы; въ слѣдующемъ 1775 г. гимназія переведена въ бывшіе губернаторскіе дома, на Черномъ озерѣ, въ которыхъ и оставалась до самаго закрытія своего въ 1788 году.

Смерть застала фонъ-Каница среди заботъ объ устроеніи въ ввѣренномъ ему учебномъ заведеніи какъ внѣш-

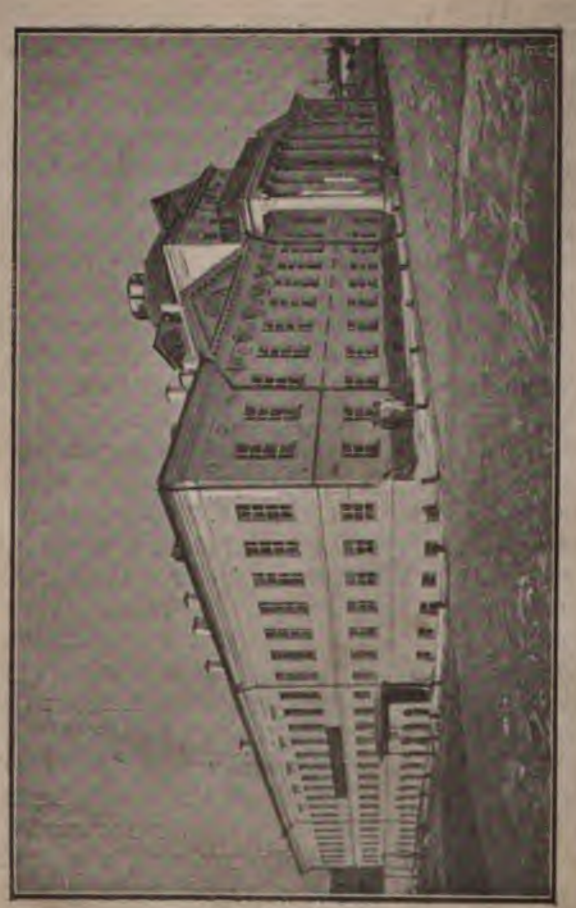
няго благоустройства, такъ и хозяйственныхъ и педагогическихъ распорядковъ. Онъ умеръ въ 1781 году и со смертью его гимназія стала быстро клониться къ упадку, въ особенности же съ того времени, когда, по открытіи въ Казани въ 1785 г. Главнаго Народнаго Училища, она, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, была передана въ вѣдѣніе мѣстнаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, порвавъ прежнюю связь свою съ московскимъ университетомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что, послѣ 30 лѣтъ начальнаго существованія своего, казанская гимназія въ 1788 году была закрыта.

Перерывъ въ существованіи гимназіи продолжался цѣлыхъ 10 лѣтъ,—до 1797 года, когда казанскій генералъ-губернаторъ князь Мещерскій, выполняя желаніе мѣстнаго дворянства, вошелъ къ Императору Павлу I съ всеподданѣйшимъ представленіемъ о необходимости учрежденія въ Казани учебнаго заведенія, которое „соотвѣтствовало бы важности воспитанія дѣтей дворянскаго сословія“. Отвѣтомъ на это представленіе явился подписанный Императоромъ, въ г. Гатчинѣ, Высочайшій указъ отъ 31 октября 1797 г., въ которомъ указывалось на пользу, приносившуюся казанскою гимназіею до ея уничтоженія и повелѣвалось кн. Мещерскому составить „Положеніе“ для возобновляемаго учебнаго заведенія. Составленное генералъ-губернаторомъ „Положеніе“, въ силу котораго гимназія учреждалась на 80 воспитанниковъ изъ дворянъ и разночинцевъ, было Высочайше утверждено 21 декабря того же года, но въ исполненіе не приведено вслѣдствіе назначенія казанскимъ губернаторомъ, взамѣнъ генер.-губернатора кн. Мещерскаго, генералъ-лейтенанта де-Ласси, которому повелѣно составить для гимназіи новый

уставъ. Этотъ уставъ удостоился Высочайшаго утвержденія 29 мая 1798 года, во время пребыванія Императора Павла Петровича въ Казани, причемъ взамѣнъ кремлевскаго зданія упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, предположеннаго для помѣщенія возобновляемой гимназіи, повелѣно отдать ей достраивавшееся зданіе губернаторскато дома, на восточной оконечности Воскресенской улицы—нынѣшняя восточная половина главнаго университетскаго корпуса (ср. выше стран. 270—271). Въ этомъ зданіи гимназія и открыта въ концѣ 1798 года первымъ директоромъ ея, Пл. Апол. Соколовымъ.

Такъ совершилось, послѣ десятилѣтняго перерыва въ ея существованіи, возобновленіе казанской гимназіи, въ числѣ первыхъ учениковъ которой блещутъ имена: писателя С. Т. Аксакова, знаменитаго геометра Лобачевскаго, двухъ братьевъ Перевощиковыхъ, братьевъ Панаевыхъ и Княжевичей и др. извѣстныхъ впослѣдствіе дѣятелей. Въ 1802 г. при гимназіи учреждена азіатская типографія для печатанія книгъ на арабскомъ и татарскомъ языкахъ (въ 1827 г. присоединенная къ университетской), а въ 1803 г., съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія и открытіемъ учебныхъ округовъ, она, освободившись изъ подъ вѣданія губернатора, подчинена первому попечителю казанскаго учебнаго округа—Румовскому.

Съ 1804 года по 1814 годъ исторія казанской гимназіи является тѣсно связанною съ исторіею вновь основаннаго казанскаго университета, отъ котораго она отдѣляется лишь въ этомъ послѣднемъ году, перейдя въ собственное, понынѣ принадлежащее ей, помѣщеніе на Покровской улицѣ (см. выше стран. 271 и 274). Вмѣстѣ съ уни-



Императорская Казанская Первая гимназія.

верситетомъ суждено было казанской гимназіи пережить въ 1819—1827 гг. и всѣ невзгоды, которыми ознаменовалась извѣстная эпоха попечительства Магницкаго.

«Обновленія» Магницкаго коснулись и гимназіи, въ которой онъ, въ предупрежденіе соблазна отъ вредныхъ книгъ, велѣлъ предать огню всю библіотеку, спасенную лишь рѣшимостью учителя Дунаева, скрывшаго ее, вмѣсто сожженія, въ кладовую. Фарисейство, лицемѣріе и извращенное чувство религіозности—были положены въ основу преподаванія и всего строя жизни гимназіи; даже отчеты, рѣчи и оффиціальныя бумаги составлялись съ текстами изъ священнаго писанія, а въ отчетѣ 1822 г. состояніе казанской гимназіи сопоставляется съ состояніемъ Израиля во дни Соломона; въ отчетѣ слѣдующаго года гимназія сравнивается съ библейскимъ свѣтильникомъ, причемъ общество приглашается само судить о томъ, стоитъ ли этотъ свѣтильникъ подъ спудомъ, или на свѣщницѣ.

Особенность казанской гимназіи, въ сравненіи съ другими современными ей учебными заведеніями того же рода, составляла широкая постановка въ ней до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія преподаванія восточныхъ языковъ, среднее изученіе которыхъ здѣсь шло рука объ руку съ высшимъ изученіемъ ихъ въ университетѣ. Здѣсь преподавались языки: арабскій, турецкій, персидскій, китайскій, армянскій, монгольскій и татарскій, что привлекало въ гимназію казенныхъ воспитанниковъ изъ различныхъ восточныхъ національностей. Преподаваніе въ казанской гимназіи восточныхъ языковъ прекратилось съ переводомъ изъ Казани въ Петербургъ восточнаго факультета мѣстнаго университета.

Въ 1836 г. первая гимназія удостоилась посѣщенія ея Императоромъ Николаемъ I, повелѣвшимъ присоединить къ ней, въ качествѣ гимназической, бывшую до

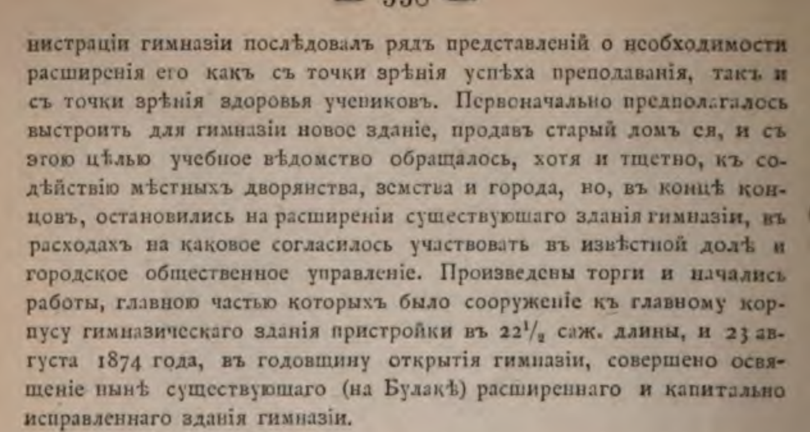
тѣхъ поръ приходскою, сосѣднюю съ нею древнюю церковь во имя Воздвиженія Креста Господня.

Въ 1868 году первая казанская гимназія торжественно праздновала столѣтній юбилей своего существованія (1758—1788 и 1798—1868 гг.). Къ этому знаменательному дню старѣйшей русской гимназіи Всемилостивѣйше даровано право именоваться „Императорскою“ и выбита особая медаль въ память столѣтія ея существованія.

Вторая Казанская гимназія открыта 23 августа 1835 года, взамѣнъ Главнаго народнаго училища, преобразованнаго на основаніи устава училищъ 1828 года въ училище уѣздное. 17-го мая 1835 г. попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ, назначивъ директора упраздняемаго главнаго народнаго училища М. Н. Львова директоромъ вновь открывающейся гимназіи, поручилъ ему принять подготовительныя мѣры къ устройству и открытію новаго учебнаго заведенія; порученіе было выполнено настолько быстро и успѣшно, что всѣ приготовленія были закончены къ августу того же года и уже 23 августа явилось возможнымъ совершить актъ торжественнаго открытія второй гимназіи, а съ слѣдующаго дня начать и занятія въ открывшихся шести классахъ ея.

Такъ какъ, за недостаткомъ средствъ, казеннаго зданія для новой гимназіи приготовлено не было, то для помѣщенія ея на первое время нанятъ былъ домъ проф. Лобачевскаго (на больш. Проломной ул., прот. церкви Богоявленія) и только въ сентябрѣ 1838 г. для гимназіи купленъ былъ на Булакѣ каменный домъ Киселева, въ который, по надлежащемъ приспособленіи его, гимназія и была переведена. Скоро помѣщеніе это оказалось уже тѣснымъ и со стороны адми-

Вторая гимназія.



нистраціи гимназіи послѣдовалъ рядъ представленій о необходимости расширенія его какъ съ точки зрѣнія успѣха преподаванія, такъ и съ точки зрѣнія здоровья учениковъ. Первоначально предполагалось выстроить для гимназіи новое зданіе, продавъ старый домъ ея, и съ этою цѣлью учебное вѣдомство обращалось, хотя и тщетно, къ содѣйствію мѣстныхъ дворянства, земства и города, но, въ концѣ концовъ, остановились на расширеніи существующаго зданія гимназіи, въ расходахъ на каковое согласилось участвовать въ извѣстной долѣ и городское общественное управленіе. Произведены торги и начались работы, главною частью которыхъ было сооруженіе къ главному корпусу гимназическаго зданія пристройки въ $22^1/_2$ саж. длины, и 23 августа 1874 года, въ годовщину открытія гимназіи, совершено освященіе нынѣ существующаго (на Булакѣ) расширеннаго и капитально исправленнаго зданія гимназіи.

Казанская вторая гимназія до послѣдней реформы была „губернскою“, сосредоточивая въ себѣ, на основаніи устава 1828 г., управленіе губернскою дирекціею училищъ. Въ 60-хъ годахъ при ней состояли землемѣро-таксаторскіе классы, а въ 1863 г. читались публичные курсы математики и физики. Въ противоположность Императорской первой гимназіи, вторая гимназія не имѣетъ пансіона, являясь учебнымъ заведеніемъ исключительно для учениковъ приходящихъ.

23 августа 1885 г. казанская вторая гимназія чествовала пятидесятилѣтіе своего существованія.

Третья казанская гимназія ведетъ свое существованіе лишь съ 1876 года, когда она была преобразована въ таковую изъ мужской прогимназіи, открытой 24 августа 1871 года.

Третья гимназія помѣщается въ прекрасномъ, окруженномъ большимъ садомъ, собственномъ домѣ своемъ, находящемся близъ

Ново-Горшечной улицы. Этотъ старинный барскій домъ, въ которомъ устроена нынѣ домовая гимназическая церковь, былъ еще въ концѣ прошедшаго столѣтія выстроенъ казанскимъ губернскимъ прокуроромъ и мѣстнымъ аристократомъ того времени Чемесовымъ. Изъ оконъ верхняго этажа зданія гимназіи, расположеннаго на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ юго-восточною низменною частью города, открывается превосходный и обширный видъ на Суконную слободу, Забулачье, оз. Кабанъ и Заволжье.

Съ 1893 года при третьей гимназіи учрежденъ интернатъ.

Казанское реальное училище открыто 2 сентября 1875 года и имѣетъ свою, довольно раннюю, исторію. Еще на рубежѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ возникъ въ Казани вопросъ объ учрежденіи здѣсь коммерческаго училища. Долго трактовался этотъ вопросъ и въ обществѣ, и въ мѣстной прессѣ, доставшись въ достояніе и 60-мъ годамъ, когда сталъ отливаться въ форму проекта основанія въ Казани коммерческаго института; открыта была даже подписка на устройство такого спеціально-коммерческаго учебнаго заведенія, но основанія его не послѣдовало и, подъ вліяніемъ совершившейся въ половинѣ 60-хъ гг. реформы средняго гимназическаго образованія, вводившей у насъ образованіе строго-классическое, вопросъ этотъ разрѣшился учрежденіемъ въ Казани реальнаго училища, при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ казанскаго городскаго общественнаго управленія, соорудившаго для училища на углу Булака и Варлаамовской улицы роскошное обширное зданіе, снабженное всѣми необходимыми учебными пособіями и стоимостью свыше 100 тыс. р., принявъ на себя расходы

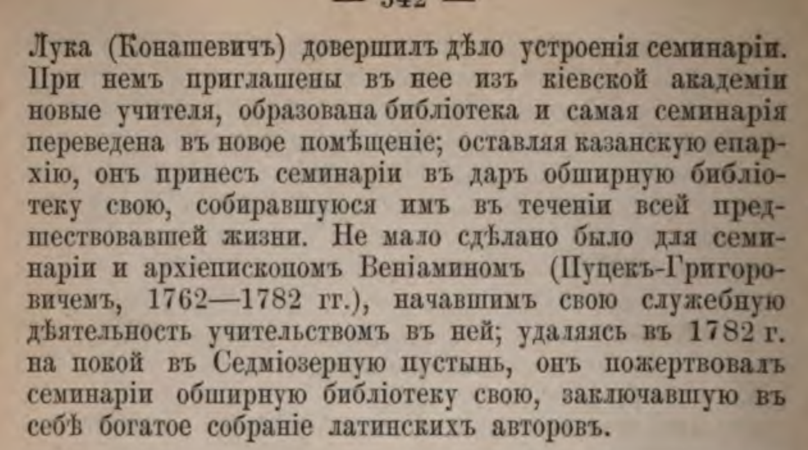
Реальное училище.

по его содержанію (въ настоящее время до 27 тысячъ рублей).

Въ послѣднее время въ казанской городской думѣ возбужденъ вопросъ о реорганизаціи реальнаго училища въ смыслѣ дачи ему того назначенія, какое имѣлось въ виду первоначальными иниціаторами дѣла, т. е. объ обращеніи его въ учебное зеведеніе съ специіально-коммерческимъ образовательнымъ курсомъ.

д) Специіальныя, мужскія и смѣшанныя, учебныя заведенія.

Духовная семинарія. Въ качествѣ старѣйшаго казанскаго учебнаго заведенія, начало свое возводитъ ко второй четверти XVIII вѣка. Въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 254) мы уже видѣли, что она въ 1732 г. образовалась изъ славяно-латинской школы, основанной въ Казани въ концѣ царствованія императора Петра I. Архіепископъ Иларіонъ (Рогалевскій, 1732—1735 гг.), самъ южанинъ, вызвалъ въ Казань, для занятія преподавательскихъ должностей во вновь устроенной семинаріи, двухъ бывшихъ студентовъ кіевской духовной академіи Гловицкаго и Пуцекъ-Григоровича (впослѣдствіе, при Императрицѣ Екатеринѣ II, казанскій архіепископъ Веніаминъ, извѣстный своими злоключеніями по дѣлу Пугачева). При томъ же архіепископѣ заложены были для помѣщенія семинаріи каменныя зданія близь церкви свв. апостоловъ Петра и Павла, —на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ духовная семинарія находится и до нашихъ дней,—до окончанія же сооруженія ихъ она временно помѣщалась при Зилантовомъ монастырѣ. Преемникъ Иларіона, арпіеписк.



Лука (Конашевичъ) довершилъ дѣло устроенія семинаріи. При немъ приглашены въ нее изъ кіевской академіи новые учителя, образована библіотека и самая семинарія переведена въ новое помѣщеніе; оставляя казанскую епархію, онъ принесъ семинаріи въ даръ обширную библіотеку свою, собиравшуюся имъ въ теченіи всей предшествовавшей жизни. Не мало сдѣлано было для семинаріи и архіепископомъ Веніаминомъ (Пуцекъ-Григоровичемъ, 1762—1782 гг.), начавшимъ свою служебную дѣятельность учительствомъ въ ней; удаляясь въ 1782 г. на покой въ Седміозерную пустынь, онъ пожертвовалъ семинаріи обширную библіотеку свою, заключавшую въ себѣ богатое собраніе латинскихъ авторовъ.

Интересенъ одинъ эпизодъ изъ казанской жизни архіепископа Веніамина. Послѣ нашествія на Казань Пугачева, Веніаминъ былъ оклеветанъ мѣстнымъ дворяниномъ Аристовымъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ самозванцемъ, вслѣдствіе чего былъ вытребованъ въ учрежденную въ Казани слѣдственную коммиссію и подвергнутъ заключенію, изъ котораго успѣлъ отправить Императрицѣ оправдательное письмо. Убѣдившись въ невиновности архіепископа, тѣмъ болѣе, что и Аристовъ сознался въ лживости своего оговора, Екатерина II прислала Веніамину рескриптъ, въ которомъ повелѣвала ему именоваться митрополитомъ, приложивъ къ рескрипту бриллiантовый крестъ на клобукъ; вдѣланный въ панагію, этотъ крестъ понынѣ сохраняется въ ризницѣ каѳедральнаго собора.

Объ улучшеніи состоянія духовной семинаріи не переставали пещись и преемники Веніамина; при архіепископѣ Амвросіи (Подобѣдовѣ, 1785—1799 гг.) измѣненъ прежній учебный режимъ семинаріи, вызваны учителя изъ московской духовной академіи, а лучшіе воспитанники посылались для усовершенствованія въ нау-

кахъ въ столичныя академіи и въ московскій университетъ. Вообще, къ концу прошедшаго столѣтія казанская духовная семинарія достигла цвѣтущаго положенія и числила до 500 воспитанниковъ. Въ 1797 г. семинарія была переименована, какъ мы это уже знаемъ, въ академію, но въ 1818 г. вновь возстановлена подъ своимъ прежнимъ названіемъ.

Въ 1868 г. казанская духовная семинарія чествовала пятидесятилѣтіе своего существованія, считая его съ 1818 года, хотя, какъ мы это видѣли, она вправѣ считать за собою (съ 1732 года) болѣе полутора вѣка жизни, являясь истинною праматерью всѣхъ казанскихъ учебныхъ заведеній. Къ этому юбилейному дню преподавателемъ семинаріи г. Можаровскимъ составлена была историческая записка о ней. Казанская духовная семинарія дала образованіе цѣлому ряду лицъ, составившихъ себѣ имя въ наукѣ и литературѣ.

Казанское пѣхотное юнкерское училище. Учреждено въ 1866 г., будучи преобразовано изъ существовавшаго въ Казани съ 1861 г. „училища военнаго вѣдомства“, помѣщеніе котораго въ кремлѣ, противъ архіерейскаго дома и каѳедральнаго собора, гдѣ находится и понынѣ, оно тогда же и заняло.

Въ старые годы военное образованіе сводилось у насъ въ провинціальныхъ городахъ (за исключеніемъ весьма немногихъ) къ обученію въ «военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ» или «школахъ кантонистовъ», печальная память которыхъ еще слишкомъ свѣжа; въ эти отдѣленія и школы опредѣлялись сироты, преимущественно еврейскаго происхожденія, а розга составляла въ нихъ основу всей воспитательной системы. Училище военно-сиротскаго отдѣленія упоминается въ Казани еще въ 1812 году. Въ началѣ сороковыхъ годовъ было здѣсь

уже три батальона кантонистовъ военно-сиротскаго отдѣленія, помѣщавшихся: въ кремлѣ (нынѣшн. зданіе юнкерскаго училища), на Воскресенской улицѣ (нынѣшн. зданіе военно-окружнаго суда) и на Черномъ Озерѣ (нынѣшн. зданіе окружнаго штаба); особая школа кантонистовъ имѣлась при пороховомъ заводѣ. Все культурное значеніе этихъ школъ свелось развѣ только къ тому, что онѣ расплодили въ Казани, изъ крещеныхъ евреевъ, цѣлую массу ремесленниковъ, преимущественно портныхъ, изъ которыхъ многіе и понынѣ доживаютъ здѣсь свой вѣкъ. Въ 1834 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Казани губернскаго кадетскаго корпуса, подъ зданіе котораго городомъ было уже отведено и мѣсто на Арскомъ Полѣ, но дѣло затянулось, корпусъ открытъ такъ и не былъ, а въ 1858 г. повелѣно причислить Казанскую губернію ко 2-му московскому кадетскому корпусу. Въ 1861 г. открыто въ Казани «училище военнаго вѣдомства», черезъ пять лѣтъ преобразованное, какъ сказано выше, въ юнкерское пѣхотное.

Учительскій институтъ, съ образцовою при немъ двухклассною школою, открытъ 21 сентября 1876 года, съ цѣлью приготовленія учителей для народныхъ школъ. Помѣщается на Мало-Покровской улицѣ.

Учительская семинарія, представляющая собою одно изъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній г. Казани, открыта 26 октября 1872 года съ цѣлью приготовленія учителей для начальныхъ народныхъ училищъ казанскаго учебнаго округа, вообще, и, въ особенности, для тѣхъ училищъ, въ которыхъ обучаются крещеные инородцы, вслѣдствіе чего комплектъ воспитанниковъ этого учебнаго заведенія (оно — закрытое) образуется, пополамъ, изъ русскихъ и инородцевъ (мордвы, черемисъ, чувашъ, вотяковъ и крещеныхъ татаръ); сюда выбираются лучшіе изъ учениковъ общихъ и инородческихъ начальныхъ училищъ. По уставу семинаріи, при ней полагаются,

для упражненія въ преподаваніи, 4 инородческія начальныя училища (мордовское, черемисское, чувашское и вотяцкое), причемъ татары практикуются въ мѣстной крещено-татарской школѣ, а русскіе воспитанники въ одномъ изъ русскихъ начальныхъ училищъ. Какъ уже сказано выше (см. стран. 258), въ дѣлѣ устройства и направленія дѣятельности этого учебнаго заведенія особенно много потрудился первый директоръ ея, покойный Н. И. Ильминскій. Несомнѣнно, что учрежденіе казанской учительской семинаріи составитъ эпоху въ исторіи духовнаго просвѣщенія инородцевъ мѣстнаго края.

Первоначально времен ю помѣщавшаяся въ крещено-татарской школѣ (на Арскомъ Полѣ), въ настоящее время казанская учительская семинарія располагаетъ на правомъ, отъ города, берегу озера Кабана превосходнымъ собственнымъ каменнымъ домомъ, заложеннымъ 11 іюня 1872 г.; при домѣ этомъ имѣется церковь во имя свв. Захарія и Елизаветы. Мѣстомъ для сооруженія этого зданія избрано то самое, на которомъ, при епископѣ Лукѣ Конашевичѣ, построена была инородческая школа, съ церковью при ней во имя тѣхъ же святыхъ (разобрана въ 1825 г.).

Земледѣльческое училище съ сельско-хозяйственною фермою при немъ, вѣдомства м нистерства государственныхъ имуществъ, началомъ своимъ восходитъ къ концу сороковыхъ годовъ. Въ 1847 г. открыта подъ Казанью сельско-хозяйственная ферма съ элементарнымъ общеобразовательнымъ и четырехлѣтнимъ практическимъ курсомъ, а съ 1870 года при фермѣ открыто земледѣльческое училище.

Сельско-хозяйственная ферма и училище при ней расположены близь дер. Борискова, за озеромъ Дальнимъ Кабаномъ, въ 9 верстахъ

отъ Казани. Сообщеніе съ фермою отъ города на лошадяхъ, а лѣтомъ и на рейсирующихъ по Кабанамъ пароходахъ; въ послѣднемъ случаѣ отъ пристани «Чертовъ Уголъ» до фермы приходится пройти около $1^1/_2$ верстъ пѣшкомъ.

Фармацевтическіе курсы при университетѣ, имѣющіе цѣлью подготовленіе фармацевтовъ; помѣщаются въ зданіи университета.

Александровское Ремесленное училище (городское) учреждено въ 1880 году, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II Николаевича. Помѣщается на Поперечно-Воскресенской ул., въ городскомъ зданіи при первой полицейской части.

Фельдшерскія школы—при ветеринарномъ институтѣ, военномъ госпиталѣ и больницѣ губернскаго земства (послѣдняя смѣшанная, т. е. для учащихся обоихъ половъ).

Татарская учительская школа, имѣющая задачею приготовлять учителей для мусульманскихъ татарскихъ школъ. Помѣщается въ Плетеняхъ, на Екатерининской улицѣ.

Училище слѣпыхъ, вѣдомства Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ, для дѣтей обоего пола; помѣщается на Покровской ул., въ домѣ городской богадѣльни.

Училище для глухонѣмыхъ, основанное по частной иниціативѣ, для дѣтей обоего же пола, состоитъ въ вѣданіи мѣстнаго общества призрѣнія и образованія глухонѣмыхъ дѣтей; помѣщается на Грузинской ул., въ городскомъ домѣ.

e) Женскія учебныя заведенія.

Родіоновскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Основанъ на средства, завѣщанныя для этой цѣли казанскою помѣщицею, вдовою полковника Анною Никол. Родіоновою, мужъ которой былъ убитъ во время разгрома Казани Пугачевымъ; на учрежденіе въ Казани института завѣщаны были ею три имѣнія и каменный домъ въ г. Казани, всего на сумму свыше 280 тыс. рублей. По кончинѣ завѣщательницы, въ 1828 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе въ Казани дѣйствій особаго совѣта по устройству института, который, въ ряду другихъ дѣлъ, занялся и вопросомъ о пріисканіи для будущаго учебнаго заведенія помѣщенія.

Первоначально предполагалось помѣстить институтъ въ домѣ покойной А. Н. Родіоновой, завѣщанномъ ею въ числѣ остальной недвижимости (нынѣшнее зданіе первой полиц. части), но въ этомъ отношеніи встрѣтились техтическія неудобства, которыя заставили членовъ совѣта остановиться на рѣшеніи выстроить для института новое зданіе въ такъ называемой Нееловской рощѣ, находившійся на Арскомъ Полѣ, при выѣздѣ изъ города Красною улицею; это мѣсто еще въ 1805 г. было куплено Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ цѣляхъ устройства въ Казани женскаго учебнаго заведенія и теперь передано было совѣту. Предположенія совѣта были Государынею одобрены; домъ Родіоновой былъ проданъ за 22 тыс. р. городскому обществу подъ помѣщеніе полиціи, а зданіе будущаго института нѣсколько лѣтъ спустя заложено въ вѣковой липовой Нееловской рощѣ, часть которой образуетъ въ настоящее время роскошный институтскій садъ. Въ концѣ 20-хъ гг. родственники покойной Родіоновой затѣяли процессъ объ ея завѣщаніи и эта кляуза была одною изъ причинъ замедлившагося открытія института.

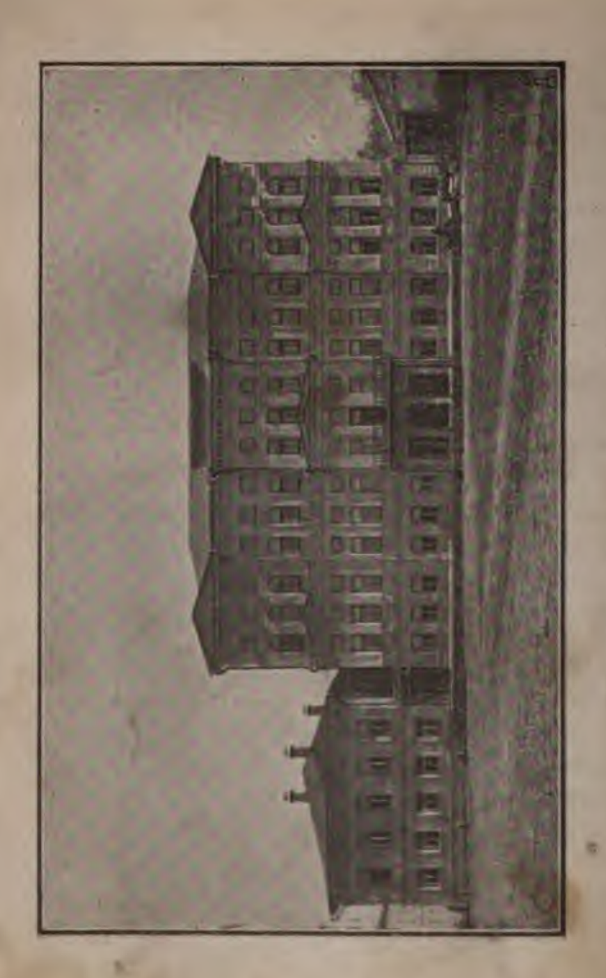
Уставъ казанскаго Родіоновскаго института полу-

чилъ утвержденіе 17 января 1838 г. Еще раньше, въ 1830 г., на содержаніе института Высочайше повелѣно было отпускать ежегодно по 4 тыс. рубл. изъ доходовъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, а въ 1832—1838 годахъ повелѣно отпускать на тотъ же предметъ по 2 тыс. р. изъ приказовъ общественнаго призрѣнія нижегородскаго, пензенскаго, саратовскаго, симбирскаго, пермскаго и вятскаго. Открытіе Родіоновскаго института послѣдовало въ маѣ 1841 г., а начало классовъ съ января 1842 г.; въ январѣ 1846 г., послѣ публичныхъ испытаній, произведенъ былъ первый выпускъ воспитанницъ (институтъ былъ сначала четырехкласснымъ и только съ 1862 г. преобразованъ въ семиклассный).

Училище для дѣвицъ духовнаго званія (окружное) является вторымъ по старшинству казеннымъ казанскимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Оно основано въ 1852 году (открыто съ 1853 г.) и въ настоящее время помѣщается въ собственномъ домѣ, на Малой Казанской улицѣ.

Маріинская женская гимназія, третье по старшинству казанское казенное женское учебное заведеніе, переименована въ гимназію изъ открытаго въ 1859 г. (30 августа) „женскаго училища перваго разряда“. Основаніе этого училища явилось отвѣтомъ на весьма значительный спросъ на среднее женское образованіе въ Казани, которому не въ состояніи былъ, по многимъ причинамъ, удовлетворить впослѣдствіе и открытый съ 1841 г. Родіоновскій институтъ, что и было причиною возникновенія здѣсь, въ различные годы, частныхъ пансіоновъ,—такъ, въ 1812 году видимъ мы въ Казани женскіе пансіоны Софіи Юнгвальдъ (существовалъ до 1856 г.) и Пото, въ 1849 г. Ю. Ге, затѣмъ Чулковой, Куклиной, Дубровиной и др.

Маріинская женская гимназія.



Ксенiинская женская гимназiя.

Въ 1860 г. казанское женское училище перваго разряда, находившееся въ вѣданіи министерства народнаго просвѣщенія, принято подъ высокое покровительство Ея Императорскаго Величества, съ разрѣшеніемъ ему называться „Маріинскимъ", а затѣмъ, съ изданіемъ положенія о женскихъ гимназіяхъ, переименовано въ таковую.

На первыхъ порахъ своего существованія, Маріинская женская гимназія ощущала сильный недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, который восполнялся путемъ частныхъ пожертвованій и поддержки со стороны общественныхъ учрежденій. Долго не имѣла она и собственнаго помѣщенія своего и только въ началѣ 70-хъ годовъ перешла въ свой, понынѣ занимаемый ею, домъ въ Петропавловскомъ переулкѣ, пріобрѣтенный и приспособленный благодаря субсидіи въ 10 тыс. р., оказанной въ 1871 г. казанскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, которое и до сихъ поръ субсидируетъ это учебное заведеніе ежегоднымъ отпускомъ ему 5 тыс. рублей.

Ксеніинская женская гимназія образовалась изъ прогимназіи, открытой въ августѣ 1876 г. и въ 1880 году преобразованной въ гимназію имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны. Съ 1892 г. гимназія эта переведена въ прекрасный собственный домъ на углу Воскресенской и Лобачевской улицъ, пріобрѣтенный на средства (50 т. р.), пожертвованныя почетною попечительницею гимназіи О. С. Александровою (нынѣ вдова ген.-лейт. Гейнсъ).

Акушерскіе курсы при казанскомъ университетѣ (повивальный институтъ), возникшіе еще въ сороковыхъ годахъ; помѣщаются въ зданіи университетской факультетской клиники.

Епархіальное женское училище, закрытое учебное заведеніе, содержимое на средства духовенства для

дачи средняго образованія дѣвицамъ духовнаго званія; помѣщается въ обширномъ собственномъ зданіи, на Ново-Коммиссаріатской улицы.

Земская школа для образованія народныхъ учительницъ (на улицѣ Вторая Гора) учреждена казанскимъ губернскимъ земствомъ для достиженія задачи, указываемой самымъ названіемъ этого учебнаго заведенія и идущей паралельно задачамъ мужскаго учительскаго института.

Училище перваго разряда г-жи Котовой (бывш. г-жи Вагнеръ)—частное женское учебное заведеніе съ курсомъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

ж) Низшія, начальныя и народныя училища.

Учебными заведеніями этой категоріи являются въ Казани слѣдующія: городское четырехклассное; 23 городскихъ начальныхъ училища (10 мужск., 8 женск. и 5 смѣшан.), содержимыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ; два духовныхъ училища — мужское и женское; центральная крещено-татарская школа (см. о ней выше стр. 257), содержимая братствомъ Св. Гурія; образцовая школа при духовной семинаріи и нѣкот. другія, болѣе мелкія школы, перечислять которыя мы не станемъ. Для образованія мусульманскаго населенія гор. Казань имѣетъ, кромѣ уже извѣстной намъ татарской учительской школы, еще: 2 татарскихъ училища, содержимыхъ городомъ, начальное училище при татарской учительской школѣ, 10 училищъ (медрессэ) при мечетяхъ и 6 русскихъ классовъ для учениковъ этихъ медрессэ.

Изъ учебныхъ заведеній разсматриваемой категоріи мы остановимся лишь на двухъ, представляющихъ историческій интересъ. Это— Городское четырехклассное училище и Ягодинское начальное училище, старѣйшее въ городѣ.

Городское четырехклассное училище подъ настоящимъ
именованіемъ своимъ существуетъ лишь съ конца 70-хъ
овъ, будучи преобразовано изъ уѣзднаго, а это пос-
днее стоитъ, въ свою очередь, въ тѣсной генетической
зи съ основаннымъ въ Казани въ послѣдней четверти
III вѣка Главнымъ народнымъ училищемъ.
вѣстно, что по учрежденію о губерніяхъ Императрицы
атерины II, „попеченіе объ установленіи и прочномъ
ованіи народныхъ школъ“ возложено на учрежденные
ю реформою приказы общественнаго призрѣнія. 22-го
тября 1786 года въ Казани послѣдовало торжественное
рытіе четырехкласснаго главнаго народнаго
илища, вѣдомства мѣстнаго приказа общественнаго
изрѣнія, которому передано было и вѣданіе существо-
шей въ то время въ Казани гимназіи. Открытіе этого
лища было причиною упраздненія казанской гимназіи,
орая, какъ мы это знаемъ, закрыта въ 1788 году и
вное народное училище явилось въ Казани единствен-
мъ разсадникомъ свѣтскаго образованія. Существуютъ
занія, что дѣло преподаванія было поставлено здѣсь
ьма солидно, благодаря хорошему подбору наставни-
ъ, первоначально присылавшихся сюда изъ педагоги-
каго института; такъ, одинъ изъ учителей (онъ же
екторъ) главнаго народнаго училища, Чернявскій, былъ
слѣдствіе профессоромъ русской словесности въ Вилен-
мъ университетѣ, гдѣ лекціями его пользовался знаме-
ый Мицкевичъ. Казанское дворянство было, однако,
овольно этимъ училищемъ за его всесословный харак-
ъ и этимъ то слѣдуетъ объяснить совершившееся въ
8 году, по удостоившемуся Высочайшаго соизволенія
дставленію мѣстнаго генералъ-губернатора, возстанов-

леніе гимназіи. Въ слѣдующемъ же 1799 г. главному народному училищу повелѣно именоватся просто школою, и только съ воцареніемъ Императора Александра I возвращено было ему прежнее названіе. По уставу училищъ 1828 г. казанское главное народное училище преобразовано въ уѣздное (открылось 25 августа 1835 года), подъ каковымъ наименованіемъ существовало до конца 70-хъ годовъ, когда было преобразовано въ городское четырехклассное, которое, такимъ образомъ, имѣло право въ 1886 г. чествовать столѣтіе своего существованія; этотъ юбилей былъ, впрочемъ, забытъ.

Ягодинское начальное училище, оффиціально именуемое „третьимъ городскимъ", находится въ пригородной Ягодной слободѣ, присоединенной къ городу въ 1825 г., а до тѣхъ поръ бывшей селомъ Ягодное, паратской волости казанскаго уѣзда. Основаніе здѣсь старѣйшаго изъ нынѣшнихъ казанскихъ городскихъ начальныхъ училищъ стоитъ въ связи съ личностью Ив. Мак. Бѣльскаго, въ 1797 г. поступившаго священникомъ въ с. Ягодное, тотчасъ по окончаніи курса въ казанской духовной семинаріи. Ознакомившись съ своимъ приходомъ и встрѣтивъ въ немъ невѣжество и безграмотность, Бѣльскій задался трудною по условіямъ его времени мыслью основать здѣсь училище, о чемъ и представилъ мѣстному директору училищъ того времени Н. В. Волынскому, изъявивъ желаніе уступить подъ училище собственный двухэтажный домъ въ селѣ и обязавшись имѣть надъ училищемъ наблюденіе и лично обучать въ немъ. Предположенія о. Бѣльскаго были учебнымъ начальствомъ одобрены и 18 іюля 1806 г. состоялось, въ присутствіи архіеп. Павла, губернатора и др. властей, профессоровъ и учителей

[redacted]

гимпазіи, торжественное открытіе Ягодинскаго сельскаго училища; „я сердечно радуюсь,—доносилъ Волынскій попечителю Румовскому, — нашедъ перваго въ Казанской губерніи не такъ достаточнаго человѣка, жертвующаго свое имѣніе въ пользу народнаго просвѣщенія“. Къ 1808 году о. Бѣльскій отчасти на свои средства, а отчасти и при содѣйствіи своихъ прихожанъ, выстроилъ для училища каменный домъ, въ который оно и было переведено, и устроилъ при училищѣ библіотеку. Съ переводомъ о. Бѣльскаго въ 1815 г. на служеніе въ г. Казань, къ Воскресенской церкви, для ягодинскаго училища наступила тяжелая пора; въ 1827 г. поднятъ былъ даже вопросъ о закрытіи его, не получившій, однако, санкціи со стороны учебнаго начальства, и училище лишь влачило свое жалкое существованіе до 1836 года, когда, благодаря матеріальной поддержкѣ, оказанной казанскимъ купцомъ И. А. Свѣшниковымъ, 26 августа 1838 года оказалось возможнымъ снова возобновить въ немъ школьныя занятія; съ того же времени ягодинское училище стало получать на свое содержаніе по 200 р. ежегодно изъ суммъ городскаго общества. Въ то время г. Казань имѣлъ всего лишь два начальныхъ училища: первое (открыто въ 1831 г.) и второе или Михайловское (открыто въ 1832 г.); Ягодинское училище примкнуло теперь къ нимъ подъ наименованіемъ третьяго, каковое сохраняется за нимъ и понынѣ.

Съ тѣхъ поръ началось уже непрерывное существованіе этого старѣйшаго изъ казанскихъ начальныхъ училищъ, 26 августа 1888 г., въ присутствіи находившагося въ то время въ Казани министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, торжественно отпраздновавшаго

свой пятидесятилѣтній (со времени возстановленія в
1838 г.) юбилей.

II. Ученыя общества, музеи, библіотеки.

а) Ученыя общества.

Общество любителей отечественной словесности, основанное при Императорскомъ казанскомъ университетѣ еще въ 1814 г., должно считаться родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ казанских ученыхъ и литературныхъ обществъ. Не прекративъ до сихъ пор оффиціально своего существованія, оно, фактически, уже съ 1853 г. прекратило свою дѣятельность, имѣвъ 24 сентября этого года послѣднее засѣданіе. Объ этомъ первомъ казанскомъ обществѣ было говорено уже выше (см. стран. 291—293).

Въ настоящее время въ г. Казани имѣются слѣдующія ученыя общества, изъ которыхъ большая часть состоитъ при мѣстномъ университетѣ, другія же существуютъ самостоятельно отъ него.

При казанскомъ университетѣ состоятъ слѣдующія общества

Общество естествоиспытателей (президентъ проф. А. А. Штукенбергъ), основанное въ 1868 г. для цѣлей изученія въ естественно-историческомъ отношеніи мѣстнаго края, съ каковою цѣлью оно ежегодно снаряжает соотвѣтствующія его задачамъ ученыя экскурсіи. Общество это, получающее $2^1/_2$ тыс. р. казенной субсидіи, обладаетъ библіотекою численностью до 2 тыс. томовъ, но собственнаго музея не имѣетъ, распредѣляя свои коллекціи по соотвѣтствующимъ музеямъ и кабинетамъ университета. При обществѣ печатаются его „Труды“ (вышло 2 томовъ) и „Протоколы“ (24 тома). За 27 лѣтъ своего существованія это почтенное общество не мало порабо

тало на пользу мѣстнаго края, давъ длинный рядъ цѣнныхъ монографій, сообщеній и матеріаловъ по различнымъ естественно-историческимъ вопросамъ его прошлаго и настоящаго. Общество состоитъ изъ 126 членовъ различныхъ наименованій и поддерживаетъ оживленныя сношенія съ аналогичными ему иностранными и русскими обществами и учрежденіями; доходы общества достигаютъ суммы $3^1/_2$—4 тыс. р., расходы—3—$3^1/_2$ тыс. р.

Физико-математическое общество (предсѣдатель проф. А. В. Васильевъ) составляло прежде секцію предыдущаго общества, въ 1891 году выдѣлившись изъ него подъ настоящимъ наименованіемъ своимъ. Въ 1893 году общество это приняло на себя инціативу устройства чествованія столѣтней годовщины со дня рожденія знаменитаго геометра, бывшаго профессора и ректора казанскаго университета Н. И. Лобачевскаго, которое и состоялось въ мѣстномъ университетѣ 23 и 24 октября того же года; кромѣ того общество собрало свыше 7 тыс. рублей въ особый фондъ для образованія преміи имени Лобачевскаго, отчисливъ часть этой суммы на сооруженіе въ Казани памятника великаго математика. Общество считаетъ въ своемъ составѣ до 202 членовъ различныхъ наименованій, издаетъ свои „Извѣстія“ и имѣетъ библіотеку съ особымъ отдѣломъ „Lobatschevskiana“, заключающимъ въ себѣ труды по неевклидовой геометріи.

Общество врачей (предсѣдатель проф. М. Я. Капустинъ) возникло первоначально въ 1868 г., по частной иніціативѣ нѣсколькихъ мѣстныхъ врачей, и носило названіе „Общества врачей г. Казани“. Получивъ съ 1870 по 1872 г. значительное развитіе, общество въ 1875 г. прекратило свои функціи. Въ этомъ году возникла мысль о

присоединеніи общества къ университету и, измѣненный въ своихъ основахъ, уставъ былъ представленъ на утвержденіе министерства. Только къ концу 1877 г. общество получило новый уставъ и въ декабрѣ имѣло первое свое засѣданіе. Съ тѣхъ поръ дѣятельность общества не прерывалась. При обществѣ, числящемъ въ своемъ составѣ 182 членовъ, имѣется библіотека и прекрасно поставленная читальная. Общество издаетъ свой „Дневникъ", въ которомъ печатаются сообщенія его членовъ и помѣщается обильный клинико-статистическій врачебный матеріалъ. Денежный бюджетъ общества составляютъ 450—550 р.

Общество невропатологовъ и психіатровъ открыто лишь въ 1892 году. Въ немъ числится 51 членъ; при обществѣ заведена библіотека (до 400 назв.) и предпринято изданіе „Неврологическаго Вѣстника".

Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи (предсѣдатель проф. Н. А. Ѳирсовъ) возникло въ 1878 г., благодаря иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ происходившаго въ Казани въ 1877 г. четвертаго археологическаго съѣзда. Это общество, издающее свои „Извѣстія" (вышло 12 томовъ), напечатало въ нихъ цѣлый рядъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ по археологіи, исторіи и этнографіи мѣстнаго края. Общество обладаетъ обширною библіотекою и богатымъ музеемъ, скученнымъ, къ сожалѣнію, въ тѣсномъ помѣщеніи, дѣлающимъ его мало доступнымъ для публичнаго обозрѣванія. Съ 1881 г. обществу переданы, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣданіе развалины древняго города Булгара, на поддержаніе и храненіе которыхъ ему выдается ежегодная субсидія въ 300 рублей. Общество числитъ въ своемъ составѣ 188 членовъ раз-

личныхъ наименованій и располагаетъ годовымъ бюджетомъ въ 1000—1200 рублей.

Юридическое общество, возникшее съ 1879 г., существуетъ почти номинально, лишь отъ времени до времени, не безъ усиленныхъ потугъ, проявляя признаки своей жизнедѣятельности. Въ 1886 г. при обществѣ была организована „постоянная коммиссія съ цѣлью собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ русскаго и инородческаго населенія волжско-камскаго края“ ничѣмъ, однако, не проявившая плодовъ своей дѣятельности, подобно и нѣкоторымъ другимъ начинаніямъ общества. Въ обществѣ числится 58 членовъ и имѣется неболшая библіотека.

Самостоятельно, внѣ связи съ мѣстнымъ университетомъ, имѣются въ Казани слѣдующія общества:

Императорское Казанское Экономическое Общество (президентъ д. с. с. С. Н. Терепинъ), учрежденное въ 1839 году и съ 1840 г. получившее Всемилостивѣйшее разрѣшеніе именоваться „Императорскимъ“, съ самаго начала задалось весьма широкими цѣлями изслѣдованія экономическихъ нуждъ края какъ въ сельскохозяйственномъ, такъ и въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ, а равно заниматься медико-статистическими работами, въ связи съ развитіемъ врачебнаго дѣла, вообще. Первые годы жизни общества прошли довольно безцвѣтно и дѣятельность его оживилась лишь въ 1842 г., съ вступленіемъ въ званіе его президента энергичнаго губернатора С. П. Шипова, намѣтившаго для общества цѣлый рядъ начинаній, большая часть которыхъ осталась, впрочемъ, лишь на бумагѣ. Заслугу общества составляетъ учрежденіе имъ въ Казани сельско-хозяйственыхъ выставокъ, изъ которыхъ,

первая устроена была въ маѣ 1845 г.; это была первая вообще, казанская выставка. Съ 1853 г. до начала 60-хъ годовъ общество издавало свои „Записки", основанныя по мысли проф. М. Я. Киттары и выходившія подъ его редакціею.

Въ настоящее время Императорское Казанское Экономическое общество заключаетъ въ себѣ до 110 членовъ и распадается на 3 отдѣла: сельско-хозяйственный, техническій и попечительный о народномъ здравіи; при послѣднемъ отдѣлѣ съ 1866 года имѣется Александровская лечебница для приходящихъ, приносящая весьма существенную и притомъ безплатную помощь бѣдному населенію города (помѣщается по Черноозерской ул., въ зданіи городской богадѣльни). Кромѣ того, при обществѣ имѣются: Справочная книга для записи предложенія и спроса по части земледѣльческой, торгово-промышленной и личнаго труда и выдачи соотвѣтственныхъ справокъ (помѣщается въ Кузнечномъ пер., подъ крѣпостью, въ д. Свѣшникова) и библіотеку, заключающую въ себѣ до 3 тыс. томовъ книгъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что собственно экономическая дѣятельность общества оставляетъ желать весьма многаго. Бюджетъ общества колеблется между 1900—2200 рублями.

Казанское Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (предсѣдатель проф. Н. А. Осокинъ) учреждено въ 1879 г. и числитъ въ своемъ составѣ до 110 членовъ. Задачи дѣятельности отдѣленія очерчиваются (въ несравненно болѣе сжатомъ видѣ, конечно) задачами, преслѣдуемыми Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ; за послѣдніе годы особаго вни-

[redacted]

манія заслуживаютъ труды отдѣленія по проекту организаціи въ губерніи ремесленныхъ училищъ и классовъ, выработанные въ докладѣ, своевременно представленный казанскому губернскому земскому собранію.

Военно-Санитарное Общество, существующее съ 1886 года, преслѣдуетъ задачу разработки различныхъ вопросовъ военно-медицинскаго и санитарнаго дѣла. Издаетъ „Протоколы" своихъ засѣданій.

Фармацевтическое Общество, основанное въ 1888 г., проявляетъ весьма слабо замѣтные признаки своего существованія.

б) Музеи.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на музеяхъ университетскихъ, которые въ своемъ мѣстѣ уже указаны нами (см. стран. 301 и слѣд.) Въ настоящее время вниманіе наше прежде всего должно быть остановлено на вновь народившемся въ Казани общественномъ учрежденіи разсматриваемаго рода. Это—

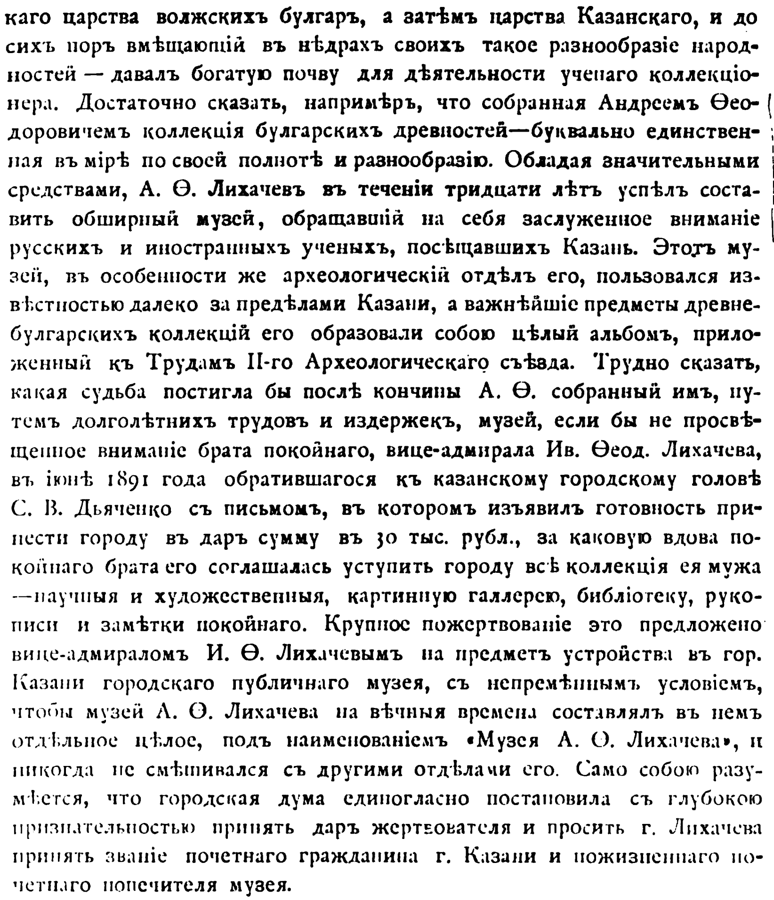
Казанскій городской музей, открытый для публики лишь съ 6 апрѣля 1895 года и помѣщающійся на Ивановской площади, противъ зданія городской думы и памятника Императора Александра II. По уставу музея, утвержденному 17 марта 1894 г., онъ учреждается „въ память Казанской научно-промышленной выставки 1890 года, состоявшей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича", причемъ при немъ открывается, въ видѣ особаго отдѣленія, музей „имени Андрея Ѳеодоровича Лихачева". Кромѣ этого послѣдняго отдѣленія, образующаго при музеѣ совер-

шенно отдѣльную и самостоятельную составную часть, въ немъ, по уставу, полагаются слѣдующія четыре отдѣленія, изъ которыхъ каждое находится въ ближайшемъ завѣдываніи особаго директора: а) Учебное, б) Естественно-историческое, в) Историко-этнографическое и г) Промышленное. Казанскій городской музей въ настоящее время открытъ не въ полномъ составѣ положенныхъ въ немъ отдѣленій. Пока открытъ для публики лишь Музей имени А. Ѳ. Лихачева, представляющій собою совершенно самостоятельное и законченное цѣлое, и отдѣленіе Учебное; остальныя отдѣленія монтируются и открытіе ихъ составляетъ вопросъ еще довольно неопредѣленнаго будущаго.

Главный интересъ и высокую цѣнность Казанскаго городскаго музея составляетъ открытый нынѣ для публики Лихачевскій отдѣлъ его, исторія котораго не лишена извѣстнаго интереса.

Въ 1890 году скончался въ Казани мѣстный землевладѣлецъ Анд. Ѳеод. Лихачевъ. Бывшій студентъ казанскаго университета, покойный уже съ юношескихъ лѣтъ горячо предался занятіямъ археологіею и этнографіею, усердно собирая коллекціи древностей и предметовъ народнаго быта. Будучи и самъ художникомъ-любителемъ, покойный живо интересовался также изящными искусствами, произведенія которыхъ онъ тщательно и съ затратою большихъ средствъ пріобрѣталъ, присоединяя ихъ къ своимъ коллекціямъ древностей, этнографіи и памятниковъ быта. А. Ѳ. Лихачевъ не былъ простымъ коллекціонеромъ-диллетантомъ; любовь къ археологіи, этнографіи и изящнымъ искусствамъ соединялась въ немъ съ глубокимъ пониманіемъ дѣла и съ солиднымъ образованіемъ. Онъ обращалъ всегда особенное вниманіе на изученіе прошлаго и настоящаго мѣстнаго волжско-камскаго края. Этотъ край, составлявшій когда то территорію вели-

[redacted]



каго царства волжскихъ булгаръ, а затѣмъ царства Казанскаго, и до сихъ поръ вмѣщающій въ нѣдрахъ своихъ такое разнообразіе народностей — давалъ богатую почву для дѣятельности ученаго коллекціонера. Достаточно сказать, напримѣръ, что собранная Андреемъ Өеодоровичемъ коллекція булгарскихъ древностей—буквально единственная въ мірѣ по своей полнотѣ и разнообразію. Обладая значительными средствами, А. Ѳ. Лихачевъ въ теченіи тридцати лѣтъ успѣлъ составить обширный музей, обращавшій на себя заслуженное вниманіе русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, посѣщавшихъ Казань. Этотъ музей, въ особенности же археологическій отдѣлъ его, пользовался извѣстностью далеко за предѣлами Казани, а важнѣйшіе предметы древне-булгарскихъ коллекцій его образовали собою цѣлый альбомъ, приложенный къ Трудамъ II-го Археологическаго съѣзда. Трудно сказать, какая судьба постигла бы послѣ кончины А. Ѳ. собранный имъ, путемъ долголѣтнихъ трудовъ и издержекъ, музей, если бы не просвѣщенное вниманіе брата покойнаго, вице-адмирала Ив. Өеод. Лихачева, въ іюнѣ 1891 года обратившагося къ казанскому городскому головѣ С. В. Дьяченко съ письмомъ, въ которомъ изъявилъ готовность принести городу въ даръ сумму въ 30 тыс. рубл., за каковую вдова покойнаго брата его соглашалась уступить городу всѣ коллекція ея мужа —научныя и художественныя, картинную галлерею, библіотеку, рукописи и замѣтки покойнаго. Крупное пожертвованіе это предложено вице-адмираломъ И. Ѳ. Лихачевымъ на предметъ устройства въ гор. Казани городскаго публичнаго музея, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы музей А. Ѳ. Лихачева на вѣчныя времена составлялъ въ немъ отдѣльное цѣлое, подъ наименованіемъ «Музея А. Ѳ. Лихачева», и никогда не смѣшивался съ другими отдѣлами его. Само собою разумѣется, что городская дума единогласно постановила съ глубокою признательностью принять даръ жертвователя и просить г. Лихачева принять званіе почетнаго гражданина г. Казани и пожизненнаго почетнаго попечителя музея.

Пожертвованіе И. Ѳ. Лихачева дало рѣшительный толчекъ вопросу объ устройствѣ въ г. Казани публичнаго музея, мысль о необходимости учрежденія каковаго въ Казани, — умственномъ центрѣ

края, столь богатаго въ археолого-историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, — уже давно сознавалась. Мысль эта была поставлена на почву практическаго осуществленія своего въ концѣ лѣта 1890 года, послѣ окончанія происходившей въ этомъ году Казанской Научно-Промышленной выставки, находившейся подъ Высокимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Александровича. На обѣдѣ, состоявшемся въ ознаменованіе окончанія выставки, предложена была, въ честь Августѣйшаго Покровителя ея, подписка на предметъ первоначальнаго устройства помѣщенія для будущаго музея; эта подписка дала тогда же свыше пяти тысячъ рублей, не считая болѣе мелкихъ пожертвованій, поступившихъ въ пользу предположеннаго музея уже въ послѣдующее время, какъ деньгами, такъ и вещами (преимущественно экспонатами и мебелью закрывшейся выставки). Дальнѣйшимъ шагомъ къ осуществленію мысли о казанскомъ городскомъ музеѣ явился щедрый даръ г-жи Ольги Сергѣевны Александровой (нынѣ вдова генералъ-лейтенанта О. С. Гейнсъ), пожертвовавшей городу 500 тыс. рублей на пріобрѣтеніе имъ пассажа, выстроеннаго покойнымъ братомъ ея А. С. Александровымъ, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ обширномъ зданіи помѣщались доходныя для города торговыя помѣщенія, дешевыя квартиры и публичный музей. Впослѣдствіе, подробный осмотръ пассажа обнаружилъ многія практическія неудобства помѣщенія здѣсь музея, почему, съ согласія г-жи О. С. Александровой-Гейнсъ, рѣшено было приспособить подъ помѣщеніе музея капитально перестроенный сѣверо-западный, выходящій къ зданію думы, уголъ главнаго корпуса городскаго гостинаго двора,—помѣщеніе, въ которомъ музей нынѣ и открытъ.

Музей А. Ѳ. Лихачева, занимающій собою пять выходящихъ на Ивановскую площадь залъ бель-этажа зданія музея, заключаетъ въ себѣ, по рукописному инвентарному каталогу, 14,594 отдѣльныхъ номеровъ, хотя эта внушительная цифра далеко не исчерпываетъ собою ко-

[redacted]

личества отдѣльныхъ предметовъ, такъ какъ многіе изъ послѣднихъ нашиты на кортонахъ, обозначенныхъ въ каталогѣ отдѣльными номерами. Въ приведенную выше цифру номеровъ входятъ лишь предметы, относящіеся къ области археологіи, этнографіи, исторіи, памятниковъ быта и керамики. Сюда не вошли: предметы минцъ-кабинета, картинная галлерея, гравюры, портреты, фотографіи и т. п., а также книги и рукописи. Минцъ-кабинетъ музея имени А. Ѳ. Лихачева заключаетъ въ себѣ весьма цѣнную и систематизированную коллекцію изъ 24,611 монетъ и медалей. Картинная галлерея состоитъ изъ 461 произведенія иностранныхъ и русскихъ мастеровъ различныхъ школъ и эпохъ. Собраніе гравюръ, портретовъ, фотографій и т. п. заключается въ 2556 номерахъ. Библіотека А. Ѳ. Лихачева состоитъ изъ 780 названій въ 1470 томахъ книгъ, брошюръ и атласовъ, имѣющихъ соотношеніе къ отраслямъ знанія и искусствъ, изученіе которыхъ преслѣдуется музеемъ. Такимъ образомъ, общая численность отдѣльныхъ номеровъ предметовъ „Музея Андрея Ѳеодоровича Лихачева“ превышаетъ собою внушительную цифру 40 тысячъ.

Въ Лихачевскомъ музеѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ: богатая и по полнотѣ своей единственная въ мірѣ коллекція булгарскихъ древностей, коллекція орудій каменнаго вѣка и курганныхъ находокъ, коллекція предметовъ татарскаго, чувашскаго, черемисскаго и мордовскаго быта, коллекціи китайскихъ и среднеазіатскихъ вещей, богатое собраніе фарфора и бронзы, собраніе рѣзныхъ камней, огромный минцъ-кабинетъ (особенно интересна и полна коллекція джучидскихъ, т. е. золотоордынскихъ монетъ) и мн. др.

Картинная галлерея А. Ѳ. Лихачева заключаетъ въ себѣ

461 №№, среди которыхъ имѣются оригиналы: Рембрандта, Тиціана, Каррачи, Гвидо-Рени, Мурильо, Теньера, Поттера, Вувермана, Пуссена, Сальваторъ-Розы, Греза и др.; изъ русскихъ: Левицкаго, Брюлова, Худякова, Айвазовскаго, Шишкина, Перова и др. мастеровъ.

Также уже открытый нынѣ Учебный отдѣлъ городскаго музея заключаетъ въ себѣ 113 №№, иллюстрирующихъ собою состояніе учебнаго дѣла въ Казанской и другихъ губерніяхъ волжско-камскаго края. При этомъ отдѣлѣ имѣется постоянная выставка издѣлій дѣтскаго (школьнаго) труда, отдѣльные экспонаты которой могутъ быть тутъ же пріобрѣтаемы.

При входѣ въ музей имѣются въ продажѣ каталоги его отдѣленій: а) Музея А. Θ. Лихачева (15 коп.), б) Картинной галлереи А. Θ. Лихачева (10 к.) и в) Учебнаго отдѣла (5 к.), что освобождаетъ насъ отъ необходимости давать болѣе подробное описаніе заключающихся въ немъ коллекцій.

Музей открытъ для обозрѣнія его публикою ежедневно, за исключеніемъ субботъ, въ слѣдующіе часы: по буднямъ—отъ 10 до 3 часовъ дня, а по праздничнымъ днямъ — отъ 12 до 3-хъ часовъ дня. За входъ взимается слѣдующая плата (безъ включенія благотворительнаго сбора): по вторникамъ, четвергамъ, воскресеньямъ и во всѣ праздничные дни—10 коп.; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, за исключеніемъ праздниковъ, если они будутъ приходиться въ эти дни—20 коп.

Музей Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи представляетъ въ себѣ весьма цѣнныя коллекціи (особенно интересны коллекціи: булгарскихъ древностей, древностей Ананьинскаго могильника, предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, этнографическія коллекціи и друг.), составленныя, большею частью, путемъ научныхъ

[redacted]

экскурсій, ежегодно снаряжаемыхъ обществомъ для раскопокъ и другихъ изслѣдованій; но, какъ уже замѣчено выше, тѣснота помѣщенія, которымъ располагаетъ музей въ зданіи университета, дѣлаютъ его мало доступнымъ для публичнаго осмотра, о чемъ нельзя не пожалѣть самымъ искреннимъ образомъ. Впрочемъ, общество отъ времени до времени устраиваетъ въ залахъ университета публичныя выставки коллекцій своего музея, путемъ которыхъ и знакомитъ съ ними публику; такія выставки были устраиваемы, именно, весною 1882 и 1889 годовъ.

Изъ частныхъ, имѣющихся въ Казани, собраній древностей, заслуживаетъ быть упомянутымъ—

Музей Вас. Ив. Заусайлова, безспорно одно изъ богатѣйшихъ въ Россіи собраній орудій каменнаго вѣка, которое не перестаетъ пополняться владѣльцемъ его и представляетъ собою полную характеристику этой древнѣйшей эпохи человѣческой культуры. Этотъ музей, помѣщающійся въ квартирѣ владѣльца его (Больш. Проломная ул., собствен. домъ), не носитъ, конечно, характера публичности, но нѣтъ сомнѣнія, что для осмотра его ученымъ спеціалистомъ онъ будетъ всегда любезно открытъ собственникомъ его. Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Заусайловъ предпринялъ было изданіе атласа снимковъ съ каменныхъ орудій своего собранія, но предпріятіе это остановилось, къ сожалѣнію, на первомъ выпускѣ.

Болѣе или менѣе обширныя собранія предметовъ древностей, этнографіи и изящныхъ искусствъ имѣются и у нѣкоторыхъ другихъ частныхъ лицъ г. Казани, но входить въ разсмотрѣніе ихъ мы считаемъ невозможнымъ.

в) Библіотеки и книжная торговля.

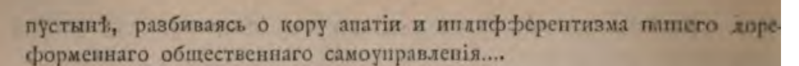
Не касаясь библіотекъ, имѣющихся при различныхъ мѣстных ученыхъ, учебныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и, въ особенност богатыхъ библіотекъ казанскихъ университета и духовной академі о которыхъ рѣчь была уже выше, остановимся на тѣхъ библіотеках г. Казани, которымъ, уже по самому назначенію ихъ, приданъ характер публичности. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должна быть поставлена—

Городская публичная библіотека, помѣщающаяся в зданіи городской думы. Начало этой библіотеки относит къ сороковымъ годамъ и стоитъ въ тѣсной связи съ двум интеллигентными личностями Поволжья первой половин текущаго столѣтія—отцомъ и сыномъ Второвыми. Въ осно ву казанской публичной библіотеки легло собраніе книг Ив. Алексѣев. Второва-отца (1772—1843 гг.), портретъ ко тораго въ настоящее время украшаетъ собою одинъ из библіотечныхъ читальныхъ залъ. Страстный библіофилъ Второвъ-отецъ въ теченіи всей своей жизни пріобрѣтал книги, употребляя на удовлетвореніе этой страсти зна чительную часть своихъ небольшихъ средствъ; собрані книгъ Второва, послѣ смерти его, представляло собо 903 названія книгъ въ 1908 томахъ, на сумму окол 13 тыс. р. Въ началѣ 40-хъ годовъ сталъ возбуждатьс у насъ вопросъ объ учрежденіи въ городахъ публичных библіотекъ. Заговорили объ этомъ дѣлѣ и въ Казани да на томъ вопросъ, быть можетъ, и остановился бы если бы не благой починъ Ник. Ив. Второва (сына— былъ помощникомъ университетскаго библіотекаря и ре дакторомъ мѣстныхъ „Губернск. Вѣдомостей), который переѣзжая въ 1844 г. на службу въ Петербургъ, при несъ городу въ даръ собраніе книгъ своего отца съ тѣмъ

[redacted]

чтобы оно положено было въ основаніе городской публичной библіотеки. Хорошій примѣръ вызвалъ подражателей: кто то пожертвовалъ на это дѣло еще ок. 500 книгъ, стали поступать (не безъ содѣйствія этому со стороны губернатора Шипова) и денежныя пожертвованія на библіотеку—и дѣло пошло, было, совсѣмъ на ладъ, тѣмъ болѣе, что А. И. Артемьевымъ положено было началю документальному каталогу библіотеки, а въ 1846 г. городъ отвелъ для нея въ своемъ общественномъ домѣ помѣщеніе и даже нанялъ библіотекаря съ помощникомъ; въ оффиціальномъ отдѣлѣ мѣстной губернской газеты въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года появилось „для общаго свѣдѣнія г. Казани“ объявленіе о томъ, что библіотека открыта и что чтеніе книгъ въ ней будетъ производиться „въ послѣобѣденное время, отъ 4 до 9 часовъ пополудни“. Но на этомъ дѣло и остановилось на цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Прекрасное общественное начинаніе «заглохло въ душной атмосферѣ общаго равнодушія и холодности ко всякому живому общественному интересу», — пишетъ хроникеръ казанской общественности того времени. Библіотека стала приходить въ забвеніе и числилась только на бумагѣ, на дѣлѣ же оказалось, что многіе граждане и не подозрѣвали о ея существованіи, а въ помѣщеніи ея водворилась татарская мѣщанская контора. Предпринимались и впослѣдствіе попытки извлечь библіотеку изъ подъ спуда и сдѣлать ее дѣйствительно «публичною»—но онѣ оказывались тщетными, какъ и воззванія мѣстнаго губернскаго публициста на тему о томъ, что «публичная библіотека— есть достояніе общественное», а потому должна вызвать общественную поддержку, ибо «въ благоустроенномъ, богатомъ и европейски образованномъ городѣ не можетъ не быть общественной библіотеки».... Но всѣ эти ламентаціи оставались гласомъ вопіющимъ въ



пустынѣ, разбиваясь о кору апатіи и индифферентизма нашего доре-
форменнаго общественнаго самоуправленія....

Только въ 1864 г. вспомнилъ городъ о своей биб-
ліотекѣ, да и то лишь послѣ того, какъ Н. И. Второвъ,—
въ то время уже директоръ хозяйственнаго департамента
минист. внутрен. дѣлъ, слѣдовательно лицо вліятельное,
—счелъ нужнымъ напомнить городу о цѣли сдѣланнаго
имъ 20 лѣтъ тому назадъ пожертвованія. Слово Второва
имѣло теперь авторитетъ и казанская городская публич-
ная библіотека 10 января 1865 года была, наконецъ,
открыта для публики. Съ тѣхъ поръ библіотека, обезпе-
ченная матеріально и находящаяся подъ вѣдaніемъ осо-
баго, избираемаго думою, попечителя, не перестаетъ
увеличиваться и приходить въ состояніе все большаго
и большаго благоустройства.

Количество книгъ казанской городской библіотеки достигаетъ
въ настоящее время 8 тыс. названій и 17 тыс. томовъ, на сумму до
26 тыс. рублей. Библіотека бываетъ открыта: по буднямъ, ежедневно
съ 1 мая по 1 сентября—отъ 10 час. утра до 2 пополудни; съ 1 сен-
тября по 1 октября—отъ 10 час. утра до 5 час. веч.; съ 2 октября
по 1 апрѣля—отъ 10 час. утра до 2 час. пополудни и вечеромъ отъ
5 до 8 часовъ; съ 1 апрѣля по 1 мая—отъ 10 ч. утра до 5 ч. вечера.
Чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ безплатное и исключительно лишь
въ самомъ помѣщеніи библіотеки.

**Библіотека и читальня въ память св. Равноапостоль-
наго князя Владиміра** открыта въ 1888 году, по поводу
празднованія 900-лѣтія крещенія Руси. Помѣщается въ
старомъ зданіи Покровской церкви. Содержаніе книгъ,
преимущественно, нравственно-религіозное.

Библіотека-читальня казанскаго общества трезвости открыта лишь весною 1895 года, на частныя пожертвованія. Помѣщается при дешевой чайной общества, на углу Булака и Кузнечнаго переулка (подъ крѣпостью).

Изъ частныхъ публичныхъ библіотекъ въ Казани имѣются слѣдующія:

Г-жи Михайловой (существ. съ 1860 г.), помѣщается въ зданіи городскаго пассажа.

Г. Брюно (съ 1874 г.), на Воскресенской ул., въ д. Челышева.

Казанская (г-жи Пальчинской, съ 1887 г.), на Покровской ул., д. Пальчиковой (подробности см. въ объявленіяхъ).

Магазина «Восточная Лира» (съ 1889 г.), на Воскресенской ул., д. Сапожникова.

Книжная торговля, несомнѣнно, также принадлежитъ къ числу мѣрилъ интеллектуальнаго состоянія даннаго общества, почему мы не считаемъ себя вправѣ обойти ее молчаніемъ.

Начало книжной торговли въ Казани, какъ и цѣлый рядъ другихъ явленій умственной жизни этого города, стоитъ въ тѣсной связи съ основаніемъ въ немъ университета. Уже вскорѣ послѣ своего основанія, казанскій университетъ обзаводится не только собственною типографіею и періодическимъ изданіемъ («Казанскія Извѣстія»), но и собственною книжною лавкою, которая упоминается уже въ 1811 г. противъ гостинаго двора, «рядомъ съ англійскимъ магазиномъ» (въ нынѣшн. домѣ гг. Болдыревыхъ), и находилась въ управленіи книгопродавца Егора Андреева. Въ тоже время существовала въ Казани и частная книжная лавка П. И. Пугина (въ гостиномъ дворѣ, противъ Спасской башни), а въ 1818 г. на Воскресенской ул., въ зданіи семинаріи, помѣщалась книжная лавка Глазунова, существовавшая здѣсь

еще въ началѣ 40-хъ годовъ; въ 1821 году открывается при мѣстной духовной консисторіи синодальная книжная лавка. Къ той же порѣ относится начало книгопродавческой дѣятельности Андрея Мясникова († 1863 г.), начавшаго въ Казани свою профессію съ 1818 года и въ 40-хъ годахъ имѣвшаго при своей книжной лавкѣ первую въ Казани библіотеку для чтенія. Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ въ Казани существовало 4 книжныя лавки, изъ которыхъ особенно выдавались лавки А. Мясникова и И. Костякова; временами наѣзжалъ сюда и иностранный магазинъ эстамповъ Даціаро, въ которомъ началъ свою дѣятельность, въ качествѣ прикащика, І. А. Больцани, выдающіяся математическія способности котораго были подмѣчены Н. И. Лобачевскимъ и который сдѣлался впослѣдствіе извѣстнымъ профессоромъ физики въ казанскомъ университетѣ

Въ настоящее время въ Казани имѣются слѣдующіе книжные магазины:

Братьевъ Башмаковыхъ (Воскресенская ул., зданіе пассажа), съ отдѣленіями въ С.-Петербургѣ (Екатерининская, № 2) и, во время навигаціи, на казанской устьинской пристани.

А. А. Дубровина (Гостиный дворъ, № 1).

С. А. Дубровина (Воскресенская улица, зданіе пассажа).

К. П. Алексѣева (Гостиный дворъ, № 12).

Изъ мѣстъ торговли старыми книгами (букинистовъ) могутъ быть указаны книжныя лавки: Иванова (въ гостиномъ дворѣ), бр. Ярыгиныхъ (Больш. Проломная, д. Петцольдъ) и Овчинникова (Николаевская площадь, д. Юшкова) Торговля старыми книгами производится также съ ларей: по спуску Гостинодворской улицы, противъ Толчка; на Малой Проломной ул., у дома Афонасьева, близъ Рыбной площади; на углу Казанской и Театральной улицъ; на углу Больш. Лядской и Рыбнорядской улицъ и въ нѣк. др. мѣстахъ.

[redacted]

III. Періодическая пресса.

Мы уже видѣли, что начало періодической прессы въ Казани тѣсно связано съ основаніемъ въ этомъ городѣ университета; что мысль объ изданіи при послѣднемъ журнала зарождается, не безъ участія въ томъ попечителя Румовскаго, уже въ первые годы по его открытіи (см. выше стран. 293—294). Издававшіяся при казанскомъ университетѣ съ 1811 по 1820 годъ, включительно, Казанскія Извѣстія (сначала по одному, а съ 1815 г. по два раза въ недѣлю) явились не только первымъ повременнымъ университетскимъ, но и, вообще, однимъ изъ первыхъ русскихъ провинціальныхъ періодическихъ изданій. Съ 1820 г. взамѣнъ „Казанскихъ Извѣстій“, покончившихъ свое существованіе въ тяжелую пору попечительства Магницаго, университетъ сталъ издавать журналъ Казанскій Вѣстникъ (выходилъ до 1832 г.), съ Прибавленіями къ нему (выходили до 1835 г.). Съ 1834 г. казанскій университетъ издаетъ свои Ученыя Записки, выпускъ которыхъ непрерывно продолжается и до настоящихъ дней; но это изданіе явилось уже съ строго научнымъ характеромъ, будучи лишеннымъ всякаго общественнаго колорита.

Къ довольно ранней эпохѣ относится и начало въ Казани частной періодической прессы. Починъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ адъюнктами университета Рыбушкинымъ и Полиновскимъ, начавшими съ января 1832 года издавать журналъ Заволжскій Муравей (по два номера въ мѣсяцъ, небольшими книжечками in 8°), съ изображеніемъ на заглавной стра-

ницѣ окруженнаго лаврами трудолюбиваго муравья и съ эпиграфомъ подъ нимъ:

За трудъ мой не ищу себѣ похвалъ и славы,
Люблю трудиться лишь для пользы иль забавы.

Подобно своимъ предшественникамъ, „Казанскимъ Извѣстіямъ“ и „Казанскому Вѣстнику“, и „Заволжскій Муравей“ сталъ преслѣдовать задачи мѣстно-областнаго характера, посвящая свои сѣренькія странички интересамъ, главнымъ образомъ, роднаго Заволжья.

«Поводомъ къ изданію въ здѣшнемъ городѣ періодическаго сочиненія, — заявляли издатели, — послужило: во первыхъ—собственное наше желаніе употребить досуги на полезное и непосредственно къ нашему званію относящееся дѣло; во вторыхъ—поощреніе начальства къ составленію историческихъ записокъ какъ о городѣ Казани, такъ и, вообще, о Заволжскомъ краѣ. Угождая, съ одной стороны, желанію нашему и нѣкоторыхъ города Казани просвѣщенныхъ особъ, а съ другой—исполняя волю начальства, рѣшились мы въ октябрѣ мѣсяцѣ 1831 года, съ наступленіемъ 1832 года, приступить къ изданію журнала, назвавъ его «Заволжскій Муравей», съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ немъ преимущественно помѣщаемы будутъ статьи къ Заволжскому краю относящіяся».

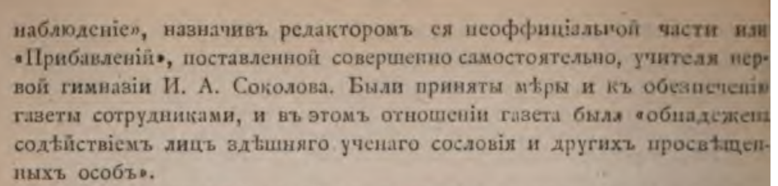
Всего три года продолжалось изданіе „Заволжскаго Муравья“, образовавшее за этотъ промежутокъ времени 72 книжки въ 9 томахъ, заключающія въ себѣ не мало статей и матеріаловъ по исторіи, этнологіи, географіи, статистикѣ и общественности мѣстнаго края, а также и статей беллетристическаго характера. Недостатокъ на мѣстѣ литературныхъ силъ, цензурныя условія (журналъ цензуровался въ Москвѣ), а главнымъ образомъ—индифферентизмъ со стороны публики, были непосредственны-

[redacted]

ми причинами преждевременной кончины „Муравья“. Съ 1834 и вплоть по 1867 годъ уже не было попытокъ изданія въ Казани частнаго органа повременной прессы.

Со смертью „Заволжскаго Муравья“, въ теченіи трехъ лѣтъ оставалась Казань безъ журнала или газеты, хотя потребность въ органѣ печати къ половинѣ 30-хъ годовъ уже должна была сдѣлаться здѣсь для части публики весьма ощутительною. Только съ 1838 года начинается въ Казани изданіе „Губернскихъ Вѣдомостей“. Впрочемъ, первоначальное изданіе губернской газеты не могло удовлетворить умственнымъ запросамъ читателя: это былъ рядъ сѣренькихъ, сухихъ, листовъ, сплошь переполненныхъ оффиціальными распоряженіями и объявленіями и лишь съ 1843 года принимаютъ „Казанскія Губернскія Вѣдомости“ характеръ общественной газеты, когда открывается въ нихъ неоффиціальный отдѣлъ, выходившій подъ названіемъ „Прибавленій“ къ нимъ.

И въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся съ иниціативою казанскаго зиждителя 40-хъ годовъ, военнаго губернатора Шипова. Въ объявленіи объ изданіи на 1843 годъ «Губернскихъ Вѣдомостей» мы читаемъ сознаніе редакціи ихъ въ томъ, что они «по сіе время были неполно и неудовлетворительно издаваемы», но что въ предстоящемъ году, по распоряженію военнаго губернатора С. П. Шипова, онѣ «принимаютъ новый видъ относительно своего объема и содержанія». При этомъ излагалась и программа будущей неоффиціальной части, въ которую включались слѣдующіе отдѣлы: а) мѣстныя извѣстія, т. е. хроника общественной жизни и корреспонденціи, б) статистика и топографія, в) «физическія и реальныя свѣдѣнія» по всѣмъ тремъ царствамъ природы, со включеніемъ сельскохозяйственнаго, техническаго и врачебнаго отдѣловъ, г) исторія, преимущественно мѣстнаго края, д) смѣсь и е) частныя объявленія. Губернаторъ Шиповъ принялъ реорганизованную имъ губернскую газету подъ свое «особое



наблюденіе», назначивъ редакторомъ ея неоффиціальной части или «Прибавленій», поставленной совершенно самостоятельно, учителя первой гимназіи И. А. Соколова. Были приняты мѣры и къ обезпеченію газеты сотрудниками, и въ этомъ отношеніи газета была «обнадежена содѣйствіемъ лицъ здѣшняго ученаго сословія и другихъ просвѣщенныхъ особъ».

Газета выходила съ 1843 г. еженедѣльно, по субботамъ, въ форматѣ большаго in 4°, съ отдѣльною пагинаціею и отдѣльнымъ заглавнымъ листомъ для неоффиціальной части, которая носила характеръ совершенно самостоятельнаго изданія, образуя, по истеченіи года, томъ изъ 52 тетрадей. Мы видѣли, что неоффиціальной части «Губерн. Вѣдомостей» дана была весьма широкая программа и надо отдать справедливость редакціи ея, что она въ высшей степени добросовѣстно выполняла и, фактически, даже расширяла ее, отвѣчая на всѣ важнѣйшіе вопросы мѣстной общественности. Въ этомъ отношеніи «Губернскія Вѣдомости» 40-хъ годовъ вполнѣ восполняли собою отсутствіе въ Казани общественной газеты и оставили намъ въ наслѣдіе массу матеріала по исторіи города и его края. Да оно и не покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что во главѣ редакціи неоффиціальной части казанской губернской газеты стояли въ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ такія лица, какъ Н. И. Второвъ, извѣстный впослѣдствіе археологъ и статистикъ А. И. Артемьевъ и славный русскій оріенталистъ И. Н. Березинъ.

Съ конца 50-хъ годовъ неоффиціальная часть «Казанскихъ Губерск. Вѣдомостей» стала клониться къ упадку и къ началу 70-хъ годовъ становится совершенно безцвѣтною. Но въ эту пору же возрождается въ Казани частная періодическая печать, такъ преждевременно угасшая здѣсь съ кончиною «Заволжскаго Муравья».

Частная періодическая печать возродилась въ Казани въ 1867 г., изданіемъ Справочнаго листка г. Казани профес. С. М. Шпилевскаго, продолжавшимся всего одинъ только годъ (1867). Въ слѣдующемъ 1868 году профес. А. К. Чугуновъ предпринимаетъ из-

долговѣчными. Не везетъ вообще, какъ видитъ читатель казанской повременной печати....

Въ настоящее время въ Казани издаются двѣ ежедневныя газеты: „Волжскій Вѣстникъ" (издательниц Л. П. Рейнгардтъ, редакторъ Н. В. Рейнгардтъ) „Казанскій Телеграфъ" (издательница А. Г. Ильяшенк редакторъ Н. А. Ильяшенко). Первая газета издаетс съ 1883, вторая—съ 1893 года *).

Кромѣ этихъ двухъ ежедневныхъ газетъ въ Казани выходят еще слѣдующія повременныя изданія:

Губернскія Вѣдомости (три раза въ недѣлю).

Извѣстія по Казанской епархіи.

Циркуляръ по Казанскому учебному округу.

Ученыя записки Императорскаго казанскаго унивеситета (ежемѣсячно).

Православный Собесѣдникъ, издаваемый казанскою духовною академіею (ежемѣсячно).

Извѣстія ветеринарнаго института.

Труды и Протоколы казанскаго Общества Естествоиспытателей (отдѣльными выпусками).

Извѣстія казанскаго Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи (ежемѣсячно).

Дневникъ казанскаго Общества Врачей (ежемѣсячно).

Извѣстія казанскаго Физико-Математическаго Общества (отдѣльными выпусками).

Неврологическій Вѣстникъ, издаваемый казанскимъ Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ (4 книжки въ годъ).

---

*) Условія подписки и друг. подробности см. въ объявленіях

[redacted]

IV. Благотворительность и общественное призрѣніе.

Само собою разумѣется, что стремленіе къ благотворительности даннаго общества—является также однимъ изъ мѣриловъ его интеллектуальнаго развитія.

До втораго десятилѣтія текущаго столѣтія мы не встрѣчаемъ въ Казани никакого правильно устроеннаго общественнаго органа для вѣданія дѣлъ благотворительности. До 1782 г., — года введенія здѣсь губернскихъ установленій на основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 года, — дѣло общественнаго призрѣнія носило въ Казани чисто случайный характеръ, ограничиваясь заботами объ устройствѣ въ городѣ богадѣлень, на каковой предметъ отпускались особыя суммы изъ Коллегіи Экономіи. Мы имѣемъ рядъ указовъ, относящихся къ этой области попечительной дѣятельности государства; такъ, въ 1745 году состоялся указъ «о починкѣ и постройкѣ вновь богадѣлень въ Казанской губерніи и о содержаніи ихъ»; въ 1758 году—«объ учрежденіи инвалиднаго дома въ Казани, для помѣщенія отставныхъ отъ военной службы штабъ и оберъ-офицеровъ»; въ 1760 году изданъ указъ «о построеніи богадѣлень въ Казани для отставныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ солдатъ и о содержаніи оныхъ» и др. Впрочемъ, богадѣльни существовали въ Казани уже раньше; изъ описи г. Казани, составленной въ 1739 г. геодезистомъ Пестриковымъ, мы узнаемъ, что уже въ въ то время имѣлись въ Казани пять богадѣлень. По учрежденію о губерніяхъ 1775 года (введенному въ Казани въ 1782 г.), вѣданіе дѣла благотворительности, въ числѣ другихъ предметовъ вѣдомства, ввѣрено было приказамъ общественнаго призрѣнія. Въ началѣ текущаго столѣтія въ вѣданіи казанскаго приказа общественнаго призрѣнія числились слѣдующія филантропическія учрежденія: богадѣльня, воспитательный домъ, домъ сумасшедшихъ и больница, для содержанія которыхъ въ 1805 г. ему переданы были кузницы, находившіяся на тогдашней Кузнечной (нынѣшняя Николаевская, съ Николаевскимъ скверомъ) площади.

Не смотря на свое названіе и нѣкоторыя особенности
организаціи, приказы общественнаго призрѣнія были установл
собственно правительственными. Только во второмъ десятилѣтіи т
го столѣтія возникаетъ въ Казани филантропическое учрежденіе
рое могло быть названо «общественнымъ» въ болѣе тѣсномъ смыс
го слова. Такимъ учрежденіемъ явился **Казанскій попечи
ный о бѣдныхъ комитетъ.** Попытки организаціи дѣла общ
ной филантропіи встрѣчаются въ Казани еще раньше учрежден
комитета. Такъ, уже въ 1811 г. видимъ мы здѣсь «Кассу для
ныхъ случаевъ», т. е. погребальную кассу, организованную на
взаимопомощи и существовавшую при мѣстной Георгіевской
Въ 1814 г., по случаю освобожденія Германіи изъ подъ напол
скаго гнета, нѣмецкая колонія г. Казани, по предложенію к
мѣстной лютеранской церкви К. Б. Берстеля, постановила на
номъ конвентѣ «составить особую кассу, изъ которой возмож
было снабжать потребными медикаментами людей больныхъ, б
состоянія, безъ различія религій», причемъ восемь врачей-н
изъявили согласіе давать такимъ больнымъ безплатную медици
помощь, а двое аптекарей—отпускать ежегодно безплатно на
медикаментовъ, а свыше этой суммы за половинную противъ
цѣну; на осуществленіе этого предпріятія рѣшено ассигноват
церковный кружечный сборъ прошлаго и текущаго годовъ.
инициатива въ дѣлѣ благотворительности сказывалась и въ ру
обществѣ. Въ 1814 г. нѣкій анонимный «казанскій мѣщанинъ,
тель Игумновой слободы», завѣщаетъ 10 тыс. р. въ пользу «б
и несчастныхъ города Казани» и 500 р. въ пользу разорившихъ
непріятеля жителей Москвы. Въ томъ же 1814 г. коллежскій
никъ Кондратьевъ дѣлаетъ казанскому обществу, въ средѣ к
страсть картоманіи была развита въ то время, повидимому, не
нынѣшняго, предложеніе откладывать отъ игры въ бостонъ по
фишкѣ въ пользу бѣдныхъ (предложеніе это и осуществилос
все это были, опять таки, попытки случайнаго и временнаго хар
Болѣе устроенную форму постояннаго мѣстнаго благотворит
органа получаетъ основанный въ 1816 году и упомянутый выш

Казанскій попечительный о бѣдныхъ комитетъ. Это филантропическое учрежденіе происхожденіемъ своимъ обязано инициативѣ мѣстнаго массона первой четверти текущаго столѣтія, дѣйств. стат. совѣтника и кавалера В. В. Романовскаго,—„благочестіемъ преисполненнаго, достопочтеннаго и маститаго старца“. Еще въ 1815 г. сталъ Романовскій собирать подписку отъ лицъ, согласныхъ производить ежегодные взносы „для основанія въ Казани попечительнаго комитета о бѣдныхъ“, приглашая къ этому казанское общество черезъ посредство „Казанскихъ Извѣстій“, — мѣстнаго журнала того времени; взносы допускались не только деньгами, но также мукою, крупою, сукномъ, холстомъ и т. п. Подписка пошла весьма успѣшно и результатъ ея былъ представленъ на Высочайшее воззрѣніе; всѣмъ подписавшимся объявлено „особое Его Императорскаго Величества благоволеніе“, а 16 іюля 1816 г. воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе казанскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета, открытіе котораго и было вслѣдъ за тѣмъ торжественно отпраздновано.

В. В. Романовскій былъ первымъ предсѣдателемъ основаннаго по мысли его комитета. Къ крайнему его прискорбію, уже на слѣдующій по открытіи комитета годъ оказалось, что далеко не всѣ члены его расположены выполнять принятыя ими на себя при подпискѣ обязательства; не смотря ни на публикаціи о взносахъ черезъ мѣстныя «Извѣстія», ни на воззванія Романовскаго о томъ, что неаккуратность членовъ комитета тормозитъ дѣятельность этого послѣдняго, ни на содѣйствіе даже въ этомъ дѣлѣ полиціи—взносы поступали болѣе, нежели туго: только 66 членовъ выполнили свои обязательства, 31 членъ выполнили ихъ лишь отчасти, а 97 человѣкъ остались глухими ко всѣмъ воззваніямъ и напоминаніямъ...

По смерти Романовскаго, председателемъ комитета сдѣл
проф. К. Ѳ. Фуксъ, который и несъ эту обязанность въ теченіи
лѣтъ (1825—1830 гг.), уступивъ предсѣдательское кресло А. П. Кос
цеву. Вступивъ въ члены комитета при самомъ его учрежденіи, Ф
обязался вносить въ его кассу ежегодно по 50 рублей и, сверхъ
безплатно лечить всѣхъ находящихся подъ попечительствомъ ком
бѣдняковъ; впрочемъ, филантропическая дѣятельность Фукса,
врача-человѣка, всегда являлась весьма широкою и помимо отно
его къ мѣстному попечительному о бѣдныхъ комитету.

Въ настоящее время казанскій попечительны
бѣдныхъ комитетъ, числящійся въ вѣдомствѣ Импера
скаго Человѣколюбиваго Общества, располагаетъ сл
ющими благотворительными учрежденіями: 1) Домо
имени Императора Александра II, въ котор
пользуются безплатными квартирами 62 бѣдныхъ се
ства, 2) Начальнымъ училищемъ для обученія
ротъ, 3) Ремесленно-рукодѣльнымъ классе
для дѣтей обоего пола и 4) Дешевою столовою
чайною, изъ которой бѣдные пользуются безплатн
столомъ.

При комитетѣ состоитъ особое—

**Дамское отдѣленіе попечительнаго о бѣдныхъ
митета**, существующее съ 1876 года. При немъ имѣю
слѣдующія учрежденія: 1) Хозяйственно-рукодѣ
ная школа, 2) Временное убѣжище для безпрі
ныхъ женщинъ и дѣтей и 3) Образцовая кух
для обученія кулинарному искусству; послѣдняя, по
щающаяся на Поповой Горѣ, въ д. Палицына, отпуска
желающимъ мѣсячные обѣды (по цѣнѣ: за 3 блюда—
рублей, 2 блюда—8 рубл.).

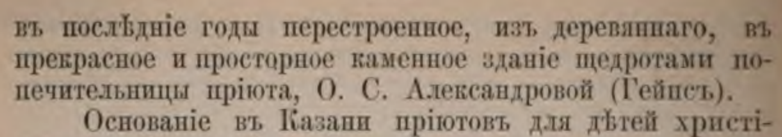
Мысль объ основаніи въ Казани дамскаго благотворительнаго общества зародилась на много раньше открытія этого отдѣленія; уже въ 1859 г. существовало въ Казани частнымъ образомъ сформировавшееся дамское благотворительное «рабочее общество», которое должно почитаться предшественникомъ нынѣшняго дамскаго благотворительнаго отдѣленія, но о дѣятельности котораго намъ, къ сожалѣнію, не удалось собрать свѣдѣній.

Попечительный о тюрьмахъ комитетъ, открытый въ Казани въ 1833 г. подъ названіемъ „Попечительнаго о тюрьмахъ общества“, функціонируетъ на общихъ для учрежденій этого рода основаніяхъ.

Губернское попечительство дѣтскихъ пріютовъ, вѣдомства Императрицы Маріи, открыто въ г. Казани въ 1844 году, одновременно съ открытіемъ здѣсь, въ честь Императора Николая I, перваго дѣтскаго пріюта—Николаевскаго, состоявшимся 11 января 1844 года, въ бывшемъ зданіи городскаго магистрата (на Больш. Проломной ул., близь церкви Николы Магистратскаго, гдѣ пріютъ помѣщается и понынѣ).

Николаевскій дѣтскій пріютъ является, такимъ образомъ, первымъ казанскимъ учрежденіемъ этого рода. Мѣстное общество отнеслось весьма горячо къ идеѣ этого филантропическаго учрежденія; на усиленіе средствъ его его поступило не мало частныхъ пожертвованій, розыграна съ тою же цѣлью лоттерея, а профессоръ Н. А. Ивановъ прочиталъ въ пользу пріюта серію лекцій «О Петрѣ Великомъ», давшихъ около 600 рублей сбора.

Въ слѣдующемъ 1845 году, по инпціативѣ купца Крупенникова, открытъ въ Казани второй дѣтскій пріютъ —Александровскій, въ томъ же году переведенный въ собственное помѣщеніе на Ново-Горшечной улицѣ,



въ послѣдніе годы перестроенное, изъ деревяннаго, въ прекрасное и просторное каменное зданіе щедротами попечительницы пріюта, О. С. Александровой (Гейнсъ).

Основаніе въ Казани пріютовъ для дѣтей христіанскаго вѣроисповѣданія не замедлило вызвать вопросъ и объ учрежденіи здѣсь мусульманскаго дѣтскаго пріюта, на каковой предметъ мѣстными купцами (татарами) братьями Юнусовыми былъ пожертвованъ рядъ каменныхъ лавокъ, доходами съ которыхъ этотъ пріютъ, открытый 6 декабря 1844 года въ Плетеняхъ, въ собственномъ домѣ, подъ названіемъ мусульманскаго братьевъ Юнусовыхъ, содержится и по настоящее время, въ противоположность первымъ двумъ пріютамъ, получающимъ средства отъ губернскаго попечительства, въ вѣданіи котораго всѣ три пріюта и состоятъ.

Мѣстное отдѣленіе Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ, открытое въ 1885 году, содержитъ съ того же года училище для слѣпыхъ дѣтей (помѣщается на Покровской ул., въ д. городской богадѣльни), воспитанники котораго, проходя общеобразовательный курсъ ученія въ объемѣ начальныхъ училищъ, обучаются также музыкѣ, пѣнію и ручному труду (плетеніе изъ разн. матеріаловъ ковровъ, корзинъ, чемодановъ, ридикюлей), очень хорошія произведенія котораго всегда имѣются для продажи какъ въ самомъ училищѣ, такъ и въ учебномъ отдѣлѣ городскаго музея. Особый видъ благотворительной дѣятельности отдѣленія представляетъ собою оказываніе имъ денежныхъ пособій неимущимъ слѣпцамъ.

Мѣстный отдѣлъ Краснаго Креста основанъ въ Казани въ 1876 г., передъ послѣднею восточною компаніею. Располагая значительными матеріальными средствами

(до 75 т. р.), отдѣлъ оказываетъ вспоможеніе раненымъ и увѣчнымъ воинамъ, содержитъ общину сестеръ милосердія и снаряжаетъ санитарные отряды для борьбы съ эпидеміями.

Мѣстный отдѣлъ Православнаго Палестинскаго Общества открытъ въ Казани лишь въ 1894 году. Одна изъ задачъ отдѣла—облегченіе паломничествъ въ Святыя мѣста, путемъ продажи паломническихъ книжекъ по дешевымъ тарифамъ и дачи всякаго рода необходимыхъ свѣдѣній и указаній лицамъ, желающимъ воспользоваться посредничествомъ въ этомъ отношеніи общества.

Кромѣ исчисленныхъ выше органовъ оффиціознаго характера, въ Казани имѣется рядъ обществъ и ассоціацій, носящихъ уже частный характеръ и преслѣдующихъ различнаго рода задачи благотворенія и взаимопомощи. Укажемъ, прежде всего, общества, преслѣдующія тѣ или другія задачи спеціальнаго характера. Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставимъ мы—

Общества вспомоществованія учащимся. Городъ Казань располагаетъ десятью обществами этого рода, которыя имѣются почти при всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Три изъ нихъ преслѣдуютъ задачи вспоможенія учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Императорскаго Казанскаго университета, съ особою при немъ кассою ссудъ подъ обезпеченіе стипендіями (сущ. съ 1871 года, взносъ 10 руб.), Общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ духовной академіи (съ 1883 г., взносъ 3 р.) и Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ вет

нарнаго института (съ 1890 г.). Затѣмъ слѣдуютъ общества вспомоществованія учащимся: Императорской первой, второй и третьей мужскихъ гимназій, реальнаго училища, духовной семинаріи (попечительство), Ксеніинской женской гимназіи и земской фельдшерской школы.

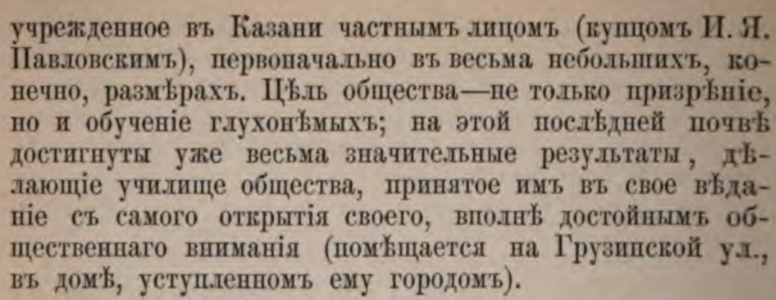
Однимъ изъ главныхъ тормозовъ дѣятельности этихъ обществъ является весьма неаккуратный платежъ членскихъ взносовъ, а по отношенію къ университетскому обществу—и въ высшей степени недобросовѣстное отношеніе къ возврату полученныхъ отъ него, во времена студенчества, ссудъ: многіе должники общества, имѣя нынѣ вполнѣ обезпеченное положеніе, не возвращаютъ своихъ долговъ (общая сумма ихъ доходитъ до 60 т. р.), не взирая на безчисленныя напоминанія и воззванія комитета общества. Однимъ изъ существенныхъ подспорій всѣхъ этихъ обществъ являются музыкально-танцовальные вечера, спектакли, концерты и публичныя чтенія, отъ времени до времени устраиваемые въ ихъ пользу. Особенною популярностью пользуются въ Казани многолюдные и оживленные вечера въ пользу о-ва вспомоществов. недост. студентамъ университета, собирающіе въ залахъ дворянскаго собранія представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ мѣстнаго общества.

Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ преслѣдуетъ задачи нравственнаго исправлен малолѣтнихъ преступниковъ, для каковой цѣли оно с держитъ (съ 1775 года) воспитательно-исправ тельный пріютъ для малолѣтнихъ преступник (въ Адмиралтейской слоб., собственн. домъ), въ котор воспитанники, присылаемые сюда какъ по пригово судебныхъ установленій, такъ и принимаемые сам обществомъ, помимо общаго курса начальныхъ учил обучаются и нѣкоторымъ ремесламъ. Общество су вуетъ съ 1873 года.

Инициатива основанія этого общества принадлежитъ одной изъ сессій присяжныхъ засѣдателей мѣстнаго окружнаго суда (1872 года), которые, разставаясь по окончаніи сессіи своей, рѣшили совмѣстно позавтракать въ одномъ изъ ресторановъ. За стаканомъ добраго вина разговоръ зашелъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ пережитой мѣсячной сессіи (дѣло было въ Казани еще вновѣ, такъ какъ окружный судъ открылся съ небольшимъ за годъ до того), и былъ затронутъ вопросъ о судьбѣ малолѣтнихъ преступниковъ, приведшій къ мысли о желательности основанія въ Казани общества для облегченія участи ихъ. Отъ словъ перешли къ дѣлу: тутъ же намѣчены были пути къ осуществленію этой идеи и сдѣлана подписка для образованія первоначальнаго фонда будущаго общества, которая передавалась затѣмъ слѣдующимъ сессіямъ присяжныхъ засѣдателей, а также открыта и въ городѣ. Таково зарожденіе этого симпатичнаго общества, занятаго въ настоящее время вопросомъ объ основаніи, въ дополненіе къ существующему уже ремесленному пріюту, еще и земледѣльческой колоніи; недостатокъ, пока, въ денежныхъ средствахъ.

Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ открыло свои дѣйствія съ 1889 года (уставъ утвержденъ въ 1888 г.), съ цѣлью оказыванія помощи безпріютнымъ и больнымъ дѣтямъ и, не смотря на кратковременность существованія, успѣло уже довольно широко поставить свои святыя задачи. Общество содержитъ въ Плетеняхъ, въ домѣ, уступленномъ для этой цѣли городскимъ управленіемъ, пріютъ-школу для безпріютныхъ дѣтей обоего пола и, сверхъ того, выдаетъ пособія бѣднымъ семьямъ, обремененнымъ больными или многочисленными дѣтьми. Дѣятельность общества поддерживается исключительно частною благотворительностью.

Общество призрѣнія и образованія глухонѣмыхъ дѣтей возникло въ 1887 г. Поводомъ къ основанію его послужило училище для глухонѣмыхъ дѣтей,



учрежденное въ Казани частнымъ лицомъ (купцомъ И. Я. Павловскимъ), первоначально въ весьма небольшихъ, конечно, размѣрахъ. Цѣль общества—не только призрѣніе, но и обученіе глухонѣмыхъ; на этой послѣдней почвѣ достигнуты уже весьма значительные результаты, дѣлающіе училище общества, принятое имъ въ свое вѣданіе съ самого открытія своего, вполнѣ достойнымъ общественнаго вниманія (помѣщается на Грузинской ул., въ домѣ, уступленномъ ему городомъ).

Общество трезвости, открытое въ гор. Казани въ 1892 году, преслѣдуетъ не только нравственныя задачи, указываемыя самымъ названіемъ его, но, въ связи съ ними, и задачи благотворительныя: имъ основана дешевая (отчасти даже безплатная) чайная-столовая (помѣщается на углу Булака и Кузнечнаго переулка, подъ крѣпостью) и ночлежный пріютъ. При чайной устроена библіотека-читальня, а по зимамъ происходятъ народныя чтенія съ туманными картинами. Комитетомъ общества издаются брошюры популярно-нравственнаго содержанія, а въ настоящее время намѣчено даже изданіе собственнаго повременнаго печатнаго органа. Казанское общество трезвости имѣетъ свои отдѣлы: въ подгородномъ селѣ Богородскомъ, съ школою при немъ, въ Адмиралтейской слободѣ, въ г. Свіяжскѣ и Тетюшахъ.

Казанское отдѣленіе общества спасанія на водахъ, преслѣдуя задачи, общія всѣмъ другимъ отдѣленіямъ этого общества, содержитъ на волжской пристани г. Казани спасательную станцію, съ брандвахтою и всѣми необходимыми приспособленіями; во время ледохода и ледо-

[redacted]

става отдѣленіе устраиваетъ спасательный постъ и у дер. Кабачищи, на мѣстѣ желѣзнодорожной переправы черезъ р. Волгу.

Переходимъ къ исчисленію казанскихъ обществъ, преслѣдующихъ задачи взаимопомощи. Таковы:

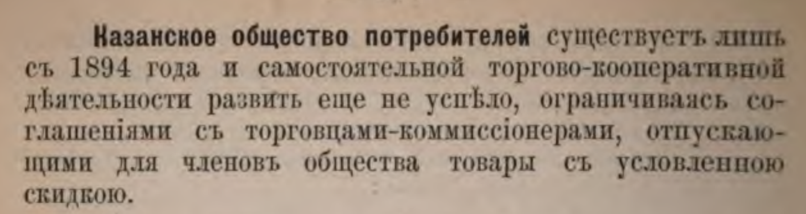
Вспомогательное общество прикащиковъ, основанное въ 1866 году для цѣлей взаимнаго вспоможенія среди лицъ названной профессіи,—въ видѣ выдачъ ссудъ, пособій и пенсій, воспитанія и призрѣнія дѣтей и сиротъ членовъ общества и т. п. При обществѣ существуютъ сберегательная касса и весьма порядочная библіотека. Симпатичную черту дѣятельности этого общества представляютъ собою публичные курсы чтеній, отъ времени до времени (къ сожалѣнію рѣже, нежели это было бы желательно) устраиваемые имъ для своихъ членовъ.

Общество взаимнаго вспоможенія книгопечатниковъ, существующее съ 1885 г., для цѣлей: улучшенія быта книгопечатниковъ, распространенія среди нихъ полезныхъ знаній, оказанія временныхъ пособій, обезпеченія на случай старости или болѣзни и т. п. При обществѣ имѣется библіотека и читальня.

Общество взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ, осованное въ началѣ текущаго десятилѣтія. Задачи общества ясны изъ самаго его названія.

Вспомогательная медицинская касса, существующая съ 1887 года. Свѣдѣній о дѣятельности этого учрежденія мы не имѣемъ.

Казанская похоронная касса (уставъ утвержденъ въ 1886 г.); дѣятельности своей не проявляетъ.



Казанское общество потребителей существуетъ лишь съ 1894 года и самостоятельной торгово-кооперативной дѣятельности развить еще не успѣло, ограничиваясь соглашеніями съ торговцами-коммиссіонерами, отпускающими для членовъ общества товары съ условленною скидкою.

Общество потребителей, имѣвшее двѣ собственныя лавки, существовало въ Казани еще во второй половинѣ 60-хъ гг., устроенное стараніями профессора политич. экономіи въ мѣстномъ университетѣ Ю. А. Микшевича. Въ началѣ дѣла общества пошли было довольно бойко, но безпорядочное и неумѣлое продолженіе дѣла привело къ тому, что въ 1871 г. оно вынуждено было ликвидировать свои дѣла.

Вольное пожарное общество г. Казани, утвержденное четыре года тому назадъ по иниціативѣ и по мысли бывшаго казанскаго вице-губернатора А. П. Энгельгардта, остается до сихъ поръ въ области тѣхъ благихъ начинаній, которымъ не суждено бываетъ видѣть осуществленія своего на дѣлѣ....

Кромѣ исчисленныхъ выше обществъ взаимопомощи, въ городѣ Казани при многихъ учрежденіяхъ (университетъ, городское управленіе, земскія управы и пр.) имѣются также ссудо-сберегательныя кассы, перечислять которыя мы не будемъ.

Наряду съ обществами филантропическими, въ Казани имѣется съ 1868 года Общество покровительства животнымъ, почти не проявляющее, впрочемъ, своей жизнедѣятельности.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ организаціи въ Казани дѣла благотворительности, перечислимъ имѣющіяся здѣсь богадѣльни и др. мѣста призрѣнія:

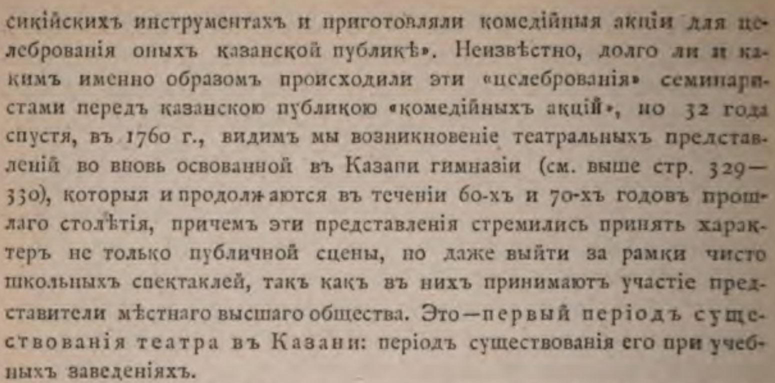
1) Ложкинская богадѣльня для неимущихъ и престарѣлыхъ гражданъ,—старѣйшая изъ существующихъ, учреждена въ 1847 г.); 2) Крупениковская городская; 3) Маріинская, съ сиротскимъ отдѣленіемъ, мѣщанскаго общества; 4) Богадѣльня и сиротскій домъ губернскаго земства; 5) Богадѣльня Павловыхъ и Прибытковыхъ; 6) Александро-Чемесовская богадѣльня, для дворянъ; 7) Богадѣльня А. И. Фонъ-Финкъ, для дворянъ; 8) Богадѣльня цехового общества; 9) Богадѣльня для лицъ духовнаго званія; 10) Богадѣльня попечительнаго о бѣдныхъ комитета.

Въ интересахъ казанской бѣдноты въ г. Казани имѣются 5 дешевыхъ столовыхъ (3 изъ нихъ и безплатныя), изъ которыхъ своимъ устройствомъ въ особенности выдѣляется такъ назыв. «Андреевская» (по Молочному пер.), и образцовый ночлежный пріютъ, устроенный въ 1886 г. покойнымъ И. Н. Журавлевымъ (подъ крѣпостью), нынѣ, съ кончиною его устроителя—городской.

V. Театръ, музыка и другія развлеченія общественнаго характера.

а) Театръ въ Казани.

Начало театральныхъ представленій въ Казани относится ко второму десятилѣтію XVIII вѣка, когда, во вновь основанной въ Казани въ 1722 году славяно-латинской академіи, студенты, въ числѣ другихъ предметовъ ученія, должны были обучаться и «комедійнымъ акціямъ» (см. выше стр. 255). И, дѣйствительно, до насъ дошло свидѣтельство, что въ 1728 г. въ этой академіи ученики въ свободное отъ ученія время, по силѣ духовнаго регламента, занимались «на му-



сикійскихъ инструментахъ и приготовляли комедійныя акціи для целеброванія оныхъ казанской публикѣ». Неизвѣстно, долго ли и какимъ именно образомъ происходили эти «целеброванія» семинаристами передъ казанскою публикою «комедійныхъ акцій», но 32 года спустя, въ 1760 г., видимъ мы возникновеніе театральныхъ представленій во вновь основанной въ Казани гимназіи (см. выше стр. 329—330), которыя и продолжаются въ теченіи 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, причемъ эти представленія стремились принять характеръ не только публичной сцены, но даже выйти за рамки чисто школьныхъ спектаклей, такъ какъ въ нихъ принимаютъ участіе представители мѣстнаго высшаго общества. Это—*первый періодъ существованія театра въ Казани*: періодъ существованія его при учебныхъ заведеніяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что уже этотъ начальный періодъ въ исторіи казанскаго театра долженъ былъ развить въ мѣстномъ обществѣ любовь и вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ и, такимъ образомъ, къ концу XVIII в. была въ значительной степени подготовлена почва для возможности возникновенія въ Казани постояннаго театра.

Начало постояннаго театра въ Казани. Театръ актера Бобровскаго и антрепренера П. П. Есипова. Постоянный театръ въ Казани возникаетъ въ 1791 году, такъ что, слѣдовательно, казанская публичная сцена вправѣ считать за собою болѣе вѣка существованія.

Иниціатива созданія въ Казани постояннаго театра принадлежала губернатору того времени, князю С. М. Баратаеву, который отвелъ подъ его помѣщеніе одинъ изъ казенныхъ домовъ на Воскресенской ул. (нынѣшн. домъ Челышева, а до того—Коммонена) и ввѣрилъ управленіе театромъ вызванному имъ для этой цѣли въ Казань бывшему придворному актеру *Вас. Род. Бобровскому*, оставивъ за собою главный надзоръ за общею постановкою дѣла и за кассою. Мало извѣстно объ ор-

ганизаціи этого полуоффиціальнаго театральнаго предпріятія, но надо думать, что она была осмысленною, такъ какъ Бобровскій былъ человѣкомъ образованнымъ и въ сценическомъ отношеніи опытнымъ. Опредѣленной труппы этотъ театръ не имѣлъ: исполнителями на сценѣ его выступали разные „благородные люди", учителя мѣстнаго главнаго народнаго училища и бывшіе воспитанники упраздненной казанской гимназіи, имѣвшіе уже за собою опытность въ театральномъ дѣлѣ. Баратаевскій театръ просуществовалъ до осени 1796 г., когда представленія прекратились въ немъ по поводу кончины Императрицы Екатерины II, а въ слѣдующемъ году состоялось и увольненіе отъ губернаторства создателя этого театра, кн. Баратаева. Существуетъ, впрочемъ, указаніе на то, что представленія въ 1800 году возобновились въ новомъ театральномъ помѣщеніи, гдѣ то на Булакѣ и снова подъ управленіемъ того же Бобровскаго, который и является, такимъ образомъ, первымъ по времени антрепренеромъ казанскаго театра.

Слѣдующею, и первою серьезною, попыткою создать въ Казани постоянный публичный театръ, — на этотъ разъ уже съ опредѣленною труппою, спеціально устроеннымъ для этой цѣли зданіемъ и съ задачами поставить дѣло на возможный для провинціи и для частныхъ средствъ уровень совершенства, — представляетъ собою антреприза казанскаго помѣщика и гвардіи прапорщика Пав. Петр. Есипова, стараго и завзятаго театрала, имѣвшаго въ своей деревнѣ крѣпостной театръ, актеры и актрисы котораго и дали контингентъ для первоначальной труппы его публичнаго театра, открывшагося въ сезонъ 1803—1804 г. и свѣ-

дѣнія о которомъ сообщаются С. Т. Аксаковымъ въ его воспоминаніяхъ. Получивъ еще въ 1802 г. разрѣшеніе на открытіе въ Казани театра, Есиповъ выстроилъ для него обширное деревянное зданіе па возвышенности, прилегавшей къ тогдашней Кузнечной площади, выведя колоннаду главнаго фасада къ линіямъ Покровской и Грузинской улицъ (этотъ театръ стоялъ въ сѣверной части нынѣшн. Державинскаго сквера). Одновременно съ постройкою зданія театра, Есиповъ занялся и подготовленіемъ для него труппы; лучшихъ изъ своихъ крѣпостныхъ артистовъ онъ возилъ въ Петербургъ, чтобы дать имъ возможность познакомиться съ игрою столичныхъ театральныхъ свѣтилъ того времени, а главныя двѣ звѣзды его труппы—„герой" Ѳедоръ Львовъ и „героиня" Ѳеклуша (обладавшая недюжиннымъ дарованіемъ) удостоились пройти нѣкоторыя роли съ знаменитымъ Дмитревскимъ. Отсылая къ воспоминаніямъ С. Т. Аксакова лицъ, желающихъ ближе познакомиться съ подробностями, касающимися есиповскаго театра, замѣтимъ лишь, что театръ этотъ, повидимому, пользовался симпатіями мѣстной интеллигенціи. Некрологистъ Есипова писалъ въ 1814 году, что Есиповъ „стараніемъ своимъ довелъ казанскій театръ до весьма значительной степени совершенства, такъ что онъ изъ театровъ, находящихся въ губернскихъ городахъ, могъ почитаться однимъ изъ лучшихъ и казанская публика около 15 лѣтъ имѣла удовольствіе видѣть цвѣтущимъ сіе заведеніе". Не ограничиваясь наличными силами своей труппы, Есиповъ приглашалъ и гастролеровъ; такъ, на сценѣ его театра въ 1805 году игралъ знаменитый Плавильщиковъ, гастроли котораго являлись для мѣстныхъ театраловъ цѣлымъ со-

бытіемъ, нашедшимъ себѣ такой горячій отголосокъ въ душѣ юноши-Аксакова.

Благодаря антрепризѣ Есипова, казанская публика привыкла къ театру и театральныя зрѣлища сдѣлались для извѣстной части ея существенною потребностью и даже татары стали посѣщать театръ, пока самъ же антрепренеръ, своею безтактностью, не отбилъ у нихъ на долго охоту посѣщать его.

Старожилы разсказывали объ этомъ лѣтъ 50 тому назадъ слѣдующее. Однажды на сценѣ есиповскаго театра давалась трагедія Вольтера «Магометъ». Названіе пьесы привлекло въ театръ много татаръ и спектакль шелъ своимъ порядкомъ до появленія на сценѣ актера, исполнявшаго заглавную роль трагедіи. Тутъ, увидѣвъ чалму своего пророка и услышавъ его имя, татары пришли въ смятеніе и съ криками «Алла, Алла!» бросились вонъ изъ театра; другіе сбрасывали обувь и съ тѣмъ же возгласомъ падали ницъ, вообразивъ передъ собою настоящаго Магомета, сошедшаго къ нимъ съ укоризною за посѣщеніе театра. Долго послѣ этого мѣстные мусульмане не посѣщали театра, но уже къ 40-мъ годамъ предубѣжденіе ихъ противъ него было забыто.

Не дешево стоило Есипову его театральное предпріятіе. Онъ посадилъ въ это дѣло все свое, когда то весьма значительное, состояніе и ежегодные дефициты по антрепризѣ быстро приближали его къ раззоренію. Уже къ 1810 г. дѣла Есипова стали настолько плохи, что онъ вынужденъ былъ просить или о казенной субсидіи (12 тыс. р. въ годъ) для поддержанія казанскаго театра, или же о взятіи этого театра въ казенное управленіе; но, не смотря на поддержку губернатора Мансурова, оба ходатайства оставлены были безъ удовлетворенія. Еще четыре года послѣ этого протянулъ раззо-

рившійся помѣщикъ свою злосчастную антрепризу, мало по малу спуская на удовлетвореніе страсти къ театру послѣдніе остатки своего состоянія, пока 4 іюля 1814 г. смерть не положила предѣла его бурной и полной превратностей жизни. Осиротѣвшая со смертью принципала своего труппа устроила было нѣчто вродѣ товарищества, продолжая давать спектакли въ сезонъ 1814—1815 г., но страшный пожаръ 3 сентября 1815 года положилъ конецъ дѣлу: хотя зданіе есиповскаго театра какимъ то чудомъ и уцѣлѣло отъ огня, но послѣ этой катастрофы казанцамъ было уже не до театральныхъ зрѣлищъ, а самый театръ, купленный въ слѣдующемъ году на сломъ для Казанскаго Богородицкаго монастыря, послужилъ матеріаломъ для возведенія въ немъ новыхъ деревянныхъ службъ.

Такъ печально окончилась первая серьезная попытка частной театральной антрепризы въ Казани. П. П. Есиповъ первый сталъ на эту зыбкую почву и первый же провалился на ней, открывъ въ этомъ направленіи торную дорожку для длиннаго ряда преемниковъ своихъ, имена которыхъ вошли въ скорбный мортирологъ предпринимателей, «ушибленныхъ» казанскимъ театромъ, — какъ фигурально выразился про Есипова его современникъ Ф. Ф. Вигель.

Казанскій театръ послѣ Есипова. Антрепризы Соколова и Стрѣлкова—до открытія каменнаго городскаго театра. Пожаръ 3 сентября 1815 г. положилъ перерывъ въ цѣлые 13 лѣтъ существованію въ Казани постояннаго публичнаго театра и долгое время мѣстная публика довольствовалась лишь „благородными спектаклями“, которые, отъ времени до времени, давались въ отстроенномъ послѣ пожара помѣщеніи дворянскаго собра-

нія (нынѣшн. помѣщеніе судебной палаты). Только осенью 1828 года возобновляется въ Казани публичный театръ, антрепренеромъ котораго выступаетъ актеръ **Москвинъ**. Москвинъ, труппа котораго хотя и не была велика, но, повидимому, удовлетворяла требованіямъ мѣстныхъ театраловъ, не долго оставался во главѣ казанскаго театра: къ концу сезона 1828—1829 года онъ обращается въ простаго актера и весною 1829 г. антреприза казанскаго театра (гдѣ этотъ театръ помѣщался—точно неизвѣстно) попадаетъ въ руки нижегородскаго купца Ф. **Диттеля***); надо полагать, что Москвинъ встрѣтился съ неблагопріятными условіями матеріальнаго характера, заставившими его отказаться отъ антрепризы.

Преемникомъ Диттеля по содержанію казанскаго театра выступилъ извѣстный впослѣдствіе провинціальный антрепренеръ **Ник. Ив. Ивановъ**, любопытныя воспоминанія котораго печатались въ 1891 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Изъ этихъ воспоминаній и почерпаются свѣдѣнія о казанской антрепризѣ Иванова, относящейся къ промежутку времени 1831—1833 годовъ.

Казанская антреприза Н. И. Иванова отмѣчена событіемъ, представляющимъ немаловажный фактъ въ лѣтописяхъ русскаго театра: она выдвинула впередъ крупный талантъ—знаменитаго драматическаго актера Вас. Вас. Самойлова, служившаго въ то время въ Казани по горному вѣдомству, и напроказничившаго здѣсь, чѣмъ возстановилъ противъ себя мѣстнаго губернатора и предводителя дворянства до такой степени, что пришлось подать въ отставку. Благодаря ходатайству

*) Сынъ его, В. Ф. Диттель, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ, былъ впослѣдствіе профессоромъ турецкаго языка въ петербургскомъ университетѣ.

служившаго въ труппѣ Иванова брата своего Петра Васильевича, Самойловъ, обладавшій хорошимъ теноромъ, принятъ былъ въ труппу казанскаго театра, на окладъ въ 20 р. въ мѣсяцъ, для участія въ операхъ, и дебюты его съ успѣхомъ состоялись, первый—въ одноактной оперѣ «Домъ сумасшедшихъ», второй — въ трехактной оперѣ «Женщина-лунатикъ». Недолго продолжалось служеніе В. В. Самойлова казанской сценѣ: благодаря личному ходатайству передъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ его отца, актера-ветерана Вас. Мих. Самойлова, онъ былъ вызванъ на петербургскую Императорскую сцену. Подробности всей этой исторіи разсказываются въ воспоминаніяхъ Н. И. Иванова.

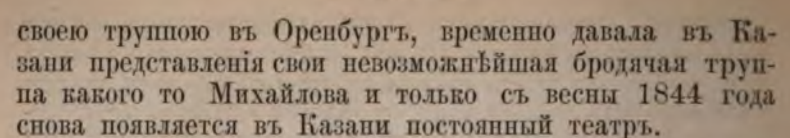
На болѣе прочныхъ и постоянныхъ началахъ организуется дѣло казанскаго театра съ 1833 года, когда онъ попадаетъ въ руки антрепренера Соколова, встрѣтившаго себѣ вліятельную поддержку въ лицѣ тогдашняго губернатора и яраго театрала С. С. Стрекалова. Театръ Соколова первоначально помѣщался въ бывшемъ домѣ Родіоновой, купленномъ городомъ подъ помѣщеніе полиціи (нынѣшн. зданіе первой части), но года через два для него было выстроено спеціальное деревянное зданіе на томъ же пустырѣ, на которомъ когда то красовался и театръ Есипова, но ближе къ Кузнечной (Николаевской) площади, слѣдовательно—въ южной части нынѣшняго Державинскаго сада.

Первоначально труппа Соколова была очень не велика,—не болѣе 10 человѣкъ,—и дѣла шли не бойко, но поддержка губернатора, а, слѣдомъ за нимъ, и мѣстнаго общества, дали антрепренеру возможность расширить дѣло, увеличить труппу до 30 человѣкъ, завести новыя декораціи и костюмы, ставить оперы, приглашать гастролеровъ (наприм. отца и дочь Щепкиныхъ) и даже выстроить спеціально приспособленное для театра зданіе. Театральное дѣло было поставлено

Соколовымъ на первыхъ порахъ вполнѣ удовлетворительно. «Между актерами,—писалъ одинъ заѣзжій изъ Москвы рецензентъ,—нѣтъ ни одного генія, но за то есть люди даровитые и образованные, которые трудятся до пота лица; иные любятъ и понимаютъ искусство, съ любовью принимая всякій дѣльный совѣтъ, всякое дѣльное указаніе»; «вмѣсто пышности и великолѣпія, — говоритъ тотъ же рецензентъ о внѣшности казанскаго теетра,—я нашелъ въ немъ простоту, но, оглядѣвшись, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что все вокругъ меня чисто, пристойно и порядочно».... Въ числѣ главныхъ персонажей труппы Соколова можно отмѣтить актеровъ: Борисоглѣбскаго, Головинскаго, Дмитріева, Полякова, актрисъ: Канищеву, Иванову и др.

Впрочемъ, и антреприза Соколова далеко не была блестящею съ матеріальной точки зрѣнія, такъ что одно время онъ вынужденъ былъ передать ее купцу Пивато, который повелъ дѣло настолько плохо, что Соколовъ снова почелъ нужнымъ стать во главѣ его. Къ началу 40-хъ годовъ дѣла театра Соколова стали, вообще, падать. Обремененный значительными издержками по антрепризѣ (до 40 тыс. рубл. въ годъ), которыя онъ не въ состояніи былъ покрывать сборами, Соколовъ думалъ поправить дѣла безпрестанною постановкою новыхъ пьесъ, что только обременяло артистовъ и вредило ансамблю и стройности исполненія; началъ прибѣгать къ грубой рекламѣ и широковѣщательнымъ афишамъ и, мало по малу, съумѣлъ охладить публику къ театру, т. е. пошелъ по торному пути большей части русскихъ антрепренеровъ.

Придя въ началѣ сороковыхъ годовъ къ упадку, смѣнившему собою блестящую пору ихъ, театральныя дѣла Соколова стали становиться все хуже и хуже и привели бы казанскаго импрессаріо, несомнѣнно, къ рѣ-шительному краху, если бы конецъ его антрепризѣ былъ положенъ большимъ пожаромъ 1842 года, ис-бившимъ большую часть города и, вмѣстѣ съ нею, деревянный театръ. Послѣ Соколова, удалившагос



своею труппою въ Оренбургъ, временно давала въ Казани представленія свои невозможнѣйшая бродячая труппа какого то Михайлова и только съ весны 1844 года снова появляется въ Казани постоянный театръ.

На этотъ разъ во главѣ казанскаго театральнаго дѣла выступилъ антрепренеръ Стрѣлковъ, прибывшій съ своею труппою изъ Самары и открывшій представленія 19 мая 1844 года въ помѣщеніи, приспособленномъ для театра въ домѣ Власьева, на Красной улицѣ (впосл. домъ Карповыхъ, Татариновыхъ, а нынѣ г. Никольскаго), гдѣ театръ ютился вплоть до открытія представленій (въ 1852 г.) въ новомъ каменномъ городскомъ театрѣ.

Не великъ былъ этотъ театръ, но публика вполнѣ удовлетворялась имъ: «Въ немъ все есть, чему быть должно,—пишетъ хроникеръ того времени,—есть и ложи, и бенуаръ, и парадисъ, и даже балконъ; притомъ все такъ чистенько и свѣтло, и не глухо, словомъ—театръ хоть куда».... Но за то самая труппа Стрѣлкова не выходила изъ ряда посредственности и театръ посѣщался публикою далеко не усердно, чему антрепренеръ былъ въ значительной степени и самъ виноватъ, такъ какъ, плохо зная дѣло, раздавалъ роли какъ и кому попало, неудовлетворительно велъ репертуаръ, не заботился о хорошей постановкѣ пьесъ. Антрепренеръ дошелъ, въ концѣ концовъ, до такого печальнаго матеріальнаго положенія, что, по словамъ современнаго хроникера, нерѣдко «оставался безъ дневнаго пропитанія», и тогда разсылалъ по городу печатные стихи, въ которыхъ взывалъ къ поддержкѣ публики, въ жалостливыхъ чертахъ рисуя въ нихъ бѣдственное положеніе антрепренера, его жены и малолѣтнихъ дѣтей. Подобное положеніе вещей не оставалось безъ вліянія и на артистовъ; по словамъ того же хроникера, они больше занимались скандалами, нежели своимъ дѣломъ, а трагикъ К. большее количество ночей проводилъ въ будкѣ или полиціи, нежели дома.... Тщетно прибѣгалъ

злосчастный антрепренеръ и къ содѣйствію гастролеровъ; такъ, въ 1845 году гастролировали у него знаменитый Мартыновъ и Смирновъ 2-й, въ 1847 г.—Славинъ, въ 1848 г.—Марковецкій. Публика охотно посѣщала театръ, когда на сценѣ его выступали заѣзжія знаменитости, а съ отъѣздомъ ихъ театръ пустовалъ еще больше прежняго. Такъ тянулись печальныя дѣла казанской сцецы вплоть до открытія новаго городскаго театра.

Не удивительно что, не удовлетворяясь атрепренерскимъ театромъ, публика весьма охотно цосѣщала «благородные» спектакли, весьма нерѣдко устроивавшіеся представителями мѣстнаго общества; отмѣтимъ, напримѣръ, устроенные вице-губернаторомъ Завѣлейскимъ, на масляницу 1845 г., два спектакля въ пользу дѣтскихъ пріютовъ, давшіе до 5 тыс. р. сбора и интересные тѣмъ, что въ нихъ участвовалъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Сергѣемъ, нашъ знаменитый писатель графъ Левъ Никол. Толстой, въ то время еще студентъ перваго курса восточнаго факультета казанскаго университета.

Вопросъ о сооруженіи въ Казани постояннаго городскаго каменнаго театра возникъ въ первой половинѣ 40-хъ годовъ по инициіативѣ казанскаго зиждителя и строителя той эпохи, военнаго губернатора С. П. Шипова, вошедшаго по этому поводу къ министру внутренн. дѣлъ съ представленіемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о построеніи въ Казани каменнаго постояннаго театральнаго зданія, необходимаго здѣсь „по многочисленности населенія, по значительности города и изъ желанія доставить жителямъ возможность пользоваться полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ“. Министръ внутренн. дѣлъ утвердилъ предположеніе губернатора, указалъ средства для сооруженія театра и составленный планъ этого послѣдняго не замедлилъ удостоиться Высочайшаго одобренія. Мѣсто для театра было выбрано какъ разъ противъ мѣста, на которомъ стояли раньше оба деревянные те-

атра (Еспиова и Соколова), на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1842 году экзерциргауза, между зданіемъ почтамта и мѣстомъ, на которомъ уже производилась въ то время стройка дома дворянскаго собранія. 14 сентября 1845 г., въ присутствіи многочисленной публики и при торжественной обстановкѣ, губернаторомъ Шиповымъ заложенъ былъ первый камень нынѣшняго зданія театра, къ 1852 году совершенно уже законченнаго своею постройкою. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы, что этотъ театръ дважды (въ 1860 и 1874 годахъ) горѣлъ и былъ послѣ пожара 1874 г. почти въ полтора раза расширенъ, сравнительно съ своими первоначальными размѣрами. Строившійся подъ наблюденіемъ губернской строительной коммиссіи, театръ обошелся въ сумму около $73^1/_2$ тыс. р. Таково происхожденіе современнаго каменнаго зданія казанскаго театра.

Казанскій театръ съ 1852 года до пожара его въ 1860 году. Еще въ 1850 г. сдѣланы были публикаціи о сдачѣ въ содержаніе вновь отстраиваемаго казанскаго театра, но частной антрепризы его не послѣдовало: для управленія театромъ образовалась дирекція на акціяхъ, составившаяся изъ представителей мѣстнаго аристократическаго міра, которая въ первое время очень энергично взялась за дѣло и 6 апрѣля 1852 года открыла первымъ представленіемъ весенній театральный сезонъ, ознаменовавшійся гастролями М. С. Щепкина съ дочерью.

Для новаго театра была сформирована весьма полная и сильная труппа, въ мужскомъ персоналѣ которой выдавались актеры: Степановъ, Дудкинъ, Аѳанасьевъ, Владиміровъ, Выходцевъ, Яковлевъ; актрисы: Стрѣлкова 1-я и 2-я, Прокофьева, Барышева, Выходцева. Съ октября 1852 г. въ составъ труппы вступилъ и сразу завоевалъ себѣ

выдающійся успѣхъ извѣстный въ свое время трагикъ Н. К. Милославскій (Фридебургъ), на котораго возложены были и режиссерскія обязанности, въ то время, какъ сцена находилась въ вѣданіи декоратора Живокини, приглашеннаго для устройства ея еще задолго до открытія театра. Въ сезонъ 1853—1554 г. труппа пополнилась артистами Бергомъ и Виноградовымъ; въ 1855—1856 г., кромѣ Милославскаго (передъ тѣмъ временно, на годъ, оставлявшаго ее), на казанской сценѣ игралъ извѣстный Рыбаковъ.

Къ этой порѣ существованія новаго театра относится и начало оперы въ Казани; такъ, въ 1854 году ставятся на сценѣ его «Волшебный Стрѣлокъ» и «Цампа», при участіи пѣвцовъ: Рубцова, Орлова, Васильева и Степановой; давались и балеты, въ которыхъ подвизалась балерина г-жа Шмидгофъ.

Около шести лѣтъ продолжалось блестящее состояніе казанскаго театра, — эпоха, въ продолженіи которой онъ занялъ первое мѣсто въ ряду русскихъ провинціальныхъ сценъ и которая является истиннымъ золотымъ вѣкомъ его. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ директора театра стали охладѣвать къ дѣламъ его и одинъ за другимъ выходили изъ состава дирекціи, и все управленіе театромъ, мало по малу, перешло въ единоличное вѣданіе одного изъ директоровъ Н. И. Мирцева, при которомъ казанская сцена дѣлаетъ крутой поворотъ къ паденію, въ особенности съ оставленіемъ ея въ 1857 г. талантливымъ режиссеромъ и артистомъ Милославскимъ. Въ надеждѣ оживить театральныя дѣла, Мирцевъ приглашалъ гастролеровъ, а въ концѣ 1858 г. пригласилъ небольшую заѣзжую труппу итальянскихъ пѣвцовъ, которые и ставили отрывки изъ оперъ. Но ничто не могло уже удержать начавшагося паденія театра, въ особенности съ начала сезона 1859—1860 г., когда онъ попадаетъ въ

руки антрепренера Хатунцева. При этомъ содержателѣ театра совершается окончательное паденіе казанской сцены. Публика охладѣла къ театру, сборы упали, начались недоразумѣнія между публикою и антрепренеромъ. Хатунцевъ, какъ антрепренеръ, оказался во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ; труппа стала распадаться и сезонъ былъ съ грѣхомъ пополамъ дотянутъ до конца.

Съ осени 1860 года казанскій театръ снятъ антрепренеромъ фонъ-Бергеромъ, который и далъ публикѣ итальянскую оперу (выдающіеся персонажи ея: г-жа Мансуи, теноръ Фискетти, баритонъ Финокки), вывезенную имъ въ Казань изъ Одессы. Не успѣли начаться спектакли, какъ театръ былъ временно закрытъ по случаю траура, наложеннаго вслѣдствіе кончины (19 октября) вдовствовавшей Императрицы Александры Θеодоровны. Въ началѣ декабря разрѣшено было возобновленіе представленій — но не долго суждено было имъ продолжаться: въ ночь на 14 декабря, по окончаніи представленія оперы „Севильскій Цирульникъ", въ зданіи театра вспыхнулъ пожаръ и къ утру отъ прекраснаго новаго городскаго театра остались однѣ лишь обгорѣлыя стѣны...

Казанскія сцены отъ пожара городскаго театра въ 1860 г. до его возобновленія въ 1867 году. Казанскіе театралы были сильно огорчены катастрофою 14 декабря. Начались толки о необходимости отстройки сгорѣвшаго театра и сдѣланъ былъ даже починъ къ частнымъ пожертвованіямъ на этотъ предметъ; такъ, купецъ Образцовъ, довѣренный по акцизно-откупному коммиссіонерству въ Казани, представилъ губернатору 1 тыс. рублей на возобновленіе зданія театра,—дѣло, которое, однако, оттянулось на цѣлые семь лѣтъ.

Послѣ пожара театра, положеніе игравшей въ немъ итальянской оперной труппы сдѣлалось очень затруднительнымъ. Труппа стала подъискивать подходящее помѣщеніе, въ которомъ могла бы временно пріютиться съ своими спектаклями; на помощь ей пришло казанское дворянство, уступившее для этой цѣли залъ новаго зданія своего собранія, въ которомъ, приспособивъ его для сцены, итальянцы до окончанія зимняго сезона и давали представленія, а съ наступленіемъ великаго поста перебивались духовными концертами.

Въ сезонъ 1862—1863 г. казанскіе театралы пробавлялись лишь любительскими спектаклями, которые давались съ благотворительными цѣлями въ домѣ военнаго губернатора, да какимъ то «театромъ-циркомъ» на Николаевской площади, весьма низкаго, повидимому, разбора.

Только къ осени 1862 года открытъ былъ деревянный театръ на Арскомъ Полѣ (на томъ мѣстѣ, гдѣ расположены въ настоящее время водопроводные резервуары), выстроенный нѣкіимъ Вейсомъ, который на этомъ предпріятіи раззорился, попавъ, въ концѣ концовъ, въ тюрьму. Съ конца ноября 1862 г. въ этомъ театрѣ и начались представленія драматической труппы подъ управленіемъ Аверино.

Дѣла Аверино пошли сначала недурно; у него въ труппѣ играли: трагикъ Рыбаковъ, комикъ Виноградовъ и любимица публики Стрѣлкова. Но и этотъ антрепренеръ могъ продержаться не долѣе года. Театръ Арскаго Поля сталъ переходить изъ рукъ въ руки, а дѣла его стали падать все больше и больше, пока, въ 1865 году, не снялъ этого театра мѣстный помѣщикъ-театралъ Дмитріевъ.

Снявшій въ 1865 г. театръ Арскаго Поля антрепренеръ-любитель Дмитріевъ поставилъ было дѣло здѣсь весьма широко, сразу заведя двѣ труппы—

русскую драматическую и итальянскую оперную; спектакли оперы давали сборы, драма—пустовала. Это предпріятіе принесло Дмитріеву около 70 тыс. р. убытка и, быть можетъ, совершенно раззорило бы его, если бы не новая театральная катастрофа: этотъ деревянный театръ 2 августа 1866 года сдѣлался также жертвою огня.

Къ этому именно времени относится начало антрепренерской дѣятельности въ Казани извѣстнаго Петра Мих. Медвѣдева. Въ половинѣ 60-хъ годовъ выстроенъ былъ въ Александровскомъ (впосл. Износковскій) саду небольшой лѣтній деревянный театръ; и садъ и театръ снимались извѣстнымъ казанскимъ ресторатор омъ В. И. Ожеговымъ, который сдавалъ театръ для разнаго рода представленій, концертовъ и т. п. Весною 1866 года театръ былъ снятъ начинавшимъ въ ту пору еще свою антрепренерскую дѣятельность Медвѣдевымъ, передъ тѣмъ державшимъ театры въ Пензѣ, Саратовѣ (лѣтній), Самарѣ и, наконецъ, на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ познакомился съ казанскимъ помѣщикомъ П. А. Костливцевымъ, который и уговорилъ его попытать счастья въ Казани. Въ маѣ мѣсяцѣ начались въ театрѣ Александровскаго сада представленія медвѣдевской труппы, которыя публикѣ настолько понравились и дѣлали такіе прекрасные сборы, что Медвѣдевъ подписалъ съ Ожеговымъ контрактъ о сдачѣ ему театра и на лѣто 1867 года. Обновивъ труппу, съ которою зиму Медвѣдевъ игралъ въ Самарѣ, онъ весною 1867 г. снова явился въ Казань, имѣя въ составѣ своихъ артистовъ такія силы, какъ Рѣшимовъ, Разсказовъ, Васильевъ-Гладковъ, Полтавцевъ, Красовскій, Стружкинъ, Барышева, сестры Дубровины, Красовская, Гусева, Медвѣдева и др. Сборамъ помѣшалъ было циркъ Гине, но Медвѣдевъ поставилъ оперетку «Орфей въ аду»—и циркъ былъ побѣжденъ. Это, замѣтимъ мимоходомъ, было первымъ опытомъ насажденія на казанской сценѣ будущаго каскаднаго репертуара. Въ этотъ пріѣздъ свой въ Казань, Медвѣдевъ впервые познакомился съ казанскимъ губернаторомъ Н. Я. Скарятинымъ, страстнымъ любителемъ и знатокомъ театра, усиленно

хлопотавшимъ въ то время съ возобновленіемъ сгорѣвшаго городскаго театра. Медвѣдевъ и труппа его губернатору понравились и уже въ началѣ лѣта, объявивъ Медвѣдеву, что къ октябрю того же года будетъ отдѣланъ возобновляемый городской театръ, предложилъ ему взять его въ аренду. Предложеніе было соблазнительно и П. М. Медвѣдевъ его принялъ; городской театръ сданъ былъ ему на 5 лѣтъ. Лѣтомъ слѣдующаго 1868 года лѣтній театръ Александровскаго сада снимался маститымъ уже въ то время антрепренеромъ Н. И. Ивановымъ,—тѣмъ самымъ, который держалъ въ Казани театръ еще въ началѣ 30-хъ годовъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ театръ этотъ сгорѣлъ.

Возобновленный городской театръ до пожара 1874 года. Вновь отстроенный къ осени 1867 г., казанскій городской театръ сданъ былъ на 5 лѣтъ антрепренеру П. М. Медвѣдеву. Къ лѣтней труппѣ своей, игравшей передъ тѣмъ въ театрѣ Александровскаго сада, Медвѣдевъ добавилъ г-жу Немирову-Ральфъ, г. Ральфъ, а для пѣнья въ антрактахъ пригласилъ г-жу Грипяски и г. Петрова.

Новый театръ въ октябрѣ открыли и дѣла его сразу пошли прекрасно. Съ 1868 г. въ репертуаръ стала понемногу вкрадываться оперетка, съ пресловутою «Прекрасною Еленою» во главѣ, въ которой роль Париса игралъ извѣстный М. В. Лентовскій. «Удержать оперетку не было никакой возможности, — пишетъ П. М. Медвѣдевъ въ «Автобіографіи» своей (Казань, 1886 г.)—это участь всѣхъ россійскихъ театровъ: оперетка—сборъ, драма, въ особенности Островскаго—пустота; въ остальные три года моей аренды повторялось тоже самое». За эти пять лѣтъ антрепризы Медвѣдева на сценѣ казанскаго театра переиграли лица, многія изъ которыхъ прямо съ нея перешли на сцены столичныхъ театровъ, составивъ себѣ болѣе или менѣе громкія имена; укажемъ: М. Г. Савину, П. Л. Стрепетову, Н. Н. Кудрину; А. П. Ленскаго, В. П. Макшеева, В. Н. Давыдова; изъ старыхъ любимцевъ казанской публики вновь появлялись Е. Б. Піунова-Шмидгофъ и Н. К.

Милославскій (бывшій рижиссеромъ и съ окончаніемъ сезона 1870—1871 г. навсегда покинувшій казанскую сцену, имѣвъ рядъ крупныхъ столкновеній съ губернаторомъ Скарятинымъ). Въ сезонъ 1871—1872 г. оперетка совершенно заполонила собою казанскій театръ и самъ Медвѣдевъ, махнувъ рукой на драму, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, размѣнивалъ на мелочь свой серьезный комическій талантъ, чуть не изо дня въ день ломаясь въ опереткахъ; культу каскаднаго жанра отчаянно предавался за нимъ В. Н. Давыдовъ, и даже М. Г. Савина вынуждена была вытанцовывать канканъ въ «Чайномъ Цвѣткѣ» или «Синей Бородѣ», а почтенная артистка Е. Б. Піунова-Шмидгофъ распѣвать двухсмысленные куплеты въ «Фаустѣ на изнанку».....

Въ то время, какъ легкомысленная часть публики увлекалась отереткою, болѣе серьезная часть ея негодовала на паденіе казанскаго театра, руководимая въ этомъ направленіи прессою («Камско-Волжская Газета»). На положеніе театральнаго дѣла обратила вниманіе и дума, организовавшая особую коммиссію для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса. Въ результатѣ занятій этой коммиссіи явилось рѣшеніе, не возобновляя контракта съ г. Медвѣдевымъ, отдать театръ кому нибудь изъ мѣстныхъ предпринимателей, которому интересы города были бы болѣе близки и который съумѣлъ бы «поставить театръ на ту степень нравственно-полезнаго значенія, котораго вправѣ ожидать отъ него всякое образованное общество». Въ силу этого постановленія, г. Медвѣдевъ, закончивъ сезонъ 1871—1872 г., которымъ истекалъ срокъ его аренды, уѣхалъ съ труппою въ Орелъ, гдѣ на два года снятъ былъ имъ театръ.

По окончаніи срока антрепризы г. Медвѣдева (1867—1872 гг.), для вѣданія театральнаго дѣла въ Казани образовалась особая дирекція съ тѣмъ же г. Мирцевымъ во главѣ, въ рукахъ котораго оно уже находилось въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ рукахъ этой дирекціи казанскій театръ оставался въ теченіи двухъ се-

зоновъ. Поддаваясь вѣяніямъ времени, дирекція, кромѣ драматической труппы, сформировала и сильную опереточную труппу. Въ первой выдавались: г-жи Піунова-Шмидгофъ, Казанцева, Немирова-Ральфъ, Соловьева, Медвѣдева, гг. Ральфъ, Казанцевъ, Варламовъ (К. А.), Соловьевъ; спеціально для оперетокъ приглашены были г-жи Бѣльская и Кочнева и гг. Стрѣльскій и Пригожій. Впрочемъ, въ опереткѣ усердное участіе принимали и представители драматической труппы, въ особенности гг. Варламовъ (нынѣ извѣстный артистъ Императорской сцены) и Соловьевъ.

Снова стала оперетка окончательно заѣдать драму; снова начались сѣтованія на администрацію театра какъ со стороны публики, такъ и со стороны прессы. Скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что и дирекціи не подъ силу поднять казанскій театръ «на ту степень нравственно-полезнаго значенія, котораго вправѣ ожидать отъ него образованное общество», такъ какъ оффенбаховщина (коммическія оперы Зуппе, Миллекера, Планкетта и т. п. въ то время еще не существали) ни «нравственно-полезнаго», ни какого бы то ни было иного значенія для «образованнаго общества» представлять собою не могла. Начались нелады и въ самой дирекціи, которая къ концу втораго года управленія театромъ стала распадаться и, продержавъ два года театръ, сняла съ себя непосильное для нея дѣло вѣданія казанскаго храма Мельпомены.

Съ распаденіемъ, съ окончаніемъ сезона 1873—1874 года, дирекціи, снова вспомнили въ Казани о Медвѣдевѣ и, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ губернатора-театрала Скарятина, ему послано было предложеніе вторично взять театръ, на что и было имъ изъявлено согласіе. Такъ состоялась вторая антреприза П. М. Медвѣдева въ Казани. На этотъ разъ г. Медвѣдевъ задумалъ поставить дѣло весьма широко, сформировавъ для Казани

три труппы: оперную, драматическую и опереточную. Драматическая труппа включала въ себѣ, въ числѣ главныхъ персонажей, г-жъ Стрепетову, Піунову-Шмидгофъ, Медвѣдеву и Кудрину; гг. Писарева, Давыдова (В. Н.), Максимова, Погонина, Лазарева и Рютчи (въ второстепенномъ персоналѣ труппы началъ въ тотъ же сезонъ службу въ Казани В. Б. Серебряковъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже). Оперная труппа была весьма невелика: г-жи Руничъ-Давыдова (сопрано), Эйбоженко (контральто) и Руничъ (компримарія); гг. Алелековъ (замѣчательный въ то время драматическій теноръ, очень скоро спавшій съ голоса), Львовъ (басъ старой школы 40-хъ—50-хъ годовъ), Войцеховскій (посредственный баритонъ) и Розенфельдъ (вторыя партіи, онъ же хормейстеръ и первая скрипка), капельмейстеръ г. Вальнеръ; вотъ и весь составъ первой русской оперы въ Казани. Центромъ тяжести опереточной труппы являлась, болѣе развязная въ каскадномъ жанрѣ, нежели талантливая, актриса Корбіель, изъ за которой не замедлили возникнуть въ театрѣ демонстративные скандалы, финалъ которыхъ и для самой актрисы, и для кучки студенчества, разыгрался въ камерѣ мироваго судьи, а затѣмъ, изъ за въ слишкомъ категорической формѣ выраженнаго протеста противъ приговора этого послѣдняго по отношенію къ студенчеству, въ камерѣ судебнаго слѣдователя и въ залѣ суда.

Русская опера, впервые появившаяся въ Казани, имѣла бурный успѣхъ, сразу отодвинувъ на задній планъ не только драму, но даже и оперетку. 26 августа 1874 года оперные спектакли были открыты представленіемъ

„Жизни за Царя“; при открытіи продажи билетовъ на этотъ спектакль напоромъ публики сломана была театральная касса: потребовалось энергичное вмѣшательство полиціи съ временнымъ закрытіемъ кассы. Слѣдомъ за „Жизнью за Царя“ поставлены были: „Русалка“, отрывки изъ „Руслана“, „Фаустъ“, „Трубадуръ“ и „Аскольдова Могила“; кромѣ того, по субботамъ въ театрѣ давались большіе концерты.

Трудно сказать, чѣмъ бы кончился этотъ сезонъ въ матеріальномъ отношеніи для антрепренера, такъ какъ въ ночь съ 3 на 4 декабря театръ вторично сгорѣлъ.

Пожаръ вспыхнулъ часа черезъ полтора по окончаніи представленія комедіи «Горе отъ ума», отъ поджога, произведеннаго театральнымъ ламповщикомъ Власомъ вслѣдствіе досады на его увольненіе отъ службы, такъ какъ черезъ нѣсколько дней должно было начаться газовое освѣщеніе театра; забравшись подъ оркестръ, гдѣ были, для резонанса, навалены угли, онъ облилъ ихъ керосиномъ и зажогъ. Ни усиленныя дѣйствія пожарныхъ командъ, ни энергія губернатора Скарятина, лично распоряжавшагося спасаніемъ «своего» театра (такъ всегда называлъ Скарятинъ казанскій театръ), не въ состояніи были остановить распространенія быстро охватившаго сцену и выбившагося наружу огня: къ наступленію утра, среди Театральной площади дымился лишь закоптѣлый остовъ театра, догоравшій еще въ теченіи всего слѣдующаго дня. Во время пожара сгорѣлъ одинъ изъ театральныхъ сторожей. Долго неизвѣстна была причина пожара и только черезъ годъ повинился Власъ въ своемъ преступленіи, измученный преслѣдовавшимъ его призракомъ погибшаго по его винѣ сотоварища; его судили и сослали въ каторгу.

Театральный сезонъ (кромѣ оперетки) съ грѣхомъ пополамъ закончился благодаря любезности дворянства, и на этотъ разъ предоставившаго обездоленнымъ арти-

стамъ большой залъ своего собранія, въ которомъ и была устроена временная сцена. Кромѣ повторенія оперъ, уже поставленныхъ до катастрофы, на этой миніатюрной сценѣ ухитрились поставить даже новую оперу—„Марту“. Публика весьма охотно посѣщала эти спектакли и артисты остались не въ накладѣ. Губернаторъ послѣ пожара объявилъ Медвѣдеву: „Формируйте оперу: на будущій годъ, 1 октября, будете уже играть въ новомъ театрѣ“.

Скарятинъ не тратилъ словъ по пустому и всегда зналъ, что говоритъ: городъ рѣшилъ немедленно приступить къ возобновленію театра въ увеличенномъ размѣрѣ, съ необходимыми техническими усовершенствованіями и съ спеціальнымъ приспособленіемъ его для оперы. Еще съ зимы началась очистка обгорѣвшаго зданія, подвозъ строительныхъ матеріаловъ, закипѣли подготовительныя плотничьи работы, а съ наступленіемъ ранней весны театръ началъ быстро возрождаться изъ пепла, удлиненный спереди и сзади двумя (въ два окна каждая) каменными пристройками (нынѣшнее фойе и задняя часть сцены) и съ увеличеннымъ (на одинъ) числомъ ярусовъ; прежняя, дважды обгоравшая, каменная сферическая внутренняя стѣна театра, въ которой на стальныхъ рельсахъ укрѣплены были ложи, при этой спѣшной стройкѣ замѣнена, къ сожалѣнію, стѣною деревянною, съ деревянными же укрѣпленіями ложъ, въ каковомъ видѣ внутреннее устройство зрительнаго зала остается и понынѣ.

Послѣднее двадцатилѣтіе казанскаго театра. Губернаторъ Скарятинъ сдержалъ свое слово: 1 октября 1875 года впервые взвился передъ зрителями главный занавѣсъ возобновленнаго казанскаго театра, на которомъ рукою извѣстнаго декоратора, академика Бочарова, художественно написано аллегорическое изображеніе про-

лога поэмы „Русланъ и Людмила“, — выражавшее собою идею возобновленія театра для русской оперы (этотъ превосходный занавѣсъ, порядочно теперь обвѣтшавшій и еще болѣе испорченный послѣднею реставраціею 1893 года, въ свое время обошелся около 3-хъ тыс. рублей). П. М. Медвѣдевъ, которому антреприза театра снова сдана была на 5 лѣтъ (1875—1880 гг.), открылъ сезонъ оперою „Жизнь за Царя“, за которою послѣдовала постановка цѣлаго ряда оперъ, представлявшихъ собою для казанской публики еще новинки („Рогнѣда“, „Русланъ“ въ полномъ видѣ, „Жидовка“, „Норма“, „Робертъ Дьяволъ“, „Фенелла“ и др.). Въ этотъ сезонъ Медвѣдевъ держалъ одну оперную труппу, но за то уже въ двойномъ составѣ; главными персонажами ея были: г-жи Ильина (меццо-сопрано), Теренина-Усатова и Катрухина (сопрано), Эйбоженко (контральто), гг. Усатовъ и Алелековъ (теноры), Михинъ и Львовъ (басы), Смоленскій и Войцеховскій (баритоны). Публика труппою была вполнѣ довольна, но сборы были уже не прошлогодніе и сезонъ закончился крупнымъ дефицитомъ.

Подъ вліяніемъ пожара 1874 г., въ извѣстной части публики сложилось какое то предубѣжденіе противъ театра; указывали на то, что казанскіе театры горѣли каждый разъ послѣ того, какъ водворялась въ нихъ опера. И, дѣйствительно, фатальное совпаденіе: и пожары городскаго театра 1860 и 1874 гг., и пожаръ театра на Арскомъ Полѣ 1866 г.—каждый разъ случались послѣ открытія въ нихъ оперныхъ спектаклей. Осенью 1875 г. пошли въ ходъ даже разныя пророчества; какая то юродивая стала предсказывать, что театру предстоит снова сгорѣть: губернаторъ-театралъ расправился съ казанскою ... по своему. Какъ на грѣхъ, въ октябрѣ въ театрѣ дѣйствительно ... рѣлось, но огонь былъ во время замѣченъ. Потомъ пошли то... театръ провалится, и этотъ нелѣпый вымыселъ нашелъ себѣ

даже въ кружкахъ, мнившихъ себя интеллигентными. Указывалось даже число того вечера, въ которое должна была произойти эта катастрофа. Въ этотъ вечеръ въ первый разъ давалась «Норма». Вотъ что разсказываетъ по этому поводу, въ своей автобіографіи, самъ г. Медвѣдевъ: «Публики—никого, исключая губернатора, городскаго головы, полицеймейстера и человѣкъ 12-ти въ галлереѣ. Спрашиваю—что это значитъ? Говорятъ: развѣ вы не знаете, что сегодня театръ провалится? Посмотрите, что около театра дѣлается... Выхожу на улицу—вижу огромную толпу народа въ почтительномъ отдаленіи отъ храма Таліи и Мельпомены; она въ пріятномъ созерцаніи ждетъ момента, когда театръ провалится.... Тутъ то,—эхидствуетъ казанскій антрепренеръ,—немножко началъ я понимать, что, кажется, я оперу въ провинціи рано затѣялъ. А вѣдь юродивая напророчила правду,—добавляетъ г. Медвѣдевъ,—только съ маленькою разницею: театръ то не провалился, а я, дѣйствительно, въ этотъ сезонъ провалился»....

Въ сезонъ 1876—1877 г. П. М. Медвѣдевъ держалъ только драму и оперетку. Дѣла опять шли не важно; публика жаловалась на отсутствіе оперы и туго посѣщала театръ. Сезонъ и на этотъ разъ закончился съ дефицитомъ. Въ сезонъ 1877—1878 г. Казань снова имѣла оперу (изъ новыхъ персонажей — сопрано г-жи Юневичъ и Петрова, контральто г-жа Добржинская, басъ Бѣлявскій, баритонъ Гладикъ), съ добавленіемъ посредственной драмы; сезонъ былъ опять сведенъ съ убыткомъ. Для сезона 1878—1879 г. Медвѣдевъ сформировалъ снова одну оперу (изъ новыхъ артистовъ г-жи Верни, Массини и Ларіонова); бюджетъ сведенъ концы съ концами. Сезонъ 1879—1880 года далъ казанцамъ одну только, и весьма слабую, драму; антрепренера выручили лишь постановка феерiи „Иванъ Царевичъ", да гастроли Чарскаго, и сезонъ былъ законченъ съ нѣкоторымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Этотъ сезонъ былъ пос-

лѣднимъ по контракту г. Медвѣдева съ городомъ. Давъ казанцамъ весною 1880 г. хорошую оперу (г-жа Кадмина, гг. Богатыревъ, Борисовъ, Каминскій и др.), представленія которой были прерваны трауромъ по случаю кончины Императрицы Маріи Александровны, П. М. Медвѣдевъ снова разстался съ Казанью, снявъ театръ въ Харьковѣ. Къ этому періоду оперной антрепризы г. Медвѣдева относится выработка въ его труппѣ двухъ музыкальныхъ силъ: дирижера А. А. Орлова-Соколовскаго (впосл. извѣстный казанскій музыкальный дѣятель) и г. Авранека (первая віолончель и хормейстеръ, нынѣ дирижеръ Императорской московской оперы).

Преемникомъ П. М. Медвѣдева явился въ казанскомъ театрѣ антрепренеръ В. И. Кастровскій, державшій театръ въ теченіи трехъ сезоновъ (1880—1881, 1881 — 1882 и 1882 — 1883 гг.) и дававшій публикѣ драму, съ прибавленіемъ оперетки и феерій. Дѣла шли не важно съ сценической точки зрѣнія, и еще хуже съ точки зрѣнія матеріальной.

Кастровскаго смѣнилъ антрепренеръ П. Д. Ленскій (князь Оболенскій), державшій въ сезонъ 1883—1884 года драму и оперетку; сезонъ по сборамъ былъ блестящій (обѣ труппы были весьма удовлетворительны), но, благодаря неумѣлому веденію хозяйственной части, завершился крахомъ.

Неудачи двухъ предшествовавшихъ антрепризъ снова напомнили казанцамъ о П. М. Медвѣдевѣ, который, послѣ ряда неудачъ и мытарствъ, держалъ передъ тѣмъ театръ (оперный, драматическій и опереточный) въ Астрахани. Казанскій театръ снова сданъ былъ ему на четыре года, съ обязательствомъ держать оперу и др

и, такимъ образомъ, открывается періодъ третьей антрепризы П. М. Медвѣдева въ Казани.

Послѣдніе годы исторіи казанскаго театра настолько еще свѣжи въ памяти всѣхъ интересующихся театральнымъ дѣломъ, что мы находимъ возможнымъ быть краткими, ограничиваясь лишь указаніемъ главнѣйшихъ фактовъ.

Четырехлѣтняя и послѣдняя антреприза г. Медвѣдева была лебединою пѣснью его прежней блестящей антрепренерской дѣятельности. Повторилась снова старая исторія, что и въ прежніе годы: опера публикою посѣщалась, драма — пустовала. Да оно и не удивительно: за эти четыре года составъ оперной труппы представлялъ силы, которыя могли обезпечить успѣхъ исполненія. Укажемъ: Ухтомскую-Баронелли, Сонки, Лишицкую, Инсарову (сопрано); г-жъ Соколову, Панафутину, Лялину и Капланъ (контральто и меццо-сопрано); гг. Закржевскаго, Давыдова и Любина (теноры); гг. Унковскаго, Любимова и Полтинина (баритоны); извѣстнаго маститаго артиста Императорской оперы Васильева I-го, гг. Ильяшевича и Левицкаго (басы) и др. Между тѣмъ драма, являвшаяся лишь съ характеромъ какого то, обусловленнаго контрактомъ съ городомъ, придатка къ оперѣ, не блистала ни талантами (за нѣкоторыми исключеніями), ни репертуаромъ, ни ансамблемъ исполненія. Первые два года антрепризы прошли еще удачно (хотя казанскимъ меломанамъ нерѣдко доводилось съ грустью сожалѣнія вспоминать объ оперѣ второй половины 70-хъ годовъ), третій — почти весь ознаменовался рядомъ крупныхъ скандаловъ: артисты, не получая жалованья, отказывались играть; оперы ставились на-скоро и безъ надлежащей подготовки, что заставило дирижера Орлова-Соколовскаго, вторично прибывшаго съ Медвѣдевымъ въ Казань, отказаться отъ службы у него, и сезонъ былъ еле-еле доведенъ до конца. Въ четвертый сезонъ Медвѣдевъ держалъ только посредственную драму и оперетку. Этотъ періодъ антрепризы въ конецъ разорилъ П. М. Медвѣдева и о дальнѣйшемъ возобновленіи съ нимъ контракта нечего было и думать.

После весьма печальнымъ образомъ завершившейся
іслѣдней антрепризы г. Медвѣдева, антрепренеромъ
:атра выступилъ А. А. Орловъ-Соколовскій,
івшій дирижеръ казанской оперы. Прекрасный музы-
інтъ и знатокъ дѣла, но идеалистъ и плохой хозяинъ,
авившій искусство выше всякихъ коммерческихъ рас-
товъ, Орловъ-Соколовскій, не смотря на хорошія силы,
іѣвшіяся въ его оперной труппѣ (укажемъ: г-жъ Доб-
івскую, Муранскую, Мацулевичъ, Онихимовскую-Бор-
імовскую, Епифанову, гг. Закржевскаго, Агульника,
адатова, Амфи, Круглова, Шакуло, Измайлова) не
владалъ съ тяжестью принятой имъ на себя задачи и
ончилъ единственный сезонъ своей антрепризы (1888
-1889 г.) полнѣйшимъ крахомъ и раззореніемъ, пере-
въ въ половинѣ сезона все театральное дѣло въ руки
михъ артистовъ, образовавшихъ изъ себя нѣчто въ родѣ
варищества.

Слѣдующіе два сезона (1889—1890 и 1890—1891гг.)
занскій театръ держалъ антрепренеръ В. Б. Се-
:бряковъ, передъ тѣмъ содержавшій въ лѣтнемъ те-
рѣ Панаевскаго сада опереточный театръ. Въ зимнемъ
атрѣ онъ имѣлъ въ первый сезонъ драму, во второй—
еру и драму. Первый сезонъ сошелъ благополучно; во
орой сезонъ снова старая исторія: драма пустуетъ, опера
-жи Некрасова, Тамарова и Капланъ, гг. Закржевскій,
обинъ, Супруненко, Кругловъ, Бурховецкій, Молчанов-
ій и др.) посѣщается, хотя и плохо. При значительныхъ
сходахъ и слабыхъ сборахъ (въ то время былъ
зъ „голодный" годъ), Серебряковъ уже къ концу
й половины сезона оказался несостоятельнымъ и
кли, неоднократно прерывавшіеся, грозили вовсе

кратиться, но среди казанскаго общества нашлось нѣсколько лицъ, которые, образовавъ временную дирекцію, матеріально поддержали дѣло и дали труппѣ возможность довести сезонъ до конца. Въ конецъ раззорившійся Серебряковъ попалъ за долги въ тюрьму и вскорѣ послѣ того умеръ отъ разрыва сердца.

На сезоны 1891—1892 и 1892—1893 гг. казанскій театръ попадаетъ въ руки антрепренера В. А. Перовскаго, державшаго, подобно своему предшественнику, въ первый сезонъ одну драму, во второй—оперу и драму. Составъ обѣихъ труппъ (въ драмѣ г-жи Мухаринская, Кривская, Стройкова, Липовская, гг. Галицкій, Звѣздичъ, Добровольскій, Жуковскій, Днѣпровъ и др.; въ оперѣ г-жи Клеръ-Кордье, Макарова-Сикорская, Гейднеръ, гг. Алинскій, Кассиловъ, Егіазаровъ, Дементьевъ, Семеновъ-Самарскій и др.) былъ средній; посредственнымъ образомъ и завершилась антреприза г. Перовскаго,—если и оказались матеріальные недочеты, то не было, по крайней мѣрѣ, печальныхъ инцидентовъ, которыми ознаменовались двѣ предшествовавшія антрепризы.

Съ осени 1893 года казанскій театръ сданъ городомъ прибывшему изъ Харькова товариществу драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ М. М. Бородая, въ рукахъ котораго находится и понынѣ. Съ 1894 года товариществомъ снятъ также и саратовскій театръ. Въ настоящее время дѣло поставлено такимъ образомъ, что часть сезона (осенніе мѣсяцы) въ Казани держится опера, а въ Саратовѣ драма, а затѣмъ обѣ труппы перемѣняются городами: оперная труппа отправляется на зимніе мѣсяцы въ Саратовъ, а на смѣну ей является въ Казань труппа драматиче-

ая, которая и остается здѣсь до конца сезона, — комнація, которая, повидимому, совершенно удовлетворяь требованіямъ обоихъ крупныхъ центровъ Поволжья. варищество г. Бородая ведетъ свои дѣла во всѣхъ ношеніяхъ блестяще и наглядно доказало, что мысль, сказанная казанскою городскою думою еще въ 1872 г. томъ, что желательно поставить театръ „на ту степень авственно-полезнаго значенія, котораго въ правѣ идать отъ него образованное общество“—вовсе не такъ е трудно достижима, какъ можетъ показаться это съ рваго взгляда....

Чтобы покончить съ вопросомъ о театрѣ въ Казани, намъ ается, оставивъ въ сторонѣ гастролирующія оперныя и драматичея труппы, которыя отъ времени до времени посѣщали и посѣщаютъ ань, сказать еще нѣсколько словъ о другихъ казанскихъ сцеъ и, прежде всего, о лѣтнихъ театрахъ.

Лѣтніе театры въ Казани—явленіе лишь послѣдняго тридцатиія. Первый такой театръ выстроенъ былъ въ половинѣ 60-хъ гоъ въ арендовавшемся ресторатором Ожеговымъ Александровскомъ осл. Износковскомъ) саду. Въ лѣтнемъ театрѣ Александроваго сада играли, какъ мы видѣли, труппы Медвѣдева и Иванова, въ началѣ 70-хъ гг. театръ этотъ сгорѣлъ и театральныя представія не возобновлялись въ этомъ саду до лѣта 1886 года, когда въ бномъ вокзалѣ сада (теперь уже «Износковскаго»), снимавшагося въ время казанскимъ соединеннымъ собраніемъ, устроена была капельстеромъ П. К. Архиповымъ небольшая сцена, для которой и рмирована имъ опереточная труппа, съ успѣхомъ игравшая здѣсь теченіи двухъ лѣтнихъ сезоновъ (1886—1887 гг.). Вскорѣ садъ былъ данъ г. Николаи и этотъ театрикъ, вмѣстѣ съ клубнымъ вокзаломъ, сенъ.

Значительно ранѣе (въ концѣ 70-хъ годовъ) возникъ лѣ
театръ въ Панаевскомъ саду, въ которомъ давали представ
самыя разнообразныя труппы (русская драматическая Бѣльскаго,
цузская комическая Ру, оперная, малороссы), а также разнаго
концертанты, фокусники и т. п. Лѣтомъ 1886 г. здѣсь играло д
тическое товарищество подъ управленіемъ Солонина. Въ 1888 г. са
театръ арендованы были В. Б. Серебряковымъ, который капит
перестроилъ театръ, возвелъ въ саду новыя сооруженія, устр
электрическое освѣщеніе и собралъ превосходную труппу оперы бу
(здѣсь играли: г-жи Троцкая, Ратмирова, Муратова, Чекалова, гг.
ментьевъ, Синельниковъ, Кассиловъ, Бастуновъ, Давыдовъ, Степа
Богдановъ, Семеновъ-Самарскій и др.), которая смѣло могла ко
рировать съ лучшими однородными ей столичными труппами; ан
риза Серебрякова продолжалась здѣсь три лѣта, конечно съ круп
дефицитами, которые, въ связи съ неудачною антрепризою город
театра, привели его къ раззоренію и тюрьмѣ. Къ эпохѣ антреп
Серебрякова относятся и гастроли здѣсь армянскаго трагика Адам
Весною 1894 г. въ этомъ театрѣ играло товарищество артистовъ
ператорской московской оперы.

Весною 1883 г. устроенъ былъ распорядителемъ товарищ
конно-желѣзныхъ дорогъ, г. Тальквистомъ, сцена при садѣ Т
ли, принадлежащемъ товариществу, гдѣ и пріютилась плохенькая
матическая труппа г. Вехтера; этотъ театръ, носившій громкое н
ніе «народнаго», продержался лишь одинъ сезонъ.

Въ 80-хъ годахъ имѣлась въ Казани еще сцена мѣстн
общества любителей сценическаго искусства, устроенна
залѣ соединеннаго собранія, прекратившая свое существованіе съ
тическимъ прекращеніемъ дѣятельности самого общества.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну, весьма оригинальную, театрал
затѣю второй половины 60-хъ годовъ: въ 1866 г. извѣстный уже
антрепренеръ Аверино задумалъ построить плавучій театръ, съ
торымъ онъ могъ бы разъѣзжать по приволжскимъ городамъ. Э
объемистый театръ-баржа былъ выстроенъ въ устьи рѣки Каза
но въ весенній ледоходъ 1867 года онъ былъ срѣзанъ льдомъ и
затѣя погибла, такимъ образомъ, въ самомъ началѣ.

б) Музыка въ Казани.

Извѣстно, что у народовъ не только современной намъ стадіи развитія культуры, но и у народовъ античнаго міра (греки, римляне) музыка включалась въ кругъ предметовъ общаго образованія. Не касаясь вопроса объ исторіи музыки, какъ общеобразовательнаго предмета, у насъ въ Россіи, замѣтимъ лишь, что въ Казани обученіе музыкѣ началось уже довольно рано, именно въ началѣ второй четверти XVIII вѣка, когда въ вновь основанной въ Казани семинаріи, по силѣ духовнаго регламента Императора Петра I, положено было занимать студентовъ „на мусикійскихъ инструментахъ“. Затѣмъ театральныя представленія, которыя въ томъ же вѣкѣ давались въ семинаріи, а послѣ во вновь учрежденной въ Казани гимназіи, также указываютъ на то, что обученіе юношества музыкальному искусству не прекращалось здѣсь въ теченіи XVIII вѣка.

Довольно рано встрѣчаемъ мы въ Казани и лицъ, посвятившихъ себя спеціально музыкѣ и ея преподаванію. Такъ, въ концѣ прошедшаго и въ первой четверти текущаго столѣтія музыкальной дѣятельности посвящалъ себя здѣсь, въ ряду другихъ занятій своихъ, мѣстный поэтъ и композиторъ Пав. Ив. Протопоновъ (дядя скончавшагося въ 1857 г. въ Казани профессора-медика Д. И. Протопопова). Въ началѣ текущаго столѣтія при театрѣ Есипова имѣлся капельмейстеръ-композиторъ Новиковъ, написавшій даже оперу «Фингалъ», которая и была поставлена на мѣстной сценѣ; этотъ же Новиковъ состоялъ учителемъ музыки при университетѣ (обученіе въ которомъ музыкальному искусству велось до начала 60-хъ годовъ) и сочинялъ хоры, кантаты и др. музыкальныя пьэсы, исполнявшіяся на торжественныхъ со-

браніяхъ университета; въ 1813 г., публикаціею въ казанской г
того времени, какой то капельмейстеръ предлагаетъ брать мальч
для обученія....

Съ самаго начала текущаго столѣтія имѣлись въ Казани н
вильно организованные оркестры. Кромѣ военныхъ оркестро
любительскихъ, въ томъ числѣ и студенческаго, здѣсь содерж
хорошіе крѣпостные помѣщичьи оркестры. Такъ, еще въ 1818 г
вился здѣсь крѣпостной оркестръ ядринскаго помѣщика Арцыбы
существовавшій еще въ 30-хъ годахъ; въ 30-хъ же годахъ упомин
«превосходный» оркестръ помѣщика Страхова, выписывавшійся
концертовъ даже въ сосѣдніе города; въ 40-хъ и 50-хъ годах
всему Поволжью извѣстенъ былъ оркестръ помѣщика Толстаго,
котораго вышелъ (сначала былъ въ немъ ученикомъ, а затѣмъ ка
мейстеромъ), получивъ въ 1861 году волю, мѣстный театральный ка
мейстеръ и учитель музыки М. П. Мусорицъ († 1884 г.), завѣд
шій любительскимъ оркестромъ въ мѣстномъ кружкѣ любителе
зыки; въ началѣ 60-хъ годовъ имѣлся въ Казани хорошій орк
музыкантовъ г. Неакова и т. п.

Мы видимъ такимъ образомъ, что уже въ первой поло
текущаго столѣтія Казань не лишена была средствъ къ музыкаль
развитію. Помимо любительскихъ концертовъ, которые были особ
часты въ 40-хъ—50-хъ г.г. (давались въ дворянскомъ собраніи, ун
ситетѣ, Родіоновскомъ институтѣ), этому способствовали конц
профессіональныхъ артистовъ, частенько и въ то время заглядываві
въ Казань. Въ сороковыхъ годахъ казанское общество въ значител
степени увлекалось, вообще, музыкою и это увлеченіе подъ-часъ стр
лось облекаться даже въ яко бы научную форму *). Къ услугамъ м

---

*) Приводимъ по этому поводу курьезъ. Въ одномъ изъ н
ровъ мѣстныхъ «Губерн. Вѣдом.» за 1844 г. напечатано сооб
ядринскаго уѣзднаго врача Воскресенскаго, въ которомъ авторъ
мится установить связь между формою печени у человѣка и
или другимъ направленіемъ его музыкальныхъ способностей. По

[redacted]

ныхъ меломановъ имѣлся въ то время въ Казани и порядочный музыкальный магазинъ нѣкоего Руста (на Воскресенской ул., въ д. Акчурина), въ которомъ можно было получать всякаго рода музыкальныя новинки.

Весьма серьезнымъ средствомъ къ музыкальному развитію казанскаго общества явилась, конечно—

Опера. Оперныя представленія давались въ Казани уже съ самаго возникновенія здѣсь публичнаго театра; такъ, о такихъ представленіяхъ упоминаетъ въ своихъ казанскихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ, разсказывая о театрѣ Есипова.

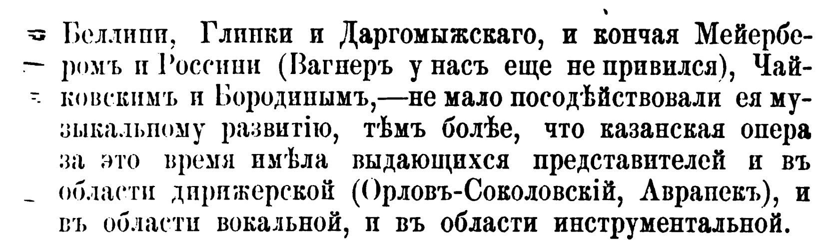
Эти оперы были, впрочемъ, весьма первобытны и, говоря о нихъ, мы должны отрѣшиться отъ современнаго понятія объ этой формѣ лирическаго творчества; это были или мелодраммы, или простыя интермедіи съ музыкою, не заключавшія въ себѣ ни серьезной композиціи, ни сколько нибудь сложной музыкальной фактуры; цѣлая непроходимая пропасть лежитъ, конечно, между оперою «Фингалъ», сочиненною и поставленною въ 1811 г. мѣстнымъ капельмейстеромъ Новиковымъ, и оперою «Графъ Глейхенъ», написанною и поставленною на казанской сценѣ мѣстнымъ же опернымъ дирижеромъ Ф. Ф. Вальнеръ въ сезонъ 1878—1879 года. Довольно рано являются, однако же, на казанской сценѣ попытки ставить и оперы въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—напримѣръ «Волшебнаго Стрѣлка» Обера, «Цампу» Герольда и т. п.; профессоръ Симоновъ, слушавшій въ 1842 г. «Волшебнаго

вамъ почтеннаго врача, ему печень у людей «случалось видѣть трехъ различныхъ манеровъ», а именно: у скрипачей и гудочниковъ—края печени оказываются «какъ бы обшитыми фалбалою»; у гусляровъ и балалаечниковъ она кажется «по краямъ какъ бы часто надсѣченною», а у пузырниковъ (?) и волынщиковъ—«вся масса ея дѣлится только на нѣсколько долей» и т. п.

Стрѣлка» въ исполненіи казанской труппы Соколова, пишетъ, что вынесъ отъ этого исполненія лучшее впечатлѣніе, сравнительно съ заграничнымъ исполненіемъ ея. Но это были попытки совершенно единичныя, обусловливавшіяся случайною наличностью въ труппѣ нѣсколькихъ порядочныхъ голосовъ.

Только въ концѣ 50-хъ и въ первой половинѣ 60-хъ годовъ (см. выше стран. 403—406) появляются въ Казани постоянныя оперныя труппы,—по итальянскія и по своему личному составу, и по своему репертуару; это былъ отголосокъ итальяноманіи, дань которой усердно платили въ то время и обѣ наши столицы. Впрочемъ, эти итальянскія труппы не остались безъ слѣда для казанскаго музыкальнаго дѣла: онѣ дали двухъ преподавателей пѣнія, покойнаго Ф. А. Вальера и К. И. Гриняски, не мало потрудившихся въ дѣлѣ вокальнаго образованія многихъ поколѣній казанскаго юношества. Изъ помѣщенной выше статьи о казанскомъ театрѣ мы уже знаемъ, что собственно русская опера ведетъ свое существованіе съ 1874-го г., когда она была впервые организована въ Казани антрепренеромъ П. М. Медвѣдевымъ, которому принадлежитъ, вообще, серьезная заслуга по пропагандѣ русскаго опернаго дѣла въ Поволжьи и Прикамьи, гдѣ онъ явился тѣмъ же, чѣмъ были Бергеръ и Сѣтовъ для нашего юга и запада. Съ тѣхъ поръ, не смотря на нѣкоторые небольшіе перерывы, русское оперное дѣло уже не глохло въ Казани, какъ въ формѣ постоянныхъ оперныхъ труппъ, какъ и въ формѣ труппъ гастрольныхъ. Несомнѣнно, что послѣднія два десятилѣтія, познакомившія казанскую публику съ различными направленіями и образцами лирическаго творчества какъ иностраннаго, такъ и русскаго,—начиная отъ Обера и

[redacted]

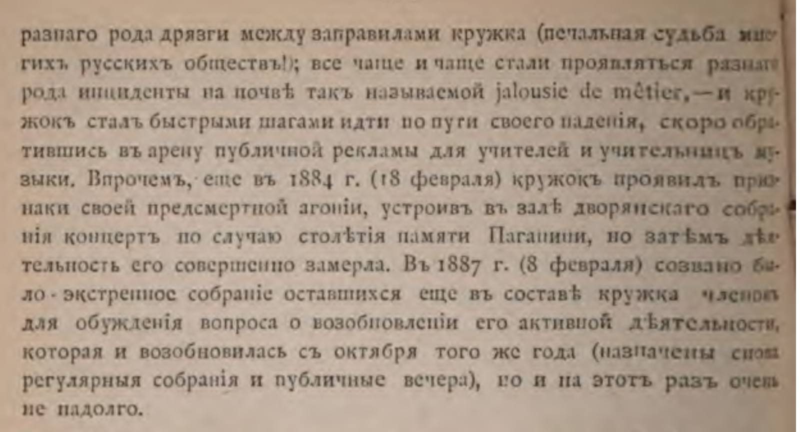


Беллини, Глинки и Даргомыжскаго, и кончая Мейерберомъ и Россини (Вагнеръ у насъ еще не привился), Чайковскимъ и Бородинымъ,—не мало посодѣйствовали ея музыкальному развитію, тѣмъ болѣе, что казанская опера за это время имѣла выдающихся представителей и въ области дирижерской (Орловъ-Соколовскій, Авранекъ), и въ области вокальной, и въ области инструментальной.

Въ Казани издавна уже существовали частные кружки любителей музыки, собиравшихся для совмѣстнаго камернаго исполненія. Въ концѣ 70-хъ годовъ среди этихъ любителей возникла мысль объ образованіи оффиціально утвержденнаго и правильно организованнаго музыкальнаго общества и, такимъ образомъ, получилъ свое начало—

Казанскій кружокъ любителей музыки, возникшій въ 1881 году и, благодаря любезности губернатора А. К. Гейнсъ, пріютившійся въ нѣсколькихъ свободныхъ залахъ казанскаго дворца. Дѣла кружка первоначально пошли очень бойко и оживленно; пріобрѣтены были инструменты и ноты, устроены правильные музыкальные вечера камерной музыки, учреждена безплатная музыкальная школа, порученная вѣданію извѣстнаго композитора В. И. Пасхалова, составленъ любительскій оркестръ, ввѣренный руководительству камельмейстера Мусорина и уже къ концу перваго сезона публично исполнившій бетховенскую симфонію, назначены разъ въ недѣлю публичные инструментально-вокальные концерта и т. п.

Не болѣе двухъ сезоновъ продолжался, однако же, первый и живой періодъ дѣятельности кружка. Съ увольненіемъ (1882 г.) губернатора Гейнса кружокъ прежде всего утратилъ прекрасное помѣщеніе свое во дворцѣ и долженъ былъ помѣститься въ частной, и уже далеко не такой удобной, квартирѣ; затѣмъ пошли, на почвѣ мелкаго самолюбія,



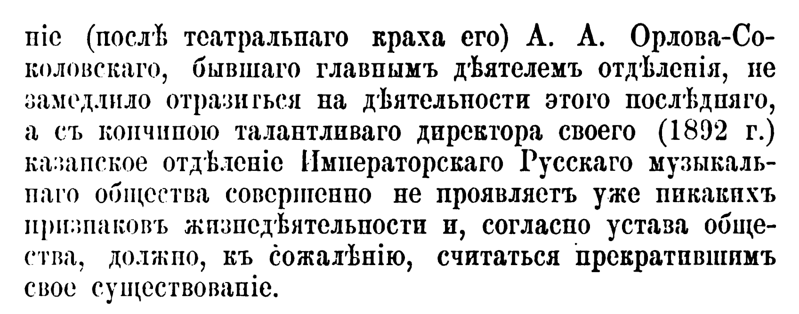
разнаго рода дрязги между заправилами кружка (печальная судьба многихъ русскихъ обществъ!); все чаще и чаще стали проявляться разнаго рода инциденты на почвѣ такъ называемой jalousie de métier, — и кружокъ сталъ быстрыми шагами идти по пути своего паденія, скоро обратившись въ арену публичной рекламы для учителей и учительницъ музыки. Впрочемъ, еще въ 1884 г. (18 февраля) кружокъ проявилъ признаки своей предсмертной агоніи, устроивъ въ залѣ дворянскаго собранія концертъ по случаю столѣтія памяти Паганини, но затѣмъ дѣятельность его совершенно замерла. Въ 1887 г. (8 февраля) созвано было экстренное собраніе оставшихся еще въ составѣ кружка членовъ для обужденія вопроса о возобновленіи его активной дѣятельности, которая и возобновилась съ октября того же года (назначены снова регулярныя собранія и публичные вечера), но и на этотъ разъ очень не надолго.

Въ настоящее время кружокъ, къ сожалѣнію, вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ находится въ состояніи полнѣйшей аттрофіи.

Вторымъ организованнымъ учрежденіемъ для развитія музыкальнаго дѣла въ Казани явилось—

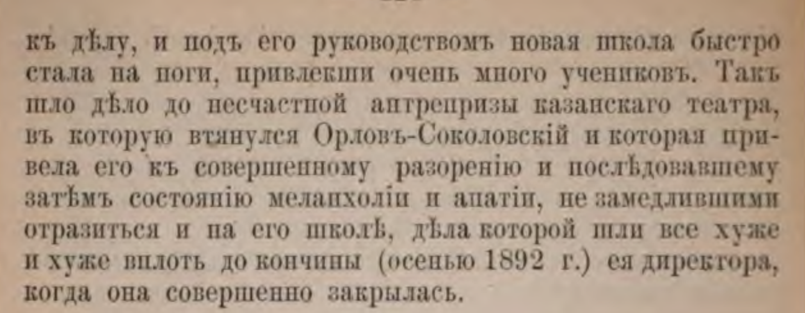
Казанское отдѣленіе Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, открытое 28 сентября 1887 г. подъ дирекціей С. Н. Теренина, мѣстнаго музыкальнаго дѣятеля А. А. Орлова-Соколовскаго и П. И. Александрова. Взявъ подъ свое вѣдапіе мѣстную частную музыкальную школу Орлова-Соколовскаго, отдѣленіе первые годы своего существованія пошло было очень хорошо; устраивались музыкальные вечера и по нѣскольку въ сезонъ большихъ симфоническихъ собраній, привлекавшихъ въ залъ дворянскаго собранія не мало любителей, имѣвшихъ возможность слушать здѣсь исполненіе выдающихся образцовъ классической музыки, но угнетенное моральное состоя-

[redacted]


ніе (послѣ театральнаго краха его) А. А. Орлова-Соколовскаго, бывшаго главнымъ дѣятелемъ отдѣленія, не замедлило отразиться на дѣятельности этого послѣдняго, а съ кончиною талантливаго директора своего (1892 г.) казанское отдѣленіе Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества совершенно не проявляетъ уже никакихъ признаковъ жизнедѣятельности и, согласно устава общества, должно, къ сожалѣнію, считаться прекратившимъ свое существованіе.

Никогда не была Казань лишена и частной инициативы по части музыкальной педагогики. Подъ руководствомъ мѣстныхъ учителей музыки Л. К. Новицкаго, Ф. А. Вальсра, В. А. Больтермана, К. И. Гриняски и нѣкот. др. развивали свои музыкальныя дарованія многія поколѣнія казанской молодежи, а покойному Л. К. Новицкому принадлежитъ честь основанія (въ 60-хъ г.г.) первой частной музыкальной школы въ Казани, которая и существовала до самой его кончины (1886 г.). Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ выдающимся учителемъ музыки (теорія, фортепіано и пѣніе) былъ въ Казани извѣстный композиторъ В. Н. Пасхаловъ, впавшій подъ вліяніемъ алкоголизма въ состояніе психическаго разстройства, приведшаго его къ самоубійству (повѣсился въ 1885 г.). Первымъ серьезнымъ, широко поставленнымъ, музыкальнымъ учебнымъ заведеніемъ (если не считать небольшія школы г.г. Новицкаго и Аристова) явилась въ Казани—

Музыкальная школа свободнаго художника А. А. Орлова-Соколовскаго, открытая въ мартѣ 1886 г. съ преподаваніемъ въ объемѣ программъ консерваторій Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества. Воспитанникъ московской консерваторіи и дирижеръ казанской русской оперы, покойный А. А. Орловъ-Соколовскій обладалъ выдающимися музыкальными дарованіями, соединявшимися въ немъ съ горячею любовью и преданностъ



къ дѣлу, и подъ его руководствомъ новая школа быстро стала на ноги, привлекши очень много учениковъ. Такъ шло дѣло до несчастной антрепризы казанскаго театра, въ которую втянулся Орловъ-Соколовскій и которая привела его къ совершенному разоренію и послѣдовавшему затѣмъ состоянію меланхоліи и апатіи, не замедлившими отразиться и на его школѣ, дѣла которой шли все хуже и хуже вплоть до кончины (осенью 1892 г.) ея директора, когда она совершенно закрылась.

На развалинахъ музыкальной школы А. А. Орлова-Соколовскаго возникла новая музыкальная школа бывшихъ преподавателей ея—г. г. Гуммерта и Юргенса. Года два тому назадъ и эта школа распалась на двѣ отдѣльныя, конкуррирующія между собою, о чемъ нельзя искренне не пожалѣть, такъ какъ двѣ музыкальныя школы для Казани—слишкомъ много; соединившись же снова въ одну, обѣ школы могли бы поставить дѣло музыкальнаго образованія въ Казани и шире, и тверже, и полнѣе. Отъ времени до времени музыкальная школа г. Гуммерта устраиваетъ публичные музыкальные (даже симфоническіе) вечера, пользующіеся вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ публики.

b) Другія развлеченія общественнаго характера.

Не безъ сознанія нѣкоторой натяжки въ этомъ отношеніи относимъ мы и эту подрубрику къ общей рубрикѣ «Интеллектуальной жизни г. Казани», такъ какъ многія изъ учрежденій, о которыхъ будетъ у насъ идти рѣчь, имѣя въ основѣ своей вполнѣ «разумныя» задачи, съумѣли извратить ихъ и, до извѣстной степени, сдѣлать даже «неразумными». Никто не станетъ спорить противъ того, что клубъ, напримѣръ, какъ учрежденіе, соединяющее людей въ извѣстную организованную группу для совмѣстнаго преслѣдованія тѣхъ или другихъ цѣлей общественной жизни (клубовъ политическихъ у насъ въ Россіи

годъ (29 янв. 1889 г.) устроившее въ городскомъ театрѣ чествованіе, литературно-музыкальнымъ вечеромъ, дня столѣтняго юбилея рожденія поэта В. А. Жуковскаго. Пріобрѣтя небольшую сценку, пріютившуюся въ предоставленномъ для нея залѣ соединеннаго собранія, общество на первыхъ порахъ функціонировало весьма усердно, устроивъ правильные спектакли, которые, благодаря дешевымъ мѣстамъ и клубному помѣщенію, охотно посѣщались публикою и многіе изъ которыхъ (въ особенности съ участіемъ любителей г-жи Карташевой и г. Кремлева) сходили очень недурно, а въ одинъ изъ казанскихъ театральныхъ сезоновъ, когда ъ вгородскомъ театрѣ была только опера, дѣла общества пошли было и совсѣмъ хорошо. Но казанскому кружку любителей сценическаго искусства довелось раздѣлить участь и казанскаго кружка любителей музыки: въ жизнь общества вкрались взаимныя неудовольствія между любителями, начались распри и дрязги, многіе дѣйствительно талантливые исполнители вышли изъ состава общества, спектакли стали ставиться неряшливо и безъ достаточнаго ансамбля, въ силу чего пали и сборы; къ тому же прекратило свое бытіе и пріютившее общество соединенное собраніе.... Кончилось тѣмъ, что все имущество общества было продано на покрытіе его долговъ и нынѣ оно также представляетъ собою одно изъ четырехъ оффиціально существующихъ, но фактически прекратившихъ свою дѣятельность, казанскихъ обществъ.

Укажемъ еще три казанскихъ общества, преслѣдующихъ задачи спорта. Это:

1. Общество охоты,

2. Общество любителей конскаго бѣга (лѣтній ипподромъ за Суконною слободою, близь газоваго завода, зимній—на озерѣ Кабанѣ) и

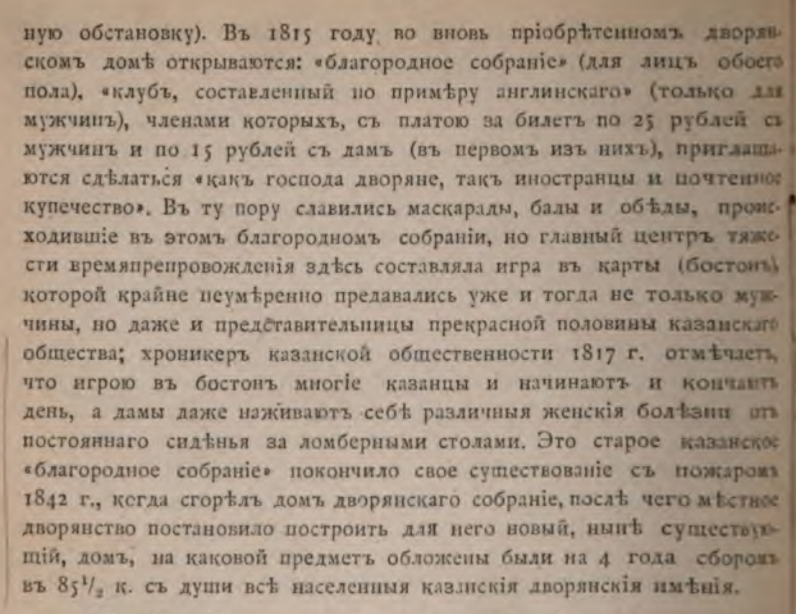
3. Общество велосипедистовъ-любителей (зимнее помѣщеніе въ манежѣ юнкерскаго училища, лѣтнее—въ саду г. Николаи, бывш. Износковскій).

Эти три общества существуютъ на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми обществами, съ ними однородными, и преслѣдуютъ одинакія съ ними задачи.

Закончимъ настоящую рубрику обзоромъ казанскихъ общественныхъ собраній или клубовъ. Старѣйшимъ изъ казанскихъ учрежденій этого рода является—

Благородное собраніе, помѣщающееся въ собственномъ прекрасномъ домѣ дворянства, на углу Театральной площади и Грузинской улицы.

До 1815 года казанское дворянство не имѣло собственнаго дома и собранія его помѣщались въ различныхъ казенныхъ и частныхъ домахъ. Только въ этомъ году пріобрѣтенъ былъ дворянствомъ собственный домъ въ Петропавловскомъ переулкѣ, бывшій нѣкогда купца Дряблова и въ которомъ въ 1767 г., въ бытность свою въ Казани, останавливалась Императрица Екатерина II; это тотъ самой домъ гг. Соболевыхъ, въ которомъ помѣщается нынѣ судебная палата. Еще въ самомъ началѣ текущаго столѣтія при помѣщеніяхъ дворянскаго собранія имѣлось нѣчто въ родѣ клуба, гдѣ происходили маскарады, обѣды и т. п. увеселенія общественнаго характера, причемъ содержаніе этихъ «домовъ благороднаго собранія» сдавалось частнымъ лицамъ; такъ, въ 1812 г. такимъ «содержателемъ дома благороднаго собранія» является казанскій купецъ И. Шварцгофтъ, который въ слѣдующемъ 1813 году, прекращая содержаніе собранія, и распродаетъ его имущество (люстры, зеркала, билліардъ, ломберные столы и т. п. клуб-



ную обстановку). Въ 1815 году во вновь пріобрѣтенномъ дворянскомъ домѣ открываются: «благородное собраніе» (для лицъ обоего пола), «клубъ, составленный по примѣру англинскаго» (только для мужчинъ), членами которыхъ, съ платою за билетъ по 25 рублей съ мужчинъ и по 15 рублей съ дамъ (въ первомъ изъ нихъ), приглашаются сдѣлаться «какъ господа дворяне, такъ иностранцы и почтенное купечество». Въ ту пору славились маскарады, балы и обѣды, происходившіе въ этомъ благородномъ собраніи, но главный центръ тяжести времяпрепровожденія здѣсь составляла игра въ карты (бостонъ), которой крайне неумѣренно предавались уже и тогда не только мужчины, но даже и представительницы прекрасной половины казанскаго общества; хроникеръ казанской общественности 1817 г. отмѣчаетъ, что игрою въ бостонъ многіе казанцы и начинаютъ и кончаютъ день, а дамы даже наживаютъ себѣ различныя женскія болѣзни отъ постояннаго сидѣнья за ломберными столами. Это старое казанское «благородное собраніе» покончило свое существованіе съ пожаромъ 1842 г., когда сгорѣлъ домъ дворянскаго собранія, послѣ чего мѣстное дворянство постановило построить для него новый, нынѣ существующій, домъ, на каковой предметъ обложены были на 4 года сборомъ въ $85^1/_2$ к. съ души всѣ населенныя казанскія дворянскія имѣнія.

Нынѣшній казанскій клубъ, носящій названіе „благороднаго собранія“, открытъ въ новомъ домѣ дворянскаго собранія въ половинѣ 50-хъ годовъ.

Купеческое собраніе является вторымъ, по старшинству, казанскимъ клубомъ.

Мысль о цѣлесообразности основанія въ Казани такого клуба возникла довольно рано и неудачная попытка учрежденія здѣсь коммерческаго собранія относится еще къ началу 40-хъ годовъ. Только въ концѣ 50-хъ годовъ поставлена была мысль объ учрежденіи въ Казани купеческаго клуба на почву фактическаго осуществленія; составленъ былъ уставъ клуба, утвержденный въ августѣ 1859 г., и объявлена подписка для лицъ, желающихъ вступить въ члены его.

Казанскій купеческій клубъ былъ открытъ 9 ноября 1861 г. въ домѣ купца Тихонова (на Больш. Проломной улицѣ). Перемѣнивъ послѣ того нѣсколько помѣщеній, клубъ этотъ въ настоящее время помѣщается на Больш. Проломной ул., въ домѣ Щетинкина.

Русское соединенное собраніе (нынѣ уже не существующее) явилось, по старшинству, третьимъ изъ казанскихъ клубовъ. Открывшись въ 1872 г. въ прекрасномъ помѣщеніи, въ домѣ Пчелина (нынѣ Каменскихъ, на Воскресенской ул.), этотъ клубъ въ первые десять лѣтъ своего существованія прекрасно велъ дѣла свои и пользовался репутаціею наиболѣе оживленнаго и популярнаго изъ мѣстныхъ учрежденій этого рода, но съ начала 80-хъ годовъ дѣла его стали замѣтно клониться къ упадку, не смотря на рядъ мѣропріятій для поддержанія этого клуба (лѣтнее помѣщеніе въ Износковскомъ саду, съ опереточнымъ при клубѣ театромъ, устройство при немъ сцены мѣстнаго общества любителей сценическаго искуства и т. п.). Во второй половинѣ 80-хъ годовъ дѣла собранія пришли въ окончательное разстройство, котораго не могли поправить и маскарады, принявшіе совершенно неумѣстный для клуба характеръ; число членовъ его стало все болѣе и болѣе сокращаться и въ послѣдніе годы прошедшаго десятилѣтія казанское русское соединенное собраніе совершенно прекратило свое существованіе.

Общество любителей шахматной игры (Шахматный клубъ), помѣщающееся на Воскресенской ул., въ д. Челышева и основанное въ 1885 году, является, не взирая на свое спеціальное наименованіе, клубомъ на общихъ основаніяхъ, но съ тою, однако, особенностью, что это клубъ исключительно мужской; въ немъ не бываетъ ни танцовальныхъ, ни семейныхъ, ни другихъ дамскихъ вечеровъ. Клубъ этотъ, прекрасно ведущій свои дѣла, располагаетъ удобнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ въ такъ называемомъ Панаевскомъ саду.

иженіямъ собственно мѣстныхъ инородцевъ присоединяются ещ
иженія башкирскія, также причинявшія русскому правительству
ло безпокойства и хлопотъ.

Не возвращаясь къ политическимъ и инородческимъ движені
Казанскомъ краѣ второй половины XVI в., переходимъ къ учас
Казани и его края въ тѣхъ трехъ крупныхъ политическихъ д
еніяхъ, изъ которыхъ первое, извѣстное подъ наименованіемъ см
аго времени, охватило собою въ началѣ XVII столѣтія всю русс
млю, а послѣдніе два, извѣстныя подъ названіями бунта Стен
азина и Пугачевщины—всю восточную часть русской европейс
рриторіи.

Казанскій край въъ смутное время. Смутное вре
вилось первымъ историческимъ явленіемъ общегосуд
твеннаго характера, въ которомъ вновь присоединенн
азанскому краю довелось выступить въ качествѣ од
зъ органическихъ частей великой общерусской земщи

Здѣсь не мѣсто и не время входить въ обсужденіе причинъ,
рыми вызвано было въ жизни русскаго народа то бурное движе
торое извѣстно подъ наименованіемъ «смутнаго времени» и бы
хватило собою всю русскую землю. Какими бы побудительными
инами не руководствовались иниціаторы этого движенія, несом
имъ является то, что они искусстно съумѣли воспользоваться со
енными обстоятельствами, начертавъ на знамени, поднятомъ им
мя царевича Димитрія, прикрывавшаго собою цѣлый рядъ раз
ода самозванцевъ, магическія слова: «Воля и свобода отъ тяг
то тотъ самый девизъ, который выброшенъ былъ полстолѣт
озже атаманомъ Стенькою Разинымъ, а съ небольшимъ еще
езъ сотню лѣтъ—донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ.
еніе смутнаго времени было движеніемъ массивнымъ, стихійн
ля котораго имя царевича Димитрія служило лишь предлогомъ,
озже, и для пугачевскаго движенія, призрачное имя импер
етра III, принятое на себя простымъ неграмотнымъ казакомъ,

Военное собраніе, помѣщающееся на Воскресенской ул., въ д. Каменскихъ, представляется, какъ показываетъ самое названіе его, клубомъ спеціальнаго назначенія.

Балы и танцовальные вечера этого собранія считаются самыми фешенебельными въ Казани. Лица невоеннаго состоянія пользуются входомъ въ собраніе лишь на правахъ гостей. По зимамъ происходятъ здѣсь музыкальныя собранія (исключительно для гг. военныхъ) чтенія и военно-тактическія занятія для офицеровъ.

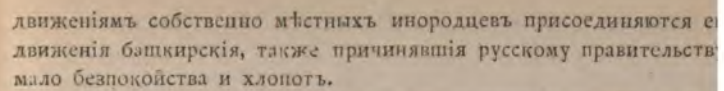
Военное собраніе пороховаго завода (въ городкѣ Пороховаго завода)—клубъ также чисто спеціальнаго назначенія, устроенный для обширнаго контингента служащихъ на пороховомъ заводѣ, находящемся, какъ извѣстно, за городомъ.

V.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ Г. КАЗАНИ И КАЗАНСКОМЪ КРАѢ.—ОБЩЕСТВЕННЫЯ БѢДСТВІЯ.

I. Движенія въ городѣ и краѣ.

Мы уже въ своемъ мѣстѣ говорили (см. стран. 135 и слѣд.) о томъ, что покореніе въ 1552 году города Казани далеко еще не явилось покореніемъ бывшаго царства Казанскаго; что, вслѣдъ за оставленіемъ Казани главною московскою ратью, въ краѣ вспыхиваетъ ожесточенный мятежъ, продолжавшійся въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ и потребовавшій со стороны Московскаго правительства долгихъ и напряженныхъ усилій для своего подавленія. Мы знаемъ также и то (см. стран. 165 и слѣд.) что инородческія движенія не прекращались въ Казанскомъ краѣ въ теченіи всей второй половины XVI вѣка, будучи переданы въ наслѣдіе XVII и даже XVIII вѣкамъ, когда къ

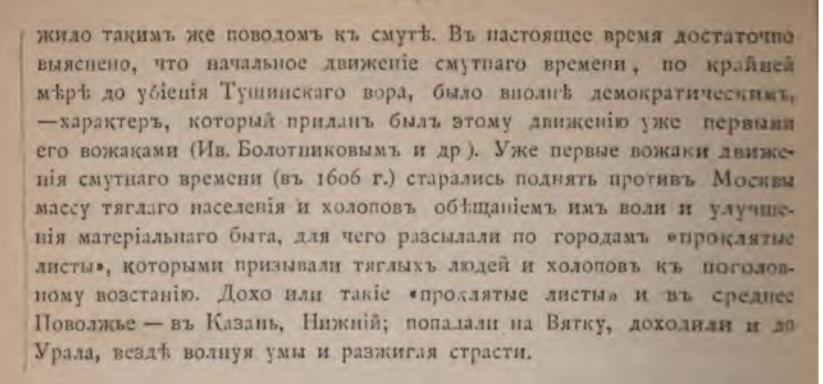


движеніямъ собственно мѣстныхъ инородцевъ присоединяются е движенія башкирскія, также причинявшія русскому правительств мало безпокойства и хлопотъ.

Не возвращаясь къ политическимъ и инородческимъ движе въ Казанскомъ краѣ второй половины XVI в., переходимъ къ уч г. Казани и его края въ тѣхъ трехъ крупныхъ политическихъ женіяхъ, изъ которыхъ первое, извѣстное подъ наименованіемъ с наго времени, охватило собою въ началѣ XVII столѣтія всю рус землю, а послѣдніе два, извѣстныя подъ названіями бунта Сте Разина и Пугачевщины—всю восточную часть русской европе территоріи.

Казанскій край въ смутное время. Смутное в явилось первымъ историческимъ явленіемъ общегосу ственнаго характера, въ которомъ вновь присоединен казанскому краю довелось выступить въ качествѣ о изъ органическихъ частей великой общерусской земщ

Здѣсь не мѣсто и не время входить въ обсужденіе причин торыми вызвано было въ жизни русскаго народа то бурное дви которое извѣстно подъ наименованіемъ «смутнаго времени» и б охватило собою всю русскую землю. Какими бы побудительными чинами не руководствовались иниціаторы этого движенія, несо нымъ является то, что они искусстно съумѣли воспользоваться с мешными обстоятельствами, начертавъ на знамени, поднятомъ им имя царевича Димитрія, прикрывавшаго собою цѣлый рядъ ра рода самозванцевъ, магическія слова: «Воля и свобода отъ т Это тотъ самый девизъ, который выброшенъ былъ полстолѣ позже атаманомъ Стенькою Разинымъ, а съ небольшимъ ещ резъ сотню лѣтъ—донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ. женіе смутнаго времени было движеніемъ массивнымъ, стихі для котораго имя царевича Димитрія служило лишь предлогом позже, и для пугачевскаго движенія, призрачное имя им Петра III, принятое на себя простымъ неграмотнымъ казако


жило такимъ же поводомъ къ смутѣ. Въ настоящее время достаточно выяснено, что начальное движеніе смутнаго времени, по крайней мѣрѣ до убіенія Тушинскаго вора, было вполнѣ демократическимъ, —характеръ, который приданъ былъ этому движенію уже первыми его вожаками (Ив. Болотниковымъ и др.). Уже первые вожаки движенія смутнаго времени (въ 1606 г.) старались поднять противъ Москвы массу тяглаго населенія и холоповъ обѣщаніемъ имъ воли и улучшенія матеріальнаго быта, для чего разсылали по городамъ «проклятые листы», которыми призывали тяглыхъ людей и холоповъ къ поголовному возстанію. Дохо или такіе «проклятые листы» и въ среднее Поволжье — въ Казань, Нижній; попадали на Вятку, доходили и до Урала, вездѣ волнуя умы и разжигая страсти.

Странную и, на первый взглядъ, довольно загадочную роль довелось сыграть Казанскому краю въ историческомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ „смутнаго времени“. Эта роль явилась двоякою. Въ первую и наиболѣе продолжительную эпоху смутнаго времени Казань держится какъ бы въ сторонѣ отъ событій, которыми волновалась въ ту пору вся русская земля; она какъ бы умышленно игнорируетъ эти событія, придерживаясь выжидательной политики и не рѣшаясь активно выступить въ нихъ до выясненія роковаго вопроса: „Чья возметъ?“. Такой политики держится Казань до низложенія Шуйскаго. Съ этого момента она открыто становится на сторону Тушинскаго вора и затѣмъ, послѣ его гибели, играетъ въ событіяхъ смутнаго времени уже совсѣмъ двухсмысленную роль: на словахъ Казань горячо примыкаетъ къ обще-земскому движенію, направленному къ спасенію Москвы; на дѣлѣ же она относится къ этому движенію болѣе нежели индифферентно и, пожалуй, даже тормозитъ его.

Несомнѣнно, что причину такого двойственнаго и, въ значительной долѣ, пассивнаго отношенія Казани къ событіямъ смутнаго времени мы должны искать въ исключительномъ положеніи, занимавшемся въ началѣ XVII вѣка Казанскимъ краемъ въ ряду остальныхъ областей русскихъ. Всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того присоединенный къ Московскому государству послѣ ряда отчаянныхъ попытокъ отстоять свою независимость, почти сплошь населенный враждебно относившимися къ своимъ покорителямъ народностями и еще слабо колонизированный пришлымъ русскимъ населеніемъ — Казанскій край связанъ былъ въ то время съ Москвою лишь царскими воеводами, управлявшими бывшимъ Казанскимъ царствомъ изъ за стѣнъ Казанскаго кремля, приказными и начальными людьми, стрѣльцами и пушкарями, испомѣщенными въ ближайшихъ къ городу волостяхъ дворянами и дѣтьми боярскими, да кучкою русскихъ посадскихъ людей, явившихся въ Казань вслѣдъ за покореніемъ края. Таковъ тотъ, сравнительно съ массою туземнаго населенія, весьма ограниченный контингентъ дѣятелей, которые могли бы играть хотя сколько нибудь активную, сколько нибудь сознательную роль въ событіяхъ смутнаго времени. Въ ту пору могла лишь идти рѣчь о казанскихъ воеводахъ, да казанскихъ царскихъ начальныхъ и служилыхъ людяхъ — но земщины казанской, въ настоящемъ значеніи этого слова, въ то время еще не существовало, почему дѣятельность отдѣльныхъ личностей изъ представителей его администраціи или служилаго класса — легко выдавалась за «мысль» и «волю» всего «великаго государства Казанскаго».

Угрожающія вспышки смуты стали проявляться въ среднемъ Поволжьи уже въ 1606 году, почти одновременно съ возстаніемъ противъ Шуйскаго украйн... родовъ. Въ половинѣ этого года, когда въ с... землѣ уже разгоралось пламя мятежа и впервы... несено было магическое имя „царевича Димитрі... нижегородскомъ краѣ начиналось крестьянское

ческое движеніе, въ предѣлахъ казанскаго Поволжья разгуливалъ съ своими казаками воръ Илейка, уже „объявившій" себя въ ту пору „царевичемъ Петромъ". Бывшій холопъ свіяжскаго стрѣлецкаго головы Елагина и хорошо знакомый съ Поволжьемъ, по которому онъ не мало погулялъ, то хаживая здѣсь въ качествѣ бурлака, то проживая въ Казани и Нижнемъ, Илейка собралъ вокругъ себя до четырехъ тысячъ человѣкъ удалой вольницы, начавъ свою дѣятельность отчаянными грабежами, нагнавшими ужасъ на всю Волгу. Нагулявшись на низовьи, Илейка поплылъ въ стругахъ вверхъ по Волгѣ, объявивъ, что ѣдетъ на Москву, къ дядѣ своему царю Димитрію. Это плаваніе ознаменовалось новыми разгромами и грабежами по пути между Астраханью и Казанью. Лже-Петръ доплылъ было съ своею флотиліею до Свіяжска, но здѣсь, подъ Вязовыми Горами, узнавъ отъ встрѣчнаго ему стрѣлецкаго головы объ умерщвленіи Лжедмитрія, счелъ за лучшее ретироваться обратно на волжское понизовье, что и выполнилъ хитростью, обманувъ бдительность казанскихъ воеводъ и проскользнувъ мимо Казани ночною порою, подъ прикрытіемъ услонскихъ горъ. Вся эта смута на Волгѣ, поднятая во имя „царя Димитрія" дерзкимъ самозванцемъ-бродягою, присвоившимъ на себя имя его племянника, не могла, конечно, содѣйствовать спокойствію и тишинѣ въ предѣлахъ казанскаго края, подготовляя здѣсь то шатаніе умовъ, которое являлось столь характернымъ для эпохи смутнаго времени.

Это шатаніе умовъ не замедлило сказаться въ казанскомъ краѣ, который уже къ началу осени 1606 года очутился охваченнымъ мятежемъ. Первый серьезный

взрывъ, не на шутку всполошившій Москву, обнаружился въ г. Свіяжскѣ осенью того же года. Это было уже не одно изъ столь частыхъ здѣсь и прежде инородческихъ движеній: это было движеніе русскихъ служилыхъ и земскихъ людей, примкнувшихъ къ обаянію имени царя Димитрія, прикосновенными къ которому явились свіяжскіе дворяне и дѣти боярскіе, стрѣльцы и представители торговаго и податнаго классовъ.

Свіяжская смута вызвана была извнѣ. Явились въ Свіяжскій городъ какіе то «воры и богоотступники» и стали разливать «звѣрохищный ядъ» свой, прельщая свіяжцевъ именемъ царя Димитрія. Привезена была и крестоцѣловальная запись на вѣрность царю Димитрію Ивановичу. Не устояли свіяжане противъ «звѣрохищнаго яда»,—измѣнили царю Василію Шуйскому и присягнули самозванцу. Борьбу съ свіяжскою крамолою принялъ на себя казанскій митрополитъ Ефремъ, подвергнувшій свіяжанъ церковному отлученію; эта мѣра возымѣла дѣйствіе: свіяжане, узнавъ, что они «омрачились прелестью», били челомъ о прощеніи, которое и было имъ даровано.

Свіяжская смута была къ концу 1606 г. погашена и затѣмъ источники упорно молчатъ о казанскихъ событіяхъ 1607 и 1608 годовъ. Но въ концѣ 1608 года въ казанскомъ краѣ сдѣлалось снова безпокойно, главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣны городовъ Владиміра и Мурома, оставившей Казань въ изолированномъ отъ Москвы положеніи. Хотя городъ Казань и оставался вѣрнымъ Шуйскому, но въ предѣлахъ какъ его края, такъ и сосѣднихъ вятской и пермской областей, бродили мятежныя шайки инородцевъ. По отрѣзанному отъ столицы краю разъѣзжали эмиссары, поднимавшіе населеніе противъ Москвы, и смута стала разливаться по нагорному берегу Волги, въ предѣлахъ инородческихъ уѣздовъ

Свіяжскаго, Чебоксарскаго и Козмодемьянскаго, зах
тывая въ свое движеніе и русскихъ служилыхъ лю
этихъ уѣздовъ, присоединявшихся къ инородческимъ б
дамъ. Не смотря на жестокія пораженія, нанесен
мятежникамъ подъ Свіяжскомъ и Чебоксарами воево
Ѳ. И. Шереметевымъ, пламя мятежа далеко не было
тушено, что и подтвердилось дальнѣйшими событіями

Весною 1609 года весь русскій сѣверо-востокъ охватыва
движеніемъ въ пользу царя Василія: организуются городскія опо
нія, двинувшіяся на выручку Москвы,—но Казань осталась пасси
зрительницею этого движенія и абсентеизмъ ея невольно броса
въ глаза въ событіяхъ весны и лѣта этого года. Броженіе умов
смуты не прекращались въ казанскомъ краѣ осенью 1609 г., про
жались въ теченіи всей зимы 1609—1610 гг. и, повидимому, въ
ченіи весны и лѣта 1610 года,—въ то самое время, какъ въ Мос
разыгрывались событія первостепенной важности: низложенъ б
царь Василій Шуйскій и Москвѣ сталъ грозить новый самозван
принявшій имя спасеннаго царя Димитрія и извѣстный въ рус
исторіи подъ названіемъ «Тушинскаго вора». Индифферентное и ч
пассивное отношеніе Казани къ событіямъ, волновавшимъ въ ту
всю русскую землю, кромѣ причинъ, о которыхъ было уже говор
выше, находитъ себѣ въ значительной степени объясненіе и въ т
несогласіяхъ, которыя господствовали среди современнаго персо
казанскаго воеводскаго управленія. На почвѣ этихъ то несогла
разыгрались въ Казани кровавыя событія, которыми ознаменова
начало 1611 года и о которыхъ будетъ у насъ теперь идти рѣчь.

Въ самомъ концѣ 1610 года умерщвленъ былъ
Калугѣ Тушинскій воръ, въ лицѣ котораго имя „ц
Димитрія“ поставило вверхъ дномъ весь нормальный х
русской государственной и общественной жизни и
теченіи четырехъ лѣтъ мутило русскую землю. По смер

его осталась, по выраженію Авраамія Палицина, только „сука со единымъ щенятемъ“, разумѣя здѣсь Марину съ позорожденнымъ „царевичемъ Іоанномъ“.

Гибель Тушинскаго вора имѣла огромное значеніе. Несомнѣнно, что главари движенія 1606—1611 гг. прекрасно знали, что человѣкъ, за дѣло котораго они ополчаются—воръ; народныя же массы только слѣпо, какъ стихійная сила, шли вслѣдъ за ними, мало задаваясь вопросомъ о томъ, — кто такой, на самомъ дѣлѣ, былъ этотъ сѣверскій выходецъ, назвавшійся сыномъ Грознаго царя. Онъ былъ знаменемъ, которое сосредоточивало вокругъ себя протестующіе элементы—и этого было достаточно. Съ гибелью самозванца русской землѣ представились два пути: или примкнуть къ дѣлу польскаго королевича Владислава, котораго Москва, съ боярствомъ во главѣ, звала на россійское царство; или же протестовать противъ избранія польскаго королевича и, сконцентрировавъ всѣ земскія силы, очистить Москву отъ засѣвшихъ уже въ ней поляковъ и избрать себѣ Царя волею всего народа. Русская земщина, какъ извѣстно, пошла по второму пути: уже тотчасъ по смерти самозванца въ отдѣльныхъ областяхъ возгорается агитація противъ Владислава и поляковъ, — агитація, которая вскорѣ и разражается извѣстнымъ обще-земскимъ движеніемъ 1611—1612 годовъ.

Вѣсть о гибели Тушинскаго вора не скоро достигла заволжскаго сѣверо-востока. Въ первой половинѣ апрѣля 1611 г. въ Казани, напримѣръ, еще ничего не было извѣстно о калужскихъ событіяхъ конца минувшаго года, но за то уже въ самомъ началѣ года стало здѣсь вѣдомо о московскихъ нестроеніяхъ: прибывшій 7 января изъ Москвы дьякъ Ао. Евдокимовъ привезъ сюда вѣсти о занятіи Москвы поляками, объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ ими русскимъ людямъ, о насиліи ихъ надъ патріархомъ за то, что онъ убѣждалъ народъ не цѣлова[ть] польскому королю креста и не брать себѣ на прес[...]

польскаго королевича.... Это сообщеніе было сигнало къ взрыву въ Казани жестокой смуты и усобицы. Каза цы раздѣлились на двѣ враждебныя портіи: одна и нихъ, руководимая дьякомъ казанскаго воеводскаго у равленія Никаноромъ Шульгинымъ, заявила о необход мости теперь, когда Москва отдается боярами во влас поляковъ, цѣловать крестъ „царю Димитрію Иванович (не зная еще о смерти Тушинскаго вора); другая парті во главѣ которой стоялъ второй казанскій воевода, бо ринъ Богд. Яковл. Бѣльскій, требовала, чтобы казані „вору“ креста не цѣловали, а „цѣловали бы крес тому, кто будетъ избранъ царемъ на московское госуда ство“. Партія Шульгина осилила: была на-скоро соста лена крестоприводная запись на вѣрность мнимому ца Димитрію, по которой съ 7 января и начался приво казанцевъ къ присягѣ. Такъ какъ воевода Бѣльскій тутъ продолжалъ уговаривать казанцевъ воздержаться о присяги самозванцу, то дьякъ Шульгинъ отдалъ прик заніе убить его: несчастнаго взвели на верхъ кремле ской башни и оттуда сбросили внизъ. Такъ окончилъ д свои въ Казани Б. Я. Бѣльскій, этотъ бывшій сподви пикъ и любимецъ Грознаго царя.

Воевода Бѣльскій былъ, повидимому, не единственною жертв казанскихъ событій 1611 года. Здѣсь произошла, очевидно, ожес ченная и кровавая распря, побѣда въ которой осталась за парті Никанора Шульгина. Такъ, одновременно съ Бѣльскимъ, былъ уби въ Казани, сброшенный «съ раската», одинъ изъ мѣстныхъ ратн начальныхъ людей, Ѳеод. Зах. Люткинъ; впослѣдствіе сынъ убита Андрей, «по обѣщанію своему»,—быть можетъ именно въ память му ничеcкой смерти отца своего,—выстроилъ въ Казани существующ здѣсь и понынѣ церковь во имя Вознесенія Господня.

Дьякъ Никаноръ Шульгинъ, виновникъ январскихъ мутъ 1611 г. и смерти боярина Бѣльскаго, является иднымъ дѣятелемъ казанскихъ событій эпохи смутнаго ремени. Любопытно, что цѣли, которыя преслѣдовались мъ въ эту эпоху, являлись чисто сепаратическими: Шульинъ лелѣялъ мысль создать, при содѣйствіи персидкаго шаха, казаковъ и мусульманскаго населенія края, собое понизовое государство подъ главенствомъ Лжемитрія; когда же фактъ гибели Тушинскаго вора сталъ звѣстнымъ, тогда знаменемъ, подъ которымъ надѣялись существить это стремленіе, выдвинутъ былъ „Маринъ инъ сынокъ", — какъ называли современники нареченаго „царевича Ивана".

Слухи о сепаратическихъ стремленіяхъ Казани достигли и до Іосквы, о чемъ бояре-правители не преминули донести королю Сиизмунду, который и рекомендовалъ боярамъ беречься распаденія Мосовскаго государства на части, указывая, между прочимъ, на то, что, о слухамъ, Казань, сговорившись съ Астраханью и другими городами, очетъ отложиться за персидскаго шаха и креста сыну его, королеичу Владиславу, не цѣлуетъ. Опасенія казанскаго сепаратизма еще ь августѣ 1611 г., когда подъ Москвою уже стояли земскія ополченія, одъ предводительствомъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго, среди оторыхъ блистало, однако, своимъ отсутствіемъ казанское ополченіе ревожило собою приверженцевъ обще-земскаго дѣла и, во главѣ ихъ, атріарха Гермогена, вслѣдствіе чего Гермогенъ, считая, очевидно, злишнимъ обращаться непосредственно къ казанцамъ, проситъ нижеородцевъ отписать въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы этотъ рархъ убѣдилъ казанцевъ «крѣпко стоять за вѣру и не звать на царво проклятаго Марины паньи сынка». Эта форма обращенія къ осредничеству Нижняго Новгорода ясно доказываетъ намъ, что знаенитый московскій іерархъ, долго находившійся на служеніи въ азани (сначала въ званіи простаго приходскаго попа, а затѣмъ, въ

теченіи 17 лѣтъ, въ санѣ митрополита) и хорошо знавшій всѣ мѣстныя отношенія, уже не довѣряетъ представителямъ казанской гражданской власти, во главѣ которыхъ сталъ теперь дьякъ Шульгинъ, и полагается теперь единственно лишь на одного митрополита Ефрема.

Мысль объ основаніи самостоятельнаго низоваго государства пережила окончаніе эпохи междуцарствія. Еще въ 1613 г. лелѣялъ ее Заруцкій, приставшій къ Маринкѣ и «Маринкину сынку». Засѣвъ съ Маринкою и сыномъ ея въ Астрахани и заискивая отсюда у ногайцевъ онъ съ наступленіемъ весны намѣревался идти съ ними на Самару и Казань. Любопытно, что, одновременно съ этими астраханскими замыслами, и дьякъ Никаноръ Шульгинъ всѣми мѣрами старался удержать казанцевъ отъ присяги вновь избранному земскимъ соборомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

Въ то время, какъ въ Казани происходили смуты и раздоры, ознаменовавшіеся присягою самозванцу и убійствомъ воеводы Бѣльскаго съ его сторонниками—въ сѣверскихъ городахъ и въ самой Москвѣ возгарается движеніе противъ Владислава и засѣвшихъ въ столицѣ поляковъ. Послѣдовавшая въ концѣ 1610 г. гибель Тушинскаго вора, объединивъ партіи, дала русскимъ земщинамъ возможность сплотиться противъ общаго врага подъ лозунгомъ спасенія православія и чистоты національности. Открывается великое обще-земское движеніе для освобожденія Москвы отъ поляковъ, ознаменовавшее собою 1611 и 1612 годы. Если Казань и раньше весьма пассивно относилась къ интересамъ своей метрополіи, Москвы, то теперь, въ разгаръ этого грандіознаго патріотическаго движенія, казанскій индифферентизмъ выступилъ впередъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, вызвавъ собою посылку въ концѣ марта, изъ Ярославля въ Казань, грамоты отъ имени всего освященнаго собора, воеводъ, служилыхъ и

[redacted]

земскихъ людей: „Мы вамъ меньшіе большимъ не указываемъ,—пишутъ здѣсь ярославцы, признавая, такимъ образомъ, старшинство казанскаго царства надъ ярославскою областью: сами можете своимъ премудрымъ, Богомъ даннымъ, разумомъ разсудить..... А только, господа, вы своею казанскою землею не поможете, а православной вѣрѣ будетъ попраніе и людямъ погибель—тогда кто дастъ за это отвѣтъ Богу и чего тогда самимъ вамъ для себя ожидать?“.

Отсутствіе со стороны казанцевъ хотя бы только нравственнаго, если не матеріальнаго, участія въ обще-земскомъ движеніи начало 1611 г. смущало не однихъ ярославцевъ. 19 марта послана была въ Казань, не менѣе торжественно редактированная, грамота и отъ костромскихъ духовенства, служилыхъ и жилецкихъ людей; въ томъ же мѣсяцѣ убѣждали казанцевъ помочь общему русскому земскому дѣлу и владимірцы,—но всѣ эти воззванія городовъ оставались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ: никакіе доводы, никакія угрозы Божіею карою не въ состояніи были пробить кору индифферентизма казанскаго царства къ земскому патріотическому движенію 1611 года. Абсентеизмъ Казани въ этомъ обще-русскомъ движеніи не былъ, конечно, явленіемъ случайнымъ, коренясь въ сознательномъ стремленіи господствовавшей здѣсь партіи, руководимой Никаноромъ Шульгинымъ, сохранить, изъ сепаратическихъ цѣлей, пассивное отношеніе къ событіямъ, которыя волновали въ ту пору русскую землю.

1 апрѣля земскія ополченія стянулись подъ Москвою и отсюда предпринимается новая попытка обратить Казань къ совѣту и единенью съ остальною

Обра-
рус-

скою землею. На этотъ разъ попытка эта облекается уже въ особенно авторитетную и внушительную форму: посланная въ Казань изъ подъ Москвы грамота, убѣждающая казанцевъ примкнуть къ обще-русскому дѣлу, адресуется на имя „всякихъ чиновъ людей великаго государства Казанскаго“ отъ „великаго Московскаго государства бояръ, и воеводъ, и дворянъ, и дѣтей бярскихъ и всякихъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія“. „А только, господа,—читаемъ мы здѣсь,—вы съ нами не соединитесь и за государство Московское не станете, а что надъ государствомъ Московскимъ раззоренье учинится—и то Богъ взыщетъ на васъ“.....

Эта грамота, полученная въ Казани 1 мая, не могла не произвести здѣсь извѣстнаго впечатлѣнія даже въ кружкахъ, несочувствовавшихъ охватившему русскую землю земскому движенію: это было уже не посланіе служилыхъ людей и земщины одного какого нибудь города,—это было коллективное посланіе всей русской земщины, собравшейся, въ лицѣ городовыхъ ополченій, подъ стѣнами Москвы. Не откликнуться на этотъ призывъ—значило открыто порвать связь со всею русскою землею, на что не могли, само собою разумѣется, рѣшиться даже самые радикальные представители казанскихъ сепаратическихъ стремленій. И вотъ съ конца первой половины 1611 г. мы наблюдаемъ новое направленіе въ политикѣ „великаго государства Казанскаго“. Это—политика выжидательная, разсчитанная на выигрышъ времени въ ожиданіи развязки разыгрывающихся подъ Москвою событій. Начинается безплодная переписка Казани съ сосѣдними городами, которою, въ сущности, и

[redacted]

ограничивалось дѣло посылки подъ Москву казанскаго ополченія.

Извѣстно, что земское ополченіе 1611 г. окончилось неудачею, благодаря возникшимъ среди предводителей его раздорамъ, и къ осени этого года изъ стройной рати превратилось въ безпорядочную казацкую толпу, такъ какъ лучшіе земскіе элементы спѣшили выйти изъ его состава. Неудача этого ополченія не охладила, тѣмъ не менѣе, патріотизма русской земщины. Въ концѣ 1611 г., въ то самое время, когда все болѣе и болѣе таяло подмосковное ополченіе и смута съ новою силою охватывала со всѣхъ сторонъ русскую землю—произошелъ новый взрывъ земской самодѣятельности, направленный къ спасенію погибающаго государства, получившій дѣятельный толчокъ со стороны духовныхъ властей Троицко-Сергіевой обители, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, обратившихся къ русскимъ земщинамъ съ горячими воззваніями о спасеніи вѣры и отечества. Первый взрывъ новаго патріотическаго движенія обнаружился въ Нижнемъ Новгородѣ: всѣмъ извѣстна сказавшаяся здѣсь инициатива Козьмы Минина, обратившагося къ своимъ согражданамъ съ воззваніемъ ополчиться для спасенія отечества «не жалѣя имѣнія своего» и, если оказалось бы нужнымъ, «женъ продавать и дѣтей закладывать» для этой патріотической цѣли; извѣстно, какъ собиралась всенародно казна на содержаніе земскаго ополченія; какъ былъ призванъ въ предводители этого послѣдняго воевода князь Дим. Мих Пожарскій, а самъ Мининъ облеченъ званіемъ излюбленнаго при немъ земскаго человѣка.... Полетѣли изъ Нижняго во всѣ города грамоты съ предложеніемъ примкнуть къ возникшему здѣсь движенію и это послѣднее, разгораясь все большимъ и большимъ пламенемъ и съ странною силою разливаясь по всей русской землѣ, привело къ сформированію для спасенія Москвы новаго обще-русскаго земскаго ополченія 1612 года.

Когда, въ концѣ 1611 и въ началѣ 1612 годовъ, дѣятельно шли въ Нижнемъ Новгородѣ приготовленія къ

организаціи новаго земскаго ополченія, которому и с
дено было освободить Москву отъ поляковъ, тогда и
ціаторы этого патріотическаго дѣла предпринима
новую попытку привлечь къ нему „великое госуд
ство Казанское", такъ пассивно отнесшееся къ оп
ченію 1611 года и гдѣ все еще продолжалъ разыг
вать роль диктатора дьякъ Никаноръ Шульгинъ.
довольствуясь, по прежнему, посылкою простой грамо
рѣшили предпринять по отношенію къ Казани м
болѣе внушительнаго характера: сюда, для убѣжде
казанцевъ подать „совѣтъ и помочь Московскому го
дарству", послана была особая депутація изъ стряп
го Ивана Биркина и нѣсколькихъ представителей ду
венства. Но произошло нѣчто совершенно, конечно,
предвидѣнное: Иванъ Биркинъ, вмѣсто того, что бы ск
нять казанцевъ къ обще-русскому дѣлу—„своровал
стакнулся съ казанскимъ диктаторомъ Шульгинымъ
сдѣлался, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, однимъ и
главныхъ заводчиковъ казанскихъ смутъ. Остальны
депутатамъ не оставалось ничего болѣе, какъ возвр
титься обратно въ Нижній и повѣдать здѣсь про измѣ
Биркина и про „казанскій недобрый совѣтъ". Тогда р
шено было двинуть земское ополченіе князя Пожарска
къ Москвѣ, не дожидаясь помощи отъ Казани.

Земское ополченіе стояло, по пути къ Москвѣ, у
въ Ярославлѣ, когда разыгралась новая неожиданнос
внезапно нагнало его здѣсь и ополченіе казанское,
прибытіи котораго уже всѣ отчаявались.

Трудно сказать, что побудило казанцевъ прислать таки,
концѣ концевъ, къ Ярославлю своихъ ратныхъ людей: вынуждены
были казанскіе «воровскіе заводчики», Шульгинъ и Биркинъ, ус

пить партіи, не раздѣлявшей ихъ крайнихъ взглядовъ и сепаратическихъ стремленій, сами ли ратные люди потребовали похода—неизвѣстно; вѣрнѣе всего, какъ и показали это послѣдующія событія, что посылка этого ополченія была простою комедіею, подстроенною предусмотрительными казанскими диктаторами для простаго очищенія, въ виду возможности всякихъ случайностей, совѣсти своей: ополченіе, де, было послано, въ Ярославлѣ произошла ссора, ратные люди вернулись оттуда обратно,—разбирай послѣ, кто былъ правъ, а кто виноватъ.... Такъ все это, на самомъ дѣлѣ, и вышло.

Казанское ополченіе пришло къ Ярославлю подъ предводительствомъ Ивана Биркина и татарскаго головы Лукьяна Мяснаго. Первый явился представителемъ собственно „великаго государства Казанскаго", второй—представителемъ его земщины и, главнымъ образомъ, земщины инородческой; это были казанскіе Пожарскій и Мининъ въ миніатюрѣ. Присутствіе въ ополченіи Биркина уже само по себѣ являлось залогомъ будущихъ смутъ, что очень скоро и оправдалось на дѣлѣ. Уже съ самаго начала похода оба предводителя ссорились между собою, вѣроятно на почвѣ того, что этотъ походъ, благодаря Биркину, носилъ характеръ не патріотическаго движенія, но вражескаго нашествія, такъ какъ Биркинъ, по словамъ лѣтописи, дорогою „многую пакость дѣлалъ городамъ и уѣздамъ". По приходѣ въ Ярославль, непріязненныя отношенія между Биркинымъ и Мяснымъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ за собою свою партію, обострились до того, что дѣло едва не дошло до взаимнаго побоища. Результатомъ явилось то, что казанское ополченіе, съ Биркинымъ во главѣ, вернулось изъ подъ Ярославля обратно въ Казань „никакой,—говоритъ лѣтописецъ,—помощи не учинивъ, но лишь надѣлали много пакос

землѣ назадъ идучи"; лѣтописецъ утверждаетъ при этомъ, что возвращеніе ополченія послѣдовало по приказанію остававшагося въ Казани дьяка Никанора Шульгина.

Не всѣ казанцы ушли, впрочемъ, изъ подъ Ярославля по домамъ: здѣсь остались голова Мясной съ стрѣлецкимъ сотникомъ Нееловымъ, да съ ними 20 человѣкъ инородческихъ князей и мурзъ, человѣкъ съ 30 дворянъ, да около сотни стрѣльцовъ.... Вотъ наличность всего представительства „великаго государства Казанскаго", участвовавшаго въ достопамятныхъ событіяхъ второй половины 1612 года! По словамъ лѣтописца, дьякъ Шульгинъ не простилъ этимъ ополченцамъ ихъ участія въ дѣлѣ освобожденія Москвы: по возвращеніи ихъ въ Казань, имъ довелось перенести отъ него „многія бѣды и напасти", а голова Мясной и Нееловъ едва не были уморены имъ въ тюрьмѣ.

Мы не будемъ описывать дальнѣйшихъ московскихъ событій. Во второй половинѣ октября стянувшееся подъ Москвою земское ополченіе открыло рѣшительныя дѣйствія противъ засѣвшихъ въ Москвѣ поляковъ; 22 октября взятъ былъ приступомъ Китай—городъ, а 27 ноября 1612 г. воеводы князья Пожарскій и Трубецкой имѣли торжественный въѣздъ въ освобожденную ими Москву. Въ февралѣ слѣдующаго 1613 года созванъ былъ въ столицѣ земскій соборъ, которымъ 21 февраля и избранъ былъ въ цари Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, 11 іюля того же года вѣнчанный на царство уже извѣстнымъ намъ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, теперь, за мученическою кончиною патріарха Гермогена, пострадавшаго за отказъ удержать города отъ сбора земскаго ополченія 1612 г., старшимъ іерархомъ русской церкви. Такъ окончилась тяжелая година смутнаго времени на Руси.

А что же сталось по освобожденіи Москвы съ ка-

занскимъ „воровскимъ заводчикомъ“, дьякомъ Никаноромъ Шульгинымъ? По странной и весьма мало понятной случайности, земскимъ соборомъ, созваннымъ въ очищенной отъ поляковъ Москвѣ и, впредь до избранія новаго царя, правившимъ всѣми государственными дѣлами, именно Шульгину дано было порученіе выгнать изъ украйнаго города Михайлова измѣнника Заруцкаго, укрѣпившагося здѣсь съ Мариною и ея сыномъ. Выступивъ съ казанскими ратными людьми въ походъ и дойдя лишь до Арзамаса, Шульгинъ здѣсь узналъ впервые о воспослѣдовавшемъ избраніи на царство Михаила Романова. Рѣшивъ далѣе не идти, онъ сталъ уговаривать людей своихъ не цѣловать креста новому царю, такъ какъ Михаилъ „избранъ, де, на царство безъ вѣдома государства Казанскаго“. Вѣроятно уговоры Шульгина успѣха не имѣли, такъ какъ, оставивъ рать свою въ Арзамасѣ, онъ поспѣшно бросился къ Казани, что бы удержать казанцевъ отъ присяги вновь избранному царю, но оказалось, что его предупредили изъ Москвы и Казань успѣла принять присягу до его прибытія, а самъ Шульгинъ, схваченный, не доѣзжая Казани, въ г. Свіяжскѣ, былъ препровожденъ въ Москву, а отсюда отправленъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ дни свои.

Замыслы Заруцкаго и Марины долго еще не давали Москвѣ покоя. Этотъ авантюристъ все еще продолжалъ обращать на Поволжье очи, полныя надеждъ. Узнавъ, что миссія борьбы съ нимъ возложена теперь, взамѣнъ Шульгина, на князя Ив. Одоевскаго, Заруцкій, ушедшій съ Мариною и сыномъ ея въ Астрахань, похвалялся здѣсь: «Знаю московскіе порядки,—пока отъ Москвы на меня рать придетъ, я не только Самару, но и Казань взять успѣю».... Князь Одоевскій зазимовалъ въ Казани. Весною 1614 г. стали доходить до него слухи,

что оставшіяся на сѣверѣ воровскія шайки строятъ себѣ суда с
что бы идти Волгою на соединеніе съ Заруцкимъ, вслѣдствіе ч
Одоевскій распорядился поставить заставы въ Свіяжскѣ, на
Казанки, въ Услонѣ, Тетюшахъ и на Усѣ (въ Жегулевскихъ
Не долго удалось Заруцкому погулять: 25 іюня 1614 г. онъ
захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ. Плѣн
отправили въ Казань, съ предписаніемъ конвою немедленно
вить, въ случаѣ нападенія съ цѣлью освобожденія ихъ. Таким
зомъ «Маринкину сынку», хотя и въ качествѣ уже осужден
смерть плѣннику, да удалось побывать въ Казани, гдѣ еще т
давно ему чуть ли не прочили царскій вѣнецъ....

Мы, быть можетъ, остановились нѣсколько
на отношеніи Казани къ событіямъ смутнаго вре
но отношенія эти являются весьма характерным
точки зрѣнія обрисовки того состоянія, въ какомъ
дился въ началѣ XVII вѣка обширный казанскій
всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того
соединенный къ русской державѣ. Эпоха смутнаго
мени имѣла весьма важное историческое значеніе
укрѣпила сознаніе единой, обще-русской, земщины
перь не стало уже ни земщины новгородской, ни
щины псковской, ни „великаго государства Казанска
является одна только обще-русская земщина, сп
шаяся въ одно органическое цѣлое. Въ этомъ отно
сказалось историческое значеніе смутнаго времени
казанскаго края. Оно послужило для вновь при
неннаго края горниломъ, черезъ которое суждено
было пройти для того, что бы сдѣлаться органич
составною частью обще-русской земщины и единаг
скаго государства.

Бунтъ Стеньки Разина, бурною волною разлив

въ 1669 и 1670 гг. по нижнему и среднему Поволжью, но Казани непосредственно не коснувшійся, оставилъ по себѣ яркій слѣдъ въ памяти народной въ видѣ пѣсней, преданій и легендъ о Разинѣ и его удальцахъ; народная память до сихъ поръ связываетъ многія мѣстности по берегамъ Волги-рѣки съ именемъ Разина и его сподвижниковъ.

Еще въ 1667 г., когда дошли въ Москв вѣсти о томъ, что казакъ донской Зимовейской станицы Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ собираетъ шайку вольницы для грабежа на Азовскомъ морѣ и не прочь вслѣдъ за тѣмъ погулять и по широкому волжскому раздолью, изъ столицы посланы были въ поволжскіе города, а въ числѣ ихъ и въ Казань, грамоты о томъ, что бы жили здѣсь «съ великимъ береженіемъ, про воровскихъ казаковъ провѣдывали всякими мѣрами и чинили надъ ними промыселъ, чтобъ казакамъ на Волгѣ воровать не давать» и т. п. Впрочемъ, первое возмущеніе Разина (1667—1669 гг.) выше г. Царицына не распространилось; только лѣтомъ 1670 г. вновь вспыхнувшее возмущеніе понизовой вольницы стало быстро разливаться вверхъ по Волгѣ, угрожая и казанскому краю. 20 іюня 1670 г., посадивъ на струги отборный отрядъ своихъ удальцовъ и оставивъ начальствовать во взятой имъ передъ тѣмъ Астрахани своихъ есауловъ Ваньку Уса и Ѳедьку Шелудяка, Стенька Разинъ отправился вверхъ по Волгѣ. Саратовъ и Самара сдались ему безъ боя и, разграбивъ въ этихъ городахъ казенное добро и перебивъ здѣсь воеводъ и начальныхъ людей, Разинъ двинулся далѣе, на Симбирскъ.

Если первое возмущеніе Разина носило характеръ простаго разбоя, то второе возмущеніе его (1670 года) было обставлено чертами, привлекавшими на его сторону помѣщичьихъ крестьянъ и холоповъ, которымъ [illegible] лилъ вожделѣнную волю и свободу отъ тягла. [illegible] няты и другія мѣры, съ цѣлью привлечь къ дѣ[illegible]

что оставшіяся на сѣверѣ воровскія шайки строятъ себѣ суда съ тѣмъ, что бы идти Волгою на соединеніе съ Заруцкимъ, вслѣдствіе чего кн. Одоевскій распорядился поставить заставы въ Свіяжскѣ, на устьи Казанки, въ Услонѣ, Тетюшахъ и на Усѣ (въ Жегулевскихъ горахъ). Не долго удалось Заруцкому погулять: 25 іюня 1614 г. онъ былъ захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ. Плѣнниковъ отправили въ Казань, съ предписаніемъ конвою немедленно умертвить, въ случаѣ нападенія съ цѣлью освобожденія ихъ. Такимъ образомъ «Маринкину сынку», хотя и въ качествѣ уже осужденнаго на смерть плѣннику, да удалось побывать въ Казани, гдѣ еще такъ недавно ему чуть ли не прочили царскій вѣнецъ....

Мы, быть можетъ, остановились нѣсколько долго на отношеніи Казани къ событіямъ смутнаго времени, но отношенія эти являются весьма характерными съ точки зрѣнія обрисовки того состоянія, въ какомъ находился въ началѣ XVII вѣка обширный казанскій край, всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ до того присоединенный къ русской державѣ. Эпоха смутнаго времени имѣла весьма важное историческое значеніе: она укрѣпила сознаніе единой, обще-русской, земщины; теперь не стало уже ни земщины новгородской, ни земщины псковской, ни „великаго государства Казанскаго“,— является одна только обще-русская земщина, сплотившаяся въ одно органическое цѣлое. Въ этомъ отношеніи сказалось историческое значеніе смутнаго времени и для казанскаго края. Оно послужило для вновь присоединеннаго края горниломъ, черезъ которое суждено ему было пройти для того, что бы сдѣлаться органическою составною частью обще-русской земщины и единаго русскаго государства.

Бунтъ Стеньки Разина, бурною волною разлившійся

въ 1669 и 1670 гг. по нижнему и среднему Поволжью, но Казани непосредственно не коснувшійся, оставилъ по себѣ яркій слѣдъ въ памяти народной въ видѣ пѣсней, преданій и легендъ о Разинѣ и его удальцахъ; народная память до сихъ поръ связываетъ многія мѣстности по берегамъ Волги-рѣки съ именемъ Разина и его сподвижниковъ.

Еще въ 1667 г., когда дошли въ Москв вѣсти о томъ, что казакъ донской Зимовейской станицы Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ собираетъ шайку вольницы для грабежа на Азовскомъ морѣ и не прочь вслѣдъ за тѣмъ погулять и по широкому волжскому раздолью, изъ столицы посланы были въ поволжскіе города, а въ числѣ ихъ и въ Казань, грамоты о томъ, что бы жили здѣсь «съ великимъ береженіемъ, про воровскихъ казаковъ провѣдывали всякими мѣрами и чинили надъ ними промыселъ, чтобъ казакамъ на Волгѣ воровать не давать» и т. п. Впрочемъ, первое возмущеніе Разина (1667—1669 гг.) выше г. Царицына не распространилось; только лѣтомъ 1670 г. вновь вспыхнувшее возмущеніе понизовой вольницы стало быстро разливаться вверхъ по Волгѣ, угрожая и казанскому краю. 20 іюня 1670 г., посадивъ на струги отборный отрядъ своихъ удальцовъ и оставивъ начальствовать во взятой имъ передъ тѣмъ Астрахани своихъ есауловъ Ваньку Уса и Ѳедьку Шелудяка, Стенька Разинъ отправился вверхъ по Волгѣ. Саратовъ и Самара сдались ему безъ боя и, разграбивъ въ этихъ городахъ казенное добро и перебивъ здѣсь воеводъ и начальныхъ людей, Разинъ двинулся далѣе, на Симбирскъ.

Если первое возмущеніе Разина носило характеръ простаго разбоя, то второе возмущеніе его (1670 года) было обставлено чертами, привлекавшими на его сторон помѣщичьихъ крестьянъ и холоповъ, которым он лилъ вожделѣнную волю и свободу отъ тягла. ...
няты и другія мѣры, съ цѣлью привлечь къ д...

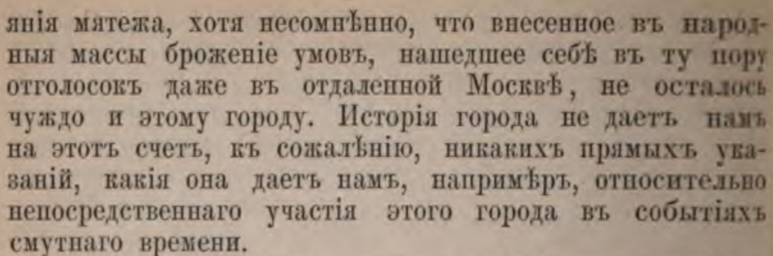
народное сочувствіе. Пущенъ былъ слухъ, что въ станѣ Разина находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, скрывшійся отъ ненависти бояръ, и что казацкая вольница идетъ къ Москвѣ съ цѣлью освобожденія патріарха Никона, заточеннаго боярствомъ. По всему сѣверу и сѣверовостоку стали ходить письма Разина, въ которыхъ онъ звалъ народныя массы соединиться съ нимъ, обѣщая имъ волю и всякаго рода льготы. Эти „прелестныя“ посланія быстро возымѣли свое дѣйствіе: крестьяне повсюду стали возставать противъ своихъ господъ, города безъ сопротивленія сдавались казацкимъ шайкамъ, а жители ихъ перебивали своихъ воеводъ и начальныхъ людей; броженіе проникло и въ среду инородческаго населенія края, —поднялись черемисы, мордва, башкиры, калмыки.... Въ задачи Разина входило и возбужденіе казанскихъ татаръ: до насъ дошло письмо его къ представителямъ казанскаго мусульманскаго духовенства, въ которомъ Стенька обѣщаетъ мѣстному мусульманству разнаго рода льготы въ томъ случаѣ, если оно склонится на его сторону.

Казань избрана была операціоннымъ базисомъ въ борьбѣ съ надвигавшеюся съ юга разинскою силою. Сюда назначенъ былъ воеводою кравчій князь П. С. Урусовъ, которому ввѣрено было общее начальство надъ всѣми, стягивавшимися къ Казани, войсками, съ придачею ему въ товарищи стольниковъ князей Юрія и Данилы Борятинскихъ. Получивъ свѣдѣніе о движеніи Разина на Симбирскъ, кн. Урусовъ 15 сентября предписалъ товарищу своему кн. Юрію Борятинскому, стоявшему съ своимъ отрядомъ близъ устья р. Казанки, немедленно спѣшить къ Симбирску для поданія помощи тамошнему воеводѣ Милославскому. Весь край между Казанью и

[redacted]

Симбирскомъ былъ уже объятъ пламенемъ мятежа, разлитымъ эмиссарами и подметными письмами Разина, и цѣлыя двѣ недѣли довелось казанскому воеводскому товарищу оружіемъ пробивать себѣ здѣсь двухсотверстный путь сквозь враждебныя земли чувашей, мордвы и черемисы. Только 1 октября достигъ Борятинскій Симбирска и уже 3 числа занялъ городъ, заставивъ Разина бѣжать изъ него внизъ по Волгѣ. Взятіе Симбирска оказало значительное моральное вліяніе на окрестное русское и инородческое населеніе; вслѣдъ за тѣмъ стали являться къ воеводамъ жители Симбирскаго, Тетюшскаго и Свіяжскаго уѣздовъ, принося свои вины и ходатайствуя о помилованіи.

Послѣ разбитія Разина подъ Симбирскомъ и бѣгства его отсюда, отдѣльныя шайки бывшей рати его разсѣялись по краю, расположенному между рр. Волгою и Окою, всюду разнося за собою знамя мятежа. Долго, до самаго начала 1671 г., продолжались здѣсь смуты, вызывавшія дѣятельныя мѣры къ прекращенію ихъ со стороны казанскихъ воеводъ. Къ этому широко разлившемуся мятежному движенію, лозунгомъ котораго все еще служило обаятельное для массъ имя „батюшки Степана Тимоѳеевича“, дѣятельно примкнули и казанскіе заволжскіе уѣзды Свіяжскій, Чебоксарскій, Козмодемьянскій, Цивильскій и Ядринскій. Только въ началѣ 1671 г. удалось воеводамъ царскимъ умиротворить этотъ обширный инородческій край, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ котораго и до сихъ поръ живетъ еще память о бурныхъ событіяхъ той эпохи. Самый городъ Казань, благодаря удачѣ князя Борятинскаго подъ Симбирскомъ, остался, такимъ образомъ, въ сторонѣ отъ непосредственнаго влі-

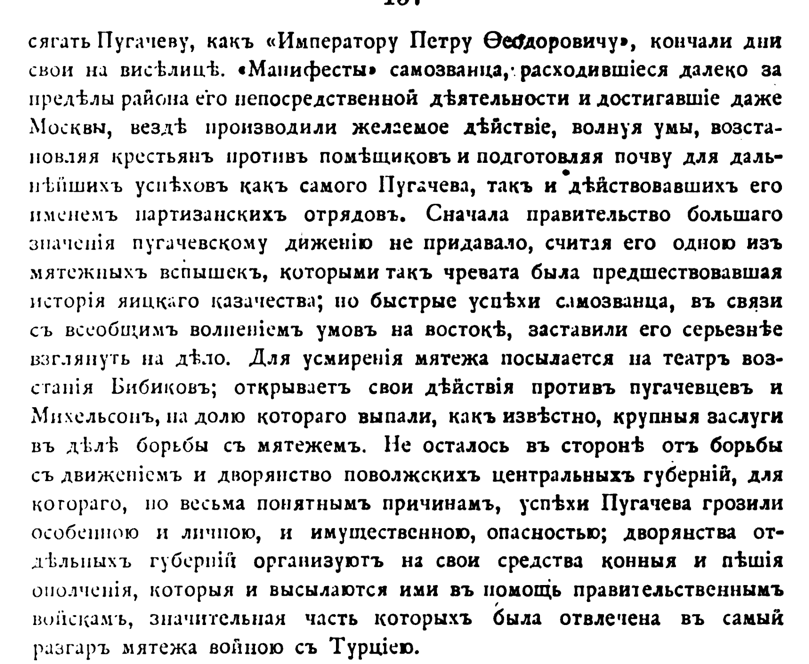


янія мятежа, хотя несомнѣнно, что внесенное въ народныя массы броженіе умовъ, нашедшее себѣ въ ту пору отголосокъ даже въ отдаленной Москвѣ, не осталось чуждо и этому городу. Исторія города не даетъ намъ на этотъ счетъ, къ сожалѣнію, никакихъ прямыхъ указаній, какія она даетъ намъ, напримѣръ, относительно непосредственнаго участія этого города въ событіяхъ смутнаго времени.

Пугачевскій бунтъ, третье грандіозное стихійное движеніе, охватившее собою Поволжье, уже непосредственно коснулся города Казани. Нашествіе Пугачева на этотъ городъ, сопряженное съ его разгромомъ, сожженіемъ и разграбленіемъ—справедливо считается одною изъ наиболѣе скорбныхъ страницъ въ лѣтописяхъ Казани.

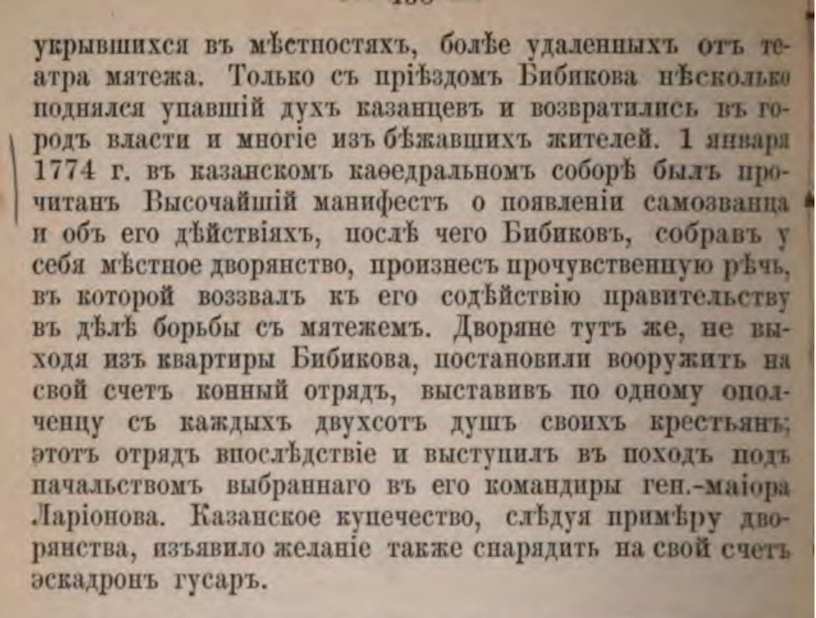
Вспыхнувъ въ концѣ лѣта 1773 г., кровавая эпопея, извѣстная подъ наименованіемъ «бунта Пугачева» или «пугачевщины», уже очень скоро приняла размѣръ движенія, которое не могло серьезно не обезпокоить правительство Императрицы Екатерины II. Успѣхи Пугачева, дерзко принявшаго на себя имя Императора Петра III и, подобно своему предшественнику, Разину, возвѣстившему магическія для крѣпостной Руси того времени слова «воля» и «свобода»—быстро пошли впередъ. Взявъ рядъ уральскихъ крѣпостей, онъ осадилъ Оренбургъ и подъ его бѣлое, съ старообрядческимъ крестомъ, знамя, со всѣхъ сторонъ стали массами стекаться всѣ тѣ, которые искали воли или, вообще, представляли собою протестующіе элементы современнаго государственнаго, церковнаго или общественнаго строя. Пламя мятежа охватило собою все Пріуралье и Прикамье. Крестьяне возставали противъ своихъ господъ, цѣлые гарнизоны и отдѣльныя воинскія части передавались на сторону Пугачева, киргизы и калмыки массами спѣшили встать подъ его знамена; въ крѣпостяхъ и селахъ самозванца встрѣчали съ крестами и колокольнымъ звономъ и всѣ тѣ, которые отказывались при-

[redacted]



сягать Пугачеву, какъ «Императору Петру Θеодоровичу», кончали дни свои на висѣлицѣ. «Манифесты» самозванца, расходившіеся далеко за предѣлы района его непосредственной дѣятельности и достигавшіе даже Москвы, вездѣ производили желаемое дѣйствіе, волнуя умы, возстановляя крестьянъ противъ помѣщиковъ и подготовляя почву для дальнѣйшихъ успѣховъ какъ самого Пугачева, такъ и дѣйствовавшихъ его именемъ партизанскихъ отрядовъ. Сначала правительство большаго значенія пугачевскому диженію не придавало, считая его одною изъ мятежныхъ вспышекъ, которыми такъ чревата была предшествовавшая исторія яицкаго казачества; но быстрые успѣхи самозванца, въ связи съ всеобщимъ волненіемъ умовъ на востокѣ, заставили его серьезнѣе взглянуть на дѣло. Для усмиренія мятежа посылается на театръ возстанія Бибиковъ; открываетъ свои дѣйствія противъ пугачевцевъ и Михельсонъ, на долю котораго выпали, какъ извѣстно, крупныя заслуги въ дѣлѣ борьбы съ мятежемъ. Не осталось въ сторонѣ отъ борьбы съ движеніемъ и дворянство поволжскихъ центральныхъ губерній, для котораго, по весьма понятнымъ причинамъ, успѣхи Пугачева грозили особенною и личною, и имущественною, опасностью; дворянства отдѣльныхъ губерній организуютъ на свои средства конныя и пѣшія ополченія, которыя и высылаются ими въ помощь правительственнымъ войскамъ, значительная часть которыхъ была отвлечена въ самый разгаръ мятежа войною съ Турціею.

Всеобщее смятеніе, произведенное уже въ концѣ 1773 года въ восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ успѣхами Пугачева, не замедлило коснуться и Казани, гдѣ съ часа на часъ ожидали, что самозванецъ, овладѣвъ Оренбургомъ, переправится черезъ Каму и двинется на Казань. Когда въ декабрѣ 1773 г. посланный для борьбы съ мятежемъ Бибиковъ прибылъ въ Казань, онъ не нашелъ здѣсь ни губернатора фонъ-Брандта, уѣхавшаго въ Козмодемьянскъ, ни другихъ властей, не говоря уже о множествѣ представителей дворянства и купечества



укрывшихся въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ театра мятежа. Только съ пріѣздомъ Бибикова нѣсколько поднялся упавшій духъ казанцевъ и возвратились въ городъ власти и многіе изъ бѣжавшихъ жителей. 1 января 1774 г. въ казанскомъ каѳедральномъ соборѣ былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ о появленіи самозванца и объ его дѣйствіяхъ, послѣ чего Бибиковъ, собравъ у себя мѣстное дворянство, произнесъ прочувственную рѣчь, въ которой воззвалъ къ его содѣйствію правительству въ дѣлѣ борьбы съ мятежемъ. Дворяне тутъ же, не выходя изъ квартиры Бибикова, постановили вооружить на свой счетъ конный отрядъ, выставивъ по одному ополченцу съ каждыхъ двухсотъ душъ своихъ крестьянъ; этотъ отрядъ впослѣдствіе и выступилъ въ походъ подъ начальствомъ выбраннаго въ его командиры ген.-маіора Ларіонова. Казанское купечество, слѣдуя примѣру дворянства, изъявило желаніе также снарядить на свой счетъ эскадронъ гусаръ.

Въ отвѣтъ на донесеніе о состоявшемся дворянскомъ постановленіи, Бибиковъ получилъ отъ Императрицы слѣдующій рескриптъ отъ 20 января того же года, 1 февраля прочитанный имъ въ собраніи дворянства:

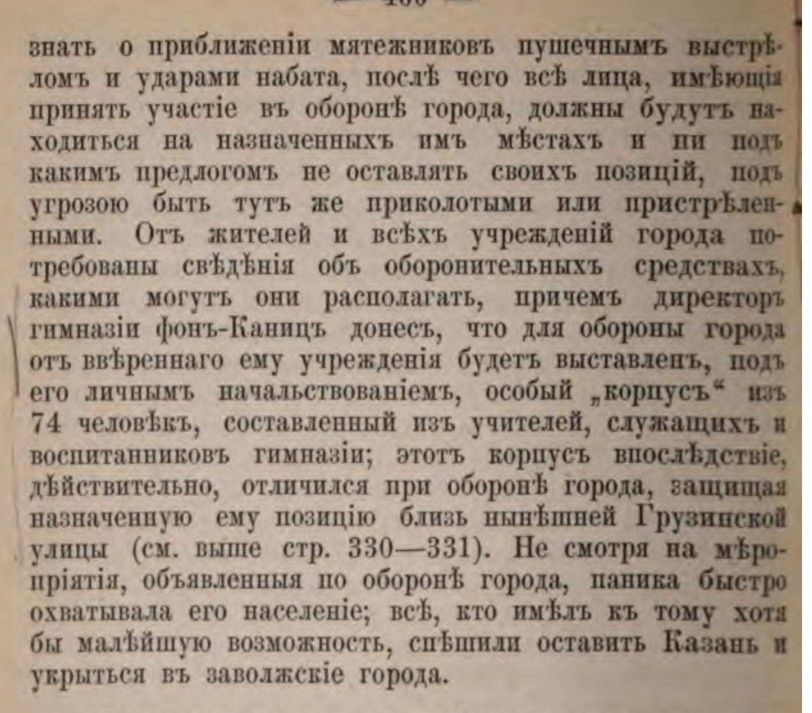
«Александръ Ильичъ!—Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса, повелѣла Я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей съ каждыхъ двухъ сотъ душъ отдать по одному рекруту и, обмундировавъ и снабдивъ ихъ лошадьми, велѣла присовокупить ихъ къ тому казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли. Впрочемъ остаюсь доброжелательная—Екатерина».

Выслушавъ рескриптъ Императрицы, предводитель дворянства и шефъ формируемаго дворянскаго корпуса произнесли передъ портре-

томъ Екатерины благодарственныя рѣчи, одна изъ которыхъ, составленная Державинымъ, начиналась, по поводу наименованія себя Императрицею «казанскою помѣщицею», словами: «Что ты съ нами дѣлаешь, въ трехъ частяхъ свѣта владычество имѣющая?» и т. д.

Въ іюнѣ распространился въ Казани слухъ, что Пугачевъ намѣревается идти съ полчищами своими на Казань. Этотъ слухъ, встревожившій и мѣстныя власти, и населеніе города, оказался имѣвшимъ за собою серьезныя основанія. Дѣло въ томъ, что Пугачевъ, занявъ г. Осу и тѣмъ самымъ обезпечивъ себѣ переправу черезъ р. Каму, сдался на убѣжденія измѣнившаго Императрицѣ и перешедшаго на его сторону, при взятіи этого города, подпоручика Минѣева, уговарившаго его немедленно идти на Казань и обезпечивавшаго ему успѣхъ во взятіи этого, хорошо знакомаго ему, города. Да и самому Пугачеву Казань была не совсѣмъ чужда: арестованный въ концѣ 1772 г. за подговоръ яицкихъ казаковъ къ переселенію въ турецкіе предѣлы, онъ почти полгода содержался въ казанской тюрьмѣ, изъ которой бѣжалъ лѣтомъ 1773 г. Минѣевъ указывалъ самозванцу и на негодность казанскихъ укрѣпленій, и на слабость городскаго гарнизона, и на малодушіе населенія. Походъ на Казань былъ рѣшенъ. Полчища Пугачева переправились черезъ Каму и, безъ боя занявъ Воткинскій и Ижевской заводы, рабочее населеніе которыхъ само выдало самозванцу своихъ начальниковъ, быстрымъ маршемъ двинулся на Казань, преслѣдуемый по пятамъ полковникомъ Михельсономъ.

2 іюля губернаторъ фонъ-Брандтъ вынужденъ былъ оповѣстить жителей Казани о приближеніи Пугачева, съ приглашеніемъ изготовляться къ защитѣ города. Губернаторомъ объявлено, что населенію города будетъ дано



знать о приближеніи мятежниковъ пушечнымъ выстрѣломъ и ударами набата, послѣ чего всѣ лица, имѣющія принять участіе въ оборонѣ города, должны будутъ находиться на назначенныхъ имъ мѣстахъ и ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять своихъ позицій, подъ угрозою быть тутъ же приколотыми или пристрѣленными. Отъ жителей и всѣхъ учрежденій города потребованы свѣдѣнія объ оборонительныхъ средствахъ, какими могутъ они располагать, причемъ директоръ гимназіи фонъ-Каницъ донесъ, что для обороны города отъ ввѣреннаго ему учрежденія будетъ выставленъ, подъ его личнымъ начальствованіемъ, особый „корпусъ“ изъ 74 человѣкъ, составленный изъ учителей, служащихъ и воспитанниковъ гимназіи; этотъ корпусъ впослѣдствіе, дѣйствительно, отличился при оборонѣ города, защищая назначенную ему позицію близъ нынѣшней Грузинской улицы (см. выше стр. 330—331). Не смотря на мѣропріятія, объявленныя по оборонѣ города, паника быстро охватывала его населеніе; всѣ, кто имѣлъ къ тому хотя бы малѣйшую возможность, спѣшили оставить Казань и укрыться въ заволжскіе города.

Объявивъ жителямъ о предстоящей опасности и призвавъ ихъ къ защитѣ города, фонъ-Брандтъ предпринялъ слѣдующія мѣры для приведенія Казани въ оборонительное положеніе:

1) Поперекъ Арскаго Поля, со стороны котораго ожидалось нападеніе пугачевцевъ на городъ, отъ берега р. Казанки и до озера Кабана, огибая слободы Суконную и Архангельскую, были поставлены рогатки вышиною по грудь человѣка, соединявшія четыре сооруженныя по этой оборонительной линіи баттареи изъ одной—двухъ орудій каждая; эти баттареи были поставлены въ слѣдующихъ пунктахъ: а) на берегу Казанки, въ районѣ нынѣшнихъ Красныхъ улицъ, б) близъ пе-

[redacted]

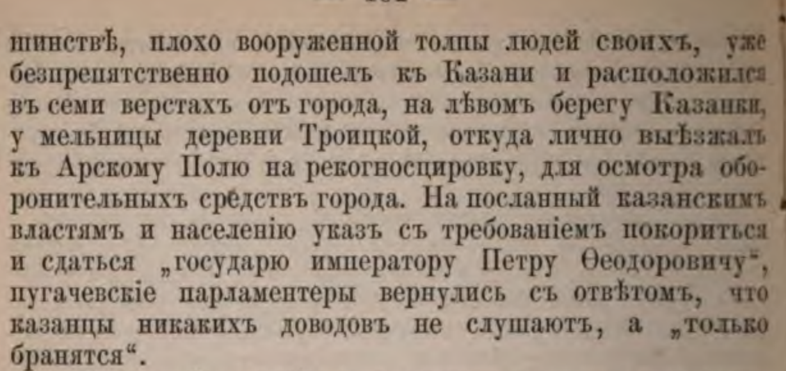
ресѣченія нынѣшнихъ улицъ Новогоршечной и Коммиссаріатской и г) въ районѣ теперешней Третьей Горы. При послѣдней изъ этихъ баттарей назначено было занять позицію суконщикамъ и жителямъ Архангельской слободы, подъ начальствомъ владѣльца суконной фабрики, купца Дряблова. Эта оборонительная линія ввѣрена командованію генерала Баннера.

2) Слѣдующая оборонительная линія, заключавшаяся изъ, связанныхъ рогатками же, такихъ же пяти баттарей, шла отъ озера Кабана, огибая Татарскія, Ямскую и Мокрую слободы до р. Казанки и крѣпости; по этой линіи занимали позиціи вооруженные ямщики и жители прилегающихъ улицъ. Восточною половиною этой линіи (до Ямской слободы), съ четырьмя баттареями, командовалъ шефъ мѣстнаго дворянскаго корпуса генералъ Ларіоновъ; западною, съ одною баттареею—полковникъ Свѣчинъ.

3) Крѣпость и оборона ея ввѣрены полковнику Лецкому.

4) Черту города, простирающуюся отъ р. Казанки до Арскаго Поля (т. е. до главной баттареи первой оборонительной линіи) и огибающую, по теченію р. Казанки, крѣпость и сѣверныя окраины города, поручено защищать, не допуская непріятеля до перехода здѣсь р. Казанки въ бродъ, члену адмиралтейской конторы Щелину, имѣвшему вооружить съ этою цѣлью мелкія суда.

Тревожное извѣстіе получено было въ Казани 10 іюля: всего въ двѣнадцати верстахъ отъ города Пугачевъ разбилъ высланный противъ него отрядъ Толстаго, причемъ командиръ его палъ въ бою, а значительная часть солдатъ передалась на сторону самозванца. Паника достигла въ городѣ крайнихъ размѣровъ. Многіе жители въ безумномъ страхѣ бѣжали вонъ изъ города, и въ числѣ ихъ позорно бѣжалъ въ Нижній и дворянскій избранникъ генер. Ларіоновъ, бросивъ ввѣренную ему часть городской оборонительной линіи. Разбивъ Толстаго, Пугачевъ, во главѣ 20-ти тысячъ сбродной и, въ боль-



шинствѣ, плохо вооруженной толпы людей своихъ, уже безпрепятственно подошелъ къ Казани и расположился въ семи верстахъ отъ города, на лѣвомъ берегу Казанки, у мельницы деревни Троицкой, откуда лично выѣзжалъ къ Арскому Полю на рекогносцировку, для осмотра оборонительныхъ средствъ города. На посланный казанскимъ властямъ и населенію указъ съ требованіемъ покориться и сдаться „государю императору Петру Ѳеодоровичу", пугачевскіе парламентеры вернулись съ отвѣтомъ, что казанцы никакихъ доводовъ не слушаютъ, а „только бранятся".

Тогда рѣшенъ былъ самозванцемъ, на утро роковаго для Казани дня 12 іюля, штурмъ города, для котораго всѣ силы мятежниковъ были раздѣлены на четыре колонны: первую долженъ былъ вести самъ Пугачевъ, вторую—атаманъ Бѣлобородовъ, третью—измѣнникъ Минѣевъ; имя начальника четвертой колонны неизвѣстно.

Штурмъ начался въ 4 часа утра. Прикрытыя выдвинутыми впередъ возами съ сѣномъ, между которыми везли пушки, колонны Бѣлобородова и Минѣева двинулись къ Арскому Полю и стали на сибирскомъ трактѣ, между нынѣшними садами военнаго госпиталя и Родіоновскаго института, открывъ отсюда огонь по первой оборонительной линіи. Вслѣдъ затѣмъ отрядъ Минѣева овладѣлъ загороднымъ губернаторскимъ домомъ (въ мѣстности нынѣшняго институтскаго сада), обошелъ отсюда, оврагами, первую баттарею, и, смявъ занимавшій въ тылу ея позицію гимназическій корпусъ, вынужденный отступить въ крѣпость, овладѣлъ Казанскимъ Богородицкимъ монастыремъ; поставивъ здѣсь двѣ пушки, одну на паперти монастырскаго собора, а другую на монас-

тырскихъ воротахъ, Минѣевъ началъ обстрѣливать отсюда крѣпость. При занятіи пугачевцами монастыря въ соборѣ его, въ числѣ другихъ укрывшихся здѣсь жителей города, былъ умерщвленъ мятежниками казанскій старожилъ, петровскій ветеранъ Н. Н. Кудрявцевъ (см. выше стр. 158).

Въ то самое время, какъ Минѣевъ оперировалъ противъ сѣверной части города, самъ Пугачевъ, предводительствуя лѣвымъ крыломъ штурмовой дислокаціи, повелъ приступъ по направленію къ озеру Кабану и Суконной слободѣ. Защищавшіе эту часть оборонительной линіи суконщики приняли было штурмующихъ весьма энергично, но у нихъ при первомъ же выстрѣлѣ разорвало пушку, а когда Пугачевъ осыпалъ ихъ картечью и тучею башкирскихъ стрѣлъ, защитники бросились въ разсыпную и мятежники ворвались въ городъ.

Съ двухъ противоположныхъ концовъ восточной черты города ворвались, такимъ образомъ, пугачевцы въ Казань. Начались грабежи и убійства, причемъ мятежники особенно безпощадно относились къ людямъ, одѣтымъ въ „нѣмецкое“ платье, подозрѣвая въ нихъ или дворянъ, или чиновниковъ. Скоро вспыхнули пожары и городъ запылалъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Торжествующіе побѣдители разсыпались по всему городу, все грабя и уничтожая и не давая пощады ни полу, ни возрасту. Вездѣ раздавались вопли, стоны и рыданія; не щадя и святыни, пугачевцы обагряли самые алтари кровью жертвъ, искавшихъ спасенія подъ ихъ покровомъ. По улицамъ толпами гнали въ пугачевскій станъ плѣнныхъ, таскали награбленное добро, съ крикомъ и гикомъ скакали пьяные сподвижники самозванца.... До поздней ночи продолжались убійства и грабежи, причемъ раз-

граблены 16 церквей и сожженъ почти весь городъ,
котораго уцѣлѣли только Суконная да Татарскія
боды.

При самомъ вторженіи мятежниковъ въ го
духовныя и свѣтскія власти, жители и оттѣсне
съ своихъ оборонительныхъ позицій войска поспѣ
укрыться въ крѣпость (кремль). Предвидя это послѣ
средство обороны казанцевъ и расчитывая захватить
пость врасплохъ, Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, не
ленно поскакалъ съ своими казаками къ кремлю.
было поздно: крѣпостныя ворота оказались затворен
и заваленными изнутри бревнами и каменьями, а
мятежники встрѣчены были изъ за кремлевскихъ с
залпомъ выстрѣловъ. Оставалось прибѣгнуть къ бло
крѣпости. Пугачевъ занялъ трактиръ, находившійс
углу тогдашняго казанскаго гостиннаго двора и, п
вивъ здѣсь двѣ пушки, открылъ огонь по крѣпост
то самое время какъ Минѣевъ, уже овладѣвшій къ
времени Казанскимъ монастыремъ, громилъ отсюда
веро-восточный фасадъ кремля. Осажденные отстр
вались изъ орудій, поставленныхъ на крѣпостной
нѣ, близь Спасской башни, въ которой находились
ныя ворота и по направленію къ которой были, пре
щественно, обращены дѣйствія мятежниковъ.

Всѣ церкви, дома, кельи и даже погреба кр
были переполнены обезумѣвшими отъ ужаса жител
съ тревогою прислушивавшимися къ грому орудій и
минуты на минуту ожидавшими, что пугачевцы ворв
въ крѣпость. Стоны раненыхъ, плачь женщинъ и к
дѣтей—еще болѣе способствовали общему смятенію. М
тѣмъ пожаръ города уже огненнымъ кольцомъ охва

кремль, въ которомъ нѣсколько разъ загорались деревянныя постройки; жаръ, дымъ и смрадъ становились невыносимыми. Среди осажденныхъ начались уже было толки о необходимости сдаться мятежникамъ, но они были прекращены повѣшеніемъ двухъ зачинщиковъ этихъ разговоровъ. Преосвященный Веніаминъ все время находился въ каѳедральномъ соборѣ, не прекращая молитвъ о спасеніи города, а когда пальба утихла, поднялъ св. кресты и иконы и обошелъ внутренность кремля крестнымъ ходомъ.

Настала ночь, ярко озаренная кровавымъ заревомъ догоравшаго города. Пальба прекратилась и осажденные могли перевести духъ, хотя надежды на спасеніе ни въ комъ уже не оставалось: средства защиты истощались, часть городскихъ стѣнъ была готова рухнуть подъ новымъ огнемъ мятежниковъ и на утро всѣ ожидали окончательнаго и безпощаднаго штурма. Но на-утро осужденныхъ ожидала неописанная радость: мятежники не только не возобновили приступа, но поспѣшно отретировались отъ крѣпости. Оказалось, что на выручку Казани подоспѣлъ полковникъ Михельсонъ, напавшій въ эту ночь на станъ Пугачева и разсѣявшій его полчища.

Михельсонъ, по пятамъ слѣдовавшій за самозванцемъ на пути къ Казани, находился еще въ 40 верстахъ отъ нея, когда отголосокъ гула орудій и клубы чернаго дыма дали знать ему о печальной участи города. Отрядъ его бросился форсированнымъ маршемъ на выручку Казани. Хотя Пугачевъ и зналъ о приближеніи своего преслѣдователя, но, ожидая нападенія не ранѣе утра, пьяною оргіею весело праздновалъ въ станѣ своемъ побѣду. Эта оплошность дорого стоила ему. Внезапно раздалась тревога. Во главѣ 800 солдатъ Михельсонъ смѣло врѣзался въ непріятельскій станъ и, послѣ отчаяннаго пятичасоваго боя,

опрокинулъ мятежниковъ, потерявшихъ свыше 1500 чел. убит
взятыми въ плѣнъ. Переночевавъ на мѣстѣ побѣды, на-утро М
сонъ двинулся къ Казани. Пугачевъ снова показался съ н
собранною огромною толпою разсѣянныхъ было людей своихъ, в
реніи отрѣзать ему дорогу къ городу, но Михельсонъ успѣлъ
въ городъ гусара съ увѣдомленіемъ о своемъ прибытіи и с
бованіемъ отъ осажденныхъ подкрѣпленія. Изъ крѣпости выш
помощь ему отрядъ въ 150 чел., благополучно соединился съ М
сономъ и Пугачевъ былъ не только отбитъ, но вынужденъ
къ с. Савинову, а отсюда, перейдя р. Казанку, къ с. Сухая Рѣ
имѣя возможности, за утомленностью людей и коней, пресл
самозванца, Михельсонъ остался на занятой имъ на Арскомъ
позиціи.

Пугачевъ не терялъ, однако, ни дерзости, ни
гіи. Приведя въ порядокъ свои разстроенныя пол
подкрѣпленныя новыми силами изъ массами сходив
подъ его знамена помѣщичьихъ крестьянъ и снова
денныя до численности 15 тыс. челов., онъ утром
іюля, собравъ всѣхъ своихъ людей, приказалъ проч
передъ ними его „манифестъ“, въ которомъ объявл
что, по торжественномъ въѣздѣ въ Казань, онъ, „
дарь Петръ Ѳедоровичъ“, поспѣшитъ въ свой стол
городъ Москву. Вслѣдъ затѣмъ Пугачевъ двинулъ
полчища на Михельсона. Не смотря на свою
численность (не свыше 800 челов.), правительств
войска, подкрѣпленныя прибывшимъ наканунѣ неболь
отрядомъ подполк. Меллина, дружно встрѣтили нес
ныя массы мятежниковъ и одержали надъ ними п
побѣду. Оставивъ на мѣстѣ до 2 тыс. убитыми и ут
шими въ р. Казанкѣ и болѣе 5 тыс. плѣнными (въ ч
послѣднихъ былъ и атаманъ, онъ же пугачевскій „ф

маршалъ", Бѣлобородовъ), Пугачевъ съ толпою сподвижниковъ своихъ ускакалъ къ Царевококшайску, а отсюда бросился къ р. Волгѣ, черезъ которую и переправился у с. Сундыря. Артиллерія и обозъ самозванца были трофеями побѣдителя, которые, сверхъ того, освободили до 10 тыс. казанскихъ плѣнниковъ.

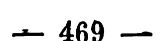
Пугачевская гроза миновала для Казани. Михельсонъ побѣдителемъ вступилъ въ городъ, гдѣ было торжественно отслужено молебствіе и гдѣ онъ былъ встрѣченъ какъ спаситель уцѣлѣвшаго населенія города. Потери, понесенныя Казанью, были громадны: 2200 домовъ, 777 лавокъ и 28 церквей сдѣлались жертвою огня; уцѣлѣли только плохенькіе домишки и лачуги (не свыше 800) Суконной и Татарскихъ слободъ. Потрясенный пережитыми имъ ужасными днями, губернаторъ фонъ-Брандтъ вскорѣ послѣ того (3-го августа) умеръ; преемникомъ ему явился князь Мещерскій, на долю котораго выпала нелегкая задача возстановленія города и облегченія участи потерпѣвшихъ отъ нашествія самозванца жителей его, подъ высшимъ руководительствомъ графа П. И. Панина, временно назначеннаго «главнокомандующимъ» надъ губерніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою. Въ Казани вслѣдъ затѣмъ открытъ былъ особый правительственный банкъ для оказанія вспоможенія лицамъ, матеріально пострадавшимъ отъ смуты, и учреждена, подъ предсѣдательствомъ генерала П. С. Потемкина (троюроднаго брата будущаго знаменитаго князя Таврическаго), особая слѣдственная коммиссія по дѣлу Пугачева; въ эту то коммиссію привлекался къ отвѣту и казанскій архіепископъ Веніаминъ, о злоключеніяхъ котораго въ своемъ мѣстѣ уже было разсказано нами (см. выше стран, 342).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами трехъ крупныхъ политическихъ движеній въ Поволжьи, Казанскій край, наряду съ сосѣдними областями русскаго европейскаго востока, въ теченіи ря

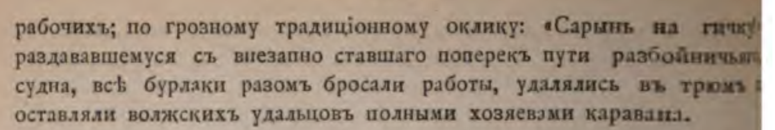
рубрикъ, которую мы озаглавимъ—

Разбои и преданія о разбойникахъ. Разбои из
составляли одну изъ язвъ русской общественной
и не даромъ въ до-Петровской Руси борьба съ раз
составлявшая одну изъ серьезныхъ задачь моско
правительства, вызвала даже къ жизни особый про
альный институтъ и особую процессуальную форм
вѣстныя подъ названіемъ „губныхъ учрежденій“ и
наго производства“.

На Волгѣ и Камѣ разбои являются уже совр
ными возникновенію русскаго владычества въ кр
съ тѣхъ поръ не прекращались здѣсь почти до пол
текущаго столѣтія, когда возникаетъ по этимъ р
правильное пароходство, парализовавшее собою у
похожденія волжско-камской вольницы. Еще въ
существованія царства волжскихъ булгаръ пост
оглашались берега Камы и Волги воинственными кл
сѣверныхъ русскихъ ушкуйниковъ, спускав
сюда рѣкою Вяткою на своихъ легкихъ судахъ
куяхъ“) и наводившихъ ужасъ на булгарскія побер



Въ концѣ XVI вѣка совершилось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ; предпринимается, вслѣдъ затѣмъ, рядъ мѣръ къ удержанію и посадскихъ людей въ предѣлахъ тяголъ своихъ—и эти правительственныя мѣропріятія, въ связи съ условіями смутнаго времени, создаютъ въ государствѣ рядъ протестующихъ элементовъ, къ которымъ, съ половины XVII в., присоединяется и новый протестующій элементъ, въ лицѣ крайнихъ представителей русскаго раскола старообрядчества. Имѣлся въ ту пору и привольный, безопасный, по условіямъ того времени, край, въ предѣлахъ котораго легко и свободно находили себѣ убѣжище всѣ эти элементы, протестовавшіе и противъ государства, и противъ церковныхъ «новшествъ», и противъ общественнаго строя. То были—«широкое раздолье» нижняго Поволжья и просторныя, дѣвственныя степи «тихаго Дона»,—окраины, въ которыхъ уже съ первой половины XVII в. исподоволь формируется русская «понизовая вольница», съ которою русскому правительству доводилось вести долгую и неустанную борьбу. Эти окраины явились очагами, въ которыхъ зародились казанско-астраханскія сепаратическія тенденціи эпохи смутнаго времени (см. выше стран. 443), въ которыхъ зачались и зрѣли бурныя политическія движенія Разина и Пугачева; эти далскія окраины давали контингентъ и для той разбойничьей вольницы, которая почти въ теченіи трехъ вѣковъ держала въ постоянномъ страхѣ волжско-камское судоходство и почти безнаказанно тревожила прибережья двухъ великихъ восточныхъ русскихъ рѣкъ. Волжскіе старожилы до сихъ поръ помнятъ то недалекое еще, сравнительно, время (30—40 года), когда волжскіе судовые караваны со страхомъ и трепетомъ проходили черезъ многія опасныя мѣста волжскаго раздолья, пользовавшіяся наиболѣе дурною репетутаціею: особенно опасными считались знаменитыя Жегулевскія горы, красотою которыхъ въ наши дни лишь любуются туристы съ высоты пароходнаго трапа или балкона, но подъ мрачную крутизну которыхъ безъ горячей мольбы, внутренняго страха и задобриванія водкою и ласкою ненадежныхъ бурлаковъ своихъ—не смѣлъ входить ни одинъ судохозяинъ. И горе было тому хозяину, который не съумѣлъ расположить къ себѣ своихъ судовыхъ



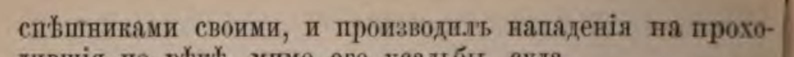
рабочихъ; по грозному традиціонному оклику: «Сарынь на кичку» раздававшемуся съ внезапно ставшаго поперекъ пути разбойничьяго судна, всѣ бурлаки разомъ бросали работы, удалялись въ трюмъ и оставляли волжскихъ удальцовъ полными хозяевами каравана.

Если даже въ первой половинѣ текущаго столѣті разбои были весьма обыкновенными по Волгѣ и Камѣ, т можно легко представить себѣ, что было въ этомъ отно шеніи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Описаніе путешестві по Волгѣ, въ 30-хъ гг. XVI в., многолюднаго голшти скаго посольства, въ составѣ котораго находился извѣст ный А. Олеарій и которое имѣло въ распоряженіи соб ственный вооруженный корабль и значительный эскорт полно указаніями на опасенія, которыя испытывало по сольство отъ возможности встрѣчи съ разбойниками. В ту пору волжскіе разбойники разбивали не только част ныя суда, но не останавливались даже передъ нападе ніями и ни слѣдовавшіе по рѣкѣ казенные коравань которые пускались въ путь не иначе, какъ подъ силь нымъ прикрытіемъ, обыкновенно группируя вокругъ себ караваны частновладѣльческіе. Въ то время плаванія п Волгѣ, благодаря массѣ разбойничьихъ партій, носил характеръ цѣлыхъ, далеко даже и при этихъ условіях не безопасныхъ, военныхъ экспедицій.

До сихъ поръ по Волгѣ и Камѣ вы встрѣтите н мало мѣстностей, связанныхъ съ преданіями объ удалых разбойникахъ и даже разбойницахъ, о зарытыхъ ими в тѣхъ или другихъ урочищахъ кладахъ, положенныхъ с такимъ „зарокомъ", что никто, не зная этого послѣдняго не въ состояніи завладѣть ими. Неподалеку отъ г. Казани по Оренбургскому тракту, находится горное ущелье, из вѣстное подъ названіемъ „Дунькина", которое народно

преданіе связываетъ съ воспоминаніемъ объ удалой атаманѣ-разбойницѣ Дунькѣ, свирѣпствовавшей въ этихъ мѣстахъ и сложившей свою буйную голову на плахѣ въ первой половинѣ XVII вѣка.

XVIII вѣкъ также полонъ воспоминаній и преданій о разбояхъ и разбойникахъ, къ которымъ присоединяются и законодательныя противъ разбоевъ мѣропріятія, непрерывный рядъ которыхъ простирается черезъ весь этотъ вѣкъ и начало XIX-го. Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ казанскомъ поволжьи всеобщій страхъ наводило имя разбойника Заметаева, а въ концѣ того же десятилѣтія, у села Верхняго Услона, слѣдовательно противъ самой Казани, содержался сторожевой постъ для охраны судовъ отъ разбойниковъ. Любопытно, что не чуждыми занятіемъ разбоями были въ ту пору и нѣкоторые помѣщики, такъ что пушкинскій дворянинъ-разбойникъ Дубровскій представляется вовсе уже не такимъ утрированнымъ типомъ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II особенно славился въ казанской губерніи своими разбоями мѣстный помѣщикъ Нармацкой, владѣлецъ села Шурана, расположеннаго на правомъ берегу р. Камы; современный той эпохѣ бѣлый каменный домъ помѣщичьей усадьбы, съ которымъ связаны воспоминанія о дѣяніяхъ Нармацкаго, до сихъ поръ виднѣется съ парохода на возвышенномъ въ этомъ мѣстѣ берегу рѣки, верстахъ въ 20-ти выше г. Лаишева. Домъ Нармацкаго,—производившаго себя, кстати замѣтить, отъ рыцарей нормансхихъ,—былъ окруженъ каменною стѣною и имѣлъ, по преданію, подземный выходъ на р. Каму, черезъ который помѣщикъ, съ крѣпостными при-



спѣшниками своими, и производилъ нападенія на проходившія по рѣкѣ, мимо его усадьбы, суда.

Разбои въ Поволжьи перешли въ наслѣдіе и XIX вѣку и, вплоть до возникновенія по Волгѣ и Камѣ правильнаго пароходства, пассажирское и грузовое передвиженіе по этимъ рѣкамъ, совершавшееся на баржахъ, стружкахъ, дощаникахъ и косныхъ лодкахъ, было далеко не гарантировано отъ всякаго рода опасностей и случайностей. Въ видахъ обезпеченія безопасности судоходства по рѣкѣ Волгѣ, бывшее казанское адмиралтейство содержало, вооруженныя мало-калиберными орудіями, суда, носившія названіе „гардкоутовъ“ (garde-côtes), экипажъ которыхъ составляли особыя „гардкоутныя“ команды, подъ вѣданіемъ флотскихъ офицеровъ; эти гардкоуты, постоянно крейсировавшіе по рѣкѣ съ цѣлью розыска разбойниковъ и охраны судовыхъ каравановъ, съ упраздненіемъ (въ 1829—1830 гг.) казанскаго адмиралтейства, перешли въ вѣданіе управленія путей сообщенія и только въ 1856 г. состоялось совершенное упраздненіе, какъ теперь уже излишней, гардкоутной флотиліи, весь инвентарь которой (291 кремневое ружье и т. п.) былъ, слѣдомъ затѣмъ, проданъ съ торговъ.

Развитіе пароходства по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ положило, какъ сказано выше, конецъ разбоямъ по этимъ рѣкамъ и сдѣлало ихъ отнынѣ отошедшими въ область преданія. Не менѣе посодѣйствовала этому и великая реформа 19 февраля 1861 г., сгладившая на Руси тѣ соціальныя аномаліи, которыя создавали Разиныхъ, Пугачевыхъ и цѣлыя плеяды поволжскихъ „удалыхъ добрыхъ молодцевъ“, память о которыхъ, какъ память о чемъ то давно пережитомъ и перечувствованномъ, долго будетъ

еще жить въ эпическихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ русскаго народа.

Собственно въ Казанской губерніи организованные разбои уничтожены не болѣе полувѣка тому назадъ. Только въ 1847 г. были казнены въ Казани, на Арскомъ Полѣ, засѣченные шпицрутенами, знаменитые разбойники Быковъ и Чайкинъ, долго державшіе въ осадномъ положеніи всю казанскую губернію. По смерти этихъ разбойниковъ, скелеты ихъ были переданы въ анатомическій театръ казанскаго университета, гдѣ они сохраняются и по настоящее время.

II. Общественныя бѣдствія.

Не касаясь общественныхъ бѣдствій, вызывавшихся политическими и другими движеніями въ краѣ, уже разсмотрѣнными нами, мы, въ настоящей рубрикѣ, разсмотримъ слѣдующія три группы явленій этого рода: а) казанскіе пожары, б) эпидемическія болѣзни и в) голода, хлѣбные недороды и продовольственные кризисы.

Казанскіе пожары. Въ наши дни, когда устройство правильнаго водоснабженія, образцовое состояніе пожарныхъ командъ и преобладаніе каменныхъ кварталовъ дѣлаютъ уже немыслимыми болѣе или менѣе ощутительныя бѣдствія Казани отъ огня, трудно себѣ даже представить, на сколько часто и сильно страдалъ этотъ городъ въ прежнее время отъ пожаровъ. Пожарныя бѣдствія составляютъ одну изъ наиболѣе скорбныхъ страничекъ въ исторіи Казани, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что

казанскіе пожары не мало способствовали улучшенію внѣшности и благоустройства города: послѣ каждаго пожара, пострадавшія части Казани возникали изъ пепла въ улучшенномъ видѣ, а послѣ огромныхъ пожаровъ 1774 и 1842 г.г. произошли коренныя измѣненія въ распланировкѣ города и устройствѣ его улицъ и площадей.

Исторія Казани насчитываетъ двѣнадцать большихъ пожаровъ, не говоря о менѣе значительныхъ, которые мы и разсмотримъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, не касаясь пожара 1552 г., которымъ сопровождалось взятіе города русскими и о размѣрахъ и подробностяхъ котораго не сохранилось никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ.

Первый большой пожаръ, извѣстіе о которомъ сохранила намъ казанская исторія, это пожаръ 23 іюня 1579 года. Огонь, вспыхнувшій въ районѣ нынѣшняго Казанскаго Богородицкаго монастыря, близъ церкви св. Николы Тульскаго, въ домѣ стрѣльца Онучина, истребилъ всю сѣверную и сѣверо-восточную часть города, съ кремлемъ включительно, въ которомъ сгорѣли государевъ дворъ и Спасо-Преображенскій монастырь. Этотъ пожаръ ознаменовался явленіемъ послѣ него чудотворной иконы св. Божіей Матери Казанской (см. выше стран. 153—154) *).

Черезъ сто безъ малаго лѣтъ Казань посѣтилъ второй большой пожаръ 1672 года, отъ котораго постра-

*) Рыбушкинъ въ своей «Краткой исторіи Казани» ошибочно относитъ этотъ пожаръ къ 1595 году.

дала расположенная вблизи кремля лучшая ча
рода.

Третій большой пожаръ 1684 года
близь свіяжскаго подворья, у церкви Покрова
Богородицы. Огнемъ истреблены: Казанскій Бог
кій монастырь и вся часть города „до Проломн
ротъ"; слободы: Засыпкина, Красная и Өеодоров
монастыремъ, „что на старомъ городищѣ"; часть
между Проломною улицею и Булакомъ и часть н
ной Кабана, гдѣ сгорѣла церковь во имя св. св. Б
Глѣба; въ кремлѣ пострадали Спасская башня и
Преображенскій монстырь.

Четвертый большой пожаръ 1742 года
нулъ въ ночь на 3 августа въ приходѣ Петропав
церкви, вблизи зданія духовной семинаріи, истреб
кремлѣ—архіерейскій домъ и каөедральный Благ
скій соборъ, изъ котораго мощи св. святителя
были вынесены за Булакъ; внѣ кремля—монасты
новскій и Богородицкій, семинарію, гостинный
приходы: Петропавловскій, Покровскій, Воздви
Николы Тульскаго, Воскресенскій, часть Вознес
Евдокіинскій, Пятницкій, Іоакима и Анны и
Божія человѣка.

Пятый большой пожаръ 1749 года, п
вавшій всего черезъ семь лѣтъ послѣ предыдуща
чался въ Татарской слободѣ, но отсюда распрост
и на центральныя русскія части города. Въ этотъ
огнемъ истреблены: въ кремлѣ — снова Каөед
Благовѣщенскій соборъ, съ колокольни котораго
колокола, и архіерейскій домъ, Спасо-Преоб
монастырь, губернаторскій и комендантскій д

бернская канцелярія съ архивомъ, а также церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго, что въ Спасской башнѣ; внѣ кремля выгорѣлъ весь городъ отъ кремля до Булака съ одной стороны, и до р. Казанки съ другой стороны; выгорѣлъ за Булакомъ (мосты котораго всѣ сгорѣли) приходъ Ярославскихъ Чудотворцевъ, всѣ дома котораго были объяты весеннимъ разливомъ, а также погорѣло много судовъ, плотовъ и лѣсныхъ складовъ; было много несчастій и съ людьми.

Прошло послѣ этого бѣдствія всего лишь еще восемь лѣтъ, какъ Казань постигъ шестой большой пожаръ 1757 года, относительно котораго извѣстно только, что выгорѣла часть города, прилегающая къ кремлю и гостиному двору.

Седьмой большой пожаръ 1774 года (12 іюля) причиненъ нашествіемъ на Казань Пугачева. Объ этомъ пожарѣ было уже сказано выше (см стран. 467).

Казань, доведенная разгромомъ ея пугачевцами до крайняго разоренія, воспользовалась послѣ этой катастрофы широкою помощью правительства. Въ городѣ временно учреждена была экспедиція дворянскаго банка (такія же экспедиціи учреждены еще въ Нижнемъ Новгородѣ и Оренбургѣ), для раздачи, въ видѣ заимообразныхъ пособій, ассигнацій на 500 тыс. руб. Возстановленіе города возложено на губернатора князя Мещерскаго, причемъ жителямъ для отстройки домовъ своихъ давалась правительственная ссуда на 10 лѣтъ, а нѣкоторымъ и казенные строительные матеріалы. Послѣ этого пожара Казань отстраивалась по еще раньше (1767 г.) утвержденному Императрицею новому плану и уже къ 1788 г. городъ снова насчитывалъ до 3000 домовъ и свыше 150 фабрикъ и заводовъ.

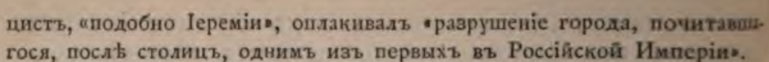
Восьмой большой казанскій пожаръ относится уже къ текущему столѣтію; это пожаръ 3 сентября

[redacted]

1815 года. Пожаръ этотъ, какъ бы предвѣстниками котораго были многочисленные пожары окрестныхъ лѣсовъ и селъ, вслѣдствіе которыхъ недѣли съ три до катастрофы городъ былъ окутанъ густыми облаками дыма, вспыхнулъ въ 8 час. утра въ Ямской слободѣ, у Варлаамовской церкви. Страшная, продолжавшаяся около трехъ мѣсяцевъ, сушь способствовала невѣроятно быстрому распространенію огня. По словамъ современника, огонь былъ такъ силенъ, что въ одно мгновеніе пламя охватывало по пяти и болѣе домовъ; густая пыль, поднимавшаяся отъ необыкновенно сильнаго вѣтра и рдѣвшая въ столбахъ огненнаго дыма, не позволяла даже въ близкомъ разстояніи разсмотрѣть человѣка. День превратился въ огненную ночь и нигдѣ не было безопасности, вездѣ угрожало бушующее пламя....

«Зрѣлище было ужасное!—пишетъ очевидецъ катастрофы.— Повсюду страхъ и смятеніе; не было ни одного безопаснаго отъ огня дома, всему угрожало истребленіе. Протокъ Булакъ, пересохшій совершенно отъ недостатка воды, загроможденъ былъ имуществомъ жителей. Гулъ, тревога, разрушеніе домовъ, взрывы пороха, звонъ колоколовъ, звукъ барабановъ и пронзительный визгъ трещотокъ, крикъ народа, густой черный дымъ, разстилавшійся по всему городу на пространствѣ болѣе пяти верстъ—все это представляло ужасную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительную картину. Казань пылала на 8 верстъ въ окружности и никакая сила человѣческая не могла остановить пламени... Около сутокъ продолжалось гибельное опустошеніе. Не находя въ городѣ спасенія, жители выбирались на Арское Поле, которое, занятое имуществомъ, представляло видъ лагеря. Близь кремля и по разнымъ мѣстамъ города лежало множество обгорѣлыхъ труповъ»....

Первый послѣ пожара номеръ «Казанскихъ Извѣстій» выпущенъ былъ съ траурной рамкой на первый страницѣ и здѣсь мѣстный публи-



цистъ, «подобно Іереміи», оплакивалъ «разрушеніе города, почитавшагося, послѣ столицъ, однимъ изъ первыхъ въ Россійской Имперіи».

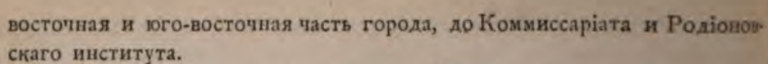
Пожаръ 1815 г. вызвалъ прибытіе въ Казань, для выясненія причинъ и размѣровъ бѣдствія, сенатора С. С. Кушникова, а затѣмъ открылась по всей Россіи весьма дѣятельная подписка въ пользу казанскихъ погорѣльцевъ, примѣръ которой поданъ былъ Высочайшими Особами, подписавшими на этотъ предметъ значительныя суммы. Святѣйшій Синодъ, съ своей стороны, повелѣлъ отпустить изъ суммъ Коммиссіи духовныхъ училищъ 100 тыс. р. для вспоможенія пострадавшимъ отъ пожара учрежденіямъ и лицамъ духовнаго вѣдомства. Наплывъ пожертвованій былъ настолько великъ, что, за удовлетвореніемъ необходимыхъ нуждъ, въ 1817 г. отъ нихъ оставались еще свободными значительныя суммы.

Въ пожаръ 1815 г. выгорѣло 70 кварталовъ, 1500 домовъ и 19 церквей. На лучшей улицѣ города, Воскресенской, остались нетронутыми огнемъ всего 10 домовъ и, въ числѣ ихъ, университетъ. При этомъ бѣдствіи казанская историческая наука потерпѣла невознаградимую утрату: сгорѣлъ архивъ мѣстнаго губернскаго правленія, заключавшій въ себѣ драгоцѣнные для исторіи города и края памятники, начиная съ эпохи покоренія Казани.

Девятый большой казанскій пожаръ, превзошедшій всѣ прежнія бѣдствія этого рода и памятный еще нѣкоторымъ, въ настоящее время уже немногимъ, мѣстнымъ старожиламъ, случился 24 августа 1842 года. Огонь вспыхнулъ около 10 час. утра на Проломной улицѣ, въ домѣ купца Щербакова. Благодаря чрезвычайно сильному вѣтру, онъ быстро охватилъ сосѣднія зданія и сталъ съ неимовѣрною силою распространяться по направленію къ сѣверо-востоку. Буря, достигшая степени урагана, относила горящія головни на громадныя разстоянія даже далеко за предѣлы города. Почти еще въ самомъ началѣ

пожара вспыхнулъ домъ дворянскаго собранія (нынѣшн. судебная палата), а вслѣдъ за тѣмъ занялся и домъ военнаго губернатора (нынѣшн. окружный судъ). Выбравшись на кряжъ Воскресенской улицы, пламя стало съ страшною силою распространяться отсюда во всѣ стороны и тогда стали сразу ясными и размѣры бѣдствія и невозможность борьбы съ нимъ. Отъ губернаторскаго дома огненная рѣка раздѣлилась на два потока: лѣвый направился къ гостиному двору, правый къ только что передъ тѣмъ окончательно достроеннымъ и приведеннымъ въ благоустройство зданіямъ университета, которыя самоотверженно отстаивались студентами и служащими университета, подъ личнымъ руководительствомъ попечителя округа Мусина-Пушкина; университетъ удалось отстоять и изъ зданій его обширнаго квартала сгорѣли лишь угловой къ Воскресенской церкви домъ (такъ назыв. „Спижарный„) и астрономическая обсерваторія, инструменты которой, а въ числѣ ихъ и большой рефракторъ, успѣли спасти. Лѣвый огненный потокъ достигъ квартала гостинаго двора, который и началъ истреблять. Къ полудню были уже въ огнѣ всѣ главныя улицы города.

По описанію очевидцевъ, жаръ былъ настолько силенъ, что не было возможности стоять на улицахъ и площадяхъ. Не было въ чертѣ города спасенія и для спасаемаго имущества, которое приходилось вывозить на Арское поле, за Казанку, въ луга...... Избравъ своимъ центромъ Воскресенскую улицу, обратившуюся, благодаря просмоленной торцовой мостовой, въ настоящую огненную рѣку, огонь сталъ распространяться отсюда во всѣ стороны, принявъ и обратное своему первоначальному направленію теченіе—на улицы Проломную, Вознесенскую, Булакъ и Забулачье. Къ вечеру съ подвѣтренной стороны загорѣлась улица Лядская, а вслѣдъ за тѣмъ и простирающаяся за нею


восточная и юго-восточная часть города, до Коммиссаріата и Родіоновскаго института.

«Наступившая ночь только усилила бѣдствіе,—пишетъ очевидецъ.— Казань утонула въ морѣ огня, въ туманахъ смрада и дыма. Надъ этою огненною бездною висѣло раскаленное небо. Тутъ уже не было слышно человѣческаго голоса: только свистъ раздуваемаго вѣтромъ пламени, шумъ бури и, по временамъ, трескъ рухнувшихъ строеній и колоколенъ... Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что за Казанкою, верстахъ въ 7—10, загорались стоги сѣна и цѣлыя деревни».....

Только къ двумъ часамъ утра 25 числа вѣтеръ утихъ и далъ возможность локализировать дальнѣйшее распространеніе огня. Въ этотъ страшный пожаръ, истребившій лучшія и наиболѣе торговыя части города, жертвою огня сдѣлались 1309 домовъ и 9 церквей. Потери были громадны: для одного гостинаго двора исчислялись онѣ въ милліоны рублей.... Размѣры потерь усугублялись еще и тѣмъ, что очень невеликимъ было въ то время въ Казани количество застрахованныхъ домовъ (всего 196 домовъ на сумму ок. 1¼ милл. р., изъ которыхъ сгорѣло 84 зданія на страховую сумму ок. 700 тыс. р.). Бѣдствіе 24 августа произвело на жителей подавляющее впечатлѣніе; для подъема упавшаго духа ихъ власти распорядились принесеніемъ изъ Седміозерной пустыни чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери, которую крестнымъ ходомъ и обнесли вокругъ пепелища. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начались толки о поджогахъ и подметныхъ письмахъ; въ мѣстныхъ „Вѣдомостяхъ" появилось въ силу этого объявленіе о Высочайшемъ повелѣніи, на основаніи котораго авторамъ и распространителямъ такихъ писемъ угрожается военно-полевымъ судомъ....

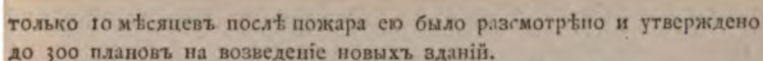
Извѣстіе о постигшей Казань катастрофѣ быстро облетѣло всю Россію и достигло даже чужихъ краевъ; профессоръ астрономіи И. М. Симоновъ, бывшій въ то время заграницею, узналъ, напримѣръ, о постигшемъ родной городъ его бѣдствіи въ г. Майнцѣ, отъ хозяина гостинницы, въ которой жилъ. Были приняты и правительственныя и частныя мѣры къ облегченію участи пострадавшихъ отъ пожара. По распоряженію мѣстныхъ властей, въ различныхъ пунктахъ города были устроены общественныя кухни для снабженія бѣдноты продовольствіемъ; казенныя и общественыя зданія приспособлены къ размѣщенію въ нихъ безпріютныхъ погорѣльцевъ; приняты мѣры и къ предупрежденію обычной въ такихъ случаяхъ дороговизны квартиръ и съѣстныхъ припасовъ....

Императоръ Николай Павловичъ въ октябрѣ того же года Всемилостивѣйше соизволилъ на отпускъ г. Казани ссуды въ одинъ милліонъ рублей съ тѣмъ, что бы эти деньги были употреблены на возобновленіе сгорѣвшихъ и пострадавшихъ отъ огня, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, зданій, съ разсрочкою ссудъ, на обыкновенныхъ банковыхъ правилахъ, для города и общественныхъ учрежденій—на 37 лѣтъ, для частныхъ лицъ на 15 лѣтъ; выдача изъ этой суммы ссудъ возложена на особый комитетъ, составленный, подъ предсѣдательствомъ губернатора С. П. Шипова, изъ высшихъ должностныхъ лицъ города, 6 представителей отъ трехъ сословій города и делегатовъ отъ вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій и министерства внутрен. дѣлъ. Помимо правительственной ссуды, объявлена была въ пользу казанскихъ погорѣльцевъ всеобщая по Имперіи подписка—и пожертвованія полились широкою рѣкою не только изъ различныхъ мѣстностей Россіи, но даже и изъ чужихъ краевъ. Императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ 50 тыс. р. изъ личныхъ средствъ; до 16 тыс. р. поступило отъ другихъ членовъ Императорской фамиліи; во многихъ городахъ въ пользу казанскихъ погорѣльцевъ устраивались концерты, спектакли и т. п.

Слова грибоѣдовскаго полковника Скалозуба о томъ, что пожаръ Москвы „способствовалъ ей много къ украшенію

изъ пепла; вмѣстѣ съ тѣмъ, 5 декабря 1842 г., состо
Высочайшее утвержденіе новаго плана Казани, вн
шаго въ расположеніе города много весьма сущес
ныхъ улучшеній.

По этому новому плану, прежде всего, намѣчена была та
города, въ предѣлахъ которой обязательнымъ являлось соор
исключительно каменныхъ зданій; эта каменная часть города
ничивалась чертою, простиравшеюся отъ кремля, Большою Каз
улицею, до пересѣченія ею нынѣшней Театральной площади,
Рыбнорядскою улицею до озера Кабана и второю набережною
Обветшалые и обгорѣвшіе кузнечные ряды вѣдомства приказа
ственнаго призрѣнія, безобразившіе такъ называвшуюся «Кузн
площадь, предписано сломать, самую же площадь высушить (п
динѣ ея имѣлось грязное и тинное озерцо), поднять и сплани
обративъ въ обширную торговую «Николаевскую» площадь; Б
Красную улицу, дѣлавшую прежде заворотъ къ улицѣ Касаткин
шено выпрямить такимъ образомъ, что бы она составляла прям
долженіе Большой Казанской; бывшія до пожара въ совершен
тическомъ состояніи улицы Касаткину, Попову Гору и Кошачій
локъ—велѣно привести въ болѣе благообразный видъ; привед
порядокъ Черное озеро съ его садомъ, засыпано Банное озер

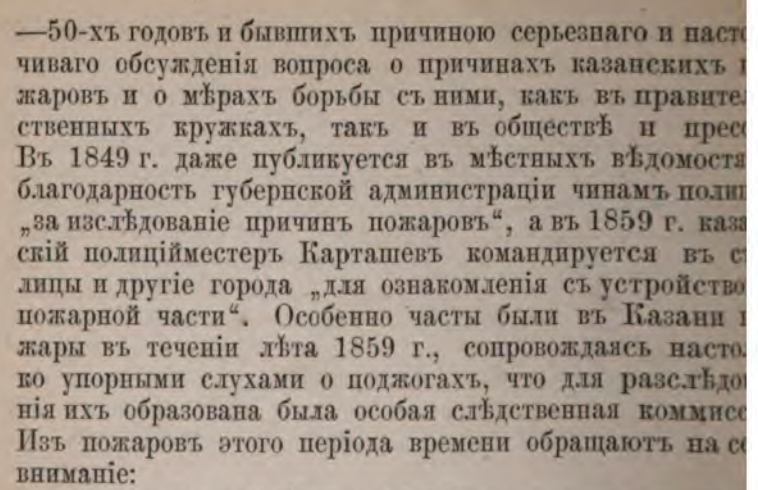


только 10 мѣсяцевъ послѣ пожара ею было разсмотрѣно и утверждено до 300 плановъ на возведеніе новыхъ зданій.

Казань стала быстро и, притомъ, въ лучшемъ видѣ «возрождаться изъ пепла» и въ два—три года городъ началъ принимать совершенно новый видъ. «Тотъ, кто зналъ Казань до 1842 года—теперь не узнаетъ ее!»—восклицаетъ казанскій публицистъ въ маѣ 1845 года.—«Щедроты Августѣйшаго Монарха,—продолжаетъ онъ,—доставили ей средства, какъ древнему фениксу, возродиться изъ своего пепла вновь въ прекраснѣйшемъ видѣ».... Казанскій публицистъ не упускаетъ при этомъ удобнаго случая воскурить подобающій ѳиміамъ и передъ губернаторомъ Шиповымъ: «А заботливость ея правителя,—добавляетъ онъ,—который такъ много имѣетъ предположеній касательно украшеній и удобствъ Казани, споспѣшествовали скорѣйшему выполненію видовъ Отца Государя». А предположеній относительно «украшеній и удобствъ» города было въ ту пору, и въ дѣйствительности, уже не мало. Шли толки объ устройствѣ водопровода, о перенесеніи волжскихъ пристаней съ Бакалды къ устью Казанки, обсуждался вопросъ о соединеніи города съ слободами его дамбами, зачинались даже, еще робкія въ ту пору, мечтанія о желѣзной дорогѣ на Нижній.... Были и такія предположенія, которыя и до нашихъ дней продолжаютъ еще оставаться «вопросами», не успѣвъ въ теченіи полувѣка выйти изъ предѣловъ тѣхъ «благихъ намѣреній», которыми, говорятъ, вымощенъ адъ; таковы: предположеніе о бухтѣ, объ обращеніи тиннаго Булака въ грандіозную закрытую водосточную трубу, съ бульваромъ надъ нею и съ гаванью для стоянки судовъ у его истока, и нѣкот. др.

Какъ бы то ни было, но пожаръ 1842 г. явился труднымъ, но обновляющимъ, горниломъ, черезъ который необходимо было пройти Казани, что бы возродиться, «какъ древнему фениксу», въ лучшемъ и болѣе благоустроенномъ видѣ.

Пожаръ 24 августа 1842 г. былъ какъ бы колоссальнымъ сигналомъ къ цѣлому ряду крупныхъ и мелкихъ пожаровъ, посѣщавшихъ Казань въ продолженіи 40-хъ



—50-хъ годовъ и бывшихъ причиною серьезнаго и насто
чиваго обсужденія вопроса о причинахъ казанскихъ
жаровъ и о мѣрахъ борьбы съ ними, какъ въ правите
ственныхъ кружкахъ, такъ и въ обществѣ и пресс
Въ 1849 г. даже публикуется въ мѣстныхъ вѣдомостя
благодарность губернской администраціи чинамъ поли
„за изслѣдованіе причинъ пожаровъ", а въ 1859 г. каза
скій полицiймейстеръ Карташевъ командируется въ с
лицы и другіе города „для ознакомленія съ устройство
пожарной части". Особенно часты были въ Казани
жары въ теченіи лѣта 1859 г., сопровождаясь насто
ко упорными слухами о поджогахъ, что для разслѣдо
нія ихъ образована была особая слѣдственная коммисс
Изъ пожаровъ этого періода времени обращаютъ на с
вниманіе:

Пожаръ 10 іюня 1847 года, по счету дес
тый большой пожаръ, истребившій 165 домовъ и вызв
шій необходимость въ правительственной ссудѣ по
рѣльцамъ изъ ссумъ, оставшихся отъ милліонной ссу
1842 года.

Пожаръ 14 августа 1848 года, счетомъ од
надцатый, начавшійся съ Вознесенской улицы и уни
тожившій 586 домовъ; кромѣ казенныхъ ссудъ изъ
жарнаго комитета 1842 г., на помощь погорѣльца
пришла частная благотворительность.

Пожаръ 25 мая 1859 года, по счету двѣна
цатый, до извѣстной степени напомнившій Каза
бѣдствія 1815 и 1842 гг., хотя онъ и ограничился опр
дѣленнымъ райономъ, истребивъ почти всю Забулачн
часть города и оставивъ погорѣвшими до двухъ тыся
семействъ. Для оказанія помощи погорѣльцамъ бы

организованъ особый комитетъ, съумѣвшій, кромѣ ссудъ изъ пожарнаго комитета, привлечь къ помощи имъ и частныя пожертвованія.

Таковы двѣнадцать большихъ пожаровъ, составляющихъ скорбную страницу въ исторіи г. Казани. Если шестидесятые и начало семидесятыхъ годовъ и отмѣчены еще болѣе или менѣе значительными (относительно, впрочемъ) бѣдствіями этого рода, то за то съ 1874 г.,—года открытія дѣйствій городскаго водопровода,—пожарные случаи все болѣе и болѣе сводятся въ Казани къ минимуму и можно питать увѣренность, что грандіозныя общественныя бѣдствія, вродѣ катастрофъ не только 1815 или 1842 гг., но хотя бы даже 1847 г., уже отошли для этого города въ область преданій.

Эпидемическія болѣзни. Казань очень долго, и далеко не безъ основанія, пользовалась репутаціею города съ весьма неудовлетворительными санитарными условіями,—репутаціею, которая, до извѣстной степени, и до нашихъ дней тяготѣетъ надъ этимъ городомъ, поддерживаемая пресловутыми мѣстными лихорадками и благодарною почвою, предоставляемою имъ для разнаго рода инфекціонныхъ заболѣваній.

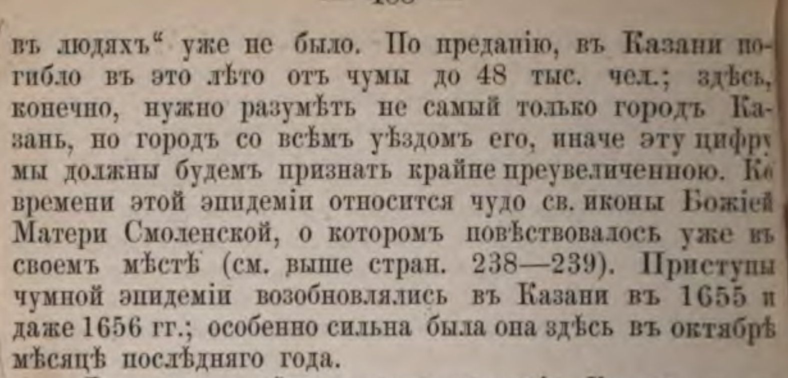
Казанскія перемежающіяся лихорадки еще въ началѣ текущаго столѣтія обращали на себя вниманіе врачей и объяснялись какъ недоброкачественностью употребляемой казанцами воды (главнымъ образомъ озера Кабана), такъ и городскою нечистотою, которая справедливо считалась всегда однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ мѣстныхъ инфекціонныхъ заболѣваній. Недостатокъ въ Казани доброкачественной воды уже очень рано породилъ на свѣтъ вопросъ объ устройствѣ въ городѣ водопровода,—вопросъ, которому суждено было много десятилѣтій оставаться открытымъ, пока, наконецъ, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ не получилъ благополучнаго рѣшенія. Нечистота казанскихъ улицъ и домовъ также уже издавна

на себя вниманіе мѣстной прессы, какъ важный источникъ
ній; еще въ 1829 г. «Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику
вали на необходимости радикальной очистки Казани въ сан
цѣляхъ, а въ 40-хъ годахъ хроникеръ мѣстныхъ «Губерн. Вѣ
открыто заявлялъ, что «грязь — пятая стихія города Казани»
кратно отмѣчалась въ мѣстной прессѣ стараго времени и
пресловутая апатія казанцевъ къ общественнымъ дѣламъ, в
къ вопросамъ санитарнымъ, въ частности; предлагались разн
мѣры къ оздоровленію города — но всѣ эти заявленія и указа
вались гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, не смотря на то, что
появлялись на столько авторитетныя, по условіямъ того
конечно, статьи, какъ довольно таки отрицательнаго характер
«Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе
(«Приб. къ Каз. Вѣстн.» за 1829 г.), такая же, посвященна
скому купечеству и дворянству, статья проф. Арнгольдцта: «
воздуха и воды на здоровье человѣческое» («Заволжск. Мур
1832 г.) и статья инспектора врачебной управы Тиле: «О пр
по коимъ Казань принадлежитъ къ городамъ, здоровью преп
щихъ» (тамъ же, за 1833 г.). А что многія «причины», и
«препятствовали здоровью» казанскихъ обывателей, на это
указываетъ намъ медицинская статистика, такъ какъ, начиная
конца прошедшаго столѣтія, она констатируетъ постоянное
лимое превышеніе въ Казани смертности надъ рождаемостью, —
которое всегда объяснялось невозможными санитарными у
города, давшими одному изъ мѣстныхъ публицистовъ старыхъ
основаніе назвать Казань «кладбищемъ для являющагося сюда
населенія». Отмѣчая тотъ же фактъ, казанскій хроникеръ 4
довъ заявляетъ, что «жители Казани должны были бы вым
Казань — опустѣть, если бы они не получали вознагражденій
деревня шлетъ къ намъ молодыя, бодрыя силы, свѣжую кров

За послѣднее двадцатипятилѣтіе санитарныя условія г
многихъ отношеніяхъ измѣнились къ лучшему. Устройство
вода, осушеніе и замощеніе низменныхъ частей города, засы
скольскихъ грязныхъ городскихъ озеръ, улучшеніе организа

чебной помощи для бѣднаго люда—все это мѣропріятія, которыя не могли не отозваться благопріятнымъ образомъ на здоровьи казанскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, не мало задачъ предстоитъ еще въ этомъ направленіи казанскому общественному управленію: осушеніе окружающихъ городъ болотъ, устройство городской канализаціи, приведеніе въ порядокъ открытой городской клоаки, именуемой «протокомъ Булакомъ», прекращеніе систематическаго загрязненія своихъ дворовъ домовладѣльцами, поливка улицъ въ видахъ уничтоженія невыносимой лѣтней пыли, облегченіе безплатной медицинской помощи для бѣдноты—все это задачи, которыя не могутъ и не должны быть игнорируемы казанскою городскою думою, если только она хочетъ оставаться на уровнѣ муниципалитета европейски-культурнаго города конца XIX столѣтія, а не на уровнѣ городской шестигласной думы временъ докторовъ Арнгольдцта и Тиле,—временъ, не далеко ушедшихъ отъ той эпохи, когда (въ 1813 г.) какой то «иностранецъ Кноблаухъ» публиковалъ въ мѣстной газетѣ о томъ, что онъ съ семьею своею «предлагаетъ услуги по части канатохожденія и баллансировки, а также продаетъ разныя врачебныя средства»....

Первая крупная казанская эпидемія, о которой дошли до насъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія— это моровая язва или чума 1654—1656 годовъ, обошедшая въ ту пору почти всю Россію и не пощадившая и Поволжья. Въ окрестностяхъ Казани установлены были карантины и заставы, съ цѣлью недопущенія въ городъ заразы, прекращено было всякое сообщеніе съ верховыми городами, въ которыхъ эпидемія особенно сильно свирѣпствовала,—но всѣ эти палліативныя предупредительныя мѣры не произвели ожидаемаго дѣйствія: чума проникла въ Казань и жестоко свирѣпствовала здѣсь все лѣто 1654 г., временно прекратившись лишь съ наступленіемъ поздней осени, когда, по оффиціальнымъ донесеніямъ, въ Казани и пригородахъ ея „упадка



въ людяхъ“ уже не было. По преданію, въ Казани погибло въ это лѣто отъ чумы до 48 тыс. чел.; здѣсь, конечно, нужно разумѣть не самый только городъ Казань, но городъ со всѣмъ уѣздомъ его, иначе эту цифру мы должны будемъ признать крайне преувеличенною. Ко времени этой эпидеміи относится чудо св. иконы Божіей Матери Смоленской, о которомъ повѣствовалось уже въ своемъ мѣстѣ (см. выше стран. 238—239). Приступы чумной эпидеміи возобновлялись въ Казани въ 1655 и даже 1656 гг.; особенно сильна была она здѣсь въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣдняго года.

Два раза посѣщала таже эпидемія Казань и въ XVIII вѣкѣ: это, именно, чумная эпидемія 1737—1739 гг., съ особенною силою проявившаяся въ Астраханской и Казанской губерніяхъ, и чумная эпидемія 1771 г., охватившая собою, какъ извѣстно, всю сѣверо-восточную Россію.

Конецъ XVIII столѣтія въ врачебно-санитарномъ отношеніи ознаменованъ значительнымъ развитіемъ въ Казани эпидеміи инфлюенцы (грипъ, „простудное повѣтріе“), которая продолжала держаться здѣсь до 1812 года, какъ констатируется это уже упомянутою выше статьею: „Краткое медико-физическое и топографическое обозрѣніе г. Казани“ („Приб. къ Казан. Вѣстн.“ за 1829 г.).

Въ 1812 году на смѣну инфлюенцы появилась въ Казани и въ Казанской губерніи жестокая эпидемія тифа, продержавшаяся здѣсь нѣсколько лѣтъ сряду. Впрочемъ, тифозныя болѣзни представляютъ собою патологическую форму, которая, какъ извѣстно, крѣпко и, несомнѣнно, уже издавна акклиматизировалась въ Казани,

лишь отъ времени до времени прорываясь въ вид
или менѣе значительныхъ массовыхъ эпидеми
заболѣваній, свидѣтелями которыхъ неодкратно б
занцы и за послѣднія времена. Само собою разу
что въ старые годы, при отсутствіи современныхъ
общественной медицины, санитарной полиціи и с
борьбы съ ними—эти заболѣванія должны были я
несравненно болѣе частыми и интенсивными.

Тифозная эпидемія 1812—1814 гг., разразившаяся въ к
Поволжьи, объяснялась современниками значительнымъ ск
здѣсь народонаселенія, благодаря массовому бѣгству сюда н
другихъ губерній, или бывшихъ театромъ войны съ француз
угрожаемыхъ нашествіемъ непріятеля; видѣли причину разв
деміи и въ эвакуаціи въ Поволжье партій военноплѣнныхъ, с
положеніе которыхъ было по-истинѣ ужаснымъ и по пятамъ
рыми слѣдовали гнилостныя горячки и другія инфекціонн
лѣванія, не замедлявшія прививаться и къ мѣстному насел
самой Казани заболѣваемость приняла на столько широкіе
что, по распоряженію министерства народн. просвѣщенія, пр
Фуксу съ нѣсколькими другими профессорами было пору
ставить «правила для предохранительныхъ мѣръ отъ зарази
болѣзней въ училищахъ казанскаго учебнаго округа». Тифо
демія 1812—1814 гг. впервые выдвинула славу, въ качест
практика, профессора К. Ѳ. Фукса, казанской медицинско
нитости 20-хъ—40-хъ годовъ. Трудное было это время для во
медицинской звѣзды казанскаго университета: поглощенный
съ эпидеміею тифа и занятый практикою, по его собственн
вамъ, и денно и нощно, Фуксъ едва и самъ не палъ жерт
болѣзни. Слѣдующимъ, особенно сильнымъ, взрывомъ той же
явилась тифозная эпидемія 1852 г., подробности о которо
сующіеся найдутъ въ рядѣ статей профес. А. Н. Бекетова: «
о казанской тифозной эпидеміи 1852 года» («Казан. Гу
1852 г., №№ 16—18, 20, 21, 23—25, 27, 30, 31, 35—38).

Но самымъ крупнымъ фактомъ въ историко-медицинской жизни г. Казани текущаго столѣтія представляется, конечно, первое появленіе здѣсь холерной эпидеміи, относящееся къ 1830 году. Уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ вся Россія была встревожена появленіемъ на восточныхъ русскихъ окраинахъ невѣдомой и неслыханной азіатской гостьи, окрещенной мудренымъ наименованіемъ „холера морбусъ". Въ наши задачи не можетъ войти ни разсмотрѣніе путей, которыми проникла эта эпидемія въ предѣлы европейской Россіи, ни хода постепеннаго распространенія ея здѣсь, ни тѣхъ, нерѣдко весьма бурнаго характера, явленій общественной жизни, которыми сопровождалось появленіе холеры въ столицахъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нашего отечества.

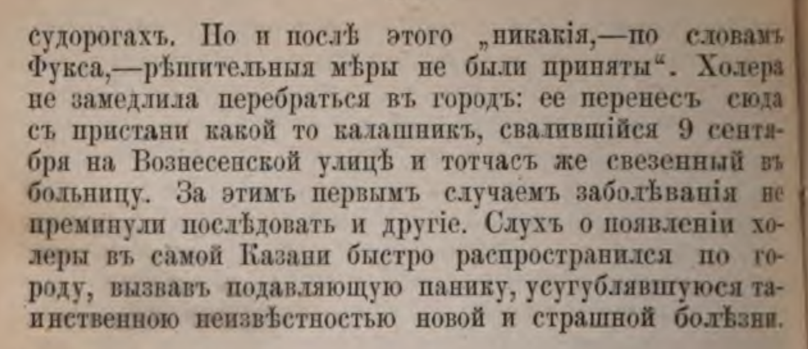
Въ Казани холеру ждали уже съ осени 1829 г., когда она свирѣпствовала въ Оренбургской губерніи, готовясь перешагнуть отсюда въ Поволжье, и принимали мѣры къ ея встрѣчѣ. Инспекторомъ мѣстной врачебной управы составлено, а губернаторомъ утверждено, особое, опубликованное въ мѣстной газетѣ, „Наставленіе, какъ содержать себя при открывшейся въ Оренбургской губерніи болѣзни, холерою называемой"; опубликованъ былъ, для всеобщаго свѣдѣнія, и списокъ врачей, предложившихъ свои услуги для врачеванія холеры на случай появленія ея въ Казани. Но ни въ концѣ 1829 г., ни веснoю и лѣтомъ 1830 г. холера, однако, сюда не заглядывала; напротивъ, весною 1830 г. отслужено было даже молебствіе по поводу извѣстія о прекращеніи ея въ сосѣднемъ Оренбургскомъ краѣ. Но лѣтомъ того же года опасенія грозной гостьи съ новою силою сказались въ Казани: холера уже свирѣпствовала въ Саратовской губерніи,

перейдя на торный волжскій путь и угрожая среднему Поволжью. Въ началѣ сентября эпидемія проникла и въ Казань, свѣдѣніями о началѣ и ходѣ развитія ея въ которой мы обязаны замѣчательной для своего времени въ медицинскомъ отношеніи и любопытной въ историческомъ отношеніи статьѣ проф. К. Ѳ. Фукса: „Замѣчанія о холерѣ, свирѣпствовавшей въ Казани въ сентябрѣ и октябрѣ 1830 года“ („Казан. Вѣстн.“ за 1831 г., отдѣльн. оттискъ имѣется въ городской публичной библіотекѣ) *).

„Уже въ половинѣ августа,—пишетъ Фуксъ,—всѣ болѣзни начали примѣтно уменьшаться въ Казани; ни объ одномъ почти умершемъ не было слышно. Это необыкновенное явленіе не предвѣщало мнѣ ничего добраго; мнѣ казалось, что сія тишина въ медицинской практикѣ есть предвѣстница ужасной бури“. Въ первыхъ числахъ сентября заболѣло и умерло на Бакалдинской пристани р. Волги нѣсколько бурлаковъ. Врачи сдѣлали губернскому начальству немедленное представленіе о необходимости „запереть сію гавань и уничтожить находящіяся тамъ гостинницы“. Но начальство было, почему то, убѣждено въ томъ, что холера должна появиться въ Казани снизу, а „со стороны Нижняго Новгорода совсѣмъ не ожидали прихода болѣзни“, почему на представленіе это и не было обращено должнаго вниманія; послали, впрочемъ, на Бакалду какого то полицейскаго чиновника, который тотчасъ же заболѣлъ и умеръ въ страшныхъ

---

*) По данному вопросу имѣется также статья штабъ-лекаря И. Дмитріевскаго: «Замѣчанія о болѣзни, называемой холерою, свирѣпствовавшей повально въ Казани въ сентябрѣ и октябрѣ 1830 года» («Казан. Вѣстн.» за 1831 г.).


судорогахъ. Но и послѣ этого „никакія,—по словамъ Фукса,—рѣшительныя мѣры не были приняты“. Холера не замедлила перебраться въ городъ: ее перенесъ сюда съ пристани какой то калашникъ, свалившійся 9 сентября на Вознесенской улицѣ и тотчасъ же свезенный въ больницу. За этимъ первымъ случаемъ заболѣванія не преминули послѣдовать и другіе. Слухъ о появленіи холеры въ самой Казани быстро распространился по городу, вызвавъ подавляющую панику, усугублявшуюся таинственною неизвѣстностью новой и страшной болѣзни.

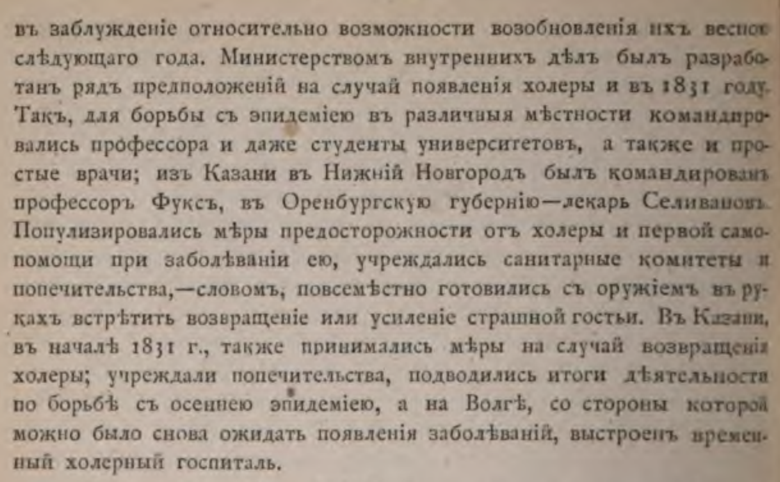
«Ужасъ разлился по всѣмъ улицамъ,—пишетъ проф. Фуксъ.— Многіе зажиточные люди оставляли городъ; другіе, менѣе достаточные, старались, по крайней мѣрѣ, запастись съѣстными припасами на полтора мѣсяца. Цѣна на потребности жизни возвысилась. На слѣдующій уже день (10 сентября) не видно было ни одного экипажа; ворота были повсюду заперты и только одна чернь, не предвидя опасности, занималась еще на улицахъ». Растерявшаяся администрація все еще пыталась увѣрить жителей въ отсутствіи опасности и 12 сентября раздавались по домамъ объявленія, въ которыхъ губернаторъ Жевановъ успокоивалъ обывателей, что «городъ находится въ благополучномъ состояніи». Но губернаторскій самообманъ слишкомъ противорѣчилъ дѣйствительности, такъ какъ всѣ могли уже видѣть заболѣвающихъ холерою, которые «падали и коченѣли на улицахъ», и губернатору на слѣдующій же день (13 числа) пришлось сдѣлать распоряженіе о закрытіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній. Развитіе эпидеміи пошло настолько быстро, что уже къ концу сентября 5 больницъ (двѣ изъ нихъ учреждены иждивеніемъ купцовъ Варгина и Меситникова) были переполнены холерными.

Казань была въ печальномъ положеніи. «Повсемѣстная тишина и безлюдье производили странное, горестное впечатлѣніе въ сердцѣ», —пишетъ очевидецъ. Весь городъ былъ оцѣпленъ кордономъ; по улицамъ дымились курева изъ навоза и тянулись мрачныя фуры, выво-

зившія умершихъ на холерное кладбище (за Подлужною улицею). Продажа съѣстныхъ припасовъ, привозившихся подгородными крестьянами, производилась на демаркаціонной карантинной линіи такимъ образомъ, что продавцы клали на землю товаръ, а покупатели—деньги, избѣгая этимъ путемъ взаимнаго соприкосновенія. Шесть номеровъ мѣстнаго изданія: «Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику» (№№ 42—46)—не вышли въ свѣтъ «по причинѣ холеры». «Вспомнить нельзя безъ ужаса,—вспоминаетъ другой очевидецъ,—что было въ Казани! Я сидѣлъ болѣе недѣли дома въ самый жестокій пароксизмъ эпидеміи... Но могильная тишина во всей Казани, гдѣ съ утра до ночи видны были только гробы или, просто, мертвыя тѣла, коихъ везутъ пьяные будочники, пустота души, длинные вечера осенніе—все это заставило меня удалиться подъ покровъ Седміозерной Божіей Матери. Тамъ я прожилъ семь недѣль, и—прекрасно: пріѣхалъ въ тотъ самый часъ, какъ сняты карантины. Нельзя описать радости, какъ принесли въ Казань Смоленскую Божію Матерь: всѣ плакали, знакомые поздравляли другъ друга, какъ изъ мертвыхъ воскресшіе»...

Къ концу сентября холера, жертвою которой палъ и нерѣшительный казанскій губернаторъ Жевановъ, прекратилась въ городѣ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Казань графъ Закревскій, вѣдавшій, по Высочайшему повелѣнію, все дѣло борьбы съ холерою и нагналъ здѣсь на всѣхъ трепетъ и страхъ. Будучи облеченъ чрезвычайными полномочіями, графъ дѣйствовалъ грозно и рѣшительно, что, между прочимъ, довелось испытать на себѣ казанскому городскому головѣ, который, по преданію, былъ, безъ особыхъ разговоровъ, просто на просто высѣченъ Закревскимъ,—надо полагать, за обнаруженные недочеты по части санитарнаго благоустройства города.

Прекращеніе, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Ро[illegible] ослабленіе съ наступленіемъ зимы холерныхъ заболѣва[illegible]



въ заблужденіе относительно возможности возобновленія ихъ весною слѣдующаго года. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ разработанъ рядъ предположеній на случай появленія холеры и въ 1831 году. Такъ, для борьбы съ эпидеміею въ различныя мѣстности командировались профессора и даже студенты университетовъ, а также и простые врачи; изъ Казани въ Нижній Новгородъ былъ командированъ профессоръ Фуксъ, въ Оренбургскую губернію—лекарь Селивановъ. Популизировались мѣры предосторожности отъ холеры и первой самопомощи при заболѣваніи ею, учреждались санитарные комитеты и попечительства,—словомъ, повсемѣстно готовились съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить возвращеніе или усиленіе страшной гостьи. Въ Казани, въ началѣ 1831 г., также принимались мѣры на случай возвращенія холеры; учреждали попечительства, подводились итоги дѣятельности по борьбѣ съ осеннею эпидеміею, а на Волгѣ, со стороны которой можно было снова ожидать появленія заболѣваній, выстроенъ временный холерный госпиталь.

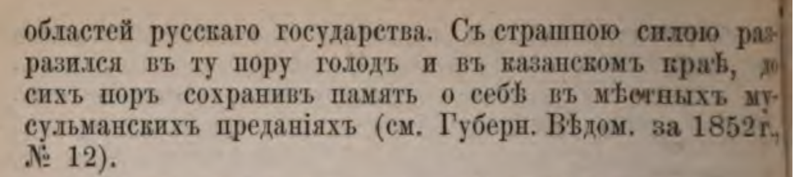
Къ концу лѣта 1831 года холерная эпидемія въ Казани снова возобновилась, продлившись до наступленія зимняго времени, но она не имѣла уже не интенсивности эпидеміи предшествовавшаго года, ни того подавляющаго моральнаго эффекта, которымъ ознаменовалось первое появленіе ея въ этомъ городѣ.

Слѣдующія, болѣе или менѣе серьезныя, холерныя эпидеміи постигли Казань въ 1847—1848 гг., въ 1853 и 1859 гг., въ 1866 и 1870—1871 гг., въ 1884 г. и, наконецъ, въ 1893 году. Этихъ эпидемій, изъ которыхъ каждая послѣдующая встрѣчалась уже все съ большимъ и большимъ запасомъ опыта и въ возможномъ, по современному состоянію врачебной науки, всеоружіи профилактическихъ и терапевтическихъ средствъ борьбы съ нею—мы касаться не будемъ.

Голода, хлѣбные недороды и продовольственные кризисы. Наряду съ пожарами, хлѣбные недороды и сопряженные съ ними голодовки и продовольственные кризисы представляютъ собою одинъ изъ видовъ общественныхъ бѣдствій, восходящихъ къ древнѣйшимъ эпохамъ исторической жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи Казани и казанскому краю доводилось неоднократно раздѣлять общую участь и всѣхъ остальныхъ областей русской земли.

Булгарскій и, въ частности, казанскій край—издавна являлся земледѣльческимъ и, славясь своимъ плодородіемъ, служилъ истинною житницею нынѣшнаго русскаго европейскаго востока. Не разъ приходилось этому краю выручать своимъ хлѣбомъ, во время голодовокъ, сосѣднія русскія области. Такъ, въ XI вѣкѣ, когда сѣверно-русскій край былъ охваченъ голодомъ, населеніе его нашло себѣ помощь въ булгарскомъ хлѣбѣ: «Идоша по Волгѣ въ Болгары,—читаемъ въ лѣтописи,—и привезоша жита, и тако ожиша». Князь Курбскій, въ своемъ описаніи казанскаго взятья, съ восторгомъ отзывается о плодородіи казанскаго края, заявляя, что «въ землѣ той поля великія, и зѣло преизобильныя, гобзующія на всякіе плоды; хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, что воистину вѣрѣ не подобно»... Тѣмъ не менѣе и этому, богатому хлѣбомъ, краю неоднократно доводилось переживать эпохи тяжелыхъ хлѣбныхъ кризисовъ и голодовокъ. Древнѣйшимъ изъ общественныхъ бѣдствій этого рода, о которомъ дошли до насъ опредѣленныя историческія указанія, явился въ казанскомъ краѣ—

Голодъ 1601—1602 годовъ, бывшій послѣдствіемъ крайне неблагопріятныхъ атмосферическихъ условій, которыми сопровождались весна и лѣто 1601 года. Это бѣдствіе, особенно сильно сказавшееся въ Москвѣ, гдѣ оно было усугублено хищничествомъ хлѣбныхъ торговцевъ и скупщиковъ, отразилось и въ большей части



областей русскаго государства. Съ страшною силою разразился въ ту пору голодъ и въ казанскомъ краѣ, до сихъ поръ сохранивъ память о себѣ въ мѣстныхъ мусульманскихъ преданіяхъ (см. Губерн. Вѣдом. за 1852 г., № 12).

Страшно даже въ наши дни, почти триста лѣтъ спустя послѣ этого неслыханнаго голода, читать свидѣтельства русскихъ и иноземныхъ источниковъ о подробностяхъ этой тяжелой годины. «Привожу Бога въ свидѣтели,—пишетъ одинъ изъ иностранныхъ современниковъ, Мартинъ Бэръ,—что я собственными глазами видѣлъ голодныхъ людей, которые, валяясь въ изнуреніи на Московскихъ улицахъ, щипали траву, чтобы утолить мучающій ихъ голодъ; у мертвыхъ находили во рту клочья сѣна»... Повсюду бродили, какъ привидѣнія и шатаясь отъ истощенія, изнуренные люди, которые падали по улицамъ, площадямъ и дорогамъ, умирая отъ голода. Въ пищу шло мясо собакъ, кошекъ, падаль; конина казалась недоступнымъ для многихъ лакомствомъ; сельскій людъ питался корьемъ, мохомъ, мякиной, листьями. Обыкновенными сдѣлались даже случаи людоѣдства. Иностранецъ Петрей свидѣтельствуетъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ одна мать глодала на улицѣ трупъ своего младенца. Другой иностранецъ, французъ Маржеретъ, разсказываетъ, что четыре женщины, оставленныя своими мужьями, зазвали къ себѣ въ домъ крестьянина съ возомъ дровъ и, убивъ, спрятали его на погребѣ, съ тѣмъ, чтобы употребить мясо въ пищу, а также зарѣзали и съѣли его лошадь; уличенныя въ преступленіи, эти женщины повинились, что онѣ еще раньше съѣли двухъ, убитыхъ ими же, людей. Голодающій людъ не брезгалъ употреблять въ пищу даже трупы, во множествѣ валявшіеся повсюду. Путники опасались останавливаться на постоялыхъ дворахъ, изъ страха, что бы хозяева не умертвили ихъ для удовлетворенія своего голода. На рынкахъ продавались пироги, начиненные человѣческимъ мясомъ. Забыты были всѣ узы семейныя и соціальныя: отцы бросали семьи свои, что бы не дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба; люди убивали другъ друга изъ за корки хлѣба; грабежи, поджоги—сдѣлались явленіемъ обыден-

нымъ; голодныя преступленія не могли быть искоренены каз
которымъ прибѣгала администрація...

Смертность достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Москва,
рую массами стекались изъ другихъ городовъ, въ надеждѣ н
милостыню, голодающіе—переполнилась тѣлами умершихъ,
приняты были дѣятельныя мѣры къ предупрежденію зараженія
трупными отдѣленіями. По улицамъ разъѣзжали пристава н
ность которыхъ возложено было подбирать мертвецовъ, об
одѣвать ихъ и отвозить въ три устроенныя для этой цѣли скуд
по свидѣтельству Авраамія Палицына, въ этихъ скудельниц
схоронено въ теченіи 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ до 117 тысячъ
не считая покойниковъ, погребенныхъ на приходскихъ кладби
меньшая смертность господствовала и по другимъ городамъ;
торыхъ областяхъ, какъ, напримѣръ, въ Смоленской, голодъ
за собою даже моровую язву.

Отчаянное положеніе государства нашло с
рячій откликъ въ сердцѣ царя Бориса (Годунов
торый повелѣлъ открывать для народа казенныя ж
во всѣхъ городахъ, потерпѣвшихъ отъ неурожая.
съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе по всѣмъ г
о скупкѣ хлѣба у людей состоятельныхъ по цѣнамъ
дѣляемымъ правительствомъ въ тѣхъ случаяхъ,
владѣльцы хлѣбныхъ запасовъ не соглашались
вольно распродавать ихъ по дешевымъ цѣнамъ. В
областяхъ государства были освидѣтельствованы
и оказавшійся въ нихъ старый хлѣбъ велѣно каз
средствами обмолачивать и доставлять въ Москву
гіе, наиболѣе пострадавшіе отъ голода, города. Ис
упоминаютъ и объ общественныхъ работахъ, орга
ныхъ царемъ Борисомъ для облегченія народной
къ числу которыхъ относится и сооруженіе въ
извѣстной колокольни Ивана Великаго; такія рабо

организованы и въ областяхъ, но въ чемъ именно заключались онѣ здѣсь, вообще, и въ Казани, въ частности— указаній на это не сохранилось.

Послѣ хлѣбнаго кризиса 1601—1602 гг., русская земля, въ продолженіи XVII и XVIII вѣковъ, пережила цѣлый рядъ такихъ же кризисовъ, но мы не имѣемъ свѣдѣній о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ отражались эти кризисы собственно на казанскомъ краѣ, почему мы и остановимся лишь на продовольственномъ кризисѣ, разразившемся здѣсь въ половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Продовольственный кризисъ 1774—1775 годовъ, постигшій все среднее Заволжье и Поволжье, явился послѣдствіемъ сельско-хозяйственныхъ неурядицъ, вызванныхъ движеніемъ пугачевщины, когда масса крестьянъ, побросавъ поля свои, спѣшили идти подъ знамена самозванца, да и помимо этого, ни помѣщикамъ, ни людямъ ихъ, было не до сельско-хозяйственной культуры. Приведенный въ броженіе и раззоренный край не преминулъ постигнуть голодъ, со всѣми его ужасными послѣдствіями. Борьба съ этимъ новымъ бѣдствіемъ была возложена на графа П. И. Панина, назначеннаго временнымъ главнымъ начальникомъ надъ губерніями Казанской, Нижегородской и Оренбургской. Графъ Панинъ имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ губернаторами названныхъ губерній, въ результатѣ котораго явилось изданное имъ осенью 1774 года „Объявленіе жителямъ губерній Казанской, Нижегородской и Оренбургской“, въ которомъ населеніе пострадавшихъ отъ неурожая губерній извѣщалось объ учрежденіи казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и преподавались правила для урегулированія хлѣбнаго оборота и хлѣбныхъ цѣнъ.

«Ея Императорское Величество,—объявляетъ здѣсь гр. Панинъ, —Высочайше соизволила указать мнѣ приложить всеудобь-возможное попеченіе къ преподанію помощи ввергающимся въ сущее претерпѣніе голоду.... Но никакъ я не буду въ состояніи по желанію своему въ ономъ преуспѣть, если всѣ безъ изъятія владѣльцы и жители страны здѣшней, изобилующіе отъ прошлыхъ лѣтъ остатками и промышляющіе хлѣбомъ, не восхотятъ совокупить своего усердія съ моимъ попеченіемъ на равное жъ вспомоществованіе къ отвращенію угрожаемаго народу бѣдствія». Выразивъ затѣмъ увѣренность, что «никто изъ россійскихъ вѣрныхъ сыновъ не восхощетъ быть извергомъ рода человѣческаго», гр. Панинъ установляетъ слѣдующія нормальныя цѣны на хлѣбъ, выше которыхъ никто не въ правѣ поднимать цѣнъ на него: на правой сторонѣ Волги—для ржаной муки 2 р. 50 к. и для овса 1 р. 10 к. за четверть, на лѣвой сторорѣ ея—1 р. 80 к. для ржаной муки, 3 р. для крупъ и 80 к. для овса (за четверть); для сѣна установлена повсемѣстная цѣна въ 6 к. за пудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ страхомъ конфискаціи и изверженія «изъ вѣрныхъ сыновъ во врага отечества своего», строжайше воспрещено какъ продавать хлѣбъ выше этихъ максимальныхъ цѣнъ, такъ и сбывать его за предѣлы своихъ губерній; тѣмъ же лицамъ, которыя станутъ продавать хлѣбъ свой по цѣнамъ ниже нормальныхъ, обѣщается платоническое признаніе ихъ «предъ престоломъ Монаршимъ и отъ всего общества за особливо усердныхъ сыновъ своему отечеству, вѣрныхъ рабовъ всемилостивѣйшей Монархинѣ и благотворительныхъ собратій своихъ единоплеменныхъ». За то лицамъ, которыя, подъ обманнымъ предлогомъ нужды, стали бы «вымашивать изъ казенныхъ магазинновъ выдачу на себя или и на постороннія имена хлѣба для продажи въ насыщеніе жалнаго своего корыстолюбія», угрожается безпощаднымъ наказаніемъ и поступленіемъ съ ними, какъ «со вредителями имперіи и народнаго спокойствія».

Кромѣ учрежденія казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и урегулированія хлѣбныхъ цѣнъ и торговли, организованы были въ 1774—1775 гг. и общественныя работы.

Императрица предписала гр. Панину, что бы онъ приказалъ жителямъ постигнутыхъ голодомъ городовъ „копать рвы“, выдавая имъ заработную плату деньгами и хлѣбомъ: „Этимъ, — писала Императрица Екатерина, — удержите народъ на его мѣстахъ и, упражняя его, уймете воровство и разбои“.

Хлѣбный недородъ и голодъ 1832—1834 годовъ должны быть отнесены къ однимъ изъ крупнѣйшихъ бѣдствій этого рода изъ всѣхъ, постигавшихъ Казанскую губернію. Цѣны на продовольствіе возросли въ эту тяжелую годину до такой степени, что въ половинѣ 1834 года куль ржаной муки въ 9 пудовъ стоилъ 18 рублей, девятипудовая четверть ржи—17 р. 42 коп., четверть овса—7 р. 20 коп., пудъ мяса—8 р. 80 коп., (тогда какъ въ 1844 г., т. е. десять лѣтъ спустя, тѣже предметы продовольствія по номинальнымъ цѣнамъ продавались въ Казани: девятипудовый куль ржаной муки—1 р. 86 к., четверть овса—1 р. 20 к., пудъ мяса—1 р. 41 к. и т. п.). Страшный недостатокъ хлѣба выдвинулъ впередъ вопросъ о хлѣбныхъ суррогатахъ, и вотъ въ концѣ 1833 г. въ мѣстномъ журналѣ „Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику“ появляется цѣлый трактатъ: „О веществахъ, удобнозамѣняющихъ для народа нынѣ существующій недостатокъ въ хлѣбѣ“, въ которомъ авторъ указываетъ и рекомендуетъ способы изготовленія хлѣбныхъ суррогатовъ изъ соломы, барды, отрубей, дубовыхъ желудей, картофеля, а также даетъ нѣсколько рецептовъ для изготовленія „дешевыхъ и питательныхъ похлебокъ“. Народная нужда въ широкихъ размѣрахъ вызвала проявленіе общественной благотворительности. Характеризуя казанское дворянство, М. Рыбушкинъ пишетъ въ своей

по совершеніи добраго дѣла человѣкъ становится с[...]
пріятнымъ впечатлѣніямъ, охотнѣе предается радост[...]

Цѣликомъ выписываемъ эту курьезную тираду каза[...] лициста 30-хъ годовъ, какъ любопытную съ точки зрѣнія хара[...] казанской общественности того времени. Интересно, что[...] именно сезонѣ впервые поставлена была въ Казани, л[...] благотворителями, безсмертная комедія Грибоѣдова: «Въ пер[...] ставленіи,—пишетъ тотъ же хроникеръ,—видѣли мы олиц[...] въ первый разъ въ Казани, разумѣется съ измѣненіями, к[...] смертнаго нашего Грибоѣдова: «Горе отъ ума», которой [...] насъ на Руси не знаетъ наизусть; наши благородные акте[...] лѣли всѣ затрудненія, какія встрѣчали доселѣ въ представ[...] сценѣ».

От „благороднаго казанскаго сословія" [...] вало и мѣстное купечество, изъявившее готов[...] брать 40 тыс. рублей въ пользу голодающаго [...] губерніи.

Впрочемъ, и эта готовность была вызвана не столько [...] движеніемъ сердца, сколько тою же «искреннею любовью» [...] тору Стрекалову, который уѣзжалъ въ Петербургъ и котора[...] купечество, въ виду возможности невозвращенія его въ [...] не оправдалось), напутствовало прощальнымъ обѣдомъ: «П[...] чувствомъ человѣколюбія, неравнодушное къ страданіямъ [...] признательное къ благодѣяніямъ добраго начал[...] шего»,—повѣствуетъ все тотъ же хроникеръ,—казанское [...] на данномъ губернатору обѣдѣ «выразило ему предъ л[...] города благодарность свою» тѣмъ, что «захотѣло также уча[...] попеченіяхъ его о страждущихъ и предположило собрать [...] рублей на обезпеченіе продовольствія неимущимъ семействам[...] умалчиваетъ о томъ, было ли вообще, и въ какой мѣрѣ, бы[...] ности, выполнено это застольное «предположеніе».

Всѣ эти «увеселительныя» благотворенія дворянства [...] *ныя*» пожертвованія купечества привели нашего хроникера [...]

умиленнаго экстаза: «Какъ сладостно для сердца русскаго видѣт[ь] восклицаетъ онъ,—что Русь святая среди крамолъ, волнующихъ по[…] цѣлый свѣтъ, преуспѣваетъ въ наслѣдственныхъ добродѣтеляхъ и, […] мѣняясь, по непреложному закону времени, въ нравахъ, обычаяхъ, п[…] свѣщеніи—остается неизмѣнною въ своихъ доблестяхъ!»………

Не въ блестящемъ положеніи находилось въ Каза[н]ской губерніи продовольственное дѣло и […] 40-хъ годахъ, вызывая со стороны администра[ціи] рядъ мѣръ къ его урегулированію (въ 1843—1847 г[г.] снова заведена была въ мѣстной прессѣ („Губерн. В[ѣд.] 1846 года № 29) и рѣчь о средствахъ замѣнять хлѣ[бъ] различными суррогатами, а въ 1847 г. объявлены бы[ли] торги на постройку въ казенныхъ селеніяхъ запасны[хъ] хѣбныхъ магазиновъ... Дороговизна хлѣба сильно ска[зы]валась и въ концѣ 50-хъ годовъ (1859 год[ъ]) причемъ одною изъ причинъ ея констатировано было искусственное поднятіе, въ цѣляхъ спекуляціи, цѣнъ […] хлѣбъ.

Изъ продовольственныхъ кризисовъ послѣдняго два[д]цатипятилѣтія печальной памяти заслуживаютъ оффи[ці]ально признанные голода 1877—1878 годовъ […] 1883—1884 годовъ; послѣдній голодъ вызвалъ э[кс]тренную правительственную мѣру—командировку въ [Ка]зань весною 1884 г. чиновника особыхъ порученій п[ри] министрѣ внутренихъ дѣлъ, барона Икскуля-фонъ-Ги[ль]дебандта, съ цѣлью выясненія на мѣстѣ причинъ х[ро]ническихъ продовольственныхъ кризисовъ въ Ка[зан]ской губерніи и изысканія мѣръ къ ихъ устран[енію]. Во время пребыванія своего въ Казани, г. Икскуль-[фонъ-] Гильдебандтъ имѣлъ по этому поводу совѣща[ніе съ пред]ставителями администраціи, земства, город[ского] […]

мѣстной печати и выѣзжалъ для личнаго осмотра мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ отъ кризиса.

Черезъ нѣсколько времени по отъѣздѣ барона Икскуля-фонъ-Гильдебандта изъ Казани, здѣсь получена была оффиціальная телеграмма о результатѣ его миссіи. Баронъ нашелъ Казанскую губернію въ экономическомъ состояніи 'внушающею самыя серьезныя опасенія: земли обработываются дурно, не удобряются, промыслы развиты слабо и ведутся первобытнымъ способомъ, нѣтъ частной иниціативы, во всемъ видна полная апатія... «Если будетъ такъ продолжаться,—доноситъ баронъ,—всегда возможный недородъ хлѣба можетъ повлечь за собою всѣ бѣдствія голода; необходимы энергія, развитіе частной предпріимчивости, вообще—поднятіе благосостоянія края».

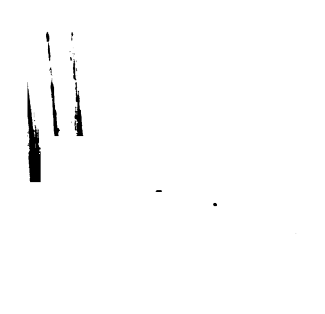
Продовольственный кризисъ перешелъ въ наслѣдіе и 1885 г., вызвавъ обнародованное 15 марта этого года Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ, которымъ постановлено, въ виду постигшаго Казанскую губернію неурожая, пріостановить до 1 января 1887-го года побудительныя мѣры взысканія долговъ по ссудамъ изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, а также числящихся къ 1 января 1885 года недоимокъ по окладнымъ сборамъ и выкупнымъ платежамъ.

Продовольственный кризисъ и вызванный имъ голодъ 1891—1892 годовъ, охватившій собою 16 губерній, въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ изъ которыхъ была и Казанская губернія, еще слишкомъ свѣжъ въ памяти современниковъ, почему мы и считаемъ возможнымъ о немъ не распространяться.

[redacted]

СОВРЕМЕННАЯ КАЗАНЬ.

Нѣкоторыя общія свѣдѣнія о городѣ и его описаніе.



[redacted]

I.

Нѣкоторыя общія свѣдѣнія о городѣ Казани.

1. Мѣстоположеніе города Казани. Городъ Казань, окружный административный центръ значительной части восточно-европейской Россіи, средняго и нижняго Поволжья и большей части Камскаго бассейна, губернскій городъ одноименной ему губерніи—находится подъ 55 градусами 47 минутами сѣверный широты и 66 градусами 47 минутами восточной долготы, на 80 метрахъ (ок. 38 саж.) высоты надъ уровнемъ моря.

Городъ расположенъ по гористому гребню и ряду холмовъ, ограничивающихъ съ сѣверо-востока заливную долину лѣваго берега Волги, какъ разъ въ томъ мѣстѣ теченія этой рѣки, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ отъ восточнаго направленія своего къ направленію южному. Съ восточной стороны городъ примыкаетъ ... возвышенною окраиною свою, носящею названіе Арскаго П...

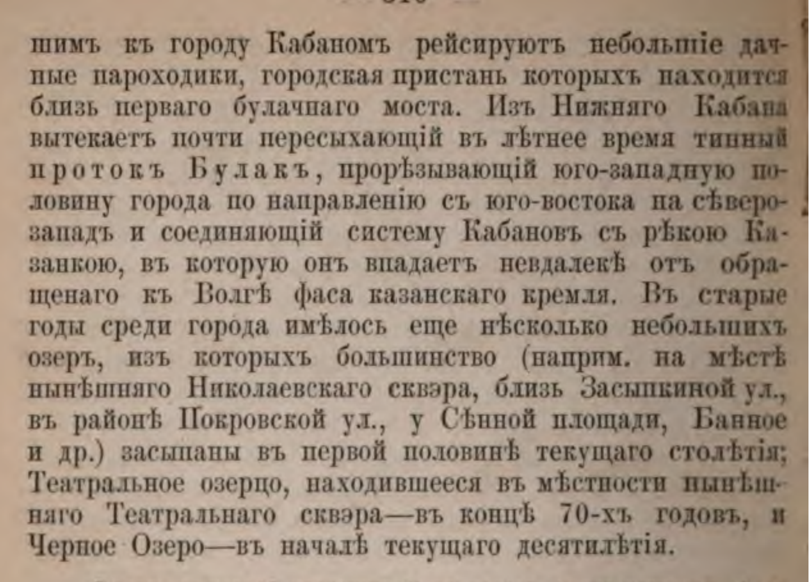
женными близъ устья р. Казанки, соединяетъ его
щенная дорога, пролегающая черезъ пригородную А
ралтейскую слободу, и линія конно-желѣзной дороги
время весенняго половодья обширный, сливающійся,
ливъ рѣкъ Волги и Казанки подходитъ къ самому го
живописно окружая его съ сѣверной, западной и ю
сторонъ; волжскія пристани переводятся на это в
года (до двадцатыхъ чиселъ мая, приблизительно) на
Казанку, версты на двѣ вверхъ по теченію ея, въ
называемую Адмиралтейскую слободу, съ которою го
и остается тогда соединеннымъ лишь двумя двухв
ными дамбами — земскою, для обыкновеннаго движ
и желѣзнодорожною (московско-казанской жел. дор
Въ 1892 г. сооружена еще (администраціею общес
ныхъ работъ, организованныхъ по случаю голода) да
соединяющая городъ, отъ сѣверо-западнаго угла кре
съ западною слободою его, носящею названіе Грив
также отрѣзываемою отъ Казани весеннимъ половодь

Кромѣ рѣки Волги, отдѣляемой отъ нея нѣсколь
верстами заливной долины и создавшей ей, вмѣст

въ числѣ водъ своихъ считаетъ еще рѣку Казанку и озеро Кабанъ.

Рѣка Казанка, берущая свое начало въ сѣверо-восточномъ углу Казанскаго уѣзда и имѣющая не болѣе 130 верстъ весьма извилистаго теченія, огибаетъ Казань съ сѣверной стороны и представляется рѣкою судоходною и сплавною только во время весенняго разлива, да и то только до черты города; много было предположеній сдѣлать эту рѣку судоходною до Казани и въ меженное время, но всѣ эти предположенія разбивались о техническія и финансовыя затрудненія, какъ до сихъ поръ разбивается о нихъ уже давно назрѣвшій, а одно время казавшійся уже готовымъ стать на почву осуществленія, проектъ волжской рѣчной бухты. Въ верхнемъ теченіи р. Казанки впервые зародилась Казань, лишь въ исходѣ XIV вѣка перенесенная на мѣсто нынѣшняго расположенія своего; памятникомъ этой Старой Казани осталось городище близь селенія Иски-Казань (см. выше стран. 94).

Озеро Кабанъ, прилегающее къ юго-восточной части Казани, состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ отдѣльныхъ озеръ—Нижняго, Средняго и Верхняго Кабановъ. Нижній Кабанъ входитъ въ черту города, раздѣляя прилегающія къ нему, съ восточной стороны—Пески, Суконную и Архангельскія слободы, съ западной стороны—Плетени; этотъ Кабанъ соединяется съ Среднимъ Кабаномъ проливомъ, на берегу котораго находится университетскій батаническій садъ. Верхній Кабанъ соединяется съ двумя остальными лишь во время весенняго водополья. Общая длина всѣхъ этихъ озеръ достигаетъ 8 верстъ, при ширинѣ до полуверсты; по двумъ ближай-



шимъ къ городу Кабаномъ рейсируютъ небольшіе дачные пароходики, городская пристань которыхъ находится близь перваго булачнаго моста. Изъ Нижняго Кабана вытекаетъ почти пересыхающій въ лѣтнее время тинный протокъ Булакъ, прорѣзывающій юго-западную половину города по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ и соединяющій систему Кабановъ съ рѣкою Казанкою, въ которую онъ впадаетъ невдалекѣ отъ обращенаго къ Волгѣ фаса казанскаго кремля. Въ старые годы среди города имѣлось еще нѣсколько небольшихъ озеръ, изъ которыхъ большинство (наприм. на мѣстѣ нынѣшняго Николаевскаго сквэра, близь Засыпкиной ул., въ районѣ Покровской ул., у Сѣнной площади, Банное и др.) засыпаны въ первой половинѣ текущаго столѣтія; Театральное озерцо, находившееся въ мѣстности нынѣшняго Театральнаго сквэра—въ концѣ 70-хъ годовъ, и Черное Озеро—въ началѣ текущаго десятилѣтія.

Вплоть до первой половины 70-хъ годовъ, когда устроенъ былъ въ Каз ни водопроводъ, доставляющій сюда воду изъ ключей деревни Пановки (въ 18 верстахъ отъ города), казанскія воды причиняли не мало заботъ администраціи, составляя одну изъ слабѣйшихъ сторонъ мѣстной санитарности. Волга отстоитъ отъ города далеко, известковая же вода р. Казанки всегда считалась негодною для питья, вслѣдствіе чего къ услугамъ обывателей оставалось лишь озеро Кабанъ, да нѣсколько городскихъ колодцевъ, водою которыхъ (преимущественно кабанною) они и продовольствовались. Традиціонная запущенность озера Кабана констатировалась еще въ началѣ текущаго столѣтія и порча этого прекраснаго естественнаго водоема уже тогда, какъ и въ наши дни, объяснялась массою разнаго рода отбросовъ, спускаемыхъ въ него изъ прилегающихъ частей города. Въ 1807 г. инженеръ-капитаномъ Шевяковымъ, присланнымъ въ Казань для исправленія крѣпостныхъ стѣнъ, былъ разработанъ цѣлый проектъ улучшенія водъ оз. Кабана, съ

предположеніемъ сдѣлать его проточнымъ; въ началѣ 30-хъ годовъ появляется новый грандіозный проэктъ освѣженія Кабана путемъ отвода въ него, а затѣмъ, черезъ Булакъ, въ Казанку и Волгу, теченія многоводной рѣки Меши,—но всѣ эти предположенія оставались лишь на бумагѣ и вопросъ объ упорядоченіи оз. Кабана до сихъ поръ пребываетъ однимъ изъ открытыхъ и неотложныхъ вопросовъ казанскаго благоустройства.

Въ такомъ же положеніи находится и вопросъ о протокѣ Булакѣ, также представляющемъ собою одну изъ ахиллесовыхъ пятъ благоустройства г. Казани. Оказывается, что въ очень старинные годы Булакъ пользовался гораздо большимъ вниманіемъ со стороны казанскихъ обывателей, нежели въ нашъ просвѣщенный конецъ XIX вѣка. Онъ былъ въ то время, дѣйствительно, «протокомъ» и о немъ заботились: послѣ большаго пожара 1815 г. обнаружились дубовыя бревна, которыми были когда то выложены дно и откосы Булака; въ началѣ текущаго столѣтія въ городскую хронику заносились свѣдѣнія о «вскрытіи» и «замерзаніи» этого протока, причемъ въ 1815 г. онъ вскрылся даже раньше Кабана; въ наши же дни въ тинной и зловонной клоакѣ, именуемой «протокомъ Булакомъ» и служащей для спуска въ нее изъ прибрежныхъ бань грязныхъ водъ (не говоря уже о другихъ отбросахъ) —ни «вскрываться», ни «замерзать» болѣе нечему.... Упорядоченіе пресловутаго «тиннаго Булака» представляетъ собою также одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ казанскаго благоустройства.

Приведемъ разстоянія отъ Казани до столицъ и нѣкоторыхъ городовъ. Казань отстоитъ отъ С. Петербурга въ 1582 верстахъ по желѣзной дорогѣ (на Рязань и Москву) и въ 1395 верстахъ водянымъ и желѣзнодорожнымъ путемъ (на Нижній и Москву); отъ Москвы въ 978 верстахъ по желѣзной дорогѣ (на Рязань) и въ 791 верстѣ водою и желѣзною дорогою (на Нижній).

Разстояніе Казани отъ поволжскихъ и восточн

губернскихъ городовъ выражается слѣдующими цифрами: до Нижняго Новгорода по желѣзной дорогѣ 1388 верстъ (на Рязань и Москву), зимнимъ, бывшимъ почтовымъ, трактомъ 412 в., водою—381 верста; до Симбирска сухопутно 206 в., водою 232 версты; до Самары по желѣзной дорогѣ (на Рязань, Ряжскъ и Пензу) 1721 в., на пароходѣ 459 в., на лошадяхъ 457 верстъ; до Саратова по желѣзной дорогѣ (на Рязань и Тамбовъ) 1419 в., на пароходѣ 903 в., на лошадяхъ 638 верстъ; до Астрахани на пароходѣ 1784 в., сухопутно 1413 верстъ; до Вятки на пароходѣ ок. 700 в., сухопутно 419 верстъ; до Перми на пароходѣ 1042 в., сухопутно 577 верстъ; до Уфы по желѣзной дорогѣ (на Рязань, Ряжскъ и Самару) 2213 в., на пароходѣ 1020 в,, почтовымъ трактомъ 530 верстъ; до Оренбурга по желѣзной дорогѣ (на Рязань, Ряжскъ и Самару) 2114 в., водянымъ и желѣзнодорожнымъ путями (на Самару) 852 в., почтовымъ трактомъ 779 верстъ.

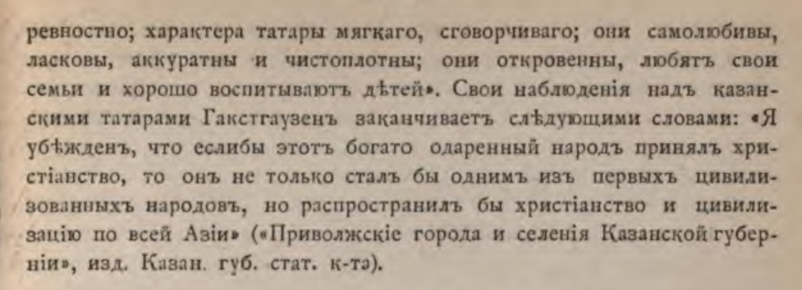
II. Населеніе города Казани. Стыдно сознаться, что Казань до сихъ поръ не знаетъ болѣе или менѣе точной цифры своего населенія, такъ какъ не можетъ собраться сдѣлать однодневной переписи его, хотя вопросъ о ней уже много лѣтъ стоитъ у мѣстной думы на очереди. Въ силу этого, количество казанскаго народонаселенія показывается весьма различно. По полицейскимъ свѣдѣніямъ, оно достигаетъ 140 тысячъ человѣкъ. По даннымъ мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета (за 1890 годъ) оно составляетъ цифру 133,359 человѣкъ, по группамъ населенія распредѣляясь слѣдующимъ образомъ: потомственныхъ дво-

рянъ—3151 чел., личныхъ дворянъ—3015 чел.; духовенства: православнаго бѣлаго—743 ч., чернаго—259 ч., другихъ христіанскихъ исповѣданій 6 чел., магометанскаго исповѣданія—164 ч., почетныхъ гражданъ—1784 ч., купцовъ—5672 ч., мѣщанъ—49870 ч., цеховыхъ—7907 ч., крестьянъ—30,858 ч., войска—508 ч., отставныхъ военныхъ и другихъ лицъ—24,849 чел.,

Въ религіозномъ отношеніи самую значительную группу казанскаго населенія составляютъ, конечно, православные—$^{4}/_{5}$ всего населёнія города; за ними слѣдуютъ мусульмане—до 16 тыс. чел., старообрядцы (главнымъ образомъ такъ назыв. австрійскаго священства)—ок. 7 тыс. чел., евреи до $2^{1}/_{2}$ тыс. чел., католики до 3 тыс. чел., лютеране ок. 1 тыс. чел. и т. д.

Изъ пестраго, по составу, населенія Казани,—читаемъ мы въ одномъ изъ изданій мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета,—представляютъ особый интересъ татары. Они не живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, но населяютъ двѣ особыя слободы,—Старую и Новую Татарскія,—въ южной, самой низменной части города, ближе къ Волгѣ. Съ внѣшней стороны эту часть города отличаютъ своеобразный типъ домовъ (большею частью деревянныхъ), весьма характерный, чисто азіатскій, татарскій рынокъ и мечети, которыхъ насчитывается здѣсь тринадцать. Кромѣ довольно красивыхъ главной и Азимовской мечетей, остальныя казанскія мечети въ архитектурномъ отношеніи довольно неуклюжи: это длинныя двухъ-этажныя каменныя зданія, съ минаретомъ по серединѣ; въ большей части мечетей въ нижнемъ этажѣ устроены лавки или жилыя помѣщенія, а верхній этажъ предназначается для общественныхъ моленій. На татарскомъ рынкѣ (близь Сѣнной площади) всегда встрѣтите вы группы татаръ или ведущихъ торговыя сдѣлки и разговоры, или праздно разгуливающихъ и сообщающихъ другъ другу вѣсти и новости. Каждый татаринъ на базарѣ и ярмаркѣ всегда бываетъ оживленъ, такъ какъ то

татаръ. Каждый изъ нихъ, при продажѣ всякаго предмета,
венно запрашиваетъ въ два и три раза выше стоимости и на
свой товаръ «удивительнымъ», «восхитительнымъ» и другими
тами. Кромѣ татаръ—мелочниковъ, старьевщиковъ и мелкихъ
никовъ, на татарскомъ базарѣ и другихъ бойкихъ торговыхъ п
можно встрѣтить мѣстныхъ татаръ—капиталистовъ, заводчико
мерсантовъ и крупныхъ торгашей. Ихъ легко узнать потому,
любятъ разъѣзжать на кровныхъ, раскормленныхъ жеребцахъ,
рогихъ мерлушковыхъ шапкахъ, прикрывающихъ вышитыя зо
тюбитейки. Среди богатыхъ татаръ главный интересъ сост
также торговля, но бываютъ сужденія и разговоры о городс
другихъ дѣлахъ, такъ какъ богатые мусульмане, движимые ч
біемъ, любятъ состоять городскими и земскими гласными. Уча
таръ въ общественныхъ дѣлахъ большею частію носитъ узкій
теръ, потому что между ними почти нѣтъ людей образованны
въ свою очередь, есть прямое слѣдствіе того, что всѣ казанскіе
мане игнорируютъ учебными заведеніями: ихъ дѣтей вы только
рѣдко встрѣтите и въ гимназіяхъ, и въ реальномъ училищѣ
университетѣ. Домашняя жизнь казанскихъ татаръ, къ сож
почти не изслѣдованная, вслѣдствіе вліянія магометанства и д
причинъ, оригинальна и богата своеобразными, трудно объясн
особенностями. Не безъинтересенъ отзывъ о казанскихъ т



ревностно; характера татары мягкаго, сговорчиваго; они самолюбивы, ласковы, аккуратны и чистоплотны; они откровенны, любятъ свои семьи и хорошо воспитываютъ дѣтей». Свои наблюденія надъ казанскими татарами Гакстгаузенъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Я убѣжденъ, что еслибы этотъ богато одаренный народъ принялъ христіанство, то онъ не только сталъ бы однимъ изъ первыхъ цивилизованныхъ народовъ, но распространилъ бы христіанство и цивилизацію по всей Азіи» («Приволжскіе города и селенія Казанской губерніи», изд. Казан. губ. стат. к-тэ).

Повѣривъ на-слово свѣдѣніямъ о количествѣ казанскаго народонаселенія, укажемъ, что за послѣднее пятидесятилѣтіе возростаніе населенія г. Казани совершается довольно быстро, но—на счетъ пришлаго элемента, такъ какъ, начиная еще съ конца прошедшаго столѣтія, констатировалось, и оффиціальными и неоффиціальными данными, постоянное и неумолимое превышеніе здѣсь смертности надъ рождаемостью, что всегда объяснялось неудовлетворительными санитарными условіями города, давшими одному изъ мѣстныхъ публицистовъ 40-хъ годовъ основаніе назвать Казань „кладбищемъ для являющагося сюда уѣзднаго населенія". Дѣйствительно, изъ дошедшихъ до насъ статистическихъ данныхъ мы убѣждаемся, что численность казанскаго населенія съ 1817 по 1840 годъ падала, и только съ этого послѣдняго года начинаетъ быстро возростать, что, повидимому, продолжается и понынѣ. Въ 1817 г. въ Казани числилось до 40 тыс. жителей только православнаго исповѣданія, такъ что, принимая въ соображеніе мусульманъ и другихъ иновѣрцевъ, общее число казанскихъ обывателей должно быть повышеннымъ по крайней мѣрѣ до 50 тыс. человѣкъ. 23 года спустя, въ 1840 г., здѣсь

стигаетъ почтенной цифры 140 тыс. человѣкъ.

III. Административное значеніе и полицейское ус... ство города. Рядъ находящихся въ г. Казани окруж... управленій ставятъ этотъ городъ въ число важнѣ... административныхъ центровъ Россіи и даютъ ему в... щееся положеніе на европейско-русскомъ востокѣ. ... но, не всѣ казанскія окружныя управл... простираютъ свое вѣданіе на пространство одного ... же территоріальнаго района, но три изъ нихъ (во... учебный и путей сообщенія) дѣйствительно охваты... собою почти весь русскій европейскій востокъ, со ... ченіемъ всего средняго и нижняго Приволжья и ... камья, за изъятіемъ губерній нижегородской, пер... уфимской и оренбургской—для первыхъ двухъ.

До-Петровская, Московская, Русь—не выработала админис... ной системы, которая могла бы быть поставлена въ паралле... ременной намъ окружно-административной системѣ, представ... собою продуктъ уже новаго времени. Каждый уѣздъ московска... дарства представлялъ собою самостоятельную и строго централ...

реніемъ Казани и возникаетъ въ Москвѣ центральный Приказъ Казанскаго Дворца (см. выше стран. 127 и 163), но это учрежденіе не сдѣлало г. Казани политическимъ центромъ края; понизовые и восточные города, подвѣдомственные этому приказу, знали (за исключеніемъ ближайшихъ казанскихъ пригородовъ) только его и по всѣмъ дѣламъ сносились съ этимъ приказомъ, минуя Казань. Поэтому наименованія: «Казанское царство», «великое государство Казанское»—являлись предикатами чисто формальными, оставаясь внѣ связи съ какою бы то ни было, болѣе или менѣе обширною, системою областной административной децентрализаціи.

Дѣйствительнымъ административнымъ центромъ обширнаго края явилась Казань по первому (1708 г.,—см. выше стран. 166 и слѣд.) петровскому раздѣленію Россіи на восемь, а затѣмъ, по второму, на десять (въ 1719 г.) губерній, когда, при первомъ раздѣленіи на губерніи—Казанская губернія захватила въ свой районъ 71 уѣздъ, простираясь отъ г. Юрьевца-Костромскаго до р. Урала, отъ вятскихъ предѣловъ до р. Терека, а по второму—включила въ себѣ нынѣшнія губерніи: казанскую, пензенскую, уфимскую, вятскую и часть пермской. Въ 1781 г., въ силу «Учрежденія о губерніяхъ» 1775 г., образовано было Казанское намѣстничество, включившее въ себѣ губерніи (того времени) казанскую, пензенскую и саратовскую, т. е. опять таки весьма обширный территоріальный районъ, но это намѣстничество было уже въ 1792 г. упразднено и Казанская губернія (почти въ настоящемъ составѣ ея) становится самостоятельною административною единицею, каковою достается въ наслѣдіе XIX вѣку, за исключеніемъ двухъ временныхъ генералъ-губернаторствъ, учрежденныхъ здѣсь въ видѣ мѣръ исключительнаго характера (см выше стран. 176).

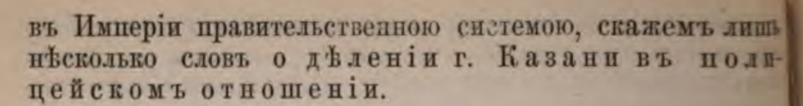
Въ настоящее время въ г. Казани сосредоточены слѣдующія центральныя управленія, образующія непосредственно подчиненныя соотвѣтствующимъ министерствамъ самостоятельные административные окр...

1) Учебный округъ,—старѣйшій из...
возникшій вслѣдъ за учрежденіемъ (въ 1805

скаго университета, которому, съ его попечителемъ
главѣ, ввѣрено было вѣданіе всѣхъ учебныхъ заведен
и учебнаго дѣла во всемъ общирномъ восточномъ райо
До второй половины 20-хъ годовъ казанскіе попечите
управляли университетомъ и округомъ изъ Петербур
и только со вступленіемъ въ эту должность Мусин
Пушкина (1826 г.) резиденціею ихъ становится уже г
родъ Казань. До учрежденія оренбургскаго и запад
сибирскаго учебныхъ округовъ и до перечисленія пенз
ской губерніи къ округу харьковскому, районъ каза
скаго учебнаго округа былъ несравненно общирнѣе н
нѣшняго, хотя этотъ огромный округъ и до настояща
времени включаетъ въ себѣ губерніи: казанскую, вя
скую, симбирскую, самарскую, саратовскую и астраха
скую. Съ историческимъ очеркомъ учебныхъ заведен
г. Казани и съ нынѣ существующими здѣсь образов
тельными учрежденіями мы въ своемъ мѣстѣ уже позн
комились (см. выше стран. 264 и слѣд.)

2) Военный округъ, учрежденный въ 1864 го
и сосредоточившій въ себѣ управленіе воинскою част
на пространствѣ губерній: казанской, вятской, симби
ской, пензенской, самарской, саратовской, астраханск
Букеевской киргизской орды и областей Уральской
Тургайской. Управленіе округомъ концентрируетъ цѣл
систему отдѣльныхъ учрежденій: окружный военный с
вѣтъ, окружный штабъ; окружныя управленія: интендан
ское, артиллерійское, инженерное, военно-медицинск
военно-окружный судъ, управленіе пороховаго завод
военно-учебныя заведенія (въ Казани юнкерское пѣхо
ное училище) и нѣкот. др.

3) Округъ путей сообщенія (учрежденъ
1881 году), вѣдающій въ техническомъ и судоходно-ин



въ Имперіи правительственною системою, скажемъ лишь нѣсколько словъ о дѣленіи г. Казани въ полицейскомъ отношеніи.

Только въ половинѣ XVIII столѣтія принимаются у насъ мѣры къ устройству въ провинціальныхъ городахъ полиціи, но мѣры эти явились крайне примитивными, да и самое устройство во всѣхъ городахъ полицейскихъ управленій представляется фактомъ болѣе, нежели сомнительнымъ. Первыя мѣропріятія къ сколько нибудь правильному устройству полиціи въ г. Казани относятся лишь къ самому концу прошедшаго столѣтія, когда, въ 1796 году, состоялся указъ «объ учрежденіи въ г. Казани полиціи», съ раздѣленіемъ города въ полицейскомъ отношеніи на 2, а слѣдомъ за тѣмъ на 3 части и съ назначеніемъ опредѣленныхъ штатовъ для чиновъ и служителей полицейскаго управленія. Въ началѣ текущаго столѣтія казанское полицейское управленіе помѣщалось на Покровской улицѣ, противъ дома Свіяжскаго подворья, и только въ 30-хъ годахъ было перемѣщено въ нынѣшнее помѣщеніе свое на Воскресенской ул., въ купленный городомъ для этой цѣли домъ помѣщицы Родіоновой; при полицейскихъ частяхъ имѣлись «съѣзжіе дома», а на четырехъ городскихъ выѣздахъ находились «кордегардіи» для полицейскаго надзора за прибывающими въ городъ и выѣзжающими изъ него. Въ общемъ, организація въ Казани полиціи представлялась вплоть до 60-хъ годовъ въ высшей степени неудовлетворительною; чины ея близко подходили къ извѣстнымъ гоголевскимъ полицейскимъ типамъ, а по улицамъ города открытые грабежи и вооруженныя нападенія являлись дѣломъ на столько обыкновеннымъ, что позднимъ вечеромъ представлялось небезъопаснымъ ходить даже по центральнымъ улицамъ города. Въ теченіи 20-хъ—50-хъ годовъ видимъ мы рядъ правительственныхъ мѣръ (1825, 1831, 1845, 1852 гг.) къ лучшему устройству полиціи въ Казани, наличныя силы которой въ 50-хъ годахъ подкрѣплялись присылавшимися въ помощь ей оренбургскими и уральскими казачьими командами. Только въ маѣ 1863 года открыты въ г. Казани городское и уѣздное

Пятая часть (управленіе на Плетене
д. № 15) обнимаетъ собою Плетени (Закабан
Татарскія слободы—старую и новую.

Шестая часть (управленіе въ Адми
слободѣ, по Большой ул., д. № 14) состав
всей Адмиралтейской слободы и слободъ К
Кизьей, Гривки, Ягодной и Игумновыхъ; въ
части вѣдается и пристань р. Волги.

Пожарныя команды, кстати сказать, образцово
въ Казани и содержаніе которыхъ стоитъ городу до бо
(содержаніе всей полиціи обходится ему до 105 тыс. р.),
всѣхъ частяхъ, за исключеніемъ третьей, учрежденной
недавно и ютящейся даже въ наемномъ помѣщеніи; въ
время на лѣтней пристани р. Волги содержится отдѣлені
ной команды шестой части.

IV. Торгово-промышленное состояніе горо
бы казанцевъ на прогрессивный упадокъ торгов
ленной жизни ихъ города сдѣлались положит
диціонными и въ особенно минорномъ тонѣ р
въ столь недавнюю еще, пору усиленныхъ хо
соединеніи г. Казани рельсовымъ путемъ съ об
желѣзныхъ дорогъ, породивъ даже цѣлую
мѣстную литературу по этому вопросу. Хот
жалобахъ и есть значительная доля справедливо
въ общемъ, должны быть признаны преуве
хотя, помимо общихъ промышленно-экономиче
зисовъ, которые, въ особенности за послѣднее д
переживала Казань наряду съ остальною Россіе
кающее пятидесятилѣтіе были и чисто-мѣстны
способствовавшіе пониженію уровня торгово-про
го состоянія этого города.

Первымъ изъ этихъ факторовъ явилось учрежденіе
Золгѣ и Камѣ правильнаго пассажирскаго и гру-
заго пароходства, которое съ 40-хъ годахъ теку-
го столѣтія, выйдя изъ прежнихъ рамокъ опыта и
кихъ начинаній, начинаетъ (съ 1843 года, когда, съ
ичтоженіемъ привиллегіи Берду, право пароходства пре-
тавлено было всѣмъ желающимъ) становиться на путь
рокаго развитія своего; въ 1843 г. возникаетъ „Обще-
о пароходства по Волгѣ", наряду съ нѣсколькими
оходными предпріятіями частныхъ лицъ; учреждаются
паніи пароходствъ: „Меркурій" (1849 г.), „Самолетъ"
53 г.), „Волжско-Камское" (1854 г.), „Нептунъ",
ужина" и „Вулканъ" (1858 г.) и т. д. Быстрое раз-
іе пароходнаго дѣла на Волгѣ должно было поколе-
ь промышленно-торговый строй Казани, слагавшійся
десятилѣтіями, а вѣками, не въ меньшей степени
внительно съ тою позднѣйшею порою, когда берега
ги и Камы впервые огласились свистками желѣзнодо-
кныхъ паровозовъ. Бывшая раньше истиннымъ цент-
ъ Поволжья,—положеніе, обусловленное отдаленностью
я отъ столицъ и отсутствіемъ нынѣшнихъ усовер-
нствованныхъ путей сообщенія,—Казань являлась
адочнымъ и передаточнымъ пунктомъ для всей волжско-
ской, сѣверной и сибирской торговли; Казань являлась
ту пору истинною „столицею" русскаго востока, въ
орой концентрировались его интересы и промышленно-
номическіе, и интеллектуальные, и общественные; Ка-
ь была въ ту пору такимъ же „окномъ въ Азію",
овымъ явился и Петербургъ по отношенію къ Европѣ.
звитіе пароходства на Волгѣ и Камѣ нанесло первый
ръ этому выдающемуся положенію Казани востокѣ

Теперь, когда взамѣнъ прежняго томительнаго гужеваго дв
нія грузовъ и еще болѣе томительнаго, да и сопряженнаго съ цѣ
рядомъ опасностей, бурлаческаго передвиженія ихъ, причемъ
долю Казани выпадала выдающаяся роль передаточнаго этапа между
бирью, Понизовьемъ и остальною Россіею, стали передвигаться по В
пароходные караваны, проторившіе себѣ удобный, прямой, дешев
безопасный путь отъ Рыбинска и Нижняго до Астрахани и Пер
тогда Казань впервые почуствовала, видя тянущіяся мимо нее съ
скихъ низовьевъ и отъ отроговъ Урала вереницы груженыхъ су
покорно двигающіяся за сильнымъ пароходомъ и останавливаю
передъ нею развѣ только для того, что бы запастись топливо
продовольствіемъ, что почва «окна въ Азію» начинаетъ ускользат
подъ ея ногъ.... Это былъ первый промышленно-торговый кри
выпавшій на долю Казани и о которомъ сохранилось до насъ въ
шей степени компетентное свидѣтельство: «Издавна Казань,—п
въ половинѣ 40-хъ годовъ нашъ извѣстный экономистъ, въ то в
профессоръ казанскаго университета, Горловъ,—славилась собствен
произведеніями и какъ складочное мѣсто для товаровъ востока.
ярмарки, кромѣ русскихъ купцовъ, пріѣзжали и многіе восто
Положеніе при Волгѣ доставляло Казани много выгодъ и дѣлало
нея примѣчательное мѣсто. И въ настоящее время въ ней встрѣч
много фабрикъ и заводовъ, изъ которыхъ мыльные, китаечные,
ные, кожевенные—пользуются обширною и прочною славою». Но у
то время начали раздаваться жалобы на паденіе мѣстной производи
ности: «Заводчики наши стали жаловаться,—продолжаетъ проф.
ловъ,—на упадокъ ихъ занятій; хотя,—оговаривается онъ,—на эт
и не имѣемъ точныхъ доказательствъ, однако едва ли не должн
пустить сего положительно, потому что, по выдѣлкѣ разныхъ пр
товъ, многія мѣста вступили съ Казанью въ опасное соперничес
Это уже въ то время «опасное соперничество» теперь, съ про
ніемъ обошедшихъ Казань рельсовыхъ путей на волжскія низо
въ Сибирь и съ строющимися таковыми же желѣзными дорогам
сѣверъ—является для Казани прямо гибельнымъ. То, что профес
Горловъ считалъ для своей эпохи возможнымъ «допустить пол

тельно»—становится для насъ уже исторически-несомнѣннымъ въ виду краснорѣчиваго языка цифръ. Начало 40-хъ годовъ, т. е. какъ разъ начальная эпоха интенсивнаго развитія волжско-камскаго пароходства, приведшаго это послѣднее отъ четырехъ пароходовъ, плававшихъ по волжскому бассейну въ половинѣ 30-хъ годовъ, до 194-хъ пароходовъ, рейсировавшихъ въ немъ въ 1859 г., и до 1055 пароходовъ, числившихся въ немъ въ 1893 г., явилось рубежемъ, начиная отъ котораго подмѣчается быстрый регрессъ въ промышленно-торговой жизни Казани.

Обратимся же къ цифрамъ. Въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ, именно въ 1839 г., въ Казани было торгующихъ по свидѣтельствамъ: 1-й гильдіи—14 чел., 2-й гильдіи—42 чел., 3-й гильдіи—251 чел. (торговля по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ не показана), всего —307 гильдейскихъ торговцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ эта цифра начинаетъ падать: гильдейскихъ торговцевъ видимъ: въ 1844 г.—всего 281 чел. (1-й гильдіи—12, 2-й г.—46, 3-й г.—223 чел.), въ 1845 г.—230 чел. (1-й гильдіи—7, 2-й г.—40, 3-й г.—183 чел.). Тоже самое и съ количествомъ фабрикъ и заводовъ: въ 1839 г. ихъ числилось въ Казани 191, въ 1844 г.—166, въ 1845 г.—171 (временное увеличеніе), въ 1854—всего 139, въ 1857 г.—уже только 127 (съ общею суммою производства въ 3,115,000 р.). Прогрессивно падало и количество мѣстъ торговли: въ 1839 году въ Казани числилось 1693 лавки, въ 1843 г. только 1407, въ 1845 г.—всего 1081, при общемъ торговомъ оборотѣ города въ 7,014,173 р., изъ которыхъ, кромѣ хлѣба, важнѣйшими предметами торговли были: чай (3,300,000 р.), кофе (570 т. р.), сукна (501 т. р.), красный товаръ и сахаръ (по 400 т. р.) желѣзо (180 т. р.), рыба (135 т. р.), медъ (130 т. р.), мыло (138 т. р.), воскъ (120 т. р.), пушной товаръ (119 т. р.) и т. д. Въ томъ же 1845 г. на волжскихъ пристаняхъ г. Казани грузились 938 судовъ, зимовало въ Казани 158, прошло мимо ея—4140 судовъ; общая цифра сплавленнаго изъ Казани въ томъ же году хлѣбнаго груза достигала 200 тыс. четвертей.

Ударъ торгово-промышленному состоянію г. Казани, нанесенный въ 40-хъ годахъ быстрымъ разви... съ паро-

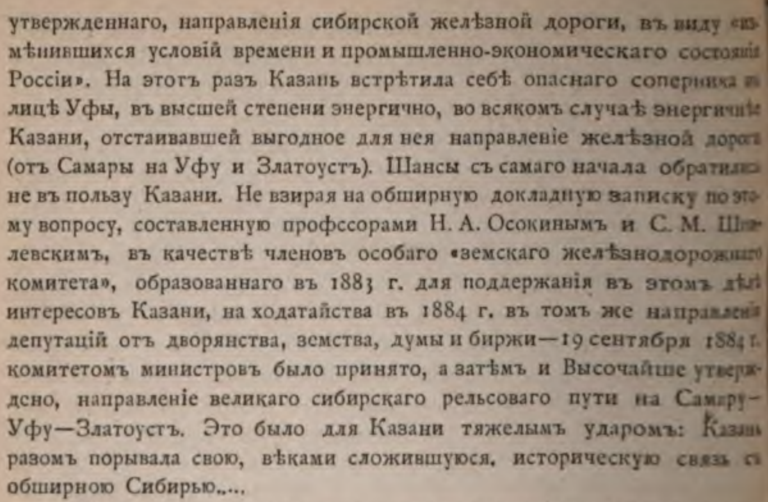
ходнаго дѣла, создавшимъ этому городу опасныхъ конкуррентовъ на Волгѣ, долженъ былъ, мало по малу, сгладиться въ своихъ результатахъ, тѣмъ болѣе, что то же развитіе пароходства облегчило казанской обработывающей промышленности какъ полученіе сырья, такъ и сбытъ своихъ фабрикатовъ. Казань все еще удержала, хотя, конечно, уже далеко не въ прежней степени, и свое историческое значеніе центра Поволжья и Прикамья, и значеніе передаточнаго пункта между Азіею и Европою. По прежнему, Казань являлась основнымъ средне- и нижне-волжскимъ центромъ хлѣбной и чайной торговли, причемъ въ области послѣдней, Казань вела обширные непосредственные обороты съ Китаемъ, въ области сырья и мануфактуры—съ Хивою, Бухарою и другими восточно-азіятскими владѣніями, являясь естественною посредницею ихъ на всероссійскомъ макарьевскомъ торжищѣ....

Но не долго суждено было Казани переживать отблески своей прежней торгово-промышленной славы и значенія. Съ 60-хъ годовъ Россія вступаетъ на путь оживленной, временами лихорадочной, желѣзнодорожной политики, быстро уничтожавшей прежнія представленія о времени и пространствѣ, измѣнявшей установившіеся пути и условія спроса и предложенія, создавшей новые рынки, преобразовавшей экономическую физіономію тѣхъ пространствъ, по которымъ прокладывались линіи вновь сооружаемыхъ рельсовыхъ путей. Въ 60-хъ годахъ рельсовый путь впервые коснулся р. Волги въ торгово-судоходной части ея, сначала—въ Нижнемъ Новгородѣ, затѣмъ—въ Рыбинскѣ. Но эти желѣзнодорожныя линіи могли представлять для Казани только выгоды, облегчая сообщенія ея съ столицами; опасность могла грозить для

Казани лишь съ той поры, когда рельсовые пути, обойдя ее, подойдутъ къ Волгѣ въ пунктахъ, расположенныхъ ниже камскаго устья. Эта роковая для Казани пора не заставила долго ждать себя: въ теченіи 70-хъ годовъ рельсовые пути, одинъ за другимъ, коснулись волжскаго побережья въ Саратовѣ, Сызрани, Царицынѣ, а одинъ изъ этихъ путей (моршанско-сызранскій) смѣло перебросился черезъ Волгу, направившись къ Оренбургу и вторично примкнувъ къ этой рѣкѣ у г. Самары. Къ первой половинѣ 70-хъ же годовъ относится и начало толковъ о направленіи будущаго великаго сибирскаго рельсоваго пути, къ которымъ Казань, по причинамъ весьма понятнымъ, далеко не могла оставаться равнодушною, но которые разрѣшились не въ ея пользу.

Казанскій желѣзнодорожный вопросъ имѣетъ свою, далеко небезъинтересную, исторію.

Извѣстно, что вопросъ о великой сибирской желѣзной дорогѣ, серьезно поставленный въ первую половину 70-хъ годовъ, очень долго дебатировался съ точки зрѣнія трехъ направленій этого рельсоваго пути: сѣвернаго, который долженъ былъ пролегать по сѣвернымъ пространствамъ европейской Россіи, оставивъ Казань къ югу отъ рельсоваго пути; средняго, пролегавшаго отъ Нижняго на Казань и Пермь, и южнаго—на Самару и Уфу. Само собою разумѣется, что Казань ратовала за среднее направленіе дороги, которое въ 1875 г. и было, къ великому ликованію казанцевъ, ознаменовавшихъ этотъ день обѣдомъ, украшеніемъ города флагами и иллюминаціею, утверждено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II. Возгорѣвшійся вслѣдъ за тѣмъ восточный вопросъ и война 1877—1878 гг. отложили осуществленіе начала работъ по сооруженію великой сибирской желѣзной дороги, и въ такомъ положеніи перешло дѣло къ началу 80-хъ годовъ, когда, въ ряду поставленныхъ на очередь вопросовъ внутренней политики, былъ выдвинутъ вопросъ и о пересмотрѣ Высочай



утвержденнаго, направленія сибирской желѣзной дороги, въ виду «измѣнившихся условій времени и промышленно-экономическаго состоянія Россіи». На этотъ разъ Казань встрѣтила себѣ опаснаго соперника въ лицѣ Уфы, въ высшей степени энергично, во всякомъ случаѣ энергичнѣе Казани, отстаивавшей выгодное для нея направленіе желѣзной дороги (отъ Самары на Уфу и Златоустъ). Шансы съ самаго начала обратились не въ пользу Казани. Не взирая на обширную докладную записку по этому вопросу, составленную профессорами Н. А. Осокинымъ и С. М. Шпилевскимъ, въ качествѣ членовъ особаго «земскаго желѣзнодорожнаго комитета», образованнаго въ 1883 г. для поддержанія въ этомъ дѣлѣ интересовъ Казани, на ходатайства въ 1884 г. въ томъ же направленіи депутацій отъ дворянства, земства, думы и биржи—19 сентября 1884 г. комитетомъ министровъ было принято, а затѣмъ и Высочайше утверждено, направленіе великаго сибирскаго рельсоваго пути на Самару—Уфу—Златоустъ. Это было для Казани тяжелымъ ударомъ: Казань разомъ порывала свою, вѣками сложившуюся, историческую связь съ обширною Сибирью.....

Теперь вопросъ сталъ уже на новую почву: оставалось усиленно ходатайствовать о соединеніи Казани съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ какомъ бы то ни было направленіи. Предвидя фатальное для Казани рѣшеніе вопроса о направленіи сибирской желѣзной дороги, профессоръ Н. А. Осокинъ еще раньше разработалъ и издалъ особой запискою проектъ соединенія Казани рельсовымъ путемъ съ г. Муромомъ, примкнувъ, такимъ образомъ, предполагаемый путь къ московско-нижегородской желѣзной дорогѣ; получивъ роковое извѣстіе объ утвержденіи направленія сибирской дороги въ смыслѣ, неблагопріятномъ для Казани, мѣстное дворянство, земство и городъ въ концѣ 1884 г. постановили, въ экстренныхъ засѣданіяхъ, ходатайствовать о соединеніи Казани съ Москвою въ какомъ бы то ни было направленіи, указавъ при этомъ на выработанное г. Осокинымъ казанско-муромское. Дѣло приняло, повидимому, благопріятный для Казани оборотъ и 2 сентября 1885 года состоялось Высочайшее повелѣніе о производствѣ техническихъ изысканій по этому направленію, а въ іюлѣ слѣдующаго года, проѣзжая мимо Казани, министръ путей сообщенія

[redacted]

К. Н. Посьетъ объявилъ представлявшимся ему на пароходѣ представителямъ дворянства, земства и города, что сооруженіе казанско-муромской желѣзной дороги поставлено министерствомъ на первую очередь. Тѣмъ не менѣе къ сооруженію этого рельсоваго пути не приступалось, и на многочисленныя ходатайства о томъ казанцевъ получался стереотипный отвѣтъ, что остановка вызывается общимъ кризисомъ и затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства, хотя въ то же время прокладывались другіе пути, а поставленная «на первую очередь» казанско-муромская желѣзная дорога все еще оставалось для Казани «журавлемъ въ небѣ». Въ самомъ концѣ 1890 года казанская городская дума дала своему дѣятельному и энергичному головѣ С. В. Дьяченко порученіе отправиться въ Петербургъ для личнаго ходатайства о скорѣйшемъ сооруженіи казанской желѣзной дороги, и въ концѣ зимы 1890—1891 г. получено было отъ г. Дьяченко изъ столицы извѣстіе, что въ подлежащихъ сферахъ возникло новое предположеніе о соединеніи Казани съ общею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Это—соединеніе Казани рельсовымъ путемъ съ Рязанью, которое поддерживалось министрами: финансовъ—И. А. Вышнеградскимъ, и путей сообщенія—С. Ю. Витте, и которое соглашалось принять на себя общество московско-рязанской желѣзной дороги на условіи отсрочки на извѣстное число лѣтъ выкупа этой послѣдней дороги въ казну, но съ правомъ строить новую линію по удлиненному направленію (792 версты), съ облегченными техническими условіями постройки и безъ моста черезъ р. Волгу. Казанской городской думѣ оставалось выбирать между «журавлемъ въ небѣ» и «синицею», почти находящеюся уже въ рукахъ; эта послѣдняя и была заполучена въ лицѣ нынѣ функціонирующей московско-казанской желѣзной дороги. Въ апрѣлѣ 1891 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія комитета министровъ о сооруженіи казанско-рязанской желѣзной дороги на условіяхъ, предложенныхъ обществомъ московско-рязанской дороги, переименовавшимся въ общество «московско-казанской ж. д.». Лѣтомъ того же года приступлено къ работамъ по ея сооруженію, а въ декабрѣ 1893 г. уже открыто движеніе по участку дороги отъ Свіяжска (с. Вязовые, на правомъ берегу Волги) до Рязани и Москвы 15 іюня

1894 года послѣдовало открытіе движенія и по заволжскому участ[ку]
линіи (отъ станціи Зеленый Долъ, на лѣвомъ берегу Волги, до го[р.]
Казани). Обрадованный послѣдовавшимъ, такъ или иначе, разрѣше[ні]емъ безконечнаго желѣзнодорожнаго вопроса своего, городъ Каза[нь]
субсидировалъ общество московско-казанской жел. дороги 300 ты[с.]
рублей въ возмѣщеніе затратъ его по устройству станціи и, нынѣ со[-]
оруженнаго, большаго вокзала въ самомъ городѣ, взамѣнъ одной из[ъ]
пригородныхъ слободъ, гдѣ станція первоначально была намѣчена.

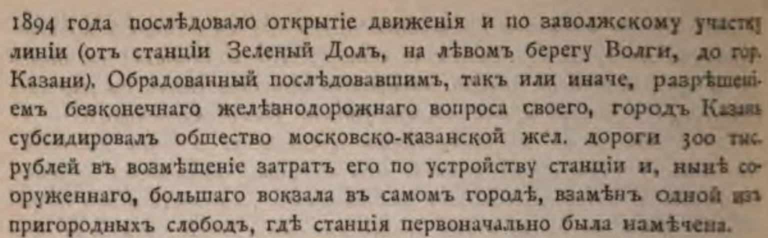
Такова исторія постройки казанско-рязанской желѣзной дорог[и],
въ видахъ на эксплоатацію заволжскаго участка которой (Волга—Ка[-]
зань) строители не ошиблись, отказавшись отъ постройки дорогого
(до 6 милл. р.) моста черезъ р. Волгу. Казань даетъ этой дорогѣ нич[-]
тожное количество грузовъ и только участокъ Алатырь—Рязань имѣ[-]
етъ значеніе съ точки зрѣнія эксплоатаціи этого упрощеннаго и уде[-]
шевленнаго рельсоваго пути.

Послѣднее пятнадцатилѣтіе явилось весьма тяже[-]
лымъ для Казани съ точки зрѣнія торгово-промышле[н]наго благосостоянія ея и жалобы мѣстныхъ промышле[н]никовъ и торговцевъ на затишье и даже застой въ [де]лахъ—не только не прекратились съ открытіемъ дви[же]нія по казанско-рязанской желѣзной дорогѣ, но чуть [ли]
даже не усугубились. Продолжительная изолированн[ость]
Казани отъ общей сѣти русскихъ желѣзныхъ дор[огъ],
создавшая ей замкнутость въ продолженіи всего до[лгаго]
ненавигаціоннаго времени года, въ то самое время, [какъ]
коснувшіеся Волги, ниже ея, рельсовые пути созд[али]
ей „опасныхъ конкуррентовъ“, на которыхъ еще въ [...]
годахъ указывалъ профес. Горловъ; затѣмъ долг[овре]мительность и неопредѣленность мѣстнаго желѣ[знодо]рожнаго вопроса, шедшія параллельно съ рядомъ [про]довольственно-экономическихъ кризисовъ 70-хъ и

годовъ — все это не могло не отозваться на фабр
заводской промышленности города и на его торгов
та и другая, въ особенности послѣдняя, ощутитель
образомъ упали за десятилѣтіе 1883—1893 годовъ

Десятилѣтіе 1883—1893 гг. выразилось въ области фабр
заводской промышленности если и не регрессомъ то, во в
случаѣ, положительнымъ застоемъ. Факты—на лицо. Въ 1857 г
оставили (см. выше) эту область торгово-промышленной жизни
зани съ 127-ю фабриками и заводами, производившими на 3,11
Въ теченіи слѣдующихъ двадцати лѣтъ общая производите
казанскихъ фабрикъ и заводовъ почти утроилось, достигнувъ
году цифры 8,193,930 р., но въ слѣдующее пятнадцатилѣтіе
1883 гг.) она возросла весьма слабо, выразившись къ 1883 г.
9.494,181 р. (приростъ на 1,300,251 р.), а самое количество ф
и заводовъ упало съ 127-ми, имѣвшихся въ 1857 г., до 95-ти,
шихся въ 1883 году. Слѣдующее десятилѣтіе явилось уже пе
регресса: въ 1893 г. болѣе или менѣе значительныхъ фабрик
водовъ видимъ мы въ Казани 83, съ производствомъ въ 8,737
если мы прибавимъ къ этому мелкіе фабрично-заводскія завед
принимавшіяся въ расчетъ въ вышеприведенныхъ цифрахъ (
101 заведеніе съ производствомъ всего въ 58,316 р.), то и въ
случаѣ получимъ общую цифру производства только въ 8,795
дающую намъ недочетъ почти въ 700 тыс. р., сравнительно съ
1883 года....

Но еще рельефнѣе выразилось паденіе экономической жи
Казани въ его торговлѣ, иллюстрируясь количествомъ выбир
торговыхъ свидѣтельствъ. Въ 1845 г. видѣли мы въ Казани 23
торговавшихъ по гильдейскимъ свидѣтельствомъ (количество
тельствъ на мелочной торгъ не показано), именно: по перв
діи—7, второй—40, третьей—183. Почти за 50 лѣтъ времен
1893 гг.) общее число торгующихъ по гильдейскимъ свидѣт
возросло менѣе, нежели второе, выразившись къ 1893 году



1894 года послѣдовало открытіе движенія и по заволжскому участку линіи (отъ станціи Зеленый Долъ, на лѣвомъ берегу Волги, до гор. Казани). Обрадованный послѣдовавшимъ, такъ или иначе, разрѣшеніемъ безконечнаго желѣзнодорожнаго вопроса своего, городъ Казань субсидировалъ общество московско-казанской жел. дороги 300 тыс. рублей въ возмѣщеніе затратъ его по устройству станціи и, нынѣ сооруженнаго, большаго вокзала въ самомъ городѣ, взамѣнъ одной изъ пригородныхъ слободъ, гдѣ станція первоначально была намѣчена.

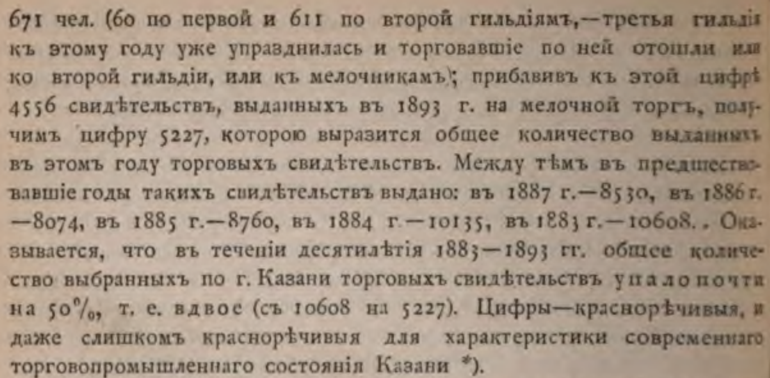
Такова исторія постройки казанско-рязанской желѣзной дороги, въ видахъ на эксплоатацію заволжскаго участка которой (Волга—Казань) строители не ошиблись, отказавшись отъ постройки дорогаго (до 6 милл. р.) моста черезъ р. Волгу. Казань даетъ этой дорогѣ ничтожное количество грузовъ и только участокъ Алатырь—Рязань имѣетъ значеніе съ точки зрѣнія эксплоатаціи этого упрощеннаго и удешевленнаго рельсоваго пути.

Послѣднее пятнадцатилѣтіе явилось весьма тяжелымъ для Казани съ точки зрѣнія торгово-промышленнаго благосостоянія ея и жалобы мѣстныхъ промышленниковъ и торговцевъ на затишье и даже застой въ дѣлахъ—не только не прекратились съ открытіемъ движенія по казанско-рязанской желѣзной дорогѣ, но чуть ли даже не усугубились. Продолжительная изолированность Казани отъ общей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, создавшая ей замкнутость въ продолженіи всего долгаго ненавигаціоннаго времени года, въ то самое время, какъ коснувшіеся Волги, ниже ея, рельсовые пути создавали ей „опасныхъ конкуррентовъ", на которыхъ еще въ 50-хъ годахъ указывалъ профес. Горловъ; затѣмъ долгая томительность и неопредѣленность мѣстнаго желѣзнодорожнаго вопроса, шедшія параллельно съ рядомъ продовольственно-экономическихъ кризисовъ 70-хъ и 80-хъ

одовъ — все это не могло не отозваться на фабрично-
аводской промышленности города и на его торговлѣ: и
а и другая, въ особенности послѣдняя, ощутительнымъ
бразомъ упали за десятилѣтіе 1883—1893 годовъ.

Десятилѣтіе 1883—1893 гг. выразилось въ области фабрично-заводской промышленности если и не регрессомъ то, во всякомъ лучаѣ, положительнымъ застоемъ. Факты—на лицо. Въ 1857 году мы ставили (см. выше) эту область торгово-промышленной жизни г. Казани съ 127-ю фабриками и заводами, производившими на 3,115,000 р. ъ теченіи слѣдующихъ двадцати лѣтъ общая производительность азанскихъ фабрикъ и заводовъ почти утроилось, достигнувъ къ 1878 оду цифры 8,193,930 р., но въ слѣдующее пятнадцатилѣтіе (1878—883 гг.) она возросла весьма слабо, выразившись къ 1883 г. цифрою .494,181 р. (приростъ на 1,300,251 р.), а самое количество фабрикъ заводовъ упало съ 127-ми, имѣвшихся въ 1857 г., до 95-ти, оказавшихся въ 1883 году. Слѣдующее десятилѣтіе явилось уже періодомъ егресса: въ 1893 г. болѣе или менѣе значительныхъ фабрикъ и заодовъ видимъ мы въ Казани 83, съ производствомъ въ 8,737,183 р.; :ли мы прибавимъ къ этому мелкіе фабрично-заводскія заведенія, не ринимавшіяся въ расчетъ въ вышеприведенныхъ цифрахъ (именно ›1 заведеніе съ производствомъ всего въ 58,316 р.), то и въ этомъ лучаѣ получимъ общую цифру производства только въ 8,795,499 р., ающую намъ недочетъ почти въ 700 тыс. р., сравнительно съ цифрою 883 года...

Но еще рельефнѣе выразилось паденіе экономической жизни г. Казани въ его торговлѣ, иллюстрируясь количествомъ выбираемыхъ орговыхъ свидѣтельствъ. Въ 1845 г. видѣли мы въ Казани 230 лицъ, орговавшихъ по гильдейскимъ свидѣтельствомъ (количесво свидѣтельствъ на мелочной торгъ не показано), именно: по первой гильдіи—7, второй—40, третьей—183. Почти за 50 лѣтъ времени (1845—893 гг.) общее число торгующихъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ озросло менѣе, нежели второе, выразившись къ 1893 году въ цифр...



671 чел. (60 по первой и 611 по второй гильдіямъ,—третья гильдія къ этому году уже упразднилась и торговавшіе по ней отошли или ко второй гильдіи, или къ мелочникамъ); прибавивъ къ этой цифрѣ 4556 свидѣтельствъ, выданныхъ въ 1893 г. на мелочной торгъ, получимъ цифру 5227, которою выразится общее количество выданныхъ въ этомъ году торговыхъ свидѣтельствъ. Между тѣмъ въ предшествовавшіе годы такихъ свидѣтельствъ выдано: въ 1887 г.—8530, въ 1886 г. —8074, въ 1885 г.—8760, въ 1884 г.—10135, въ 1883 г.—10608. Оказывается, что въ теченіи десятилѣтія 1883—1893 гг. общее количество выбранныхъ по г. Казани торговыхъ свидѣтельствъ упало почти на 50%, т. е. вдвое (съ 10608 на 5227). Цифры—краснорѣчивыя, и даже слишкомъ краснорѣчивыя для характеристики современнаго торговопромышленнаго состоянія Казани *).

Современное состояніе фабрично-заводской промышленности г. Казани выражается (по всеподданѣйшему отчету г. казанскаго губернатора) слѣдующими цифровыми данными. Изъ 83-хъ болѣе или менѣе значительныхъ казанскихъ фабрикъ и заводовъ, представляющихъ сумму производства въ 8,737,183 рубля, обрабатываютъ продукты: животные—34 (сумма производства 4,839,858 р.), полевые—23 (3,400,202 р.), древесные—7 (155,445 р.), ископаемые—5 (63,025 р.), металлы—7 (135,565 р.), смѣшанные—7 (143,083 р.); общее число рабочихъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ—5846 чел. Изъ 101 мелкихъ фабрично-заводскихъ заведеній, съ производствомъ въ 58,316 рублей, обработываютъ продукты: животные — 11 (сумма производства 6800 р.), полевые—59 (35,576 р.), древесные—7 (5020 р.), ископаемые—2 (1850 р.), металлы—21 (8570 р.), смѣшанные—1 (500 р.); общее число рабочихъ—370 человѣкъ **).

---

*) Вышеприведенныя цифры взяты изъ печатныхъ «Приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ» по губерніи гг. казанскихъ губернаторовъ.

**) Классификація всеподданнѣйшаго отчета, изъ котораго и взяты эти цифровыя данныя.

Разсмотримъ теперь преобладающія въ гор. Казани фабрично-заводскія производства. На первомъ планѣ долженъ быть поставленъ 1 стеариново-мыловаренный заводъ (бр. Крестовниковыхъ), съ суммою производства въ 3,783,000 р., при 1600 рабочихъ. Затѣмъ слѣдуютъ: 2 паровыя мельницы—съ 1,400,063 р. производ. и 254 раб; 14 кожевенныхъ заводовъ—съ 632,545 р. произв. и 376 раб.; 1 льнопрядильный заводъ (насл. Алафузова)—съ 500,000 р. произв. и 1902 раб.; 1 водяная мельница (городская)—съ 483,017 р. производ. и 78 рабоч.; 2 водочныхъ завода—съ 314,675 р. производ. и 173 раб.; 1 китаечно-кумачная фабрика—съ 212,000 р. произв. и 105 раб.; 2 пиво-медоваренныхъ завода—съ 203,793 р. произв. и 118 раб.; 3 воскосвѣчныхъ завода—съ 181,133 р. произв. и 27 раб.; 3 скорняжныхъ заведенія—съ 123,220 р. произв. и 152 раб.; 2 табачныхъ фабрики—съ 81,450 руб. произв. и 35 раб.; 6 мыловаренныхъ заводовъ—съ 76,300 р. произв. и 38 раб.; 2 чугунно-мѣдно-литейныхъ завода—съ 74,600 р. производ. и 100 раб. и т. д. *)

Ярмарка бываетъ въ г. Казани лишь одна—это такъ называемая «весенняя биржа» (на Булакѣ, подъ крѣпостью), продолжающаяся съ 1 мая по 1 іюня, съ привозомъ товаровъ (посуда фарфоровая, фаянсовая, хрустальная и стеклянная, сарпинки, деревянныя издѣлія, кустарныя производства, игрушки, среднеазіатскіе товары, екатеринбургскія каменныя издѣлія, галантерейные товары, фрукты и т. п.) до 470,000 р. и съ продажею до 315,000 руб. Но за то въ губерніи имѣются двѣ весьма важныя въ Поволжьи ярмарки: желѣзная караванная, въ г. Лаишевѣ (съ 28 мая по 11 іюня), съ привозомъ свыше 4 милл. рубл., и лѣсная въ г. Козмодемьянскѣ (съ 5 іюня по 15 іюля), съ привозомъ до 900 тыс. рублей.

Само собою разумѣется, что паденіе экономическаго значенія и торгово-промышленнаго состоянія Казани, ламентаціи по поводу котораго если часто и являются

*) Тотъ же источникъ.

преувеличенными, то, тѣмъ не менѣе, должны во многихъ случаяхъ быть признаны имѣющими за собою серьезныя основанія, не можетъ не безпокоить лицъ, заинтересованныхъ въ судьбахъ города. И нельзя сказать, что бы у казанцевъ не было въ томъ направленіи горячихъ пожеланій. Одно изъ этихъ пожеланій, осуществленіе котораго уже издавна преслѣдовалось ими на-ряду съ пожеланіями и домогательствами относительно желѣзной дороги — это мечтанія о бухтѣ (рѣчномъ портѣ), съ каналомъ къ нему отъ р. Волги,—сооруженіи, которое приблизило бы къ городу Волгу, перенеся ея пароходныя пристани къ самой чертѣ его. Много радужныхъ надеждъ возлагалось казанцами на эту волжскую „бухту", много переговорено рѣчей и исписано бумаги по поводу ея, не разъ возбуждались и ходатайства объ ея сооруженіи; были даже моменты (въ 1873 и 1886 гг.), когда мечтанія казанцевъ о бухтѣ уже готовы были, казалось, осуществиться, но въ настоящее время вопросъ объ ней сталъ, съ проведеніемъ казанско-рязанской желѣзной дороги, на почву, близкую къ положенію совершенной безнадежности.

Вопросъ о сооруженіи у г. Казани бухты, съ каналомъ къ ней отъ р. Волги, трактовался, конечно въ примитивной формѣ своей, еще въ 50-хъ годахъ, но въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ возникъ лишь въ началѣ 70-хъ годовъ. Онъ въ этой формѣ поднятъ былъ въ ту пору нѣкіимъ И. Шмаковымъ, издавшимъ въ 1872 г. брошюру подъ заглавіемъ: «Необходимое объясненіе по поводу проекта канала и бухты въ г. Казани». Еще въ 1870 г., пріѣхавъ въ Казань, г. Шмаковъ выражалъ удивленіе, что Казань отстоящая отъ р. Волги въ семи верстахъ, не соединена съ нею каналомъ; при этомъ онъ заявилъ свои предположенія объ устройствѣ въ Казани порта и

канала отъ р. Волги. Вслѣдъ за тѣмъ г. Шмаковъ обратился съ заявленіемъ къ предсѣдателю казанскаго отдѣленія общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, г. Крестовникову, и, получивъ отъ послѣдняго необходимыя средства, произвелъ нивелировку и представилъ на обсужденіе отдѣленія выработанный имъ проэктъ порта и канала, послѣ чего проэктъ этотъ и былъ переданъ въ казанскую городскую думу.

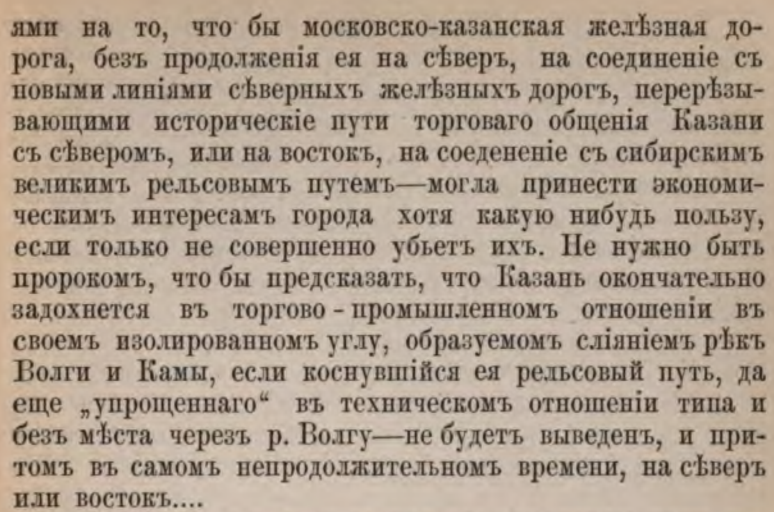
Такъ возникла первая серьезная мысль объ устройствѣ въ Казани порта. Казанская городская дума не замедлила поставить эту мысль на почву практическаго осуществленія—и уже въ 1873 г. представила въ министерство путей сообщенія проектъ порта и канала у г. Казани, составленный инженеромъ г. Брунгофомъ. Проектъ этотъ былъ одобренъ 16-го марта 1873 года съ нѣкоторыми частными поправками, а вскорѣ нашелся и предприниматель, взявшій на себя сооруженіе порта, въ лицѣ торговаго дома Арцыбышева и К°. По условію концессіи, казанская городская дума гарантировала предпринимателямъ ежегодно, въ теченіи концессіоннаго срока,— 50-ти лѣтъ, — 75 тыс. руб. сбора, т. е 5% на строительный капиталъ и 20 тыс. руб. на эксплоатацію и администрацію. Но предпріятію не суждено было осуществиться. Работы начались, но компанія, вынувъ въ продолженіи мѣсяца 10 тыс. куб. саж. земли—оказалась несостоятельною и прекратила работы.

Въ 1876 году, въ виду состоявшагося въ то время рѣшенія вести на Казань линію великой сибирской желѣзной дороги, казанская городская дума возбудила ходатайство о включеніи расхода по сооруженіи казанской бухты въ общую расцѣнку стоимости постройки этой желѣзной дороги, но вопросъ этотъ, не смотря на образованную для обсужденія его, подъ предсѣдательствомъ инженера г. Михайлова, особую коммиссію и на произведенную г. Стемпинскимъ нивеллировку мѣстности будущей бухты, дальнѣйшаго движенія не получилъ и заглохъ, вмѣстѣ съ потерею надеждъ на проведеніе черезъ Казань сибирскаго рельсоваго пути. Въ 1879—1880 годахъ разработанъ былъ проектъ казанской бухты инженеромъ г. Соколовскимъ, который и легъ въ основу послѣдующихъ проэктовъ того же рода, въ послѣдствіе (въ 1885 г.), когда сталъ на очередь вопросъ о постройкѣ казанско-

муромской желѣзной дорги, казанская городская дума сдѣлала н
попытку соединить съ этимъ вопросомъ и вопросъ о сооруженіи бу
На этотъ разъ дѣло казалось принявшимъ совсѣмъ благопріятный
Казани оборотъ, такъ какъ на представленіи о томъ казанскаго
бернатора, министромъ путей сообщенія была поставлена слѣдук
весьма категорическая резолюція: «Этотъ рѣчной портъ принадлеж
къ числу самыхъ необходимыхъ на Волгѣ; устройство его необхо
соединить съ устройствомъ желѣзной дороги Казань—Муромъ».
томъ же смыслѣ дало свое заключеніе, образованное при казанск
правленіи округа путей сообщенія, по предписанію министерства,
бое совѣщаніе, высказавшееся, что «необходимость устройства въ
зани порта—не подлежитъ даже и обсужденію» и что, оставаяс
почвѣ проекта инженера Соколовскаго, остается лишь разработа
провѣрить нѣкоторые его детали. Но предположенія о казанско
ромской желѣзной дорогѣ не осуществились,—не осуществились,
тѣ съ тѣмъ, и надежды на сооруженіе казанскаго рѣчнаго п
средствами государственнаго казначейства.

Взявшее на себя постройку линіи Казань—Рязань обще
московско-казанской желѣзной дороги не изъявило желанія при
на себя сооруженіе бухты. Являлись частные концессіонеры, но го
ская дума съ ними не сошлась, опасаясь риска принять на себя
требованную ими довольно солидную гарантію предпріятія. Въ э
неопредѣленномъ, болѣе чѣмъ когда либо, положеніи остается воп
о казанской бухтѣ понынѣ и трудно ожидать, чтобы онъ всталъ
перь на новую и рѣшительную почву своего практическаго осуп
вленія.

Мечтаніями о бухтѣ не исчерпываются пожел
казанцевъ относительно подъема падающаго экономи
скаго благосостоянія ихъ города. Вопросъ о бухтѣ
вершенно заслоненъ въ настоящее время тревожн
опасеніями ихъ за желѣзнодорожную будущно
Казани. Никто не обольщается въ Казани упов



ями на то, что бы московско-казанская желѣзная дорога, безъ продолженія ея на сѣверъ, на соединеніе съ новыми линіями сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, перерѣзывающими историческіе пути торговаго общенія Казани съ сѣверомъ, или на востокъ, на соедененіе съ сибирскимъ великимъ рельсовымъ путемъ—могла принести экономическимъ интересамъ города хотя какую нибудь пользу, если только не совершенно убьетъ ихъ. Не нужно быть пророкомъ, что бы предсказать, что Казань окончательно задохнется въ торгово-промышленномъ отношеніи въ своемъ изолированномъ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Волги и Камы, если коснувшійся ея рельсовый путь, да еще „упрощеннаго“ въ техническомъ отношеніи типа и безъ мѣста черезъ р. Волгу—не будетъ выведенъ, и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени, на сѣверъ или востокъ....

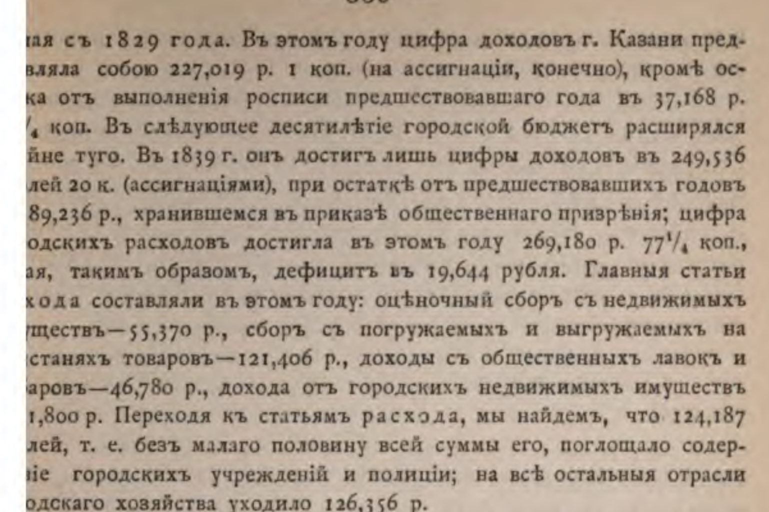
Продленіе рязанско-казанскаго рельсоваго пути отъ Казани на востокъ, до Перми или Уфы, съ сооруженіемъ желѣзнодорожнаго моста черезъ р. Волгу—было бы лишь актомъ простой справедливости. Великій сибирскій рельсовый путь не есть предпріятіе частное, но грандіозное общегосударственное, мало того—общекультурное начинаніе, которое должно быть чуждо узко-меркантильныхъ расчетовъ и соображеній, каковыя мы можемъ еще оправдать въ дѣятельности общества московско-казанской желѣзной дороги, напримѣръ. Громадная Сибирь—рынокъ слишкомъ обширный, что бы прорѣзывающая его рельсовая магистраль не могла найти себѣ на границахъ Уральскаго хребта трехъ выходовъ въ Европу. Пермско-котласская дорога представитъ собою сѣверный выходъ въ нее; златоусто-самарская дорога—южный; казанско-

уфимская—представила бы собою среднія желѣзнодорожныя ворота изъ Азіи въ Европу.

Вотъ въ высшей степени существенный и жизненный вопросъ, стоящій въ настоящее время на очереди въ экономической жизни г. Казани и нисколько не исключающій собою, конечно, заботъ и попеченій о подъемѣ и другихъ, болѣе частныхъ, сторонъ и условій экономической жизни, потребность въ каковомъ ощущается Казанью наряду съ другими мѣстностями нашего обширнаго отечества.

V. Городское хозяйство. Нельзя не сознаться, что въ этой области городъ Казань, подобно весьма многимъ, даже крупнымъ, русскимъ городскимъ центрамъ, всегда прогрессировалъ весьма слабо, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда (какъ, наприм., въ вопросѣ о переоцѣнкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ) общественные интересы города вступали и вступаютъ въ коллизію,—нерѣдко, впрочемъ только кажущуюся, — съ личными интересами отдѣльныхъ плательщиковъ, входящихъ въ составъ думы. Со введеніемъ въ дѣйствіе городоваго положенія 1870 года не мало принято было мѣръ къ упорядоченію хозяйства города; особенно много сдѣлано было въ этомъ направленіи за послѣднее десятилѣтіе, но многое остается еще сдѣлать на этой почвѣ и раціональная постановка городскаго хозяйства во многихъ отношеніяхъ составляетъ еще ахиллесову пяту казанскаго городскаго общественнаго управленія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію современнаго бюджета г. Казани, мы считаемъ не безполезнымъ бросить взглядъ на положеніе его въ старой Казани. Намъ удалось добыть данныя въ этомъ отношеніи на-



ная съ 1829 года. Въ этомъ году цифра доходовъ г. Казани пред-
вляла собою 227,019 р. 1 коп. (на ассигнаціи, конечно), кромѣ ос-
ка отъ выполненія росписи предшествовавшаго года въ 37,168 р.
¼ коп. Въ слѣдующее десятилѣтіе городской бюджетъ расширялся
йне туго. Въ 1839 г. онъ достигъ лишь цифры доходовъ въ 249,536
лей 20 к. (ассигнаціями), при остаткѣ отъ предшествовавшихъ годовъ
89,236 р., хранившемся въ приказѣ общественнаго призрѣнія; цифра
одскихъ расходовъ достигла въ этомъ году 269,180 р. 77¼ коп.,
ая, такимъ образомъ, дефицитъ въ 19,644 рубля. Главныя статьи
хода составляли въ этомъ году: оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ
ществъ—55,370 р., сборъ съ погружаемыхъ и выгружаемыхъ на
станяхъ товаровъ—121,406 р., доходы съ общественныхъ лавокъ и
аровъ—46,780 р., дохода отъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ
1,800 р. Переходя къ статьямъ расхода, мы найдемъ, что 124,187
лей, т. е. безъ малаго половину всей суммы его, поглощало содер-
іе городскихъ учрежденій и полиціи; на всѣ остальныя отрасли
одскаго хозяйства уходило 126,356 р.

Крайняя медленность въ возростаніи цифры доходовъ г. Казани
людается и въ послѣдующіе годы. Возьмемъ для примѣра пятилѣ-
1855—1859 годовъ, которое дастъ намъ слѣдующую прогрессію
: 1855 г.—90,717 р. (уже на серебро), 1856 г.—74,307 р., 1857 г.—
574 р., 1858 г.—88,847 р., 1859 г.—90,280 р. Мы наблюдаемъ въ этихъ
фрахъ довольно рѣзкое колебаніе, которое уже въ 1860 году дало
стной прессѣ основаніе укорить городское самоуправленіе въ «безпо-
очности» его въ дѣлѣ сбора городскихъ доходовъ, съ пожеланіемъ,
бы бюджетъ г. Казани былъ, наконецъ, установленъ на «болѣе
едѣлительныхъ и прочныхъ основаніяхъ»,—пожеланіе, которое съ
ою же горячностью могло бы быть высказано и для эпохъ позд-
йшихъ. Недостаточность цифры городскихъ доходовъ для удовле-
ренія развивающихся потребностей города еще въ 1840 г. обратила
себя вниманіе правительства, вызвавъ экстренную мѣру, въ видѣ Вы-
айше утвержденнаго 11 апрѣля этого года «Положенія о дополни-
ьныхъ сборахъ для усиленія доходовъ города Казани», въ силу к
аго установленъ въ пользу города особый вѣсовой съ т

ровъ, выгружаемыхъ и нагружаемыхъ на пристаняхъ рѣкъ Волги, Казанки и протока Булака. Принимались и самимъ городомъ мѣры къ увеличенію его доходовъ. Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченною произведенная въ первой половинѣ 40-хъ годовъ общая переоцѣнка всѣхъ городскихъ частновладѣльческихъ недвижимыхъ имуществъ, бывшая до того весьма низкою (въ 1839 г., наприм, всего 14,345,005 р. ассигн.), съ цѣлью какъ увеличенія, такъ и болѣе равномѣрнаго распредѣленія ея. На этой щекотливой почвѣ,—остающейся, какъ извѣстно, весьма щекотливою и до нашихъ дней, — возникла цѣлая куча претензій и недоразумѣній, вслѣдствіе чего весною 1844 г. военный губернаторъ Шиповъ счелъ необходимымъ учредить особый «высшій ревизіонный комитетъ», для «разбирательства жалобъ и претензій со стороны домовладѣльцевъ на неправильную или неуравнительную оцѣнку».

До 1871 года основанія городскаго хозяйства Казани опредѣлялись, кромѣ общихъ постановленій, особымъ положеніемъ, изданнымъ 26-го декабря 1825 года и дополненнымъ впослѣдствіе сепаратными законами 11 апрѣля 1840 года и 15 ноября 1842 года. Не смотря на эту сложную его регламентацію, городское хозяйство шло настолько неудовлетворительно, что еще въ 1859 году, по распоряженію начальника губерніи, былъ образованъ особый комитетъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, который и вошелъ съ ходатайствомъ о введеніи въ Казани новаго общественнаго управленія, примѣнительно къ правиламъ, изданнымъ для Петербурга. Причину городскаго неустройства относили тогда къ недостатку поступающихъ въ городскую кассу суммъ, ибо въ положеніи 1825 года и дополненіяхъ къ нему—количество сборовъ, большею частію, обозначено было неопредѣленно. Ежегодный доходъ не могъ удовлетворить многихъ

существенныхъ потребностей; городъ оставался, напримѣръ, безъ чистой воды. Но прошло еще десять лѣтъ до преобразованія казанскаго городскаго общественнаго управленія,—не примѣнительно, впрочемъ, къ правиламъ изданнымъ для Петербурга, а на общемъ основаніи Высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870 года городоваго положенія. Къ этому времени, въ 1870 году, городской доходъ уже возвысился до 223,700 рублей.

На новомъ городскомъ управленіи лежала обязанность удовлетворить неотложныя городскія нужды путемъ увеличенія доходовъ города. И, дѣйствительно, бюджетъ началъ быстро возвышаться. Къ сожалѣнію, нужды города были такъ велики и такъ неотложны, что удовлетворить ихъ текущими доходами не представлялось возможности; выходъ изъ этого положенія нашелся въ тѣхъ капиталахъ, которые оставило прежнее общественное управленіе и которыхъ новое городское общественное управленіе приняло до 660,180 рублей.

Обратимся къ поступленію доходовъ со времени введенія новаго городоваго положенія. Дѣйствительный ежегодный доходъ городской кассы выражался въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1871 году — 250,261 рубль, въ 1872 году — 277,026 рублей, въ 1873 г.—249,338 руб., въ 1874 г.—278,933 руб., въ 1875 г.—487,985 руб., въ 1876 г.—390,788 руб., въ 1877 г.—569,455 руб., въ 1878 г.—460,052 руб., въ 1879 г.—431,219 руб., въ 1880 г.—377,428 руб., въ 1881 г.—427,756 руб., въ 1882 г.—449,587 руб., въ 1883 г.—466,387 руб., въ 1884 г.—469,115 руб., въ 1885 г.—484,724 руб., въ 1886 г.—531,390 р. и т. д., возвысившись, такимъ образомъ, за [illegible] вое

своею минимальностью - всего 7,059,037 р!), съ городскихъ угодій (земель, лѣса, луговъ и водъ) — 96,203 р. 30 к., доходовъ вспомогательныхъ — 43,665 р. 91 к. (въ томъ числѣ 31,579 р. 91 к. изъ прибылей общественнаго банка), съ документовъ на право торговли и промысловъ — 14,177 р. и др.

Главнѣйшія статьи расходовъ г. Казани по смѣтѣ 1895 года составляютъ: содержаніе учебныхъ заведеній — 90,039 р. 36 к., содержаніе городскаго общественнаго управленія — 84,169 р. 16 к. (получаютъ содержанія: городской голова — 7 тыс. р, члены управы: заступающій должность головы — 2 т. р., остальные три — по 1½ т. р.; городской секретарь — 1½ т. р.), внѣшнее благоустройство города — 66,103 р. 49 к. (въ томъ числѣ освѣщеніе города 27.122 р. 60 к., содержаніе городскаго рабочаго обоза 8793 р. 73 к. и т. д.), содержаніе пожарныхъ командъ — 59,806 р. 99 к., уплата по займамъ и обязательствамъ — 48,439 р. 87 к. (обществу московско-казанской жел. дороги), содержаніе полицейскихъ учрежденій — 45,693 р. 31 к, содержаніе общественныхъ зданій и памятниковъ — 45,646 р. 24 к., расходы по народному здравію и общественному призрѣнію — 38,251 р. 91 к., расходы по удовлетворенію потребностей военнаго и тюремнаго вѣдомствъ — 27,490 р. 25 к. и др.

Капиталовъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе, имѣется у города — 1,315,207 р. 52 коп.

Задолженность города достигла къ 1895 г. почти полумилліона рублей. Главный долгъ города, въ суммѣ 250000 рублей, составляетъ обязательный платежъ московско-казанскому желѣзнодорожному обществу за постановку въ городѣ желѣзнодорожнаго вокзала; затѣмъ городъ долженъ городскому водопроводному капиталу — 188036 руб. 82 к., взятыхъ разновременно на удовлетвореніе различныхъ нуждъ города, и казанскому общественному банку — 31000 рублей, позаимствованныхъ на расширеніе операцій городскаго ломбарда. Въ итогѣ задолженность города выражается въ суммѣ 469036 р. 82 к.

VI. Народное просвѣщеніе. Историческій обзоръ казанскихъ учебныхъ заведеній въ своемъ мѣстѣ (см. стр.

264—356) уже былъ представленъ нами, почему въ настоящей рубрикѣ намъ остается привести лишь общія данныя относительно современнаго положенія въ г. Казани дѣла народнаго образованія, заимствуемыя нами изъ приложенія къ всеподданнѣйшему отчету г. казанскаго губернатора за 1893 годъ. Отсюда усматриваемъ, что всего имѣется въ Казани 101 училище, въ томъ числѣ 3 высшихъ учебныхъ заведенія (Императорскій университетъ, духовная академія и ветеринарный институтъ), 4 мужскихъ средне-образовательныхъ (Императорская первая, вторая и третья гимназіи, реальное училище), 11 спеціальныхъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и смѣшанныхъ (духовная семинарія, юнкерское училище, учительскій институтъ, учительская семинарія, земледѣльческая училище и др.), 8 женскихъ учебныхъ заведеній (Родіоновскій институтъ, Маріинская и Ксеніинская гимназіи и др.) и 75 училищъ низшихъ и начальныхъ, содержимыхъ казною, городомъ, земствомъ, благотворительными обществами и частными лицами.

То же приложеніе къ отчету г. губернатора даетъ намъ и данныя о количествѣ учащихся *) въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о суммахъ, издерживаемыхъ на содержаніе этихъ послѣднихъ.

Изъ казанскихъ высшихъ учебныхъ заведеній наибольшее количество учащихся имѣлъ въ 1893 г. университетъ—818 студентовъ; на содержаніе его болѣе всего и расходуется—ок. 574 тыс. р. въ годъ. За университетомъ слѣдуетъ ветеринарный институтъ (217 студ. и ок. 55½ т. р. содерж.) и духовная академія (189 студ. и ок. 173½ т. р. содерж.

*) Относящіяся сюда цифры подвергнуты, конечно, ежегоднымъ хотя, въ небольшихъ рядахъ годовъ, и незначительнымъ, колебаніямъ

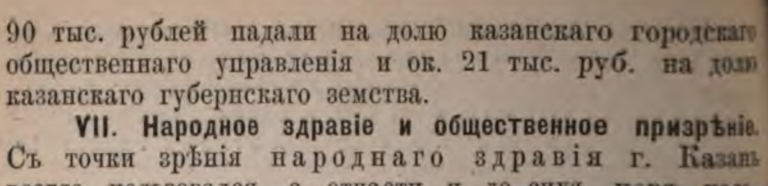
Изъ мужскихъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеній на первомъ мѣстѣ стоитъ Императорская первая гимназія (357 учащихся и ок. 62 т. р. содержанія), а затѣмъ слѣдуютъ: реальное училище (335 учащ. и ок. 38 т. р. содерж.), третья гимназія (260 учащ. и ок. 35 т. р. содерж.) и вторая гимназія (234 учаш. и ок. 32 т. р. содерж.).

Изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній отмѣтимъ: пѣхотное юнкерское училище (395 учащ. и ок. 43 т. р. содерж.), духовную семинарію (289 учащ. и ок. 45½ т. р. содерж.), смѣшанную земскую фельдшерскую школу (38 м. и 118 ж.—156 учащ. и ок. 6½ т. р. содерж.), земледѣльческое училище (154 учащ. и ок 39½ т. р. содерж.), учительскую семинарію (143 учащ. и ок. 40 т. р. содерж.), учительскій институтъ (36 учащ. и ок. 27½ т. р. содерж.) и т. д.

Изъ женскихъ учебныхъ заведеній по количеству учницъ первое мѣсто занимаетъ Маріинская гимназія (633 учен. и ок. 31 т. р. содерж.), а затѣмъ идутъ Ксеніинская гимназія (412 учен. и ок. 20½ т. р. содерж.) и Родіоновскій институтъ (166 восп. и ок. 86 т. р. содерж.).

Изъ низшихъ и начальныхъ училищъ первое мѣсто принадлежитъ городскому четырехклассному училищу (260 учащ. и ок. 7 т. р. содер.), а затѣмъ мужскому духовному училищу (199 учащ. и ок. 26½ т. р. содерж.) и центральной крещено-татарской школѣ (98 м. и 35 д.—135 учащ. и ок. 5½ т. р. содерж.); въ 23-хъ содержимыхъ городомъ начальныхъ училищахъ обучается до 2500 дѣтей обоего пола (1399 мальч. и 1150 дѣв.), но этихъ школъ уже давно оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія потребности мѣстнаго населенія въ начальномъ образованіи.

Всего учащихся, во всѣхъ учебныхъ заве[illegible] Казани, числилось въ 1893 году 10,594 чел. Израсходовано въ томъ же году на содер[illegible] учебныхъ заведеній 1,507,115 р., изъ кот[illegible]



90 тыс. рублей падали на долю казанскаго городскаго общественнаго управленія и ок. 21 тыс. руб. на долю казанскаго губернскаго земства.

VII. Народное здравіе и общественное призрѣніе. Съ точки зрѣнія народнаго здравія г. Казань всегда пользовался, а отчасти и до сихъ поръ пользуется еще, репутаціею города съ далеко не блестящими санитарными условіями и съ весьма значительною заболѣваемостью, изъ которой нѣкоторыя инфекціонныя формы (тифы, лихорадки) никогда не переводятся въ ней; когда то, до открытія здѣсь водопровода, лихорадочныя заболѣванія, обусловливавшіяся въ весьма значительной степени недоброкачественностью потреблявшейся населеніемъ воды изъ Кабана, были въ Казани настолько интенсивны, что „казанскія лихорадки" пріобрѣли себѣ печальную популярность далеко за предѣлами Казанской губерніи, да и до сихъ поръ большей части пріѣзжающихъ въ Казань на жительство изъ другихъ мѣстностей доводится испытывать на себѣ дѣйствіе этихъ знаменитыхъ „казанскихъ лихорадокъ", принимающихъ самыя разнообразныя формы и степени своего проявленія. Не даромъ же еще въ 30-хъ годахъ въ мѣстной прессѣ усердно трактовался вопросъ „о причинахъ, по коимъ г. Казань принадлежитъ къ числу мѣстностей, здравію жителей не благопріятствующихъ".

Въ 1893 году (приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету г. казанскаго губернатора за этотъ годъ) обращеній къ врачебной помощи въ г. Казани, помимо леченія себя больными на дому, было 120,956 случаевъ, въ которыхъ больные обращались къ внѣдомному леченію и консультаціямъ, т. е. въ больницахъ,

лечебницахъ, пріемныхъ покояхъ и въ пріемныхъ врачей. Изъ этой цифры приходится на стаціонарныхъ леченій въ больницахъ, лечебницахъ и пріемныхъ покояхъ —9725 случаевъ, амбулаторныхъ посѣщеній лечебныхъ учрежденій—91,247, консультацій въ пріемныхъ врачей —19,984 (цифра значительно меньшая дѣйствительной, такъ какъ свѣдѣнія получены лишь отъ 38 врачей). Если прибавимъ къ этому несомнѣнно громадную цифру леченій себя больными на дому и частныя визитаціи врачами больныхъ—то будемъ имѣть основаніе утверждать, что казанское населеніе въ отчетномъ году, ни въ какомъ отношеніи не представившемъ, собственно для г. Казани, какихъ либо исключительныхъ болѣзнотворныхъ явленій, не могло похвалиться благопріятными условіями общественнаго здравія.

Распредѣленіе зарегистрированныхъ случаевъ заболѣванія и смерти отъ заразныхъ и другихъ болѣзней представляется, въ отчетномъ году, для г. Казани слѣдующимъ:

Оспою болѣло 154 чел. (умерло 5 чел.); скарлатиною—433 чел. (ум. 25); дифтеритомъ—539 чел. (ум. 34); крупомъ—66 чел. (ум. 6); корью—222 чел. (ум. 3); коклюшемъ—502 чел. (ум. 8; гриппомъ-инфлюэнціею—4671 чел. (ум. 16). Тифами: сыпнымъ—471 чел. (ум. 24), брюшнымъ—362 чел. (ум. 25), возвратнымъ—567 чел. (ум. 14), неопредѣленныхъ формъ—475 (ум. 9). Эпидемическимъ менингитомъ—3 чел., дезинтеріею—676 чел. (ум. 28), холерою—370 чел. (ум. 146); заушницею—419 чел. (ум. 3); рожею—374 чел. (ум. 8); гнойнымъ конъюнктивомъ—144 чел.; септицеміею родильницъ—7 че (ум. 1); сибирскою язвою—14 чел. (ум. 1); сифилисомъ—3652 чел. (ум. 3); венерическими болѣзн —4280 крупозною пневмоніею—1188 чел (ум.

кою, т. е. чахоткою—2186 чел. (ум. 174); маляріею, т. е. лихорадками—18,048 чел. (ум. 1); чесоткою—613 чел.; глистами—726 чел.; цынгою—154 чел.

Такимъ образомъ, болѣе всего заболѣвали казанцы: лихорадками (18,048 сл.), сифилисомъ и др. венерическими страданіями (7932 сл.), инфлюэнціею—гриппомъ (4671 сл.), тифами (1875 сл.), крупозною пневмоніею (1188 сл.), дезинтеріею (676 сл.), дифтеритомъ (539 сл.) и т. д. Распространенность въ г. Казани венерическихъ заболѣваній лучше всего иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что изъ 571 явныхъ и тайныхъ проститутокъ города, являющихся главными распространительницами заразы, 402, т. е. болѣе двухъ третей, оказались при осмотрахъ ихъ зараженными венерическими болѣзнями (въ томъ числѣ 224 сифилисомъ). Въ цѣляхъ борьбы съ сифилисомъ въ г. Казани существуетъ особый врачебно-полицейскій комитетъ, въ составъ котораго входятъ три проституціонныхъ врача, занимающіеся осмотромъ проститутокъ и приходящихъ въ Казань для заработковъ рабочихъ.

Благодаря условіямъ мѣстнаго характера (наличность университета, военный округъ), врачебный персоналъ г. Казани представляется весьма значительнымъ. Всѣхъ врачей въ настоящее время числится здѣсь до 220 человѣкъ (въ томъ числѣ 184 гражданскихъ и 36 военныхъ), изъ которыхъ непрактикующихъ не болѣе 20 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и нѣсколькихъ университетскихъ врачей-теоретиковъ. Дантистовъ (зубныхъ врачей) имѣется въ Казани 6 человѣкъ; ветеринарныхъ врачей (въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ мѣстнаго ветеринарнаго института) — 31 чел.; акушерокъ — 46; фельдшеровъ и фельдшерицъ общихъ—39, ветеринарныхъ—6 *).

*) Списокъ врачей-спеціалистовъ, съ адресами ихъ, читатель найдетъ ниже, въ справочномъ отдѣлѣ.

Медицинская помощь обезпечена населенію г. Казани, кромѣ этого обширнаго медицинскаго персонала, рядомъ имѣющихся здѣсь врачебныхъ заведеній. Во главѣ ихъ должна быть поставлена, конечно, факультетская клиника университета, съ отдѣленіями: терапевтическимъ (внутренн. болѣзней), хирургическимъ, офталмологическимъ (глазныхъ болѣзней), акушерско-гинекологическимъ (женскія болѣзни), кожныхъ и венерическихъ болѣзней, дѣтскихъ и болѣзней нервныхъ. Затѣмъ мы поставимъ: больницу губернскаго земства (Покровская ул., собственн. домъ, на 175 кроватей), Александровскую городскую (Ново-Горшечная ул., на 90 кроватей), Адмиралтейскую городскую (въ Адмиралтейской слоб., на 25 кроватей), Забулачную городскую (еще не открыта, средства для нея даны г-жею О. С. Александровою-Гейнсъ), военный госпиталь (на Арскомъ Полѣ,— учрежденіе спеціальнаго назначенія), центральную окружную лечебницу для умалишенныхъ (за Арскимъ Полемъ, по сибирскому тракту, — образцовое лечебное заведеніе на 450 кроватей), Лихачевскій родильный домъ съ гинекологическимъ отдѣленіемъ (Лихачевскій переул., д. № 76), Александровскую лечебницу для приходящихъ, содержимую мѣстнымъ Императорскимъ Экономическимъ обществомъ (Черноозерская ул., домъ городской богадѣльни), частную лечебницу женскихъ бо[лѣзней с] родильнымъ пріютомъ д-ра Веселицкаго [...] Лаврентьева), лазаретъ пороховаго [завода] заводѣ), временный городской покой [...] ни рѣки Волги (во время навигаціи,

II.

Краткое описаніе города Казани.

I.

ТОПОГРАФІЯ ГОРОДА И ОБЩЕЕ ЕГО ОПИСАНІЕ. СООБЩЕНІЯ ГОРОДА.

Пространство и протяженія города. Астрономическое и географическое положенія г. Казани выше (стр. 507) уже было указано нами, почему вновь обращаться къ этому вопросу мы не будемъ.

Точныхъ свѣдѣній о пространствѣ поверхности, занятой городомъ, не имѣется, но оно опредѣляется (по даннымъ 1886 г.) приблизительно въ $10\frac{1}{2}$ тысячъ десятинъ, изъ которыхъ около 1350 десятинъ находятся подъ самыми строеніями города.

Городъ, если мы отъ сѣвернаго угла кремля проведемъ двѣ прямыя линіи, оставляя внѣ этихъ линій не вошедшія непосредственно въ черту его слободы (Адмиралтейскую и др., отдѣляемыя отъ него весеннимъ раз-

ливомъ рѣкъ Волги и Казанки), и продолжимъ эти линіи до соединенія ихъ съ двумя крайними сѣверною и южною предѣльными точками города, именно: сѣверо-восточною оконечностью послѣдняго къ полю квартала Подлужной улицы и южнымъ угломъ Ново - Татарской слободы—то занятое Казанью пространство территоріи представится намъ въ формѣ сферическаго трехугольника, вершиною своею (сѣверный уголъ кремля) обращеннаго на СЗ, а сферическимъ основаніемъ огибающаго Арское Поле, Суконную слободу, Плетени и Татарскія слободы —къ В и ЮВ. Высота этого трехугольника, соотвѣтствующая линіи, проведенной отъ его вершины къ сферическому основанію, дастъ намъ линію около 4-хъ верстъ длины и пройдетъ, приблизительно, почти по направленію холмистаго кряжа, тянущагося въ направленіи съ СЗ къ ЮВ и образующаго среднюю и возвышенную часть города (Кремль, улица Воскресенская съ Черноозерскими и Покровскими, Лядскія, Грузинская и Красныя, Коммиссаріатскія, Ново-Горшечныя и Арское Поле). Къ сѣверу отъ этой возвышенности расположена меньшая (сѣверная) низменная часть города (улицы Засыпкина, Нижне-Ѳеодоровская, Подлужная), прилегающая къ заливной долинѣ рѣки Казанки; къ юго-западу постепенными, а мѣстами и крутыми, склонами къ протоку Булаку и озеру Кабану, возвышенная часть города опускается къ несравненно большей (южной) низменности его (Набережныя Булака и Кабана, Забулачье, Плетени и Татарскія слободы съ прилегающими мѣстностями). Юго-восточная часть этой низменности заключаетъ въ себѣ озеро Нижній Кабанъ, воды котораго всецѣло входятъ въ городскую черту, омывая: съ востока—слободы

...нную (съ Песками) и Архангельскую, съ запада—
...ку Плетени.

Въ предѣлахъ указанной выше геометрической фигуры, дающей ...пространство самаго города съ непосредственно примкнувшими ...ему и вошедшими въ его черту слободами (Подлужная, Сукон- ...Плетени, обѣ Татарскія, Ямская и Мокрая), длиннѣйшее про- ...женіе Казани дастъ линія въ $5^1/_2$ верстъ, проведенная съ СВ къ ...3, отъ крайняго угла Подлужной улицы до такого же угла Ново- ...тарской слободы; въ направленіи съ СЗ къ ЮВ длиннѣйшее протя- ...еніе города дастъ намъ линія въ $4^1/_2$ версты, проведенная отъ вер- ...ины кремля до конца улицы Поповки (въ Плетеняхъ). Окружность ...г. Казани въ указанныхъ выше предѣлахъ даетъ намъ ломанную линію въ 16 верстъ. Такая же окружность городскихъ слободъ, каж- дой въ отдѣльности, будетъ: Адмиралтейской слободы — 4 версты, Ягодной—3 в., Козьей съ Гривкой—$2^1/_2$ в., обѣихъ Игумновыхъ—$2^1/_4$ в., Кизической — $1^1/_4$ в.; слѣдовательно, длина всей окружной черты го- родскихъ поселеній г. Казани съ его слободами дастъ намъ—29 верстъ (не включая волжскихъ пристаней и ихъ слободки).

Представленіе о размѣрахъ пространства территоріи, занятой г. Казанью, даетъ также общая длина его улицъ, достигающая поч- тенной цифры 99 верстъ 454 саж., т. е. почти ста верстъ. Изъ этой цифры на долю самого города, съ вошедшими въ черту его слобо- дами, падаетъ 80 верстъ 476 саж., а на долю подгородныхъ слободъ: Адмиралтейской—11 в. 493 с., Ягодной—3 в. 471 с., Козьей съ Грив- кою—1 в. 143 с., Игумновыхъ—1 в. 104 с. и Кизической—257 саж.

Развитіе Казани, какъ городскаго поселенія. Ея слободы. Территоріальное распространеніе Казани нача- лось, конечно, съ нынѣшняго кремля, вокругъ котораго еще въ начальную пору татарскаго владычества надъ го- родомъ, мало по малу сталъ образовываться посадъ, ра... двигавшійся, на юго-востокъ—по направленію нынѣ... ...Воскресенской и параллельныхъ ей улицъ, на сѣ...

ро-востокъ—къ мѣстности нынѣшней Воздвиженской улицы и Богородицкаго монастыря, на югъ и юго-востокъ — къ нижней части протока Булака.

Въ старой русской Казани образовалось нѣсколько слободъ, стоявшихъ въ связи съ казанскимъ посадомъ. Сюда относятся несуществующія уже болѣе слободы: Глядкова (въ районѣ нынѣшняго Богородицкаго монастыря и Пятницкаго прихода) и Красная (въ районѣ нынѣшнихъ Красныхъ улицъ), названная такъ, вѣроятно, въ виду красиваго возвышеннаго мѣстоположенія своего; затѣмъ существующія понынѣ Старая и Новая Татарскія слободы, образующія южный уголъ города и возникшія вслѣдствіе установленнаго послѣ казанскаго взятья запрещенія татарамъ жить въ предѣлахъ тогдашняго городскаго посада; находящіяся въ западной части Забулачья слободы Ямская и Мокрая и нѣкот. др. Суконная слобода, юго-восточная городская окраина, расположенная между возвышенностью Арскаго Поля и озеромъ Нижнимъ Кабаномъ, образовалась вокругъ казенной, впослѣдствіе переданной Петромъ Великимъ купцу Михляеву (см. выше стр. 186—187) суконной фабрики; слобода Адмиралтейская, расположенная на западъ отъ города, на лѣвомъ берегу рѣки Казанки, почти на половинномъ разстояніи отъ города до устья этой рѣки, стала развиваться съ первой четверти XVIII в. изъ селенія Бежболды (см. выше стр. 183—184) послѣ учрежденія на его земляхъ адмиралтейства; Кизическая слобода, самая сѣверная окраина, черты городскаго разселенія), и расположенныя на правомъ берегу р. Казанки, за Адмиралтейскою слободою, Большая и Малая Игумновы слободы, обязанныя своимъ происхожде

ъ возникновенію Кизическаго и Зилантова монастырей, послѣднихъ — и учрежденію въ 1787 гогу въ сосѣдствѣ съ ними пороховаго завода; Ягодная слобода, находящаяся на правомъ же берегу р. Казанки, какъ разъ противъ сѣверо-восточной черты Адмиралтейской слободы, образовавшаяся изъ присоединеннаго въ 1825 году къ городу подгороднаго села Ягоднаго; слободы Козья и Гривка, расположенныя между городомъ и слободою Кизическою, являются городскими выселками, началомъ своимъ относящимися еще къ прошедшему вѣку.

Нѣкоторыя изъ старыхъ казанскихъ слободъ (Глядкова, Красная, Ямская, Мокрая, позже Татарскія и Суконная, а также Архангельскія и Плетени) съ теченіемъ времени слились съ посадомъ и вошли въ общую съ нимъ городскую черту; другія же (Адмиралтейская, Игумнова, Ягодная, Козья, Гривка и Кизическая) навсегда лишены возможности войти въ черту самаго города и обречены оставаться подгородными, будучи отдѣлены отъ Казани заливною долиною рѣкъ Волги и Казанки. Слѣдуетъ, вообще, замѣтить, что дальнѣйшему распространенію Казани по сѣверному, западному и юго-западному направленіямъ положенъ предѣлъ самою природою и по этимъ направленіямъ городъ уже достигъ черты, дальше которой ростъ его становится невозможнымъ, благодаря омывающему его съ этихъ трехъ сторонъ весеннему разливу. Въ силу этого, дальнѣйшее распространеніе города становится возможнымъ только на востокъ, по направленію Арскаго Поля и береговъ Средняго Кабана, но и въ этихъ направленіяхъ городскіе кварталы уже коснулись черты владѣній другихъ собственниковъ; Арское Поле все болѣе и болѣе застроивается (еще во вто-

рой половинѣ XVIII столѣтія граница городскаго поселенія совпадала здѣсь съ нынѣшнею Поперечно-Грузинскою улицею) и теперь наступаетъ время, когда Казани останется лишь застроивать свои немногіе пустыри и частные сады, да рости „вверхъ", надстраивая дома или перестраивая ихъ въ многоэтажные.

Средства сообщенія города. Пристани, пароходство, дамба, желѣзная дорога. Мы уже видѣли, что г. Казань, хотя онъ и считается одною изъ главнѣйшихъ волжскихъ пристаней, отстоитъ, тѣмъ не менѣе, на семь верстъ (по тракту) отъ р. Волги, именно отъ расположенныхъ ниже устья р. Казанки пристаней, носящихъ названіе „устьинскихъ" или просто—„Устья", какъ принято здѣсь сокращенно называть ихъ. До конца 40-хъ годовъ волжская пристань г. Казани находилась въ шести верстахъ ниже нынѣшняго мѣста расположенія ея, при урочищѣ, извѣстномъ до нашихъ дней подъ названіемъ Бакалды и которое до сихъ поръ еще сохранило значеніе (хотя далеко уже не прежнее) грузовой пристани для нѣкоторыхъ родовъ товара. Вопросъ о переведеніи пристаней къ устью р. Казанки возникъ уже въ первой половинѣ 40-хъ гг. и горячо поддерживался торговымъ классомъ, ожидавшимъ отъ такого перевода большихъ выгодъ и удобствъ. Любопытно, что перенесеніе волжской пристани къ р. Казанкѣ стояло въ то время въ связи съ вопросомъ о превращеніи этой послѣдней въ судоходную,—вопросъ, который неоднократно поднимался и впослѣдствіе (напримѣръ, проектъ инженера Макарова во второй половинѣ 80 гг.), наряду съ вопросомъ объ устройствѣ въ Казани рѣчнаго порта или бухты.

Вопросъ о перенесеніи къ устью р. Казанки волж-

...пристани и объ устройствѣ у г. Казани рѣчнаго ...а или бухты съ каналомъ отъ р. Волги, долженствовавшаго дать судамъ возможность, уничтоживъ семи...стное разстояніе, подходить къ самому городу—сто...ъ въ тѣсной связи съ развитіемъ пароходнаго ...да на Волгѣ.

Историческій очеркъ вопроса о Казанской бухтѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (см. стр. 534) уже былъ представленъ нами, а потому сдѣлаемъ теперь лишь нѣсколько историческихъ справокъ по вопросу объ исторіи волжскаго пароходства.

Мы уже знаемъ (см. стр. 523), что новая эра для развитія по рр. Волгѣ и Камѣ пароходства, долго не выходившаго изъ узкихъ рамокъ опыта и робкихъ начинаній, настала съ 1843 г., когда, съ уничтоженіемъ монополіи Берда, право свободнаго пароходства было признано за всѣми желающими. Вслѣдъ за тѣмъ, одно за другимъ, начинаютъ возникать въ волжскомъ бассейнѣ компанейскія пароходныя предпріятія, изъ которыхъ первымъ явилось учрежденное въ томъ же году «Пароходное Общество по Волгѣ», иниціатива котораго принадлежала иностранцу Кейли; насколько предпріятіе это было на первыхъ порахъ незначительнымъ, видно изъ того, что оно началось съ капиталомъ всего въ 225 тыс. р., между тѣмъ какъ въ наши дни имѣются пароходныя компаніи, одинъ только пароходъ которыхъ стоимостью своею достигаетъ такой суммы... Первоначально волжскіе пароходы были расчитаны на движеніе буксирное и первые спеціально-пассажирскіе пароходы появляются не ранѣе половины 40-хъ годовъ; такъ, въ 1845 г. въ казанской газетѣ повѣствуется какъ о выдающемся фактѣ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибылъ изъ Перми въ Казань пассажирскій пароходъ «Софія», сдѣлавшій этотъ рейсъ въ 8 сутокъ. Да и сама публика побаивалась пароходовъ и предпочитала сообщаться съ Нижнимъ или въ почтовыхъ дилижансахъ, которые ходили въ то время между Казанью и Москвою, или водою же, но въ особыхъ ...приспособленныхъ для перевозки пассажировъ, парусно-гребныхъ

до села Васильева (въ 25 верстахъ отъ Казани,
такъ назыв. до сихъ поръ „старый“ московскій
, позже переведенный на с. Верхн. Услонъ). Да
имо весенней поры, часть московскаго тракта, про-
шая, между городомъ и слободою, по изрытой и
ой низменности, представляла собою нѣчто невоз-
ное: „Бывало,—писалъ въ 1858 г. извѣстный Коко-
ь, содержавшій раньше въ Казани винный откупъ,—
и пріѣдешь въ Казань ночью, со стороны Нижняго,
Ягодную слободу, то и сиди тутъ до утра.... Между
родомъ и слободою четыре версты, но это пространство
е думай переѣхать ночью: ямы, овраги съ водой, грязь
невылазная“.... Къ 1849 г. была открыта для движенія
двухверстная (собственно 950 саженъ) дамба, соединя-
ющая нынѣ городъ съ его Адмиралтейскою слободою,
благодаря чему установилось, уже непрерывающееся ни
въ какое время года, удобное сообщеніе между Казанью
и ея важнѣйшею слободою, и по размѣрамъ и по насе-
ленію своему напоминающею средней руки русскій уѣзд-
ный городокъ.

Сооруженіе дамбы этой связано, подобно многимъ другимъ починамъ въ дѣлѣ благоустройства Казани 40-хъ годовъ, съ памятью губернатора С. П. Шипова, который уже въ первый мѣсяцъ по прибытіи своемъ въ Казань (весною 1842 г.) намѣтилъ проектъ устройства между городомъ и слободою «шоссейной насыпи»,—проектъ, получившій, впрочемъ, осуществленіе уже нѣсколько лѣтъ спустя по оставленіи Казани этимъ энергичнымъ губернаторомъ, такъ какъ дѣло задерживалось разнаго рода, столь обычными у насъ, сношеніями, разсмотрѣніями и соображеніями. Работы по сооруженію дамбы начались съ весны 1847 г. Для того, что бы читатель могъ судить о массѣ работ
торыхъ потребовало это грандіозное по техническимъ условіямъ то

времени сооруженіе, ука
бовалось вырыть и подве
кубическихъ саженъ;
саженъ хвороста; что
для совершенія этого
менѣе, настолько у
открыта для движе
Дамба, съ

рнатора А. К. Гейнсъ. Въ фруктовый сезонъ на ьинской пристани происходитъ обширная оптовая и зничная торговля фруктами. Для удовлетворенія ум-твенныхъ запросовъ проѣзжающихъ на пристани имѣ-ется отдѣленіе казанскаго книжнаго магазина бр. Баш-маковыхъ и многочисленные продавщики газетъ. Усть-инская пристань соединена конно-желѣзною дорогою съ сѣтью городскихъ трамваевъ (проѣздъ до „толчка", въ самомъ центрѣ города, за 7 верстъ: внутри вагона—20 коп., на имперіалѣ—8 коп.); вагоны ходятъ каждыя 10 минутъ, продолжительность переѣзда—ок. 45 минутъ въ конецъ.

На время весенняго разлива р. Волги, затопляющаго мѣстность лѣтней пристани и подходящаго къ самому городу, пароходныя пристани переводятся (за рѣдкими исключеніями онѣ прямо и ставятся здѣсь тотчасъ же по окончаніи ледохода) въ р. Казанку, къ Адмиралтейско слободѣ, на такъ называемую весеннюю приста р. Волги, гдѣ и остаются, приблизительно, до полов мая. Не смотря на принятыя за послѣдніе годы горо мѣры къ ея благоустройству, эта весенняя при отличается крайнею тѣснотою и, при узкости въ мѣстѣ рѣки, представляется для стоящихъ здѣсь въ пожарномъ отношеніи внушающею весьма с опасенія.

Долгое время оставалась Казань при од ходномъ сообщеніи съ остальною Россіею, конечно, усовершенствованные пути сообщ теченіи всего долгаго ненавигаціоннаго вр въ своемъ сѣверо-восточномъ углу, цивилизованнаго міра для в

II.

УЛИЦЫ, ПЛОЩАДИ, САДЫ, ПАМЯТНИКИ И ВНѢШНЕЕ, ВООБЩЕ, БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА.

Улицы и площади города въ связи съ его распланировкою. Городъ Казань вмѣщаетъ въ себѣ 176 улицъ и переулковъ, представляющихъ собою общую линію въ 99 верстъ 454 саж. длины; 135 изъ нихъ приходятся на самый городъ, съ входящими въ непосредственную черту его слободами, и 41 — на пригородныя слободы. Семьнадцать изъ казанскихъ улицъ имѣютъ свыше 1 версты длины: это, именно: Лаврентьевская (въ Суконной слободѣ—1 в. 490 саж.), Правая Набережная Булака (отъ Татарскаго моста протока Булака до р. Казанки—1 в. 467 с.), Большая Мѣщанская (въ Забулачьи—1 в. 436 с.), Большая Проломная (отъ Рыбной площади до р. Казанки — 1 в. 400 с.), Лѣвая Набережная Булака (1 в. 185 саж.), Соколова (въ Суконной слободѣ—1 в. 176 с.), Коммиссаріатская (1 в. 152 с.), Георгіевская (1 в. 144 с.), Большая и Малая Симбирскія (въ Ново-Татарской слободѣ—по 1 в. 138 с.), Дальне-Архангельская (1 в. 108 с.), Вознесенская (до Суконной слободы—1 в. 100 саж.), Сибирскій Трактъ (по Арскому Полю—1 в. 84 с.), Малое Польцо (въ Суконной слоб.—1 в. 76 с.), Подлужная (отъ спуска съ Красной ул.—1 в. 70 с.), Воскресенская (отъ Университетской до Ивановской площади—1 в. 42 с.), Набережная озера Кабана (1 в. 11 с.).

Площадей въ Казани числится 25 (считая въ томъ числѣ и новую „Вокзальную“), представляющихъ собою общую поверхность до 95 т. квадратныхъ саженъ. Самыя обширныя изъ нихъ, не считая Арскаго Поля

соединяющей городъ съ слободами Гривкою, Козьею и Кизическою, а юго-восточною оконечностью ворота-арку близь Спасской башни, которыми мы выходимъ на Ивановскую площадь и, далѣе, на Воскресенскую улицу, составляющую какъ бы продолженіе Кремлевской.

Историческое описаніе казанскаго кремля см. выше, страп. 128—135.

Описаніе достопримѣчательностей кремля:

Спасскими воротами кремля мы выходимъ на Ивановскую площадь, съ Ивановскимъ монастыремъ на правой рукѣ (см. стр. 153) и трехэтажнымъ зданіемъ городской думы на лѣвой рукѣ; наискосокъ думы, на углу обширнаго, выходящаго на площадь, зданія гостинаго двора, выступаетъ оригинальной архитектуры фасадъ городскаго публичнаго музея (см. стр. 361). Между зданіями монастыря и думы возвышается памятникъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.

Отъ Ивановской площади тянется къ юго-востоку, на протяженіи версты, *Воскресенская улица,* занимающая собою гребень кряжа, составляющаго продолженіе кремлевскаго холма. Воскресенская улица—лучшая улица города; это казанскій „Невскій проспектъ" въ миніатюрѣ,

кварталѣ; пятый кварталъ правой стороны Воскресенской улицы, онъ же и послѣдній отъ кремля, весь занятъ переднимъ фасадомъ университетскихъ зданій, съ красивымъ, украшеннымъ тремя колоналами, главнымъ зданіемъ университета (историческое описаніе университета см. стр. 264 и слѣд.).

Въ первомъ кварталѣ лѣвой отъ кремля стороны Воскресенской улицы находится зданіе городской думы; въ четвертомъ кварталѣ—громадное, но весьма неуклюжее, зданіе городскаго пассажа (см. о немъ стр. 364); въ пятомъ кварталѣ, въ домѣ Челышева, находится помѣщеніе общества любителей шахматной игры (шахматный клубъ), а оканчивается этотъ кварталъ Воскресенскою церковью, съ обширнымъ зданіемъ Ксеніинской женской гимназіи, расположеннымъ въ глубинѣ слѣдующей за церковью небольшой площади, въ серединѣ которой приготовлено мѣсто для небольшаго сквэрика, въ которомъ предположена постановка памятника—бюста знаменитаго казанскаго математика Лобачевскаго (см. о немъ выше стр. 285—287). Шестой, лѣвый, кварталъ Воскресенской улицы, онъ же послѣдній, находящійся какъ разъ противъ университетскихъ зданій, заканчивается угловымъ клиническимъ садикомъ.

Свернувъ отъ точки пересѣченія улицъ Воскресенской и Университетской влѣво и направясь уже по Университетской ул., мы, пройдя мимо массивнаго четырехэтажнаго зданія университскихъ клиникъ (см. стр. 314), выйдемъ на *Николаевскую площадь,* къ точкѣ пересѣченія улицъ: Университетской, Рыбнорядской и Большой Лецкой.

Нынѣшняя Николаевская площадь, съ разведеннымъ на ней въ 1891—1892 гг. красивымъ, украшеннымъ фонтаномъ, сквэромъ, до большаго пожара 1842 г. представляла собою одно изъ бьющихъ въ глаза безобразій г. Казани, будучи застроена кузницами и нѣкоторыми другими заведеніями бывшаго приказа общественнаго призрѣнія,

падной половины г. Казани, принимая за базисъ ту же Воскресенскую улицу.

Къ сѣверу отъ Воскресенской улицы, подъ острымъ къ ней угломъ, вершина котораго обращена къ кремлю, тянется почти на полверсты, по направленію съ запада на востокъ, обширный Черноозерскій садъ, съ *Правою и Лѣвою Черноозерскими улицами* по сторонамъ его.

По первой изъ нихъ расположены, начиная съ запада: домъ университетской типографіи, городское четырехклассное училище (см. выше стр. 353), городской домъ призрѣнія (Ложкинская богадѣльня), Александровская лечебница для приходящихъ и зданіе военно-окружнаго штаба и другихъ военно-окружныхъ учрежденій; по второй—сѣверо-восточный фасадъ городскаго пассажа, главный фасъ котораго очень много теряетъ, выходя въ соединяющій Воскресенскую ул. съ лѣвою Черноозерскою невзрачный Акчуринскій переулокъ, и домъ отдѣленія государственнаго банка.

Еще сѣвернѣе обѣихъ Черноозерскихъ улицъ пролегаетъ, параллельная имъ, *Покровская улица,* начинающаяся, подъ наименованіемъ „Воздвиженской", отъ восточнаго фаса кремля, получающая, послѣ пересѣченія ея Поперечно-Казанскою, свое настоящее названіе и выходящая восточною оконечностью своею на Театральную площадь.

По этой улицѣ расположены, начиная отъ кремля: съ правой стороны—гимназическая Воздвиженская церковь, зданія Императорской первой гимназіи (см. стр. 325), окружнаго интендантскаго управленія, лютеранская церковь; съ лѣвой стороны—мужское духовное училище, снова зданія первой гимназіи, губернская земская больница, Покровская церковь и,

речно-Казанской улицѣ, при спускѣ отъ нея къ Нижне-Ѳедоровской—зданіе гражданскаго тюремнаго замка.

Только что описанный нами сѣверо-западный уголъ г. Казани, ограниченный Воскресенскою улицею, Николаевскою площадью и составляющею продолженіе ея къ сѣверу Театральною площадью, оцѣпленъ полосою городскихъ общественныхъ садовъ, идущихъ, по направленію отъ кремля, т. е. съ запада, въ слѣдующемъ порядкѣ: Банный, съ зданіемъ цирка въ немъ; Черноозерскій, съ одноименнымъ ему рестораномъ; Николаевскій скверъ (на Николаевской площади); Державинскій, между Николаевскимъ скверомъ и Театральною площадью, съ памятникомъ поэта Державина въ немъ, и Театральный, за зданіемъ театра. Линія этихъ садовъ образуетъ прямой уголъ, вершину котораго составляетъ Николаевскій скверъ и стороны котораго идутъ отсюда, одна—на западъ (сады Черноозерскій и Банный), другая—на сѣверъ (сады Державинскій и Театральный).

Между садами Державинскимъ и Театральнымъ расположена *Театральная площадь*, съ впадающими въ нее съ запада, уже извѣстными намъ, улицами Покровскою и Большою Казанскою.

На Театральную площадь, середину которой, какъ разъ противъ Державинскаго сада и памятника Державина, занимаетъ большое каменное зданіе городскаго театра, выходятъ дома: почтамта (съ западной стороны) и дворянскаго собранія (съ восточной стороны).

Продолженія къ востоку отъ Театральной площади образуютъ: Большой Казанской улицы—*Большая Красная улица*, съ вещевыми интендантскими складами

Окружная Лечебница во имя Всѣхъ Скорбящихъ (психіатрическая); съ правой стороны—водохранилища городскаго водопровода, затѣмъ за мостомъ — зданія военнаго госпиталя и духовной академіи, крещено-татарской школы и новыя строенія ветеринарнаго института.

Съ правой стороны примыкаетъ къ Арскому Полю такъ называемая Академическая Слободка; Арское Поле и Академическая Слободка соединяются съ низменностью, расположенною по восточному побережью озера Нижняго Кабана,—Суконною Слободою,— тремя улицами, носящими названія *Первой, Второй и Третьей Горъ*. Ново-Горшечною и Старо-Горшечною улицами тоже Арское Поле соединяется съ Рыбною площадью. Въ самомъ началѣ Арскаго Поля, съ лѣвой стороны его, Институтскій спускъ ведетъ насъ къ *Подлужной улицѣ* и р. Казанкѣ.

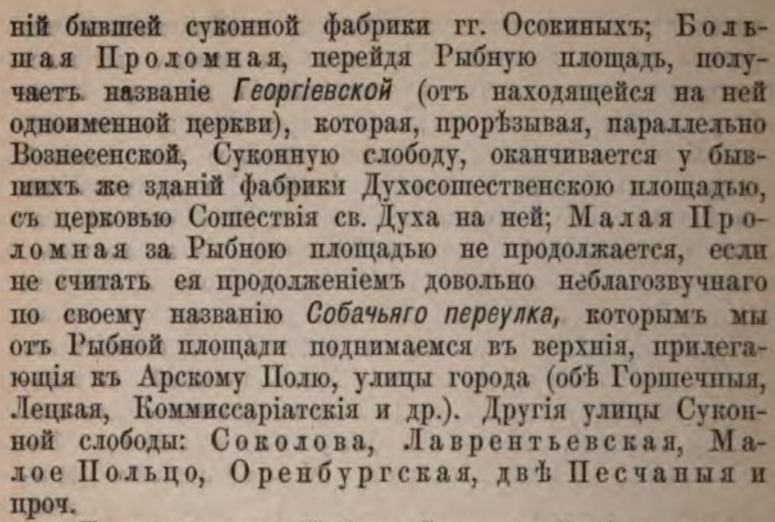
Познакомившись теперь съ расположеніемъ сѣверной и сѣверо-восточной частей города, вернемся на Воскресенскую ул. На юго-западъ отъ Воскресенской ул., между нею и протокомъ Булакомъ, въ послѣдовательномъ (отъ Воскресенской ул.) порядкѣ пролегаютъ параллельно ей слѣдующія четыре улицы: *Малая Проломная*, начинающаяся отъ Толкучаго рынка („Толчка"), расположеннаго подъ Гостинымъ дворомъ, за противоположною Воскресенской улицѣ линіею его обширнаго четырехугольнаго корпуса; *Большая Проломная*, начинающаяся отъ берега р. Казанки, близъ Тайницкой башни и воротъ, огибающая съ западной стороны кремлевскій холмъ, прилегающая къ спуску Ивановской площади и затѣмъ направляющаяся на юго - востокъ, параллельно Воскресенской;

вершенно правильныхъ кварталовъ въ формѣ паралелограмовъ.

Протокъ Булакъ, вытекающій изъ сѣверной оконечности оз. Нижняго Кабана, правильною линіею направляется отсюда на сѣверо-западъ и, до самого впаденія своего (къ западу отъ Кремля) въ р. Казанку, идетъ подъ нѣкоторымъ угломъ по отношенію къ направленію Воскресенской и параллельныхъ ей улицъ. По сторонамъ протока пролегаютъ улицы: *Правая* (восточная) и *Лѣвая* (западная) *Набережныя Булака*.

Въ началѣ Правой Набережной Булака, подъ кремлемъ, расположена весенняя ярмарка («биржа»). По Лѣвой Набережной Булака расположены зданія реальнаго училища и второй гимназіи. Черезъ протокъ Булакъ сообщеніе съ Забулачьемъ поддерживается семью деревянными мостами, именно: Первымъ или Татарскимъ (у оз. Кабана), затѣмъ — Вторымъ (по Университетской ул.), Третьимъ (по Поперечно-Воскресенской ул., у зданія второй гимназіи), Романовскимъ (пѣшеходный, по Поперечно-Воскресенской ул., у зданія реальнаго училища), Четвертымъ (по Петропавловской ул.), Пятымъ (по Гостинодворской ул.) и Шестымъ (у ве сенней биржи).

Пересѣкающія улицу Воскресенскую и параллел пыя ей улицы: Гостинодворская, Петропавловская, П перечно-Вознесенская, Поперечно-Воскресенская и Ун верситетская, перейдя прилегающими къ нимъ моста прот. Булакъ и вступивъ въ районъ Забулачья, получаю новыя наименованія: первая — *Поперечно-Владимірск* вторая — *Посадской*, третья — *Большой Варлаамовск* четвертая — *Поперечно-Тихвинской*, пятая — *Сѣнной*. раллельно Набережнымъ Булака, Забулачье прор



ній бывшей суконной фабрики гг. Осокиныхъ; Большая Проломная, перейдя Рыбную площадь, получаетъ названіе *Георгіевской* (отъ находящейся на ней одноименной церкви), которая, прорѣзывая, параллельно Вознесенской, Суконную слободу, оканчивается у бывшихъ же зданій фабрики Духосошественскою площадью, съ церковью Сошествія св. Духа на ней; Малая Проломная за Рыбною площадью не продолжается, если не считать ея продолженіемъ довольно неблагозвучнаго по своему названію *Собачьяго переулка,* которымъ мы отъ Рыбной площади поднимаемся въ верхнія, прилегающія къ Арскому Полю, улицы города (обѣ Горшечныя, Лецкая, Коммиссаріатскія и др.). Другія улицы Суконной слободы: Соколова, Лаврентьевская, Малое Польцо, Оренбургская, двѣ Песчаныя и проч.

Ближе къ озеру Кабану Суконная Слобода переходитъ въ слободу Архангельскую, съ улицами *Ближнею и Дальнею Архангельскими* (по послѣдней, на берегу оз. Кабана, университетскій ботаническій садъ).

Часть города, расположенная за озеромъ Кабаномъ,носитъ названіе Плетеней, къ которымъ съ юго-запада, ближе къ Волгѣ, прилегаетъ Ново-Татарская слобода. Отмѣтивъ въ этой части города лишь улицу *Набережную Кабана* (здѣсь зданіе инородческой учительской семинаріи) и улицу *Екатериненскую,* простирающуюся отъ улицы Евангелистовской до прилегающихъ къ берегу оз. Кабана обширныхъ зданій мыльно-стеариноваго завода бр. Крестовниковыхъ, мы на дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этой южной окраины г. Казани останавли-

тившій собою бани, на мѣстѣ которыхъ и появилось озерцо. Что эта мѣстность, дѣйствительно, изобилуетъ подземными ключами, подтверждается катастрофою 11 іюля 1861 г., когда, рано утромъ, съ сильнымъ подземнымъ гуломъ разсѣлась земля подъ сосѣднимъ зданіемъ городской богадѣльни, которое осѣло и дало трещины; затѣмъ трещина, образовавшаяся въ почвѣ, прошла по смежнымъ дворамъ Гробовскаго и Петонди, отсюда, черезъ улицу, къ зданію кухни первой гимназіи и снова вернулась къ зданію богадѣльни, повредивъ всѣ встрѣченныя ею по пути строенія. Народная молва ставила это явленіе въ связь съ совершившеюся за 15 лѣтъ до того засыпкою Баннаго озера.

Въ настоящее время Банный садикъ совершенно запущенъ, загроможденный неуклюжимъ деревяннымъ циркомъ бр. Никитиныхъ.

Рядомъ съ Баннымъ садикомъ, восточнѣе его, расположенъ обширный (4 десят. 1437 кв. саж.) Черноозерскій садъ, простирающійся, подъ угломъ къ пролегающей южнѣе его (черезъ одинъ кварталъ домовъ) Воскресенской улицѣ, на протяженіи около полуверсты. Черноозерскій садъ отдѣляется отъ Баннаго устроенною еще въ 20-хъ годахъ искусственною насыпью, по которой проложено уличное полотно, соединяющее Правую Черноозерскую улицу съ Гостинодворскою и въ которой при губернаторѣ Шиповѣ устроенъ былъ туннель между обоими садами (въ настоящее время для публики, по ветхости, закрытъ и входы въ него заколочены), носившій въ то время въ народѣ юмористическое названіе „шиповой дыры“.

Черноозерскій садъ получилъ свое наименованіе отъ озера, еще недавно и въ дѣйствительности находившагося среди него, но засыпаннаго въ 1889—1891 гг. вслѣдствіе своей загрязненности и издававшагося имъ зловонія, хотя это Черное озеро знавало когда то и

отъ него направляющеюся къ сѣверу. Выйдя изъ этого сада его сѣверною калиткою и перейдя уличное полотно проѣзда между Правою Черноозерскою и Малою Лецкою улицами, мы встрѣтимъ двойную лѣстницу, ведущую насъ въ сосѣдній—Державинскій садъ, красивая и высокая, съ стекляннымъ куполомъ, бесѣдка котораго господствуетъ надъ окружающею мѣстностью. Державинскій садъ (площадью въ 2433 квадр. саж.) разведенъ въ 1871—1872 гг. на пустомъ и пыльномъ плацѣ, служившемъ мѣстомъ воинскихъ ученій. Въ сѣверномъ концѣ сада, какъ разъ противъ зданія городскаго театра, находится памятникъ знаменитаго казанскаго уроженца, поэта Державина. Въ Державинскомъ саду, за 25 лѣтъ своего существованія прекрасно разросшемся и являющемся, въ противоположность демократическому Черному Озеру, излюбленнымъ мѣстомъ вечернихъ гуляній избранной казанской публики, имѣются также фонтанъ и бесѣдка съ продажею минеральныхъ водъ и кумыса. Во время научно - промышленной выставки 1890 г. въ этомъ саду помѣщались нѣкоторые ея отдѣлы и выставочный ресторанъ.

Выйдя изъ Державинскаго сада одною изъ двухъ сѣверныхъ калитокъ его, мы очутимся на Театральной площади, съ красивымъ каменнымъ зданіемъ городскаго театра по ея серединѣ и съ зданіями почтамта (на углу этой площади и Покровской улицы) съ лѣвой руки и дворянскаго собранія (на углу площади и Грузинской улицы) съ правой руки. Пройдя Театральную площадь и обогнувъ зданіе театра, задній фасадъ котораго приходится какъ разъ по линіи проѣзда между улицами Большою Казанскою (съ лѣвой руки) и Большою Красною

(съ правой руки), мы увидимъ передъ собою послѣдній садъ линіи центральныхъ казанскихъ садовъ. Это—

Театральный садъ (2404 кв. с.), южная часть котораго представляетъ собою остатокъ рощъ, покрывавшихъ когда то этотъ сѣверо-восточный уголъ Казани по теперь уже засыпаннымъ, выровненнымъ и застроеннымъ оврагамъ и буеракамъ. Сѣверная, новая, часть сада насаждена лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, на мѣстѣ засыпаннаго передъ тѣмъ „Театральнаго" озерца или „Бассейна", отъ котораго получила свое наименованіе прилегающая Бассейная улица и которое входило въ общую цѣпь находившихся, когда то, въ мѣстности нынѣшней Казани озеръ.

Внѣ центральнаго пояса ихъ, въ г. Казани имѣются еще слѣдующіе общественные сады:

Лецкой садъ (1 десят. 1983 кв. саж. площади), между Лецкою и Старогоршечною улицами, близь выѣзда къ Арскому Полю, разведенъ въ 1869—1870 гг. на мѣстѣ находившагося здѣсь обширнаго пустыря. Садъ этот является сокращеннымъ проходомъ для пѣшеходовъ из улицы Лецкой въ южную половину Коммиссаріатско Новогоршечную и прилегающія къ нимъ.

Интендантскій садикъ, въ прилегающемъ Арскому Полю концѣ Большой Красной улицы, проти зданія управленія интендантскихъ вещевыхъ складо весьма мало посѣщается публикою.

Садикъ Мокринскій, на Мокрой площ., тивъ дома гг. Соболевыхъ, неподалеку отъ желѣзнодо наго вокзала; садикъ этотъ недавно лишь разведе требуетъ еще многаго для приведенія его въ сост надлежащаго благоустройства.

находится на могильномъ холмѣ, возвышающемся на заливномъ лѣвомъ берегу р. Казанки, между Адмиралтейскою слободою и городомъ (ближе къ первой), и своею своеобразною формою усѣченной пирамиды, съ крестомъ на верху, первымъ бросается туристу въ глаза при въѣздѣ, по дорогѣ къ городу, изъ слободы на земскую дамбу, съ лѣвой стороны этой послѣдней. Описаніе памятника въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 119—123) уже было дано нами.

Памятникъ поэта Г. Р. Державина является, по времени, вторымъ изъ существующихъ въ городѣ достопримѣчательностей этого рода. Открытый въ августѣ 1847 года, съ обычною въ подобныхъ случаяхъ торжественностью, памятникъ Державина, — казанскаго уроженца и одного изъ первыхъ воспитанниковъ старой казанской (нынѣ Императорская первая) гимназіи,—первоначально былъ поставленъ на университетскомъ дворѣ, между заднимъ фасадомъ главнаго университетскаго корпуса и зданіемъ анатомическаго театра, и только въ 1870 г., по иниціативѣ губернскаго земства и на средства, собранныя добровольною подпискою, перенесен (3 іюля) на плацъ Театральной площади, гдѣ и уста новленъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ красуетс и до настоящаго времени; вслѣдъ за тѣмъ на это плацу разведенъ городомъ общественный садъ, котор и носитъ имя пѣвца Фелицы.

Мысль о постановкѣ въ Казани памятника Г. Р. Держа возникла еще въ 1816 году, тотчасъ послѣ кончины поэта, и впе открыто заявлена была на торжественномъ собраніи Общества телей отечественной словесности, имѣвшемъ мѣсто по случаю событія. Вскорѣ въ дѣятельности общества наступило затишье и

Въ 1889 г. былъ образованъ особый комитетъ для сооруженія памятника, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы и при участіи въ немъ представителей отъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ и купечества г. Казани, которымъ и былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проэкта будущаго памятника. Въ началѣ 1890 года въ казанскую думу было представлено изъ различныхъ мѣстностей Россіи 13 проектовъ памятника, которые въ февралѣ мѣсяцѣ были выставлены для публичнаго обзора ихъ въ думскомъ залѣ. Для того, чтобы узнать мнѣнія осматривавшихъ выставленные проекты, около нихъ были поставлены кружки, въ которыя посѣтители, по своему выбору, опускали печатные билетики съ надписью «одобряю». Изъ всѣхъ проектовъ одинъ, подъ девизомъ «Великому», получилъ громадное большинство. 8 марта того же 1890 г. состоялось соединенное засѣданіе комитета съ городской думой, представителями земствъ и городовъ, принявшихъ участіе въ дѣлѣ сооруженія памятника своими пожертвованіями, и тотъ же проектъ подъ девизомъ «Великому» почти единогласно былъ признанъ всѣми присутствующими за безусловно лучшій. По вскрытіи пакета, гдѣ значился авторъ проекта «Великому», оказалось, что онъ составленъ академикомъ В. О. Шервудомъ, тѣмъ самымъ, который создалъ проектъ самарскаго памятника Императору Александру II. Въ засѣданіи казанской городской думы 16 марта мѣсто для памятника было избрано противъ зданія думы, на Ивановской площади, на что 28 ноября 1891 г. и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Прилагаемый рисунокъ даетъ читателямъ общее представленіе о памятникѣ Императора Александра II. Царь-Освободитель изображенъ здѣсь въ спускающейся съ плечъ порфирѣ, съ непокрытою головою и лицемъ, обращеннымъ къ древнему казанскому Кремлю. Лѣвая рука въ Бозѣ почивающаго Монарха покоится на колон —символическомъ изображеніи „закона", съ лежащим на ней Императорскою короною и скипетромъ; пра

Памятникъ въ Бозѣ почивающаго Императора
Александра II,
на Ивановской площади города Казани.

средства города и казанскаго физико-математическаго общества, удѣлившаго на это дѣло часть суммы, собранной имъ на учрежденіе преміи имени Лобачевскаго. Памятникъ (бюстъ) Н. И. Лобачевскаго въ настоящее время еще изготовляется, но для постановки его городомъ уже приготовлено и окружено желѣзною рѣшеткою, внутри которой, вокругъ памятника, будетъ насаженъ маленькій скверикъ, мѣсто какъ разъ противъ главныхъ университетскихъ воротъ, между этими послѣдними и зданіемъ Ксеніинской женской гимназіи.

Желая, съ своей стороны, почтить память знаменитаго казанца, городское общественное управленіе наименовало «Лобачевскою» прежнія Баратаевскую и Почтамскую улицы, а также прибило къ наружной стѣнѣ дома, принадлежавшаго когда то великому математику (нынѣ домъ г. Смоленцова, на Большой Проломной ул., наискосокъ церкви св. Богоявленія), мраморную доску съ надписью о томъ, что въ этомъ домѣ жилъ и скончался Н. И. Лобачевскій.

Другія черты внѣшняго благоустройства города. Введеніе въ русскихъ городахъ городоваго положенія 16 іюля 1870 г. составило эпоху въ исторіи благоустройства ихъ, и г. Казань не составилъ въ этомъ отношеніи исключенія, тѣмъ болѣе, что съ конца 1871 года во главѣ казанскаго городскаго общественнаго управленія сталъ, въ качествѣ головы, интеллигентный и энергичный дѣятель—профессоръ мѣстнаго университета Э. П. Янишевскій.

Въ ту пору, въ ряду вопросовъ городскаго благоустройства, едва ли не первое мѣсто занималъ вопросъ

объ устройствѣ хорошаго водоснабженія, такъ какъ отсутствіе доброкачественной воды для питья составляло исконную злобу города Казани, о чемъ въ своемъ мѣстѣ уже было нами говорено. Не касаясь нѣсколькихъ проектовъ устройства водоснабженія Казани, изъ которыхъ нѣкоторые отличались весьма широкимъ полетомъ фантазіи авторовъ ихъ, и о неудачной попыткѣ механика Нея (въ 30-хъ годахъ) устройства на Николаевской площади артезіанскаго колодца, уже очень рано возникла въ Казани мысль объ устройствѣ здѣсь водопровода,—мысль, которая пережила долгій рядъ всякаго рода перепетій и превратностей прежде, нежели стала на почву своего осуществленія, не смотря на то, что на предметъ устройства въ городѣ водопровода имѣлся даже особый капиталъ, образовавшійся въ 1863 г. и въ началѣ 70-хъ годахъ достигавшій цифры 200 тыс. рублей. Капиталъ этотъ остался, однако, безъ указываемаго его названіемъ употребленія и пошелъ на позаимствованія изъ него для удовлетворенія другихъ городскихъ потребностей, такъ какъ казанскій водопроводъ, открытый 24 октября 1874 года, былъ сооруженъ на концессіонныхъ началахъ „Обществомъ казанскаго водоснабженія", устроеннымъ извѣстнымъ русскимъ капиталистомъ Губонинымъ. Вода для этого водопровода проведена изъ ключей, находящихся при дер. Пановкѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Казани, по сибирскому тракту.

Въ силу условій концессіи, предприниматели приняли на себ
обязательство пріобрѣсти за свой счетъ какъ Пановскіе ключи, та
и всю полосу земли отъ д. Пановки до города, необходимую для
кладки главной водопроводной трубы, за что имъ предоставлено
въ теченіи 50 лѣтъ отпускать всѣмъ желающимъ ду изъ горо 3

водоемовъ по цѣнѣ не дороже 17 коп. за сотню ведеръ; отпускъ же воды въ пожарныхъ случаяхъ обусловленъ безплатный. Никакой гарантіи при этомъ городъ на себя не принялъ. По истеченіи концессіоннаго срока (50 лѣтъ), всѣ водопроводныя сооруженія (на сумму свыше 1 милліона рубл.) безвозмездно переходятъ въ собственность города.

Почти одновременно съ концессіею на устройство водопровода, другому не менѣе извѣстному русскому предпринимателю-капиталисту, Башмакову, дана была концессія на устройство общества для освѣщенія города Казани текучимъ газомъ, каковое и было начато здѣсь съ декабря того же 1874 года.

Концессія предоставлена г. Башмакову на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Предприниматель устраиваетъ, на собственный свой счетъ, всѣ сооруженія завода для добыванія нефтянаго газа на отведенной городомъ землѣ; прокладываетъ газопроводныя по улицамъ трубы, в[illegible] опредѣленномъ районѣ, по протяженію 39 верстъ, и устанавливает[illegible] газовые фонари. Городское управленіе за освѣщеніе каждаго ули[illegible]наго фонаря въ теченіи 1600 часовъ горѣнія платитъ 14 р. 80 к[illegible] (тоже, что оно платило за освѣщеніе фонарей керосиномъ), приче[illegible] число уличныхъ фонарей въ районѣ освѣщенія не должно быть ме[illegible] 1000; предпринимателю же предоставляется право освѣщенія частн[illegible] домовъ, магазиновъ и проч., по обоюдному съ владѣльцами согла[illegible]нію. По истеченіи 50 лѣтъ, всѣ сооруженія завода и газопрово[illegible] сѣть, въ указанномъ выше размѣрѣ, поступаетъ безвозмездно въ [illegible]венность города.

Устройство въ Казани водопровода неминуемо д[illegible] но было выдвинуть впередъ и тѣсно связанный съ [illegible] вопросъ объ устройствѣ въ городѣ канализаці[illegible] удаленія нечистотъ, которое всегда отличалось, да [illegible] нашихъ дней отличается здѣсь, необыкновенною [illegible]

ложеніи неопредѣленности, въ какомъ онъ находился и 20 лѣтъ тому назадъ. Въ послѣдніе годы возникло предположеніе о городскомъ займѣ для устройства канализаціи. Какъ бы то ни было и какими путями не пошло бы наше городское общественное управленіе къ этой цѣли—но раціональная организація въ Казани дѣла удаленія нечистотъ представляетъ собою одинъ изъ существеннѣйшихъ и неотложнѣйшихъ вопросовъ мѣстнаго благоустройства.

Къ первой половинѣ 70-хъ годовъ относится и начало устройства сѣти казанскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Еще въ февралѣ 1870 г. городомъ заключенъ былъ въ этомъ отношеніи контрактъ съ г. Панаевымъ, но такъ какъ въ этомъ договорѣ не было опредѣлено срока для окончанія работъ, то до 1873 года дѣло находилось безъ всякаго движенія. Дума нашла нужнымъ этотъ вопросъ снова разсмотрѣть и 8-го октября 1873 года, признавъ собственниками предпріятія гг. Тальквиста и Этолина, опредѣлила, что товарищество обязано приступить къ сооруженію дороги не позже 12 мѣсяцевъ со дня утвержденія устава о конножелѣзной дорогѣ и, затѣмъ, окончательное устройство главныхъ путей должно быть приведено въ исполненіе, съ открытіемъ по нимъ движенія, не позже 2-хъ лѣтъ со дня утвержденія техническаго проэкта. Какъ уставъ, такъ и техническій проэктъ въ 1874 г. были подлежащими сферами утверждены. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ работамъ по проложенію рельсъ конки и уже 2 октября 1875 г. открыто было движеніе по нимъ. На первый разъ открыты были линіи: „Волжская"—отъ Толчка до волжскихъ пароходныхъ пристаней, и „Проломная"—

За последніе 25 лѣтъ г. Казань сдѣлалъ впередъ не мало и другихъ шаговъ по части своего благоустройства. Весьма дѣятельно шло за этотъ промежутокъ времени дѣло замощенія города и содержанія его въ чистотѣ. Въ настоящее время уже замощены всѣ центральныя части города и городское общественное управленіе начало теперь обращать вниманіе и на окраины и слободы города, очень долго остававшіяся въ этомъ отношеніи въ состояніи запущенія. Въ 1888 г. дума постановила завести свой собственный городской рабочій обозъ для очистки города, содержаніе котораго обходится до 10 тыс. р. въ годъ. Этотъ же рабочій обозъ занятъ лѣтомъ поливкою принадлежащихъ городу уличныхъ участковъ и, за особую и весьма умѣренную плату, поливкою участковъ улицъ противъ домовъ частныхъ домовладѣльцевъ; впрочемъ, поливка улицъ весьма туго прививается въ Казани, не смотря на страшную пыль, цѣлыми тучами поднимающуюся по лѣтамъ надъ городомъ и, повидимому, дѣло въ этомъ направленіи не будетъ поставлено правильно до той поры, пока не издастся обязательное для домовладѣльцевъ правило о поливкѣ въ лѣтнее время улицъ. Въ 1891 г. состоялось думское постановленіе объ учрежденіи въ городѣ института (въ количествѣ трехъ) безплатныхъ городскихъ думскихъ врачей и т. п. За последніе же годы выстроена и открыла въ Казани свое дѣйствіе городская общественная скотобойня, съ санитарною при нею станціею для осмотра мяса убиваемаго здѣсь скота и т. п.

Мы не имѣемъ возможности перечислить остальныя, болѣе мелкія, начинанія, предпринимавшіяся и предпри-

ченицы Маргариты. Существующія нынѣ зданія: колокольня, кел… гостинницы и больница — сооружены, большею частью, иждивені… бывшей въ монастырѣ игуменьи Софіи (въ мірѣ княжны Болховско…

2. **Спассо-Преображенскій**, 2 го класса, мужской, въ Каз…ни, внутри Кремля. Основанъ въ 1556 г., т. е. черезъ 4 года пос… покоренія Казани, по повелѣнію Царя Іоанна Грознаго и по благосл…венію архіепископа св. Гурія. препод. Варсоноѳіемъ, который былъ пе…вымъ архимандритомъ обители и мощи котораго почиваютъ въ не… Управляется монастырь имѣющимъ въ немъ жительство викаріемъ К…занской епархіи, епископомъ Чебоксарскимъ. Въ монастырѣ храм… 1) Соборъ Преображенія Господня, въ коемъ почиваютъ мощи пре… Варсоноѳія, основателя обители; построенъ взамѣнъ стараго въ 16… году; 2) Св. Николы Ратнаго; 3) Св. Кипріана и Іустиніи; 4) Св. В…ликомученицы Варвары (въ колокольнѣ); 5) Св. Варсоноѳія; 6) Св. І…анна Лѣственника. Въ особой часовенкѣ имѣется нѣсколько древни… историческихъ гробницъ, а въ оградѣ монастыря и до сихъ поръ с… погребаются именитые покойники города. Въ обители погребенъ, м…ду прочимъ, казанскій митрополитъ Ефремъ, вѣнчавшій въ 1613 г. … царство Царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

3. **Зилантовъ-Успенскій**, 2-го класса, мужской, на бере… Казанки, на сѣверной окраинѣ Адмиралтейской слободы г. Ка… Основанъ по повелѣнію Царя Іоанна Грознаго въ 1552 г. въ п… воиновъ, павшихъ при взятіи Казани. Въ монастырѣ храмы: 1) У… Пресвят. Богородицы; 2) Всѣхъ Святыхъ; 3) Св. Ап. Петра и … 4) Преп. Герасима и 5) Св. Алексѣя митроп. Къ монастырю … санъ находящійся на заливной равнинѣ р. Казанки памятникъ… могилою убіенныхъ при взятіи Казани, съ находящеюся вну… церковью Нерукотвореннаго Спаса (осв. въ 1823 г.). Монастыр…ляется архимандритомъ.

4. **Кизическій-Введенскій**, 3-го класса, мужской, … верстахъ отъ г. Казани, при Кизической слободѣ. Основанъ … патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ храмы: 1) Введенія во храм…

Воздвиженія Честнаго Креста Господня (14 сент.); освящена 13 сент. 1825 г.

21. Гимназическая, при третьей Казанской Гимназіи, на Старо-Коммиссаріятской ул., близь Первой Горы.

22. Александро-Чемесовская, при Чемесовской дворянской богадѣльнѣ.

III. Православныя часовни. Ихъ имѣется въ Казани 5,—именно:

1. Въ память избавленія Государя Императора Александра II отъ руки убійцы 4 апрѣля 1866 г., на Грузинской ул., около зданія дворянскаго собранія.

2. Въ память мученической кончины Императора Александра II отъ руки убійцъ, 1 марта 1881 года, въ оградѣ Владимірскаго собора.

3. Часовня съ Иконою Богоматери, въ оградѣ Вознесенской церкви.

4. Деревянная часовня Усѣкновенія Главы Св. Іоанна Предтечи, при Николо-Ляпуновской церкви, при спускѣ отъ Толчка на Больш. Проломную улицу.

5. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси, въ Адмиралтейской слод., при мѣщанской Маріинской богадѣльнѣ.

IV. Церкви другихъ христіанскихъ исповѣданій. Ихъ —двѣ; это церкви:

1. Римско-Католическая, на Лецкой ул., близь Арскаго поля.

2. Лютеранская, на Покровской ул., наискосокъ Покровской церкви. При ней церковное училище.

V. Храмы иновѣрческіе. Въ г. Казани имѣется 13 мусульманскихъ мечетей; при каждой изъ нихъ устроена приходская начальная школа („медрессе"). Эти мечети слѣдующія:

1. Главная (соборная) мечеть, называемая «Юнусовскою», в

Плетеняхъ, на углу Захарьевской и 1-й Поперечной улицъ, близъ У
тельской семинаріи (въ настоятельствѣ мѣстнаго мусульманскаго аху

2. Мечеть близъ Сѣнной площади, по Сѣнной улицѣ.

3. Мечеть на Захарьевской улицѣ, за Учительской семинар

4. Мечеть на углу Большой Мѣщанской и Поперечно-Тих
ской ул.

5. Мечеть на углу Большой Мѣщанской и Поперечно-Екат
ненской ул.

6. Мечеть на углу Большой Мѣщанской и 2-й Поперечной

7. Мечеть на углу Малой Мѣщанской и Евангелистовской

8. Мечеть на углу Никольской и Мыловаренной ул.

9. Мечеть на углу Малой Симбирской и 4-й Поперечной у

10. Мечеть на углу Большой Симбирской и 4-й Поперечной

11. Мечеть между Большой Симбирской и Малой Симбир
улицъ.

12. Мечеть на Большой улицѣ (въ Адмиралтейской слобод

13. Мечеть на Большой улицѣ (въ Адмиралтейской слобод

IV.

ТЕАТРЪ И ДРУГІЯ МѢСТА УВЕСЕЛЕНІЙ. ГУЛЯНЬЯ.

Городской театръ. Исторія казанскаго театра на
уже извѣстна (см. выше стр. 391 и слѣд.). Мы видѣ
что, получивъ свое начало еще въ концѣ прошедш
столѣтія, публичный театръ до начала 50-хъ гг. зак
чивающагося столѣтія ютился въ Казани по различны
частнымъ помѣщеніямъ и что только при двухъ ант
призахъ (Есипова, 1803—1814 гг., и Соколова, 183
1842 гг.,) имѣлись спеціально приспособленныя для т
тральныхъ представленій деревянныя зданія, которыя
находились противъ зданія нынѣшняго театра, въ мѣ
ности, занятой теперь Державинскимъ садомъ, и изъ

рыхъ первое было въ 1816 г., за смертью владѣльца
го, продано на сломъ, а второе сгорѣло въ большой по-
аръ 1842 года.

Мы знаемъ также и то, что вопросъ о построеніи
ь Казани нынѣ существующаго большаго городскаго
аменнаго театра возникъ въ первой половинѣ 40-хъ
одовъ по иниціативѣ губернатора С. П. Шипова и что
нергичный администратръ повелъ это дѣло настолько
спѣшно, что 14 сентября 1845 г. совершено было тор-
ество закладки новаго театра, а весною 1852 г. уже
ачались въ немъ представленія. Театръ этотъ два раза
орѣлъ (въ 1860 и 1874 г.г.) и послѣ пожара 1874 г.
озобновленъ въ расширенномъ видѣ, будучи увеличенъ
очти въ полтора раза противъ прежнихъ размѣровъ
воихъ, причемъ прибавленъ одинъ ярусъ мѣстъ для
ублики, распространена сцена и пристроено прекрасное
ойе изъ трехъ залъ.

Казанскій городской театръ, послѣ варшавскаго и
оваго одесскаго театровъ, представляетъ собою самое
бширное и благоустроенное русское провинціальное теа-
ральное зданіе, которое, къ чести мѣстнаго городскаго
бщественнаго управленія, не эксплоатируется имъ въ
ачествѣ доходной статьи, но отдается предпринимателямъ
въ настоящее время артистическому товариществу подъ
правленіемъ М. М. Бородая) безвозмездно, подъ усло-
іемъ хорошей постановки сценическаго дѣла, находя-
щагося подъ контролемъ особо избираемаго думою город-
каго театральнаго комитета.

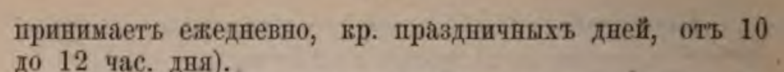
Театръ расположенъ на пространной Театральной
лощади, переднимъ фасадомъ своимъ къ Державинскому
аду и памятнику поэта Державина; съ восточной сто-

для огромнаго большинства обывателей почти исключительный характеръ мѣста гулянья, фланерства: для представителя какъ высшаго и средняго обществъ г. Казани, такъ и для простолюдина, побывать весною „на биржѣ", купить себѣ здѣсь что нибудь, начиная отъ грошевой „свистульки", фунта подсолнуховъ или жмачковъ и кончая гарднеровскимъ сервизомъ или дорогими бездѣлушками изъ уральскихъ минераловъ—составляетъ необходимый аттрибутъ весны. На время ярмарки на прилегающей къ ней площади устраиваются балаганы, качели, появляются раешники, а иногда играетъ и военная музыка.

Излюбленнымъ казанскимъ весеннимъ гуляньемъ всегда являлся и кремлевскій бульваръ, съ котораго развертывается эффектная панорама сливающагося разлива рѣкъ Волги и Казанки.

Впрочемъ, еще до вскрытія своего, Волга уже начинаетъ привлекать интересъ къ себѣ казанцевъ: благодаря волжской линіи конки, съ ранней весны начинаются поѣздки казанцевъ на устье р. Волги, гдѣ, въ ожиданіи ледохода, образуются обширныя гулянья, на время которыхъ широко раскрываютъ свои гостепріемныя двери приволжскіе трактиры, появляются торговцы апельсинами и другими сластями и даже мороженщики, и по праздничнымъ днямъ вагоны конки не успѣваютъ перевозить сюда всѣхъ желающихъ во-очію убѣдиться въ совершающемся пробужденіи Волги-матушки....

Оканчивается весна. Наступаетъ лѣто съ его первымъ праздникомъ—св. Троицею и Духовымъ днемъ. Праздникъ этотъ и соединяемыя съ нимъ Троицкія гулянья—всегда отличались въ Казани традиціонно-разгульнымъ характеромъ.



принимаетъ ежедневно, кр. праздничныхъ дней, отъ 10 до 12 час. дня).

Вице-губернаторъ—дѣйств. ст. сов. Александръ Георг. Левченко (кв. Грузинская ул., д. № 52).

Канцелярія губернатора—въ зданіи дворца.

Правитель канцеляріи—кол. асс. Алекс. Вас. Насоновъ (кв. въ зд. дворца). Старш. чиновникъ особ. порученій — кол. секр. Петръ Эраст. Янишевскій.

Губернское правленіе — въ зданіи губерн. присутственн. мѣстъ, въ кремлѣ.

Совѣтники: кол. сов. Алекс. Павл. Гессъ и кол. сов. Ник. Ник. Михайловъ.

Секретарь—кол. асс. Григ. Григ. Кукурановъ.

Губернскій медицинскій инспекторъ—ст. сов. Левъ Бор. Мандельштамъ.

Губернскій инженеръ—ст. сов. Левъ Казим. Хршановичъ.

Губернскій землемѣръ—д. ст. сов. Влад. Алекс. Ширяевъ.

Губернскій архитекторъ—кол. асс. Ѳеод. Дан. Малиновскій.

Старш. губерн. ветеринарный врачъ—кол. сов. Ос. Прокоф. Нешумовъ.

Губернскій статистическій комитетъ—канцелярія его на Черноозерской ул., д. Безобразова.

Секретарь—ст. сов. Викт. Ѳеод. Люстрицкій (кварт. тамъ же).

Отдѣльный цензоръ — д. стат. сов. Адольфъ Мих. Осиповъ (кв. Поповая Гора, д. Застрова, приним. ежедневно, кр. праздн. дней, въ 9 час. ут.).

Помощникъ его—кол. секр. Мих. Ник. Пинегинъ.

Казенная палата — въ зданіи губерн. присутственн. мѣстъ, въ кремлѣ.

Управляющій—д. стат. сов. Игн. Фелик. Гриневецкій (Первая Гора, д. Богданова).

Уѣздное полицейское управленіе—на Новогоршечной ул., по Арскому Полю, д. Марасанова.

Уѣздный исправникъ—кол. сов. Вас. Сем. Марасановъ (кв. тамъ же).

Губернское жандармское управленіе—Петропавловскій пер., домъ Соломина.

Начальникъ управленія—полк. Никол. Ѳеод. Маркъ (кв. тамъ же).

Адъютантъ—шт.-ротм. П. П. Пухловскій. Помощникъ по казанскому, лаишевск. и чистопольск. уѣздамъ—Алекс. Никол. Рыковскій.

II. Судебныя установленія города.

Судебная палата—въ Петропавловскомъ переулкѣ, д. Соболевыхъ.

Старшій предсѣдатель—д. ст. сов. Алекс. Ник. Щербачевъ.

Предсѣдатели департаментовъ: 1-го—д. ст. сов. Никол. Адольф. Ридманъ (кв. Односторонка Арскаго Поля, д. Филипсонъ); 2-го—д. ст. сов. Людв. Іерон. Грассъ (кв. Вознесенская ул., д. Петровой).

Прокуроръ судебной палаты—д. ст. сов. Александръ Андреев. Чернявскій (кв. на Больш. Красной ул., д. Саловень).

Окружный судъ—на Воскресенской ул., собственн. зданіе.

Предсѣдатель суда—д. ст. сов. Влад. Ромул. Завадскій (кв. Бол. Лядская ул., д. Вагнеръ).

Товарищи предсѣдателя: д. ст. сов.—Ник. Ал. Песлякъ и кол. сов. Ник. Ив. Веревкинъ.

Прокуроръ окружнаго суда — кол. сов. Никол. Зах. Шульгинъ (кв. Вознесенская ул., д. Журавлевыхъ).

Старшій нотаріусъ—д. ст. сов. Влад. Алекс. Нечаевъ (кв. Рыбнорядская ул., собств. домъ).

щества, учрежд. въ 1827 году—Ив. Игн. Калаш
ковъ (Лобачевская ул., д. Головиной) и Шар. Мух.
гитовъ (Университетская ул.. д. Смоленцова).

Россійскаго втораго страховаго об
ства—Пав. Тимоф. Жуковскій (Булакъ, у Татарс
моста, собств. домъ).

Россійскаго Общества застрахова
капиталовъ и доходовъ, учрежденнаго въ
году—Теод. Алекс. Тидеманъ (Воскресенская, д.
тинсонъ).

Московскаго страховаго общества—
Эд. Энгель (Воскресенская ул., д. Мартинсонъ).

Страховаго общества „Россія"—Я
Аким. Коровинъ (Петропавловская ул., д. Грачевой)

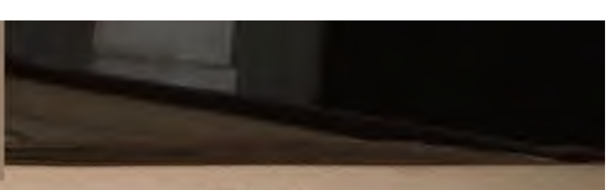
Страховаго общества „Саламандра
Мих. Петр. Петровъ (Гостинодворская ул., д. Сто
ской).

Страховаго общества „Якорь"—Вас. А
Бирилевъ (Петропавловскій пер., № 6), Алекс. Ем.
шабринъ (Вознесенская, д. Мельникова) и Андр.
Кенике (Больш. Проломная, д. Заусайлова).

Страховаго общества „Волга"—Еф.
Печниковъ (Петропавловскій пер., д. Челышева).

Страховаго общества „Надежда"—Д
Мих. Колесовъ (Прав. Набер. Булака, д. Титовых
Ан. Алекс. Михайлова (Воскресенская, зд. пассажа,
ея библіотекѣ).

Страховаго общества „Урбэнъ"—гла
агентура для края въ д. Осокиной (Грузинская ул
агентъ для г. Казани Тим. Ѳеод. Орловъ (Первая
собств. д.).



47) Посуда.

а) Чайная и столовая,

Алексѣевъ (Воскресенская, д. семинаріи, и Больш. Проломна[я] д. Данилова); Гутманъ (Гостинодворская, д. Злусайлова); Блохин[ъ] (уг. Большой Проломной и Попер. Вознесенской).

б) Стеклянная (обиходная, торговая и аптекарская).

Ульяновъ (Успенская, близь дамбы); Алексѣевъ (Воскресенская д. семинаріи).

48) Резиновыя, каучуковыя и викгатиновыя издѣлія.

Ольцинъ и К° (Воскресенская, д. Каменскихъ); Складъ россійско-американской резиновой мануфактуры (Больш. Проломная, д. Журавлева).

49) Рыбные товары

Сергѣевъ, Тимоѳѣевъ, Шебалинъ и др. (въ рыбныхъ рядахъ, на Рыбной площ.).

50) Рыболовныя принадлежности.

Кокушкинъ (Гостиный дворъ); Гинкель (Воскресенская д. Сапожникова); Полетаевъ (Больш. Проломная, д. Сталлеръ) Опаринъ (Гостиный дворъ, бл. толчка), а также (дешевыя) въ лавкахъ москательнаго ряда.

51) Садовые магазины.

Шнееберг̧ъ (Воскресенская, д. Болдырева); Квасников[ъ] (Николаевская пл., д. Юшкова). Продажа растеній, цвѣтовъ и сѣмян[ъ] также въ садоводствѣ Шнееберга (Архангельская слоб.) [и] въ ботаническомъ саду университета.

57) Церковныя вещи, парчи и др. принадлежности для облаченій.

Чернояровъ (Воскресенская, д. Крупеникова); Мурваевъ (Гостиный дворъ); Назаровъ (Воскресенская, пассажъ).

58) Чай.

Савиныхъ и Шмелевыхъ (Воскресенская, д. Хохрякова); К. С. Поповъ (тамъ же, д. Сапожникова); В. Перлова сыновья (Больш. Проломная, д. Грачевой); В. Унженина (Воскресенская, д. Крупеникова и Гостиный дворъ); Докучаевъ (Больш. Проломная, собств. д.); Сайдашевъ (Воскресенская, д. Каменскихъ, и Сѣнная площ., въ общественн. рядахъ).

59) Часовые магазины и мастерскія.

А. Банкъ (старѣйшая казанская фирма, Воскресенская, домъ Каменскихъ); Рамъ (тамъ же, д. Чарушина); Бентхсинъ (тамъ же, д. Алкина); Климовъ (тамъ же, зд. пассажа); Бейлинъ (тамъ же, д. Алкина).

60) Шапочныя торговли.

Вараксинъ (Воскресенская, домъ Чарушина); Ширшовъ (тамъ же); насл. Новиковыхъ (Воскресенская, домъ Бабкиной). Шляпы также у Чарушина (Воскресенская, д. Чарушина).

61) Швейныя машины.

Зингеръ—Нейдлингеръ (Воскресенская, д. Болдырева, и Больш. Проломная, д. Шамиль); Рамъ (Воскресенская, д. Чарушина); Остерманъ (Больш. Проломная, д. Соломина).

62) Экипажи.

Састъ (Попер. Владимірская, № 3); Карповъ-Каретниковъ (Больш. Проломная, собств. д.); Романовъ (Московская ул., собств. д.); Мельниковъ (Вознесенская, собств. д.).

Нѣсколько выше весеннихъ пристаней р. Казанка перер
ся желѣзнымъ мостомъ московско-казанской желѣзной
за которымъ, по правому берегу Казанки, скрытый густою ро
сю, расположенъ—

Казанскій пороховой заводъ. Основаніе каза
пороховаго завода относится къ царствованію И
трицы Екатерины II и къ сооруженію его прист
въ 1786 году, по указу бывшей канцеляріи г
артиллеріи и фортификаціи. Строителемъ завода
артиллеріи полковникъ князь С. М. Баратаевъ,
высшимъ наблюденіемъ инспектора артиллеріи ге
—маіора Витовтова. Сооруженіе его было окончен
осенью 1787 г. генералъ-маіоромъ Баннеромъ.

Казанскій пороховой заводъ представляетъ
обширную огороженную рощу, по которой разб
отдѣльныя фабрики, мастерскія и другія заводскі
нія. Занимаемое заводомъ мѣсто носитъ въ наро
именованіе „городка"—и это, дѣйствительно, цѣл
большой городокъ съ своимъ особеннымъ міромъ,
особенною администраціею, интересами, злобами
Къ заводу примыкаютъ двѣ его слободки,—„бли
и „дальняя". Заводъ имѣетъ собственное электри
освѣщеніе и конно-желѣзную дорогу, соединяющ
дѣльныя части его. Значительное количество жив
въ „городкѣ" завода офицеровъ, состоящихъ на с
при немъ, вызвало даже учрежденіе здѣсь особаг
еннаго собранія". Словомъ—пороховой заводъ, съ с
нымъ поселеніемъ своимъ, живетъ жизнью, совер
обособленною отъ жизни остальнаго казанскаго нас

Весьма обширное производство казанскаго п
ваго звода, снабжающаго порохомъ все Поволжье

\АРШРУТЫ НА ЗАМОСКОВСКІЯ ЛИНІИ.

а) Николаевская желѣзная дорога.

	Курьерск. (I кл.)	Скорый (I—II кл.)	Почтовый (I—III кл.)	Пассажир. № 8.	Пассажир. № 10.	Пассажир. № 12.
Москва отх.	10 ч. веч.	7 . 0 м. в.	4 ч. дня	10 ч. 15 м. д.	5 ч. веч.	11 ч. веч.
Тверь прих.	1 ч. 23 м. н.	11 ч. 18 м. в.	8 ч. 26 м. в.	3 ч. 43 м. д.	10 ч. 13 м. в.	4 ч. 08 м. у.
— отх.	1 ч. 31 м. н.	11 ч. 27 м. в.	8 ч. 41 м. в.	3 ч. 58 м. д.	10 ч. 23 м. в.	4 ч. 16 м. у.
Бологое прих. . . .	4 ч. 26 м. у.	2 ч. 45 м. н.	12 ч. 27 м. н.	8 ч. 51 м. в.	3 ч. 20 м. н.	8 ч. 53 м. у.
— отх.	4 ч. 34 м. у.	2 ч. 55 м. н.	12 ч. 42 м. н.	9 ч. 01 м. в.	3 ч. 30 м. н.	9 ч. 13 м. у.
Изъ Бологова на Рыбинскъ отх. въ 3 ч. 55 м. у. и 10 ч. 35 м. вечера.						
Въ Рыбинскъ прих. въ 1 ч. 20 м. дня и 9 ч. 40 м. утра.						
Чудово прих.	—	7 ч. 13 м. у.	5 ч. 42 м. у.	3 ч. 06 м. н.	9 ч. 51 м. у.	3 ч. 16 м. д.
— отх.	—	7 ч. 16 м. у.	5 ч. 54 м. у.	3 ч. 26 м. н.	9 ч. 56 м. у.	3 ч. 26 м. д.
Изъ Чудова на Новгородъ отх.—3 ч. 20 м. утра и 1 ч. 55 м. дня.						
Въ Новгородъ прих.—6 ч. 17 м. утра и 5 ч. 35 м. дня.						
С.-Петербургъ прих.	11 ч. утра	10 ч. 10 м. у.	9 ч. 10 м. у.	7 ч. 30 м. у.	1 ч. 45 м. д.	7 ч. 05 м. в.

б) Брестская желѣзная дорога.

	Курьерс. № 1. (I—II кл	Почтов. № 3. (I—III кл.)	Пассажир. № 5.
Москва отх.	6 ч. 30 м. в.	10 ч. веч.	9 ч. 30 м. у.
Вязьма прих.	11 ч. 45 м. в.	5 ч. 30 м. у.	5 ч. 06 м. в.
— отх	11 ч. 53 м. в.	5 ч. 47 м. у.	5 ч. 21 м. в.
Смоленскъ прих.	3 ч. 33 м. у.	11 ч. 15 м. д.	10 ч. 45 м. в.

Изъ Смоленска на Двинскъ и Ригу отходитъ въ 12 ч. 07 м. дня
— — — Орелъ отходитъ — 11 ч. 35 м. —

Прямое безпересадочное сообщенiе между Москвою и Варшавою съ поѣздами: курьерскимъ № 1 (I—II кл.) и почтовымъ № 3 (I—III кл.).

в) Московско-Архангельская желѣзная дорога.

	Почтовый.	Пассаж. № 6.	Пассаж. № 4*)
Москва отх.	9 ч. 15 м. в.	6 ч. 45 м. у.	10 ч. 15 м. в.
	До Костромы	До Ярославл. и Вологды.	До Ярославля.
Ярославль прих.	6 ч. 15 м. у.	5 ч. 15 м. в.	7 ч. 30 м. у.
— отх..	6 ч. 45 м. у.	—	—
Кострома прих.	9 ч. 42 м. у.	—	—
Вологда прих.	—	9 ч. 55 м. у.	—

*) Этотъ поѣздъ ходитъ до Ярославля лишь по особому назначенiю.

г) Курская желѣзная дорога.

	Курьерск. № 1 (I—II кл.)	Скорый № 5. (I—III кл.)	Почтов. № 3. (I—III кл).	Пассаж. № 7.
Москва отх.	6 ч. 15 м. в.	11 ч. 30 м. д.	2 ч. 30 м. д.	8 ч. 40 м. в.
Тула прих.	10 ч. 47 м. в.	4 ч. 55 м. д.	9 ч. 35 м. в.	3 ч. 53 м. н.
— отх.	11 ч. 05 м. в.	5 ч. 10 м. д.	9 ч. 55 м. в.	4 ч. 08 м. н.
Орелъ прих.	3 ч. 29 м. н.	10 ч. 17 м. в.	5 ч. 09 м. у.	10 ч. 47 м. у.
— отх.	3 ч. 39 м. н.	10 ч. 29 м. в	5 ч. 33 м. у.	11 ч. 05 м. д.
Курскъ прих.	7 ч. 05 м. у.	2 ч. 20 м. н.	10 ч. 40 м. у.	4 ч. 15 м. д.

Прямое безпересадочное сообщеніе:
Москва-Вязьма-Пенза-Сызрань-Самара-Челябинскъ съ почтов. поѣздомъ № 3 (I—III кл.)
Москва-Курскъ-Кіевъ . . . . съ скорымъ поѣздомъ № 5 (I—II кл.)
Москва-Курскъ-Харьковъ. . . . . съ скорымъ поѣздомъ № 5 (I—III кл.)
Москва-Курскъ-Харьковъ-Севастополь. . . . . . . съ курьерс. поѣздомъ № 1 (I—II кл.)

д) Нижегородская желѣзная дорога.

	Скорый № 2 (I—II кл.)	Скорый № 2 *) (bis)(I—II кл.)	Почтовый.	Пассаж. № 6*)
Москва отх.	9 ч. 30 м. в.	10 ч. веч.	3 ч. 30 м. д.	4 ч. 30 м. д.
Владиміръ прих.	2 ч. 25 м. н.	3 ч. 01 м. н.	9 ч. 52 м. в.	10 ч. 52 м. в.
— отх.	2 ч. 40 м. н.	3 ч. 16 м. н.	10 ч. 12 м. в.	11 ч. 12 м. в.
Ковровъ прих.	5 ч. 04 м. у.	4 ч. 28 м. у.	12 ч. 33 м. н.	1 ч. 33 м. н.
— отх.	5 ч. 07 м. у.	4 ч. 30 м. у.	12 ч. 41 м. н.	1 ч. 41 м. н.
Изъ Коврова на Мур. отх. 4 ч. 40 м. у.				
Въ Муромъ прих. . . 10 ч. 10 м. у.				
Нижній-Новгородъ прих.	9 ч. 20 м. у.	10 ч. утра	7 ч. утра.	8 ч. утра

Безпересадочное сообщеніе между Москвою и Кинешмою съ пассажирскимъ поѣздомъ № 12, отходящимъ изъ Москвы до Коврова въ 6 ч. 45 м. веч.

*) Поѣзда отправляющіеся лишь по особому назначенію.

ОСОБЫЙ СБОРЪ

за переправу пассажировъ и багажа черезъ р. Волгу.

а) **Въ навигаціонное время.** Съ пассажировъ: I класса — 15 к., II класса—10 к., III класса—5 к.; за багажъ по 3 к. съ пуда (безъ скидки льготнаго вѣса).

б) **Во время закрытія навигаціи.** Съ пассажировъ: I класса—50 к., II класса—30 к., III класса—20 к.; за багажъ по 5 к. съ пуда (безъ скидки льготнаго вѣса).

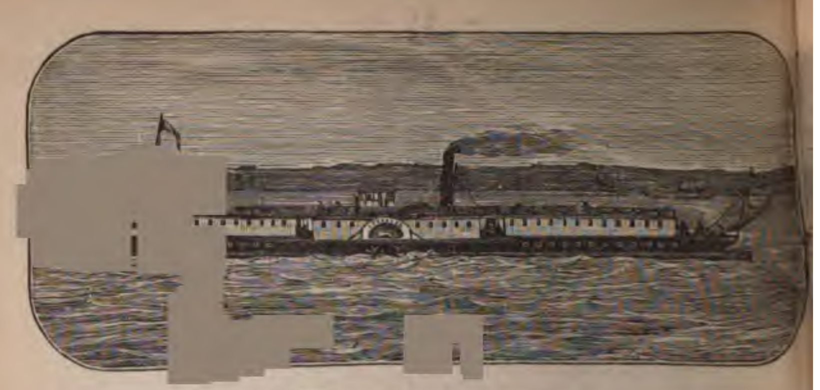
ТАРИФЫ

за проѣздъ пассажировъ и провозъ багажа до важнѣйшихъ пунктовъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Число верстъ	Отъ Казани до:	I классъ	II классъ	III классъ	За 10 фунтовъ багажу.	Срокъ дѣйст. бил. въ сутк.
1592	С.-Петербурга. .	28 р.	16 р. 80 к.	11 р. 20 к.		6
975	Москвы	20 р. 50 к.	12 р. 30 к.	8 р. 20 к.	50,25 к.	4
2170	Варшавы. . . .	34 р.	20 р. 40 к.	13 р. 60 к.	90,75 к.	7
2045	Вержболова. . .	32 р. 50 к	19 р. 50 к.	13 р.	86,25 к.	7
1864	Вильно.	31 р.	18 р. 60 к.	12 р. 40 к.	81,75 к.	6
2423	Владикавказъ .	36 р. 50 к.	21 р. 90 к.	14 р. 60 к.	98,25 к.	8
1432	Вологда.	26 р. 50 к.	15 р. 90 к.	10 р. 60 к.	68,25 к.	5
1159	Воронежа . . .	23 р.	13 р. 80 к.	9 р. 20 к.	57,75 к.	5
1924	Кіева.	31 р. 50 к.	18 р. 90 к.	12 р. 60 к.	83,25 к.	7
1327	Костромы. . . .	25 р.	15 р.	10 р.	63,75 к.	5
1480	Курска.	27 р.	16 р. 20 к.	10 р. 80 к.	69,75 к.	5
2237	Минеральн. водъ.	34 р. 50 к.	20 р. 70 к.	13 р. 80 к.	92,25 к.	7

[redacted]

	Отъ Казани до:	I классъ	II классъ	III классъ	За 10 фунтовъ багажу.	Срокъ дѣйст. бил. въ сут.
578	Минска.	29 р.	17 р. 40 к.	11 р. 60 к.	75,75 к	6
388	Нижн. Новгорода.	25 р. 50 к.	15 р. 30 к.	10 р. 20 к.	65,25 к.	5
533	Одессы.	37 р. 50 к.	22 р. 50 к.	15 р.	101,25 к	8
308	Омска.	см. Челяби	нскъ, а дал	ѣе особ. вр	еменный	тар.
336	Орла.	25 р.	15 р.	10 р.	63,75 к.	5
019	Оренбурга. . . .	32 р. 50 к.	19 р. 50 к.	13 р.	86,25 к.	7
275	Пензы	24 р. 50 к.	14 р. 70 к	9 р. 80 к.	62,25 к.	5
793	Пскова.	30 р.	18 р.	12 р.	78,75 к.	6
947	Ревеля.	31 р. 50 к.	18 р. 90 к.	12 р. 60 к.	83,25 к.	7
946	Риги.	31 р. 50 к.	18 р. 90 к.	12 р. 60 к.	83,25 к.	7
771	Ростова на Д .	30 р.	18 р.	12 р.	78,75 к.	6
568	Рыбинска. . . .	28 р.	16 р. 80 к.	11 р. 20 к.	72,75 к.	6
626	Самары.	28 р. 50 к.	17 р. 10 к.	11 р. 40 к.	74,25 к.	6
413	Саратова. . . .	26 р.	15 р. 60 к.	10 р. 40 к.	66,75 к.	5
418	Севастополя. . .	36 р. 50 к.	21 р. 90 к.	14 р. 60 к.	98,25 к.	8
370	Смоленска. . . .	25 р. 50 к.	15 р. 30 к	10 р. 20 к.	65,25 к.	5
510	Сызрана	27 р	16 р. 20 к.	10 р. 80 к.	69,75 к.	6
059	Тамбова . . .	21 р. 50 к.	12 р. 90 к.	8 р. 60 к.	53,25 к.	4
135	Твери.	22 р. 50 к.	13 р. 50 к.	9 р.	56,25 к	5
098	Тулы	22 р.	13 р. 20 к.	8 р. 80 к.	51,75 к.	4
117	Уфы	33 р. 50 к.	20 р. 10 к.	13 р. 40 к.	89,25 к.	7
551	Харькова. . . .	27 р. 50 к	16 р. 50 к.	11 р.	71,25 к.	6
616	Царицина . . .	28 р. 50 к.	17 р. 10 к.	11 р. 40 к.	74,25 к.	6
567	Челябинска . .	38 р.	22 р. 80 к.	15 р. 20 к.	102,75 к.	8



II. Пароходство.

а) По рѣкѣ Волгѣ.

Движеніе отъ Казани пароходовъ Обществъ:

„САМОЛЕТЪ".

(Н. Новгородъ—Астрахань).

Всѣ пароходы Общества „Самолетъ", совершающіе рейсы между Нижнемъ Новгородомъ и Астраханью, образуютъ двѣ линіи— первую, изъ пароходовъ болѣе слабосильныхъ („Самолетъ", „Геннадій Ратьковъ — Рожновъ", „Жуковскій" и „Гоголь") и вторую, изъ сильныхъ пароходовъ новой (американской) конструкціи („Тургеневъ", „Некрасовъ", „Пушкинъ", „Лермонтовъ", „Владиміръ Ратьковъ—Рожковъ", „Левъ Толстой" „Вел. Княгиня Марія Павловна" и „Александръ Грибоѣдовъ").

Въ силу состоявшейся конвенціи, пароходы первой линіи совершаютъ рейсы, входя въ очередь съ пароходами „Общества по Волгѣ"; пароходы второй линіи находятся въ такомъ же соглашеніи съ пароходами ускореннаго движенія общества „Кавказъ и Меркурій". Конвенція эта распространяется какъ на росписанія, такъ и на тарифы обоихъ обществъ.

[redacted]

ПАРОХОДСТВО „А. А. ЗЕВЕКЕ".

(*Н. Новгородъ—Астрахань*).

Товаро-пассажирская линія Н. Новгородъ—Астрахань поддерживается восемью пароходами американскаго типа („Орипоко", „Мис-сипи", „Ніагара", „Миссури", „Княжна Татіана", „Велик. Княгиня арія", „Амазонка" и „Россія"). Такса за проѣздъ значительно ниже ругихъ пассажирскихъ пароходовъ.

Приходятъ въ Казань:

зъ Н. Новгорода: Понед., Среда, Суббота въ 11½ часовъ утра.
зъ Астрахани: Вторникъ, Четверг., Суббота въ 5 часовъ утра.

Отходятъ изъ Казани:

ъ Астрахань: Понедѣльникъ, Среда, Суббота въ 2 часа дня.

риходятъ въ	Симбирскъ:	Вторн., Четвергъ, Воскр.,	ок. 4 час. утра.
„ „	Самару:	„ „ „ „	въ 4 часа дня.
„ „	Сызрань:	Среда, Пятница, Понедѣл.,	ок. 2 часа утра.
„ „	Вольскъ:	„ „ „ „	ок. 3 часа дня.
„ „	Саратовъ:	„ „ „ „	въ 11 час. веч.
„ „	Царицинъ:	Пятница, Воскрес., Среда,	въ 7 час. утра.
„ „	Астрахань:	Суббота, Понед., Четверг.,	въ 5 час. вечер.

ъ Н. Новгородъ: Вторникъ, Четвер., Суббота, въ 9 час. утра.

риходятъ въ	Козьмодемьянскъ:	Сред., Пят., Вос.,	ок. 1½ час. ночи.
„ „	Васильсурскъ:	„ „ „	ок. 6 час. утра.
„ „	Н. Новгородъ:	„ „ „	въ 8 час. вечера.

Изъ Н. Новгорода въ Рыбинскъ отправленія пароходовъ американской системы („Магдалена", „Алабама", „Аляска", Аллегани" и „Аризона") ежедневно въ 10 час. вечер.; по средамъ,

[redacted]

Приходятъ въ Казань:

Изъ Н. Новгорода: ежедневно около 6 часовъ утра.
Изъ Перми: ежедневно около 7 часовъ утра.

Отходятъ изъ Казани:

Въ Пермь: ежедневно въ 8 часовъ утра.

Отходятъ	изъ	Богородска:	ежедневно	въ 11	часовъ дня.
"	"	Лаишева:	"	" въ 1	часъ дня.
"	"	Чистополя:	"	" въ 7	часовъ вечера.
"	"	Елабуги:	"	" въ 2½	час. ночи.
"	"	Сарапула:	"	" въ 5	часовъ дня.
"	"	Осы:	" "	" въ 6½	часовъ утра.
"	"	Оханска:	"	" въ 10½	часовъ утра.
Приходятъ	въ	Пермь:	" ежед.	въ 7	часовъ вечера.

Въ Н. Новгородъ: ежедневно въ 12 часовъ дня.

Отходятъ	изъ	Козьмодемьянска:	"	въ 11 часовъ ве
"	"	Васильсурска:	"	въ 1 часъ ночи

Приходятъ въ Н. Новгородъ ежедневно въ 1 часъ дня.
Въ пути отъ Перми до Нижняго—3 сут., отъ Нижняго до 3½ сут.

„И. И. ЛЮБИМОВА“.

(*Пермь—Н. Новгородъ*).

Пароходство И. И. Любимова содержитъ между Новгородомъ двѣ линіи—ускореннаго движен ми американскаго типа: „Пермь“, „Кама“, „Береаж нымъ „Кунгуръ“, въ пути отъ Перми до Нижня

Нижняго до Перми 3 сут. 7 час.) и по уменьшенной таксѣ (пароходами: „Удачный“, „Казенинъ“, „Алексѣй“ и „Кунгуръ Второй“, въ пути 3 сут. 9 час. и 4 сут. 4 часа).

Приходятъ въ Казань:

Ускореннаго движенія.

Изъ Н. Новгорода: Среда, Пятница, Воскр., около 8 часовъ утра.
Изъ Перми: Вторникъ, Четвергъ, Суббота, около 4 часовъ утра.

По уменьшенной таксѣ.

Изъ Н. Новгорода: Понедѣл., Четвергъ, Суб., около 1 часу дня.
Изъ Перми: Среда, Пятница, Воскресенье, около 2 часовъ дня.

Отходятъ изъ Казани:

Ускореннаго движенія.

Въ Пермь: Среда, Пятница, Воскресенье, въ 9 часовъ утра.
Отходятъ изъ Богородска: Среда, Пятн., Воскрес., въ 12 часовъ дня.
„ „ Лаишева: „ „ „ „ въ 2 часа дня.
„ „ Чистополя: „ „ „ „ въ 8 час. вечера.
„ „ Елабуги: Четвергъ, Суббота, Понед., въ 3½ час. утра.
„ „ Сарапула: „ „ „ „ въ 6 час. вечера.
„ „ Осы: Пятница, Воскресен., Вторникъ въ 7½ час. утра.
„ „ Оханска: „ „ „ „ въ 11½ часов. дня.
Приходятъ въ Пермь: „ „ „ „ въ 8 час. вечера.

Въ Н. Новгородъ: Вторникъ, Четв., Суббота, въ 8 часовъ утра.
Отходятъ изъ Козьмодемьянска: „ „ „ въ 7 час. вечера.
„ „ Васильсурска: „ „ „ въ 9½ час. вечер.
Приходятъ въ Н. Новгородъ: Среда, Пят., Воскр., въ 8 часовъ утра.

По уменьшенной таксѣ.

В ъ П е р м ь: Понедѣльникъ, Четвергъ, Суббота, въ $2^1/_2$ часа дня.
Отходятъ изъ Богородска: Понедѣл., Четв., Суббота въ $6^1/_2$ час. вечер.
„ „ Лаишева: „ „ „ въ 10 час. вечера.
„ „ Чистополя: Втори., Пятн., Воскрес., въ 5 часовъ утр.
„ „ Елабуги. „ „ „ въ $2^1/_2$ час. дня.
„ „ Сарапула: Среда, Суббота, Понедѣл. въ 9 часов. утра.
„ „ Осы: Четвергъ, Воскресен., Вторник. въ 2 часа утра.
„ „ Оханска: „ „ „ въ 7 час. утра.
Приходятъ въ Пермь: „ „ „ въ 5 час. вечер.
В ъ Н. Н о в г о р о д ъ: Среда, Пятниц., Воскресенье, въ 4 часа дня.
Отходятъ изъ Козьмодемьянска: Четв., Суб., Понед. въ 5 часов. утра.
„ „ Васильсурска: „ „ „ въ 8 часов. утра.
Приходятъ въ Н. Новгородъ: „ „ „ въ 8 час. вечера.

„У. С. КУРБАТОВА Н-цы“.

(*Пермь — Н. Новгородъ*).

Пять отправленій въ недѣлю изъ Перми и Нижняго съ одною легкою баржею. Пятое отправленіе (изъ Нижняго—по понедѣльникамъ, и изъ Перми—по воскресеньямъ) съ іюля мѣсяца. Тарифъ значительно пониженный. Въ пути отъ Перми до Нижняго ок. 3 сут. 14 час., отъ Нижняго до Перми ок. 4 сут.

Приходятъ въ Казань:

И з ъ Н. Н о в г о р о д а: Понед., Втор., Сред., Пат., Суб., въ 2 ч. дня.
И з ъ П е р м и: Втор., Среда, Пятн., Суббота, Воскресен., въ 7 ч. утра.

[redacted]

С А

ГАЖА НА ПАРОХОДАХЪ ВОЛЖСКОЙ ЛИНIИ,

К А З А Н И.

На пароходахъ уменьшенной таксы о-ва „Кавказъ и Меркурiй".				На пароходахъ А. А. Зевеке.			
I кл.	II кл	III кл	1 пуд. баг.	I кл.	II кл.	III кл.	1 пуд. баг.
4—40	3—20	1—20	25	3—80	2—50	95	15
2—85	2—05	80	20	—	—	—	—
2—40	1—70	70	20	1—75	1—15	50	15
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
1—60	1—05	55	15	—	—	—	—
2—25	1—50	75	20	—	—	—	—
3—35	2—20	1—15	20	2—45	1—60	80	15
4	2—65	1—35	25	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
4-65	3—20	1—45	25	—	—	—	—
5—40	3—80	1—60	25	4—90	3—15	1—40	20
—	—	—	—	—	—	—	—
6—80	4—80	2	35	5—80	3—70	1—65	20
7—65	5—35	2—30	40	6—85	4—40	1—95	25
—	—	—	—	—	—	—	—
8—35	5—85	2—50	40	7—20	4—60	2—05	25
8—70	6—10	2—60	40	7—55	4—85	2—15	25
9—10	6—40	2—70	40	—	—	—	—
9—80	6—80	3	45	8—75	5—65	2—50	30
10—75	7—50	3—25	50	—	—	—	—
12—15	8—55	3—60	50	10—50	6—75	3	35
13—35	9—50	3—85	50	11—40	7—30	3—25	40
14	10	4	55	11—90	7—65	3—40	40
—	—	—	—	—	—	—	—
15—05	10—70	4—35	60	13—50	8—65	3—85	45
15—45	11	4—45	60	13—65	8—75	3—90	45
16—35	11—60	4—75	60		—	—	—
18—20	13	5—20	70	15—60	10	4—45	45

3

ТАКСА

пароходовъ И. И. Любимова удешовленнаго тарифа.

ОТЪ КАЗАНИ ДО:	I клас.	II кл.	III кл.	1 пуд. багаж.
Перми	7	5	1—70	40
Осы	6—15	4—40	1—45	30
Сарапула	5—10	3—60	1—05	25
Елабуги	3	2—60	70	20
Чистополя	1—85	1—70	50	15
Лаишева	1—15	1	30	15
Козмодемьянска	2	1—50	45	15
Н. Новгорода	3—30	3	75	20

ТАКСА

камскихъ пароходовъ н-овъ Курбатова.

ОТЪ КАЗАНИ ДО:	I клас.	II кл.	III кл.	1 пуд. багаж.
Перми	6	4—40	1—60	40
Осы	5—50	3—80	1—40	35
Сарапула	4—30	3—20	1	25
Елабуги	2—50	2	60	20
Чистополя	1—50	1—20	40	15
Лаишева	1—20	90	30	15
Козмодемьянска	1—80	1—20	45	15
Н. Новгорода	3	2	70	20

III. МАРШРУТЫ ОТЪ КАЗАНИ ПО ПОЧТОВЫМЪ И ИНЫМЪ ТРАКТАМЪ, СЪ УКАЗАНІЕМЪ СТАНЦІЙ И РАЗСТОЯНІЙ МЕЖДУ НИМИ.

1. Казань—Чебоксары—Васильсурскъ—Нижній-Новгородъ.

(Бывшій большой Московскій почтовый трактъ, упраздненный на участкѣ В. Услонъ—Свіяжскъ съ открытіемъ движенія по Московско Казанской жел. дорогѣ).

а) Лѣтній, весенній и осенній трактъ:

Г. Казань.—Верхній Услонъ ($11^1/_4$ верстъ).—Г. Свіяжскъ ($26^1/_2$ в.)—Воробьево ($22^1/_2$ в.)—Липова ($19^3/_4$ в.).—Аккозино (19 в.)—Ямбулатово ($19^3/_4$ в.).—Г. Чебоксары ($26^3/_4$ в.).—Старый Сундырь ($22^1/_4$ в.).—Виловатый Врагъ (28 в.).—Емангашъ, Нижегор. губ. (24 в.).—Г. Васильсурскъ ($23^3/_4$ в.).—Чугуны (22 в.).—Осташиха ($29^1/_4$ в.).—Лысково ($15^1/_2$ в.).—Кисловка ($20^1/_4$ в.).—Поляна ($17^1/_2$ в.).—Чернуха (25 в.).—Кстово ($19^1/_2$ в.).—Г. Нижній-Новгородъ (23 в.).

Всего $415^1/_2$ верстъ, при 19-ти перегонахъ.

б) Зимній трактъ (рѣкою Волгою):

Г. Казань.—Верхній Услонъ ($11^1/_4$ верстъ).—Г. Свіяжскъ ($26^1/_2$ в.)—Курочкино ($22^1/_2$ в.).—Кріуши ($19^3/_4$ в.—Кушниково (19 в.).—Маріинскій Посадъ ($19^3/_4$ в.).—Г. Чебоксары ($31^3/_4$ в.).—Ильинское ($30^3/_4$ в.).—Г. Козмодемьянскъ (24 в.).—Сумки, Нижегор. губ., (24 в.)—Г. Васильсурскъ ($23^3/_4$ в.).—Чугуны (22 в.).—Осташиха

(24 в.).—Платовка, *Оренбург. губ.* (21 в.).—Переволоцкая (21 в.).—Сыртъ (23 в.).—Каргала (25 в.).—Г. Оренбургъ (20 в.).

Всего 750¼ верстъ, при 31-мъ перегонѣ.

IV. Казань—Уржумъ—Вятка.

(Сибирскій почтовый трактъ).

Г. Казань.—Собакино (25¼ в.).—Чурилино (25 в.).—Метески Мялые (18 в.).—Randoмъ Randoм...

Всего 418¾ верстъ, при 20-ти перегонахъ.

V. Казань—Чистополь—Бузулукъ—Уфа.

(Оренбургскій почтовый трактъ).

Г. Казань—Бугульма (306¼ верстъ, см. маршрутъ № III). *Отъ Бугульмы:* Акбашева (28 в.).—Япрыкова, *Уфимск. губ.* (22¼ в.).—Аднагулово (24 в.).—Тюпкильды (25 в.)—Богады (15 в.).—Санны (18 в.).—Кашкалаши (23¼ в.).—Салихова (25 в.).—Г. Уфа (30 в.).

Всего 522¼ верстъ, при 22-хъ перегонахъ.

VI. Казань—Буинскъ—Симбирскъ—Сызрань.

(Симбирскій почтовый трактъ).

Г. Казань.—Верхній Услонъ (11¼ в.).—Сентово (25 в.).—Бурундуки (29 в.).—Семиключищенская (17½ в.).—Бикбулатово (28½

в.)—Г. Буинскъ, *Симбирск. губ.* ($19\frac{3}{4}$ в.).—Бурундуки (25 в.).—Шумовская (23 в.).—Г. Симбирскъ (27 в.).—Ключищенская (22 в.).—Ясашно-Ташлинская (25 в.)—Теренгульская (22 в.).—Скрыпинская ($21\frac{1}{2}$ в.).—Чекалинская (23 в.).—Г. Сызрань ($19\frac{3}{4}$ в.).

Всего $339\frac{1}{4}$ верстъ, при 15-ти перегонахъ.

VII. Казань—Самара.

(Симбирскій почтовый трактъ).

До Сызрани $339\frac{1}{4}$ верстъ и далѣе 115 в. по Оренбургской желѣзной дорогѣ,—всего $455\frac{1}{4}$ верстъ.

VIII. Казань—Мамадышъ.

(Сибирскій почтовый трактъ).

Г. Казань.—Собакино ($25\frac{1}{4}$ в.).—Чурилино (25 в.).—Нижнія Атары (37 в.).—Кильдебяково (23 в.).—Нырты (15 в.)—Туркашъ (10 в.).—Васильево (22 в.). Г. Мамадышъ (28 в.).

Всего $185\frac{1}{4}$ верстъ, при 8-ми перегонахъ.

IX. Казань—Царевококшайскъ.

(Царевококшайскій почтовый трактъ).

Г. Казань.—Бишня ($27\frac{3}{4}$ в.)—Нижній Петьялъ ($20\frac{1}{2}$ в.).—Жутьялъ ($26\frac{1}{4}$ в.).—Кундышъ ($25\frac{1}{4}$ в.).—Г. Царевококшайскъ ($33\frac{1}{2}$ в.).

Всего $133\frac{1}{4}$ версты, при 5-ти перегонахъ.

X. Казань—Спасскъ—Тетюши.

(Оренбургскій почтовый трактъ).

Г. Казань.—Столбищи ($19^{1}/_{2}$ в.).—Нармонка ($18^{1}/_{2}$ в.).—Епанчина (27 в.).—Измерь (21 в.).—Г. Спассъ ($17^{3}/_{4}$ в.).—Болгары ($21^{3}/_{4}$ в.).—Г. Тетюши ($18^{1}/_{4}$ в.).

Всего $143^{3}/_{4}$ версты, при 7-ми перегонахъ.

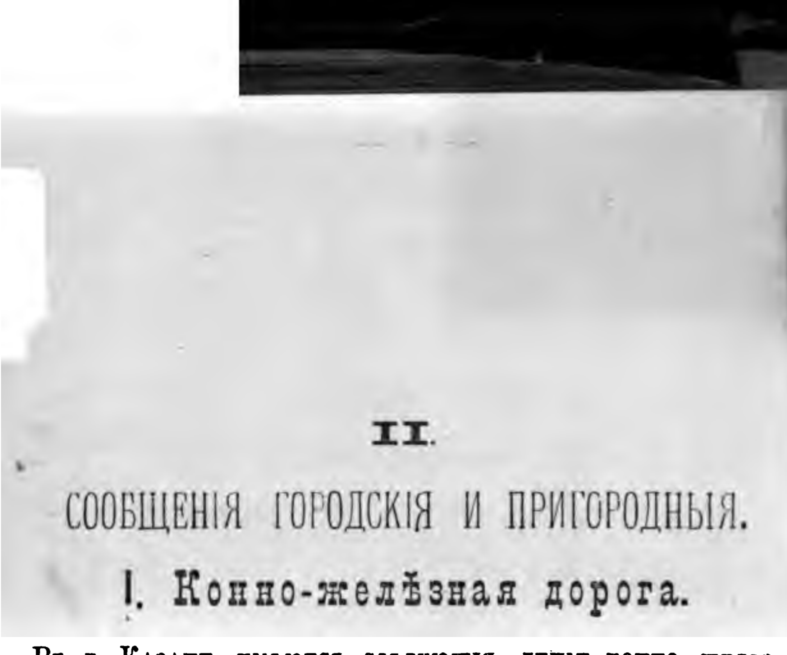
XI. Казань—Цивильскъ.

До станціи «Урмары» Московско-Казанской желѣзной дороги (отъ Казани 83 в.), отъ нея до г. Цивильска на лошадяхъ (ок. 40 в.). Или: Г. Казань—Г. Чебоксары ($145^{1}/_{2}$ верстъ, см. маршрутъ № I б. *Отъ Чебоксаръ* до Цивильска ($38^{3}/_{4}$ в.),

XII. Казань—Ядринъ.

Г. Казань—Виловатовражская ст. ($195^{3}/_{4}$ верстъ, см. маршрутъ № I а). *Отъ Виловатаго Врага:* Изымбаевская (26 в.).—Г. Ядринъ ($24^{1}/_{2}$ в.).

Всего $246^{1}/_{4}$ верстъ, при 11-ти перегонахъ.



II.

СООБЩЕНІЯ ГОРОДСКІЯ И ПРИГОРОДНЫЯ.

I. Конно-желѣзная дорога.

Въ г. Казани имѣются слѣдующія линіи конно-желѣзныхъ дорогъ:

1) **Волжская линія**, отъ лѣтнихъ (Устьинскихъ) пристаней р. Волги до пересѣченія, близъ Толчка, улицъ Большой Проломной и Гостинодворской. Тремя расположенными по этой линіи станціями вся она дѣлится на 4 участка:

а) Отъ Толчка до Казанской станціи (при выѣздѣ изъ города на дамбу). Стоимость проѣзда: внутреннее мѣсто—5 коп., наружное мѣсто—3 коп.

б) Отъ Казанской станціи до Ягодинской станціи, что въ началѣ Адмиралтейской слободы (этотъ участокъ обнимаетъ собою, слѣдовательно, всю дамбу). Стоимость проѣзда, безъ различія мѣстъ—5 коп.

в) Отъ Ягодинской станціи до Адмиралтейской станціи (въ концѣ слободы, близъ сада Тиволи и весеннихъ пристаней). Стоимость проѣзда, безъ различія мѣстъ—5 коп.

[redacted]

г) **Отъ Адмиралтейской станціи до Устьинской пристани.** Стоимость проѣзда, безъ различія мѣстъ—5.

За проѣздъ трехъ станцій отъ Устья до города, т. е. за проѣздъ отъ Устья до Казанской станціи на имперіалѣ вагонѣ, взимается вмѣсто 15 коп.—5 коп. Слѣдовательно, стоимость всего проѣзда отъ р. Волги будетъ;

	Мѣста;	
	Внутрен.	Наружн.
До города (Казанская станція)	15 к.	5 к.
До Толчка	20 к.	8 к.

2) **Проломная линія**, отъ Толчка (конечнаго пункта предыдущей линіи) до церкви Сошествія Св. Духа, въ Суконной слободѣ,—по Большой Проломной ул., Рыбной площ. и Георгіевской улицѣ. На Рыбной площ. эта линія пересѣкаетъ линію № 4.

3) **Черноозерская линія**, отъ конца Лѣвой Черноозерской ул., близь гостинаго двора и цирка, по Черноозерской, Николаевской и Покровской ул., Театральной площ., Грузинской ул. и по Арскому Полю до Куртинскаго кладбища и Русской Швейцаріи. На Театральной площ. она пересѣкаетъ слѣдующую линію.

4) **Центральная линія**, отъ Верхне-Ѳеодоровской ул. по Бассейной ул., Театральной площ., Рыбнорядской ул., Рыбной площ. (пересѣкаетъ на ней Проломную линію)—за Булакъ, къ Евангелистовской площади, гдѣ примыкаетъ къ нижеслѣдующей линіи.

5) **Екатерининская линія**, отъ угла Владимірской и Поперечно-Владимірской ул., гдѣ соприкасается съ Волжскою линіею, по Московской

опредѣлена, за все протяженіе каждой изъ нихъ, одноо
но: первый классъ (передняя половина вагона)—5
классъ (задняя половина)—3 коп.

При этомъ желающимъ выдаются также особые
ные билеты, по которымъ, за ту же плату, предо
рейти въ точкѣ скрещенія двухъ линій на другую ли
жать слѣдованіе по ней, до ея конца. Въ этомъ отноше
скія линіи раздѣлены на два района центральною, п
весь городъ, Проломною линіею: изъ одного района в
даточные билеты не выдаются. Такимъ образомъ, вы м
ноозерской линіи взять передаточный билетъ на Центр
но не далѣе пункта пересѣченія ею Проломной линіи
ной линіи—на Проломную линію (или къ Сошествію
къ Толчку); съ Проломной линіи на Центральную л
тральной линія, ниже пересѣченія ею Проломной линіи,
скую линію; съ Екатерининской на Центральную (не д
пересѣченія ею Проломной линіи) и т. д., соблюдая, ч
происходила подъ однимъ только угломъ и не простира
каціонную Проломную улицу. Благодаря этой весьм
пассажировъ комбинаціи, за 5 и 3 коп. является возм
такіе концы (съ передачею на линіи скрещенія), какъ:
Рыбной площади, отъ Рыбной площади до Русской Ш

[redacted]

б) Пассажирамъ предоставляется возить съ собою ручной багажъ, который складывается на переднюю платформу вагона, но владѣлецъ лично наблюдаетъ за нимъ и управленіе дороги за утрату такого багажа не отвѣчаетъ.

в) Куреніе табаку и ѣзда съ большими собаками въ вагонахъ запрещаются.

II. ГОРОДСКІЕ ИЗВОЩИКИ.

ТАКСА

для извощиковъ г. Казани.

(Утверждена городскою думою въ 1889 г.)

а) Для извощиковъ легковыхъ.

	ВЪ ЭКИПАЖАХЪ:			
	Крытыхъ		Открытыхъ	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
По городу въ первыхъ 5-ти частяхъ (кромѣ Николаевской слободки и Поповки) въ одинъ конецъ: днемъ	—	20	—	15
ночью	—	25	—	20
Въ Николаевскую слободку и Поповку въ одинъ конецъ	—	30	—	20
Изъ города въ Адмиралтейскую слободу или обратно, въ одинъ конецъ: днемъ	—	40	—	35
ночью	—	45	—	40
Въ слободы: Игумнову, Ягодную, Кизическую, Козью и Гривку	—	60	—	50
Въ Дальне-Архангельскую и Ново-Татарскую	—	40	—	25
Въ Подлужную, Ближне-Архангельскую, Академическую, на Арское кладбище и въ Русскую Швейцарію	—	30	—	25
За одинъ часъ во всѣ части города	—	45	—	40
За одинъ день (съ 9 час. у. до 12 ч. ночи)	3	—	2	50
Тоже, въ каретѣ или коляскѣ въ дышлахъ	6	—	—	—
Съ 12 час. ночи по добровольному соглашенію, но не свыше въ часъ	—	80	—	70

	Въ экипажахъ:			
	Крытыхъ		Открытыхъ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Отъ города до пристаней Бакалдинской и Устьинской или обратно, съ кладью, въ одинъ конецъ:				
лѣтомъ	—	75	—	60
осенью (съ 1 сентября)	—	80	—	70
Въ каретѣ или коляскѣ, во время навигаціи	3	—	—	—

Примѣчаніе. За обратный конецъ въ той же каретѣ или коляскѣ платится по 1 руб., причемъ извозчику полагается по 1 руб. въ часъ за простой у пристаней въ ожиданіи сѣдока.

	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Въ Нѣмецкую Швейцарію и Центральный домъ умалишенныхъ, въ одинъ конецъ		60		50
На кумысное заведеніе за Кизическую слободу, въ лагери за Игумновой слоб., къ Архіер. дому у Бутырокъ и Юнкерскимъ баракамъ въ одинъ конецъ		80		70
Отъ Адмиралтейской слободы до Устьинской пристани		40		35
Отъ Адмиралтейской слободы до Бакалдинской пристани		60		50
Отъ Устьинской пристани до Бакалдинской пристани	—	40	—	30
Во время пріѣзда Высоч. Особъ и въ дни: Новаго года, перв. дней Рождества Христова и св. Пасхи, въ Троицынъ и Духовъ дни — съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера	5	-	4	—
Въ каретѣ или коляскѣ	8	-		—
Въ означенные дни за одинъ часъ не свыше		80	—	60
Въ одинъ конецъ по городу въ тѣже дни		30	—	25
Въ тѣже дни отъ 9 ч. ут. до 12 веч.	6	-	5	—

При ѣздѣ часами пассажиръ долженъ предупредить о томъ извозчика.

Примѣчаніе. а) Зимою такса остается таже; б) Ночная ѣзда лѣтомъ и весною опредѣляется съ 12 часовъ ночи до 5 час. утра; в) Ночная ѣзда осенью и зимою—съ 12 час. ночи до 7 час. утра; г) Во время весенняго разлива, при переправахъ черезъ рѣку Казанку въ зарѣчныя слободы и обратно, плата за перевозъ возлагается на пассажировъ.

б) Для извощиковъ ломовыхъ.	Коп.
Отъ Казани до Устьинской и Бакалдинской пристаней и обратно съ кладью, въ одинъ конецъ:	
а) лѣтомъ, весной и зимой	50
б) осенью съ 1-го Сентября	75
За проѣздъ на весеннія пристани и обратно въ одинъ конецъ	35

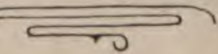
Извлеченіе изъ постановленій Городской Думы о производствѣ извознаго промысла.

§ 5) Извощики, стоящіе на биржѣ, не могутъ отказываться везти пассажировъ въ мѣстности, означенныя въ таксѣ и не могутъ требовать платы выше размѣра, опредѣленнаго таксой, утвержденной Городской Думой; при требованіи свыше таксы, извощикъ теряетъ право на вознагражденіе.

§ 8) Малый жестяный знакъ долженъ находиться постоянно у извощика для врученія его сѣдоку, если онъ этого пожелаетъ, какъ залогъ, предупреждающій въ сѣдокѣ всякое сомнѣніе въ неблагонадежности извощика; знакъ этотъ, по исправномъ окончаніи ѣзды, возвращается извощику, въ случаѣ же могущихъ быть претензій, по свойству ихъ, представляется подлежащему начальству.

§ 13) Извощики должны съ пассажирами обходиться вѣжливо, не выпрашивать на водку и никому никакихъ грубостей не дѣлать; за пьянство и грубости знакъ отбирается и виновный, кромѣ того, подвергается строгой отвѣтственности.

§ 14) Вещи, оставленныя сѣдоками, извощики обязаны немедленно возвращать по принадлежности или представить въ ближайшую полицейскую часть.



III. ПАРОХОДЫ.

Сообщеніе г. Казани съ подгородными мѣстностями поддерживается пароходами, рейсирующими по озеру Кабану и по р. Волгѣ.

а) Пароходство по озеру Кабану.

Между городскою пристанью (у перваго моста прот. Булака, близь окончанія Ѳеодоровской линіи конно-желѣзн. дороги) и Чертовымъ Угломъ, на Дальнемъ Кабанѣ, совершаютъ рейсы два парохода: «Дачникъ» (г. Свѣшникова) и «Смѣлый» (г. Ганцеровскаго).

Съ 1 часа дня и до 12 час. ночи отходъ пароходовъ ежечасно. Плата за проѣздъ какъ до конца линіи, такъ и до промежуточныхъ станцій –15 и 10 коп.

Остановки: у Дальне-Архангельской слоб., Ботаническаго сада, с. Воскресенскаго, дачь Андреевскаго, Смирнова и Серебренникова и юнкерскихъ баракъ.

б) Свіяжское пароходство к. Каменова.

Два парохода к. Каменева («Лиза» и «Василій») совершаютъ правильные рейсы между Казанью и г. Свіяжскомъ, съ остановкою у попутныхъ пристаней (дер. Морквашн, дачи г.г. Каменицкаго, Марко и Колосова, Макарьевская пустынь). Одинъ рейсъ (вечерній) до Вязовыхъ и Козловки.

Отходъ: отъ Казани—7 час. у., 10 ч. у., 1 ч. д. и 6 ч. веч. (до Козловки); отъ Свіяжска—6 ч. у., 10 ч. у., 1 ч. д. и 4 ч. веч. **Плата за проѣздъ** до Свіяжска и попутныхъ мѣстъ—40, 30 и 15 коп.

в) Пароходство Савина.

Пароходы «Игорь» и «Игоревичъ» совершаютъ рейсы между Казанью и Красновидовымъ (въ 52 в. ниже Казани), съ заходомъ въ Нижн. Услонъ, Ключищи, Ташовку, Лабышки и Теньки.

г) Услонскій паровой перевозъ.

Пароходъ «Перевозчикъ» (съ баркасомъ) поддерживаетъ сообщеніе съ селомъ Верхнимъ Услономъ, на противоположномъ Казани горномъ берегу Волги, согласно слѣдующаго росписанія:

Отходитъ: Во время весенняго разлива: отъ Казанской пристани: въ 6, 10, 2, 6 и 10 час. веч; отъ Услонской пристани въ 4, 8, 12, 4 и 8 час. веч.

Въ меженную воду, т. е. лѣтомъ и осенью: отъ Казанской пристани: въ 5, 7, 9, 11, 1, 3, 5, 7 и 9 час. веч.; отъ Услонской пристани: въ 4, 6, 8, 10, 12, 2, 4, 6 и 8 час. веч. Осенью (прибл. съ 20 авг.) утромъ отъ Услона, вмѣсто 4-хъ—въ 6 ч., и вечеромъ отъ Казанской пристани вмѣсто 9—въ 7 час.

Плата за проѣздъ: 15 и 5 коп.; провозъ экипажа, смотря по величинѣ, отъ 30 до 50 коп.; лошади (не въ упряжи) и крупный скотъ по 10 к. съ головы.

IV. ПОЧТОВЫЕ И ЯМСКІЕ ЭКИПАЖИ.

Для поѣздокъ въ подгородныя мѣстности г. Казани (Седміозерная и Раиская пустыни, Услонъ и др.) можно получать, за обыкновенные прогоны, лошадей и экипажи:

а) **На станціи вольныхъ почтъ** (на Правой Набережной Булака, д. № 49).

б) **У содержателя извощичьихъ экипажей Московскаго** (заведеніе на Ямской улицѣ).

в) **У вольныхъ ямщиковъ** (стоятъ на постоялыхъ дворахъ Георгіевской улицы).

[redacted]

III.

ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФЪ, ТЕЛЕФОНЪ.

I. ПОЧТА.

Пріемъ и выдача всякаго рода корреспонденціи въ Казанской Почтовой Конторѣ (уголъ Покровской ул. и Театральной площ.), а равно продажа марокъ, штемпельныхъ конвертовъ и бланокъ для открытыхъ писемъ, въ обыкновенные дни производится съ 8 час. утра до 2 час. пополудни, а заказная корреспонденція, кромѣ того, принимается и выдается еще съ 4 до 6 час. вечера.

Въ дни: Срѣтенія Господня, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Входа Господня въ Іерусалимъ, въ третій день Св Пасхи, Вознесенія Господня, Преображенія Господня, Успенія Пресвятыя Богородицы, Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, во второй день праздника Рождества Христова и во всѣ воскресные дни—выдача и пріемъ корреспонденціи производятся съ 11 час. до 2 час. утра.

Почтовыя учрежденія совершенно закрыты для публики въ слѣдующіе дни: во дни Тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, въ день Обрѣзанія Господня (новый годъ), въ день Богоявленія Господня, въ первый и во второй дни праздника Св. Пасхи, въ день Св. Троицы и въ первый день праздника Рождества Христова.

[redacted]

Простая корреспонденція, какъ иногородняя, такъ и городскы (письма и бандерольныя отправленія), можетъ быть сдавaема или в самомъ почтовомъ учрежденіи, или можетъ быть опускаема въ почтовые ящики, имѣющіеся въ различныхъ мѣстностяхъ города.

Почтовыя учрежденія въ г. Казани. Въ г. Казани имѣютс слѣдующія почтовыя учрежденія:

1. Почтовая Контора (на углу Покровской ул. и Теат ральной площади, казенный домъ), съ пріемомъ телеграммъ.

2. Забулачное почтово-телеграфное отдѣлені (за Булакомъ, Московская ул., д. Проворова).

3. Адмиралтейское почтово-телеграфное отдѣ леніе (въ Адмиралтейской слободѣ, по Московской ул.).

4. Биржевое почтово-телеграфное отдѣлені (на Большой Проломной ул., въ д. Щетинкина).

5. Устьинское почтово-телеграфное отдѣлені открываемое лишь во время навигаціи (на Устьинской пристани Волги).

6. Почтовое отдѣленіе (пріемъ заказной корреспонде ціи и продажа почтовыхъ знаковъ) при Казанской центральной те леграфной станціи (Грузинская ул., д. мѣщанскаго общества

7. Почтовое отдѣленіе (пріемъ простыхъ и заказных писемъ) при вокзалѣ московско-казанской желѣзной дороги.

Въ г. Казани имѣется городская почта (съ 1866 г.), ко респонденція по которой передается по слѣдующей таксѣ:

1.	Открытое письмо	3 коп.
2.	Закрытое письмо (вѣсомъ до 1 ф)	3 „
3.	Заказное закрытое письмо (вѣс. до 1 ф.)	10 „
4.	Бандерольное отправленіе съ произведеніями печати, оттиснутыми:	
	а) На 1 листѣ писчей бумаги	1 „

[redacted]

б) На 2 листахъ писчей или на средняго формата листѣ газетной бумаги . . . . 2 „
в) На 3 листахъ писчей или на 2 листахъ средней газетной бумаги . . . . 2 „
г) На 4 листахъ писчей или на 2 листахъ большой газетной бумаги, однако не свыше 1 ф. 2 „

Примѣчаніе. Окружающія Казань слободы и пристань р Волги—входятъ въ районъ городской почты.

Росписаніе времени отправленія почтъ изъ Казани.

А. СУХОПУТНЫЯ ПОЧТЫ ВЪ НЕНАВИГАЦІОННОЕ ВРЕМЯ.

На Пермскій трактъ, съ отдѣленіемъ на Вятскій и Елабужскій:

Ежедневно въ 6 часовъ вечера.

На Московскій трактъ, съ отдѣленіемъ въ Свіяжскѣ на Нижегородскій:

Ежедневно въ 5 часовъ утра (на вокзалъ Московско-Казанской жел. дор.).

На Симбирскій трактъ:

По Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ въ 9 час. утра.

На Бугурусланско-Чистопольскій трактъ:

Обыкнов. { Въ Бугурусланъ—по Понед., Сред. и Пятн. въ 6 час. утра.
Въ Чистополь—по Воскресеньямъ въ 6 часовъ утра.

Одноконн. Въ Чистополь—по Вторн. Четверг. и Суббот. въ 6 час. утра.

На Мамадышскій трактъ:

По Средамъ обыкновенныя, въ 2 часа дня, а по Понедѣльникамъ и Субботамъ одноконныя (вмѣстѣ съ пермскими почтами въ 6 часовъ вечера).

На Спасско-Тетюшскій трактъ:

По Четвергамъ обыкновенныя, въ 9 часовъ утра (вм съ симбирскими), и по Воскресеньямъ въ 8 часовъ 30 минутъ лудни. По Вторникамъ одноконныя, въ 9 час. утра (вмѣст симбирскими) и по Пятницамъ въ 8 час. 30 мин. пополудни.

На Царевококшайскій трактъ:

По Четвергамъ обыкновенныя, а по Воскресеньямъ о конныя: въ 10 час. пополудни.

Въ Адмиралтейскую слободу:

Ежедневно по полученіи почты съ Московскаго тракта.

Б. ПАРОХОДНЫЯ ПОЧТЫ ВО ВРЕМЯ НАВИГАЦІИ (ПО ПАРОХОДН РОСПИСАНІЯМЪ).

На Нижегородскую, Пермскую и Казанско-Саратовско-Цари ско-Астраханскую линіи ежедневно въ 5 часовъ утра.

В. СУХОПУТНЫЯ ПОЧТЫ ВО ВРЕМЯ НАВИГАЦІИ.

На Пермскій трактъ, съ отдѣленіемъ на Вятскій:

По Средамъ и Воскресеніямъ въ 6 часовъ пополудни.

На Вятскій трактъ:

По Пятницамъ въ 8 часовъ пополудни.

Въ Царевококшайскъ:

По Четвергамъ обыкновенныя, а по Воскресеньямъ о конныя въ 10 часовъ вечера.

Въ Услонъ:

По Четвергамъ въ 12 часовъ дня обыкновенныя.

Въ Адмиралтейскую слободу:

Ежедневно въ 5 часовъ утра.

[redacted]

Примѣчаніе: 1) Съ обыкновенными почтами посылаются и получаются всякаго рода корреспонденція, а съ одноконными простая, заказная и газеты.

2) Въ дни отправленія почтъ съ ними можетъ быть послана только корреспонденція, поданная на почту: пакеты, посылки и узлы—за 2 часа, заказная—за $1^1/_2$ часа, а простая за часъ до отхода почты изъ учрежденія.

II. ТЕЛЕГРАФЪ.

Казанская центральная телеграфная контора (Грузинская ул., рядомъ съ Грузинскою церковью) открыта для подачи телеграммъ во всѣ дни, не исключая и праздничныхъ, и во всякое время дня и ночи.

Пріемъ телеграммъ производится, сверхъ того, съ 8 час. утра и до 9 час. вечера, безъ перерыва и не исключая праздничныхъ дней, въ губернской почтовой конторѣ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ города (см. выше). Пріемъ частныхъ телеграммъ допускается также желѣзнодорожнымъ телеграфомъ (при вокзалѣ московско-казанской желѣзной дороги).

Во всѣхъ указанныхъ выше учрежденіяхъ принимаются телеграммы какъ иногородныя, такъ и городскія (за исключеніемъ желѣзнодорожнаго телеграфа, которымъ послѣдніе не принимаются).

ТЕЛЕГРАФНЫЙ ТАРИФЪ:

1) За иногородныя телеграммы взимается: а) 15 коп. подепешной платы съ каждой телеграммы, и б) плата пословная, въ размѣрѣ 5 коп. съ каждаго слова депеши, передаваемой въ предѣлахъ Россіи Европейской или Азіатской, и 10 коп. депеши, переходящей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую или обратно.

2) За городскую телеграмму взимается: а)
депешной платы и б) плата пословная, въ р
пѣйки за каждое слово (так. обр. городская депеша изъ
детъ стоить 20 к., 10 словъ—25 к., 20 словъ—35 к. и т.

Примѣчан Окружающія городъ слободы
р. Волги входятъ въ районъ дѣйствій казанскаг
телеграфа.

III. ТЕЛЕФОНЪ.

Центральная телефонная станція по
зданіи Почтовой Конторы (уголъ Покровской улицы и
площади).

Отдѣленія ея: при Забулачномъ (Московская
ворова), Биржевомъ (Проломная, д. Щетинкина), Адми
(Московская ул., д. № 7) и Устьинскомъ (временномъ на
гаціи) почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

Плата за пользованіе телефономъ на
станціи и въ ея отдѣленіяхъ: за 5 минутъ—25 коп. Стои
мента на телефонъ: за 1 аппаратъ 75 р.; за второй аппар
же проводѣ)—50 р.

Дѣйствіе телефонной сѣти не прерывает
кіе дни и ни въ какіе часы дня и ночи. Телефонные ап
ются въ большей части важнѣйшихъ правительственных
венныхъ учрежденій, въ конторахъ лучшихъ гостиницъ

[redacted]

б) Вызовъ центральной станціи производится нѣсколькими поворотами рукоятки аппаратнаго звонка; по полученіи отвѣтнаго звонка, дѣлается требованіе соединенія съ тѣмъ или другимъ № (по списку абонентовъ, указаніе главнѣйшихъ см. ниже). Затѣмъ продолжительнымъ звонкомъ вызываютъ абонента и, получивъ отвѣтный звонокъ, удостовѣряются въ личности находящагося у телефона и приступаютъ къ переговорамъ. По окончаніи послѣднихъ, сигналъ о разобщеніи дается центральной станціи однимъ короткимъ звонкомъ (одинъ оборотъ рукоятки).

в) Надпись на домѣ: „Телефонъ" означаетъ согласіе живущаго здѣсь абонента на пользованіе его аппаратомъ всѣмъ, кому нужно, для подачи въ полицейскую часть извѣстія о вспыхнувшемъ пожарѣ.

УКАЗАТЕЛЬ НѢКОТОРЫХЪ ТЕЛЕФОННЫХЪ АБОНЕНТОВЪ.

1) Правительственныя и общественныя лица и учрежденія.

Казанскій губернаторъ П. А. Полторацкій и канцелярія губернатора (№ 1).

Преосвященнѣйшій Владиміръ, архіеп. Казанскій и Свіяжскій (городской домъ № 2, загородный домъ № 251).

Врачебный инспекторъ Л. Б. Мандельштамъ (№ 10); городская управа (№ 28); городской голова С. В. Дьяченко (№ 7); губернское правленіе (№ 17); жандармское управленіе (№ 20); завѣдующій 3-мъ судоходнымъ участкомъ С. А. Пестриковъ (№ 41); завѣдующій 4-мъ судоходнымъ участкомъ Н. К. Киселевъ (№ 141); инспекторъ судоходства по рѣкамъ округа Н. В. Марченко (№ 33); контора почтовая (№ 23); контора почтово-телеграфныя: биржевая (№ 24), забулачная (№ 255), адмиралтейская (№ 152) и устинская (№ 179); начальникъ округа пу-

тей сообщенія (№ 37); полицеймейстеръ (№ 12); полицейскія части; первая (№ 12), вторая (№ 252), третья (№ 19), четвертая (№ 14), пятая (№ 253) и шестая (№ 151); полицейское управленіе уѣздное (№ 30); правленіе округа путей сообщенія (№ 26); пороховой заводъ (№ 153); прокуроръ судебной палаты (№ 3, кварт. его № 129); прокуроръ окружнаго суда (№ 6); судъ военно-окружный (№ 147); судъ окружный (№ 4); станція телеграфная центральная (№ 22); станція телефонная центральная (№ 25); управа земская губернская (№ 29); управа земская уѣздная (№ 30); управленіе почтово-телеграфнаго округа (№ 21); управленіе уѣзднаго воинскаго начальника (№ 119); управленіе 59 рез. пѣх. бригадою (№ 128); цензоръ отдѣльный (№ 9); штабъ военнаго округа (№ 46).

2) Учебныя заведенія и больницы.

Бактеріологическая станція ветерин. института (№ 11); больницы: Александровская (№ 33), адмиралтейская (№ 154), земская (№ 34), госпиталь военный (№ 47); земледѣльческое училище и ферма (№ 309); институтъ Родіоновскій (№ 36); клиника университета (№ 91); лечебница окружная душевнобольныхъ (№ 32); родильный домъ Лихачевскій (№ 35); университетское правленіе (№ 27); учительская семинарія (№ 259).

3) Банки, страховыя, пароходныя и иныя агентуры.

Банки: государственнаго отдѣленіе (№ 45), Волжско-Камскій (№ 58), взаимнаго кредита (№ 91), дворянскаго и крестьянскаго отдѣленія (№ 63), купеческій (№ 74); банкирская контора Печенкина и К. (№ 95); контора Россійскаго о—ва транспорт. кладей (№ 275). Конторы пароходныя городскія: Булычева (№ 56), Волжская (№ 294), Дружина (№ 122), Зевеке (№ 146), Кавказъ и Меркурій (№ 279), Курбатова насл. (№ 277), Любимова (№ 230), Самолетъ (№ 103). Страховыя агентуры: взаимнаго город. страхованія (№ 90), Надежда (№ 281), Россія (№ 50), Сѣвернаго общества (№ 51), Якорь (№ 104).

4) Торговыя фирмы и учрежденія.

Алафузовыхъ контора (№ 156); **Александровыхъ контора** (№ 49); **биржа купеческая** (№ 53); **Вараксина контора** (№ 57); **Галліани складъ машинъ** (№ 62); **газоосвѣщенія контора** (№ 71); **Грахе аптека** (№ 61); **желѣзнодорожная станція городская товарная** (№ 269); **Жигулевскій пивоваренный складъ** (№ 143); **Журавлевыхъ контора** (№ 65); **Каменскихъ бр. контора** (№ 67); **конно-желѣзныхъ дорогъ управленіе** (№ 189); **Крестовниковыхъ контора** (№ 276); **ломбардъ столичный** (проломное отд. № 78, рыбнорядское № 94); **Нобель контора** (№ 311); **общества водоснабженія контора** (№ 87); **Петцольдъ и К.** (№ 130); **Рамъ складъ машинъ** (№ 98); **Русская Швейцарія ресторанъ** (№ 80); **Славянскій Базаръ, ресторанъ** (№ 106); **Черноозерскій ресторанъ** (№ 113).

5) Гостинницы и номера.

Банарцева (№ 52), **Волжско-Камская** (№ 59), **Европейская** (№ 64), **Казанское Подворье** (№ 66), **Музурова Рыбнорядская** (№ 83), **Никольскіе номера** (№ 85), **Пассажъ** (№ 73), **Сибирскіе номера** (№ 104), **Франція** (№ 86).

6) Разные.

Волжскаго Вѣстника редакція (№ 99); **клубы: благородное собраніе** (№ 54), **любителей шахматной игры** (№ 89); **лагери военные** (№ 155); **почтъ вольныхъ контора** (№ 70); **скотобойни городскія** (№ 256); **театръ городской** (№ 39); **тюрьмы: губернская** (№ 18), **пересыльная** (№ 19).

7) Пристань волжская.

Дебаркадеры пароходствъ: Волжскаго (№ 167), **Дружина** (№ 169), **Зевеке** (№ 170), **Кавказъ и Меркурій** (№ 171), **Каменскихъ** (№ 172), **Кашина** (№ 173), **Курбатова насл.** (№ 175), **Любимова** (№ 176), **Самолетъ** (№ 180), **Семенова и К.** (№ 186), **Тарышкина** (№ 184), **Якимовыхъ** (№ 182). **Конторы: дистанціи округа путей сообщенія** (№ 168), **почтово-телеграфная и телефонная станція** (№ 179), **члены городской управы по сборамъ** (№ 181).

ВРАЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ

Врачебно-санитарный надзоръ.

Медицинскій инспекторъ—д-ръ медиц., ст. сов. Левъ Бор. **Мандельштамъ** (Косаткина ул., собств. д.).

Помощникъ его—д-ръ медиц. кол. сов. Ив. Ел. **Егоровъ** (Попер. Лядская ул.. д. бывш. Тархова).

Городовые врачи: Леон. Ив. **Борисовъ** (Адмиралтейская Слоб., собств. д.) и Конст. Петр. **Котельниковъ** (Попер. Лядская, собств. д.).

Врачи врачебно-полицейскаго комитета: Петръ Льв. **Веселицкій** (Булакъ, д. Лаврентьева) и Ник. Ник. **Гапченко** (Б. Проломная, мебл. комн. Мальмберга).

Думская санитарная коммиссія (Воскресенская, зд. думы: Предсѣдатель—городской голова С. В. Дьяченко; члены: д-ра Н. М. Львовъ, С. В. Левашевъ, Н. В. Годневъ, врачъ В. А. Свѣшниковъ, гласные Н. Н. Киселевъ, В. Н. Заусайловъ, В. А. Барилевъ, И. М. Леонтьевъ, М. А. Сайдашевъ.

II. Врачи и другой врачебный персоналъ г. Казани.

Безплатные участковые думскіе врачи.

(Введены съ 1892 года).

1) Захарьевскій Ал. Ив, пріемъ въ 8—11 и 5—7 часовъ Попова Гора, д. Стратоновой).

2) Лощиловъ Петръ Алекс., пр. 8—12 и 5—7 (Посадская ул. д. № 12).

3) Питкяненъ Ник. Георг. пр. 8—11 и 5—7 (Вознесенская ул., собств. домъ).

4) Свѣшниковъ Влад. Алек., пр во всяк. время (Адмиралтейская Слобода, собств. домъ).

ПРАКТИКУЮЩІЕ ВРАЧИ Г. КАЗАНИ. *)

I. По внутреннимъ болѣзнямъ.

Аммосовъ Ал. Ник., ордин. клин., (9—10, 5—7), Булакъ д. Захваткина; Арнольдовъ Вл. Ан. (9—10½), Попова Г., д. Плотникова; Бадмеевъ Мих. Вас. (9—10, 4—6), Вторая Гора, д. Лаврентьева; Болондзь Вал. Юр. (9—12, 5—7), Георгіевская, д. Питкянена; Борисовъ Леон. Ив., городской вр., Адмиралтейская слоб., собств. домъ; Бѣляевъ Ник. Ив., ордин. клиники (5—7), Рыбнорядская д. Алексѣева; Бухаловъ Ник. Ал. (во всяк. вр.) Ст. Горшечная, д. Дубровина; Виноградовъ Дм. Ан., ордин. земск. б-цы (4—6), Попова Гора, собств. д.; Виноградовъ Ник. Филос., помощн. прозектора унив. (5—7, бѣдн. безпл.), Красная, д. Русскихъ; Владиміровъ Гур. Пр., Нов. Коммиссар., собств. домъ; Вормсъ Ад. Вильг. лаборантъ унив. (во всяк. вр.), Попер. Грузинская, д. Смирнова; Грачевъ Конст. Аб., ординат. клиники (9—11), Собачій пер., д. Стадлеръ); Годневъ Ив. Вас. прив.-доц. унив. (9—11, 5—6), Лядская, собств. д.; Гуськинъ Петръ Мих., ордин. клиники (8—10, 4—7),

*) Цыфры въ скобкахъ означаютъ пріемные часы г.г. врачей.

Варламовская, д. Өомина; Долговъ Вас. Ник., ордин. земской б-цы (5—7), Попер. Казанская, д. Тимоөеевичъ; Дьяконовъ Конст. Ник. (9—10, 4—6), Гостинодворская, д. Павловскаго; Заболотновъ Пет. Павл. (9—10, 6—7), Рыбнорядская, д. Шатунова; Засѣцкій Никол. Алекс., профессоръ универс. (9—12), Черноозерская, д. Безобразова; Злоказовъ Ив. Петр. (во всяк. вр.), Госпитальная сл., собств. д.; Каземъ-Бекъ Ал. Никол., профессоръ унив. (9—10), Театральная пл, собств. д.; Каргеръ Серг. Ив. (9—10, 5—6), Засыпкина, д. Шмидта; Козакъ Алекс. Ег. (9—10, 2—3), Правая Булака, д. Аристова; Козловъ Ив. Наум., ордин. клиники (5—6), Грузинская д. Өадеева; Константиновскій Мар. Ос., также бол. дѣтскія и оспопрививаніе (4—6), Владимірская, д. Молоткова; Котовщиковъ Никол. Ив., профессоръ унив. ($8^1/_2$—11), Ст. Горшечная, д. Варвар. ц-ви; Кремлевъ Алекс. Алекс. (9—$10^1/_2$), Казанская собств. д.; Кротовъ Мих. Вас. (10—11, 5—7), бѣдн. безпл. Профессорскій пер., собств. д.; Купресовъ Вас. Вас. (9—12, 5—7), Георгіевская, гостинн. Музурова; Левашевъ Сер. Вас., профессоръ унив. (10—11), Попер. Грузинская, собств. д.; Ленцнеръ Эр. Вл. ордин. клиники (8—9, 5—6) Мал. Красная, д. Александрова; Лоскутовъ Пет. Мих. (9—1), Попер. Тихвинская, д. Галикѣева; Лощиловъ Петръ Алекс. (8—12, 5—7), Посадская, д. № 12; Любимовъ Никол. Матв. профессоръ унив. (4—5), Университетская, домъ Лисицына; Мухаметовъ Изм. Мус. (9—5), Сѣнная, номера Апанаевa; Мѣсяцевъ Ив. Георг., ордин. клиники (9—10, 5—7), Рыбнорядская, д. Лисицына; Некрасовъ Ан. Алекс. (во всякое время), Георгіевская, гостинн. Музурова; Николаи Руд. Өеод. (9—10, 4—5). Верх. Өеодоровская, собств. д.; Панормовъ Ал. Алекс., профессоръ унив., Вознесенская, д. Петрова; Петровъ Ст. Вас. ордин. клиники, Покровская, земская б-ца; Питкяненъ Ник. Георг. (8—11, 5—7), Вознесенская, собств. д.; Розенблюмъ Мих. Сам., Воскресенская, гостинн. Франція; Свѣшниковъ Вл. Ал. (во всяк. вр.), Адмиралтейская Слоб., собств. д.; Сухаревъ Ал. Андр., также нервныя бол. (5—7), Попер. Грузинская, д. уѣздн. земства; Троицкій Ив. Ив.

[redacted]

ордин. клиники (съ 11 час.), Университетская, д. Алексѣева; Укдейнъ Вл. Триф.. также женскія бол. (9—11), Верх. Ѳедоровская, д. Воротникова; Урванцовъ Серг. Ник., ордин. клиники (4—6), нов. Горшечная, № 11; Фридландъ Х. Марк. Гостинодворская, Нижегородскіе номера; Чарушинъ Ѳед. Ник. (9—12, 5—7), Лобачевская, собств. д.; Чемодановъ Вл. Ал., Первая Дора, д. Доленго-Грабовскаго; Шешминцевъ Ник. Ст., также дѣтская бол. (во всякое вр.), Нов. Горшечная, д. Кривоносовой.

II. По хирургическимъ болѣзнямъ.

Боголюбовъ Никол. Ив. бывш. професс. унив. (съ 11 час.) (Стар. Горшечная, д. Николаи; Борманъ Вл. Леон., Петропавловскій пер., д. Зарубина; Воскресенскій Вл. Алекс., ордин. клиники (5—7), Проломная, д. Тимофеева; Гебергъ Алекс Генр., прозекторъ унив., Красная, д. Залѣскаго; Забусовъ Ник. Петр. также зубныя бол. (3—5), Щербаковскій пер., д. Музурова; Іорданскій Ив. Феокт. 6—8), Университетаская, д. Каширина; Камковъ Юр. Алекс. Воскресенская, зд. Ксеніинской гимн.; Кандорацкій Мих. Ѳео., прив.-доцентъ универс. и ординат. Александр. б-цы ($8^1/_2$—10), Красная, собств. д.; Кузьминъ Вас. Ив., профессоръ унив. (9—10, 5—6), Коммиссаріотская, д. Черноярова; Линдебергъ Вл. Карл., ордин. клиники (5—6), Покровская, земская б-ца; Новицкій Петръ Ст. прив.-доцентъ унив. и ордин. военн. госпит., Попер. Лядская, собств. д.; Пѐримовъ Вик. Ал., ордин. клиники (4—5), Первая Гора, собств. д.; Разумовскій Вас. Ив., профессоръ унив. (9—10), Красная, д. Садовень; Рождественскій Ив. Ст. помощ. прозект. унив. (до $9^1/_2$ ч. у.), Стар. Горшечная, д. Лаврова; Рустицкій Ос. Алекс., профессоръ унив., Воскресенская, пассажъ; Сафотеровъ Леон. Вас. (9—10, 4—6), Больш. Казанская, зд. фельдш. школы; Тиховъ Пл. Ив., ордин. клиники (съ 9 ч. у.), Покровская, д. Свіяжск. подворья; Циглеръ Дам. Карл., ордин. клиники (9—10), Университетская, д. Кашириной.

III. По акушерству и женскимъ болѣз

Алексѣевъ Ник. Ник., ордин. клиники, так
(5—6), Бол. Казанская, д. Лохтиной; Бурландъ М
стиподворская, д. Бурнаева; Веселицкій Петръ Ль
Булакъ, д. Лаврентьева; Владиміровъ Вл. Вл., о
(9—11, 5—7), въ зд. клиники; Вознесенскій Ал
клиники ($4^1/_2$—$6^1/_2$), Засыпкина, д. Тюфилина; Гря
Алекс. (5—7), Петропавловскій пер., д. Соломина; За
Ал. Ив., прив.-доцентъ унив., (11—12, 4—5), Лядска
ной; Ивановъ Петръ Павл., также дѣтск. и внут
4—6), Лядская, собств. д.; Каземъ-Бекъ Петръ Ни
ники (съ 1 ч. дня), Больш. Красная, д. Буличъ; К
Сем. Ив., Воскресенская, гостинн. Франція; Купидон
ордин. Александровской б—цы, также электротерап. (2
ская, д. Разумова; Львовъ Ив. Мопс., прив.-доцентъ у
земской б—цы (9—10, 4—6), Попер. Горшечная, собст.
пинскій Всев. Алекс. прив.-доцентъ унив. (9—10
Горшечная, д Никитина; Тепловъ Порф. Як., ордин
также дѣтскія бол. ($8^1/_2$—$9^1/_2$, 4—6), Лядская, д. Мельн
кій Вл. Мих., ордин. клиники (8—9, 4—6), Варлаамск
вой; Феноменовъ Никол. Никол., профессоръ унив
Черноозерская, д. Молоствова; Ходаковскій, ордин

IV. По дѣтскимъ болѣзнямъ.

скій Вас. Мих., пр.-доц. унив, (9—10, 5—6), Черноз., д. Хохрякова; Семченко Дм. Григ. (9—10), Коммиссаріатская, д. Федоровой; Толмачевъ Никол. Алекс., профессоръ унив., Грузинская, д. Молоствова.

V. По душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ.

Васяткинъ Вас. Ник., ордин. окружн. л—цы, душ. бол. (4—5), зданіе лечебницы; Воротынскій Брон. Ив., ордин. клиники, нерви. и душ. бол. (6—8), Проломная, гостини. Щетинкина; Даркшевичъ Лив. Ос., профессоръ унив., нерви. бол. (6—7), Лядская, д. Марко; Колотинскій Серг. Діом., ордин. клиники, нерви. и душ. бол., въ зд. окружн. лечебницы; Клячкинъ Гр. Абр., нервн. и душ. бол. (6 ч. веч.), Проломная, Никольскіе номера; Кузнецовъ Васил. Петр., директоръ окружн. лечебницы, душевн. бол. (9—12), зд. окружн. л—цы; Наумовъ Ив. Іон, ордин. окр. л—цы, душевн. бол. (5—6), зд. окружн. л—цы; Нечаевъ Пав. Вас, ордин. окр. л—цы, душевн. бол. (11—1), зд. окружн. л—цы; Поповъ Ник. Мих., профессоръ унив., нервн. и душевн. бол. (въ 6 ч. веч.), Грузинская, д. Манассеина; Сергѣевъ Леон. Аг., нервн. и душевн. бол, Рябнорядская, д. Свѣшникова; Скуридинъ Пав. Сем, ордин. окр. л—цы, душевн. бол. (11—12), зд. окружн. л—цы; Смѣловъ Ник. Як., орд. окр. л—цы, душевн. бол. (11—12), зд. окружн. л—цы; Тихоновъ Серг. Ив., ордин. клиники, нервн. бол., Коммиссаріатская, д. Владимировой.

VI. По кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ.

Вортновскій Вил. Викт., ордин. клиники ($8^1/_2$—10, 5—6), Проломная, гостини. Щетинкина; Бургсдорфъ Вл. Ѳед., ордин. клиники (9—10, 5—6), Театральная, д. Крестовникова; Гапченко Ник. Ник. (9—10, 5—7), Проломная, номера Мальмбергъ; Ге Алекс. Генр., профессоръ унив. (9—$10^1/_2$, ежедн., кр. воскр.), Грузинская, собствен. д.; Демперовъ Ив. Евгр., ордин. земской б—цы (9—10,

5—7), Воскрес., д. Болдырева; Дедюринъ Ив. Павл., ордин. кл
Черноов., гостини. Банарцева; Казанскій Мих. Вас. (9—11, 6
Мал. Проломная, д. Хохрякова; Козловъ Вас. Ник. (9—11, 6
Мал. Проломоая, д. Аоанасьева; Лаптевъ Лук. Вас., ордин. клин
(4—5), Булакъ, д. Грачевой; Малѣевъ Вас. Павл., Николаевская
мебл. комн. въ д. Юшкова; Протопоповъ Серг. Алекс., ор
земской б—цы (5—6), Покровская, д. Александрова; Шмидтъ
Ив., ордин. клиники (9—10, 6—7), Лядская, д. Костливцева.

VII. По глазнымъ болѣзнямъ.

Адамюкъ Емельянъ Валент., професс. унив. (10—12), По
Грузинская, собств. д.; Егоровъ Ив. Елис., прив.-доцентъ унив
(9—12), Попер. Лядская, д. бывш. Тархова; Мергель Венц. I
ордин. клин., (8—10, 6—7), Грузинская, д. Емельянова; Можа
Георг. Иван., ордин. клин., (9—10), Воскресенская, Волжско-Кам
гостини.; Наумовъ Мих. Пав. Красная, д. Бекетова; Сергѣ
Мих. Порф., прив.-доц. унив., Грузинская, д. Апехтина; Хохряк
Андр. Андр., Лобачевская, собств. д. (въ отъѣздѣ); Шарбе Эгинг.
(8—10), Первая Гора, собств. д.; Элинсонъ Абр. Аар., орд. клин.
10, 5—7), Косаткина, д. Андреева.

VIII. По горловымъ болѣзнямъ.

Болдыревъ Матв. Фрол., профессоръ унив. (10—11), Вос
сенская, собств. д.; Каземъ-Бекъ Ал. Ник., профес. унив. (9—
Театр. площ., собств. д; Левашовъ Сер. Вас., профессоръ у
(10—11), Попер. Грузинская, собств. д.

IX. По ушнымъ болѣзнямъ.

Высоцкій Никол. Феод., профессоръ унив. (9—11), Лядс
Панаева.

[redacted]

X. По зубнымъ болѣзнямъ.

Домбровскій Брон. Людв. (10—4), Покровская, д. Бентхенъ; бусовъ Ник. Петр. (3—5), Щербаковскій пер., д. Музурова.

XI. По спеціальности массажа.

Островскій Ос. Льв., также внутренн. бол. ($8\frac{1}{2}$—10, 4—6), тропавловская, д. Зарубина.

Военныхъ врачей, списка которыхъ мы не приводимъ, Казани числится до 36 человѣкъ.

Дантисты.

(Зубоврачебные кабинеты).

Быховская Зин. Сам. (Воскресенская, д. Соколова).
Герберъ Соф. Матв. (Воскресенская, д. Челышева).
Домбровскій Брон. Людв. (Покровская, д. Бентхенъ).
Забусовъ Ник. Петр. (Щербаковскій пер., д. Музурова).
Цейнеръ Готл. Андр. (Воскресенская, д. Войлошникова).
Цыпкина Евф. Лаз. (Лобачевская, д. Чарушина).

Акушерки г. Казани.

Аверьянова, Ел. Як. (акушерка-фельшерица), Н. Горшеч., зд. ександ. больн.; Андреевская, Алекс. Христ. Булакъ, д. Ульова; Бакиновская, Ольг. Пет., Ст. Горш., д. Пзноскова; Бучаина, Елиз. Алекс., М. Казан., д. Тимофеевичъ; Бѣляева, М. Н., знесенск., д. Марусовой; Васильева, Мар. Пав., Варлаамовская,

№ 2; Веселова, Пр. Фед., Рыбнор., д, Александрова; Г
нова, Елиз. Ник, Попова г., Купидонова; Дмитріева, Кл
Н. Лядск., д. земства; Добролюбова, Гостинодв., №№ Херсо
Добронравова, Ольг. В., Посад., д. Галкина; Добротвор
Соф. Ив., Н. Горшеч., д. Чарушина; Доброхотова, Пол. Ал
крѣпос., тюр. больн; Дорофѣева, Пел. Ѳед., Казан., д. Ил
Зеновичъ, Ел. Карл. Ямская, д. Пичугина; Золотни
Мар. Иван., Булакъ, д. Шестакова; Иванова, Мар. Степ., По
д. Рачинина; Искакина, Рев. Бер., Мал. Пролом., д. Афан
Кацъ, Фани Львов., Булакъ, д. Лаврентьева; Кондратьев
Пав., Георг., д. Брызгалова; Кочурова, Над. Ив., Попова Г., д
невскаго; Корсакова, Варв. Никит., Б. Мѣщанс., д Мошк
Ладыгина, Адмир. сл., Москов., д. Посова; Лапина, М. А.,
д. Григорьева; Линдебергъ, Юл. Ив (акуш.-фельдшерица)
ровская, зд. земской б—цы; Ливатова, Елиз. Матв., Кошач
д. Матвѣева; Малова, Над. Пет., Н Федоров., д. Печенкина; М
лина, Пав. Тит., В. Федор, д. Бергманъ; Осипова, Ага
Лядск., д. Беренсъ; Перлина, Ел. Вл., Вознес, д. Питкянина;
рова, Юл. Ив., Поп. Горш., д. Бушкова; Плеткина Мел. В
Засыпк., д. Сергѣева; Полумордвинова, Алекс Конст., (
фельдшер.), Нов. Горш., д. Флинштейнъ: Попова, Н. Мих, Л
скій пер., № 76; Рапидова, Ант. Ив., Лихач. пер., д. № 76;
кова, Авд. Ив., Н. Федор., д. № 46; Сегель, Пол. Арт., Ун
д. Смоленцева; Сергѣева, Засып., д. Сергѣева; Скибицка
Вик., 3 гора, д. № 43; Споріусъ, М. Эдуард., Лихач. пер., д
Суворцева, М. Ильин., Поп. Тихвин., д. Клюева; Толма
Ек. Алекс., Универс., зд. клиники; Челнокова, Алекс. Гр
Федор., д. № 96; Чемоданова, Анаст. Геор., Перв. гора, д
Шмаринова, Глаф. Алекс., Ст. Горш., д. Марусова; Шумн
Соф. Христ, Пролом, д. Петцольдъ; Флерова, Т. В., Лядская
Годнева; Яковлева, Адмир. сл, Кузнец., соб. д.

[redacted]

Акушерки-массажистки.

Добротворская Сост. Ив., Нов. Горшечная, д. Чарушина олотницкая Мар. Ив., Булакъ, д. Шестакова; Линдебергъ; куш.-фельдш), Покровская, земская б—ца; Перлина Ел. Вл., Воз-сенская, д. Питканенъ; Полумордвинова Алекс. Конст. (акуш.-льдшарица), Нов. Горшечная, д. Флинштейнъ; Шумилова Соф. ост., Проломная, д. Петцольдъ.

Примѣч. Мы воздерживаемся отъ приведенія списка фельдшеровъ и фельдшерицъ г. Казани, такъ какъ безъ назначенія и рекомендаціи врача къ помощи ихъ прибѣгать не можетъ быть рекомендовано.

Для ухода за больными отпускаются сестры милосердія мѣстной общины вѣдомства Краснаго Креста. Обращаться въ помѣщеніе общины (при военномъ госпиталѣ, на Арскомъ Полѣ).

БОЛЬНИЦЫ, ЛЕЧЕБНИЦЫ И АПТЕКИ Г. КАЗАНИ.

Клиники

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

а) Факультетская клиника.

(Университетская ул., близь Николаевской площади).

За помѣщеніе больныхъ въ клинику университета взимается слѣдующая плата: въ общихъ палатахъ—7 р., въ отдѣльной палатѣ—15 р. въ мѣсяцъ. Предоставленіе больному отдѣльной палаты для клиники не обязательно. По усмотрѣнію профессора клиники—больные могутъ быть принимаемы и безплатно.

Терапевтическое отдѣленіе: профессоръ Серг. Вас. Левашовъ.

Ординаторы: Никол. Ив. Бѣляевъ, Ив. Ив. Троицкій, Ив. Ег. Мѣсяцевъ, Ал. Ник. Аммосовъ.

Кроватей—25, въ томъ числѣ 18 безплатныхъ.

Пріемъ больныхъ профессоромъ по понедѣльникамъ отъ 12 до 3 час. и по пятницамъ отъ 11 до 2 часовъ.

Хирургическое отдѣленіе: профессоръ Вас. Ив. **Кузьминъ.**

Ординаторы: Владисл. Карл. Циглеръ, Вл. Алекс. Воскресенскій, Вик. Ал. Перимовъ.

Кроватей—18.

Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 10 до 12 часовъ.

Офталмологическое (глазныхъ болѣзней) отдѣленіе: профессоръ Емел. Вал. **Адамюкъ.**

Ординаторы: Вен. Коп. Мергель, Георг. Ив. Можаевъ, Абр. Аар. Элинсонъ.

Кроватей—7 мужскихъ и 8 женскихъ.

Пріемъ больныхъ два раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 12 до 2 часовъ.

Акушерско-гинекологическое отдѣленіе: профессоръ Никол. Никол. **Феноменовъ.**

Ординаторы: Влад. Влад. Владиміровъ, Петръ Ник. Каземъ-Бекъ, Алекс. Павл. Вознесенскій, Ник. Ник. Алексѣевъ, Густ. Леон. Ходаковскій, Алек. Ал. Грязновъ, Мих. Берн. Бурляндъ. Акушерка Е. А. Толмачева. Фельдшерицы: Ю. И. Линдебергъ и М. А. Фирковичъ.

Кроватей—25, въ томъ числѣ 15 гинекологическихъ и 10 акушерскихъ.

Пріемъ больныхъ ежедневно съ 9 до 12 часовъ.

Клиника кожныхъ и венерическихъ болѣзней: профессоръ Алекс. Генр. **Ге.**

Ординаторы: Влад. Ѳеод. Бургсдорфъ, Ив. Павл. Дедюринъ. Лука Вас. Лаптевъ.

Кроватей—отъ 8 до 9.

Пріемъ больныхъ ежедневно съ 11 часовъ (ординаторами).

Пріемъ больныхъ профессоромъ по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 12 часовъ.

Клиника дѣтскихъ болѣзней: профессоръ кн. Петръ Мих. **Аргутинскій-Долгоруковъ.**

Ординаторъ Ив. Алек. Климовъ.
Кроватей—отъ 3 до 5.
Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 9 до 11 часовъ.

Клиника нервныхъ болѣзней: професс. Ливер. Осип. Даршкевичъ.

Ординаторъ Сер. Ив. Тихоновъ.
Кроватей—отъ 5 до 6.
Пріемъ больныхъ ежедневно съ 10 часовъ.

б) Госпитальная клиника.

(Покровская ул., зданіе земской больницы).

Терапевтическое отдѣленіе: профессоръ Ник. Иван. Котовщиковъ.

Ординаторы: Ив. Наум. Козловъ, Степ. Вас. Петровъ, Серг. Ник. Урванцовъ.

Пріемъ больныхъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 11 до 12 часовъ.

Хирургическое отдѣленіе: профес Вас. Ив. Разумовскій.
Ординаторы: Влад. Карл. Линдебергъ, Плат. Ив. Тиховъ.
Пріемъ больныхъ ежедневно отъ 10 до 11 часовъ.

в) Клиническія отдѣленія при различныхъ учрежденіяхъ.

Клиническое терапевтическое отдѣленіе при военномъ госпиталѣ (Арское Поле, зд. госпиталя): профессоръ Ник. Алекс. Засѣцкій. Ординаторъ Эр. Влад. Ленцнеръ.

Отдѣленіе по кафедрѣ врачебной діагностики при Александровской больницѣ (Ново-Горшечная, зд. больницы): про-

:оръ Алексѣй Никол. Каземъ-Бекъ. Ординаторъ Конст. Аор.
чевъ.

Психіатрическое отдѣленіе при окружной лечебницѣ
іевнобольныхъ (за Арскимъ Полемъ, зд. лечебницы): профессоръ
:. Мих, Поповъ. Ординаторы: Серг. Діом. Колотинскій и Брон.
Воротынскій.

Окружная лечебница душевнобольныхъ.

(За Арскимъ Полемъ, по Сибирскому тракту).

Директоръ—Васил. Петр. Кузнецовъ.

Ординаторы: Ив. Іон. Наумовъ, Вас. Ник. Васяткинъ, Пав. Сем.
ридинъ, Пав. Вас. Нечаевъ, Ник. Як. Смѣловъ.

Кроватей—450. Въ лечебницѣ 4 отдѣленія больныхъ: а) Спокой-
:ъ, б) Безнокойныхъ, в) Трудныхъ и г) Буйныхъ.

Больные принимаются въ лечебницу по двумъ классамъ:

По первому классу принимаются больные интеллигент-
:ъ классовъ. Несостоятельные больные (съ острыми формами) при-
іаются изъ губерніи Казанской, а въ случаѣ наличности вакан-
и изъ губерній сосѣднихъ съ нею, съ платою по 13 руб. 26 коп.
мѣсяцъ. Состоятельные больные принимаются только пансіонерами,
платою отъ 23 р. 26 к. до 113 р. 26 к. въ мѣсяцъ.

По второму классу больные принимаются съ платою по
. 64 к. въ мѣсяцъ; изъ нихъ страдающіе хроническими формами
истеченіи перваго года оставляются въ лечебницѣ съ платою по
р. въ мѣсяцъ.

При пріемѣ въ лечебницу обязательно представленіе медицин-
го свидѣтельства о болѣзни и, въ случаѣ надобности, свидѣтель-
а о несостоятельности.

Военный госпиталь.

(Арское Поле, собственное зданіе).

Начальникъ—полк. Пл. Андр. Петровъ. Главный врачъ—Вас. Сем. Бронниковъ.

Штатные ординаторы: старшіе—Мих. Алекс. Кругловскій и Пет. Стан. Новицкій; младшіе—Мит. Як. Елькинъ, Ник. Мих. Прибыловскій, Ник. Вас. Соколовскій.

Больница губернскаго земства.

(Покровская ул., зд. земства).

Старшій врачъ—профессоръ Матв. Фрол. Болдыревъ. Ординаторы: Дм. Андр. Виноградовъ, Ив. Евгр. Дамперовъ, Ив. Моис. Львовъ, Серг. Алекс. Протопоповъ, Вас. Ник. Долговъ, Порф. Як. Тепловъ, Бр. И. Воротынскій.

АМБУЛЯТОРІЯ БОЛЬНИЦЫ.

Приходящіе больные принимаются:

а) *Въ пріемномъ покоѣ.*

Понедѣльникъ Среда Пятница	11—12 час.	По внутреннимъ болѣзнямъ.	Проф. д-ръ Н. И. Котовщиковъ и ординат. терапевтич. клиники.
Вторникъ Четвергъ Суббота Воскресенье	10—11 час.	Тоже	Ординаторы больницы: Д. А. Виноградовъ, В. Н. Долговъ и Б. И. Воротынскій.
Понедѣльникъ Среда Пятница	12—1 час.	Горловыя и ушныя болѣзни.	Проф. д-ръ М. Ф. Болдыревъ.

[redacted]

Ежедневно: 10—12 час., по женскимъ болѣзнямъ—ординаторы б—цы: пр.-доцентъ И. М. Львовъ и П. Я. Тепловъ.

Понедѣльникъ Среда Пятница Воскресенье	Въ часы пріема по женскимъ болѣзн. (см. выше).	По дѣтскимъ болѣзнямъ.	Тѣ же ординаторы.
Вторникъ Четвергъ Суббота	10—12 час.	По дѣтскимъ болѣзнямъ.	Ординаторъ б—цы пр.-доцентъ В. М. Рожанскій.

б) *Въ хирургическомъ отдѣленіи.*

(Въ верхнемъ этажѣ).

Ежедневно: отъ 10 до 11 час., по хирургическимъ болѣзнямъ—профес. д-ръ В. И. Разумовскій и ординаторы хирургической клиники.

в) *Въ сифилитическомъ мужскомъ отдѣленіи.*

Ежедневно: отъ 10 до 12 час., по венерическимъ болѣзнямъ—ординаторъ И. Е. Дамперовъ.

г) *Въ сифилитическомъ женскомъ отдѣленіи (на дворѣ, во флигелѣ).*

Ежедневно: отъ 10 до 12 час., по венерическимъ болѣзнямъ—ординаторъ С. А. Протопоповъ.

Примѣч. Въ экстренныхъ и не терпящихъ отлагательствъ случаяхъ больные получаютъ помощь во всякое время черезъ дежурнаго врача больницы.

Александровская больница.

(Ново-Горшечная ул., собствен. зданіе).

Попечители — професс. Ник. Ив. Котовщиковъ. Як. Фил. Щамовъ и Алекс. Павл. Гордѣевъ.

Ординаторы: Мих. Ѳеод. Кондоратскій, Конст. Абр. Грачевъ, [
Гавр. Купидоновъ.

Кроватей—до 90. Два отдѣленія: терапевтическое и хирур
ческое.

Безплатно принимаются въ больницу: ремесленники, черно
бочіе, мѣщане, пожарные и призрѣваемые городскихъ богадѣле
Остальные больные съ платою по 8 р. въ мѣсяцъ (съ разрѣше
г. городскаго головы могутъ быть принимаемы и безплатно).

Пріемъ приходящихъ больныхъ (безплатно) ежедневно, не
ключая и праздниковъ, съ 10 часовъ.

Адмиралтейская городская больница.

(Въ Адмиралтейской слободѣ).

Попечитель—Конст. Павл. Прибытковъ. Врачи: Леон.
Борисовъ и Влад. Алекс. Свѣшниковъ.

Пріемъ больныхъ съ 8 часовъ утра.

Забулачная городская больница.

(Посадская ул., городской домъ).

Устроивается на средства, пожертвованныя О. С. Гейнсъ.
открыта.

Пріемный покой уѣзднаго земства.

(Попер. Лядская, д. уѣздн. земства).

Завѣдующій—вр. Ал. Андр. Сухаревъ. Пріемъ ежедневно:
9 до 12 час. дня (въ покоѣ) и съ 6 до 7 час. вечера (въ кварт
врача).

Александровская лечебница для приходящихъ.

(Правая Черноозерская, д. городскаго общества).

Предсѣдатель совѣта—Руд. Ѳеод. Николаи; секретарь—Ив. Вас. Годневъ. Консультанты: проф. П. А. Засѣцкій, Р. Ѳ. Николаи, проф. А. П. Каземъ-Бекъ, проф. А. А. Панормовъ, И. В. Годневъ, А. Е. Козакъ, Э. В. Ленцнеръ, М. О. Константиновскій, Л. Б. Мандельштамъ· Д. Г. Семченко, А. Н. Захарьевскій, проф. Н. А. Толмачевъ, И. Е. Егоровъ, П. Л. Веселицкій, М. В. Казанскій.

РОСПИСАНІЕ ДНЕЙ И ЧАСОВЪ ПРІЕМА БОЛЬНЫХЪ.

Дни.	Часы.	ДОКТОРА.	Болѣзни.
Понедѣльн.	9—11	Семченко Д. Г.	По дѣтскимъ.
	11—1	Козакъ А. Е.	,, внутреннимъ.
	1—2	Засѣцкій Н. А. Ленцнеръ Э. В.	По внутреннимъ.
Вторникъ.	10—12	Мандельштамъ Л. Б. Константиновск. М. О.	По дѣтскимъ.
	12—1	Годневъ И. В.	По внутреннимъ.
	1—2	Егоровъ И. Е.	,, глазнымъ.
	1—2	Николаи Р. Ѳ.	,, внутреннимъ.
Среда.	9—11	Засѣцкій П. А. Ленцнеръ Э. В.	По внутреннимъ.
	11—1	Казанскій Л. В.	По сыпн. и венерич.
	1—2	Захарьевскій А. Н.	,, женск. болѣзн.
	12—1	Толмачевъ Н. А.	,, дѣтскимъ.

Дни.	Часы.	ДОКТОРА.	Болѣзн
Четвергъ.	10—11	Семченко Д. Г.	По дѣтскимъ.
	11—12	Козакъ А. Е.	„ внутренни
	10—11	Веселицкій П. Л.	„ женскимъ.
	12—2	Каземъ-Бекъ А. Н.	„ внутренни
Пятница.	10—12	Константиновскій М. О.	По дѣтск. и в
	1—2	Николаи Р. Ѳ.	„ внутренни
	1—2	Егоровъ И. Е.	„ глазнымъ.
	12—1	Толмачевъ Н. А.	„ дѣтскимъ.
Суббота.	10—11	Мандельштамъ Л. Б. / Константиновск. М. О.	По дѣтским
	11—12	Панормовъ А. А.	По внутренни
	12—2	Годневъ И. В.	„ внутренни
	$12^1/_2$—$1^1/_2$	Захарьевскій А. Н.	„ дѣтскимъ.

Лихачевскій родильный пріютъ.

(Лихачевскій пер., д. № 76).

Завѣдующій—Ив. Моис. Львовъ. Акушерки: Ант. Ив.
дова, Мар. Эрп. Спорiусъ и Нина Мих. Попова.

13 кроватей акушерскихъ и 4 гинекологическихъ (съ прои
ствомъ большихъ операцій).

Пріемъ (безплатный) во всякое время дня и ночи. Амбул
наго (для приходящихъ больныхъ) пріема нѣтъ.

ечебница женскихъ болѣзней съ родильнымъ пріютомъ (частная).

(Лѣвая Набережная Булака, д. Лаврентьева).

Завѣдующій—д-ръ Петръ Льв. Веселицкій. Акушерка при ечебницѣ: Ф. Л. Кацъ. Пріемъ во всякое время. Плата по соглашеію съ заведеніемъ.

Оспопрививательный институтъ губернскаго земства.

(Больш. Казанская, домъ земства).

Завѣдующій—вр. Мар. Ос. Константиновскій. Пріемъ ежедневно 11 до 1 часа дня.

АПТЕКИ.

ровизора Беннига, Покровская, д. Даниловa.
аг. фар. Грахе, Мал. Проломная, соб. д.
ровизора Герниха, Воскресенская, д. Сапожникова.
„ Герштейна, Булакъ, д. Шестакова.
„ Гордона, Попер. Лядская, д. Данилова.
„ Девріена (Университетская), Лядская, д. Годнева.
„ Залькинда, Адмиралтейская Слоб., д. Краушъ.
„ Залькинда, Устьинская пристань (временная, на вр навигаціи).
„ Ковалевскаго, Сѣнная пл., д. Усманова.
аг. фар. Леннигъ, Б. Проломная, д. Бреннинга.
„ Шацкаго, Б. Проломная, д. Тарасова-Родіонова.

Примѣч. Аптекарскіе магазины см. выше, стр. 651.

IV.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ ВРАЧИ И УЧРЕЖДЕНІЯ ГОРОДА.

а) ВЕТЕРИНАРНЫЕ ВРАЧИ.

Аристовъ, Пав. Ник., зем. ветер (Н. Горш., д. Воронков Беккаревичъ, Кс. Гер., воен. вет. (Вознес., д. Журавлева); Блю бергъ, Кон. Густ., маг. вет. н. (Театр., д. Крестовникова); Бѣлов Пет. Альб., (1 гора, с. д.); Бѣловъ, Ал. Альб., (1 гора, соб д.); Ве нинъ, Закх. Дм., (Собач. пер., д. Стадлеръ); Гольцманъ, Ка Матв., маг. вет. н. (Академ. сл., с. д.); Гумилевскій, Гр. Ос., ма вет. н. (Булакъ, д. Барабановой); Ивановъ, Вл. Як. (вет. инст.); Кал нингъ, Кар. Ив., (Красн., д. Никольскаго); Караскевичъ, Ана Пл., (землед. ферма); Киселевъ, Ник. Ник., (Булакъ, соб. д.); К рилловъ, Григ. Пет., маг. вет. н. (Петропавл. пер., №№ Соболев Кирилловъ, Серг. Як. (вет. инст.); Колосовъ, Мих. Пет., (П тени, гор. скотоб.); Ланге, Ив. Ник. маг. вет. н. (Красн., д. Никол скаго); Логиновъ, Викт. Ив., (Б. Красн. д. Логиновой); Мамадыш скій, Серг. Пет., (Арск. п., зд. инст.); Минейко, Алекс. Герар., (Г спит. сл., д. Клячиной); Нешумовъ, Ос. Прок., ст. губ. ветер. (Рыбнор., д. Александрова); Паленинъ, Ал. Пет., (Нагорн., соб. Поповъ, Ив. Павл., (Поп. Лядская, д. Бердникова); Попридухин Алекс. Павл., (Поп. Казан., д. Горталова); Пѣтуховъ, Серг. Вла (В. Федор., д. Пѣтуховой); Степановъ, Ник. Дм., (Грузинск, д. Ще бакова); Третьяковъ Леон. Апол., маг. вет. н., (Б. Казанск., Лохтиной); Черногоровъ, Алекс. Ал., (Акад. сл., д. Дерстугановс Юрьевъ, Мих. Поліон., (Вознесен., д. Иконникова).

[redacted]

б) ВЕТЕРИНАРНЫЯ ЛЕЧЕБНИЦЫ.

КЛИНИКА КАЗАНСКАГО ВЕТЕРИНАРНАГО ИНСТИТУТА.

(Арское Поле, противъ Куртинскаго кладбища).

Въ клиникѣ 3 отдѣленія: а) заразное, б) терапевтическое и в) хирургическое.

Плата за содержаніе въ клиникѣ стаціонарныхъ больныхъ животныхъ: за крупное животное—35 к., за мелкое животное—15 к. въ сутки.

Пріемъ приводимыхъ (амбулаторныхъ) животныхъ безплатный, въ нелекціонное время (до 1 сентября) ежедневно отъ 9 до 12 часовъ; въ лекціонное время (съ 1 сентября) во всякое время дня и ночи.

ЗЕМСКАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ БОЛЬНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

(Собачій переул., д. Кочетова).

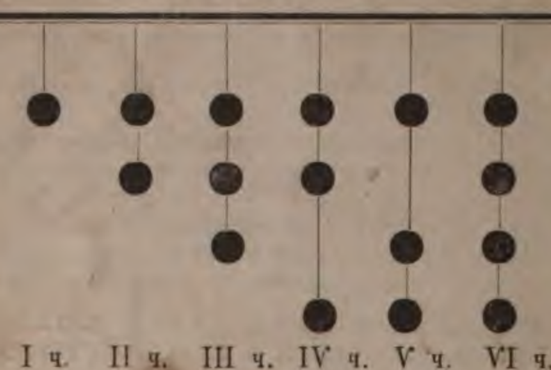
Врачъ—Пав. Ник. Аристовъ (Ново-Горшечная, д. Воронкова).
Фельдшеръ—Пырковъ (кв. при лечебницѣ).

ЧАСТНАЯ ВЕТЕРИНАРНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА И ОБРАЗЦОВАЯ КУЗНИЦА ДЛЯ КОВКИ ЛОШАДЕЙ УЧЕНАГО КУЗНЕЦА КАЛЬНИНГА.

(Грузинская ул. прот. ветеринарнаго института, д. городского общества).

V. ПОЖАРНЫЕ И ДРУГІЕ СИГНАЛЫ,

поднимаемые на полицейскихъ каланчахъ г. Казани.



Красный флагъ, или зеленый фонарь съ шарами—означаетъ требованіе резервовъ.

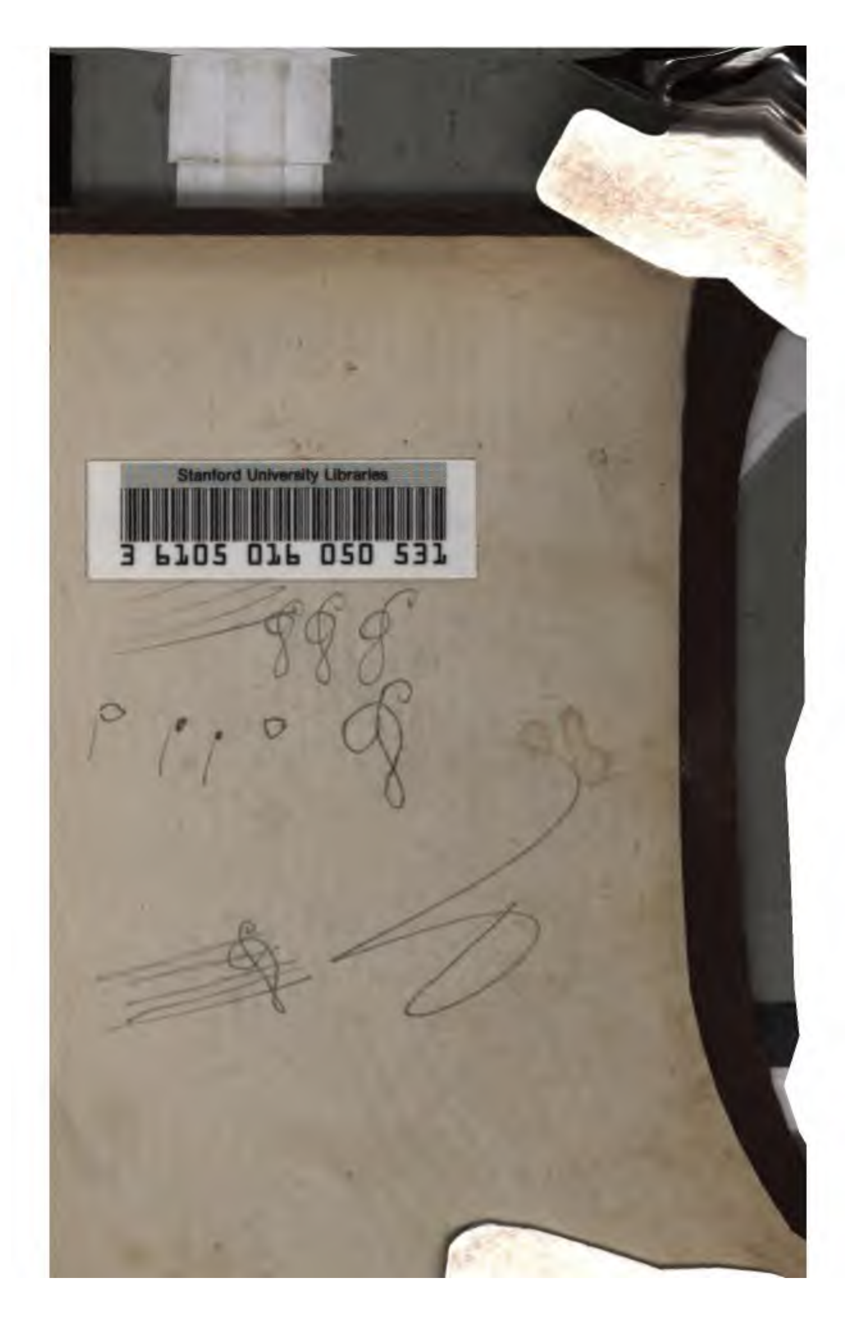
Бѣлый съ красными полосами флагъ или зеленый фонарь—заготовка во всѣхъ частяхъ $1/2$ обоза для резервовъ.

Красный фонарь увѣдомляетъ объ освѣщеніи улицъ.

Голубой флагъ означаетъ до 25° мороза: воспитанники младшихъ классовъ учебныхъ заведеній освобождаются отъ занятій.

Голубой съ желтымъ флагъ означаетъ свыше 25° мороза: воспитанники всѣхъ классовъ учебныхъ заведеній освобождаются отъ занятій.

Флагъ, поднятый на каланчѣ въ лѣтнее вѣтреное время, означаетъ собою требованіе для пожарныхъ частей быть готовыми къ немедленному выѣзду въ случаѣ пожара.


Stanford University Libraries
3 6105 016 050 531